

МАХАБХАРАТА

КНИГА ШЕСТАЯ

КНИГА О БХИШМЕ

Перевод и издание подготовил В.Г. ЭРМАН

Ответственный редактор С. Л. Невелева

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда Проект № 07-04-16213d

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика

Бхишмапарва Перевод В.Г. Эрмана

Протяжение материка Джамбу (гл. 1—11)

Земля (гл. 12—13)

Песнь Господа (гл. 14—40)

Убиение Бхишмы (гл. 41—117)

Приложения 69

В.Г. Эрман. Книга о Бхишме как сюжетное ядро «Махабхараты»

С.Д. Серебряный. Многозначные откровения «Бхагавад-гиты»

Комментарии. Составил ВТ. Эрман

Литература

Словарь этических и мифологических имен

Словарь географических и этнических названий

श्री महाभारत

भीष्मपर्व

Общее про «Книгу о Бхишме»

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

Бхишмапарва (санскр. भीष्मपर्व, «Книга о Бхишме») — шестая книга «Махабхараты», состоит из 5,4 тыс. двустуший (117 глав по критическому изданию в Пуне). В «Бхишмапарве» рассказывается о первых десяти (из восемнадцати) днях **битвы на Курукшетре** между войсками **Пандавов** и **Кауравов**, завершившихся убийством верховного военачальника Кауравов — **Бхишмы**. «Бхишмапарва» включает в себя один из наиболее почитаемых священных текстов индуизма — религиозно-философскую поэму «**Бхагавад-гита**» «Бхагавад-гита» в составе огромного эпического свода — Махабхараты, — занимает 25—42 (23—40 крит. изд.) главы Книги о Бхишме — 6-й из 18 книг, составляющих эпос.

Сюжет

Протяжение материка Джамбу

Вайшампаяна рассказывает **Джанамеджае** о начале **битвы на Курукшетре**. Явившись на **Курукшетру**, войско **Пандавов** располагается в западной части поля, обратившись лицом на восток. Перед битвой противоборствующие стороны устанавливают правила для сражающихся в соответствии с древнеиндийским воинским кодексом чести. При наступлении вечерних сумерек **Вьяса** предлагает **Дхритараштру** даровать зрение, чтобы тот следил за битвой. Дхритараштра отказывается от предложенного дара, поскольку не хочет видеть убийство родственников. Вместо этого он хочет слышать о битве. Вьяса дарует чудесное зрение **Санджае** и поручает ему вести рассказ о сражении. Далее Вьяса сообщает Дхритараштре о множестве наблюдаемых грозных знамений и призывает его удержать **Кауравов** от битвы. Дхритараштра жалуется на то, что они не подчиняются ему. По просьбе царя Кауравов Вьяса рассказывает о приметах, предвещающих победу, и удаляется. Затем Санджая рассказывает Дхритараштре о странах и городах, откуда на Курукшетру пришли многочисленные войска.

Земля

Санджая продолжает рассказ об устройстве Земли и дополняет его древнеиндийскими космологическими представлениями о небесных светилах.

Песнь Господа

Основная статья: **Бхагавад-гита**

Санджая, вернувшись с битвы, сообщает **Дхритараштру** о том, что **Бхишма** убит **Шикхандином** и возлежит на ложе из стрел. Одолеваемый великой скорбью Дхритараштра вопрошает Санджаю, как и при каких обстоятельствах был убит Бхишма. Санджая, утешая владыку **Кауравов**, говорит, что случившееся было предопределено уже давно. Затем он начинает рассказ о том, что увидел силою **йоги**. **Дурьодхана** перед началом битвы распоряжается тщательно оберегать Бхишму и постараться убить Шикхандина. **Юдхиштхира** в унынии проявляет неуверенность перед превосходящими силами противника и выражает сомнение в победе в разговоре с Арджуной. **Арджуна** поднимает боевой дух брата и убеждает его в неизбежности победы, поскольку на их стороне **Кришна**. Ободренный Юдхиштхира воодушевляет своё войско. Кришна тем временем советует Арджуне сразиться с Бхишмой, предварительно истребив его защитников. Затем Кришна в качестве возницы по просьбе Арджуны устанавливает его **колесницу** между двух войск. Увидев множество своих родственников в рядах вражеского войска, Арджуна испытывает к ним жалость и отказывается вступать в битву. Кришна в длительной религиозно-философской беседе с применением изощрённой демагогии и искусных суггестивных технологий разъясняет подлинный смысл предстоящей битвы, а также необходимость участия в ней Арджуны. Арджуна отбрасывает сомнения и обретает решимость сражаться.

Убиение Бхишмы

Кришна, Арджуна на Курукшетре, картина 18-19 века

Юдхиштхира снимает с себя доспехи, откладывает оружие и, сложив ладони, пешком направляется к вражеской рати. За ним следуют **Арджуна**, **Кришна** и остальные цари. Воины **Кауравов** воспринимают поведение Юдхиштхиры как проявление трусости. Юдхиштхира, приблизившись к **Бхишме**, просит у него прощения за намерение сражаться с ним и благословения на битву. Бхишма выражает удовлетворение поступком царя **Пандавов**, желает ему победы в бою и предлагает выбрать дар. Юдхиштхира в качестве дара выбирает совет Бхишмы о том, как его победить. Бхишма отвечает, что среди Пандавов для него нет достойного противника, а потому одолеть его нельзя.

Юдхиштхира в сопровождении братьев направляется к **Дроне** и просит у него очищения от греха и победы над врагами. Дрона выражает удовлетворение поступком царя Пандавов, желает ему победы в бою и предлагает выбрать дар. Юдхиштхира в качестве дара выбирает совет Дроны о том, как его победить. Дрона отвечает, что среди Пандавов для него нет достойного противника, а потому одолеть его нельзя, но он опустит оружие, если услышит огорчительную весть из уст человека, достойного доверия.

Юдхиштхира в сопровождении братьев направляется к **Крипе** и просит у него очищения от греха и победы над врагами. Крипа выражает удовлетворение поступком царя Пандавов, желает ему победы в бою и предлагает выбрать

дар. Юдхиштхира в смятении впадает в бесчувствие. Крипа, догадавшись о желании Юдхиштхиры, отвечает, что среди Пандавов для него нет достойного противника, а потому одолеть его нельзя.

Юдхиштхира в сопровождении братьев направляется к [Шалье](#) и просит у него очищения от греха и победы над врагами. Шалья выражает удовлетворение поступком царя Пандавов, желает ему победы в бою и предлагает выбрать дар. Юдхиштхира в качестве дара выбирает помощь Шальи в битве с [Карной](#). Шалья обещает исполнить это желание.

Юдхиштхира с братьями уходит из войска Кауравов. Кришна, подойдя к Карне, предлагает ему перейти на сторону Пандавов, а после гибели Бхишмы вернуться на помощь Кауравам. После отказа Карны Кришна следует за Пандавами.

Юдхиштхира, обратившись к военачальникам Кауравов, предлагает всем желающим перейти на его сторону. [Юютсу](#), брат Дурьодханы, откликается на призыв царя Пандавов и переходит к нему. Юдхиштхира возвращается к своим войскам и надевает доспехи. Потрясённые добродушием и милосердием Пандавов воины Кауравов плачут.

День первый. Битва на [Курукшетре](#) начинается утром со столкновения царей из рода [Куру](#) и Пандавов. Остальные властители некоторое время наблюдают за стычкой родственников, а затем по приказам Дурьодханы и Юдхиштхиры вступают в бой. На исходе первого дня битвы Бхишма под защитой Дурмухи, Критавармана, Крипы, Шальи и Вивиншати вторгается в ряды войска Пандавов. В столкновении с Шальей гибнет Уттар, сын царя [Вираты](#). После захода солнца противоборствующие стороны объявляют перемирие.

День второй. На рассвете войска Пандавов строятся в боевой порядок, именуемый Заревой [Каравайкой](#). Впереди войск выступает Арджуна. [Дурьодхана](#) вновь особое внимание уделяет защите Бхишмы. В завязавшейся битве Кришна пригоняет [колесницу](#) Арджуны к колеснице Бхишмы, но их поединок не выявляет победителя. В это же время происходит поединок Дроны с [Дхриштадьумной](#). На помощь Дхриштадьомне приходит [Бхима](#), а на помощь Дроне — войско калингов. Дрона переключается на бой против Вираты и [Друпады](#), а Дхриштадьомна присоединяется к Юдхиштхире. Бхимасена убивает царя [калингов](#), после чего к нему на помощь приходят войска Дхриштадьомны, Шикхандина и Юдхиштхиры. Затем к ним присоединяется [Сатьяки](#), и все вместе они вступают в сражение с Бхишмой. После гибели колесничего Бхишмы его кони увлекают колесницу с поля битвы. Под конец второго дня в бой с [Ашваттхаманом](#), Шальей и Крипой вступает Дхриштадьомна. Ему на помощь прибывает сын Арджуны по имени [Абхиманью](#), на которого нападает сын Дурьодханы по имени Лакшмана. Вскоре на подмогу своим сыновьям приезжают Дурьодхана и Арджуна. На Арджуну нападают Бхишма с Дроной, но Арджуна сокрушает войско Кауравов. Наступают сумерки, и войска объявляют перемирие.

День третий. При наступлении рассвета войска Кауравов располагаются строем [Гаруды](#), а войска Пандавов выстраиваются полумесяцем. В ожесточённой схватке ни одна сторона не уступает другой до тех пор, пока Дурьодхана не лишится сознания от попадания в грудь стрелы, пущенной Бхимасеной. Бхишма и Дрона оказываются не в состоянии пресечь бегство своего войска. Кауравам удаётся избежать поражения лишь после того, как очнувшийся Дурьодхана сам останавливает паническое отступление. Затем Дурьодхана укоряет Бхишму за проявление милости к Пандавам, и тот обещает по мере своих сил отразить наступление противника. Около полудня Бхишма нападает на торжествующих победу Пандавов и обращает их войско в бегство, которое прекращается после контратаки Арджуны. Бхишма осыпает колесницу Арджуны ливнем стрел, чем приводит в смятение Кришну, который решает нарушить своё обещание не сражаться и убить Бхишму. В это время на Арджуну и Кришну нападают сотни тысяч конников, пехотинцев, колесниц и [слонов](#). Лишь Чекитана приходит им на помощь. Соскочив с колесницы с диском в руке, Кришна устремляется на Бхишму. Бхишма призывает его исполнить задуманное, ибо Кришна своим падением оказывает ему честь. Арджуна догоняет Кришну и, удерживая его обеими руками, клянётся покончить с Кауравами. Удовлетворённый Кришна вновь восходит на колесницу. Применив оружие [Индры](#), Арджуна обращает вспять Кауравов. С наступлением сумерек битва прекращается.

День четвёртый. Утром четвёртого дня битва возобновляется. Бхишма продолжает колесничное единоборство с Арджуной, а защитники Бхишмы сражаются против Абхиманью. В гуще боя Абхиманью приближается к колеснице Шальи, на защиту которого становятся Дурьодхана с братьями. На Дурьодхану нападают Пандавы вместе с Дхриштадьумной. Дурьодхана при поддержке войска в десять тысяч слонов выступает против Бхимасены. Бхимасена палицей уничтожает слоновье войско. Дурьодхана взывает ко всем своим войскам, чтобы они обрушили всю мощь на Бхимасену. Бхимасена успешно отражает атаку противника. Тяжело раненный стрелой Дурьодханы, он на короткое время теряет сознание, но, очнувшись, истребляет множество братьев Дурьодханы. Бхагадатта поражает Бхимасену стрелой в грудь, отчего тот впадает в бесспамятство. [Ракшас Гхатоткача](#) во главе слоновьего войска защищает лишившегося сознания отца. Кауравы спешат на подмогу Бхагадатте, но в тыл им заходит войско Юдхиштхиры. Наступает ночь, и воюющие стороны возвращаются в свои станы. Дурьодхана вопрошает Бхишму, почему столь могучие воины среди Кауравов не выдерживают натиска Пандавов. Бхишма призывает Дурьодхану заключить мир с Пандавами и объясняет причину их непобедимости, излагая древнюю быль о поклонении [Брахмы](#) в присутствии всех богов и проводившей владыке вселенной — Кришне. По словам Бхишмы, Пандавы укреплены [йогой](#) величия Кришны и йогой духа Кришны. Услышав это священное сказание, Дурьодхана проникается уважением к Пандавам и Кришне.

День пятый. После восхода солнца войска Кауравов выстраиваются в боевой порядок под название [Макара](#), а Пандавы выстраивают строй [Орла](#). Битва начинается с нападения Бхимасены на Бхишму, который вскоре сталкивается с Арджуной. Затем к каждой из сторон подходит подкрепление, при этом Шикхандин стремится напасть на Бхишму, а тот, помня о его женской природе, уклоняется от боя. В пылу сражения Ашваттхаман поражает стрелами Арджуну и Кришну, но Арджуна решает его не убивать из почтения к своему наставнику Дроне — отцу Ашваттхамана. Десятеро сыновей Сатьяки вызывают на бой Бхуришраваса, и он убивает их. К концу дня Арджуна уничтожает двадцать пять тысяч великих воителей. После наступления сумерек войска Пандавов и Кауравов расходятся по своим станам.

День шестой. По прошествии ночи Юдхиштхира распоряжается расположить войско строем под названием Макара. Кауравы противопоставляют ему строй Великой каравайки. После начала битвы Бхимасена нападает на всех младших братьев Дурьодханы. Он покидает свою колесницу с палицей в руке и сражается пешим. Дхриштадьомна достигает пустой колесницы Бхимасены и, узнав от колесничего, куда тот отправился, следует по путям Бхимасены, а потом сажает его на свою колесницу. Дурьодхана с братьями нападает на них, но Дхриштадьомна оружием помрачения останавливает врагов. Дрона, победив Друпаду, приходит на помощь Дурьодхане и оружием познания уничтожает оружие помрачения. По приказанию Юдхиштхиры на подмогу Бхимасене и Дхриштадьомне прибывает отряд, построенный в боевом порядке Остриё иглы и возглавляемый Абхиманью. Дрона, однако, останавливает наступление Пандавов. Бхимасена вновь восходит на свою колесницу и при поддержке Абхиманью продолжает сражаться с Дурьодханой и его братьями. Когда солнце уже багровеет, Бхимасена стрелами убивает Дурьодханы и наносит тяжёлые раны ему самому. Крипа поднимает Дурьодхану на свою колесницу, а [Джаядратха](#) окружает Бхимасену тысячами колесниц. Войско Пандавов продолжает отчаянно сражаться с братьями Дурьодханы, но терпит большой урон от Бхишмы. После заката солнца битва прекращается.

День седьмой. После отдыха Дурьодхана жалует Бхишме на физические и душевные муки, причинённые ему стрелами Бхимасены. Бхишма обещает сокрушить Пандавов в бою, и ободрённый Дурьодхана приказывает войскам выступать. Бхишма ещё раз напоминает Дурьодхане, что Пандавам помогает Кришна, а потому их не смогут победить даже боги с Индрой во главе. Всё же он обещает сражаться до победного либо проигрышного конца и дарует Дурьодхане чудесное зелье для исцеления от ран. На заре Бхишма устанавливает войско строем [Круга](#). Увидев это, Юдхиштхира устанавливает своё войско строем [Ваджры](#). В начале битвы Арджуна своими стрелами обращает врагов в бегство, вынуждая Бхишму сразиться с ним. Дурьодхана приказывает тщательно оберегать Бхишму в бою. Дрона убивает сына Вираты по имени Шанкха, после чего Вирата бежит с поля боя. Шикхандин сражается с Ашваттхаманом, а Сатьяки побеждает вождя [ракшасов](#) Аламбусу. Дхриштадьомна одолевает Дурьодхану, которого вывозит из боя на своей колеснице Шакуни. Ираван побеждает Винду и Анувинду, а сын Бхимасены [ракшас](#) Гхатоткача терпит поражение от Бхагадаты. Шалья сходится в бою с [Накулой](#) и [Сахадеевой](#), и, получив от стрелы Сахадеевы тяжёлое ранение, в бессознательном состоянии вывозится с поля брани своим колесничим. Когда солнце достигает зенита, Юдхиштхира обращает в бегство Шругаюса, а вместе с ним — и всё войско Дурьодханы. Чекитана и Крипа, убив коней и колесничих друг друга, в пешем бою сражаются до бесчувствия, после чего союзники вывозят их на своих колесницах. Абхиманью, победив Читрасену и Викарну, решает не лишать их жизни, чтобы Бхимасена, который поклялся собственноручно убить всех братьев Дурьодханы, смог исполнить свой обет. Когда Арджуна замечает, что Бхишма мчится на оставшегося в одиночестве Абхиманью, то истребляет множество защитников Бхишмы и нападает на него самого совместно со своими подросшими братьями и Шикхандином. Однако оберегаемый Кауравами во главе с Дурьодханой Бхишма вновь выходит из битвы невредимым, в очередной раз уклоняясь от столкновения с Шикхандином. После заката солнца войска отходят в свои станы на отдых.

День восьмой. Утром Кауравы устанавливают строй, подобный океану. Войско Пандавов располагается строем [Рогатины](#). Мысленно наметив противника, воины устремляются друг на друга. По велению Юдхиштхиры все войска Пандавов наступают на Бхишму. Несмотря на меры, принятые Дурьодханой, Бхимасене удаётся прорваться к Бхишме и убить его колесничего. Затем Бхимасена убивает восьмерых братьев Дурьодханы. Сын Арджуны по имени Ираван истребляет войско [Шакуни](#), но погибает от руки [ракшаса](#) Аламбусы. Узрев смерть Иравана, Гхатоткача с оглушительным рёвом в окружении [ракшасов](#) наступает на Кауравов. Ему противостоит Дурьодхана при поддержке десяти тысяч слонов. Гхатоткача одерживает победу, и на помощь Дурьодханы по приказанию Бхишмы прибывают сильнеешие бойцы среди Кауравов. В ожесточённом сражении раненный Гхатоткача взмывает в воздух и издаёт громовой рёв. Услышав этот рёв, Юдхиштхира отправляет на его защиту возглавляемое Бхимасеной войско из великого множества колесниц и шести тысяч слонов. После того как Дурьодхана наносит стрелой глубокую рану Бхимасене, воины Пандавов устремляются на владыку Кауравов. Бхимасена поражает стрелами

Дрону, отчего тот теряет сознание. Дурьодхана и Ашваттхаман спешают на выручку Дроне. Войска Пандавов, предводимые Абхиманью, защищают Бхимасену. Гхатоткача являет ошеломляющий [морок](#), от которого войны Кауравов воспринимают друг друга погибшими и враспынную бегут к своему стану в урочный час заката. Дурьодхана, приблизившись к Бхишме, рассказывает о поражении Кауравов и выражает желание самому убить Гхатоткачу. Бхишма отговаривает его и вместо того поручает сразиться с Гхатоткачей царю Бхагадатте. Бхагадатта сначала сокрушает войско Пандавов, а затем принимает бой с Гхатоткачей, которому помогают Пандавы. Дурьодхана во главе своего войска поддерживает Бхагадату. Бхимасена рассказывает Арджуне и Кришне о смерти Иравана. Бхимасена, несмотря на сопротивление Дроны, продолжает убивать братьев Дурьодханы. Спускается ночная тьма, и стороны заключают перемирие. Девятый день битвы на Курукшетре.

Девятый день битвы на Курукшетре.
Картина из Panorama & Science Center, Курукшेत्रа, штат Харьяна, Индия.

приближается к Бхишме. Бхишма говорит, что смерть от руки Кришны для него — высшее благо. Арджуна догоняет Кришну и силой его удерживает. Затем они вдвоём возвращаются на колесницу, что быть осыпанными ливнем стрел Бхишмы. Смеркается, и войска отходят на отдых. Юдхиштхира, обратившись к Кришне, жалуется на неодолимость Бхишмы и высказывает желание удалиться на постоянное место жительства в лес. Кришна утешает владыку Пандавов и выражает готовность самому повергнуть Бхишму. Юдхиштхира призывает Кришну не вступать в бой в соответствии с оговоренным ранее условием, а пойти вместе к Бхишме и на основании заключённого договора спросить о средстве убить его. Посоветовавшись, Пандавы оставляют оружие и доспехи и с Кришной являются к Бхишме за советом. Бхишма рекомендует Арджуне поразить его стрелами, поставив впереди Шикхандина. Поскольку последний ранее был женщиной, Бхишма не станет биться с ним и погибнет. После возвращения в свой стан терзающийся горем Арджуна заявляет о нежелании убивать своего деда. Кришна в очередной раз подстрекает Арджуну к убийству близкого родственника во имя [кшатрийского](#) долга.

День десятый. На ясной заре перед восходом солнца Пандавы идут в бой, выставив впереди всех войск Шикхандина. Впереди войск

Бхишма на ложе из стрел. Из коллекции Смитсоновского института.

Кауравов выступает Бхишма. Когда силы Дурьодханы спешно отступают под натиском противника, Бхишма являет всю свою ратную мощь, уничтожая десятки тысяч бойцов. Шикхандин и Арджуна устремляются на Бхишму, и вокруг них кипит ужасающая бойня. В пылу сражения Бхишма отрешается от жизни и сообщает оказавшемуся поблизости Юдхиштхире о ненависти к своему телу, а также о готовности принять смерть в бою от руки Арджуны. После этих слов битва вокруг Бхишмы разгорается с новой силой. В первой половине дня Арджуна побеждает предводителей вражеского войска, но на защиту Бхишмы приходит новое подкрепление. В тяжёлом бою Бхишму поражают тысячи стрел Арджуны, Шикхандина и многочисленных ратей Пандавов, так что на его теле не остаётся даже на палец не пронзённого места.

Незадолго до заката Бхишма падает с колесницы на глазах у сыновей Дхритараштры, не касаясь земли из-за множества

Сайт Москва, Научно-издательский центр "Ладомир", 2009г., Пер. с санскр., предисл., статья и комментарий В.Г. Эрмана.

"«Бхишмапарва» — шестая книга «Махабхараты». С нее начинается описание великой битвы на Курукшетре, составляющее центральную часть древнего героического эпоса, своего рода индийской «Илиады». В состав «Бхишмапарвы» входит знаменитая религиозно-философская поэма «Бхагавадгита», или «Песнь Господа», — самый значительный из дидактических текстов «Махабхараты», считающийся концептуальным стержнем этой грандиозной эпопеи. Поэма, построенная как поучение, обращенное Кришной, богом в человеческом образе, к другу, одному из героев битвы, относится к наиболее почитаемым священным книгам индуизма, и ее содержание на протяжении веков оказывает огромное влияние на духовную жизнь Индии.

Существенное воздействие идейного содержания «Бхагавадгиты» распространяется и за пределы страны, ей посвящена обширная исследовательская литература. Существуют многочисленные переводы этого произведения на различные языки мира. Предлагаемый первый полный перевод санскритского оригинала «Бхишмапарвы» на русский язык сопровождается самым подробным комментарием, отражающим в том числе историю изучения и толкования «Бхагавадгиты», включая результаты исследований последнего времени."

Недавно наконец-то нашел время ознакомиться с вышедшим в свет переводом шестой книги Махабхараты – Бхишмапарвы, осуществленный В. Г. Эрманом. Честно говоря, меня никогда не привлекали «батальные» книги Махабхараты, слишком монотонное повествование, много шаблонных повторов (один выпустил копье, другой бросил дубину, один выпустил три стрелы, другой пять, и так без конца) и неестественный сюжет: каждый раз очередного полководца Кауравов Пандавы губят при помощи хитрости. Илиаду Гомера читать гораздо интереснее. Иное дело – третья книга Махабхараты – Араньякапарва (Книга лесная). Она крайне богата мифологическим материалом, содержит много великолепных сюжетов (Повесть о Нале, Повесть о похищении Драупади и др.), и чтение ее в великолепном переводе Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой всегда доставляло мне великое удовольствие.

Однако Бхишмапарва содержит знаменитую Бхагавадгиту, и я не мог обойти ее вниманием. В целом В. Г. Эрман, как он и сам пишет, придерживается принципов перевода, выработанных Я. В. Васильковым и С. Л. Невелевой, однако при этом, следуя примеру Ф. Эджертон и Р. Зенера, стремится переводить большинство санскритских терминов. Так, слово *yoga* он переводит как «сопряжение», а *yogin* и *yukta* как «сопряженный» (хотя иногда слово *yoga* и остается без перевода, например, в 28.17). Честно говоря, я считаю такой перевод неудачным, очень режет слух. Это слово «сопряжение» больше связано с химией и геометрией (например, «сопряжение прямых линий с дугами»), и лично у меня его звучание порождает образ человека, упорно пытающегося согнуть эластичный прут. *yoga*, конечно, чисто технически может быть переведено как «сопряжение», но не всякое «сопряжение» это «йога». Кроме того, в переводе Бхагавадгиты появляются такие неблагозвучные выражения, как «сопряженный с сопряжением», «будь сопряженным» (28.46) (почему не сказать – «будь йогом»), «сопряженнейший со мною» (28.47), «упражнением сопряженной с сопряжением» (30.8), «со отрешением и сопряжением душою сопряженный» (31.28), «в удержании сопряжения» (30.12), «жертва сопряжением» (26.28). *j-pAna-yoga* В. Г. Эрман переводит как «сопряжение (путем) знания, *kaṭpa-yoga* как «сопряжение (путем) действия» (25.3). *yoga-mAyuA* переводится как «волшебная сопряжения» (29.25). Первый раз в жизни сталкиваюсь с таким интересным словом – «волшба». Словарь Ушакова дает его значение: «колдовство, волхование». Но здесь оно не очень уместно, и по значению, и большинству читателей оно будет незнакомо. Кроме того, В. Г. Эрман переводит *puruSha* и *prakṛiti* как «Дух и Природа» (на одной той же странице это пара пишется с заглавной буквы (35.23), на другой – со строчной (35.19), *paramAtma* как «Превышний Дух», *Atman* как «Душа» (35.32), *bhakta* как «преданный почитатель», *puruShottama* как «Всевышний Муж» (30.1), *kalpa* как «эра» (31.7), *AkAsha* как «эфир» (35.32), *chAraNAH* как «странники небес», *mantra* как «святое слово» (31.16), *yantra* как «механизм» (40.61), *bhUtAN* как «духи» (31.25), *guNAH* как «качества», названия гун *sattva*, *rajas* и *tamas* как «истовость, страстность, косность» (29.12). Кое-что из этого вполне приемлемо, но не всякие «странники небес» это чараны, не всякие «духи» это бхуты и не всякое «святое слово» это мантра. *Kalpa* это, конечно, эра, но и *manvantara* это тоже эра. Здесь речь идет о двух рядах – более широких и более узких понятий, поэтому, чтобы перевод был точным, то, по моему мнению, в данных случаях надо оставлять санскритские термины без перевода. Без перевода у В. Г. Эрмана даются: майя, Брахман, амрита, яшши, ракшасы (32.23), макара (32.31), названия варн: брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры. Возникает вопрос, почему В. Г. Эрман не был последователен и не перевел и эти слова: майя, например, как «иллюзия», Брахман – «мировая душа», амрита – «нектар», макара – «акула», брахманы – «жрецы», кшатрии – «воины». Ведь многие из этих слов вполне переводимы, если следовать его же примеру, хотя и здесь русский перевод точно не отражает санскритский термин. Трудности возникают, пожалуй, только с переводом слова «вайшья». Если кшатрий это всегда воин, то вайшья может заниматься и торговлей, и ремеслом, и земледелием. Впрочем, слово «ракшасический» В. Г. Эрман переводит в одном месте как «бесовский»: *gAkshasIm asurIm chaiva prakṛitiM mohinIM* (31.12) – «бесовской и демонской обманной природе». Напоминает Б. Л. Смирнова, у которого в переводах можно встретить «кремль» и «богатырей». Но это высокий стиль. Впрочем, и у В. Г. Эрмана есть еще забавные русские ассоциации, причем отсылающие к низкому стилю. Например, *durtmedhA* (40.35) переводится словом «дурень». А еще раньше в тексте перевода встречается даже слово «недоумок» (40.16). Честно говоря, использование таких словечек весьма вредит впечатлениям о переводе, в других отношениях безупречном.

При чтении перевода мне встретились интересные мысли и наблюдения, которыми я и хотел бы закончить свой краткий очерк. «Один павший духом приводит в смятение даже очень большее войско, вслед за ним, павшим духом, теряют мужество и наихрабрейшие воины. Даже большую рать, когда она разбита, трудно удержать от бегства, как водную стремнину, как оленье стадо» (4.20 – 30). «Гаруда, сын Винаты, когда видел большое скопление супарн, не одобрял такой многочисленной свиты, о Бхарата. Не громадою войска одерживается победа, о Бхарата. Победа ведь неверна, и конечный исход зависит от судьбы. И даже победившие в битве несут потери» (4.33 – 35).

Андрей Игнатьев

от переводчика

Более полвека назад было положено начало публикации первого полного русского перевода «Махабхараты», осуществляемого по новому критическому изданию, предпринятому в Пуне коллективом индийских ученых. Первые две книги были изданы в 1950 и 1962 гг. В.И. Калиновым, продолжившим затем эту работу. К 1993 г. им были опубликованы переводы четвертой, пятой, седьмой и девятой книг. В 1987 г. вышел комментированный перевод третьей книги («Араньякапарвы»), осуществленный Я.В. Васильковым и С.А. Невелевой. Затем, в 1990 и 1998, 2003 и 2005 гг., последовали издания принадлежащих тем же авторам переводов восьмой, десятой и одиннадцатой книг, а также с четырнадцатой по последнюю, восемнадцатую. Таким образом, к настоящему времени полностью закончен перевод первой из трех основных частей эпоса (книги 1–5). С выходом шестой книги завершается издание русского перевода и второй — центральной — его части (книги 6–11). После опубликования Я.В. Васильковым и С.Л. Невелевой перевода еще пяти книг «Махабхараты» — с четырнадцатой и по завершающую, восемнадцатую, остаются непереведенными две крупные книги — двенадцатая и тринадцатая, которые содержат поучение Бхишмы, лежащего на смертном одре.

При работе над переводом шестой книги «Махабхараты» и комментариями к ней мы ориентировались на современные достижения в интерпретации текста этого древнего памятника и старались придерживаться переводческих принципов, выработанных Я.В. Васильковым и С.Л. Невелевой¹. В настоящем издании, которое мы рассматриваем как продолжение общей работы, допущены лишь незначительные, чисто формальные отклонения от этих принципов.

Особые трудности возникают при переводе «Бхагавадгиты», знаменитой религиознофилософской поэмы, входящей в «Бхишмапарву». Терминология излагаемой в «Бхагавад-гите» системы философских взглядов (которую принято называть «эпической санхьей» или «санхья-йогой») отражает стадию становления данной системы. Заметим, что из предшествующих переводов «Бхагавадгиты» можно выделить как представляющие диаметрально противоположный подход к обозначенной проблеме английский перевод Ф. Эджертон 1944 года² (остающийся одним из лучших, на наш взгляд) и русский — В.С. Семенцова³ (во многих отношениях образец творческого подхода к переводу). Если Эджертон последовательно переводит все термины без исключения (более того, сохраняя избранный эквивалент санскритского термина во всех контекстах), то Семенцов очень многие оставляет без перевода — в русской транслитерации. Перевод Семенцова преследует художественные цели и местами передает значение текста оригинала относительно вольно; избранный стиль перевода, как и сохранение без перевода санскритских терминов, здесь оправдывается.

¹ Об общих для всех изданий этих авторов принципах прозаического перевода стихотворного эпического текста см. предисловие к переводу кн. 3 «Махабхараты»: Араньякапарва 1987: 9–10.

² См.: Bhagavad Gita 1944.

³ Библиографию переводов других книг «Махабхараты» см. в наст. изд. на с. 423–425.

тем, что он опубликован как приложение к подробному исследованию, где читатель найдет необходимые разъяснения, и должен рассматриваться в единстве с ним, подразумевая предварительное ознакомление с этим своего рода расширенным «введением» к переводу. Публикуемый в настоящем издании перевод «Бхагавадгиты» как части эпического свода следует в целом принципам, принятым для перевода всей «Махабхараты». Переводчик стремился к максимальной точности в передаче содержания подлинника. В этом отношении предлагаемый перевод существенно отличается от перевода Семенцова. Другое отличие состоит в том, что мы избираем принцип передачи большинства санскритских терминов терминами на языке перевода, более или менее близкими по смыслу к оригиналу, оставляя без

перевода лишь некоторые слова, достаточно употребительные в отечественной индологической литературе. Таким образом, мы идем по стопам наиболее авторитетных переводчиков этого памятника на английский язык начиная с упомянутого уже Ф. Эджертон, а также Р. Зэнера, который переводит все термины, иногда даже приводя несколько вариантов⁴, и И.-А.-Б. ван Бейтенена. Заметим, что среди переводов на другие языки этому же принципу следует эстонский перевод «Бхагавадгиты» Л. Мялля 1980 года. Разумеется, при чтении такого перевода следует всегда помнить об условности его в отношении любого термина; в наших комментариях содержание термина и толкования его у других переводчиков и исследователей всякий раз поясняются.

Читатель, знакомый с уже изданными переводами предшествующих книг «Махабхараты», заметит некоторые отклонения в написании родовых (по имени мифического родоначальника) имен и этнонимов; все такие имена мы сочли более последовательным писать с заглавной буквы: Кауравы как «потомки Куру», Пандавы, то есть «сыновья Панду», в отличие от «кауравы», «пандавы» в предшествующих изданиях; но там, где «кауравы» или «пандавы» обозначают не родовые имена, а сторонников одного из враждующих станов, мы также пишем их как нарицательные (см., напр., примеч. 8 к разделу «Песнь Господа»). Кроме того, названия некоторых мифологических персонажей, оставляемые обычно без перевода, мы переводим во избежание избытка индийских названий (напр.: «совершенные» вместо принятого «садхьи», «странники небес» вместо «чараны»). Мы увеличили по сравнению с нашими предшественниками число переведенных эпитетов мифологических персонажей и эпических героев (напр., эпитет Бхимасены «Волчебрюхий» вместо принятого раньше «Врикодара»), но если эпитет у наших предшественников дается в переводе, мы, как правило, его у них заимствуем, чтобы избежать слишком большого разнообразия с ними. В остальном в нашем переводе читатель не найдет существенных расхождений с правилами написания имен и терминов, принятыми в русских переводах других книг «Махабхараты». Переводчик выражает благодарность всем своим коллегам, принимавшим участие в обсуждениях перевода на кафедре индийской филологии СПбГУ: Е.К. Бросалиной, Н.В. Гурову, Вл.П. Иванову и др. Их ценные замечания и предложения способствовали успешному завершению работы. Переводчик особенно признателен А.В. Парибку, частично редактировавшему перевод «Бхагавадгиты», Я.В. Оасилькову и С.Л. Невелевой, которые участвовали в упомянутых обсуждениях и своими комментированными переводами эпоса дали важные ориентиры; также особую благодарность автор предлагаемого перевода хотел бы выразить московскому индологу С.Д. Серебряному, оказавшему неоценимую помощь в работе над «Бхагавадгитой».

4 См.: *Bhagavad Gita* 1969.

5 См.: *Buitenen* 1981.

ПРОТЯЖЕНИЕ МАТЕРИКА ДЖАМБУ

Глава 1

Джанамеджая сказал:

Как сражались герои — куру, Пандавы, Сомаки и [другие] цари, мужи великих судеб, сошедшие из разных стран?

Вайшампаяна сказал:

Как сражались герои — куру, Пандавы и Сомаки — на Поле Куру, на Поле Подвижничества¹, внемли, о владыка земли.

На Курукшетру явившись, Пандавы вместе с Сомаками двинулись на Кауравов, жаждущие победы, великомощные; все [они], искушенные в чтении Вед², приветствовали [грядущую] битву, надеясь на победу в [той] битве, либо готовые пасть в сражении. И, угрожая трудноодолимому войску сынов Дхритараштры, они расположились со [своими] воинами в западной части [поля], обратившись лицом на восток. Окрест Самантапанчаки тысячи шатров поставил по правилам сын Кунти Юдхиштхира.

И словно опустела вся земля, отданная во владение старым и малым, не осталось на ней ни мужей, ни коней, покинули ее слоны и колесницы. Ибо как солнце опалает круг Джамбудвипы³, так собрано было войско [со всей страны], о лучший из царей.

На пространстве во много йоджан⁴ вокруг, по странам, по рекам, горам и лесам, собрались отовсюду [люди всех сословий; для них с их ездовыми животными царь Юдхиштхира, о муж-бык⁵, назначил пропитание и корм самые лучшие. И различные условные знаки определил для них всех Юдхиштхира, чтобы по таким-то словам можно было узнать в противостоящем сторонника Пандавов.

И глава Кауравов оделил всех [своих воинов] опознавательными знаками, пропусками и украшениями перед началом битвы.

Завидев верхушки знамен сыновей Притхи, духом надменный сын Дхритараштры вместе со всеми [союзными] царями направил строй своих войск против сынов Панду. Узрев среди тысячи слонов окруженного братьями Дурьодхану с желтым зонтом⁶ над головой, возрадовались все воины Пандавов и тысячами все затрубили в большие раковины⁷ и забили в барабаны. Тогда, видя своего войска ликование, Пандавы тоже возрадовались сердцем, и [с ними] мужественный Васудева. Тогда Васудева и Завоеватель богатств, мужи-тигры, на колеснице стоя, затрубили оба, радуя [своих] воинов, в чудесные раковины; услышав рев обеих раковин — Панчаджаньи и Девадатты, — воины с ездовыми животными стали испражняться и мочиться [непроизвольно]. И как содрогаются, услышав ревушего льва, прочие звери, так же [содрогнулась] тогда и рать сынов Дхритараштры.

Взметнулась пыль с земли, [так что] ничего не стало видно, и солнце затмилось, окутанное пылью, [поднятой] войсками. И туча из мяса и крови обрушила ливни на все те войска, и как чудо то было. Задул тут над землею ветер, несущий щебень и сеюший пыль, и поразил войска. Оба войска тогда, о царь, как два бурных океана, стояли на Курукшетре, рвущиеся в битву, и чудна была встреча тех войск, словно [слияние] двух океанов при наступлении конца света⁸. Вся земля опустела, остались только старые и малые, других забрали в несметные рати потомки Куру. Тогда куру, Пандавы и Сомаки согласились между собою и установили правила для сражающихся, о бык среди бхаратов. Чтобы по завершении боя относиться с приязнью друг к другу, как это было принято издавна и как подобает, и чтобы не было больше [никакого] коварства. На словесные выпады отвечать только словом и никоим образом не убивать того, кто вышел из гуши боя. Колесничному воину сражаться с колесничным, правящему слону — со слонем, коннику — с конником, а пехотинцу — с пехотинцем, о Бхарата; чтобы сражаться соответственно обстоятельствам, согласно мощи, согласно отваге, согласно возрасту, бросив [предварительно] вызов, [но] не наносить удара доверившемуся или отчаявшемуся, никоим образом не разить схватившегося с другим, зазевавшегося, повернувшегося спиной, обезоруженного, не одетого в доспехи; не разить никоим образом ни колесничных, ни лошадей, ни оруженосцев, ни трубачей с барабанщиками. И, заключив такое соглашение, куру, Пандавы и Сомаки исполнились великого восторга, взирая друг на друга. Расположившись [друг против друга], возликовали те великие мужи-быки, радостные душою, вместе со [своими] воинами.

Глава 2

Вайшампаяна сказал:

Тогда, видя, как сменяются утренние сумерки вечерними, благословенный провидец, из всех знатоков Вед наилучший, Вьяса, сын Сатьявати, дед бхаратов, очевидец, вьявь прозревающий грядущую ужасную битву, владыка, ведающий прошлое, настоящее и будущее, так молвил наедине царю, потомку Вичитра И вирьи, печалющемуся, страждущему, размышляющему о злой участи [своих] сыновей.

Вьяса сказал:

О царь, пришел срок [твоим] сыновьям и другим властителям земли; сойдясь в сражении, они истребят друг друга. И, зная, что срок исполнился для них, Времени подвластных и обреченных гибели, о Бхарата, да не предашься ты печали. Если ты хочешь видеть это сражение, о владыка народов, что ж, я дарую тебе зрение, следи за битвой сей.

Дхритараштра сказал:

Не по душе мне видеть убийство родичей, о лучший из мудрецов-брахманов, но властью твоею да услышу я все в подробностях об этой битве.

Вайшампаяна сказал:

И раз не хотел он видеть битву, но хотел слышать о ней, милостивый владыка даров милость даровал Санджая.

Вьяса сказал:

Вот Санджая и расскажет тебе об этой битве, о царь. Ничто в сражении этом не останется от него сокрытым. Наделенный чудесным зрением, Санджая поведает тебе о битве, о царь, сам он будет все о [ней] знать. Явное ли, тайное ли, произошедшее ночью или днем, или помысленное в уме — все будет ведать Санджая. Не поразит его оружие, не изнурит его усилие; живым выйдет из этой битвы сын Гавальганы. И я распространю славу тех куру и пандавов всех, о бык среди бхаратов, не печалься. Издревле предопределено это, потому не предавайся печали. И предотвратить это невозможно; на чьей стороне правда⁹, на той и будет победа.

Вайшампаяна сказал:

Молвив так, благословенный дед царевичей рода Куру вот что еще сказал могучерукому Дхритараштре: «Великое побоище будет в этом сражении, о великий царь! Ибо вижу я грозные знамения. Коршуны, стервятники, вороны и цапли собираются стаями, слетаются и

сбиваются вместе на лесных опушках; и предвкушают престестокую битву обрадованные птицы. Плотоядные твари будут пожирать мясо слонов и коней. Журавли, предчувствующие грядущий ужас, испускают жуткие хриплые крики и слетаются отовсюду, вместе направляясь к югу¹⁰. И на рассвете, и в сумерках, и на восходе, и на закате вижу я теперь постоянно, о Бхарата, как мрачные тучи прикрывают солнце. На заре заволакивают светило трехцветные облака, белые и красные по краям, черные посередине, мечущие молнии. И вижу я, как сливаются в сутках день и ночь неразличимо, когда пылают и солнце, и луна, и звезды, — гибель это предвещает. Лишившаяся блеска, неразличима стала луна, цвета огня, на небосклоне того же цвета даже в ночь полнолуния месяца карттика¹¹. Уснут, усеяв [телами своими] поле, сраженные мужи, властители земли, цари и царевичи, герои, чьи руки крепки, как крепостные засовы. Ночью в поднебесье вижу я всякий раз вепря и крысу, с ужасными воплями сражающихся друг с другом. Статуи богов содрогаются и смеются, на них выступает пот, кровь извергается изо рта, и они рушатся наземь. Барабаны бьют сами собой, о владыка народов, и большие ко- лесницы кшатриев¹² движутся, незапряженные. Кукушки, дятлы, сойки, стервятники и попугаи, журавли и павлины издают страшные крики. На заре являются сотнями, подобно рою саранчи, всадники на конях, одетые в доспехи, с оружием и снаряжением в руках. На рассвете и на закате полыхают страны света, падает кровавый дождь и дождь [человеческих] костей, о Бхарата! И даже Арундхати¹³, о царь, та, что прославлена в трех мирах и чтится благочестивыми, покидает своего Васиштху. Планета Шанайшчара¹⁴, о царь, остановилась в созвездии Рохини, подавляя его; пятно на луне¹⁵ скрылось. Великий страх грядет. С безоблачного неба слышится непрерывно гром, великий ужас наводящий, ездовые животные плачут, проливая слезы>>.

Глава 3

Вьяса сказал:

У коров рождаются ослы, сыновья совокупляются с матерями, деревья в лесу приносят плоды и цветут не по времени года. Забеременевшие женщины, дочери царей, рожают чудовищных хищных птиц, шакалов и других зверей. Трехрогие, четырехглазые, пятиногие, с двумя детородными членами, с двумя головами, с двумя хвостами, клыкастые, рождаются зловредные твари с разверстыми пастьми, испускающие зловещие крики, также трехногие павлины, рогатые орлы с четырьмя клыками. И такие являются в городе тво- ем жены знатоков святого Слова, что рожают солнечных птиц и павлинов¹⁶.

Кобыла рождает теленка, собака — шакала, о владыка земли, а майны — куропаток и попугаев, молвящих недоброе. Некоторые женщины рожают четырех-пять девочек разом, и те, едча родившись, пляшут, поют и хохочут; у простого народа озорные грудные младенцы танцуют и распевают в воровских притонах, предвещая великую угрозу. Некоторые же дети рисуют вооруженных людей и, побуждаемые Смертью¹⁷, нападают, воюя, друг на друга с палками в руках, строят крепости и осаждают их.

На деревьях вырастают белые и голубые лотосы и лилии, дуют свирепые ветры со всех сторон, и не улегается пыль. Постоянно содрогается земля, и Раху поглощает солнце. Белая планета¹⁸ стоит в небе, миновав созвездие Читра. Она-то в особенности предвещает гибель куру. Необычайно грозная комета, вторгшись в созвездие Пушья, появляется на небе. Великая планета¹⁹ принесет ужасное несчастье обоим ратям. Ангарака²⁰ отклоняется к звездам Магха, и к Шраване — Брихаспати. Сын Солнца²¹ угнетает созвездие Бхагья, напад на него. Поднявшись к переднему созвездию Подножья Скамьи²², о владыка народов, Шукра обходит заднее и, сблизившись с ним, на него взирает. Темная планета²³, пылая, в дыму и в огне, останавливается, миновав блистающее созвездие Индры — Джьештху²⁴. Дхрува, грозно пылая, обращается справа налево. Жестокая планета²⁵ восходит между Читрой и Свати; двигаясь вспять, Краснотелый, огнем сверкающий, огибает Брахмараши и утверждает в созвездии Шравана.

Всякого рода злаками покрывается плодородная земля. Вырастают пятиглавый ячмень и стоглавый рис²⁶. Лучшие из всех существ, на коих держится этот мир, — коровы²⁷, когда их сосут телята, доятся кровью! Из-под плащей то и дело вырываются, сверкая, мечи, — видно, чует оружие грядущую битву! Блещут огнем оружие и вода, доспехи и знамена — будет великая погибель! С пылающим зевом кричат со всех сторон звери и птицы, о великой опасности оповещают. Птица с одним крылом, одним глазом и одной ногою парит в небе по ночам, страшно кричит во гнев, ежечасно призывая к кровопролитию.

Две планеты, излучающие багряное и розовое сияние, возшли, словно полыхая огнем, но затмился свет великих Семерых мудрецов; на год утверждаются обе — Брихаспати и Шани, — остановившись близ обоих созвездий Вишакха²⁸. Гневная планета, пылая, является, подобно комете, между Критиками и первой накшатрой, затмевая блеском [небесные] тела; три первые накшатры все разом охватывает Будха, порождая великий страх²⁹. На четырнадцатую, на пятнадцатую ночь бывало раньше, на шестнадцатую, но я не помню, чтобы новолуние приходилось на тринадцатую ночь!³⁰ Солнце и луна оба поглощаются на тринадцатую ночь в один и тот же месяц, и в неурочное время³¹ будут удручать создания обе эти планеты.

Все страны света окутаны п/лью, и песчаные дожди низвергаются всюду; ночью страшные зловещие тучи проливают потоки крови. И опять на четырнадцатую ночь темной половины месяца ужасным дождем падают [на землю] трупы, и в полночь им насыщаются жуткие ракшасы.

Реки и ручьи текут вспять, наполненные кровью вместо воды, пенящиеся потоки режут как быки, падают метеоры, сопровождаемые смерчами, при вспышках беззвучных молний. Сегодня по миновании ночи, на заре, солнце померкло в свете четы- рех пылающих метеоров, упавших с разных сторон. К солнцу обращаясь, вещают великие мудрецы³², что напьется земля крови тысяч властителей земли. Ты съехкатно раздается гром великий от Кайласы с Мандарой, также от горы Химавана, и рушатся их вершины. При землетрясении великие стихии³³ затопляют берега каждого из четырех океанов, снова и снова их волнуя. Дуют свирепые ветры, несущие щебень, выкорчевывая деревья; рушатся священные деревья в селах и городах. Огонь, в который брахманы совершают жерт- венные возлияния, становится желтым, красным, синим, пламя отклоняется влево, оно издает трупный запах, густо дымится, и треск его подобен крику осла³⁴. Чувства осязания, обоняния и вкуса извращаются, о владыка земли!

Знамена царей дымятся, колеблются снова и снова, из литавр и барабанов сыплются дождем раскаленные угли. Злые стервятники реют над кровлями дворцов и городскими воротами, описывая круги справа налево. <<Кар-кар!>> — громко кричат вороны и садятся на верхушки знамен, предвещая гибель царям. Тысячами кони и слоны, понурые, чующие недоброе, машут, дрожа, хвостами и рыдают.

Теперь, когда ты знаешь [все] это, решай, господин, в должное время, что делать, чтобы этот мир не пришел к истреблению, о Бхарата!

Вайшампаяна сказал:

Вслушав эту речь отца, Дхритараштра молвил так: <<Что предопределено изначально, то свершится, я думаю, несомненно. И если воины, следуя воинскому долгу, падут в сражении, они обретут [небесное] царство героев и достигнут тогда чистого блаженства. Славу здесь и великое счастье в мире том на долгое время обретут мужи-тигры, когда отдадут жизни свои в великой битве>>.

Глава 4

Вайшампаяна сказал:

Когда сказал ему так сын его Дхритараштра, поистине в глубокое размышление погрузился мудрец, глава провидцев, о лучший из царей! И опять молвил слово великий подвижник, учение о Времени вешающий: <<Время разрушает вселенную, нет сомнения, о владыка властителей земли, но оно же вновь создает миры, нет здесь ничего вечно. Поэтому ужжи праведный путь родичам своим и куру, близким и друзьям, ведь ты можешь их удержат. Подлым считается убийство родичей. Не делай неприятного мне. Это, воистину, Время само воплотилось в образе сына твоего, о владыка народов! Убийство не восхваляется в Веде, оно никогда не было благом. Кто наносит удар закону рода, тот наносит удар собственному телу. Рок³⁵ толкает тебя на неверный путь, меж тем как ты способен следовать правильным путем. Да избежнешь ты этой беды, постигшей тебя во образе царства, той, что приведет к гибели [твоего] рода и царей. Враг лишил тебя разума. Наставь сыновей [своих] в законе! Зачем тебе, о неприступный, царствование, приносящее страдания, вводящее тебя во грех?

Охранив честь, закон и славу, ты достигнешь неба — пусть же получают царство Пандавы, пусть умиротворятся Кауравы!>>

Когда первый из жрецов промолвил это, Дхритараштра, сын Амбики, отвергая речь [его], вновь на стезю речи вступил, красноречивый.

Дхритараштра сказал:

Что ведаешь ты, то и мне ведомо, ведаю я истину жизни и смерти. Но ведь, когда речь идет о своей выгоде, помрачаются разумом миряне, я же, знай это, отец, — мирского духа человек. Я обращаюсь с мольбою к тебе, наделенному неизмеримой мощью! Ты, мудрый, — прибежище наше, наш наставник. Не подчиняются они мне, о великий провидец! Да не предашь ты меня за это позору. Ты ведь — Закон и Очиститель, Честь, Слава, Стойкость, Память, и ты — достоитимый дед Куру и Пандавов.

Вьяса сказал:

О царь, о сын Вичитравирьи, скажи мне открыто, что у тебя на душе, и я развею твои сомнения.

Д х р и т а р а ш т р а сказал:

О приметах, предвещающих победу в битве, обо всех, какие есть, я хочу поистине, о благословенный, услышать от тебя.

Вьяса сказал:

Блистающий ясно священный огонь, отбрасывающий свет вверх, бездымный, с языками пламени, отклоняющийся вправо, когда веют чистые благоухания от возлияний, — это называют знаменем грядущей победы. Когда боевые трубы³⁶ и цимбалы издают глубокий гул и громкое звучанье, а солнце и месяц посылают ясные лучи — это называют знаменем грядущей победы. Благоприятны крики ворон,

летающих из-за спины или собирающихся взлететь; если они —сзади, о царь, они ободряют в походе, те же, что [летят] навстречу, ему препятствуют. И когда ястребы, царские гуси, попугаи, каравайки и дятлы направляются над битвою вправо, издавая благозвучные крики, —жрецы говорят о верной победе. Те, чьи войска блистают украшениями, латами, знаменами, а мужи их яснолики, златоцветны, так что трудно взирая на них, —побеждают врагов. Когда речи воителей радостны, о Бхарата, и сами они исполнены решимости, когда не вянут их венки —они одолевают в битве врагов. Попутный ветер —для наступающего воинства, южное направление [ветра] —для готовящегося к нападению способствуют успеху [того, кто действует] на западе, но неблагоприятны [для того, кто] на востоке. Когда благими явлены звуки, образы, предметы вкуса, осязания и обоняния, когда постоянно веселы воины, победа им обеспечена. [Если] дуют благоприятные ветры, тучи и птицы летят в нужном направлении и туманы и радуга [появляются] там же —это признаки добрые для побеждающих, о владыка людей, но они же имеют противоположное значение для обреченных смерти, о повелитель племен. И в малочисленном, и в великом войске бодрость воинов полагается верным знаменем победы. Один павший духом приводит в смятение даже очень большое войско, вслед за ним, павшим духом, теряют мужество и наихрабрейшие воины. Даже большую рать, когда она разбита, трудно удержать от бегства, как водную стремнину, как оленье стадо. И даже великое войско, о полководец, невозможно построить после того, как оно разбито; даже самые отважные воины приходят тогда в смятение. При виде тех, кто устранился и поражение потерпел, смятение возрастает все больше. И даже доблестные герои не могут остановить великое войско, о царь, когда оно разбито врагами наголову и бежит врассыпную. Собрав великое войско четырех родов оружия³⁷ и на цели своей сосредоточившись, пусть изобретательно прилагает усилия мудрый властитель. Лучше всего достичь победы мирными средствами, на следующем месте —сеяниераздора [в стане врага], но худший вид победы —та, что достигнута в битве, о владыка народов. Великим грехом она почитается, крушением, пятном. И всего пятьдесят отважных героев, если они сплочены, воодушевлены, самоотверженны и исполнены решимости, могут разгромить большое войско, и даже всего пятеро, шестеро или семеро неколебимых в бою мужей одерживают победу. Гаруда, сын Винаты, когда видел большое скопление супарн, не одобрял такой многочисленной свиты, о Бхарата. Не громадою войска одерживается победа, о Бхарата. Победа ведь неверна, и конечный исход зависит от судьбы. И даже победившие в битве несут потери.

Глава 5

Вайшампаяна сказал:

Молвив так мудрому Дхритараштра, Вьяса удалился. Дхритараштра же, выслушав это, предался размышлению. Всякий раз, о том помывшись, он вздыхать принимался снова и снова. К Санджая, твердому духом, обратился он, о бык среди бхаратов: «О Санджая, эти властители земли, герои, радующиеся битве, что ради обладания землею наносят друг другу удары оружием всякого рода, цари, не ведающие покоя, сражаются, не щадя своей жизни, и умножают население обиталища Ямы. Желаящие обрести земное господство, они ненавидят друг друга. Я думаю, многими свойствами наделена земля; расскажи мне об этом, о Санджая. Многие тысячи, и миллионы, и мириады, и тьмы³⁸ героев мира собрались на Поле Куру. И я хочу слышать поистине, о Санджая, каково протяжение тех стран и городов, откуда они сошлись. Милостью Вьясы, жреца-провидца, безмерного духом, ты наделен оком знания, просветленным божественной мудростью».

Санджая сказал:

Согласно знанию моему, о великомудрый, я расскажу тебе о свойствах земли, узри их, о бык среди бхаратов, ты, чье око —знание, слава тебе! Двух родов существа в этом мире —подвижные и неподвижные. По происхождению подвижные бывают трех родов: рожденные из яйца, из влаги и живородящие. И лучшие из всех подвижных, о царь, —живородящие, а из живородящих главные —люди и животные³⁹, которые, будучи различны обликом, разделяются на четырнадцать видов, а именно: семь видов диких и семь видов домашних. Львы, тигры и вепри, буйволы, также слоны и медведи, и обезьяны —считаются семью видами диких, о царь, коровы, козы, люди, овцы, лошади, мулы и ослы —это семь видов домашних животных, как их обозначают добродетельные. Таковы четырнадцать видов диких и домашних животных, о царь, на которых основываются жертвоприношения по предписанию Вед, о властитель земли. Среди домашних лучший —человек, из лесных —лев. Все существа живут за счет друг друга. Неподвижными считаются растения —их пять родов: деревья, кустарники, лианы, ползучие растения и виды трав, держащиеся кожурою⁴⁰. [Итого] их двадцать без одного, [и еще воплощенные] в пяти стихиях, всего —двадцать четыре, в мире почитаемые под общим названием Гаятри⁴¹. И кто ведает эту священную Гаятри, наделенную всеми качествами, тот, о лучший из бхаратов, поистине не исчезает из мира.

Ведь все рождается на земле, все исчезает в земле, земля —опора для существ, земля —конечный исход. Кому принадлежит земля, тому принадлежит мир —неподвижный и движущийся, —потому-то истребляют друг друга алчущие ее цари.

Глава 6

Дхритараштра сказал:

Названия рек и гор, а также стран и иного, что находится на земле, и все о размерах земли, о ведающий размеры, и о лесах поведай мне полностью, о Санджая.

Санджая сказал:

Все вещи, имеющиеся в мире, о великий царь, мудрые определяют как слагающиеся в целом из пяти стихий⁴² —это земля, также вода, еще воздух, огонь и пространство; у каждой качеств на одно больше [или меньше, чем у другой], и главная из них —земля. Звук, осязаемость и образ, вкус и пятое — запах —такие качества земли называют провидцы, ведающие истину. Четыре качества у воды —у нее нет запаха, о царь. У огня —три качества: звук, осязаемость и образ; звук и осязаемость —у воздуха; у пространства — только звук. Эти пять качеств, о царь, существуют во всех мирах у пяти великих стихий, в коих —основа населенных миров. Они не взаимодействуют, когда существует равновесие, когда же входят взаимно в состояние неуравновешенности, то получают воплощение в телах, только так. О н и разрушаются один за другим, они возникают в должной последовательности⁴³. Все они неизмеримы и тем воплощают в себе божество. А предметы, заключающие в себе пять стихий, наблюдаются там и здесь; люди рассуждением определяют их размеры. Но в действительности сущности эти непостижимы, и рассуждением их невозможно объяснить, [ибо] то, что за пределами природы, принадлежит непостижимому⁴⁴.

Я опишу тебе остров Сударшану⁴⁵, о ты, радость куру. Остров этот, о великий царь, —круглый, колесообразный. О н покрыт реками, и ручьями, и горами, подобными тучам, и разнообразными городами, а также прелестными селениями, цветущими и плодоносными деревьями; изобилующий сокровищами и злаками, он со [всех] сторон окружен соленым океаном. И как человек может зреть лик свой в зеркале, так остров Сударшана отражается в лунном диске. Две части там занимает Смоковница и две части —Великий Заяц. [Остров] тот богат повсюду разнообразием всяких растений, а остальное, да будет ведомо, —вода. Таково краткое описание.

Глава 7

Дхритараштра сказал:

Ты описал остров кратко, расскажи [теперь] пространно Санджая, о том земном пространстве, что отражается в луне, образом зайца отмеченной, расскажи о его протяжении, а потом расскажешь о Смоковнице.

Вайшампаяна сказал:

Когда царь сказал ему так, Санджая слово молвил: «Там простерлись [с запада] на восток, о великий царь, шесть драгоценных горных хребтов, с обеих сторон спускающиеся к восточному и к западному океанам: Химаван и Хемакута, и Нишада, лучшая из гор, и Нила из камней вайдурья⁴⁶, и Швета, сверкающая серебром, и гора под названием Шрингаван, исторгающая [из недр] все металлы. И эти горы, о царь, посещаются совершенными существами и странниками небес⁴⁷. Расстояние же между ними —в тысячу йоджан. Там [расположены], о Бхарата, благие страны —варши, и живут в них повсюду существа различного рода. Это варша Бхараты, следующая за ней называется Хаймавата, а за Хемакутой —Хариварша. К югу от Нилы и к северу от Нишады простирается [с запада] на восток, о великий царь, гора, называемая Мальяван, за Мальяваном же —гора Гандхамана, а между ними [высится] круглая золотая гора Меру, блистающая, как утреннее солнце, подобная пламени без дыма. Считается, что в глубину она уходит на шестнадцать тысяч йоджан, а в высоту поднимается на восемьдесят четыре [тысячи] йоджан, о владыка земли. Она стоит, осеняя миры, [простертая] ввысь, вовнутрь [земли] и в стороны. А подле нее расположены такие четыре острова⁴⁸, о владыка: Бхадрашва, Кетумала, Джамбудвипа, о Бхарата, и Северные Куру, обитель блаженных праведников. Там некогда орел Сумукха, сын Супарны, узрев золотых птиц, так помыслил: "Эта гора Меру не делает различия между высшими и средними и низшими пернатыми, и потому я ее покину!"⁴⁹ Солнце, повелитель светил, и Месяц с созвездиями, и Ветер все время обходят ее слева направо⁵⁰. Та гора, о великий царь, одаренная небесными цветами и плодами, покрыта блистающими дворцами из чистого золота, а там, на вершине, предаются постоянно развлечениям сонмы богов, о царь, гандхарвы, асуры и ракшасы с сонмами апсар. Там Брахма, и Рудра, и также Шакра, владыка богов, сходятся и совершают различные жертвоприношения со многими вознаграждениями⁵¹. И Тумбуру, Нарада, Вишнавасу, Хаха и Хуху, лучшие из бессмертных, следуя за ними, о властелин, поют [им] славу. "Да восславлю!" —[так восклицая], семеро мудрецов, великие духом, и Кашьяпа, Владыка созданий, приходят туда постоянно, благо тебе, в каждый день перемены луны. И на вершине той горы [пребывает] Ушанас Кавья с дайтьями, о владыка земли. На

ней — эти драгоценности, на ней — эти драгоценные горные хребты. Властитель Кубера владеет четвертой долей от того богатства, и [лишь] ничтожную часть его он дарует людям. На северной стороне ее на многих холмах высится благой лес карникара, где цветут цветы всех времен года, чудесный и прекрасный. Там вьязе пребывает достославный Владыка тварей вместе с Умой, окруженный небесными духами⁵³, творец блага [живых] существ; на нем — гирлянда цветов карникара, ниспадающая до пят, и три ока его блистают, словно три солнца на восходе. Его зрят совершенные, предающиеся суровому подвижничеству, соблюдающие строго обеты, правдивые, но люди дурного поведения Великого Владыку видеть не могут. С вершины той горы, о владыка людей, млечная река, ласкаемая руками Тридцати [богов], священная Ганга, что почитается святейшими, прекрасная дочь Бхагиратхи, неукротимым потоком с грозным ревом бури ниспадает в прекрасное Лунное озеро; ⁵⁴ то священное озеро она же и образует, подобное океану. Искони ту [реку], которую даже горам нелего выдержать, уже сто тысяч лет держит на голове Великий Владыка.

На запад же от Меру, о владыка земли, [расположена] Кетумала, и там же великий лес Джамбу, подобный [саду] Нандана. Там, о Бхарата, продолжительность жизни — десять тысяч лет, там — золотоцветные мужи и жены, подобные апсарам; не ведающие недугов и горя, постоянно радостные душою, рождаются там люди, [чьи тела] блещут, как расплавленное золото. На вершинах Гандхаманы Кубера, повелитель гухьяков, блаженствует вместе с ракшасами, окруженный сонмами апсар⁵⁵. От подножья Гандхаманы по сторонам [в отдалении] — другие вершины. Продолжительность жизни там — одиннадцать тысяч лет, люди — темнокожие, о царь, наделенные отвагой, могучие, а жены все — необычайно красивы, [с телами] цвета лепестков лотоса.

За Нилой [расположена] Швета, за Шветой — Хайраньяка, за Шрингаваном — страна, называемая Айравата. Форму лука имеют две страны, о великий царь, [расположенные] на [крайнем] севере и на [крайнем] юге, а [между ними] — еще пять стран, [из которых] средняя — Илаврита⁵⁶. Из них каждая страна, [расположенная] севернее, превосходит [соседнюю] достоинствами — продолжительностью жизни и здоровьем обитателей, которые в тех странах тем одарены благодаря [соблюдению требований] долга, желания и пользы⁵⁷, о Бхарата. Так эта земля, о великий царь, разделена горами. Великая же гора Хемакута, где царь Вайшравана блаженствует с гухьяками, [носит также] имя Кайласа. К северу от Кайласы, близ горы Майнака [расположена] великая божественная гора Манимая с золотыми вершинами. Близ нее — великое озеро, называемое Биндусарас⁵⁸, дивное, прекрасное, восхитительное, с золотыми песками. Там царь Бхагиратха провел [некогда] многие годы, взирая на Гангу, [названную потом по имени его] — Бхагиратхи. Там — драгоценные жертвенные столбы и золотые основания для погребальных костров, там, совершая жертвоприношения, достиг своей цели Тысячеокый многославный, где, сотворив все миры, предвечный Владыка духов, сошедшими духами окруженный, приемлет, грозный, их поклонение, там — Нара с Нараяной, Брахма, Ману и пятым [с ними] — Стхану, там же изначально пребывает богиня, минующая три мира на своем пути⁵⁹. Покидая мир Брахмы, она разделяется на семь [потоков]: Васокасара, Налини, очистительная Сарасвати, Джамбунади, Сита, Ганга и седьмой — Инд⁶⁰.

Непостижимая, [созданная] по предначертанию Властелина божественною волей, Сарасвати, на которой великие жертвоприношения совершаются по истечении тысячи юг, бывает то зрима, то незрима, [появляясь] здесь и там⁶¹. Таковы эти семь божественных Ганг, прославленные в трех мирах.

А на Химаване [обитают] ракшасы, на Хемакуте же — гухьяки, на Нишадхе — змии и наги, а на Гокарне — подвижники. Гора Швета считается обителью богов и асуров, гандхарвы [живут] на вершине Нишадхи, брахманы-мудрецы на Ниле, о государь, Шрингаван же, о великий царь, — убежище предков⁶².

Таковы, о великий царь, эти семь стран [каждая] по отдельности, и насе- ляют их существа движущиеся и недвижимые⁶³. Разнообразным представляется их богатство, созданное судьбою и людьми, которое исчислить невозможно, но в которое верить должен каждый, желающий [себе] блага. Что же касается той чудесной [страны], имеющей очертания зайца, о ко- торой ты спрашивал меня, о царь, по обе стороны от [этого] Зайца к северу и к югу [расположены] две варши; уши же его [образуют] Нагадвипа и Кашьяпадвипа, а голову, о царь, — величаява медно-красная гора Малайя. Так выглядит вторая часть материка, имеющая форму зайца>>.

Глава 8

Дхритараштра сказал:

Расскажи мне все, о Санджая, о [странах] к северу и к востоку от Меру и о горе Мальяван, о великомудрый.

Санджая сказал:

К югу от Нилы и примыкая с севера к Меру [расположена страна] Се- верных Куру, о царь, населенная [людьми] совершенными. Там деревья дают сладкие плоды, и цветы и плоды растут на них постоянно; цветы [их] благоуханны и плоды сочны. Некоторые деревья там, о владыка людей, дают плоды, [исполняющие] все желания, и другие там есть деревья, о владыка мужей, называемые млечными, которые постоянно источают млечный сок [всех] шести вкусов⁶⁴, подобный амрите⁶⁵, а как плоды они рожают одеяния и драгоценности. Земля там, о владыка людей, вся выложена драгоценными камнями и покрыта тончайшим золотым песком, повсюду она приятна для прикосно- вения и нигде не загрязнена, о владыка людей. Все люди рождаются там, изощедшие из мира богов⁶⁶, наделенные в равной мере красотой и [другими] достоинствами в благие и неблагие времена⁶⁷. Они рождаются четами, женщины их подобны апсарам, и они пьют молоко тех млечных деревьев, подобное амрите. [Каждая] чета, родившись, возрастает одинаково, наделенная равными красотой и достоинствами и одинаковой одеждою; [оба супруга] преданы друг другу, как птицы чакраваки⁶⁸, о повелитель. Не ведая недугов, не зная печали, всегда радостные душою, десять тысяч и десять сотен лет живут они там, о великий царь, [никогда] не покидая друг друга. Там птицы, назы- ваемые бхарунда, остроклювые, могучие, уносят всех умерших и сбрасывают их в горные ущелья.

О Северных Куру я рассказал тебе вкратце, о царь, теперь расскажу все как есть о [странах] к востоку от Меру. Первою освящена была Бхадрашва, о владыка народов, где есть лес Бхадрасала и великое древо — Черное Манго. А на прекрасном Черном Манго, о великий царь, — всегда цветы и плоды. Материк же [тот] — высотой в йоджану, там обитают совершенные существа и странники небес, мужины там светлы [лицом], отважны и могучи, женщины — цвета лотоса, красивы, прелестны, блистают, как свет луны, и лица их — как полная луна, тела прохладны, как лунные лучи, и они искусны в танце и пении. Продолжительность жизни там — десять тысяч лет, о бык среди бхаратов. Постоянно пьющие сок плодов Черного Манго, они сохраняют молодость.

К югу же от Нилы, к северу от Нишадхи стоит великое древо Джамбу⁶⁹, вечное, называемое Сударшана, священное, плоды которого исполняют все желания, и его посещают совершенные и странники небес. По нему и получил имя вечный материк Джамбудвипа. На тысячу и сто йоджан, о бык среди бхаратов, высится тот царь деревьев, касающийся небес, о владыка людей. В объёме это дерево — сто тысяч, десять и пять локтей, плоды на нем — различного вкуса и запаха. Падая на землю, они производят громкий звук и источают, о царь, серебристый сок. Сок плодов той яблони, о владыка людей, образует реку, которая, огибая Меру слева направо, течет в сторону Северных Куру. Люди пьют тот сок, о владыка людей, и пребывают в радости, и тех, кто пьет сок этих плодов, не удручает старость. Там находится золото, называемое джамбунада⁷⁰, украшения из которого [носят] боги. Люди там рождаются цвета утреннего солнца.

А на вершине Мальявана — там блистает священный огонь, называемый Свертывающий⁷¹, имя ему — Огонь Времени, о бык среди бхаратов. Там, на вершине Мальяван, тянется с востока цепь холмов. Мальяван же высится на пятьдесят тысяч йоджан. Люди там рождаются, словно серебряные, все — изощедшие из мира Брахмы и все — искушенные в Брахмане⁷². Хранящие целомудрие, становятся они, свершая подвиги, подвижниками и ради оберегания живых существ входят в Создателя дня⁷³. [Числом] шестьдесят тысяч и шестьдесят сотен, они идут перед зарею к Создателю дня, его окружая. Шесть тысяч и шесть сотен лет палимые жаром солнца, они входят [затем] в диск луны.

Глава 9

Дхритараштра сказал:

Назови мне как есть названия тех стран и гор, о Санджая, и кто живет в тех горах.

Санджая сказал:

К югу от Шветы и к северу от Нилы [расположена] страна, называемая Раманака. Там рождаются люди благого рода, все очень красивые на вид, то есть люди рождаются там, преданные радости любви. Они живут, о великий царь, десять тысяч и еще десять и пять сотен лет, постоянно веселящиеся душою. На юг же от Шрингина и к северу от Шветы [лежит] страна под названием Хайранвата, где [протекает] река Хайранвати. Там живут почитатели якшей, о великий царь, богатые, могучие, красивые, о царь, всегда радостные душою; одиннадцать тысяч, о повелитель народов, и еще десять и пять сотен лет — длительность их жизни.

А у Шрингавана — три вершины, о повелитель людей, одна — из драгоценных камней, другая — золотая, дивная, и еще одна — из всяческих драгоценностей, блистающая чертогами [на ней]. И там постоянно обитает своим светом сияющая богиня Шандили. К северу же от Шринги до пределов океана, о повелитель племен, расположена страна, называемая Айравата, [сразу] за Шрингаваном. Там солнце не палит и люди не стареют, луна со звездами, ставшая там [главным] светилом, словно обволакивает ее [своим светом].

Светлые, как лотос, цвета лотоса, с глазами, подобными лепесткам лотоса, и благоухающие, как лепестки лотоса, рождаются там люди. Все они проворны, благоуханны, преданы посту, обузданы в чувствах и бесстрастны, изощедшие из мира богов, о царь. И живут те люди, о повелитель племен, в продолжение тридцати тысяч лет, о лучший из бхаратов.

И прямо к северу от Молочного океана пребывает властитель Хари Вайкунтха на золотой колеснице. Колесница же та — восьмиколесная⁷⁴, запряженная духами, скорая, как мысль, огнецветная, быстролетная, украшенная золотом джамбунада. Тот владыка, властитель всех

существ, о бык среди бхаратов, сута Сжатие и Развитие [вселенной]75, Деятель и Тот, кто побуждает к Действию. Он — земля, воды, также эфир, воздух и пламя, о властитель земли, он — жертвоприношение для всех существ. Пожиратель жертвы76 — его уста.

Вайшампаяна сказал:

Когда молвил ему так Санджая, Дхритараштра, высокий помыслил царь, впал в раздумье о сыновьях своих, о повелитель народов.

Поразмыслив, он вновь, о великий царь, слово сказал: «Несомненно, о сын сута77, Время сокрушает вселенную и создает все снова. Нет здесь ничего вечного. [То он] — Нара и Нараяна, всеведущий, хранящий все существа. Вайкунтха и Веда, [также] Вишну — так именуют [нашего] Господа боги».

Глава 10

Дхритараштра сказал:

Об этой стране Бхараты, где та сила сосредоточилась, о ней, коей [владеть] жаждет безмерно сын мой Дурьодхана, коей домогаются сыны Панду и к коей устремляется моя мысль, Расскажи мне все как есть, о Санджая, ты ведь сведущ [в этом].

Санджая сказал:

Не домогаются ее Пандавы, о царь, выслушай слово мое, домогаются ее Дурьодхана и Шакуни, сын Субалы, а также другие кшатрии, правители различных стран, которые жаждут овладеть варшей Бхараты и ненавидят друг друга. Я расскажу тебе о стране Бхараты, о потомок Бхараты, любимой стране Индры, и Ману, сына Вивасвана, и Притху, о царь, сына Вены, и также Икшваку, великого духом, Яти, Амбариши, Мандхатара и Нахуши, также Мучукунды, Шиби, сына Ушинары, также Ришабхи, сына Илы, и царя Нриги; и другим могучим кшатрием, о великий царь, мила страна Бхараты, о властелин царей, потомок Бхараты! Я расскажу тебе, о каратель врагов, об этой стране то, что слышал о ней, слушай, я поведаю тебе, о царь, то, о чем ты меня спрашивал.

Махендра, Малайя, Сахья, Шуктиман, Рикшаван, Виндхья и Париятра — это семь главных горных хребтов. А окрест — тысячами горы известные, драгоценные, огромные, с красивыми вершинами; и кроме них — другие, безвестные, малые, малонаселенные. Арии и млечней78, о Кауравы, и люди смешанного происхождения, владыка, пьют [там воду] из рек — широкой Ганга, Инда, Сарасвати, Годавари и Нармады, и великой реки Бахуды, Шатадру и Чандрабхаги, и великой реки Ямуны, Дришадвати и Випаши, Випапы, Стхулавалуки, также реки Ветравати и низвергающейся Кришнаваны, Иравати, Витасты, Пайюшни и Девики тоже, Ведасмрити, Ветасини, Тридивы, Икшумалини, Каршини, Читравахи и Читрасены низвергающейся, Гомати, Дхутапапы и великой реки Ванданы, Каушики, Реки третьего неба79, Криты, Вичитры, Лохатарини, Ратхастхи, Шатакумбхи и Сарая, о владыка людей, Чарманвати, Ветравати, Хастисомы, а также Диш, Шатавари и Пайюшни, и также далекой Бхаймаратхи, Кавери и Чулуки, Вапи, еще Шатабалы, Ничиры, Махиты, а также Супрайюги, о повелитель людей, Павитры, Кундалы, Синдху, Ваджжии, Пурамалини, Восточной Абхирамы и Виры, Бхимы, также Огхавати, Палашини, Папахары, Махендры, Пиппалавати, Паришены и Асикни, Саралы, Бхарамардини, Пурухи, Правары, Мены, Могхи, также Гхритавати, чернейшей Дхуматти и Сучи, и Чхави, о потомок Куру, Саданиры и Адхришью, великой реки Кушадхари, Шашиканты и Шивы, а также еще Виравати, Васту, Сувасту и Гаури, Кампалы с Хиранвати, Хиранвати, Читравати и низвергающейся Читрасены, Ратхачитры, Джьотиратхи, Вишваматры, Капинджали, Упендры, и еще Бахулы, Кучары, Амбувахини, Вайнанди, Пинджалы, Вены, великой реки Тунгавены, Видиши, Черной Венны, и Тамры, и Капили тоже, Шалу, Сувамы, Ведашвы, Харисравы, большого потока, и Шигхры, и еще Пиччхалы, и низвергающейся Бхарадваджи, низвергающейся Каушики, Шоны да Бахуды, Чанданы, Дурги, и еще Антахшилы, Брахмамедхы, Брихадвати, Чаракши, а также Махирахы, еще Джамбунади, Сунасы, Тамасы, Даси, Трасы и другой — Варанаси, и еще Лолодххритакары, и великой реки Пурнаши, Манахи, а также Вришабхи, великих рек, о повелитель племен, Саданирамайи, Вриты, Мандаги, Мандавахини и Брахмани, Махагаури, и еще Дурги, о Бхарата, Читропалы, Читрабархи, прекрасной Макаравахини, Мандакини, Вайтарани, а также Коки, великой реки, Шуктимати и Араньи, Пушпавени-Утпалавати, Лохиты и Каратои, а также Вришабхангини, Кумари, и Ришикулы, и Брахмакулы, о Бхарата, Сарасвати и всеятой Ганги, о достойный, матерей всего и всех и все великие силы [в себе заключающих], а также из сотен и тысяч малоизвестных рек.

Таковы эти реки, о царь, которые я перечислил по памяти. Сверх этого узнай о странах, которые я назову80. Там это — Куру-Панчалы, Шальвы, Мадреи и Джангалы, Шурашены и Калинги, Бодхи, а также Мауки, Матсьи, Сукуты, Саубалы, Кунталы, Каши-Кошалы, Чеди-Ватсы и Каруши, Бходжи, Синдху-Пулиндаки, Уттамауджи и Дашарны, и Мекалы с Уткалами, Панчалы, а еще Каушиджи, Экаприштхи, Югандхары, Саудхи, Мадры и Бхуджинги, Каши и Дальние Каши81, Джатхары и также Куккуши и Судашарны, о Бхарата, Кунти, а также еще Аванти и Дальние Кунти, Говинды, Мантаки, Шанды, Видарбхи Прибрежные82, Ашмаки, Пансураштры, Гопараштры, Панитаки, Адираштры, Суккутты, и особо Балираштры, Ванарасьи83 и Правахы, Вакры, Вакрабхаи, Шаки, Видехаки, и Магадан, и Сухы, также Виджайи, Анги, Ванги и Калинги, а также Якриломаи, Маллы, Судешны, также Прахуты, Махишакаршики, Вахики и Ватадханы, Абхиры, Калатояки, и Апарандхры, и Шудры, Пахлавы, Чармакхандики, еще Лесные Шабары, и Марубхаумы84, о почтенный, Рубленые и Нерубленые Сураштры85, также Кекаи, Куттапаранты, Двайдхей86, Каши, Самудранишкuty и Андхры многонаселенные, о царь, также Антаргири и Бахиргири, Анги да Малады, Магадан, Манаваджжи, Махиуттары, Правришей и Бхаргавы, о повелитель племен, Пундры, Бхарги и Кираты, Судошны и Прамуды, Шаки, Нишады, также Нишадхи, Анарта-Найрриты, Дугулы и Пратиматсьи, Кушалы, также Кунаты, Тираграхи, Таратои, Раджики, Расьякаганы, Тилаки, Парасики, Мадхуманы87, Пракутсаки, Кашмиры, Синдху-Саувиры, Гандхары, также Даршаки, Абхисары и Кулуты, Шайвалы, также Бахлики, Дарвики, с Качами Дарвы, Ватаджма-Ратхораги и Бахувады, о Кауравы, Судаманы, Сумаллики, Вадхры и также Каршиаки88, также Кулинды Предгорья, Ваная, Дашапаршвы, Романы, Кушабинду, Болота и Пастушья Болота89, Аангалы, Дальние Валлаки, Кираты, Барбары, Сиддхи, Видехи, Тамралингаки, Оштры, Пундры, с Сайрандхрами Парватии, о почтенный, а также и другие южные страны, о бык среди бхаратов: Дравиды, Кералы, Восточные Бхушики, Ванавасины, Уннатяки, Махишаки, Викальпы, а также Мушаки90, Карники и Кунтики, Саудбхиды, Налакалаки, Каукуттаки, Чолы, Конкары, Малаванаки, Саманги и еще Копаны91, Кукурунгада-Мариши, Дхвадджини-утсава-санкеты, Тригарты, Сарвасени, Трианги, Кекараки92, Проштхи, Парасанчараки, также Виндхья-пулаки, Пулинды с Калкалами, Малаки и еще Маллаки, также Апаравартаки, Кулинды, а также Кулаки, Карангхи, также Кураки, Мушаки и Станабалы, Сатия, Паттипанджжи, Адиди, Сиралы, Стубаки, также Стананы93, Хриши-Видарбхи94, Кантики, Танганы, Дальние Танганы, и еще северные варварские племена95, о лучший из бхаратов: яваны с камбоджами, свирепые роды варваров, сакшадрухи и кунталы, гунны вместе с паратаками, также марадхи, также чины, дашамалики и [среди них] обитающие кшатрии и роды вайшьев и шудр. Также шудры-абхиры, дарады, кашмиры со стадами, и кхашики, и тохары, паллавы, гиригахвары96, Атреи с Бхарадваджами, также станайошики, аупаки и калинги, и племена киратов, тамары и хансамарги97, а также карабханджжи. Я поведал тебе только о названиях стран, о властелин. Земля же, если ею хорошо управляют, дает великие дары трех ценностей согласно достоинству [принимавшего их], как доится волшебная корова99. Алчут ее цари-герои, знатоки добродетели и пользы, они, подвижники, не щадят жизни в битве, жаждущие [обладания] землею. Земля, поистине, — последнее убежище для тел [равно] богов и людей100, и рвут ее друг у друга [цари], как собаки кусок мяса. Цари, о лучший из бхаратов, желающие владеть хранительницей сокровищ, и в том ни для кого нет утешения желаний. Потому-то спорят за землю куру и Пандавы посредством договора, дарения, раздора и кары101, о царь. Отцом, матерью и сыном, воздушным пространством и небом, о муж-бык, станет для существ земля, о коей должная и неукоснительная забота [будет] проявлена102.

Глава 11

Дхритараштра сказал:

Расскажи мне подробно, о колесничий, о продолжительности жизни в стране Бхараты и в Хаймавате, а также в Хариварше, и о воздаянии за добрые и недобрые [дела], о Санджая, и о будущем, минувшем и настоящем.

Санджая сказал:

Четыре юги в стране Бхараты, о бык рода Бхараты, — Крита, Трета, и Двапара, и Пушья103, о благодетель рода Куру. Первой наступает называемая Крита-югой, затем — Трета-юга, о владыка, по истечении же Двапары наступает Пушья. Четыре тысячи лет, о лучший из куру, такова продолжительность жизни в Крита-юге, о лучший из царей. Три тысячи — таково это число в Трете, две тысячи — в Двапаре, ныне на ста [до истечения] остановившейся. Нет определенного срока жизни в Пушье, о бык рода Бхараты. Тогда умирают и во чреве пребывающие, умирают и родившиеся. Могучие, великие в сути своей, наделенные достоинством продолжения рода, рождаются в Крите, о царь, мудрецы, великие подвижники, великой отваги [исполненные], великие духом, благочестивые, рекущие правду; богатые, красивые рождаются в Крита-юге, о царь. Жизнестойкие великие герои, искусные во владении луком в битве, рождаются кшатрии в Трете, воители, не ведающие преград. Всех варн рождаются [люди] в Двапаре, о великий царь, великой отваги, великого мужества, обуреваемые желанием убивать друг друга. Слабые духом, гневливые, о царь, алчные и лживые, рождаются люди в Пушье, о Бхарата. Зависть и высокомерие, гнев, обман и злоба владеют смертными в Пушье, недуг и жадность, о Бхарата. Истекает, о царь, эта Двапара, о владыка мужей! 14 Выше достоинства в Хаймавате, Хариварша же — еще лучше.

Глава 12

Дхритгараштра сказал:

О Джамбудвипе должным образом ты рассказал, о Санджая. Поведай же поистине о ее площади и протяженности и о протяженности [охватывающего ее] океана¹, о ты, излагающий все неукоснительно. И о Шакадвипе расскажи мне, и о Кушадвипе, о Санджая, и о Шалмале истинно, и о Краунчадвипе также, и расскажи мне все, о сын Гавальганы, о луне и солнце.

Санджая сказал:

Существует много островов², о царь, из коих слагается мир; я расскажу тебе о семи, а также о луне и солнце и о планетах. Полных восемнадцать тысяч и шестьсот йоджан составляет, о владыка народов, протяженность материка Джамбу. Считается, что вдвое больше протяженность Соленого океана³. Многими странами окруженный, изобилующий драгоценными камнями и кораллами, украшенный утесами из многих разнообразных минералов, совершенными и странниками небес заполненный, [этот] океан протягивается кругом. А теперь Шакадвипу я опишу тебе должным образом, о царь, выслушай меня, праведную речь ведущего, о ты, радость рода Куру. Она дважды превосходит размерами Джамбудвипу, о владыка мужей. И океан, о великий царь, которым она окружена, Молочное море⁴, соответственно вдвое протяженностью, о лучший из бхаратов. Там [расположены] священные страны, и народ там не умирает. Откуда там взяться голоду? Терпением и пылом наделены [там люди]. О Шакадвипе я рассказал тебе вкратце должным образом, о бык среди бхаратов, о чем еще, о великий царь, хочешь ты услышать?

Дхритгараштра сказал:

О Шакадвипе рассказал ты вкратце должным образом, о Санджая, [теперь] все как есть поведай пространно о ней, о великий судьбою.

Санджая сказал:

Также там [есть] семь гор, о царь, драгоценными камнями красующихся, и реки, изобилующие сокровищами; услышь от меня их названия. Там все преисполнено достоинства и свято, о повелитель людей. Высочайшая гора там, на коей обитают боги, провидцы и гандхарвы, называется Меру. На восток протянулся горный хребет, называемый Малайя, [где] рождаются облака и откуда они растекаются повсюду. Следующая за ним, о Кауравья, великая гора Джаладхара, где постоянно черпает Предводитель Васу чудную воду; отсюда берется дождь в пору дождей, о владыка людей. [Далее] высокая гора Райватака стоит, где постоянно [над нею] в небе [светит] созвездие Ревати; [так] установлено Прародителем. К северу же, о властитель царей, [высятся] великая гора, называемая Шьяма, и, поскольку [она темна], жители [там] имеют темный цвет кожи, о владыка страны.

Дхритгараштра сказал:

Большое недоумение возникает ныне у меня относительно того, что мол вил ты, о Санджая. Как это [могло быть], о сын возницы, что жители там обрели темный цвет кожи?

Санджая сказал:

На всех-то материках, великомудрый, два цвета [у жителей] белый и черный, о радость рода Куру, по ним различаются варны⁶. А от чего происходит [название] Шьяма, я расскажу тебе, о Бхарата: здесь пребывает господь Кришна, и это от его красы потемнела [гора]⁷. За нею, о властитель Кауравов, — великая вершина Дургашайла, [затем] Кесари, с которой веет ветер, напоенный [благоуханием] бакулы⁸. У каждой [горы] протяженность в йоджанах — вдвое больше, [чем у предшествующей]. Мудрые называют страны⁹, [расположенные] у тех [гор], о Кауравья: Махакаша у великой Меру, Кумудоттара у Дающей воду¹⁰, за Джаладхарой, о царь, как известно, — Сукумара, при Райвате же — Каумара, при Шьяме же — Маничака, при Кесајре — Модаки, у следующей — Махапуман. Охватывая в длину и в ширину [столько же, как] известное на Джамбудвипе, о Кауравья, осеняет тот материк [стоящее] посредине великое дерево, о великий царь, называемое шака¹¹. Там люди праведны, там почитается Шанкара, те места посещают совершенные, странники небес и божества деревьев. И добродетельные жители, о царь, [все] четыре сословия, необычайно преданы там, о Бхарата, [каждый] своему долгу, и там не встретишь вора; долговечны там жители, избавленные от старости и смерти, и множатся, как стремящиеся к морю реки в пору дождей. Реки там — святой воды, и Ганга [разделяется] на много потоков, а также протекают там Сукумари и Кумари, Сита, а также Каверака и Маханади, о Кауравья, также река Маниджала, а также Икшувардханика, лучший из бхаратов, — реки со святой водою, о продолжатель рода Куру. Сотни тысяч их там, прекраснейших рек с благой водою, откуда [ее] черпает для дождей Предводитель Васу, и невозможно перечислить все их по именам. Там [расположены] четыре священные страны, почитаемые в мире: Маги и Машаки, а также Манасы и Мандаги¹³. Маги, о правитель, — это большей частью брахманы, преданные своему призванию; в Машаках [пребывают] праведные кшатрии, исполняющие все [их] желания; в Манасах, о великий царь, — вайшьи, живущие своим трудом, отважные и, [поскольку] удовлетворяются все их желания, приверженные закону и пользе; 14 а в Мандаге — шудры, всегда придерживающиеся праведного поведения. Нет там царя, о владыка царей, ни кары, ни караемых. Закон они охраняют взаимно, поскольку свой долг исполняет [каждый]. Вот и все, что можно сказать о том материке, и все, что можно услышать о Шакадвипе, великой мощью наделенной.

Глава 13

Санджая сказал:

А что рассказывают об остальных материках, о Кауравья, выслушай меня, я поведаю тебе, как я это слышал. Здесь [следует далее] океан, чьи воды — топленое масло¹⁵, далее — [океан водой из сыровотки, за ним океан вина и другой океан — из горячего молока. И каждый материк — вдвое больше предыдущего, о властитель людей, и со всех сторон, о великий царь, они обрамлены горами. На срединном острове¹⁷ — великая гора Гаура из реалыгара, западная же гора — Кришна, образом своим близкая Нараяне¹⁸, о царь; сам Кешава охраняет ее бесценные сокровища, пребывающий там, вблизи Владыки Созданий, он ниспосылает созданиям счастье¹⁹. На Кушадвипе почитается [жителями] заросль травы куша²⁰, [находящаяся] в середине страны, на материке Шалмали же — [дерево] шалмали²¹, о царь. На Краунчадвипе, о великий царь, гора Махакараунча, изобилующая залежами сокровищ, постоянно почитается, о великий царь, [всеми] четырьмя сословиями. [Там же] — великая гора Гоманда, о царь, заключающая в себе все минералы, где постоянно пребывает благой лотосокий властитель Нараяна, [он же] Хари, постоянно восхваляемый чающими избавления. На Кушадвипе же, о властитель царей, — гора, выложенная кораллами, под названием Судхама, другая — неприступная золотая гора, называемая Дьютиман, о Кауравья, третья гора — Кумуда, четвертая — та, что зовется Пушпаван, пятая же — Кушешая, шестая — называемая Харагири. Это шесть главных гор²². Расстояние между ними [после каждой следующей] возрастает вдвое. Первая страна зовется Аудбхида, вторая — Венуманда, третья — Ратхакара, четвертая — Палана, пятая страна — Дхритимат, шестая страна — Прабхакара, седьмая страна — Капила. Это — целых семь стран. В них проводят время и блаженствуют боги и гандхарвы и рожденные там обитатели их, о владыка земли, и люди там не умирают. Нет там нечестивцев, ни варварских племен, о повелитель, люди там, о царь, все — очень светлого и изящного облика.

Об остальных странах я расскажу, о владыка людей, что известно о них, то выслушай, о великий царь, невозмутимый душою. На Краунчадвипе, великий царь, [расположена] великая гора, называемая Краунча, за Краунчей следующая — Вamanaка, за Vamanaкой — Андхакарака, за Андхакаракой следующая, о царь, — Майнака, лучшая из гор, за Майнакой далее, о царь, — лучшая гора Говинда, за Говиндой же следующая, о царь, — гора, называемая Нибида; а расстояние между ними [после каждой увеличивается] вдвое, о благодетель рода. Теперь я расскажу о [расположенных] там странах, выслушай, что я молвлю. Близ Краунчи — страна Кушала, у Vamanы — Манонуга, следующая за Манонугой страна — Ушна, о потомок рода Куру. Следующая за Ушной — Праварака, за Праваракой — Андхакарака, следующей же за страной Андхакаракой считается Мунидеша. Следующей за Мунидешей называют Дундубхисвану, заполненную совершенными и странниками небес, [жители там] в большинстве светлокочие²³, о повелитель людей. [Таковы] эти страны, о великий царь, посещаемые богами и гандхарвами. На Пушкаре²⁴ — гора, называемая Пушкара, из драгоценных камней и кристаллов, сам бог, Владыка созданий²⁵, всегда пребывает там. Ему поклоняются постоянно все боги с великими провидцами, воздавая почести ему речами, любезными сердцу, о повелитель людей. И [там] находятся различные сокровища с Джамбудвипы. На всех тех материках, о радость рода Куру, жители [каждого] целомудрием жрецов, праведностью, самообузданием, здоровьем и продолжительностью жизни вдвое [превосходят жителей предшествующего]. И на каждом из тех материков расположена только одна страна, и говорят, о царь, что в каждой из тех стран явлена только одна вера²⁶, о Бхарата. Сам господь, Владыка созданий, охраняющий те материки, о великий царь, подъяв жезл, постоянно там пребывает. Он — Царь, он — Благой, о царь, он — Родитель, он — Прародитель²⁷, охраняет, о лучший из людей, существа, и неразумные, и одаренные разумом. А пища, о Кауравья, сама собой туда доставляется, и жители постоянно могут питаться ею, готовой. А за тем пределом, о великий царь, находится край света, называемый Сама²⁸, о четырех углах и занимающий тридцать три округа. Там пребывают, о Кауравья, четыре мировых слона, почитаемые в мире, о лучший из бхаратов: пamana, Айравата и другие, а также Супратика, о царь, с разверстыми висками и ртом³⁰. Размеры же такого [мирового слона] я высчитать не возьмусь, никогда не исчислить их, ни в высоту, ни вниз, ни поперек. А ветры там веют со всех сторон, и ловят их постоянно те слоны, для коих нет пределов, лотосоподобными кончиками [своих] могучих блистательных хоботов и сразу опять выпускают те ветры поочередно. И воздушные потоки, выдыхаемые мировыми слонами, приходят сюда, о великий царь, чтобы пребывали [живыми] существа.

Дхритараштра сказал:

Очень обстоятельно поведал ты, о Санджая, о других [землях]. Местоположение материков ты указал, теперь расскажи об остальном, о Санджая.

Санджая сказал:

О материках я рассказал, о великий царь, теперь послушай все, как оно есть, о планетах. Вот что можно [рассказать] о Сварбхану, о лучший из Кауравов: известно, о великий царь, что планета Сварбхану — круглая, диаметр ее — двенадцать тысяч йоджан. Окружность же ее, о безупречный, в тридцать шесть тысяч [и] шестьдесят сотен величиною обозначают древние мудрецы. А Луна, как считается, — диаметром в одиннадцать тысяч, о лучший из куру, окружность же великого светила хладных лучей — протяженностью в тридцать шесть [тысяч] и пятьдесят девять [сотен йоджан]. Солнце же, о радость куру, — в восемь тысяч и еще две [тысячи] диаметром, о царь, окружность равна тридцати [тысячам] и пятидесяти восьми [сотням йоджан] величиною, о безупречный, — [это] известно о высочайшей благородной [небесной] птице светозарной. Так указаны здесь размеры Солнца, о Бхарата. Раху [своей] громадою затмевает Луну и Солнце в должное время. [Так] кратко я рассказал тебе об этом, о великий царь. Оком знания я [рассмотрел и] поведал тебе обо всем, о чем ты спрашивал меня, о великий царь, как оно есть, потому обрети [ныне] мир. Я рассказал тебе о мире и об исходе его³¹, что ведомо об этом, потому успокой, о Кауравья, сына [своего] Дурьодхану! Выслушав этот раздел о Земле, ублаговворяющий душу, о лучший из бхаратов, воин становится счастлив, достигает успеха, почитаемый благочестивыми, жизнестойкость его, мужество и отвага возрастают. Кто, верный обетам, слушает [ее] в день перемены луны³², о хранитель земли, ублаговворяет тем своих предков и праотцев. Итак, о тех достоинствах, которыми отмечена страна Бхараты, где мы пребываем, ты все услышал.

ПЕСНЬ ГОСПОДА

Глава 14

Вайшампаяна сказал:

И вот Санджая, мудрый сын Гавальганы, очевидец всему [произошедшему], ведающий прошлое, настоящее и будущее, вернувшись с битвы, опечаленный, приблизился поспешно к погруженному в раздумье Дхритараш -тре и поведал ему, что убит Бхишма, не знавший равных среди бхаратов: «Я — Санджая¹, о великий царь. Слава тебе, о бык среди бхаратов! Убит Бхишма, сын Шантану, дед бхаратов.

Возвеличившийся над всеми воителями, слава всех стрелков из лука, ныне возлежит он, дед куру, на ложе из стрел. Тот, на чье мужество полагаясь, решился на игру твой сын², лежит Бхишма, о царь, повергнутый в бою Шикхандином! Тот, кто на одной [единственной] колеснице победил всех сошедшихся в великом сражении у города Каши царей, великий воитель, кто противостоял в бою [самому] Раме, сыну Джамадагни³, он, отпрыск Васу⁴, сыном Джамадагни не сраженный, сражен ныне Шикхандином! Доблестью равный великому Индре, стойкостью подобный Химавану, глубиной — океану, неколебимостью — Земле, он, чьи зубы — стрелы, чьи уста — лук, чей язык — меч, неприступный муж-лев, отец твой повергнут ныне царевичем панчалов! Тот, кого завидев восстающим для боя, трепетало великое войско Пандавов, обьятое страхом, словно стадо коров при виде льва, кто десять дней охранял твое воинство, истребитель [вражеских] ратей, закатился, как солнце, свершив подвиг неимоверный. Кто, словно Шакра, ливнем сыпал тысячи стрел, невозмутимый, и тьму воинов сразил в битве за [эти] десять дней, стена, лежит он [теперь], как сломанное ветром дерево, — чего, о царь, не заслужил он, твоими дурными советами [погубленный], о Бхарата!>>

Глава 15

Дхритараштра сказал:

Как Шикхандином убит был Бхишма, бык среди куру? Как пал с колесницы отец мой, равный Предводителю [богов] Васу? Каково было сынам моим, о Санджая, остаться без Бхишмы, могучего, богоподобного, соблюдавшего обет целомудрия ради отца? Когда убит был великий человек, великий стрелок из лука, великомощный великий воитель, муж-тигр, как стало у них на душе? Превеликая скорбь одолела меня, когда поведал ты мне, что убит бык [рода] Куру, бестрепетный герой, муж-бык. Кто следовал за ним, кто шел впереди, кто стоял, кто отступал [вместе с ним], кто наступал, о Санджая? Кто те герои, что шли следом, [охраняя] с тыла непобедимого кшатрия-быка, тигра на колеснице, когда стремительно врывался он в строй [вражеских] колесниц? Тот истребитель недругов, что рассеивал вражеское войско, как солнце [рассеивает] тьму, кто повергал в трепет врагов, подобный светилу тысячи лучей³, и тяжкий подвиг в битве свершил по велению Кауравыб, — как противостояли в сражении ему, сыну Шантану, пожиравшему войска, несокрушимо победителю, успешно наступавшему, окружившие его Пандавы? Сокрушающего рати, стремительного, далеко превзошедшего в доблести других мужей-тигров, поражения не знавшего, того, чьи зубы — стрелы, чьи уста разверсты — лук, чей язык — грозный меч, неприступного, как поверг его, непобедимого, сын Кунти в бою? Грозный лучник среди грозных, что, на лучшей из колесниц стоя, острыми стрелами косил головы врагов, кого, несокрушимо, готовым к бою заведя, жалось в муках всякий раз великое войско Пандавов, словно пред огнем кончины^{ма7}, кто десять дней предводительствовал моим воинством, истребитель [вражеских] ратей, закатился, как солнце, свершив подвиг неимоверный. Кто, словно Шакра, извергая неиссякающий дождь из стрел, сразил в бою тьму воинов за [эти] десять дней, стена, лежит [теперь], как сломанное ветром дерево, — того не заслужил он, потомок Бхараты, [погубленный] моими дурными советами!

Как могла рать Пандавов, узрев сына Шантану, сразить там Бхишму, наделенного грозной мощью? Как вели с Бхишмой бой сыновья Панду? Как [случилось, что] не одержал победы Бхишма, меж тем как жив был Дрона, о Санджая? Когда Крипа, а также сын Бхарадваджи были там рядом, как мог встретить смерть Бхишма, лучший из ратоборцев? И как Бхишма, великий воин, коему в битве противостоять даже богам было бы трудно, [мог быть] сражен тем Шикхандином, царевичем панчалов? Кто всегда мог соперничать в битве с могучим сыном Джамадагни, кого сын Джамадагни не победил, о нем, равном мощью Шакре, о Бхишме, по мощи его признанном великим колесничным бойцом, расскажи мне, о Санджая, о том убитом в сражении герое, от коего мы [уже] не чаем утешения. Кто были те великие лучники моего войска, что не покинули неколебимого, о Санджая? Кто те герои, что сплотились вокруг него по указу Дурьодханы?

И когда все пандавы⁸ во главе с Шикхандином напали на Бхишму, ведь куру, о Санджая, не бросили же, уstraшившись, его, неколебимого? Словно поднявшаяся [на небе] великая туча — звон тегивы был ее громом, стрелы — ее ливнями, громкий треск лука [слышался] великим шумом, — осыпал он дождем сынов Кунти вместе с панчалами, вместе со сринджаями, герой, разящий вражеских воителей на колесницах, словно Носитель ваджры⁹ — демонов. Кто были те герои, что окружали его, как окружают берега обитель макар?¹⁰ Из оружия всяческого было то грозное море, трудноодолимое, с акулами-стрелами и волнами-луками, неисчерпаемое, без островов, без кораблей [для переправы] в бурю, с макарами-палицами и водоворотами-мечами, рыбинами-конями, кишащее слонами! [Кто сопровождал его], стремительно славшего в битву коней, словов и пехотинцев, а также колесницы во множестве, его, сокрушающего чужих героев, сожигаемого гневом, отвагой испепеляющего врагов? И кто был тогда, о Санджая, впереди Бхишмы, губителя врагов, вершившего в битве подвиг ради блага Дурьодханы? Кто защищал правое колесо Бхишмы, отвага коего непомерна, и кто были те герои, вершители обетов, что отражали врагов с тыла? Кто находился близ Бхишмы, защищая его спереди, кто те герои, что защищали левое колесо сражающегося героя? Кто те, что, держась у левого колеса, разили сринджаев, о Санджая, кто те, что обороняли его, неприступного, сойдясь [с врагами] впереди ратей? Кто пробивался тяжким путем с ним рядом, кто не уступал в сражении вражеским героям, о Санджая?

Как случилось, что, меж тем как сами те герои его охраняли, под его защитой не победили они сразу в битве рати [воинов] трудноодолимых? Как, о Санджая, могли Пандавы нанести удар ему — все равно что властителю вселенной, высочайшему Владыке созданий? Ты объявляешь мне, о Санджая, что погружился в пучину тот остров, который был опорой для куру, меж тем как они бился с врагами, — муж-тигр Бхишма! Тот, на чье мужество упоая, презрел могущественный сын мой [силу] Пандавов, — как мог он быть убит врагами? Тот, чьей помощи некогда [сами] боги с Индрой искали, когда разили демонов, неистовый в битве отец мой, исполняющий великие обеты, тот, при рождении коего, счастливыми приметами отмеченного сына, великим мужеством наделенного благодетеля народа, [отец его] Шантану забыл о печали, страданиях, унынии, — о нем, достигшем предела мудрости, знающем, преданном святому долгу, чистом, постигшем суть Вед и веданг¹¹, как можешь ты говорить мне, что он убит? После того как я услышал, что погиб сын Шантану, овладевший наукой всех родов оружия, владеющий собой, невозмутимый, рассудительный, мысля о и остальное войско погибшим! Беззаконное одержало верх над законом — таково мое мнение, если убиением старого учителя хотят обрести царство Пандавы! Некогда сам Рама, сын Джамадагни, непревзойденный знаток оружия, вознамерившийся сразиться с ним ради Амбы¹², побежден был в бою Бхишмой. А ты говоришь мне, что убит Бхишма, равный подвигами Индре, высочайший из лучников, — может ли быть для меня горе больше этого? Сражающийся вражеских героев, он [одолеет] и Раму, сына Джамадагни, победившего в бою неоднократно полчища кшатриев, — значит, того потомка Бхригу, великого мужеством, неистового в сражении, превзошедшего отвагой, мужеством и силой Шикхандин, сын Друпады, если сразил в битве победоносного героя, сведущего во всех науках, воителя, высшее знание оружия обретшего, быка среди бхаратов! Какие герои следовали в окружении врагов за ним, сокрушителем недругов? Расскажи мне о том, как происходила битва Бхишмы с пандавами. [Теперь] войско моего сына — словно женщина, у которой убит муж, о Санджая, словно разбредшееся стадо коров без пастуха! Когда пал в великом сражении, проигранном [после этого], тот, чье мужество было высочайшим во всей вселенной, каково стало на душе у вас тогда? И достойны ли мы сами жить теперь, о Санджая, если допустили, что убит был великий мужеством отец [наш], верный мирскому закону? Думаю, словно

путники, к дальнему берегу плывущие, когда они видят корабль свой тонущим в бездонной пучине, в отчаянии скорбят безмерно сынки мои [сейчас], когда убит Бхишма. Видно, из камня претвердое сердце мое, если не разорвалось оно при вести о гибели Бхишмы, мужа-тигра! У него, быка среди бхаратов, несокрушимого, неизмеримо [превосходны] были и владение оружием, и ум, и искусство правления, — как мог он быть сраженным в битве? Но ни оружие, ни храбрость, ни подвижничество, ни ум, ни стойкость и даже никакое самоотвержение никого от смерти, [если суждена она], не избавят. Поистине, велика мощь Времени и неодолимо оно для всех людей, если ты уведомляешь меня, о Санджая, что убит Бхишма, сын Шантану. Раньше, измученный тоской по сыновьям, не мысля о великой беде, уповал я на защиту, которую даст мне Бхишма, любимый сын Шантану. Когда Дурьодхана увидел его, сына Шантану, павшим на землю, словно [закатившееся] солнце, что он предпринял, о Санджая? Как ни раскидываю я умом, о Санджая, я не вижу, что еще [произойдет] с противостоящими воинами царей — как моих, так и вражеских. О, жесток долг кшатрия, как установлен он провидцами, если ценою гибели сына Шантану желают обрести царство Пандавы, а мы [сами], желая царства, обрекаем на гибель прароди теля. Кшатрийского долга держатся сыновья Притхи, не нарушают его [и мои] сынки. Так и должен поступать благородный в годину тяжких бедствий, о Санджая, всего превыше — натиск, сколько хватит силы; так уж ему определено. Истребляющего рати, сдержанного, непобедимого, как повергли, родной мой, сына Шантану сыновья Панду? Как построены были войска, как сражались великие духом и как же был убит врагами, о Санджая, отец мой Бхишма? А Дурьодхана, и Карна, и сам Шакуни, сын Субалы, и Духшасана, игрок¹³, — что молвили, когда убит был Бхишма? Кто были те несчастные игроки, мужибьки, что вошли в опасное и устрашающее собрание, устланное телами людей, слонов и коней, где кости игральные — стрелы, дротики, палицы, мечи и копья, что те, что метали их в той страшной игре, где ставку — жизнь, в битве? Кто побеждал, кто терпел поражение там и пал, проигравший? Расскажи мне, о Санджая, и о других, помню Бхишмы, сына Шантану. Ведь нет мне здесь покоя, с тех пор как я услышал, что убит в бою Деваврата, отец [мой], совершивший грозные деяния, и горе овладело мною. Эту боль в сердце, причиненную мне сыновьями, великую, возрастающую, ты словно разжигаешь, масло в огонь проливая, о Санджая! Горюют, мысля я, мои сынки, узрев сраженным прославленного во всем мире Бхишму, что великое бремя принял на себя. Я же буду слушать о тех бедах, которые сотворил Дурьодхана. Поэтому обо всем, что происходило там, расскажи мне, о Санджая! В той битве властителей земли, что дурно было сделано или правильно, обо [всем этом], безумием глупца порожденном, расскажи мне, о Санджая! Что совершил в той битве Бхишма, жаждущий победы, отвагой наделенный, искусный во владении оружием, о том поведай мне, ничего не пропуская, — как происходило сражение между войсками куру и пандавов, в какой последовательности, что и как, в какое время.

Глава 16

Санджая сказал:

То, что ты расспрашиваешь меня о происшедшем, как тебе и подобает, достойно тебя, о великий царь! Но не подобает тебе возлагать за то вину на Дурьодхану. Не подобает человеку, которого постигла беда из-за собственных поступков, тем грехом порочить другого. О великий царь, если кто-нибудь из людей способен совершить любой достойный порицания поступок, он от любого же примет смерть, когда порицаемое совершит. Долго и терпеливо сносили из уважения к тебе последствия [нанесенного им] оскорбления не ведающие коварства Пандавы, [пребывая] в лесу с приближенными¹⁴. О конях и слонах и о воителях безмерной мощи — то, что я видел во ^Ч И Ю) — а видел я силою йоги¹⁵ — услышь, о хранитель земли, и пусть твоя душа не тоскует; что я видел, предопределено было уже давно, о повелитель людей. Мудрому сыну Парашары я поклонился, отцу твоему, от коего и обрел высочайшее дивное знание и зрение, превосходящее то, что [обычно] доступно чувствам, о царь, а также способность слышать издалека, ведать чужие мысли и минувшее, и еще не наступившее, познание происхождения раздоров, всегда [свободное] паренье в поднебесье, неуязвимость от оружия в битвах — желанные дары от великого духом. Так услышь от меня [все] обстоятельно об этой великой битве потомков Бхараты, удивительной, исполненной беспримерных чудес, какою она была, вздымающая волосы дыбом.

Когда те рати построились в боевой порядок согласно правилам, Дурьодхана, о великий царь, так сказал Духшасане: «Пусть займут места немедля бойцы на колесницах для охраны Бхишмы, о Духшасана, и поторопи все полки.

Наконец дождался я того, о чем помышлял на протяжении стольких лет, — встречи воинств куру и пандавов. Я полагаю: нет [для нас] в этой битве более важной заботы, чем охрана Бхишмы. Защищенный, он ведь [наверняка] уничтожит сыновей Притхи и Сомаков со сринджаями. Он, чистый душою, сказал, что не станет убивать Шикхандина, о котором известно, что прежде он был женщиной¹⁶, — потому он будет избегать его. Я думаю, что [именно] поэтому нужно особенно оберегать Бхишму; пусть все мои воины приложат старание, чтобы убить Шикхандина. Пусть воины с востока, с запада, с южной и с северной стороны, искусные во владении всяческим оружием, защищают деда. Могучего льва, если он не защищен, может ведь и волк убить. Не допустим же, чтобы, как лва шакал, убил его Шикхандин. Юдхаманью будет защищать левое колесо Пхальгуны, Уттамауджас — правое, а сам Пхальгуна — Шикхандина. Сделай же так, Духшасана, чтобы [тот], меж тем как сын Притхи будет защищать его, а Бхишма — щадить, не убил сына Ганга». Когда же ночь сменялась рассветом, поднялся великий шум от возгласов властителей земли: «Стройтесь, стройтесь!» Пение раковин и грохот барабанов, львиному [подобный] рык, ржание коней и скрип ободьев колесниц, вопли громадных слонов и воинов, и гул, и треск, и гомон — шум, о Бхарата, поднялся оттого со всех сторон. И на восходе солнца, о великий царь, построилось все без исключения великое аринство, обе рати — куру и пандавов, о царей властитель, [то есть] твоих сыновей и Пандавов тоже. Слоны и колесницы, украшенные золотом, сверкали, словно тучи молниями, ряды колесниц, [выстроенные] многообразно, городами представлялись. И отец твой ярко сиял там, как полная луна. И воины с луками, пиками, мечами, палицами, копьями и дротиками и [другим] блистающим оружием построились по своим ратам, и слоны, колесницы, пехотинцы и конники, о повелитель народов, рассыпались сотнями и тысячами, образуя подобие сети. И тысячами предстали [там] воздетые знамена разнообразные — свои и чужие, — излучающие блеск.

Золотые, пестреющие драгоценными камнями, горящие, как очистительные огни, тысячами явились взорам пламенеющие знамена царей, словно светлые стяги великого Индры в чертогах великого Индры, и взирали на них те герои в доспехах, жаждущие битвы. И властители людей, прекрасные, волоокие, с обвязанными ладонями¹⁷, с колчанами, сверкали воздетым оружием во главе своих полков. Шакуни, сын Субалы, Шалья, также Джаядратха Синдхийский, Винда и Анувинда Авантийские, и Камбоджийский Судакшина, и Шрутаос Калингский, и царь Джаятсена, Брихадвала Кошальский и Критаварман Савата — эти десятеро полководцев, мужи-тигры, воители, с руками, дубинам подобными, жертвователи, богато одаряющие жрецов, — эти и многие другие цари и царевичи, следующие велениям Дурьодханы, искусенные в политике, могучие, явились вдруг в боевых доспехах, каждый при своей рати. Все знаменосцы, облаченные в шкуры черной антилопы и увенчанные мунджей¹⁸, исполненные решимости поддержать Дурьодхану, миру Брахмы¹⁹ посвященные, расположились там, полностью снаряженные, возглавившие десять полков²⁰. Одинадцатый большой отряд кауравов, [принадлежащий] сынам Дхри-тараштры, [стал] впереди всех ратей с сыном Шантану во главе. И мы узрелим Бхишму, о великий царь, в белом тюрбане, с белыми конями и в белых доспехах, непоколебимого, подобного взошедшему [на небо] Месяцу. И куру, и пандавы узрели Бхишму, стоящего на серебряной колеснице с золотой паль-мой на знамени, подобного палящему солнцу над белым облаком. Завидев Бхишму во главе ратей, затрепетали пандавы и сринджай, великие лучники, предводительствуемые Дхриштадьумной. Как мелкие звери, когда завидят они оскалившегося могучего льва, — все они с Дхриштадьумной во главе по-дались вдруг назад. Это одинадцать твоих полков, о Бхарата, любезных богине удачи²¹, у Пандавов же их семь, [все] великими мужами предводительствуемые; и двумя океанами казались они, что хлынули [на землю] в конце юги²², свирепыми макарами взволнованные и кишащие огромными чуд-дищами. Никогда еще не видели мы прежде подобного стечения собравшихся ратей и о таком не слыхали.

Глава 17

Санджая сказал:

Как [о том] рассказывал благословенный Кришна Двайпаяна Вьяса, так именно и сошлись вместе все властители земли. Ауна в тот день вошла в сферу созвездия Магха²³, и семь великих планет²⁴, пылая, сошлись на небе. Солнце на восходе выглядело словно раздвоенным; блистающее, оно возшло на небо, извергая еще и языки пламени. В горящей дали слышны стали вой шакалов и карканье ворон, алчущих насытиться мясом и кровью павших. Каждый день, восстав поутру, возглашали престарелый дед куру и сын Бхарадваджи: «Да будет победа Партхам, сынам Панду!» — сами же оба укротителя врагов, принуждая себя, сражались на твоей стороне в согласии с заключенным о том договором. Сведущий досконально во всех законах отец твой Деваврата, собрав властителей земли, такое им слово молвил:

«Вот пред вами, о кшатрии, открыты великие врата на небеса! Ступайте же тем [путем] соединиться в одной обители с Шакрой и Брахмой²⁵. Т о вечный ваш путь, проложенный предками в древние и древнейшие времена.

Поддержите же честь свою, невозмутимые духом в бою! Ведь [еще] Набхага и Яяти, Мандхатар, Нахуша, Нрига обрели успех такими деяниями и высшую обитель, куда ушли [после смерти]. Грех для кшатрия — умереть от болезни дома; принять смерть в бою — непреложный долг его!»

Когда молвил им так Бхишма, властители земли отправились к своим ратам, о бык среди бхаратов, блистая, на превосходных колесницах. Только Карна, сын Грозного Солнца²⁶, вместе со своими советниками и родичами вынужден был из-за Бхишмы опустить оружие перед битвой²⁷, о бык среди бхаратов. А сыновья твои и цари, оставив Карну, ушли [на битву], оглашая львиным рыком всю окрестность вокруг.

И блистали те рати белыми царскими зонтами, знаменами и стягами на слонах и конях, и еще колесницами и пешими воинами. Земля же исполнилась смятения, оглашаемая звоном литавр и цимбал, и боем тамбуринов, и шумом катящихся колесниц. Сверхая золотыми браслетами и наплечниками и луками, показались [там] великие воители, словно движущиеся горы. Под высоким стягом с [изображением] пальмы и пятью звездами предстал Бхишма, подобный яркому солнцу, вождь воинства куру. Принявшие твою сторону цари, о бык среди бхаратов, великие лучники, выступили, о царь, как приказал им сын Шантану. И Говасана Шибийский, сопровождаемый всеми [подчиненными] царями, двинулся на царственном слоне, царя достойном, украшенном стягом, лотосоцветный, впереди всех ратей став. Выступил Ашваттхаман, изготовившийся [к бою], со львиным хвостом на знамени; Шрутаюс и Читрасена, Пурумит-ра, Вивиншати, Шалья, и еще Бхуришравас, и Викарна, великий воитель, — эти семеро великих лучников, предводительствуемые сыном Дроны, ехали впереди Бхишмы на колесницах, блистающих золотом, и взорам явились их золотые знамена, озарявшие, сияя, превосходные их колесницы. Золотой алтарь с красивым кувшином был образом на знамени Дроны и еще — лук. Высокий же стяг Дурьодханы, за коим следовали сотни и тысячи полков, [являл] образ слона из драгоценных камней. Перед ним стали на колесницах Паурава и Калинга²⁸, Судакшина Камбоджийский, Кшемадханван и Сумитра. И выступил впереди [своего] войска ведущий его царь Магадхи на колеснице под бесценным стягом с образом быка. Явилась там и великая сила жителей Востока, подчиненная владыке ангов²⁹ и Крипе, великому духом, подобная громаде осенних туч. Во главе [своей] рати под серебряным стягом с изображением вепря блистал многославный Джаядратха; сто тысяч колесниц было под его началом, восемь тысяч слонов, всадников — шестидесяттысяч. И блистала во главе знаменосных ратей, о царь, эта великая сила бесчисленных колесниц, слонов и коней под водительством повелителя Синдху. Повелитель же всех калингов выступил вместе с Кетуманом во главе шестидесяти тысяч колесниц и десяти тысяч слонов. Огромные слоны его пред-ставлялись взору горами, блистающие стягами, с орудиями³⁰, метательными ко-пьями и колчанами. И блистал царь калингов лучшим из стягов с образом дерева, белым зонтом, золотым панцирем и опахалом из хвоста яка. Кетуман же, о царь, двинулся в сражение на слоне, словно солнце среди туч, с превос-ходнейшим красивым стрекалом [в руках]. И на прекрасном слоне ехал царь Бхагадатта, пылая отвагой, Держателю ваджры подобный. Равные Бхагадате, восседали на слоновых спинах Винда и Анувинда Авантийские, Кетуманупреданные. И стремился грозно вперед тот строй колесничных ратей со слонами, самой мощной частью, в голове и с конницей на крыльях, обращенный [оружием] во все стороны, направляемый Дроной, о царь, и царственным сыном Шантану, а также сыном наставника³¹, Бахликой и Крипой.

Глава 18

Санджая сказал:

Тотчас вслед за тем, о великий царь, страшный шум, вселяющий трепет в сердца, раздался; его же воины подняли, жаждущие битвы. От звуков боевых раковин, грохота барабанов, трубящих слонов, грохочущих колесниц — словно раскалывалась земля. И шум от ржания коней и громовых возгласов воинов во мгновение ока затешил пространство тогда, все стороны света. И трепет обьял войска сыновей твоих и Пандавов, о neodолимый, когда сошлись они вместе. Там слоны и колесницы, украшенные золотом, блистали, словно тучи, озаренные молнией. Стяги твоих сторонников, о повелитель мужей, разнообразные видом, украшенные золотыми кольцами, горели, пламеня, как священные огни. Яркие, и у твоих, и у врагов, о Бхарата, выглядели они, как знамена великого Индры в великого Индры чертогах. И герои, одетые в золотые латы, блеск которых был равен огню и солнцу, подобны были пламенеющим [в небе] планетам. Великие лучники, волоокис, с обвязанными ладонями, красовались, воздевая блистающее оружие, под своими стягами во главе ратей. А твои сыновья, о повелитель мужей, прикрывавшие Бхишму с тыла, — Духшасана, Дурвишаха, Дурмуksа и Духсаха, Вивиншати, Читрасена и Викарна, великий воитель, Сатьяврата, Пурумитра, Джая, Бхуришравас, Шала и следовавшие за ними двадцать тысяч колесниц, абхишахи, шурасены, шиби, васати, шальвы, матсьи, также амбаштхи, тригарты и кекаи, саувиры, китапы, восточные и западные и северные малавы — двенадцать этих племен, все — исполненные самоотверженности герои, — со множеством великим колесниц защищали твоего прародителя. И с войском в десять тысяч ярых слонов следовал за той ратью колесниц магадхский царь. А тех, кто охранял колеса колесниц и кто охранял ноги слонов, было в войске шестидесят тысяч сотен. Впереди шли пехотинцы, вооруженные луками, щитами и мечами, многие сотни тысяч воинов с тесакми и зазубренными дротиками. И десять и одна акшаухини твоего сына, о Бхарата, явились взорам, о великий царь, словно Ганга у слияния с Ямуной³².

Глава 19

Дхритараштра сказал:

Увидев одиннадцать акшаухини в строю, как же [решился] двинуть на них меньшее войско сын Панду Юдхистхира? Против Бхишмы, знатока боевого строя, [какой он бывает] у людей, и у богов, и у гандхарвов с асурами, как выступил сын Панду, сын Кунти?

Санджая сказал:

Рати сынов Дхритараштры построенными узрев, молвил сын Панду, праведный Царь справедливости, Завоевателю богатств: «Учат, о брат мой, следуя заветам великого провидца Брихаспати, что малые числом должны сражаться сплоченно, многочисленные же могут рассредоточиться по желанию. И против многих должны построить рать Острием иглы³³ малочисленные. Наше же войско значительно меньше вражеского. Построй воинов, о сын Панду, помня об этом предписании великого провидца!» Выслушав Царя справедливости, отвечал ему Пхалгуна: «Неколебимый строй, именуемый Оружием грома³⁴, что установил Громовержец, я построю тебе, о царь, его одолеть все-го труднее. Словно бурный ветер, в битве для врагов невыносимый, пусть впереди сражается у нас Бхима, лучший из разящих. Сокрушающий отвагу вражеских ратей, он выступит как предводитель впереди нас, лучший из воителей, сведущий в приемах боя. Его завидев, обратятся в бегство в смятении всецари, военачальники Дурьодханы, как малые звери от льва, мы же все прибегаем к нему, как к надежному крепостному валу, к Бхиме, лучшему из разящих, как бессмертные к Держателю ваджры. Ибо нет в мире мужа, который мог бы устоять при виде Волчебрюхого, яростного мужа-быка, что вершит ужасные деяния. [Ведь] Бхимасена, палицею вооруженный, равной твердостью ваджре, стремящийся вперед со скоростью великой, даже океан осушить способен! А Кекаи, Дхриштaketу и храбрый Чекитана вместе с соратниками расположились [следом], на тебя взирающие, о владыка мужей. [Мы же] — Дхритараштры наследники», — так сказал Бибхатсу. И сказавшему это Партхе все войска тогда в бою воздали почести, о досточтимый, благами речами. Молвив это, могучерукий Завоеватель богатств так и сделал. Построив те силы к бою, тотчас выступил тогда Пхалгуна. И когда показались разворачивающиеся [к бою] куру, великая рать Пандавов выглядела подобно полнолунной Ганге, спокойно струящейся. Бхимасена предводительствовал ими, и еще Дхриштадьумна, внук Пришаты, Накула и Сахадева, и храбрый Дхриштaketу, воодушевляющие [своих воинов], следом же в окружении войск [шел] царь вместе с братьями и сыновьями³⁵, — он охранял их с тыла. Оба же сына Мадри, величественные, охраняли [по бокам] колеса Бхимы, а сыновья Драупади вместе с сыном Субхадры, пылки, были хранителями [его] тыла. Их же прикрывал Дхриштадьумна Панчалийский, великий колесничный воин, вместе с [другими] героями битвы, прекрасными обликом, возглавлявшими колесницы. Позади же еще выступал под прикрытием Арджуны Шикхандин, сосредоточенный в своем стремлении погубить Бхишму, о бык среди бхаратов. А стражем тыла Арджуны был великий воитель Ююдхана, колеса же [по бокам] охраняли Юдхаманью и Уттамауджас Панчалийские. В срединной рати [занял место] царь Юдхистхира, сын Кунти, со [своими] огромными яростными слонами, подобными движущимся горам. А за Виратою следовал с одним акшаухини великий помыслами Яджнясена Панчалийский, ревностно делу Пандавов преданный. На их колесницах, о царь, высились большие знамена с различными знаками, блистающие как солнце и луна, с великолепно украшенными из золота. А еще сзади воздвигся Дхриштадьумна, великий воитель; с братьями и сыновьями он охранял Юдхистхиру. И, вознесшись над [всеми] многообразными знаменами на колесницах твоих и вражеских, высылось одиноко знамя Арджуны с [изображением] великой обезьяны. Пешие воины шли впереди, вооруженные мечами, дротиками и копьями, сотни и тысячи, прикрывающие Бхимасену; десятки тысяч слонов с разверстыми висками и пастями³⁶, рьяные, блистающие золотой сбруей, подобные утесам, источая, словно тучи, мускусную влагу, благоухающую лотосом, следовали за Царем, как движущиеся горы. Поводя грозной палицей [своей], подобной засову крепостных врат, вел великое войско Бхимасена³⁷, neodолимый, величавый. И, как на нестерпимо яркое солнце, палище, лучезарное, не могли взирать на него ратники вблизи ни с какой стороны. И этот грозный боевой строй, называемый Оружием грома, во все стороны ошетинившийся, несокрушимый, луками-молниями блистающий, охраняемый Владетелем лука Гандива, [строй], что выставили против твоей рати Пандавы, непобедимым был в мире людей, Пандавами хранимый. На рассвете, когда войска стали в ожидании восхода солнца, поднялась [вдруг] буря с дождем и громом при безоблачном небе. Со всех сторон задули низко над землею свирепые тлетворные ветры, несущие щебень, и поднятая [ими] пыль окутала мир тьмою. Великая комета упала в восточном направлении, о бык среди бхаратов, поразив восходящее солнце, и разлетелась на части со страшным грохотом. И на виду у повергнутых в смятение войск, о бык среди бхаратов, солнце поднялось, словно потускневшее, стеной, а земля тогда содрогнулась с громом, покрывшись трещинами, о лучший из бхаратов. Многие смерчи, о царь, поднялись со всех сторон, и густая пыль застала взор, так что ничего нельзя было различить. А развеваемые бурным ветром высокие стяги, златоверхие, оплетенные сетями с колокольчиками, бречнащие, блеском равные солнцу, наполняли со знаменами пространство звенящим шелестом, как бывает под сенью пальмовых рощ. Так расположились те воинственные мужи-тигры пандавы, выдвинув боевой строй против ратей твоего сына. И словно надломился хребет у [твоих] воинов, о бык среди бхаратов, при виде Бхимасены, ставшего впереди с палицей в руках.

Глава 20

Дхритараштра сказал:

На восходе солнца, о Санджая, кто первым возликовал тогда, стремясь на битву, мои ли, ведомые в бой Бхишмой, или пандавы, Бхимой ведомые? Для кого неблагоприятны были солнце и луна вместе с ветром, на чье войско выли хищники, а чьих юношей ясны и благодны были лики? Все это поведай мне, как оно было.

Санджая сказал:

Оба войска равно выступали, оба строя ликования были исполнены, о властитель мужей, оба красовались, подобные цветущим лесам вдоль дороги, в обоих множество было слонов, колесниц и коней. Оба войска великих грозный вид являли, оба неодолимыми казались, о Бхарата. Оба [словно] созданы были, чтобы и самое небо покорить, и добрые мужи начальствовали в обоих. Лицом к западу стояли куру, сыны Дхритараштры, лицом к востоку — сыны Притхи, готовые к битве; словно войско вождя демонов — у Кауравов, словно войско вождя богов — у Пандавов. Чистый ветер задул в спину Пандавам, на сыновей Дхритараштры завывли хищники, и слоны твоего сына не могли [тогда] терпкого запаха выносить, [всаявшего] от ярых царственных слонов [противника].

Дурьодхана на слоне могучей породы, лотосоцветном, с разверстыми висками, золотую сбруей покрытом, пребывал в середине [строю] куру, прославляемый певцами и сказителями³⁸. Золотой венец на его голове сиял под белым царским зонтом, блеском луны подобным. Его прикрывал Шакуни, царь Гандхары, со [своими] горами-гандхарами, [окружавшими их] со всех сторон. А впереди всего войска — старый Бхишма под белым зонтом, с белым луком и раковиной, в белом тюрбане и с бледно-желтым знаменем, с белыми конями, белоснежной вершине подобный. В войске его были все сыновья Дхритараштры³⁹, и с частью [сил] бахликов Шала, и те кшатрии, что [зовутся] амбаштами, и те, что [живут] в Синдху, а также саувиры и герои Пятиречья. На золотой колеснице, запряженной гнедыми конями, великий духом Дрона, преславный наставник всех царей, могучерукий, не ведающий уныния, словно [сам] Индра, охранял рати с тыла. В середине всего войска шли на битву Вардхакшатри, Бхуришравас, Пурумита и Джая, шальвы, матсьи и все братья Кекан⁴¹, воинственные, с отрядами слонов. Сын же Шарадвана на высокой колеснице⁴², великий духом великий лучник Гаута-ма, владеющий различными приемами боя, вместе с шаками, киратами, яванами пахлавами прикрывал рати с севера. Могучая рать великих воителей — андаков, вриши и бходжей, — [и еще] жителей Сураштры и не пользующихся мечами найрритов⁴³, ведомая Критаварманом, прикрывала твое воинство с юга. И с десятью тысячами колесниц выступили тогда Связанные клятвою⁴⁴, что сотворены были для гибели или же победы Арджуны, — куда Арджуна, туда и они, о царь, — во владении оружием достигли совершенства те герои-тригарты. Всего же у тебя, о Бхарата, [в твоём войске] было сто тысяч слонов, при каждом слоне — сто колесниц, при каждой колеснице — сто конников, при каждом коннике — десять лучников, при каждом лучнике — десять щитоносцев. Так построил твои рати Бхишма, о Бхарата. При наступлении каждого дня предводительствующий войсками Бхишма, сын Шантану, выстраивал их то людским строем, то божественным, то гандхарвским, то асурским. И строй сынов Дхритараштры, в котором великих героев было что в вод в океане в час перемены луны, Бхишма обратил на запад в бою. Бесчисленны были разнообразные знамена твоего грозного войска, о властитель мужей, но хотя не таким было [войско] Пандавов, его, вожди коего — Кешава и Арджуна, я почитаю [подлинно] великим и непобедимым!

Глава 21

Санджая сказал:

Видя огромное войско сынов Дхритараштры готовым к бою, пришел в уныние сын Кунти царь Юдхиштхира. Озирая несокрушимый строй, установленный Бхишмою, несокрушимым его, очевидно, почитая, молвил Арджуне уныло сын Панду: «О Завоеватель богатств, как можем мы сражаться в [этой] битве с сынами Дхритараштры, когда дед будет сражаться за них, о мощнорукий? Неколебим и несокрушим этот [строй], который блистательный Бхишма, губитель недругов, установил согласно правилам, предписанным шастрами⁴⁵. Сомнение нас вместе с войском [нашим] берет, о губитель врагов, — как справитесь нам с этим мощным строем?» Арджуна, истребитель недругов, отвечал сыну Притхи Юдхиштхире, впадшему в уныние при виде твоей рати, о царь: «Узнай, о владыка народов, как в меньшинстве будучи, побеждают умом даже многих героев, числом превосходящих и достоинствами наделенных. Тебе, дабы ты не роптал, я расскажу о средстве [того достигнуть], о царь; знают о нем провидец Нарада и Бхишма с Дроною, о сын Панду. Об этом разумении сказал некогда Прародитель во время битвы богов и асуров великому Индре и другим небожителям: "Не столько силою и храбростью побеждают стремящиеся к победе, как правдою и милосердием, исполнением долга прежде всего и усердием. Отрешившись от несправедности, от алчности и от заблуждения, неутомимые в усилиях, сражайтесь, чуждые себялюбия. Где праведность, там победа!" Так знай же, о царь: нашею непременно [будет] победа в битве. Как сказал мне Нарада: "Где Кришна, там победа!"⁴⁶ Победа зависит от Кришны, она следует за Мадхавой. Ему [надлежит] победить; другое же его достоинство, помимо того, — смирение⁴⁷. Беспредельна мощь Говинды, среди сонмов врагов неуязвим он, предвечный Муж⁴⁸. Где Кришна, там победа! Ведь молвил некогда во образе Хари громовым голосом Владыка Нетленного неба⁴⁹, чье нетленно оружие, богам и асुरам: "Кто из вас должен победить?" И победили там те, что сказали: "За Кришной следуя, мы победим!" Только его милостью обрели три мира боги во главе с Шакрой. Потому не вижу я, из-за чего тебе тревожиться, о Бхарата, когда судил тебе победу всемогущий Владыка Тридцати».

Глава 22

Санджая сказал:

Тогда, о бык среди бхаратов, царь Юдхиштхира стал воодушевлять свое войско, выстроив его против ратей Бхишмы. Согласно предписаниям построили рати к бою Пандавы, в честном сражении взыскующие высшего неба потомки Куру! В середине — рать Шикхандина, которую прикрывал Савьясачин, и [войско] Дхриштадьюмны, охраняемое Бхишмой. С юга, о царь, войско прикрывал славный Юодхана, лучший из сатватов, вооруженный луком, Шаке подобный. А на колеснице с золотыми сбруями [на конях] и построжками, с небесной колесницею великого Индры схожей, снабженной нужными приспособлениями, отделанной хатским золотом⁵⁰ и драгоценными камнями, ехал Юдхиштхира в середине слоновьего отряда, и ярко блистал над ним белейший царский зонт на шесте из слоновий кости. Великие провидцы обход владыкимужей слева направо⁵¹ свершали, гимнами его [славя]. Гибель врагу предрекая, царские жрецы, старейшие из великих провидцев, искушенные в священном откровении⁵², окружив, тихими молитвами и мантрами⁵³ и заговоренными травами благословляли [его] на успешное свершение. И он, лучший из куру, оделяя брахманов одеждой, а также коровами, плодами, цветами и еще монетами, великий духом, выступал тогда, словно Шаkra в окружении бессмертных. Колесница Арджуны, отделанная чистейшим золотом с реки Джамбу⁵⁴, с сотней колокольчиков, с красивыми колесами, как огонь, лучезарная, сверкала, словнотысяча солнц, белыми конями запряженная. С обезьяной на знамени на [колеснице], которую Кешава правил, стоял с луком Гандива и стрелами в руках лучший из лучников, равного которому на земле нет и никогда не будет. Необычайно свирепый вид принял Бхимасена, кому войско сынов твоих разгромить предстояло, тот, кто в бою, безоружный, мужей, коней, слонов [голыми] руками в прах обращать способен. Вместе с близнецами Волчебрюхий охранял колесницу героя. И когда твои воины узрели его, столь неистового, как бык разъяренный либо лев, подобного великому Индре, в мире [явившемуся], когда узнали идущего во главе войска Волчебрюхого, неприступного, надменного, как царственный слон, они задрожали, словно попавшие в трясину верблюды, и от ужаса поколебались их мужество. Меж тем Джанардана молвил, обращаясь к пребывающему в середине ратей Гудакеше, царскому сыну, лучшему из бхаратов.

Васудева сказал:

Вот хранитель тот могучий, блистающий, что, словно лев, на наше войско взирает, Бхишма, светоч рода Куру, кем тридцать жертвоприношений коня" свершены. Те рати скрывают высокочтимого, словно тучи — палящее солнце. Их истребив, о храбрейший из мужей, ты должен искать боя с быком рода бхаратов.

Дхритараштра сказал:

Чьи воины сражались с воодушевлением с [самого] начала, о Санджая? Кто воспрял там, кто в унынии пал духом? Кто первым нанес удар в той битве, приводящей в трепет сердца, мои или те, что за Пандавов? Поведай мне, о Санджая. В чьих войсках, когда собрались они, было благоухание венков и тремели речи воинов благие?

Санджая сказал:

В обоих войсках ликовали там ратники радостно, в обоих было благоухание венков, воскурений и возлияний. И с превеликим пылом, о бык среди бхаратов, сошлись рати, что двигались сплоченно боевым строем, воспрывшие духом, и в поднявшемся шуме смешались звуки музыки с гуденьем раковин и боем литавр и криками слонов и ликующих воинов.

Глава 23

Дхритараштра сказал:

На поле дхармы⁵⁷, на поле Куру сошедшись, жаждущие биться, мои и пандавы, что же делали они, о Санджая?

Санджая сказал:

Узрев боевой строй рати Пандавов, царь Дурьодхана приблизился тогда к наставнику⁵⁸ и [такое] слово молвил: «Взгляни, о учитель, на это великое войско сыновей Панду, построенное сыном Друзады, разумным учеником твоим. Здесь герои, великие лучники, Бхиме и Арджуне равные в бою: Юодхана и Вирата и Друзада, великий воитель, Дхриштaketу, Чекитана и мужественный царь Каши, Пуруджит и Кунтибходжа и Шайбья, мощный бык среди мужей, И Юдахмастья смелый, и Уттамауджас отважный, сын Субхадры и сыновья Друзады,

все — великие воители. Услышь, о лучший из дваждырожденных, и о наших лучших [бойцах], вождях моего воинства, для твоего сведения я назову их тебе: Ты сам и Бхишма, и Карна, и Крипа победоносный, Ашваттхаман и Викарна, а также сын Сомадатты И многие другие герои, жертвующие жизнью ради меня, снаряженные всякого рода оружием, искушенные в бранном деле. Ненадежна та наша сила, ограждаемая Бхишмой⁵⁹, но надежна эта их сила, ограждаемая Бхимой. Так ограждайте же Бхишму со всех сторон все вы, каждый на определенном ему месте!» Ему на радость дед, старейший из рода Куру⁶⁰, громкий клич, рыку льва подобный, издал и в боевую раковину затрубил, величия исполненный. Тогда зазвучали сразу боевые раковины и литавры, барабаны, кимвалы и рога, и оглушителен был поднявшийся грохот. Тогда, стоя на великой колеснице, запряженной белыми конями, затрубили в божественные раковины Мадхава и сын Панду, В Панчаджанью — Хришикеша, в Девадатту — Завоеватель богатств, в великую боевую раковину Паундра затрубил Волчебрюхий, вершитель грозных деяний,

В Анантавиджаю — царь Юдхиштхира, сын Кунти, Накула и Сахадева — в Сутхошу и Манипушпаку⁶¹.

Царь кашийский, превосходнейший лучник, и Шикхандин, великий воитель, Дхриштгадьумна, и Вирата, и непобедимый Сатьяки, Друпادا и сыновья Драупади, о владыка земли, и мощнорукий сын Субхадры — каждый в свою боевую раковину затрубили со всех сторон. Тот [трубный] зов пронзил сердца сынов Дхритараштры и огласил, гремящий, небо и землю. И вот, видя выстроившихся сынов Дхритараштры, меж тем как уже пошло было оружие в ход, сын Панду, несущий образ обезьяны на знамени, подъяв свой лук, Такое слово молвил тогда Хришикеше, о владетель земли: «Установи мою колесницу между обоими войсками, о Неколебимый, Пока обозревать я буду тех, что собрались, исполненные жажды боя. С кем предстоит мне сразиться в этой вздымающейся битве? Я вижу, готовые к бою, сошлись они здесь, желая послужить в сражении зломмеренному сыну Дхритараштры».

Когда молвил так ему Гудакеша, Хришикеша, о Бхарата, остановив меж обоих войск лучшую из колесниц Перед Бхишмой, Дроной и всеми владетелями земли, сказал: «О Партха, узри этих куру, собравшихся [здесь]».

И узрел Партха стоящих там отцов и дедов, наставников, дядей, братьев, сыновей, внуков, друзей, Тестей и товарищей в обоих воинствах. Всех тех родичей увидев, что расположились [там], сын Кунти, Великой жалостью охваченный, так молвил, горестный.

Арджуна сказал:

Когда я вижу этих родных мне людей, о Кришна, сошедшихся здесь иготовых сражаться, Опускаются руки мои и пересыхают уста, трепет охватывает меня и волосы вздымаются на теле, [Лук] Гандива из руки выпадает, жар палит кожу, и я не могу стоять твердо, и мысль моя словно блуждает. Неблагоприятные знамения вижу я, о Кешава, и не предвижу блага от убийства близких своих в бою. Не хочу я победы, о Кришна, ни царства, ни радостей. Что нам в царстве, о Говинда, что в наслаждениях и в [самой] жизни? Те, ради кого желаем мы царства, наслаждений и радостей, стоят на поле брани, готовые отдать жизнь и богатства, — 34 Наставники, отцы, сыновья, также деды, дядя, тести, внуки, шурины, также и [прочие] родственники. Не хочу я их убивать, пусть даже сам буду убит, о Губитель Мадху, даже ради власти над Тремя Мирами⁶², не говоря уже о земле. Какая радость будет нам, о Джанардана, от убийства сынов Дхритараштры? Только грех падет на нас, если убьем этих разбойников⁶³. Потому не должно убивать нам сынов Дхритараштры и [других] родичей. Как мы сможем быть счастливы, после того как убьем близких своих, о Мадхава? Даже если они, чей дух совращен алчностью, не видят зла в истреблении рода и греха в предательстве друзей, Как нам, в истреблении рода зло провидящим, не понять, что от преступления такого отвратиться должно, о Джанардана? По истреблении рода гибнут древние законы рода, с гибелью закона всем родом беззаконно овладевает. При власти же беззакония, о Кришна, развращаются женщины рода, а когда испорчены женщины, о потомок Вришни, происходит смешение сословий [Это] смешение ведет в ад губителей рода и [сам] род. Гибнут души их предков, лишённые приношений⁶⁵ и возлияний. Из-за грехов этих губителей рода, к смешению сословий приводящих, рушатся законы касты⁶⁶ и непреходящие законы рода. А нам поведано⁶⁷, о Джанардана, что людям, отринувшим законы рода, суждено пребывать в аду непременно. Увы, то великий грех собрались мы совершить, из жажды радостей царствования убить готовые ближних своих! Если меня, сопротивления не оказывающего и безоружного, вооруженные сыны Дхритараштры убьют в сражении, мне утешнее это будет.

Санджая сказал:

Молвив так, поник среди битвы⁶⁸ Арджуна, склонившись ко днишу своей колесницы, лук со стрелами бросивший, с душою, горестью омраченной.

Глава 24

Санджая сказал:

Ему, чей взор застлала слезы, жалостью столь одолеваемому, павшему духом, такое слово молвил Губитель Мадху.

Преславный Господь сказал:

Откуда нашло на тебя в затруднении это уныние, неподобающее благородным, отрешающее от неба, ведущее к бесславию, о Арджуна? Не поддавайся слабости, о Партха, она тебя недостойна. Отринь жалкое малодушие и воспрянь, о каратель врагов!

Арджуна сказал:

Как буду я в битве слать стрелы в Бхишму и Дрону, о Губитель Мадху, в обоих, поклонения достойных, о истребитель врагов?

Уж лучше жить милостынею в этом мире, только не убивать старших, благородством великих. Убив же старших, пусть и корыстолюбивых, сам-то я кровью запятнанный буду вкушать здесь блага. И мы не знаем, что лучше для нас, — победить или чтобы нас победили. Те, кого убив, мы уже сами жить не захотим, стоят они пред нами, сыны Дхритараштры. Жалости грех сокрушает мой дух⁷⁰. Тебя вопрошаю — в замешательстве рассудок мой относительно долга!⁷¹ Что будет благом? Скажи мне решительно. Я — ученик твой, научи меня⁷², к тебе прибегаю! Ибо я не вижу, что может прогнать мое горе, от которого цепенеют мои чувства, — даже если обрету на земле процветающее царство безраздельно или же власть над самими богами.

Санджая сказал:

Так сказав Хришикеше, о каратель врагов, — «Я не буду сражаться!» — сказал Гудакеша Говинде и умолк. Ему, о Бхарата, меж двух воинств в отчаянье впадшему, Хришикеша, как бы улыбаясь, молвил такое слово.

Преславный Господь сказал:

Ты горяешь о тех, о ком горевать не нужно, и [притом] ведешь мудрые речи⁷³, и а меж тем ни об умерших, ни об оставшихся в живых мудрецы не горюют. Не было никогда так, чтобы я не существовал, как и ты, и эти владыки народов, и после этого мы все существовать не перестанем. Как в этом теле воплощенного⁷⁴ [минуют] детство, юность, старость, так же [происходит] и обретение другого тела, — разумного это не смущает. Соприкосновения с предметами⁷⁵, о сын Кунти, дают [ощущения] холода и жара, приятного и неприятного. Они приходят и уходят, непостоянные, переносят их⁷⁶, о Бхарата!

Муж, коего они, о муж-бык, не совращают, одинаковый в страдании и удовольствии, разумный⁷⁷, достоин бессмертия.

От Не-Сущего не возникает бытие, не возникает небытие от Сущего⁷⁸. Предел обоих⁷⁹ зрим для провидящих истину. Знай, что неуничтожимо То, чем все это проникнуто⁸⁰. Никто не способен уничтожить это нетленное. Сказано, что конечны [только] эти тела вечного воплощенного, неуничтожимо и неизмеримо⁸¹ потому — сражайся, о Бхарата! Кто думает о нем, что он убивает, и кто мыслит его убитым — оба те не ведают [истины]; он не убивает, и его не убивают⁸². Не рождается он никогда и не умирает; не становясь, он и не становится впредь; нерожденный, постоянный, вечный, древний, не умерщвляется он, когда умерщвляется тело. Кто знает его как неуничтожимо, постоянного, нерожденного и нетленного, как и кого такой человек может, о Партха, обречь смерти и кого может убить?⁸⁴ Как, ветхие одежды сбросив, новые, лучшие человек надевает, так, покинув ветхие тела, другие, новые, обретает воплощенный. Не сечет его оружие, не палит его пламя, и воды не вымачивают его, не иссушает ветер.

Неуязвим он, неопалим он, неувлажняем и неиссушаем. Постоянный, всепроникающий, стойкий, неколебимый, он — вечен.

Непроявленным⁸⁵, немислимым, неизменяемым его называют. Поэтому, зная его таким, ты не должен печалиться.

И даже если ты думаешь, что он постоянно рождается или постоянно умирает, даже тогда, о мощнорукий, так о нем не должен ты печалиться. Ведь рожденному смерть определена, умершему определено рождение, поэтому о том, чего не избежать, не должен ты печалиться. Не проявлены существа в начале, проявлены в середине, о Бхарата, и опять не проявлены по кончине своей⁸⁶, о чем же тут сетовать? Чудом узрит его кто-то, чудом же молвит о нем другой, и чудом иной его услышит, но и услышав, никто не*знает его. Воплощенный неистребим будет всегда в теле каждого, о Бхарата, потому ни о каком существе не стоит тебе печалиться.

И уже ради соблюдения долга не должен ты колебаться. Нет для кшатрия высшего блага, чем праведная битва⁸⁷.

И счастливы те кшатрии, о Партха, коим выпадает на долю подобная битва, что отверзает для них врата небес. А если ты от этой праведной войны уклонишься, то, от своего долга и от славы отрекшись, грех навлечешь на себя. И накличет на тебя людская молва бесславие навсегда, а для уважаемого человека бесславие — хуже смерти. Великие воители подумают, что от боя ты уклонился из боязни; и ты падешь в глазах тех, кто высоко чтит тебя. Много непотребных речей произнесут твои недоброжелатели, способности твои порицая, — что может быть огорчительней этого? Либо, убитый, ты обретешь небо, либо, победив, будешь властвовать над землею; поэтому, на битву решившись, воспрянь, о сын Кунти! Равно приемля радость и страдание, обретение и нужду, победу и поражение, снаряжись тогда на битву

и так не навлечешь на себя греха. Эта мудрость поведена тебе в согласии с рассуждением, внемли же ей [теперь] в согласии с сопряжением. Мудрости этой причастный, о Партха, ты отринешь узы деяния⁸⁸. Не станет в том усилие тщетным, не обратится то в сон. Даже самая малая доля той праведности ограждает от великой опасности⁸⁹. Разум решимостью одушевлен и в том един, о радость куру. Разветвляется многообразно и завершенности не знает разум нерешительных⁹⁰. И цветистое поучение то, которое проповедуют немудрые, упоенные словом Веды, о Партха, и утверждающие, что не дано иного, Поглощенные желанием, взыскующие неба, — к [новому] рождению ведет [оно] как к плоду деяний, [предписывающее] обрядности многообразие ради достижения наслаждений и владычества. Для тех, чья мысль увлечена им, приверженных наслаждениям и владычеству, недостижима проникнутая решимостью мудрость в сосредоточении⁹¹. Кругу трех нитей-качеств⁹² принадлежат Веды, отршись от [тех] трех нитей в совокупности их, о Арджуна, и от двойственности⁹³, пребывая утвержденным в истовах, чуждый скопидомства, владеющий собою. Сколько [нужды] в колодце посреди половодья, столько же смысла во всех Ведах для брахмана, знани⁹⁴ взыскующего. Только на деяние имеешь ты право, [но] никогда — на его плоды. Не ставь себе целью обретение плодов деяний, и да не будет у тебя склонности к бездействию.

Утвердившийся в сопряженности, твори деяния, отбросив привязанность, о Завоеватель богатств, равнодушный при успехе и неуспехе, — уравновешенностью зовется [это] сопряжение⁹⁵. Ведь намного ниже деяние, чем сопряжение мудрости⁹⁶, о Завоеватель богатств. Ищи убежища в мудрости. Жалки стремящиеся к плодам деяний. Сопряженный с мудростью отрешается здесь и от добрых, и от дурных деяний. Поэтому сопрягайся с сопряженностью, сопряжение — умение в деяниях⁹⁷. Ибо сопряженные с мудростью, отказавшись от плода, рожденного деянием, разумные, от уз рождений освобожденные, идут в беспечальную обитель. Когда разум твой одолевает его, тот мрак заблуждения, тогда придешь ты к отрешению от того, что предстоит услышать и что услышано⁹⁸. Откровением смятенный, [лишь] когда утвердился разум твой стойко, в сосредоточении неколебимый, тогда ты сопряженности достигнешь.

Арджуна сказал:

Как описать твердого в понимании ¹⁰⁰, утвердившегося в сосредоточении, о Кешава? Как ведет речь твердый умом, как покоится, как движется? Преславный Господь сказал: Когда [человек] отрешается, о Партха, от всех желаний, таящихся в душе, собою внутри себя удовлетворенный ¹⁰¹, он зовется твердым в понимании. Чья душа невозмутима в невзгодах и не ведает вожделений в радостях, кого оставили страсти, страх и гнев, того почитают мудрым, умом утвердившимся.

Кто лишен пристрастия к чему-либо, равно приемлющий и доброе, и недоброе, кто не испытывает ни радости, ни отвращения, понимание того утверждено.

И когда он отвлекает совсем чувства свои от предметов чувствований, как [втягивает] свои члены черепаха, то понимание его утверждено. Предметы отвращаются от невкушающего воплощенного, только вкус [их] остается, но и вкус уходит от того, кто узрел Высшее¹⁰².

Даже у прилагающего усилия, о сын Кунти, у разумного человека чувства, совратители, увлекают насильно мысль.

Все их укротив, да пребудет сопряженным, на мне сосредоточенный ¹⁰³. В чьей власти чувства, у того понимание утверждено.

У человека, чьи думы направлены на предметы, рождается привязанность к ним. От привязанности возникает желание, от желания порождается гнев, от гнева происходит заблуждение, от заблуждения — нетвердость памяти, от потери памяти — гибель разума¹⁰⁴, от гибели разума он погибает [сам]. Обращающийся же к предметам с чувствами, отрешенными от страсти и ненависти, Себе подчиненными ¹⁰⁵, владеющий собою, достигает душевной ясности. При душевной ясности оставляют его все страдания, с ясным же сознанием разум его утверждается¹⁰⁶ вскоре. Для несопряженного¹⁰⁷ нет разума, нет осознания¹⁰⁸ для несопряженного, для не осознающего нет мира; а для неумиротворенного может ли быть счастье? И мысль, подчиняющаяся блуждающим чувствам, уносит его понимание, как ветер — корабль на водах. Потому-то, о мощнорукий, [лишь] у того понимание утверждено, у кого чувства отвлечены от предметов чувствований совершенно. В той ночи, которая мрак есть для всех живых существ, бодрствует укротивший страсти; [время], когда бодрствуют существа, — ночь для прозревающего [истину] мудреца. В ком все желания поглощаются, как изливаются воды в океан, невозмутимый, меж тем как они его наполняют, тот обретает мир [в душе], но не тот, кто желания свои лелеет.

Кто, отринув все желания, шествует [своим путем], неалчный, бескорыстный, несебялюбивый, тот муж восходит к миру.

Таково брахмическое состояние¹⁰⁹, о Партха. Не заблуждается тот, кто его достигнет. Даже если в миг кончины в нем пребудет, он придет к угасанию в Брахмане¹¹⁰.

Глава 25

Арджуна сказал:

Если мудрость ты считаешь превосходящей деяние, о Джанардана, зачем на ужасное деяние меня подвигаешь, о Кешава?

Речью такую противоречивой ты словно бы смущаешь мой разум. Твердо скажи мне одно — то, чем достигну я блага.

Преславный Господь сказал:

В этом мире двоякого рода направленность объявлена мною, о безупречный, — сопряжение [путем] знания для рассчитывающих, сопряжение [путем] деяния для сопряженных ¹¹². Не воздержанием от деяний «освобождается человек от [власти] деяния ¹¹³, и не приходит он одним лишь отречением¹¹⁴ к совершенству. Ибо никто ведь ни на мгновение не пребывает в [полном] бездействии; ведь каждого понуждают невольно к действию качества, врожденные природе. Кто, [лишь] органы чувств обуздав, хранит в уме воспоминанья о предметах чувствований, тот, себя заморочивший, лицемером зовется. Но кто, мыслью чувства обуздав, предпринимает, о Арджуна, органы чувств [настроив], деяния сопряженья, тот, будучи непривязанным ¹¹⁵, возвышается.

Так свершай назначенное тебе дело, ибо деяние лучше бездействия, и даже телесное существование твое без действия невозможно будет.

Всёкое дело, кроме свершаемого ради жертвоприношения, связывает в этом мире; потому, о сын Кунти, [лишь] привязанности лишнее творит деяние.

Некогда сказал Владыка созданий, сотворив создания с жертвою вместе: «Ею размножайтесь, да будет она вам волшебной коровой желаний. Ею поддерживайте богов, и боги да поддерживают вас; поддерживая друг друга, вы обретете высшее благо.

Ибо дадут вам желанные радости жертвоприношениями поддерживаемые боги. Кто пользуется их дарами, [сам] их за то не одаривая, тот — вор поистине». Добрые, питающиеся тем, что остается от жертвоприношений, освобождаются от всех грехов; [только] виной насыщаются нечестивцы, которые варят для себя ¹¹⁶.

Пищу существом существа, пища происходит от дождя, дождь происходит от жертвы, жертва осуществляется деянием ¹¹⁷.

Знай, деяние происходит от Брахмана, [а] Брахман является из Непреходящего, потому всепроникающий Брахман постоянно в жертве утверждён ¹¹⁸. Кто за вращением этого колеса здесь не следует¹¹⁹, о Партха, тот, злонамеренный, чувственным наслаждениям преданный, живет напрасно. Но тот человек, кто лишь в Себе ищет радость, кто Собою удовлетворен, Собою насыщенный, для того забот не существует ¹²⁰. Нет у него корысти никакой ни в действии, ни в бездействии, и ни к кому из живущих ему прибегать ради целей своих не нужно. Потому дело, которое исполнить надлежит, без привязанности исполняй всегда, ибо человек, творящий дело без привязанности, достигает Высшего. Ибо именно деянием достигли совершенства Джанака и другие, [подобные ему]. И ты дело верши, в мыслях имея единение мира ¹²¹. Что ни творит лучший, то же повторяют за ним другие люди, какой пример он дает, тому и следует мир ¹²².

Нет для меня, о Партха, в трех мирах чего-либо, что надлежало бы свершить, нет ничего, что не достигнуто или чего достигнуть бы надлежало; и все же в деянии я пребываю.

Ведь если не пребуду я всегда неустанно в деянии, о Партха, моим путем последуют люди во всем. Рушились бы эти миры, если бы не свершал я деяния, и был бы я свершителем смещения [сословий] и погубил бы этих тварей. Как невежественные, будучи к деянию привязаны, действуют, так ведающий [истину], о Бхарата, без привязанности должен действовать, единению мира споспешествовать стремясь. Да не породит он раздвоения в разуме невежественных, привязанных к деянию; ведающий, сопряженный, действуя, все деяния он да усладит. О деяниях, что свойствами природы всегда творятся, тот, кто себя заморочил самостью, мыслит, будто он их творец¹²⁴.

Ведающий же суть, о мощнорукий, в различении тех свойств и их деяний, мыслит: «То нити-свойства в нитях вращаются» — и не привязывается¹²³. Замороченные свойствами природы привязываются к деяниям тех свойств. Но тех скудоумных, чье знание несовершенно, обладающий совершенным знанием да не сбивает с толку. Все деяния мне посвятив, с мыслью, в высшего Себя¹²⁶ [углубленной], свободный от упований и от самолюбования, сражайся, не ведая терзаний. Те люди, что следуют этому воззрению моему постоянно, исполненные веры и незлобивые, избавляются от уз деяния.

Те же, злобствующие на мое воззрение, что не следуют ему, знай, слепы они для любого знания, погибли они, неразумные.

Даже обладающий знанием ведет себя согласно собственной природе. Природе следуют [все] существа. Что толку в подавлении?

Для каждого чувства определены влечение и отвращение к его предмету. Не должно подпадать под власть их, ибо то — преграды на пути.

Лучше свой долг, бесталанно исполненный, чем чужой, соблюденный превосходно; лучше смерть при исполнении своего долга, чужой долг опасностью чреват.

Арджуна сказал:

Но что побуждает человека грех совершать, даже того не желая, о потомок Вришни, словно он силою к тому принуждается?

Преславный Господь сказал:

Это желание, это гнев, из свойства страстности возникающий, [он], всепожирающий и многогрешный, знай, — это враг твой здесь. Как огонь заволакивается дымом, как зеркало — пылью, как пленкою покрыт зародыш, так им этот [эдир]¹²⁷ объят. Знание им объято, вечным врагом знающего, образ желанья принявшим, о сын Кунти, пламенем ненасытным. Чувства, сознание и разум¹²⁸ называются вместилищем его; затмевая знание, ими вводит он в заблуждение воплощенного. И поэтому ты, с самого начала чувства свои обуздав, о бык среди бхаратов, убей этого греховного разрушителя знания и познания!¹²⁹ Чувства называют высшими, выше чувств — сознание, но выше сознания — разум, а что выше разума — то Он¹³⁰. Так, разумя его, что выше разума, собою в себе утвердившись, срази врага, о мощнорукий, принявшего образ желанья, трудноодолимого.

Глава 26¹³¹

Преславный Господь сказал:

Это непреходящее учение я провозгласил Вивасвану, Вивасван поведал его Ману, Ману его изложил Икшваку¹³².

Передавая так от одного к другому, ведали его царственные мудрецы, но за долгое время то учение было утрачено здесь, о каратель врагов. Вот это древнее учение и поведал я тебе сегодня, ибо преданный почитатель ты мой и друг, оно же — великая тайна!

Арджуна сказал:

Позже было твое рождение, раньше было рождение Вивасвана. Как же мне понять это: что изначально провозгласил его ты?

Преславный Господь сказал:

Много минуло рождений моих и твоих тоже, о Арджуна. Все их я знаю, ты же не знаешь, о каратель врагов. Хотя не рожден я, и дух мой бессмертен, и владыка я существ, — над своей природою властвуя, моею собственной майей я себя являю¹³⁴. Когда ни случается так, что приходит в упадок праведность, о Бхарата, и неправедность возвышается, тогда я создаю себя сам¹³⁵.

Ради защиты благочестивых, ради истребления злодеев, ради утверждения праведности являюсь я из века в век.

Божественно рождение мое и деяние, кто истинно ведаёт это, тот, покинув тело, не идет к новому рождению, но идет ко мне, о Арджуна.

Отрешившись от страсти, страха и гнева, проникшись мною, прибегшие ко мне, многие, подвигом [того] знания очистившись, в мое бытие вошли¹³⁶. Как кто прибегает ко мне, так я их и приемлю; моим путем, о Партха, последуют люди во всем¹³⁷.

Желающие успеха своим деянием приносят здесь жертвы божествам; ибо скоро приходит в мире людей успех, деяниями рожденный.

Мною сотворено деление на четыре сословия в согласии с расПреДелением свойств и деяний; но знай, что, будучи создателем его, — отрешен я от деяния, нетленный. Деяния не пятнают меня — нет во мне стремления к плодам деяний; кто знает меня таким, тот не связывается деяниями. Ведаёт это, так же творили деяния древние, взыскующие избавления. Поэтому и ты деяние твори, как творилось оно древними в древнейшие времена. Что есть деяние, что — недеяние? Даже мудрецы блуждают в поисках ответа. Я поведаю тебе о том, что есть деяние, и, узнав это, ты избавишься от недоброго. Следует ведь понимать, что есть деяние, и, что есть деяние недолжное, еле-дует понимать, и следует понимать, что есть недеяние, — труднопостижим деяния путь.

Тот, кто видит недеяние в деянии, кто в недеянии видит деяние¹⁴⁰, тот — умудренный среди людей, тот — сопряженный, до конца деяния свершивший. Того, чьи все начинания отрешены от желаний и замыслов, в огне знания деяния испепелившего, пандитом называют мудрые.

Отринув привязанность к плодам деяний, всегда удовлетворенный, ни от чего не зависящий, поистине, даже и занятый деянием, он ничего не деет. Отрешившись от всяких упований, мысль и себя обуздавший¹⁴¹, все оставивший имущество, лишь для тела нужные деяния творящий, он не впадает во грех. Довольный тем, что достанется на его долю, превзошедший [всякую] двойственность и лишенный зависти, к успеху и неудаче безразличный, он, и действуя, уз не обретает. У отрешившегося от привязанности, освободившегося, чья мысль утверждена в знании, свершающего деяние как жертву¹⁴², оно растворяется полностью. Приношение есть Брахман, возлияние есть Брахман, на огонь Брахмана пожертвованное Брахманом, и Брахмана он должен достигнуть, сосредоточенный на деянии ради Брахмана¹⁴³.

Некоторые сопряженные приносят жертву только богам, другие в огонь Брахмана жертвою же совершают жертвенное возлияние¹⁴⁴.

Иные приносят жертву слухом и прочими чувствами на огонь самообуздания, и еще другие приносят жертву звуком и иными предметами чувств на огни чувств¹⁴⁵. Некоторые же приносят в жертву все деяния своих чувств и все деяния жизненных сил¹⁴⁶ через самообуздание в огонь сопряжения, зажженный знанием. Жертвы вещественные, жертвы подвижничеством, жертвы сопряжением¹⁴⁷ приносят некоторые; жертвы чтением и познанием¹⁴⁸ приносят отшельники, соблюдающие суровые обеты. Другие же приносят жертву дыханием выдыханию и выдыханием выдыханию, закрывая пути вдоха и выдоха, сдерживая дыхание¹⁴⁹ преданные. Некоторые, ограничивая себя в пище, дыханиями дыханиям приносят жертву¹⁵⁰. Все они — знатоки жертвоприношений, жертвоприношением грехи уничтожающие.

Те, что вкушают амриту остатков жертвоприношений, идут к вечному Брахману. А кто жертву не приносит, не для того и этот мир, о лучший из куру, где же ему иного [достигнуть]? Так многообразные жертвы приносятся в уста Брахмана^{1 5 1}. Знай, что все они порождены деянием; ведаёт это, ты обретешь избавление. Лучшие вещественного жертвоприношения жертвоприношение знания, о каратель врагов. Всякое деяние без исключения, о Партха, достигает совершенства в знании². Познавай то преклонением, вопрошанием, служением. Знающие, провидящие истину, наставят тебя в знании, Познав его, уже не впадешь ты в заблуждение, о сын Панду. Через то узришь ты все существа без изъятия в себе, а тогда и во мне^{1 5 3}. Будь ты наигрешнейший из всех грешников, на корабле знания ты через всякий порок переправишься. Как зажженный огонь обращает топливо в пепел, о Арджуна, так всякое деяние в пепел огонь знания обращает. Ибо нет здесь очистительной силы, равной знанию. С течением времени исам обретает его в себе преуспевший в сопряжении¹. Верующий обретает знание, ему целиком отдавшийся, обуздавший чувства; он, знание обретя, в недолгом времени достигает высшего покоя. Невежественный же и неверующий, чей дух исполнен сомнения, гибнет. Нет ни этого, ни иного мира, ни счастья для того, кто сомнения исполнен. Удалившего деяние сопряжением^{1 5 5}, знанием отринувшего сомнения, владеющего собою — деяния не связывают, о Завоеватель богатств. Потому от незнания происходящее, в сердце пребывающее это сомнение свое знания мечом отсеки — и к сопряжению прибегни, воспрянь, о Бхарата!

Глава 27¹⁵⁶

Арджуна сказал:

Ты восхваляешь отрешение от деяний, о Кришна, а в то же время и сопряжение; что лучше из этих двух, скажи мне определенно.

Преславный Господь сказал:

Отрешение и сопряжение деяния оба ведут ко благу, ни с чем не сравнимому; но из них сопряжение деяния лучше отрешения от деяний.

Тот, кто не отвращается и не жаждет, должен почитаться утвердившимся в отрешении¹⁵⁷. Ибо свободный от двойственности, о мощнорукий, он легко избавляется от уз.

Что рассуждение и сопряжение¹⁵⁸ различны — не умудренные люди то говорят, а глупцы. Должным образом прибегнувший хотя бы к одному, обретает плод и того, и другого. То положение, которого достигают рассуждающие, доступно и сопряженным. Тот, кто рассуждение и сопряжение как одно видит, — видит поистине.

Но отрешения, о мощнорукий, трудно достигнуть вне сопряжения. С сопряжением сопряженный мудрец в недолгом времени приходит к Брахману. С сопряжением сопряженный, очистивший душу, себя победивший, подчинивший чувства, со всеми существами Душою единый¹⁵⁹, даже творя деяния, он не пятнается. <<Я не делаю ничего>>, — так мыслить должен сопряженный, знающий суть вещей; видя, слыша, осязая, обоняя, вкушая, ступая, во сне пребывая, дыша, Говоря, выделяя, схватывая и закрывая глаза при мигании, он понимает: то лишь чувства обращаются на предметы чувств. Кто действует, отдав свои деяния Брахману¹⁶⁰, отрешившись от привязанности, тот не пятнается грехом, как лист лотоса не пятнается водою. Телом, мыслью, разумом, одними чувствами только — творят деяния сопряжению преданные, оставив привязанности, ради очищения себя. Сопряженный, отрешившись от плода деяний, обретает конечный покой; несопряженный, воздействием страсти к плоду привязанный, ввергается в узы. Отрешившись мыслью от всех деяний, владеющий собою воплощенный счастливо пребывает в девятикратном граде¹⁶¹, никак не действуя и не побуждая к действию. Ни деятельности, ни деяний не творит для мира Властелин, ни соединения деяния с плодом; лишь движется самосущая природа¹⁶². Ни греха ничего, ни благого деяния не приемлет Всепроницающий¹⁶³. Знание облучено незнанием; оттого заблуждаются рожденные. Но для тех, у кого то незнание Себя уничтожено знанием, подобно солнцу, озаряет то Высшее¹⁶⁴. Тому посвятившие разум, Себя тому посвятившие, тем поддерживаемые, тому приверженные, приходят к невозвращению смывшие знанием свои грехи. На ученого и смиренного брахмана, на корову, на слона, даже на пса и псоядца равно взирают мудрые¹⁶⁵.

Уже здесь побеждено творение¹⁶⁶ теми, чье сознание утверждено в [том] равенстве. Ибо непорочен и равен [для всех] Брахман; потому они утверждены в Брахмане.

Не станет радоваться, обретая приятное, не придет в смятение, обретая неприятное, тот, чей разум неколебим; не заблуждающийся, ведающий Брахмана, он утвержден в Брахмане.

Тот, чья душа не связана с внешними касаниями, находит счастье в собственной душе; непреходящее счастье вкушает тот, чья Душа сопряжена в постижении [истины] с Брахманом^{1 6 7}.

Те же наслаждения, что рождены касаниями, чреватые страданием поистине, имеют начало и конец, о сын Кунти; мудрый не радуется им. Тот же, кто способен здесь еще до избавления от тела противостоять напору желания и гнева, тот человек сопряжен, тот — счастлив. Кто обретает счастье внутри, радость внутри [себя], в ком внутренний свет, тот сопряженный, с Брахманом слиянный, достигает угасания в Брахмане¹⁶⁸. Обретая угасание в Брахмане мудрецы, истребившие грехи, рассекшие двойственность, Себя подчинившие, в благо всех существ находящие радость. Для подвижников, подчинивших помышления, отринувших желание и гнев, Себя познавших, — близко угасание в Брахмане. Внешние касания вовне изгнав, взор утвердив посреди бровей, через нос проходящие вдох и выдох выровняв¹⁶⁹, Мудрец, обуздавший чувства, мысль, разум, сосредоточившийся на избавлении, лишенный желания, страха и гнева, поистине — он навсегда избавлен. Познав меня как того, кто приемлет жертвоприношения и подвижничество, великого владыку вселенной, друга всех живых существ, он достигает покоя.

Глава 28¹⁷⁰

Преславный Господь сказал:

Кто должное деяние творит, на плод деяния не полагаясь, тот и есть отрешенный, тот и есть сопряженный, а не тот, кто не возжигает огня и не совершает обрядов¹⁷¹. То, что называют отрешением, знай, и есть сопряжение, о сын Панду, ибо никто не становится сопряженным, не отрешившись от умысла¹⁷². Для мудреца, старающегося возвыситься до сопряженности, средством почитается деяние. Для него же, до сопряженности [уже] возвысившегося, средством почитается покой. И если он ни к предметам чувств, ни к деяниям не привязан, отрешившийся от всякого умысла, возвысившимся до сопряжения почитают его. Да возвысит он себя собою, да не унижит себя; ибо он сам есть друг самому себе, сам — самому себе враг. Сам себе друг — кто победил себя собою; с не овладевшим же собой, самая Душа его¹⁷³ во вражде пребывает, врагу подобно. Кто победил себя, в том, умиротворенном, Превышний Дух сосредоточен¹⁷⁴ и в зной, и в холод, в счастье и в несчастье, также в чести и в бесчестии. Сопряженный, чей дух удовлетворен знанием и познанием, вознесшийся, победивший страсти, зовется к сопряжению обращенным¹⁷⁵, для него одинаковы глина, и камень, и золото. Отмечен тот, кто друзей, приятелей, врагов, безразличных, посторонних, ненавистных и родных, благочестивых и грешных — мыслит как равных. Да сопрягает сопряженный постоянно Себя, пребывая скрытно, в уединении, обуздавший мысль свою и Себя, лишенный упований, немущий. В чистом месте воздвигнув твердую опору для себя, не слишком возвышенную и не слишком низкую, покрытую тканью, оленьей шкурой и травой куша, одна над другой, Сосредоточив сознание на одном, подавивший деятельность мысли и чувств, воссев на той опоре, да прибегнет он к йоге ради самоочищения¹⁷⁶. Тело, голову и шею ровно держа и неподвижно, стойкий, взор направив на кончик носа и не оглядываясь по сторонам, Умиротворенный Душою и лишенный страха, твердый в исполнении обета целомудрия, сознание подавив, мыслью ко мне обратившись, сопряженный, да восседает, поглощенный только мною. Всегда так сопрягающий Себя, с подчиненной душою, достигает сопряженного мира, в упокоении завершающегося, что во мне пребывает. Не для того йога, кто переседает, и не для того, кто совсем не ест, не для того, кто привык много спать, но и не для [постоянно] бдящего, о Арджуна. Для того, кто умерен в снедании и отдохновении, кто умерен в движениях во время деяний, кто умерен во сне и в бодрствовании, существует йога, истребляющая страдания. Когда же подчиненная мысль в Себе лишь сама¹⁷⁸ утвердится, тогда, нечувствительный ко всем желаниям, зовется он обращенным к сопряжению. Как не мигает светильник в безветренном месте — это сравнение отнюдь к сопряженному, обуздавшему мысль, сопрягающему Себя в йоге¹⁷⁹. Где мысль замирает, сдержанная соблюдением йоги, и где зрящий Себя Собою в Себе довольство обретает¹⁸⁰. То, что как высочайшее счастье, доступное разуму и выходящее за пределы чувств, он воспринимает, в чем утвердившись, он уже не отпадает от истины,

Что обрета, он уже другого обретения не мыслит, это превосходящего, в чем утвердившись, он уже даже тяжким горем не бывает потрясен, То следует знать как называемое йогою, приверженностью, отверженное от подверженности страданию¹⁸¹. Та йога должна свершаться с решимостью, с беспечальным сердцем¹⁸². Отринув все без остатка желания, в уме коренящиеся, мыслью подавив сонм чувств, [откуда бы ни нахлынули они], Пусть успокаивает себя мало-помалу разумением, твердостью обузданным, и, мысль внутри Себя укрепив¹⁸³, да не помышляет ни о чем больше. Чем бы ни влеклась колеблющаяся и нестойкая мысль¹⁸⁴, от того отстранив ее, Себе единому в подчинение ее да приведет. Ибо высшее счастье к тому сопряженному приходит, чья мысль умиротворена, чья усмирена страсть, кто, безгрешный, становится един с Брахманом. Так всегда сопрягая Себя¹⁸⁵, от грехов избавленный, беспредельное счастье сопряжения с Брахманом вкушает сопряженный. Себя, пребывающего во всех существах, и все существа в себе видит сопряженный с сопряжением, на все равно взирающий. Кто всюду видит меня и все во мне видит, для того я не пропадаю и тот не пропадает для меня.

Меня, во всех существах пребывающего, кто почитает, в единстве утвержденный, где бы ни существовал он, тот сопряженный существует во мне. Кто, прибегнув к уподоблению себе, равным все видит, о Арджуна, будь¹⁸⁶ то в радости или в горе, тот почитается высочайшим из сопряженных.

Арджуна сказал:

Для этой сопряженности, которую ты объявил уравновешенностью¹⁸⁸, о Губитель Мадху, твердой основы не вижу я вследствие [нашей] изменчивости. Ведь изменчива [у человека] мысль¹⁸⁹, о Кришна, беспокойна, упряма, упорна, я думаю, подчинить ее, как ветер, необычайно трудно. Преславный Господь сказал: Несомненно, о мощнорукий, трудно подчинить мятушуюся мысль, но ею овладевают, о сын Кунти, через усердие и бесстрашие¹⁹⁰. Труднодостижимо сопряжение, я полагаю, для того, кто не обуздав себя, но для владеющего собою, для усердного, возможно достичь его [должными] средствами.

Арджуна сказал:

Исполненный веры, но не отрешившийся, тот, чья мысль удаляется от йоги, не достигнув совершенства в сопряженности, каким путем идет он, о Кришна? И в том, и в другом сорвавшись¹⁹¹, словно развеянное облако, не гибнет ли он, о мощнорукий, лишенный опоры, заблудившийся на пути к Брахману? Это мое сомнение, о Кришна, благоволи до конца разрешить, ибо ведь нет никого, кроме тебя, кто бы сомнение это разрешить был способен!

Преславный Господь сказал:

О Партха, ни здесь, ни в ином мире нет гибели для него. Ибо никто, благое творящий, не вступает, сын мой, на пагубный путь. Достигнув миров праведников и проведя там несчетные годы, в доме честных и почтенных [людей] вновь рождается отпавший от йоги. Или же он появляется в роду сопряженных, наделенных мудростью, а рождение, подобное этому, очень нелегко обрести в мире. Тогда приемлет он просветленность свою из прежнего воплощения¹⁹² и опять затем стремится к совершенству, о радость куру.

Ибо тем прежним усердием влечется он [все далее] даже помимо воли, а тот, кто познания йоги жаждет, выходит за пределы Брахмана-Слова¹⁹³. Со рвением же прилагающий силы сопряженный, очистившийся от грехов, совершенствующийся на протяжении многих рождений, достигает затем высшего убежища. Сопряженный превосходит подвижников, считается он даже знающих превосходящим, и творящих обряды сопряженный превосходит. Поэтому будь сопряженным, о Арджуна! Из всех же сопряженных тот, кто внутренним существом своим ушедший в меня почитает меня, исполненный веры, полагается сопряженным со мною.

Глава 29¹⁹⁴

Преславный Господь сказал:

Выслушай же, о Партха, как, прилепляющийся ко мне мыслью, [путем] сопряжения сопрягаясь, ты, нашедший во мне опору, непременно всецело меня познаешь. То знание вместе с познанием я поведаю тебе до конца, коим овладевшему уже не остается в сем мире ничего, что бы еще познать было должно. Из тысяч людей едва один старается достичь совершенства, а из старающихся и достигших едва один к/о-либо истинно знает меня. Земля, вода, огонь, ветер, пространство, сознание, разум, а также самость — такова моя восьмичастно разделенная природа¹⁹⁵. То низшая; узнай же о другой, высшей моей природе, о мощнорукий, которая есть духовное существо¹⁹⁶, ею же поддерживается этот мир. Помни, что живые существа — все из этого лона. Я же — всего мира в¹⁹⁷ происхождение и растворение. Нет ничего высшего, нежели я, о Завоеватель богатств, вся эта вселенная нанизана на мне, как жемчуга на нити. Я есмь вкус в воде, о сын Кунти, я — свет в луне и солнце, священный слог во всех Ведах, звук в пространстве, сила в мужах, Чистый запах в земле, я есмь и яркость в пламени, я — жизнь во всех существах и подвижничество в подвижниках¹⁹⁸. Знай, о Партха, что я — вечное семя всех существ, я есмь мудрость мудрых, отгадка отважных. Я же — мощь мощных, свободная от желания и страсти¹⁹⁹, в существах я — желание, не противное добродетели, о бок среди бхаратов. И какие ни бывают состояния — истовости, страстности либо косности²⁰⁰, — знай, все они от меня, я же не в них, как они — не во мне. Этими тремя качественными состояниями ослепленный, не узнает весь этот мир меня, их превосходящего, нетленного. Ибо трудноодолима эта моя божественная, из нитей-качеств слагаемая майя²⁰¹, но те, кто прибегнут ко мне, эту майю преодолению. Не прибегают ко мне злодеи, заблудшие, низкие среди людей, чье знание похищено маией, кто склоняется к демонскому бытию. Четырех родов добродетельные люди почитают меня, о Арджуна: СТРАЖДУЩИИ, взыскующий знания, пользы домогающийся и знающий, о бок среди бхаратов. От них отличен знающий, постоянно сопряженный, исполненный преданности единому²⁰⁴, ибо превыше [всего] дорог я знающему и он мне дорог. Благородны все они, но знающий почитается мною, словно то — я сам, ибо он утверждает во мне, духом сопряженный, как в убежище, выше которого нет. По прошествии многих рождений обладающий знанием приходит ко мне,

[ведая]: «Васудева есть все», но найти такого, духом великого, нелегко! Те же, чье знание похищено всяческими желаниями, прибегают к иным божествам, утверждаясь во всяческих запретах, замкнутые собственной природой. Кто бы из поклоняющихся какой бы образ ни хотел почтить верою, его ту веру в него я утверждаю неколебимо^{2 0 5}. Наделенный тою верой, он его благоволения ищет и оттого получает исполнение желаний, —но мною же предопределенное. Недолговечен, однако, плод, обретаемый теми малоумными. Жертвующие богам идут к богам, преданные же мне идут ко мне. Непроявленного, подверженным проявлению мнят меня неразумные, не ведающие высшей моей природы, нетленной, непревосходимой. Не для каждого явен я, окутанный волшбою сопряжения;^{2 0 6} этот заблудший мир не знает меня, нерожденного, нетленного. Я ведаю минувшие существа, и настоящие, о Арджуна, и будущие; меня же не ведают никто. Все существа в сотворенном мире, о Бхарата, из-за ослепления двойственностью, происходящего от влечения и отвращения, впадают в заблуждение, о каратель врагов. Но те люди, творящие добрые дела, чей грех пришел к концу, избавившиеся от ослепления двойственностью, почитают меня, твердые в исполнении обетов.

Те, кто, ко мне прибегнув, стремятся избавиться от старости и смерти, те Брахмана ведают всецело, и о том, что [у них] превыше Себя²⁰⁷, и о деянии досконально. Те, что знают меня как то, что превыше существ и превыше божеств, и как то, что превыше жертв²⁰⁸, те, сопряженные сердцем, знают меня и в час кончины.

Глава 30²⁰⁹

Арджуна сказал:

Что есть Брахман, что —то, что превыше Себя, и что —деяние, Всевышний Муж, и что называют тем, что превыше существ, о чем говорят как о том, что превыше божеств? Что и как пребывает здесь, в этом теле, тем, что над жертвами, о Губитель Мадху, и как познают тебя в час кончины подчинившие дух свой?

Преславный Господь сказал:

Непреходящее, высшее —именуется Брахманом, своя природа —тем, что превыше Себя, творение, вводящее существа в бытие, обозначается как деяние. Преходящее бытие —то, что превыше существ, что превыше божеств —то Муж, дух, а что над жертвами здесь, в этом теле, —то я сам²¹⁰, о лучший из воплощенных. Кто в час кончины обо мне одном помня, оставив тело, уходит, тот идет в мое бытие, в том нет сомнения. О каком бытии помышляя, покидает он тело в конце, о сын Кунти, в то и входит он, всегда проникнутый тем бытием²¹¹. Потому во все времена вспоминая обо мне и сражайся; сознание и разумение мне посвятивший, ко мне же и придешь, без сомнения.

Мыслью, упреждением сопряженной с сопряжением, не отлекаясь ни на что другое, следующий превышнему божественному Мужу к нему и идет, о Партха. Кто о древнем Мудреце вспоминает, о наставнике, что наименьшего меньше, вседержителя, чей непостижим образ, солнечноцветном, по ту сторону тьмы пребывающем,

В час ухода, мыслью неколебимый, исполненный преданности и силы сопряжения, правильно сосредоточив жизненную силу свою между бровей, тот идет к превышнему божественному Мужу^{2 1 2}. Что Непреходящим называют Вед знатоки, куда подвижники уходят, решившиеся от страстей, к чему стремясь, блюдут обет целомудрия, то —обитель, которую я опишу тебе вкратце²¹³. Тела врата все затворив, удерживая сознание в сердце, направив жизненную силу свою к макушке, утвердившийся в удержании сопряжения,

Кто, слог Ом единый, что есть Брахман²¹⁵, произнося и меня вспоминая, уходит, покидая тело, тот идет высшим путем. Кто всегда и постоянно помнит обо мне, ни на что другое мысль не обращая, для того сопряженного, постоянно сопряжению приверженного, я легко достигим, о Партха. Ко мне придя, нового рождения, недолговечного логова страдания, уже не обретают великие духом, высшего совершенства достигшие. Все миры, от обители Брахмы^{2 1 6} начиная, обречены на возврат к жизни, о Арджуна; меня же достигнув, о сын Кунти, нового рождения не обретают. Кто знает о протяженности дня Брахмы в тысячу юг и о протяженности ночи его в тысячу юг²¹⁷, те люди —истинные знатоки Дня и Ночи. С приходом Дня возникают из Непроявленного все проявления, с приходом Ночи в том же они растворяются, называемом Непроявленным. И этот сонм существ, рождаясь снова и снова, растворяется неизбежно с приходом Ночи, о Партха, и появляется с приходом Дня. Но выше этого Непроявленного есть другое, вечное непроявленное бытие^{2 1 8}, которое не гибнет и тогда, когда все существа погибают. Непреходящим зовется это непроявленное, о нем говорят как о высшей цели, коей достигнув, уже не возвращаются. То о моя высшая обитель^{2 1 9}. То высший Дух, о Партха, достижимый только через безраздельную преданность, в ком пребывают все существа, кем все это проникнуто. В какое время сопряженные уходят, чтобы уже не вернуться, и в какое время уйдя, возвращаются, я расскажу тебе, о бык среди бхаратов. Огонь, свет, день, светлая половина месяца, шесть месяцев северного пути солнца —люди, что ушли той стезей, идут к Брахману, ведающие Брахмана. Дым, ночь, также темная половина месяца, шесть месяцев южного пути солнца —сопряженный, той стезей [ушедший], обретя свет луны, возвращается²²⁰. Ибо эти светлый и темный пути почитаются вечными в мире. Одним уходят безвозвратно, другим уйдя, возвращаются снова. Знающий эти стези сопряженный никогда не впадет в заблуждение, о Партха. Поэтому во все времена, о Арджуна, да пребудешь ты сопряжен с сопряжением. Тот добродетели плод, что указан для Вед, для жертвоприношений, для подвигов умерщвления плоти и еще для даров, —его превосходит сопряженный, ведающий все это²²¹, и в изначальную и высшую идет он обитель.

Глава 31²²²

Преславный Господь сказал:

Это тайное из тайных поведаю тебе, незлобивому, знание в сочетании с познанием²²³, которое узнав, ты избавишься от недоброго. Царственное знание, царственная тайна, высшее очищение —въяве постижимо оно²²⁴, с законом согласно, легко осуществить его. Оно —нетленно. Люди, что не веруют в этот закон, о каратель врагов, не достигнув меня, возвращаются на путь смертного круговорота. Мною в непроявленном образе проникнут весь этот мир; во мне все существа имеют пребывание, но я не пребываю в них.

Но и не пребываю во мне существа; узри мою владычную йогу. Дух [сокровенный] мой, который есть начало существ, поддерживает существа, но не пребывает в существах²²⁵. Как пребывает постоянно в пространстве великий всепроникающий воздух, так, пойми, и все существа пребывают во мне. Все существа, о сын Кунти, идут в мою природу по окончании эры²²⁶, и в начале эры я снова их из себя исторгаю. Опираясь на свою природу, снова и снова я исторгаю весь этот сонм существ, перед властью природы безвольных²²⁷.

И меня те деяния не связывают, о Завоеватель богатств, в бесстрастии пребывающего, к тем деяниям #е пристающего. Под моим надзором природа рождает движущееся и недвижимое; по этой причине, о сын Кунти, и вращается мир. Принявшего человеческого образ презирают меня заблуждающиеся, не ведая моего высшего бытия великого владыки существ. Тщетны надежды, тщетны деяния, тщетны знания их, неумных, бесовской и демонской обманной природе²²⁸ предавшихся. Великие же духом, о Партха, божественной природе преданные, чтут меня безраздельно всею душою, зная меня как нетленное начало существ. Вечно славящие меня и стремящиеся [ко мне], твердые в обетах и преклоняющиеся с преданностью, постоянно сопряженные почитают меня. И другие, мне жертву знания приносящие, почитают меня как единого [либо] раздельно, как во все стороны обращенного многообразно^{2 2 9}. Я —обряд, я —жертва, я —возлияние предкам^{2 3 0}, я —священная трава^{2 3 1}, я —святое слово^{2 3 2}, я —жертвенное масло, я —огонь, я —в него приношение. Я —отец этого мира, и мать, и устроитель, и прародитель, я —познаваемое, очищающее, слог Ом, гимн, песнопение и жертвенное речение^{2 3 3}.

Я —убежище, кормилец, властелин, свидетель, обитель, защита, друг, происхождение, растворение, местопребывание, сокровище, нетленное семя. Я опаляю зноем, я удерживаю и изливаю дождь. Я —бессмертие, я же — и смерть, Сущее и Не-Сущее^{2 3 4}, о Арджуна. Ведающие тройственное знание^{2 3 5}, пьющие сому^{2 3 6}, очистившиеся от грехов, принося мне жертвы, молят о пути на небо. Святого мира И н д р ы бессмертных^{2 3 7} достигнув, вкушают они на небесах небесные радости богов. Обширным неба миром насладившись, они возвращаются в мир смертных, когда истощаются их заслуги. Так, следующие трех Вед закону, лишь уход и приход^{2 3 8}, соблазненные желанием, они обретают. Но кто, безраздельно обо мне помышляя, меня почитает, тем, постоянно сопряженным, я приношу сохранность приобретенного. И даже те, кто, будучи другим божествам преданы, жертву приносят, исполненные веры, даже они жертвуют мне, о сын Кунти, хотя и не тому предписанью следуя. Ибо я есмь вкуситель и владыка всех жертвоприношений, но они не знают меня истинно и потому отпадают.

Почитатели богов идут к богам, к предкам идут почитатели предков, к духам идут приносящие жертвы духам, жертвующие же мне идут ко мне. Лист, цветок, плод, воду кто с преданностью мне приносит, от того истого почитателя преданности приношение^{2 3 9} я приемлю. Что бы ты ни делал, что бы ни вкушал, что бы ни приносил возлиянием в жертву, что бы ни подавал, какое бы ни свершал подвижничество, о сын Кунти, делай это как приношение мне. Так ты освободишься от уз деяния^{2 4 0}, заключающихся в добрых и недобрых плодах его, и, с отрешением и сопряжением душою сопряженный^{2 4 1}, свободный, ты придешь ко мне. Одинаков я ко всем существам, нет для меня ни ненавистного, ни любимого. Но кто почитает меня с преданностью, те —во мне, а я —в них. Даже человека очень дурного поведения, если он меня, безраздельно преданный, почитает, следует полагать благочестивым, ибо верной решимости он исполнен^{2 4 2}.

Скоро становится он праведен душою и обретает вечное умиротворение. Знай твердо, о сын Кунти, —не гибнет преданный мне. Ибо прибегнувшие ко мне, о Партха, будь они грешного рождения даже, [будь то] женщины, вайшьи, да и шудры, —и они идут высшим путем. Что же говорить тогда о брахманах святых и о благоговееющих царственных мудрецах! В этот непостоянный и несчастливый мир придя, будь предан мне благоговейно! Ко мне будь мыслью обращен, передо мной благоговей, мне жертвуй, мне поклоняйся. Так, духом став сопряжен, придешь ко мне, меня высшей целью почитая.

19 МАХАБХАРАТА. Книга 6. КНИГА О БХИШМЕ

Преславный Господь сказал:

И еще, о мощнорукий, внемли моему высокому слову, [тому], что я тебе, любви исполненному²⁴⁴, молвить буду, блага тебе желая. Не ведают происхождения моего ни сонмы бессмертных, ни великие провидцы, ибо всяко я — и богов, и великих провидцев начало. А кто меня, нерожденного, безначального ведает, великого миров владыку, тот, незаблуждающийся среди смертных, освобождается от всех грехов. Мудрость, знание, незаблуждение, терпение, истина, воздержание, покой, радость, страдание, существование и его прекращение и страх, и бесстрашие, Невреждение, беспристрастие, удовлетворенность, подвижничество, даяние, слава, бесславие — суть различные состояния существ, происходящие от меня только²⁴⁵. Семеро великих провидцев изначальных и еще четверо Ману²⁴⁶ — моей природы, моей мыслью они рождены, от них же происходят эти твари во вселенной. Это всепроникающее проявление мое и йогу мою²⁴⁷ кто поистине ведает, тот со мною сопряженностью некабимой сопряжен, в этом нет сомнения. Я — происхождение всего, все развивается из меня, — признавая это, почитают меня мудрые, проникнутые чувством²⁴⁸. Ко мне мыслью устремленные, жизнь доверившие мне, вразумляющие взаимно друг друга, постоянно беседующие обо мне, они мною удовлетворяются и радуются мне. Тем навечно сопряженным, с любовью меня почитающим, я дарую сопряжение мудрости, коим они достигают меня. Ради них же я из сострадания, в [их] собственной природе пребывая, и незнанием порожденную тьму²³⁰ рассеиваю сияющим светочем знания.

Арджуна сказал:

Ты высочайший Брахман, высочайшая обитель, очищение высочайшее, Мужем вечным, небесным, первым из богов, нерожденным, вездесущим²³¹. Называют тебя все провидцы, божественный мудрец Нарادا также, Асита, Девала, Вьяса, да и сам ты мне то же речешь. Все это я считаю верным, что сказал ты мне, о Кешава; ведь явления твоего, о Господи, не ведают ни боги, ни демоны. Себя собою только сам ты ведаешь²³², о Всевышний Муж, Осуществление существ, Владыка существ, Бог богов, Властелин мира! Соизволь же все без исключения рассказать мне, ибо дивны проявления Духа твоего, коими силами²⁵⁴ эти миры проникая, ты [в них] пребываешь. Всегда о тебе размышляя, как мне познать тебя, о Владыкающий йогой? В каких состояниях доступен ты, о Господи, мысли моей? Пространно, о йоге своей и о своем всепроникающем проявлении, о Джанардана, расскажи [мне] еще, ибо не утолил я жажду внимать амрите [речи твоей]! Преславный Господь сказал:

Хорошо, я расскажу тебе, ибо дивны проявления Духа моего, [но только] главное, о лучший из куру; пространному же изложению их нет конца. Я — [сокровенный] Дух Б, о Гудакеша, пребывающий в сердцах всех существ, я — и начало, и середина существ, и конец их тоже. Из Адитьев я — Вишну, из светил — лучезарное солнце, из Марутов я — Маричи, меж звезд я — месяц, Из Вед я — Веда Песнопений, из богов я — Предводитель Васу, меж чувств я — сознание, у существ я — восприятие²⁵⁶, Из Рудр я — Шанкара, меж яшей и ракшасов — Владыка богатств, из Васу я — Павака, среди гор я — Меру, Из верховных жрецов меня как главного знай, о Партха, — как Брихаспати, из полководцев я — Сканды, из водоемов — Океан, Из великих провидцев я — Бхригу, из возгласений я — непреходящий слог, из жертвоприношения я — жертва тихой молитвой, из твердынь я — Хималай, Из всех деревьев я — священная смоковница²⁵⁹, из божественных мудрецов я — Нарада, из гандхарвов — Читрататха, из совершенных²⁶⁰ — Капила-мудрец, Меж коней знай меня как Уччайхшраваса, возникшего из амриты, как Айравату меж владычных слонов, а меж людей — как царя, Из оружий я — ваджра, из коров — исполняющая желания²⁶¹, я — и порождающий Кандарпа, я — Васуки среди змиев, Среди нагов я — Бесконечный, меж морских исполинов я — Варуна, среди предков я — Арьяман, а среди обуздывающих я емь Яма²⁶², Из дайтев я — Прахлада, из исчисляющих — Время²⁶³, из зверей я — царь зверей²⁶⁴, а из пернатых — сын Винаты, Из очищающих я — воздух²⁶⁵, из носящих оружие — Рама я, из рыб я — макара²⁶⁶, среди потоков — дочь Джахну, Творений — начало и конец, и середина я же, о Арджуна, из наук я — наука о Высшем Духе²⁶⁷, я — суждение обсуждающих²⁶⁸, Из букв я — буква А²⁶⁹, а в сложении слов — двандва²⁷⁰, я также — непреходящее время, я — Создатель, повсюду лицом обращенный²⁷¹, Я — и всеуносящая смерть, и будущих существ происхождение, из женских ипостасей я — Слава, Удача, Речь, Память, Мудрость, Стойкость и Терпеливость. Из песнопений я — Большое песнопение²⁷², из стихотворных размеров — гаятри, из месяцев я — маргаширша, из времен года — весенний расцвет, Из плутующих я — игра в кости, из блистательных я — блистание, я емь победа, емь решимость, я — истовость истовых, Из Вришней я — Васудева, из Пандавов — Завоеватель богатств, из мудрецов я — Вьяса, из озаренных²⁷⁴ я — Озаренный Ушанас, Я — жезл²⁷⁵ обуздывающих, я — хитроумие²⁷⁶ у завоевателей, я же — молчание меж тайнств, я — знание знающих. И какое ни есть у всех существ семя, то — я, о Арджуна, нет ничего движущегося или недвижимого, что могло бы существовать помимо меня. Нет конца моим дивным всепроникающим проявлениям, о каратель врагов; лишь примерами пояснил я необъятность проявления моего. И какое ни есть существо, даром проявления отмеченное, прекрасное или могучее, знай, что произошло оно от доли моего блистания. Однако же к чему тебе это многое знание, о Арджуна? Поддерживая целый этот мир, лишь единой долею моей я в нем пребываю.

Глава 33²⁷⁷

Арджуна сказал:

Та речь о величайшей тайне, Высший Дух означающей, что из милости ко мне ты поведал, рассеяла заблуждение мое. О возникновении и уходе существ пространное слово от тебя я услышал, о лотосокий, а также о непреходящем величии твоего духа. Как ты объявил о себе, о Превышний владыка, так оно и есть; но твой владычный образ хочу я узреть, о Всевышний Муж! Если ты считаешь возможным для меня, о властелин, увидеть это, тогда, о Владыка йоги²⁷⁸, мне яви себя непреходящего!

Преславный Господь сказал:

Узри же, о Партха, образы мои стократно и тысячекратно [явленные], различные, дивные, разных цветов и видов. Узри Адитьев, Васу, Рудр, Ашвинов и Марутов, многие невиданные чудеса узри, о Бхарата. Здесь узри ныне весь единый мир, движущееся и недвижимое, в теле моем, о Гудакеша, и все другое, что ты видеть хочешь. Но не можешь ты меня узреть оком этим своим. Божественное зрение дарую я тебе, узри мою владычную йогу!

Санджая сказал:

Молвив это, о царь, Партхе явил тогда Хари, великий владыка йоги, свой высочайший владычный образ, Многоустый и многоокий, многие являющий чудеса, многими блистающий дивными украшениями, многие дивные оружия воздымающий, В дивные облаченный одежды с гириандами, дивными ушачными мазями и благовониями, вмещающий все чудеса, божественный, беспредельный, во все стороны обращенный. Если бы заблистал на небе свет тысячи солнц одновременно²⁷⁹, он был бы подобен сиянию его, духом великого.

Тогда весь единый мир, многожды разделенный, узрел сын Панду там, в теле Бога богов. Повергнутый в изумление, объятый трепетом, молвил тогда Завоеватель богатств, перед Богом голову склонив и руки сложив в ладони.

Арджуна сказал:

Вижу, о боже, в теле твоём всех богов и сонмы различных существ, Владыку Брахму, восседающего на троне-лотосе, и всех провидцев, и божественных змиев. Во образе вижу тебя, во все стороны бесконечном, со множеством рук, животов, ликов и очей, но не вижу ни конца твоего, ни середины, ни начала тоже, о владыка вселенной, образ вселенский! Увенчанного диадемой вижу тебя, носителя палицы и диска, блистания громаду, во все стороны светящего, ослепительного, откуда ни глянц, огня и солнца неизмеримым сиянием сверкающего.

Ты — непреходящее, высшее познаваемое²⁸⁰, ты — высшее убежище²⁸¹ для вселенной, ты — нетленный хранитель вечного Закона, как предвечного Мужа мыслью я тебя. Как не имеющего ни начала, ни середины, ни конца и бесконечной мощью обладающего вижу тебя, чьи руки бесконечны, чьи очи — луна и солнце, чьи уста 2 — сверкающий огонь, вселенную эту блистающую своим опаляющего. Ведь это пространство между небом и землею тобою одним объято — как и все страны света; при виде этого чудного и грозного образа твоего содрогаются три мира, о великий духом! И вступают в тебя²⁸³ эти сонмы небожителей, и некоторые, уstraшенные, сложив ладони, хвалу тебе возносят; сонмы великих провидцев и совершенных, благословляя, славословиями звучными славят тебя. Рудры и Адиты, Васу и те Садхы, Вишведевы, Ашвины, Маруты и Пьющие пар²⁸⁴, и сонмы гандхарвов, яшей, демонов и совершенных — все, удивления преисполненные, на тебя зирают. При виде великого твоего образа, многоликого и многоокого, о мощноданный, со многими руками, бедрами и ногами, многими животами, ужасающего многими клыками, содрогаются миры и я тоже! Ибо, когда я вижу тебя, неба касающегося [головой], сверкающего, многоцветного, с разверстым зевом, с огромными сверкающими очами, содрогаются все существо во мне до глубины души и не нахожу я ни твердости, ни покоя, о Вишну! И когда я вижу лики твои, ужасающие клыками, Огню Времени подобные²⁸³, не различаю я стран света и не чаю защиты. Смилуйся, о владыка богов, миров обитель! И к тебе все эти сыны Дхритараштры вместе с сонмами земных царей, Бхишма, Дрона и сын возникши, также с нашими военачальниками вместе В страшные пасти твои, ужасающие клыками, несутся, и видно, что у некоторых, между зубами застрявших, раздроблены головы. Как многие потоки речные в сторону океана стремятся, так эти мужи мира людского в пылающие пасти твои входят. Как в светильника пламень влетают стремительно мошки, чтобы там погибнуть, так стремительно входят в пасти твои эти люди на свою погибель. Своими пылающими устами слизываешь ты отовсюду эти миры целиком, пожирая; блеском своим целиком заполняя вселенную, блистание твое грозное опалает ее, о Вишну! Скажи мне, кто ты, грозный обликом! Слава тебе, смилуйся, о лучший из богов! Я хочу тебя узнать, первозданного, ибо не ведаю я твоего устремления.

Преславный Господь сказал:

Я есмь Время²⁸⁶, разрушение мира творящее, назревшее, к уничтожению здесь людей тяготеющее. И помимо тебя существовать перестанут все эти войны, противостоящие во враждебных ратях друг другу. Потому воспрянь и славу обрети. Врагов победив, владей процветающим Царством! Мною они уже прежде убиты, ты лишь орудием будь, о Савьясачин! И Дрону, и Бхишму, и Джаядратху, также Карну и других воителей-героев, уже обреченных мною, рази, не колеблись, сражайся! В бою ты победишь соперников своих.

Санджая сказал:

Эти слова Кешавы услышав, сложил ладони, трепеща, Увенчанный и, вновь почести Кришне воздав, молвил голосом дрожащим, в великом страхе преклонившись перед ним.

Арджуна сказал:

Как и должно, о Хришикеша, радуется и ликует мир, тебя прославляя. Устрашенные бесы разлетаются прочь, сонмы же совершенных все поклоняются тебе. И как, о великий духом, не поклониться им тебе, Брахму самого превосходящему величием, изначальному творцу? ²⁸⁷ 8 7 0 владыка богов, беспредельный, убежище мира, ты —непреходящее, ты —и бытие, и небытие, и то, что за пределами этого. Ты —изначальный Бог, Муж древний, ты —высшее убежище для этого всего, ты —знающий и познанию подлежащее, и высшая обитель, тобою проникнуто все, о ты, чьи образы бесконечны! Ты —Ваю, Яма, Агни, Варуна, Шашанка, Владыка созданий ты и Прародителя предок, слава, слава тебе тысячекратно, и снова, и еще —слава, слава тебе! Славлю тебя пред тобою и позади тоже, отовсюду слава тебе, о всеобъемлющий! Беспредельна мощь твоя, и неизмерима доблесть, ты достигаешь всего, и потому ты —все! Что ни говорил я тебе необдуманно, всего лишь з а друга тебя почитаю, величия твоего не ведающий: <Эй, Кришна, эй, Ядава, эй, дружище>, —из легкомыслия, либо даже по любви, Какое непочтение оказал тебе шутки ради —во время развлечения, трапезы, на ложе или на сиденье, наедине или в чьем-либо присутствии, о Неколебимый, в том прошу я прощения у тебя, неизмеримого. Ты —отец мира движущегося и недвижимого, тот, кого чтить ему надлежит, и величайший учитель его, нет равного тебе, откуда же во [всех] трех мирах возьмется превосходящий тебя, о ты, чье могущество подобия не имеет! Потому, склонившись и простершись ниц перед тобою, я молю тебя о милости, достославного владыку, да изволишь ты так снисходителен быть ко мне, о Боже, как отец к сыну, как ко другу друг, как к любимому любящий! Возрадовался я, узрев не виданное прежде, но и преисполнилась душа моя страхом. Так яви же мне, о Боже, [свой прежний] образ, смилуйся, о владыка богов, миров обитель! Увенчанного, с палицей, с диском в руке, хочу я опять увидеть тебя. Прими тот четырехдланный облик свой, о тысячерукий, вселенский образ [явивший]!

Преславный Господь сказал:

Из милости явил я тебе, о Арджуна, йогою духа моего свой высший образ —пламенный, вселенский, беспредельный, изначальный, — которого никто, кроме тебя, не видел прежде. Ни изучением Вед и жертвоприношений²⁸⁹, ни дарами, ни обрядами, ни жестокими самонистязаниями не добиться в мире людей никому, кроме тебя, того, чтобы узреть меня в образе таком, о герой рода Куру.

Не трепещи и не смущайся духом при виде этого столь грозного образа моего. Страх отринув, с радостной душою все тот же [прежний] узри мой образ опять.

Санджая сказал:

Так Арджуне молвив, явил ему свой образ Васудева снова. Его, уstraшенного, он успокоил, великий духом, приняв опять свой благостный облик.

Арджуна сказал:

Увидев этот твой человеческий благостный образ, о Джанардана, я теперь, собравшись с духом, пришел в себя.

Преславный Господь сказал:

Труднодоступен весьма для взора этот мой образ, что ты увидел. Сами боги образ этот узреть постоянно тщатся. Ни через Веды, ни через подвижничество, ни через даяние, ни через жертвоприношение невозможно увидеть меня в образе подобном, в каком ты меня узрел. Только через безраздельную преданность, о Арджуна, можно познать меня таким, узреть поистине и войти в меня, о врагов каратель. Кто деяние творит ради меня, кто мнит меня высшим, преданный мне, отринувший привязанности, не питающий вражды ни к кому из существ, тот идет ко мне, о сын Панду!

Глава 34²⁹⁰

Арджуна сказал:

Те, что сопряжены так непреложно, преданные, поклоняющиеся тебе, и те, что Непреходящее не проявленное почитают, —кто из них лучше ведает йогу?

Преславный Господь сказал:

Те, кто, мысль свою на мне сосредоточив, чтут меня, постоянно сопряженные, наделенные вышею верой, —их я лучшими из сопряженных считаю. Те же, которые чтут Непреходящее, неопределимое, не проявленное, вездесущее и непостижимое, вознесенное²⁹², незблемое, стойкое, Чувств гурьбу обуздав, равно обо всем разумеющие, —они тоже достигают меня, радующиеся благу всех существ. Больше тягота тех, чье сердце приникает к не проявленному, ибо трудно достигнуть телесным существам не проявленной цели. Но тех, кто, посвятив мне все деяния, меня постигая, мною совершенно поглощенные, чтут меня с безраздельным сопряжением, Таких, незамедлительно из пучины смертного круговорота я извлекаю, о Парtha, мыслью на мне сосредоточенных. На мне утверди свое сознание, во мне помести разумение свое, и с этой поры, нет сомнения, во мне одном обретешь пребывание²⁹³. Но если мысль на мне сосредоточить твердо не можешь, тогда неустанным сопряжением²⁹⁴ пытайся достичь меня, о Завоеватель богатств. Если же и к неустанному упражнению [души] ты не способен, пусть высшим для тебя станет деяние во имя мое²⁹⁵; уже [только] ради меня творя деяния, ты достигнешь совершенства.

А если и это делать ты не способен, тогда, йогой моей вдохновленный²⁹⁶, смиривший дух свой, откажись от плода всякого деяния.

Ибо знание лучше упражнения, предпочтительнее знания — созерцание, созерцания лучше —отвержение плода деяния, выше отвержения сразу —покой ²⁹⁷. Ко всем существам не питающий злобы, дружелюбный и сострадательный, бескорыстный, несебялюбивый, равный и в горе, и в счастии, терпеливый, Всегда удовлетворенный йогин, смиривший дух, твердый в решениях, посвятивший мне сознание свое и разумение, —тот, преданный мне, мне дорог. Кого не страшится мир и кто не страшится мира, избавившийся от радости и негодования, страха, тревоги, —и тот дорог мне. Не питающий надежд, чистый, искусный, бесстрастный, избавленный от волнений, отказавшийся от всех предприятий —тот, кто предан мне, мне дорог. Кто не радуется, не злобствует, не печалится, не жаждет, отрешившийся от доброго и недоброго, кто исполнен преданности —тот дорог мне. Равно относящийся к врагу и к другу и так же к уважению и презрению, равный в холоде и в жаре, в счастии и несчастье, избавившийся от привязанностей, Приемлющий равно порицание и хвалу, молчалив, всем, что ни есть, довольный, бесприютный, твердый в мнениях, исполненный преданности —дорог мне [такой] человек. Но те, что святуго амриту эту²⁹⁹, как оно изречено было, чтут во всей полноте, верующие, почитающие меня превыше всего, преданные, —те особенно дороги мне.

Глава 35³⁰⁰

Преславный Господь сказал:

Это тело, о сын Кунти, зовется полем, того, кто ведает его, познавшим поле³⁰¹ называют ведающие это. Знай же меня как познавшего поле во всех полях³⁰², о Бхарата! Знание поля и познавшего поле —вот что полагаю я знанием. Что есть поле, каково оно, каковы его изменения, откуда оно и кто он³⁰³, какова его власть —в сжатом изложении от меня это выслушай. Провидцами воспоет это многообразно в различных гимнах [в каждом] по отдельности, а также обосновано и определено в стихах <Поучений о Брахманах>³⁰⁴. Великие стихи, самосознание, разумение, а также Непроявленное, десять чувств и еще одно и пять сфер чувств, Желание, ненависть, наслаждение, страдание, организм, осмысление, постоянство —вот в сжатом определении поле с производными от него³⁰⁵. Отсутствие гордыни, бесхитростность, невреждение, терпеливость, прямота, служение наставнику, чистота, неколебимость, самообладание, Отвращение от предметов чувств, а также несебялюбие, помышление о страданиях и пороках, заключенных в рождении, смерти, старости и болезни, Непривязанность, отрешение от пристрастия к сыну, жене, дому и прочему, постоянное равнодушие к желанным и нежеланным событиям, Непреходящая преданность мне с безраздельным сопряжением³⁰⁶, пребывание в уединенных местах, нелюбовь к скоплению людей, Постоянство в познании высшего Себя³⁰⁷, прозрение смысла познания истины —это именуется знанием, что отлично от этого, есть неведение. О том, что надлежит познать, я поведаю тебе, о том, что познав, достигают бессмертия. То —безначальный высший Брахман³⁰⁸, его же не называют ни сущим, ни не-сущим. С руками и ногами, простертыми во все стороны, с глазами, головами и лицами³⁰⁹, во все стороны обращенными, с ушами во все стороны пребывает он в мире, все объемля. В нем —подобие свойств всех чувств, и он от всех чувств отрешен³¹⁰, непривязанный и все поддерживающий, лишенный свойств и наслаждающийся свойствами, Пребывающий вне и внутри всех существ, недвижимый и движущийся, непознаваемый вследствие утонченности своей, вдали и вблизи находящийся; Неделимый, но между существами словно бы пребывающий разделенным, —знать его надлежит как поддерживающего существа, поглотителя и воссоздателя.

О нем говорят и как о светиле светил, тьму превзошедшем³¹². Знание, познаваемое и цель знания, он пребывает в сердце каждого.

Так описано кратко поле, также знание и то, что надлежит знать. Познав это, преданный мне приобщается к бытию моему.

Знай, что и природа, и дух безначальны оба, и знай, что изменения и качества происходят из природы.

Природу называют причиной в совокупности того, что делается, чем делается и кто делает³¹³, дух же называют причиной в переживании наслаждений и страданий. Ибо дух, пребывающий в природе, приемлет качества, рожденные природой; привязанность к нитям-качествам есть причина рождений его в благом или неблагом лоне. А М у ж высший, [что пребывает] в этом теле, он же Превышний Дух³¹⁴ зовется, — Свидетельствующий, Дозволяющий, Питающий и Вкушающий, Великий Владыка. Кто ведает так о Духе и Природе с [ее] свойствами, как бы ни вел себя [в этом мире], уже не родится снова. Некоторые посредством самоуглубления зрят [высшего] Себя в себе Собою³¹⁵, другие — через йогу рассуждения, иные же — через йогу деяния. А еще иные, что не знают этого, почитают [это], другим внимая; такие тоже преодолевают смерть, устремленные на то, чему внимали³¹⁶. Какое существо ни рождается, движущееся или неподвижное, знай, что произошло оно от союза поля и познающего поле, о бык среди бхаратов. Кто видит Превышнего Владыку, пребывающего равно во всех существах, не гибнущих, когда они гибнут, тот врину видит. Ибо, видя Владыку равно утвержденным во всем, он не повреждает Себя собою³¹⁷ и идет поэтому высшим путем. Кто видит, что деяния творятся повсюду природою только, себя же — не действующим, тот воистину видит. Когда он видит, что раздельное бытие существ заключено в едином и что оттуда именно идет распространение, тогда он достигает Брахмана. Будучи безначальным и лишенным качеств, этот Превышний Дух нетленный, хотя и пребывает в теле, о сын Кунти, не действует и не пятнается³¹⁸. Как всепроникающий эфир запятнаться не может по тонкости своей, так и Душа, всюду в теле пребывающая, не запятнается. Как солнце одно озаряет весь этот мир, так владетель поля озаряет все поле, о Бхарата. Те идут к Высшему, кто оком знания различие между полем и полем познавшим, а также освобождение существ от [их] природы так прозревает.

Глава 36³¹⁹

Преславный Господь сказал:

Еще я поведаю тебе высшее знание, лучшее из всех знаний, которое узнав, мудрецы все вознеслись отселе к высшему совершенству. Прибегшие к этому знанию, достигшие общей со мной природы, они уже не рождаются при творении и не страждут при растворении мира. Великий Брахман — мое лоно;³²⁰ в него я влагаю зародыш, становление всех существ из него и происходит, о Бхарата. Какие бы во всех лонах, о сын Кунти, ни являлись воплощения, их лоно — великий Брахман, я же — отец, влагающий семя. Истовость, страстность, косность — свойства, происходящие из природы, — приковывают, о мощноданный, нетленного воплощенного к телу. Из них истовость, чистотою своей природы [все] озаряющая, чуждая недуга, сковывает влечением к радости и влечением к знанию, о сын Кунти, влечением к деянию. Косность же, знай, происходит из неведения, вводящая в заблуждение всех воплощенных, она нерадивостью, ленью и дремой сковывает, о Бхарата. Истовость привлекает к радости, страстность — к деянию, о Бхарата, косность же, затмевая знание, привлекает к нерадению. Превозмогая страстность и косность, утверждается истовость, о Бхарата, страстность — истовость и косность [превозмогая], косность же — истовость и страстность. Когда во всех вратах этого тела озарение является, знание, тогда следует и считать, что возросла истовость. Жадность, суетливость, дел предприятие, беспокойство, алчность, о бык среди бхаратов, — они рождаются при возрастании страстности. Помрачение, бездеятельность, небрежение и заблуждение также, о радость куру, — они рождаются при возрастании косности. Когда при возросшей истовости к растворению приходит воплотившийся, тогда он достигает чистых миров обладателей высшего знания. К растворению при страстности пришедший рождается среди преданных деянию, растворившийся же при косности рождается в лонах глупцов. Доброго деяния чистый плод называют истовым, плод же страстности — страдание, неведение — косности плод. Из истовости рождается знание, а из страстности — жадность; из косности небрежение и заблуждение происходят, а также неведение. Ввысь идут пребывающие во истовости, посредине пребывают страстные, вниз идут косные, под влиянием худшего из свойств пребывающие. Когда зрящий не видит, кроме этих свойств, иного деятеля и ведает то, что превыше нитей-свойств, он входит в мое бытие. Преодолев три эти качества, от коих тело происходит³²¹, воплощенный, от рождения, смерти, старости и страдания избавившийся, вкушает бессмертие.

Арджуна сказал:

Какими признаками отмечен преодолевший эти три качества, о властитель, каков его образ жизни и как он эти три качества преодолевает? Преславный Господь сказал:

Кто ни от озарения, ни от деятельности, ни от заблуждения не отвращается, о сын Панду, когда они происходят, и не жаждет их, когда они прекращаются, Кто, оставаясь безучастным, не смущается свойствами, кто, зная: то лишь нити-свойства вращаются, — отстраняется и не колеблется, Равнодушный к страданию и радости, невозмутимый, кому безразлично, что ком земли, что золоту, равно приемлющий приятное и неприятное, мудрый, равно относящийся к порицанию и хвале, Равно — к чести и бесчестью, равно — к сторонам дружественной и враждебной, отказавшийся от всех начинаний — тот считается качествами преодолевшим. Кто меня с непреходящим сопряжением преданности³²³ почитает, тот, восторжествовав над этими качествами, становится к слиянию с Брахманом способен. Ибо я есмь основание Брахмана, бессмертного и нетленного, и вечного³²⁴ а кона, и совершенного счастья.

Глава 37³²⁴

Преславный Господь сказал:

С корнями вверх, с ветвями вниз смоковницу, чьи листья — стихи, называют нетленной³²⁵. Кто ведает это, [тот воистину] — Веду ведающий. Вниз и вверх простерты ветви ее с побегами-предметами, от нитей-качеств растущие³²⁶, и вниз протягиваются корни, деянием связывающие³²⁷ в мире людей. Не постигнуть здесь образ ее — ни конца, ни начала, ни постоянства³²⁸, Срубив смоковницу эту, глубоко укоренившуюся, непривязанности мечом крепким, Страну затем ту следует искать, куда уйдя, не возвращаются боле, — и поистине к тому первозданному Мужу я прибегаю, от коего извечный этот ход вещей происходит³²⁹. От гордыни и заблуждения избавленные, одолевшие порок привязанности, всегда углубленные в Себя³³⁰, отрешившиеся от желаний, от двойственностей, что зовутся наслаждением и страданьем, освободившиеся, идут, незаблуждающиеся, в тот нетленный мир. Не освещают ее ни солнце, ни луна, ни огонь, ту высшую мою обитель, куда уйдя, не возвращаются. То частица меня в мире живых, ставшая живой душою вечною, притягивает к себе коренящиеся в природе чувства, шестым из коих является сознание³³¹. Какое бы ни принял тело и какое бы ни покинул владыка³³², те самые, захватив, переносит он с собою, как запахи ветер. Слухом, зрением и осязанием, вкусом, а также обонянием овладев, и еще сознанием, он воспримлет предметы чувств. Его, покидающего или остающегося — или же вкушающего, — наделенного свойствами, не усматривают заблудшие, но видят обладающие оком знания. И в своей душе утвержденным видят его ревностно сопряженные, но не- и разумные, несовершенные душою, даже если и ревностны, — не видят его. Тот свет, что, исходя от солнца, озаряет мир целый, тот, что в луне, и тот, что в огне, знай: это мой свет. И, в землю входя, я поддерживаю существа своею силою; я питаю все растения, став сомой, соков началом. Став огнем всеобщим³³³, пребывающим в теле живых, в союзе с вдыханием и выдыханием³³⁴, я перевариваю пищу четырех видов³³⁵. В сердце каждого я обитаю, от меня — память, знание и толкование³³⁶. Я — то, что познаваемо через все Веды, и Завершения Веды³³⁷ создатель, и ведающий Веду — тоже я.

Два есть духа в мире — преходящий и непреходящий; преходящим — все эти существа, непреходящим — Вознесшегося называют. Но отличен от них высочайший Муж, Превышним Духом он зовется, тот, что, входя в три мира, поддерживает их, нетленный Владыка³³⁸. Поскольку же я превосхожу преходящий и даже непреходящего я выше, в мире и в Веде прославлен я как Всевышний Муж. Кто, незаблуждающийся, меня как Всевышнего Мужа знает, тот, всеведущий, всем существом своим чтит меня, о Бхарата. Это учение, что я поведал, — величайшая из тайн, о безупречный! Постигший его станет просветленным и долг свой до конца исполнит, о Бхарата.

Глава 38³³⁹

Преславный Господь сказал:

Бесстрашие, чистота истовости, равновесие знания и сопряжения³⁴⁰, щедрость, смирение и жертва, благочестивое чтение³⁴¹, подвижничество, прямота, Невреждение, правдивость, незлобность, самоотверженность, умиротворенность, неосуждение, милосердие к живым существам, отсутствие жадности, мягкость, скромность, невозмутимость, Отвага, терпеливость, стойкость, чистота, отсутствие коварства и чрезмерной гордыни — для божественного достояния рожденному принадлежат, о Бхарата. Коварство, надменность, чрезмерная гордыня, злоба, а также грубость и невежество — принадлежат, о Партха, рожденному для демонского достояния. Считается, что божественное достояние ведет к освобождению, демонское — к узам. Не печалься, для божественного достояния ты рожден, о сын Панду. Существ творения два рода в этом мире — божественное и демонское. О божественном рассказано пространно, выслушай от меня, о Партха, о демонском. Ни о действии [должном], ни о бездействии³⁴² не ведают люди демонской природы. Нет у них ни чистоты, также ни благонравия, ни правдивости. Как о неистинном, не имеющем основы и безвластным, говорят они о мире, как о возникшем беспричинно, ни от чего больше, как от вождения³⁴³. Утвердившиеся в этом воззрении, погибшие души, малоумные, злые дела творящие, чтобы мир погубить, явились они на свет, не благие. Предавшись ненасытному вождению, исполненные коварства, гордыни и сумасбродства, в ослеплении своем недобрых прихотей набравшись, они в делах своих следуют нечистым обетам. Непомерно одолеваемые заботами, что кончатся только со светопреставлением, удовлетворение желаний ставя превыше всего, мнят они, что нет ничего сверх этого. Сотнями уз чаяний опутанные, преданные вождению и гневу, ищут они богатств накопить неправедными путями ради удовлетворения своих желаний. «Ныне мне это досталось, это желание я удовлетворю, это у меня есть, а это имущество будет еще моим. Этот враг мною

убит, и других тоже убью, я — владыка, я вкушаю, благополучен я, силен и счастлив, Я богат и родовит. Кто со мной сравнится? Я принесу жертвы, одарю, возрадуюсь» — так рассуждают заблудшие в неведении своем, Смушаемые многими заботами, запутавшиеся в сетях заблуждения, поглощенные удовлетворением своих желаний, — и низвергаются в нечистый ад. Самодовольные, упрямые, безумно гордые своим богатством³⁴⁴, они приносят **так** называемые жертвы из лицемерия, не предписаниям следуя. Приверженные себялюбию, насилию, гордыне, вожделению и гневу, злоствующие, они ненавидят меня и в себе, и в чужих телах. Тех ненавистников жестоких, в мирской юдоли низших из людей, я ввергаю неукоснительно, недобрых, в демонские только лоно. В демонское лоно впавшие, те заблудшие, из рождения в рождение меня **не** достигая, далее, о сын Кунти, идут все к низшей доле. Тройные эти ада врата, душу губящие: вожделение, гнев и алчность; поэтому следует сей троицы избегать. От этих трех врат тьмы освободившийся человек творит благое для души своей, о сын Кунти, и оттого идет к высшему уделу. Но кто, отвергнув предписания учений³⁴⁵, живет, следуя собственным желаниям, тот не достигает ни совершенства, ни счастья, ни высшего удела. Поэтому да будет учение мерой тебе в установлении того, что надо и чего не надо делать; зная [это], свои^деяния здесь творить изволь, сообразуясь с **тем**, что указано учением.

Глава 39³⁴⁶

Арджуна сказал:

Те, что приносят жертву, предписания учений отвергнув, [но] исполненные веры, на чем они стоят, о Кришна, истовость то, страстность или косность?

Преславный Господь сказал:

Трех видов бывает вера у воплощенных, как ее порождает их природа, — истовой, страстной и косной. Слушай же о ней. У каждого, о Бхарата, вера бывает соответствующей сущности его³⁴⁷. Человек состоит из веры; какова его вера, таков он сам. Истовые приносят жертвы богам, страстные — яшам и ракшасам, другие же, косные люди, призракам жертвуют и сонмам духов. Те люди, что предаются страшному истязанию плоти, учением не назначенному, исполненные лицемерия и себялюбия, желаниям, страстям и насилию приверженные, теле их заключенный строи частей и меня, проникающего тело, изнуряющие, неразумные, знай: устремлены они к демонским целям.

И пища, приятная каждому, тоже бывает трех видов, и жертва, подвижничество также и даение. Послушай об их различии. Яства, которые увеличивают продолжительность жизни, истовость, силу, здоровье, радость, удовольствие, вкусные, сочные, питательные, приятные, — нравятся истовому. Горькие, кислые, соленые, перегретые, острые, грубые, жгучие яства желанны страстному, страдания, горести и недуги причиняющие. Испортившаяся, безвкусная, вонючая, выдохшаяся — даже отбросы и нечистоты — такая пища нравится косному. Жертва, которую с соблюдением правил приносят не жаждущие плода ее — с мыслью, сосредоточенной на том, что должно принести ее, — она истовая. Но о жертве, которую приносят, ее плод предвкушая, а также из лицемерия, знай, о лучший из бхаратов: она — страстная. Жертву, принесенную не по правилам, без раздачи пищи, без священных речений, без платы жрецу, лишенную веры, называют косной. Почитание богов, дваждырожденных, учителей и мудрецов, чистоту, прямоту, целомудрие и невреждение называют телесным подвижничеством. Глагол, не вызывающий тревоги, правдивый, приятный и благой, и постоянное упражнение в благочестивом чтении называют подвижничеством речи. Ясность мысли, приветливость, мрлчальничество, самообладание, душевную чистоту — это называют подвижничеством мысли. Это тройственное подвижничество, совершаемое людьми с высочайшей верой, не жаждущими плода и сопряженными, называют истовым. Подвижничество же, совершаемое лицемерно, ради завоевания уважения, почта и поклонения, называют здесь страстным, изменчиво оно и непостоянно. В помрачении ума совершаемое подвижничество — с самоистязанием либо ради погубления другого человека — такое косным зовется. Даение, которое из чувства долга дается тому, от кого не ждут возмещения, и в должном месте, когда и кому должно, почитают истовым. Но если оно дается ради ответной услуги или с видами на некое приобретение, с угрызением, — такое даение почитают страстным. А даение, что не в том месте и не вовремя дается и не тому, кому должно, оскорбительно и с пренебрежением, — такое называют косным. Ом, То, Сущее — почитается тройным обозначением Брахмана. Им издревле заведены были брахманы, Веда и жертвоприношения³⁵⁰. Потому с произнесения «Ом» начинают всегда обряды жертвоприношения, даения и подвижничества, предписанные для тех, кто Брахмана толкует. С речением «То», о плоде не помышляя, обряды жертвоприношений и подвижничества и дааний обряды различные свершают возыскующие избавления. В значении сущего и в значении доброго³⁵¹ употребляется речение «Сущее», и к достославному деянию, о Партха, слово «сущее» применимо. Постоянство в принесении жертв, подвижничестве и даении тоже именуется «сущим», и деятельность, этому посвященная, именно так и обозначается — «сущее». А без веры, что бы ни было принесено в жертву или даровано, какое бы подвижничество ни свершено, как и любое деяние, зовется то — «не-сущее», о Партха, нет его ни по ту сторону, ни здесь.

Глава 40³⁵²

Арджуна сказал:

Отрешения сущность хочу я, о мощнорукий, постигнуть, и особенно, о Хришикеша, — отвержения³⁵³, о Сокрушитель Кешина. Преславный Господь Сказал:

Мудрые понимают отрешение как отказ от деяний, побуждаемых желанием, отвержение плода любого деяния³⁵⁴ отвержением называют прозорливые. Деяние должно быть отвергнуто из-за порочности своей — так одни из мыслителей говорят; не должно отвергать деяния жертвоприношений, дааний и подвижничества — так [говорят] другие. Выслушай же мое решение в том, что касается отвержения, о лучший из бхаратов. Известно ведь, о муж-тигр, что трех видов бывает отвержение ³⁵⁵. Деяния жертвоприношений, дааний и подвижничества не должны отвергаться, но именно должны свершаться. Жертвоприношение, даение и подвижничество суть средства очищения для мудрых. Однако и эти деяния должны свершаться с отвержением привязанности и плодов — таково, о Партха, мое решительное последнее суждение. А от предписанного деяния отрешаться не подобает, и отказ от него, вызванный заблуждением, объявляется косным. Тот, кто отказывается от деяния как от тяготы, из страха перед телесным мучением, — страстное совершает отвержение и даже плода отвержения не обретает. Но когда деяние творится предписанное, поскольку совершить его должно, о Арджуна, и с отвержением привязанности, и самого плода — такое отвержение считается истовым. Не отвращается от неблагоприятного деяния и не домогается благоприятного отвержению преданный, истовости исполненный умудренный, тот, чьи развезны сомнения. Ведь невозможно для воплотившегося отказаться совершенно от деяния. Но кто отвергает плод деяния, тот поистине зовется отвергшим. Нежеланным, желанным и смешанным — трех видов бывает плод деяния после смерти для неотвергших; но никогда никаким — для отрешенных. О пяти действующих причинах таких узнай от меня, о мощнорукий, необходимых для завершения любого деяния, тех, что определены были в заключении в учении Рассуждения³ 5 6 . То — основа, также деятель, и орудие различных видов, и различные отдельные движения, а пятая — судьба³⁵⁷. И какое бы ни предпринял деяние человек — телом, речью, мыслью, правильное или наоборот, эти пять суть причины его. При всем этом, кто, разумом несовершенный, в себе видит единственного деятеля³ 5 8 , тот недоумок ничего не видит поистине. А чья природа лишена себялюбия и чей разум не замутнен, тот, и убивая этих людей, не убивает и себя не связывает. Знание, познаваемое и познающий — трех видов бывает побуждение к действию; орудие, деяние и деятель — трех видов состав действия. Знание, деяние и деятель — тройственно это, согласно различию качеств, как излагается в рассуждении о качествах , — выслушай же, каковы они. То знание, благодаря которому во всех существах прозревается одна нетленная сущность, неделимая в делимых, — ведай о нем как об истовом. Но знание, которое ведает во всех существах обособленно различные сущности, каждую особого рода, то знание ведай как страстное. А такое знание, что привязывается к одному какому-нибудь делу как к целому, не выявляющее причины его, без истинного осмысления и скудное, именуется косным. Предписанное и чуждое привязанности деяние, плода его не жаждущим совершаемое без вожделения и без отвращения, называется истовым. А такое деяние, что со многот натугой совершается ради удовлетворения желания или же из своекорыстия, называется страстным. Деяние, которое предпринимают из заблуждения, не думая о последствиях, гибели, ущербе, не рассчитав сил, называют косным. Отказавшийся от привязанности, лишенный сомнений, исполненный решимости и целеустремленности, не меняющий пути от успеха и неуспеха деятель называется истовым. Обуреваемый вожделением, жаждущий плода деяния, алчный, злонамеренный, нечистый, то веселью, то горести предающийся деятель объявляется страстным. Несопряженный, невежественный, упрямый, вероломный, вороватый, ленивый, угрюмый и мешкающий деятель называется косным. Выслушай же, о Завоеватель богатств, о тройном — соответственно качествам — разделении разума и стойкости толкование исчерпывающее и различительное. Если разумение постигает, [что есть] продвижение и прекращение, что должно и что не должно делать, опасное и безопасное, плен и избавление, оно, о Партха, — истовое. Но если не так, как надо, познают праведное и неправедное, должное и не должное, то такое разумение, о Партха, — страстное. Когда оно, мраком застланное, неправедное за праведное принимает и все значения вещей извращает, такое разумение, о Партха, — косное. Стойкость неколебимая, которая через сопряжение позволяет управлять деятельностью мысли, жизненных сил и чувств³⁶¹, такая стойкость, о Партха, — истовая. А стойкость, с которой, о Арджуна, ревностно долг, желание и пользу³⁶² соблюдает жаждущий плода, такая стойкость, о Партха, — страстная. С которой же от сонливости^ страха, горести, уныния и буйства отказаться дурень не может, такая стойкость, о Партха, — косная. Но теперь о радости трех видов услышь от меня, о бык среди бхаратов. Когда в усердном упражнении усладу находят и достигают конца бедствия, Такая радость, что вначале — как яд, а по созревании амрите подобна, истовой зовется, Души в себе ясным разумением рожденная ³⁶⁴. Та, что происходит от

соприкосновения чувств с предметами, вначале амрите подобная, по созревании же — как яд, такая радость почитается страстной. Радость, которая и вначале, и впоследствии вводит душу в заблуждение, происходящая от сонливости, лени и нерадения, — такую объявляют косною.

Нет существования на земле, ни даже среди богов на небесах, которое свободно было бы от трех этих природой порожденных нитей-качеств. Деяния брахманов, кшатриев, вайшьев, а также шудр, о каратель врагов, различаются по этим качествам, от собственного тех [сословий] естества^{3 6 5} происходящим. Спокойствие, смирение, подвижничество, чистота, терпеливость и прямота, знание, познание^{3 6 6}, исповедание веры — такое деяние [предназначено] брахману, происходящее от его естества. Храбрость, отвага, стойкость, умелость, а также неустрашимость в бою, щедрость и природная властность — такое деяние [предназначено] кшатрийству, происходящее от его естества.

Пахота, скотоводство, торговля — такое деяние [предназначено] вайшье, происходящее от его естества, а для шудры — в служении сущности деяния, происходящего от его естества. Преданный каждый своему деянию, обретает человек совершенство^{3 6 7}. Как верный своему деянию совершенства достигает, услышь о том. Тому, от кого существ движенье^{3 6 8}, кем вселенная эта проникнута, воздавая почитание исполнением своего деяния, стяжает совершенство смертный. Лучше неуклюжее исполнение собственного долга, чем чужого долга хорошее^{3 6 9}. Своей природой обусловленное деяние исполняющий не впадает во грех. От рождением предопределенного деяния не следует отказываться, о сын Кунти, даже от порочного. Ибо все начинания порочною повиты, как огонь дымом. Тот, чей разум ни к чему не привязан, победивший себя, избавленный от желаний, отрешенным достигает высшего совершенства, деянию чуждого. Узнай от меня, о сын Кунти, вкратце, как обретший совершенство достигает Брахмана, который и есть высший предел знания^{3 7 0}. Чистым разумом одаренный, стойкостью себя обуздав, отрешившись от звука и прочих предметов восприятия, отринув вождление и отвращение, Живущий уединенно, вкушающий умеренно, укротивший речь, тело и мысль, постоянно преданный созерцанию и сопряжению^{3 7 1}, утвердившийся в бесстрастии, От себялюбия, насилия, гордыни, желания, гнева, стяжания отрекшись, самоотверженный, умиротворенный — достоин стать Брахманом. Ставший Брахманом, ясный духом, он не печалится и не жаждет. Одинаковый ко всем существам, высшую преданность мне он обретает. Через преданность он познает меня, кто я и насколько [велик] поистине; а познав меня поистине, он прямо затем входит в меня. Кто совершает все деяния всегда не иначе, как прибегнув ко мне, милостью моею достигает вечной обители нетленной. Мысленно все деяния мне посвятив, мною поглощенный, к сопряжению мудрости прибегнув, с думой обо мне пребывай постоянно. С думой обо мне все препны милостью моею ты одолеешь, но если из самомнения не внемлешь мне, ты погибнешь. Если, самости поддавшись, мыслишь ты: <«Не буду сражаться!»> — тщетно это твое решение, природа принудит тебя. Связанный своим деянием, собственным естеством порожденным, то, что в ослеплении своем ты делаешь не хочешь, о сын Кунти, сделаешь и помимо воли. В сердцах всех существ пребывает Владыка, о Арджуна, майей все существа заставляя вращаться, на механизм³⁷² помещенные. К его покровительству прибегни всем существом своим, о Бхарата; милостью его ты достигнешь высочайшего покоя и обители вечной. Таково знание, сокровеннейшее из сокровенных, что я тебе поведал. Обдумав его во всей полноте, как хочешь, так и поступай. И еще внемли моему высочайшему слову, самому тайному из всех. Крепко ты мне дорог, поэтому поведаю благое тебе. Ко мне обрати свою мысль, мне предан будь, мне жертвуй, мне поклоняйся; так придешь ко мне, истинно обещаю, дорог ты мне. Все законы отринув, ко мне одному ради защиты прибегни, я тебя от всех грехов избавлю, не печалься³⁷³. Не должно тебе никогда рассказывать это ни тому, кто не блюдет воздержания, ни тому, кто не ведает преданности мне, ни непокорному, ни злобствующему против меня. А кто эту высочайшую тайну будет сообщать преданным мне, являя мне высшую преданность, тот ко мне и придет, нет сомнения. И нет среди людей никого, кто бы творил более приятное для меня, нежели он, и не будет никого на земле для меня дороже. А тот, кто будет изучать эту священную беседу нашу, — жертвою знания будет он почитать меня, так я мыслю.

Человек же, который будет внимать этому, наделенный верой и незлобивый, тоже, избавление обрета, сияющих миров праведников достигнет. Выслушал ли ты это, о Партха, со вниманием неотрывным? Заблуждение твое, неведением порожденное, рассеяно ли, о Завоеватель богатств?

Арджуна сказал:

Стинуло заблуждение, и обрел я поучение по милости твоей, о Неколебимый! Тверд я, ушли сомненья, буду действовать по слову твоему!

Санджая сказал:

Таковую беседу Васудева с Партхою, что духом велик, я услышал, чудесную, в трепет приводящую. Милостью Вьясы внял я этой высокой тайне, [этой] йоге, самим Кришной, Владыкой йоги, напрямую поведанной. О царь, вспоминая снова и снова чудесную эту Кешавы и Арджуны беседу святую, опять и опять преисполняюсь восхищения. И, вспоминая снова и снова тот наичудеснейший образ Хари, в великом изумлении я пребываю, о царь, и преисполняюсь восхищения вновь и вновь. Там, где Кришна, Владыка йоги, где Партха, лука держатель, там — счастье, победа, процветание, непреложная справедливость^{3 7 4} — таково суждение мое.

УБИЕНИЕ БХИШМЫ

Глава 41

Санджая сказал:

Тогда, узрев Завоевателя богатств, лук Гандиву и стрелы подъявшего, вновь громогласный рев испустили великие воители. Пандавы и Сوماки и другие герои, те, что следовали за ними, в океаном рожденные раковины, ликуя, затрубили. Тогда литавры, бубны, кракачи¹, рога загрели разом и великий шум поднялся. Тут боги с гандхарвами, и питары, о владыка племен, и сонмы совершенных и странников небес сошлись, жаждающие зрелища, и великие судьбою провидцы, возглавляемые Совершителем ста жертвоприношений, сошлись там все вместе, чтобы зреть то великое побоище. Тогда Юдхиштхира, узрев оба войска, о царь, в неуклонном продвижении рвущиеся в битву, двум океанам подобные, снял доспехи и положил свое отборное оружие. Поспешно сошел герой с колесницы, и, перед собою ладони сложив, взор устремивший на деда, пеший направился Юдхиштхира, Царь справедливости, умеренный в речах, на восток обратившись, к вражеской рати. Увидев, что идет он [туда], Завоеватель богатств, сын Кунти, с колесницы поспешно сойдя, последовал за ним вместе с братьями, а позади них шел достославный Васудева, за ним же следом по старшинству цари, беспокойства исполненные.

Арджуна сказал:

Что замыслил ты, о царь, почему оставляешь нас и направляешься пеший, на восток обратившись, к вражеской рати?

Бхимасена сказал:

Куда идешь, о Индра царей, перед вооруженными войсками врагов сложив доспехи и оружие, кинув братьев, о властитель земли?

Накула сказал:

Когда так ты уходишь, старший брат мой, тревога сердце терзает, о Бхарата! Молви же, господин, — куда ты идешь?

Сахадева сказал:

Когда, воистину, столь грозное на бой собралось воинство, готовое сражаться, куда идешь ты, к врагам направляясь, о царь?

Санджая сказал:

Но на все эти вопросы братьев, о радость куру, ничего не ответил Юдхиштхира, умеренный в речах, и продолжал идти. Тогда, словно бы усмехаясь, сказал им многомудрый Васудева, великий помыслами: <«Я знаю его намерение. Только воздав почести Бхишме, также Дроне, Гаутаме, Шалье, всем старшим, будет сражаться владыка земли с врагами. Ибо явствует из древних преданий: кто сражается, не почтив старших, падает, что очевидно, во мнении тех, кто выше его. Но кто, почести согласно учению воздав, сражаться будет с теми, кто выше его, тот непременно одержит победу в битве — таково суждение мое»>. А меж тем как Кришна говорил это, среди войска сынов Дхритараштры громкие возгласы раздались: <«Ах, ах!»> — другие же безмолвствовали. Завидев издали Юдхиштхиру, воины сына Дхритараштры толковали между собою: <«Не владыка — позор он рода своего. Ясно видно, что царь этот подступает к Бхишме уstraшеный. К его покровительству как проситель прибегает Юдхиштхира с кровными войми. Но как это — притом что защищает его Завоеватель богатств, когда при нем и Волчебрюхий, сын Панду, и Накула, и Сахадева, — он, сын Панду, приходит сюда уstraшенный? Нет, [видно], не в кшатрийском роду, прославленном повсюду на земле, появился он на свет, малодушный, чье сердце трепещет в бою!»> И все те кшатрии славили тогда Кауравов. Возрадовавшись, веселящиеся, развевали они каждый свои одеяния. Все воины там, о владыка народов, поносили тогда Юдхиштхиру с братьями вместе и с Кешавой. А затем, позором заклеймив Юдхиштхиру, вскоре замолкло опять воинство куру, о владыка народов. Что скажет этот царь? Что ответит ему Бхишма? Что [скажет] Бхима, кичащийся силой в бою, а что — Кришна с Арджуной? Что же ему-то сказать захотелось? Великое сомнение возникло тогда касательно Юдхиштхиры, о царь, в обоих войсках. Пройдя в глубь ратей врага, многими стрелами и дротиками ошестинившихся, он скоро приблизился к самому Бхишме, братьями окруженный. Бхишме, сыну Шантану, к бою готовому, сказал тогда царь, сын Панду, обхватив руками его ноги.

Юдхиштхира сказал:

Я приветствую тебя, о неодолимый! С тобою, отец, буду я сражаться. Прости меня, отец, и даруй свое благословение!

Бхишма сказал:

Если бы в битве ты не пришел ко мне так, о властитель земли, я проклял бы тебя, о великий царь, на гибель твою, о Бхарата! Я доволен, сын мой, сражайся, обрети победу, о сын Панду, и что еще другое желаешь, то обрети в бою! И выбери дар, о сын Притхи, что хотел бы ты

получить от нас. Раз уж так случилось, о великий царь, не потерпишь ты поражения. Человек — раб расчета, расчет же — ничей не раб, такова истина, о великий царь; расчетом связан я с Кауравами. Потому речи, достойные евнуха, веду с тобою, о радость куру. Полонен я расчетом, о Кауравья! Если битвы не касаться, чего ты желаешь?

Юдхиштхира сказал:

Дари меня советом постоянно, о великомудрый, о благе моем радеющий, и сражайся за Каураву — таков мой выбор окончательно!

Бхишма сказал:

О царь, какую помощь я могу оказать тебе здесь, о радость куру, притом что сражаться я буду за другого? Молви, что ты высказать хочешь.

Юдхиштхира сказал:

Как мне в сражении победить тебя, непобедимого владыку? Посоветуй во благо мне, если доброе в том предвидишь.

Бхишма сказал:

Не вижу я, о сын Кунти, мужа такого, что мог бы выйти против меня в бою и победить, будь то сам Совершитель ста жертвоприношений.

Юдхиштхира сказал:

Ах, потому я и вопрошаю тебя, о дед, да пребудешь ты в почете! Укажи способ, каким могут победить тебя противники в сражении.

Бхишма сказал:

Не вижу я, сын мой, врага такого, что мог бы победить меня в сражении, и не пришел еще мой смертный час. В другой раз приди ко мне.

Санджая сказал:

Тогда Юдхиштхира, о радость куру, внял речи Бхишмы, голову преклонив, и еще раз приветствовал его. А затем к колеснице наставника направился с братьями мощнорукий посреди [вражеских] воинов, которые все взирали на него. Он же приветствовал Дрону, а также обошел его слева направо, после чего он молвил неприступному, той речью наилучшего для себя взыска: «Взываю к тебе, о владыка, дабы сражаться мне от греха очищенным, и да одержу я победу над всеми врагами с соизволения твоего, о дваждырожденный!»

Дрона сказал:

Если бы не пришел ты ко мне, когда решился на битву, проклял бы я тебя, о великий царь, на погибель твою совсем. Теперь же, почтенный тобою, о Юдхиштхира, я доволен, о безупречный; соизволю: сражайся и обрети победу! Я же притом помогу тебе. Скажи, к чему ты стремишься. Раз уж так случилось, о великий царь, — если не касаться битвы, чего ты желаешь? Человек — раб расчета, расчет же — ничей не раб, — такова истина, о великий царь; расчетом связан я с Кауравами. Потому беседу с тобой [так], евнуха достойно. Если битвы не касаться, чего ты желаешь? Я буду сражаться за Кауравов, уповать же — на твою победу.

Юдхиштхира сказал:

Желаю мне победы, о брахман, и советуй, что во благо мне, а сражайся за Каураву — вот дар, который я выбираю!

Дрона сказал:

Конечно, твоей будет победа, о царь, у кого советником — Хари. Где праведность, там Кришна, где Кришна, там победа! Ступай, сражайся, о сын Кунти. Спрашивай: что мне сказать тебе?

Юдхиштхира сказал:

Вопрошаю тебя, о лучший из дваждырожденных, внемли, что хочу я сказать тебе: как победить мне в сражении тебя, непобедимого владыку?

Дрона сказал:

Не будет тебе победы, пока сражаюсь я на поле битвы. Ратуй с братьями вместе, о царь, за скорую гибель мою.

Юдхиштхира сказал:

Увы! Потому ты и открой способ, как убить тебя, о могучерукий. О б этом, в ноги падая, вопрошаю тебя, о наставник, да пребудешь ты в почете!

Дрона сказал:

Не вижу я, сын мой, врага такого, что мог бы убить меня, когда, в бой вступивший, потоки стрел я буду извергать, сражаясь, в ярости великой. Лишь когда, на смерть обреченный, оружие опущу, сразят меня, о царь, забывшегося на поле боя среди воинов, — истинно говорю тебе. А оружие в битве я оставляю, когда для себя нерадостную очень весть из уст человека, достойного доверия, услышу, — истинно говорю тебе.

Санджая сказал:

Выслушав это от мудрого сына Бхарадваджи, о великий царь, он простился с наставником и направился к сыну Шарадвана. Царь приветствовал Крипу, а также обошел его слева направо и такую речь, в речах искушенный, молвил неприступнейшему: «Прошу разрешения твоего, о почтенный, дабы сражаться мне от греха очищенным, и да одержу я победу над всеми врагами с соизволения твоего, о безупречный!»

Крипа сказал:

Если бы не пришел ты ко мне, когда решился на битву, проклял бы я тебя, о великий царь, на погибель твою совсем. Человек — раб расчета, расчет же — ничей не раб — такова истина, о великий царь; расчетом связан я с Кауравами. За них, о великий царь, должен я сражаться — так я полагаю. Потому беседу с тобою [так], евнуха достойно. Если битвы не касаться, чего ты желаешь?

Юдхиштхира сказал:

Увы! Потому и вопрошаю тебя, о наставник, внемли моему слову.

Санджая сказал:

Молвив так, [ничего больше] не сказал в смятении царь, в бесчувствие впавший. Гаутама, догадавшись, что он хочет сказать, отвечал ему: «Убить меня нельзя, о хранитель земли; сражайся и обрети победу. Я же, довольный тем, что ты пришел, о властитель людей, всякий раз, [ото сна] восстав, буду желать тебе победу». Выслушав эту речь Гаутамы, о великий царь, простился тогда царь с Крипой и направился к повелителю мадров. И он приветствовал Шалью и совершил обход слева направо; и молвил царь неодолимому, взыска для себя наилучшего тою речью: «Прошу разрешения твоего, о почтенный, дабы сражаться мне от греха очищенным, и да одержу я с соизволения твоего, о великий царь, победу над врагами!»

Шалья сказал:

Если бы не пришел ты ко мне, когда решился на битву, проклял бы я тебя, о великий царь, на погибель твою в бою. Я доволен, меня ты почтил, да сбудется по желанию твоему. Соизволю: сражайся и обрети победу! И молви, о герой, к чему устремлены помыслы твои, что мне даровать тебе? Раз уж так случилось, о великий царь, — если не касаться битвы, чего ты желаешь? Человек — раб расчета, расчет же — ничей не раб — такова истина, о великий царь; расчетом связан я с Кауравами. Но ведь притом, о сын сестры, конечно, я сделаю так, как тебе желанно. Потому беседу с тобой [так], евнуха достойно. Если битвы не касаться, чего ты желаешь?

Юдхиштхира сказал:

Дари меня советом постоянно, о великий царь, ради высшего блага моего, притом что сражаться будешь за другого, — эту милость я выбираю.

Шалья сказал:

Скажи, какую помощь я могу оказать тебе здесь, о лучший из царей, притом что сражаться буду за другого; расчетом забрали меня Кауравы.

Юдхиштхира сказал:

Выбираю я милость такую, что в усердии ты мне даруешь правды ради, — да сломишь ты отвагу сына возницы в битве!

Шалья сказал:

Исполнится это желание твое, о сын Кунти, как угодно будет тебе. Ступай, сражайся, твердо победу тебе обещаю.

Санджая сказал:

И вот, простившись с дядей, владыкой мадров, сын Кунти в окружении братьев прочь ушел из великого войска. А Васудева подошел на поле боя к сыну Радхи. И ему сказал тогда старший брат Гады, о Пандавах радея: «Слышал я, о Карна, что из ненависти к Бхишме ты не будешь сражаться. Переходи к нам, о сын Радхи, пока не будет убит Бхишма. А когда убьют Бхишму, о сын Радхи, ты опять, коль равно смотришь на это, придешь на помощь сыну Дхритараштры».

Карна сказал:

Ничего негодного сыну Дхритараштры я не сделаю, о Кешава! Знай, что я, о благе Дурьодханы радеющий, жизнь отдам за него.

Санджая сказал:

Выслушав эту речь, Кришна возвратился, о Бхарата, и сошелся с Пандавами, что шествовали во главе с Юдхиштхирой. И провозгласил тогда посреди войска старший из сыновей Панду: «Кто нас выбирает, того забираю я в союзники!» Тогда, окинув их взглядом, так молвил Юдхис-су с радостной душою царю справедливости Юдхиштхире, сыну Кунти: «Я буду сражаться на вашей стороне, в открытую схватившись с сынками Дхритараштры, о великий царь, если возьмешь меня, о безупречный!»

Юдхиштхира сказал:

Приди, приди, будем все сражаться с неразумными братьями твоими, —и Васудева, и мы, о Юютсу, всегда тебе скажем, что принимаем тебя, о мощнорукий, сражайся за дело мое! Тебе, видно, и поминки по Дхритараштре справлять, и продолжать род его. Почти нас, о царский сын, как мы тебя почитаем, о блистательный! Не жить безумному сыну Дхритараштры, во гневе неистовому!

Санджая сказал:

Тогда Юютсу Кауравья, покинув своих сыновей, перешел в войско сынов Панду под бой барабана. И царь Юдхиштхира, обрадованный, вместе с младшими братьями опять надел яркие, золотом блистающие доспехи. Все те мужи-быки вернулись к своим колесницам, и тогда они опять построились, как прежде, боевым строем; и забили в сотни барабанов и литавр, и различные кличи, как львиний рык, испустили мужи-быки. Узрев Пандавов, мужей-тигров, взшедших на колесницы, опять возликовали радостно все властители, Дхриштадьумна и другие. Видя величие сынов Панду, воздающих почести почестей достойным, тотчас преклонились там перед ними правители земли. Цари толковали о добродушии, также о милосердии великих духом, в должное время [проявленном], о глубоком их сочувствии родичам. <<Хорошо! Хорошо!>> — раздавалось повсюду вместе со славословиями и благочестивыми речами, радующими души и сердца прославленных. И млеччи, и арии там, которые видели и слышали тогда, что произошло с сынами Панду, плакали, потрясенные. Потом забили в сотни больших литавр и бубнов и в раковины, белые как коровье молоко, затрубили [воины], ликующие и воодушевленные.

Глава 42

Дхритараштра сказал:

Когда постороились так полки, мои и чужие, кто первыми там нанесли удар, куру или же пандавы?

Санджая сказал:

Вместе с братьями сыш твой Дурьодхана, о царь, двинулся с войском, Бхишму во главе поставив. Также и все Пандавы, предводимые Бхимасеной, желая битвы с Бхишмой, выступили с радостной душою. Боевые кличи и возгласы ликования раздались, кракачи, рожки, литавры, мриданги, тамбурины зазвучали в обоих войсках, о царь, и ржание коней и рев слонов, и тогда они ринулись на нас и мы, вскричав в ответ, —[на них], и великое поднялось смятение. И в том потрясающем столкновении Пандавов и сынов Дхритараштры под гром боевых труб-раковин и мридангов пришли в содрогание великие полки, колеблемые, как леса бурей. И оглушительный шум возник, когда сошлись в недобрый час несметные рати царей со слонами, конями, колесницами, словно бующие в бурю океаны. Когда поднялся этот шум смятения, вздымающий волосы дыбом, мощнорукий Бхимасена взревел, как бык, и тот рев Бхимасены покрыл звучанье труб и барабанов, и вопли слонов, и львиний рык воинов; ржание тысяч коней в полках и все звуки заглушил голос Бхимасены. Слыша тот глас его, подобный раскатам грома, Шакрой низвергаемого из тучи, содрогнулись твои воины, и все ездовые животные стали испражняться и мочиться [непроизвольно] от рева того героя, как от рычания льва другие звери. Являя грозный облик свой, оглушая громами, словно туч громада, он устрасил твоих сыновей и напал на твоё войско. Того великого лучника, меж тем к ак он приближался, окружили братья, тьмою стрел его застилая, словно облака —солнце, —сын твой Дурьодхана, Дурмукха, Духсаха, Шала и Духшасана, превосходный воитель, также Дурмаршана, о царь, Вивиншати, Читрасена и Викарна, великий колесничий воин, Пурумित्रа, Джая, Бходжа и мужественный сын Сомадатты; они потрясали великими луками, словно тучи молниями, извлека [из колчанов] железные стрелы, подобные сбросившим кожу ядовитым змеям. А сыновья Драупади, и сыш Субхадры, великий воитель, Накула и Сахадева, и Дхриштадьумна, внук Пришаты, напали на сынов Дхритараштры, острые стрелы, быстрые, обрушив на них, словно ваджры удары! 1 на вершины гор. И в той первой схватке, оглашаемой грозным звоном натянутых тетив, ни один воин, ни и твоих, ни из вражеских, не обратился вспять. О бык среди бхаратов, я зрел уместость учеников Дроны, пускающих стрелы одну за другой, о царь, поражающие цель. И не прекращался гул от напрягаемых луков, и блещущие стрелы низвергались, как падающие звезды с небосклона. А все другие властители земли, о Бхарата, глядели, как зрители, на ту чарующую взоры и ужасную стычку родичей. Тогда великие воители, пришедшие в неистовство от полученных ударов, напрягали силы в бою, о царь, стремясь превзойти один другого. И оба войска —куру и пандавов, полчища слонов, коней и колесниц, блистали чудно в сражении, словно изображенные в красках на картине. Тогда все те властители земли по велению сына твоего, луки схватив, ринулись сразу же вперед вместе со своими войсками. И другие властители по приказу Юдхиштхиры тысячами ринулись, взревев, на рать твоего сына. И жестокой была стычка воинов обоих воинств, —солнце затмилось, окутанное поднятой воинством пылью. И не было там разницы между своими и врагами, наступали ли они или терпели поражение. Но среди смятения той ужаснейшей битвы, превосходством своим затмевая все рати, блистал отец твой!2.

Глава 43

Санджая сказал:

Так поутру того страшного дня, о владыка народов, ужаснейшая сеча началась, царей резня. В той битве куру и пандавов, [равно] жаждущих победы, рокот поднялся, словно львов рычанье, мешающийся с громом литавр и труб и оглашающий небо и землю. И раздались львиные кличи героев, громогласно бросающих вызов врагу, и звуки, издаваемые тетивами, бьющимися о кожаные нарукавники, о бык среди бхаратов, и поступь пехотинцев, и громкое ржание коней, и удары слоновьих стрелок и анков, и бряцанье оружия, и звон бубенцов на слонах, несущихся навстречу друг другу, и в том поднимавшемся оглушительном шуме, вздымающем волосы дыбом, различался грохот колесниц, Парджаны громоханию подобных. Они, сердце ожесточив, в совершенном самозабвении не шадящие жизни, подъяв знамена, все обрушились на Пандавов. Сам сын Шантану, о царь, схватив свой грозный лук, ринулся на Завоевателя богатств, Жезлу Смерти!3 подобный на поле боя. И Арджуна, взяв прославленный в мире лук Гандиву, ринулся, отважный, в гущу боя на сына Ганги. Оба они, тигры среди куру, стремились убить друг друга; но, в бою поразив Партху, не заставил его дрогнуть могучий сын Ганги, и так же сын Панду, о царь, не заставил дрогнуть Бхишму в битве. Сатьяки же, великий лучник, напал на Критавармана. И завязался между ними бой, громозвучный, вздымающий волосы дыбом. Сатьяки набросился на Критавармана, а Критаварман —на Сатьяки, оба секущие друг друга ужасными стрелами, и, великомощные, стрелами с головы до ног пораженные, они красовались оба, словно два цветущих дерева кишука!4, алыми цветами покрытые весною. Абхиманью, великий лучник, сражался с Брихадбалой. Тогда косальский Царь сломил в бою, о владыка народов, знамя сына Субхадры и поверг его колесничего. Сын же Субхадры, разгневанный, когда пал его соратник на колеснице, пронзил Брихадбалу, о великий царь, девятью стрелами, а затем двумя другими —желтыми стрелами бхалла: одною сломил знамя каратель врагов, другою —переднюю ось колесницы [противника] и колесничего [тоже сразил]; и оба, гневные, о царь, острыми стрелами секли друг друга. С гордым, неистовым в бою великим воителем, сыном твоим Дурьодханой, зачинником вражды, сражался Бхимасена. Оба они, мужи-тигры, первые среди куру, великомощные, осыпали друг друга ливнями стрел на поле битвы. И при виде тех великих духом, искушенных в различных видах боя, в изумление пришли все существа, о Бхарата! Духшасана же встретился в бою с Накулой, великим воителем, и пронзил его многими отточенными стрелами, уязвимые места поражающими. Сын Мадри, словно усмехаясь, о Бхарата, отточенными стрелами рассек его стег и лук со стрелами и еще изранил его двадцатью пятью малыми. Но неолимпий сын твой в той великой битве рассек стрелами дышло на колеснице Накулы и свалил его знамя. Дурмукха же встретился в бою с великомощным Сахадевой и в великой битве пронзил его, бившегося упорно, тучею стрел. Сахадева тогда, герой, в великой битве острейшею стрелою поверг колесничего Дурмукхи. Оба, сойдясь в противоборстве, одурманенные битвой, устрасили друг друга ужасными стрелами, рьяно удары нанося и отражая. Сам царь Юдхиштхира напал на царя мадров. Лук его повелитель мадров переломил надвое, о достойный. Отбросив тот сломанный лук, Юдхиштхира, сын Кунти, другое взял оружие, более мощное и быстрее мечущее стрелы. И тогда царь [из нового лука] осыпал владыку мадров крепко сложенными стрелами и молвил ему, гневный: <<Стои, стои!>> Дхриштадьумна тогда налетел на Дрону, о Бхарата. Дрона, разъяренный, рассек в бою на три части убийственный и прочный лук упорно бившегося и еще послал ужаснейшую стрелу, как новый Жезл Смерти, [коей] проник в бою в его тело. На это сын Друпиды, взяв четырнадцать стрел, пронзил в ответ в той схватке Дрону. И оба, разъяренные, вели друг с другом прежде жестокое сражение. Сына Сомадатты в сражении встретил Шанкха —яростный яростного в бою, о великий царь. <<Стои! Стои! —молвил он ему. В сражении герой поразил его в правую руку, а сын Сомадатты нанес Шанкхе удар выше груди. И битва, что произошла между ними, неистовыми в бою, вскоре страшное зрелище являла, о владыка народов, словно [битва] между Вритрой и Предводителем Васу. А на Бахлику, в битве гневного, гневный облик, о владыка народов, ринулся неизмеримый духом Дхриштакету, великий воитель. Бахлика же тогда, о царь, многими стрелами Дхриштакету нетерпимого поразил и львиний рык издал. А царь чедийцев, разгневанный, тотчас пронзил Бахлику в бою девятью стрелами, как [поражает] ярого ярый слонь. Оба они, гневные, снова и снова издавали клич в бою, в великой ярости сошедшиеся там, словно Ангарака с Будхой!6.

На ракшаса Аламбусу, жестокого в деяниях, восстал жестокий в деяниях Гхатоткача, как Индра на Балу в битве. И разгневанный Гхатоткача пустил девяносто острых стрел, изранивших того великомощного ракшаса, о Бхарата. Аламбуса же в бою великомощного сына Бхимасены многократно осыпал крепко сложенными стрелами. И оба, стрелами тяжело уязвленные, блистали в сражении, как в битве богов и демонов Бала и Шакра, великомощные. Шикхандин могучий набросился в бою на сына Дроны, о царь; гневный Ашваттхаман тогда, пронзив представшего Шикхандина тотчас железною преострою стрелою!7, заставил его содрогнуться; но и Шикхандин тогда, о царь, нанес сыну Дроны удар остро отточенной, хорошо закаленной стрелою. И оба в схватке поразили друг друга многими различного вида стрелами.

Героя Бхагадattu встретил в сражении стремительный Вирата-полководец, и началась битва [между ними], о царь. Вирата, которого Бхагадattu поразил ливнем стрел, осыпал его, разъяренный, [стрелами], словно туча гору дождем. И Бхагадattu тотчас тогда властителя земли Вирату [стрелами] затмил в бою, как туча застилает солнце на восходе. На Брихаткшатру же, царевича кекаев, двинулся Крипа, сын Шарадвана. Крипа осыпал его дождем стрел, о Бхарата, Кекая, гневный, ливень стрел излил на Гаутаму. Друг у друга убив коней и сломав луки, лишившиеся колесниц своих, оба сошлись в бою на мечах, непримиримые, и страшным и ужасающим было зрелище их поединка. А царь Друпата тогда обрушился на Джаядратху Синдхийского, исполненный ликования на ликующего, о каратель врагов. Тогда царь синдхийский тремя тупыми стрелами¹⁸ нанес Друпате удары, и тот поразил его в ответ в бою. И страшным и ужасающим было зрелище их поединка для тех, кто видел его, чарующее, словн>> [встреча] Шукры с Ангаракой. Викарна же, сын твой, на быстрых конях налетел на великомогощего Сутасому, и началась тогда битва. И Викарна Сутасому, стрелами пронзив, дрогнуть не заставил, как и Сутасома — Викарну, и как чудо то было. На Сушармана, мужа-тигра, Чекитана, великий воитель, ринулся, разъяренный, рвущийся в бой за дело Пандавов. Сушарман же в бою, о великий царь, покрыл Чекитану, великого воителя, густым ливнем стрел. И Чекитана тоже, неистовый, в той великой битве окутал стрелами Сушармана, как большая туча гору. Шакуни же на Пративиндхью ринулся, на удалого удалец, словно ярый слон на ярюго, о вождь царей. А сын Юдхиштхир, разгневанный, отточенными стрелами изранил в бою сына Субалы, словно Магхаван демона; Шакуни же Пративиндхью, противоборствующего в схватке, изранил, великому дрый, крепко слаженными стрелами. На Судакшину же, о вождь царей, великого воителя Камбоджей удалого, ринулся в бою Шрутакарман. Судакшина же в сражении, великого воителя, сына Сахадевы, поразив, дрогнуть не заставил, словно гора Майнака то была. Шрутакарман тогда, гневный, великого воителя Камбоджей многими стрелами пронзил, всячески его изранив. Ираван тут, разгневанный, на Шрутаюса неистового обрушился в битве, напрягающий силы на еще более напрягшегося тогда по виду. Сын Арджуны, великий воитель, в бою сразив его коней, громовым голосом прогремел клич, по всему войску разнесшийся. А Шрутаюс, разгневанный, концом булавы поверг в бою коней сына Пхальгуны, и битва тогда продолжалась. Винда и Анувинда Авантийские напали вместе в бою на героя Кунтибходжу, великого воителя, с войском его и сыном. И чудесную там зрели мы доблесть авантййцев [тех], что стойко сражались с великим войском. Анувинда нанес палицей удар Кунтибходже, а Кунтибходжа тотчас тогда тьмою стрел [врага] осыпал. И сын Кунтибходжи пронзил стрелами Винду, а тот в ответ его пронзил, и как чудо то было. Пятеро братьев Кекаев со своими войсками, о достойный, сражались в той битве с пятерыми Гандхарами¹⁹ и их войсками. Сын твой Вирабраху сражался с сыном Вираты Уттарой, лучшим из колесничных воинов, и пронзил его отточенными стрелами. Уттар же тоже пронзил храбреца отточенными стрелами. Повелитель чедийцев, о царь, обрушился в бою на Улугу, Улука же на него тоже — оперенными стрелами²⁰, и ужасное зрелище являла битва между ними, о властитель народов, — оба непобежденные, они нанесли тяжкие раны друг другу. И так тысячи поединков между воинами на колесницах, слонах и конях и пеших, твоими и теми, в битве [родили] смятение. Как будто всего мгновение являла прекрасное зрелище эта битва. Затем, о царь, нераспознаваемое стало все, как в каком-то безумии. Слон сталкивался в бою со слоном, колесничный воин шел на колесничного, конь на коня и пехотинец на пехотинца. Битва стала тогда исполнена великой ярости и смятения, меж тем как герои там в бою бросались друг на друга. И божественные PROVIDЦЫ там, и совершенные, и странники небес, сошедших, взирали на ту ужасную битву, подобную битве богов и асуров. Тогда тысячи слонов, о достойный, и колесниц тоже, и полчища конные, и полчища мужей, перемешавшись, поменяли [виды боя]²¹. И видно было, как там и здесь колесницы, слоны, пехотинцы, а также всадники, о муж-тигр, вступали в бой опять и опять.

Глава 44

Санджая сказал:

О царь, о сотнях и тысячах боев, что здесь и там шли без конца в разное время повсюду, я расскажу тебе, о Бхарата. Сын не узнавал там отца, отец — родного сына, брат — брата, и племянника дядя, и дядю племянник, так же и друг — друга, и, как одержимые, сражались пандавы с куру. Когда врывались в ряды колесниц те мужи-тигры на колесницах, ломалось ярмо о ярмо, о бык среди бхаратов, и дышла колесниц о дышла, оглобли об оглобли. А иные сомкнутым строем на сомкнутый строй наступали, обуреваемые жаждой убийства. И случалось, колесницы не могли сдвинуться с места, столкнувшись с колесницами, а ярые огромные слоны — столкнувшись со слонами. Разъяренные, всячески пронзали друг друга бивнями слоны с шатрами и стягами на спинах, — вражеских слонов разя, с разбегу сшибались великие слоны, о великий царь, и, бивнями пораженные, вопили они, от тяжких ран страдая. Обученные, искусно направляемые стрекалами и анками, в яри великой с другими ярыми слонами сходились они один навстречу другому. И некоторые большие слоны там, с ярыми столкнувшись, испускали крики, крикам каравайки подобные²², и метались во все стороны. И отлично выученные слоны, лучшие из противостоящих, источающие мускус из висков и рта, пронзенные копьями, дротиками и стрелами в уязвимые места на теле, испускали вопли и падали бездыханные, а некоторые с ужасными криками в разные стороны разбегались. Пешие охранники слонов также зрелись там, широкоплечие, воинственные, вооруженные копьями, и луками, и сверкающими топорами, еще палицами и булавами, пращами с дротиками, и еще железными ломами и сверкающими острыми мечами; разъяренные, они бросались туда и сюда, о великий царь, убить друг друга стремящиеся. И видно было, как блистали мечи героев, нападающих друг на друга, людскою кровью обгащенные. И громкие слышались удары бьющих в уязвимые места клинков, в руках воителей разящих с размаха. И вопли множества мужей, взывающих друг к другу, сокрушаемых палицами и булавами, поражаемых превосходными клинками, пронзаемых бивнями слонов и слонами растаптываемых, раздавались, ужасные, повсюду, возгласам отверженных душ²³ подобные, о Бхарата. Также конники на конях, увенчанных султанами и лентами, стремительных, как гуси [в полете], насакивали друг на друга. Большие дротики, украшенные золотом, которые они метали, быстро летящие, сверкающие, острые, неслись к цели, подобные змеям. Некоторые храбрые всадники на самых быстрых конях, налетая на великие колесницы, отсекали головы колесничных воинов. И многих всадников сражал колесничный воин стрелами бхалла, крепко слаженными, когда приближались они на полет стрелы. И взбешенные слоны, подобные горам или тучам, золотом украшенные, опрокидывали коней и растаптывали их ногами. А некоторые великаны, пораженные дротиками в лоб и в бока, израненные, испускали вопли в тяжких муках. Некоторые же лучшие из слонов, сбивая коней вместе со всадниками, неистово их там крушили в том ужасном смятении боя. И метались хоботастые, поддевая бивнями коней вместе со всадниками и растаптывая во множестве колесницы со знаменами. Здесь же некоторые большие слоны в неистовстве теки и хоботами, и ногами убивали коней со всадниками. Некоторые хоботные, опрокидывая хоботами колесницы с конями, круша во все стороны тоже, сталкивались, всякие крики испуская. Стрелы, блистающие, острые, налетали, змеям подобные, тела людей и коней и медные латы²⁴ пронзая. Падали здесь и там, о владыка народов, блистающие дротики, пущенные руками героев, ужасные, пылающим метеором подобные. Из ножен, леопардовой шкурой покрытых или из тигровой шкуры сработанных, сверкающие мечи извлекая, разили они ими врагов и, [сами] получив удары, разгневанные, являя разверстыя раны в боку, бросались в бой с мечами, щитами и секирами. Здесь и там, о царь, мужи, пронзенные дротиками, некоторые — порубленные секирами, некоторые — смятые слонами, и другие, потоптанные конями, порезанные ободьями колесниц и отточенными стрелами порезанные, взывали к близким, одни — к сыновьям, другие — к родителям, и к братьям с прочими родичами, и к дядьям, и к племянникам, и даже к чужим на поле битвы. Там являлись взору, о Бхарата, выронившие оружие и со сломанными бедрами, с запястьями и прекрасными руками отрубленными, с ранами в боках, и они вопили, изнывая, жаждущие жизни. Некоторые слабосильные, страдая от жажды, о владыка народов, в бою падали на землю и молили только о воде. Плавая в потоках крови, отчаявшиеся, немало бранили одни себя и сынов своих, сошедшихся [здесь], о Бхарата, а другие кшатрии, герои, друг с другом сразившиеся, ни оружия из рук не выпускали, ни стенами не предавались, о достойный, но, воодушевленные, там и здесь обращали друг к другу угрозы и, в гнев губы прикусывая зубами, с лицами, хмурым бровей искаженными, друг на друга взирали. А некоторые, удрученные, страдающие от ран, пораженные стрелами, хранили молчание, сильные духом, великомошные. А еще другие герои, лишившиеся в бою колесниц, просились на колесницу к другому, упавших сминали могучие слоны, [а раненые] красовались, о великий царь, словно киншук в цветуге. И многие жуткие крики раздавались среди ратей во время того всеяющего ужас истребления избранных героев. И сражал в бою отец сына, а сын — отца, племянник же — дядю, дядя же — племянника, а друга — друг, о царь, также родич — родного, и так бились там куру с пандавами. И, в то время как длилась та великая битва, страшная и несправедная, дрогнула рать сынов Притхи, что стала было наступать на Бхишму. Под сенью вознесенного на великой колеснице серебряного стяга, отмеченного знаком паль мы и пяти звезд, о бык среди бхаратов, блистал тогда могучерукий Бхишма, о царь, как месяц под сенью Меру.

Глава 45

Санджая сказал:

Когда [уже] миновала большая часть первого дня, меж тем как длился в тот страшный день то свирепое самое истребление великих избранных героев, Дурмухха и Критаварман, Крипа, Шалья и Вивиншати по призыву сына твоего приблизились к Бхишме, чтобы его защищать. Под защитою этих пятерых превосходных воителей, о бык среди бхаратов, вторгся в ряды войска Пандавов великий воитель. Над чедийцами, кашийцами, карушами и над панчалами, о Бхарата, являлся взором все время движущийся стяг Бхишмы, отмеченный знаком пальмы. И быстролетящими стрелами бхалла, крепко слаженными, отсекал тогда Бхишма головы и руки вместе с оружием, и плясали они там, где проходила колесница Бхишмы, о бык среди бхаратов. И некоторые слоны испускали крики боли, в

уязвимые места получив удары. Абхиманью, разъяренный, стоя на колеснице, запряженной превосходными рыжими конями, к колеснице Бхишмы устремился под стягом, переливающимся золотом, отмеченным знаком карникары. Он осыпал [стрелами] Бхишму, а также тех превосходнейших воителей. Поразив острой стрелою стяг носящего знак пальмы, тот герой вступил в бой с Бхишмой и его свитою. В Критавармана вонзил одну стрелу, в Шалью — пять железных, девятью отточенными он настиг прадеда. И одной пушенной стрелою, что была искусно наложена на до отказа натянутую [тетиву], он пронзил украшенное золотом знамя. А стрелою бхалла, крепко сложенной, все доспехи пробивающей, он снес колесничему Дурмуххи голову с плеч. И отточенной стрелою бхалла он переломил лук Крипы, отделанный золотом. И острыми стрелами поразил их великий воитель, словно приплясывая в ярости чрезвычайной, даже божества были довольны, видя проворство его. А меткость сына Кришны такова была, что все воители, возглавляемые Бхишмой, словно самого доблестного Завоевателя богатств узрели в нем. И лук его быстро и в нужном направлении вращался, словно огненным кругом сверкая, и звенел, подобный Гандиве. На него устремившись, Бхишма, губитель вражеских героев, тотчас пронзил в бою сына Арджуны девятью быстролетающими стрелами, и тремя стрелами бхалла он срезал стяг его, наделенного высшей мощью, и тремя стрелами он, целеустремленный, сразил его колесничего. Также и Критаварман, Крипа и Шалья, о достойный, поразил сына Кришны, но дрогнуть не заставили, словно то была гора Майнака. Окруженный теми великими колесничными воинами стана Дхритараштры, сын Кришны, герой, ливни стрел пролил на пятерых воителей. Тогда, мощные удары их оружия ливнями стрел отразив, клич издал могучий сын Кришны, посылая стрелы в Бхишму. И явил он, о царь, великую силу рук, рьяно в бою нанося удары Бхишме стрелами. И в него, доблестного, Бхишма тоже посылал стрелы, он же в бою рассекал стрелы, слетавшие с лука Бхишмы. Тогда девятью быющими без промаха стрелами срезал герой в бою знамя Бхишмы; и вскричали тогда люди. И тот великий столп серебряный со знаком пальмы, золотом украшенным, срезанный стрелами сына Субхадры, упал наземь, о Бхарата! Увидев поваленное стрелами сына Субхадры знамя, о бык среди бхаратов, Бхиша испустил радостный крик, сына Субхадры ободряя. Но вот Бхишма явил великие [виды] оружия многие, чудесные, в тот миг великой ярости исполненный, великомощный. Затем сотнею тысяч стрел, крепко сложенных, прадед, духом неизмеримый, осыпал сына Субхадры. Тогда десять великих лучников, великих воителей [стана] Пандавов, помчались на колесницах, спеша на помощь сыну Субхадры: Вирата с сыном, Дхриштадьумна из рода Пришаты и Бхиша, а также Кекаи и Сатьяки, о владыка народов. И меж тем как они стремительно налетели на него, Бхишма, сын Шантану, поразил в битве Панчалийского26 тремя отточенными стрелами и Сатьяки [также] и одной стрелою с отточенным лезвием, пушенной с натянутой до отказа [тетивы], срезал знамя Бхимасены; и, сбитый Бхишмой, упал с колесницы золотой стяг Бхимасены, отмеченный знаком льва, о лучший из людей! А Бхимасена, поразив Бхишму, сына Шантану, в битве тремя [стрелами], Крипу поразил одною, Критавармана — восемью. Тоже и Уттара, сын Вираты, сдерживавший до поры своего слона, устремился на нем на царя, повелителя мадров. Того помчавшегося стремглав царя слонов бесподобному бегу воспрепятствовал Шалья на колеснице в бою. Владычьи слон тот, разъяренный, поправ ногою ее упряжь, убил четырех его рослых отменно выученных коней. На колеснице, чьи кони были убиты, стоя, метнул повелитель мадров железный дротик, несущий Уттаре смерть, змею подобный. Он пробил его латы, и, в глубокий мрак погрузившись, пал тот со спины слона, выронив стрекало и копье. Шалья же, обнажив меч и прыгнув с превосходной своей колесницы, подбежал и отсек тогда огромный хобот вожака слонов. Тучею стрел пораженный в уязвимые места, с отсеченным хоботом, тот слон, издав, страдая, ужасный вопль, упал и испустил дух. Совершив таковое, царь мадров, великий воитель, взмолился не медля на блистающую колесницу Критавармана. Видя прекрасного Уттару, брата своего, сраженным и видя, что соединились вместе Шалья с Критаварманом, вспылал гневом сын Вираты Шанкха, словно жертвенный огонь от жертвенного масла. Натянув великий лук, златом отделанный, он устремился, могучий, на Шалью, повелителя мадров, поистине смерти его жаждущий. Прикрываемый со всех сторон великим множеством колесниц, он приблизился к колеснице Шальи, дождем из стрел ее поливая. Видя, как наступает он со рвением ярого слона, семь воителей твоих окружили со всех сторон царя мадров, чтобы охранить его, смерти в пасть пришедшего. Затем Бхишма могучерукий, издав громopodobный клич и лук длиною в талу27 взяв, устремился в битве на Шанкху. И, узрев, что наступает [на них] тот великий лучник великомощный, затрепетало пандавское войско, как корабль под порывами бурного ветра. Там Арджуна поспешно встал впереди Шанкхи: «Нужно защитить его от Бхишмы!» — и битва затем продолжалась. Великий шум стоял от криков бойцов, быющих в бою. Со рвением рвение мешалось, всех приводя в изумление. Шалья меж тем, сойдя с палицей в руке с великой колесницы, сразил четырех коней Шанкхи, о бык среди бхаратов! С колесницы, без коней оставшейся, тот соскочил с мечом поспешно и, добежав до боевой повозки Бибхатсу, [там] спокойствие обрел наконец. Тогда с колесницы Бхишмы стремительно полетели стрелы, заполонившие воздух и землю повсюду. На панчалов тогда, и на матсьев, и на Кекаев прекрасных обрушил оружие Бхишма, лучший из наносящих удары. Оставив сына Панду Савьясачина, он устремился тотчас на Друпиду Панчалийского, окруженного войском, многими стрелами дорогого свойственника осыпая, и словно огнем опаленные леса на исходе зимы29 выглядели войска Друпиды, стрелами палимые, и как очистительный огонь — без дыма только — предстал в бою Бхишма. Как на опаляющее зноем солнце в полдень, не могли поднять на Бхишму взора воины сына Панду. И озирались вокруг Пандавы, терзаемые страхом, но не видели, кто бы мог спасти их, подобные королям, оцепеневшим от холода. Меж тем как, истребляемое, бежало врассыпную павшее духом, разгромленное воинство, великий крик отчаяния поднялся среди ратей панду, о Бхарата. Тогда Бхишма, сын Шантану, с лука, согнутого дугою, непрестанно пускал стрелы со сверкающими остриями, ядовитым змеем подобные. И, стрелами во все стороны нанизав воедино пространство, он, целеустремленный, поражал воителей стана Пандавов, вновь и вновь направляя [на них удары], о Бхарата! Затем, когда зашло солнце, уже ничто нельзя было различить среди разбитых повсюду и смятенных войск. И, видя, как продвигается Бхишма в сражении великом, сыны Притхи призвали войска к перемирию, о бык среди бхаратов.

Глава 46

Санджая сказал:

Когда установлено было первое перемирие в войсках, о бык среди бхаратов, меж тем как в неистовство такое впал Бхишма и возрадовался Дурьодхана, Царь справедливости30 с братьями со всеми и со всеми царями вместе подступил затем поспешно к Джанардану. Высшей чистотою наделенный, о поражении размышляя при виде доблести Бхишмы, о царь, он молвил потомку Вришни: «О Кришна, взгляни на великого лучника Бхишму, грозного и доблестного, что стрелами войско мое испепеляет, как огонь летом — сухостой! Можем ли мы взор поднять на него, великого духом, что продолжает палить мое войско, как огонь, жертвенным маслом питаемый? Ведь при виде этого мужа-тигра, луком вооруженного, великомощного, бежит врассыпную мое войско, стрелами поражаемое. Скорее победить можно в битве Яму гневного и Держателя ваджры, самого Варуну с его петлею либо Куберу, булавой носителя, но Бхишму, великого пыла исполненного, победить невозможно, великомощного. Так вышло, что в бездонной пучине Бхишмы тону я, судна лишенный! По скудоумию собственному выступил я против Бхишмы, о Кешава. Удалось [теперь] в лес, о Говинда, лучше там мне жить, но не предавать сих властителей земли смерти [в образе] Бхишмы. Истребит войско мое, о Кришна, Бхишма, великий знаток оружия! Как мошки летят в пылающий огонь, так точно к истреблению идет мой люд военный. Ради царства вышедший на бой, к погибели влекусь я [ныне], о потомок Вришни! И братья мои, герои, измучились, терзаемые стрелами, ради меня, из-за любви братней отторгнутые от царства и от счастья тоже! Премного ценю я жизнь, ибо нелегко сохранить ее нынче. И на оставшуюся мне жизнь суровому подвижничеству я предаюсь, но не допущу убийства в битве друзей моих, о Кешава! Тысячи многие умерщвляет, отдыха не зная, воителей моих, лучших из бойцов, небесным оружием своим31 Бхишма. Что же еще остается мне делать, скажи немедленно, о Мадхава! Я вижу, что Савьясачин в битве словно бы и не участвует. Один только Бхиша бьется изо всех сил, долготрудый, мощь длины своей напрягая, о долге кшатрия помнящий. Палицей, сражающей героев, творит он, высокий помыслами, нелегкий труд свой, сколько рвения хватает, средь слонов, коней, колесниц и пехотинцев. Но в честном бою, о достойный, не уничтожить ему вражеское войско, о герой, и за столетия. Друг твой — [вот кто] единственно искушен [достаточно] во владении оружием, но равнодушно он взирает на то, как истребляют нас Бхишма и великий духом Дрона. Небесное оружие Бхишмы и Дроны, великого духом, применяемое снова и снова, испепелит всех кшатриев! О Кришна, страшно разъяренный Бхишма со всеми царями [своими] в союзе истребит нас наверняка, такова доблесть его. О ты, владыка йогии, узри того великого лучника, великого воителя, который сможет усмирить Бхишму в бою, как туча — пожар лесной! И милостью твоею, о Говинда, Пандавы, когда погибнут их враги, возрадуются с родичами вместе, царство свое возвратив!» Так молвив, погрузился в раздумье сын Притхи, высокий помыслами, и долго затем пребывал в скорби глубокой с сердцем, горестью сокрушенным. Видя, как с сердцем, горем убитым, томится в печали сын Панду, проговорил тогда Говинда, всех Пандавов ободряя: «Не печалься, о лучший из бхаратов, не должно печалиться тебе, чьи братья — герои вселенной, лучники! И я — [твой] соратник, и Сатьяки, великий воитель, и умудренные возрастом Друпиды с Виратой, и Дхриштадьумна, внук Пришаты, а также все цари с войсками, о лучший из царей, уповают на милость твою и преданны тебе, о владыка народов! Вот внук Пришаты, всегда стремящийся к благу твоему, Дхриштадьумна великомощный, что рад угодить тебе, водительство обретший над полками, вот могучерукий Шикхандин — то Бхишмы гибель поистине!»

Вслушав это, царь молвил затем среди собравшихся Дхриштадьумне, великому воителю, и внимал ему Васудева: «О Дхриштадьумна, преклони слух к тому, что я скажу тебе, о достойный. Да не останется без внимания речь, произнесенная мною. С одобрения Васудевы стал ты моим полководцем; как некогда для богов им утвердилась Картикея, так же и ты, о муж-бык, — предводитель полков панду. Так рази же Кауравов, явив отвагу, о муж-тигр, а я последую за тобой, как и Бхиша, и Кришна, о достойный, и оба сына Мадри вместе, и сыны Друпиды

в боевом снаряжении, и другие, главные из царей, о муж-бык!>> Тогда, всем поднимая дух, отвечал Дхриштадьюмна: <<Издавна определил Шамбху быть мне, о сын Притхи, губителем Дроны. Так я и буду противостоять нынче в битве Бхишме и Дроне, Крипе, Шалье, Джаядратхе, всем в битве кичливым, о властитель земли!>> И вскричали великие лучники Пандавы, боем опьяненные, когда воспрянул [перед ними] предводитель царей, внук Пришаты, истребитель врагов. Сын Притхи молвил затем внуку Пришаты, в сражении предводительствующему: <<Боевой строй, Заревой каравайкой именуемый, всех врагов софушающий, — некогда, во время войны богов и демонов, Индре рассказал о нем Брихаспати, — построй его как должно, гибельный для вражеских ратей, чтобы, невиданный прежде, узрели его цари и [все] куру вместе с ними!>> Когда сказал ему так божественный муж, как [богу] Вишну [прежде] Носитель ваджры³³, на рассвете он поставил впереди всех войск Завоевателя богатств. Движущийся путем Солнца, чудно прекрасен был его стяг, что сработан был Вишвакарманом по велению Многоочитого³⁴. Украшенный лентами цветов оружия Индры³⁵, словно по воздуху плывущий, подобный граду гандхарвов³⁶ в воздухе, он, казалось, приплясывал, следуя ходом колесницы, о достойный. И Партха тем драгоценным [стягом], и тот Владетелем лука Гандивы [взаимно] возвышены были, как Самосуший — Солнцем. Главою [строя] стал царь Друпата, большим войском окруженный, а Кунтибходжа и Чедиец³⁷ глазами были, о владыка народов. Дашарны и праги с отрядами дашераков, жители побережий и кираты [стали] где шея, о бык среди бхарагов, а спиною был вместе с патачарами и хундами, о царь, также пауравами и нишадами — Юдхиштхира. Крылья же — Бхимасена и Дхриштадьюмна, внук Пришаты, сыны Драупады, и Абхиманью, и Сатьяки, великий воитель. Пишачи и дарады, пундры с кундравишами, мадаки и ладаки, также танганы и дальние танганы, бахлики и также титтиры, чолы и пандьи, о Бхарата, — эти народы, о царь, к правому крылу примыкали. Огневики, джагаттунды и пуродаши, о Бхарата, шабары и тыквопийцы, ватысы вместе с накулами, Накула и Сахадева — к левому краю примыкали³⁸. Десять тысяч колесниц было на крыльях, а в голове — миллион, десять миллионов и двадцать тысяч — спина, в шее — миллион и еще семьдесят тысяч³⁹. По краям, на протяжении и на самых кончиках крыльев шли слоны, о царь, словно движущиеся покрытые горы. Тыл защищали Вирата с Кекаями, и царь Каши⁴⁰, и Шибиец⁴¹ с тридцатью тысячами колесниц. Так построив этот великий строй, о Бхарата, стояли Пандавы, снаряженные для битвы, дожидаясь восхода солнца, и чистые, яркие, как солнце, блистали их огромные белые зонты на слонах и колесницах.

Глава 47

Санджая сказал:

Тогда, увидев построенным — по велению сына Притхи, пылом безмерного, — тот великий строй Каравайки, несокрушимый, ужасающий, твой сын, приблизившись к наставнику⁴², Крипе и Шалье, о достойный, и к сыну Сомадатты, Викарне и Ашваттхаману, к Духшасане, и всем другим братьям, о Бхарата, и к другим прекрасноруким героям, сошедшимся для битвы, такое слово вовремя ободряющее молвил сын твой: <<Разными [видами] оружия сражающиеся, все вы свед>ади во владении и ударным, и метательным оружием, все — великие воители, и каждый в одиночку сразить способен в битве сынов Панду с их войсками, а уж сплоченные вместе — подавно! Ненадежна та наша сила, ограждаемая Бхишмой⁴³, но надежна эта их сила, о лучшие из властителей земли! Пусть же санстханы и шурасены, веники, также кукуры, жители приревских земель⁴⁴ и тригарты, мадры, а также яваны, с Шатрунджаей вместе, а также с Духшасаной, с героем Викарной, также с Нандой, Упанандой и прочими⁴⁵, вместе с Читрасеной и с Панибхадраками⁴⁶ вместе, впереди войск заняв место, да защищают все Бхишму!>> Тогда Дрона, и Бхишма, и сын твой, о достойный, великий строй построили для отражения Бледных⁴⁷. Бхишма, со всех сторон великим войском окруженный, большую рать повел за собою, словно [сам] властелин богов⁴⁸. За ним последовал великий лучник — блистательный сын Бхарадваджи — с кунталами и дашарнами, и магадхами, о владыка народов, а также с видарбхами, мелаками и еще с ушастиками⁴⁹. Вместе со всем войском [шли] за Бхишмой, блистающим в сражениях, гандхары, синдху-саувиры, шиби, также васати. А Шакуни со своим войском ограждал сына Бхарадваджи. В свою очередь царь Дурьодхана вместе со всеми своими братьями, а также сашватаками и викарнами, шармилами с косалами, также с дарадами и чучупами и кшудраками с малавами — прикрывал, воодушевлявший, рать сына Субалы. Бхуришравас, Шала, Шалья и Бхагадатта, о достойный, и Винда с Анувиндой Авантийские левый край ограждали. [Другой] сын Сомадатты³⁰, Супшарман, Судакшина Камбоджийский и Шатанос и Шрутанос заняли место с правого края. Ашваттхаман, а также Крипа и Критаварман Сатватский с большим войском вместе расположились в тылу войск. А еще с тыла прикрывали его властители разных стран, Кетуман, Васудана и Абхибху, сын Кашийца. Затем твой все, ликующие перед боем, о Бхарата, затрубили, радости исполненные, в раковины и львиные кличи издали. Заслышав их, ликующих, и старый праотец рода Куру, львиный клич издав, громко в раковину затрубил, блистательный. Тогда зазвучали другие раковины и литавры, и тамбурины различные следом, и забили в большие барабаны — шум был громозвучный. Затем, стоя на великой колеснице, запяженной белыми конями, затрубили в превосходные раковины, отделанные золотом и драгоценностями: Хришикеша — в Панчаджанью, Завоеватель богатств — в Девадатту, и в великую раковину Паундра затрубил грозный деяниями Волчебрюхий, сын Кунти царь Юдхиштхира — в Днантавиджаю, Накула же и Сахадева — в Сугхошу и Манипушпаку. И царь Каши, и Шибиец, и Шикхандин, великий воитель, Дхриштадьюмна и Вирата и Сатьяки достославный, и пятеро великих лучников, сыновья Драупады Панчалийской, — все затрубили в великие раковины и великие кличи издали. И превеликий был шум, поднятый теми героями, и зазвучали небо и земля, эхом тот гром отражая. Так, о великий царь, снова сошлись в бою воспрявшие духом куру и пандавы, испепеляя друг друга.

Глава 48

Дхритараштра сказал:

Когда так построились рати, мои и иные, как вступили в бой лучшие из бойцов?

Санджая сказал:

Когда равно построились [все] рати, поднялись блистающие знамена, и, озирая ту силу, подобную безбрежному океану, ставший посреди них царь Дурьодхана, сын твой, молвил всем твоим: <<Сражайтесь, вооруженные!>> Те, ожесточившись душою, не щадящие жизни, знамена подъяв, ринулись прямо на пандавов. Тогда закипела, гремя, битва твоих и чужих, вздымающая волосы дыбом, в коей смешались колесницы и слоны. И пущенные воинами с колесниц стрелы с золотым оперением, остро отточенные, сыпались, незатупленные, на словов и коней. И когда так завязался бой, мощнорукий Бхишма, одетый в доспехи, лук воздев, обрушился, исполненный грозной отваги, на сына Субхадры и Бхимасену, и внука Шини², великого воителя, и на Кекаю, и Вирату, и Дхриштадьюмну, и сына Пришаты; ³ 3 на этих мужей-героев и на чедийцев с матсьями пролил старый праотец куру дожди стрел. Дрогнул великий строй под тем натиском героя, великое смятение охватило всех воинов. Поникли знамена и слоны, пали лучшие кони, рассеялись колесничные рати — так стало у Пандавов.

Арджуна, муж-тигр, великого воителя Бхишму завидев, молвил, гневный, потомку Вришни: <<Туда, к деду веде! Ясно же, что Бхишма сей, разгневанный сильно, уничтожит, о потомок Вришни, рать мою, о благе Дурьодханы радеющий. Сей Дрона, Крипа, Шалья и Викарна, о Джанардана, вместе с сынами Дхритараштры, предводимыми Дурьодханой, разгромят панчалов, несокрушимым лучником хранимые! Но ради [спасения] войска пойду на Бхишму я, о Джанардана>>. Васудева молвил ему: <<Будь наготове, о Завоеватель богатств!

Сейчас я приведу тебя, о герой, к колеснице деда>>. Сказав так, внук Шуры привел затем ту колесницу, прославленную в мире, к Бхишме, пред его колесницу, о владыка людей.

Со многими колышущимися знаменами, на белых, как журавли, конях, стяг с ревущей чрезвычайно грозно обезьяной подъяв, на гремящей, как туча, колеснице, сиянье солнца излучающей, круша Кауравов рать и шурасенов, скоро явился туда сын Панду, стрелы извергая, борясь с угнетенностью друзей. Когда стремительно напал он, подобный слону в пору течи, выступил тотчас против Арджуны, приводящего в трепет героев в битве и стрелами их сражающего, Бхишма, сын Шантану, ограждаемый воинами Востока, саувирами и кекаями во главе с властителем Синдху. Ибо какой же еще воитель мог противостать Владетелю лука Гандивы, кроме праотца куру или же Дроны вкупе с сыном Грозного Солнца?⁵⁴ Тогда Бхишма, дед Кауравов, о великий царь, осыпал Арджуну семьдесятю семью крепкими древками⁵³, а Дрона двадцатью пятью, Крипа пятьюдесятью стрелами, Дурьодхана шестьюдесятью четырьмя и Шалья девятью стрелами, и властитель Синдху еще девятью, и Шакуни еще пятью, а Викарна десятью стрелами бхалла поразил сына Панду, о царь. Пораженный отовсюду теми острыми стрелами, великий лучник не дрогнул, однако, мощнорукий, как если бы поражали гору. Он, Увенчанный³⁶, неизмеримый духом, Бхишму двадцатью пятью и Крипу девятью стрелами, Дрону, мужтигр, шестьюдесятью, а Викарну тремя стрелами, Артаями тремя острями, царя же⁵⁷ пятью поразил в ответ, о бык среди бхарагов. И окружили Завоевателя богатств Сатьяки и Вирата, Дхриштадьюмна, внук Пришаты, и Абхиманью с сынами Драупады. Затем великого лучника Дрону, радеющего о благе сына Ганга, окропил дождем [стрел] царевич Панчалы в союзе с Сомаками. Бхишма же, лучший из колесничных бойцов, немедля поразил сына Панду восемьюдесятью острыми стрелами, и отозвался твоим на то [победным] криком. Но, внемля торжествующему воплю их, восторжествовав, блистательный лев среди колесничных воинов вторгся тогда в их ряды, прорвавшись же среди тех воинов-львов, Завоеватель богатств, луком играючи, о царь, бил без промаха в великих воителей. Тогда царь Дурьодхана, владыка людей, молвил Бхишме, видя, как терзает в бою войско его Партха: <<Этот сын Панду, отец мой, с Кришною вместе подрежет, могучий, нас под корень, сколько бы ни тшились все наши рати, [и это] в то время, как здравствуете и ты, сын Ганга, и Дрона, лучший из колесничных бойцов! Ведь это из-за тебя только великий воитель Карна, всегда желавший мне блага, положил оружие и не сражается в битве с Партхой. Сделай же так, о сын Ганги, чтобы убит был Пхальгуна!>> Тогда в ответ на

такие речи, о царь, сказал отец твой Деваврата: «Позор обычаю кшатры!»⁵⁸ — и направился к колеснице Партхи. Обоих белоконых сошедшими видя, о царь, львиный рык испустили громко властители земли и затрубили в раковины, о Бхарата! Сын Дроны >> Дурьодхана также, и сын твой Викарна, в бою окружив Бхишму, восстали на битву, о достойный. И так же все Пандавы, окружив Завоевателя богатств, восстали на великую битву. Затем битва началась.

И сын Ганги в сражении нанес удары Партхе девятью стрелами. Арджуна в ответ поразил его десятью, вонзившимися в уязвимые места. Затем тысячью метких стрел Арджуна, сын Панду, окутал Бхишму со всех сторон, прославленный в боях. Но ту сеть из стрел Партхи, о потомок Куру, [своей] сетью из стрел покрыл-таки Бхишма, сын Шантану. Оба, исполненные ликования, оба, обретающие в битве радость, бились, друг другу не уступая, жаждущие преломить деянием деяние другого. Видно было, как тучами часто летящие с лука Бхишмы стрелы крошились, разламываемые, о стрелы Арджуны, и так же Арджуной пущенные одна за другою тучи стрел, стрелами сына Ганги отраженные, падали на землю. Арджуна двадцатью пятью острыми стрелами поразил Бхишму, и Бхишма в схватке тридцатью стрелами пронзил Партху. Поразив коней, и оба знамени друг у друга, и дышла, и колеса колесничные, разыгрались оба укротителя врагов, великомощные. Затем гневный Бхишма, лучший из бойцов, о великий царь, тремя стрелами нанес удары в грудь Васудеве. Стрелами, пущенными с лука Бхишмы, пронзенный Губитель Мадху красовался в битве, о царь, как цветущая киншука. Тогда, видя Мадхаву пронзенным, Арджуна, весьма разгневанный, ранил в бою колесничего сына Ганги тремя стрелами. Но как ни старались те двое героев убить один другого, они не могли тогда один другого одолеть в бою. И разнообразные круги они описывали оба многократно, отдаляясь и вновь возвращаясь, являя тем равенство в искусстве своих колесничих, и, мысля, как нанести удар, оба великих воителя, о царь, снова и снова иные пути избирали. Оба дули в раковины, мешая трубный звук со львиным рыком, и так же звенели луки у обоих великих воителей. И от рева раковин обоих, и от грохота их колесниц вдруг треснула земля, и содрогнулась, и гулом отозвалась. Никто просвета не видел у обоих могучих героев, о бык среди бхаратов, в битве друг другу равных. И только по образу на стяге могли различить там Бхишму Кауравы, и так же Партху сыны Панду только по этому знаку различали. И, видя такую доблесть обоих тех превосходных мужей, все существа в той битве преисполнились изумления, о Бхарата. И никакого изъясна не усмотрел никто ни у одного из них в сражении, как не узрит ведь никто нигде порока у соблюдающего Закон⁵⁹. Оба же между тем стали невидимы под сетью из стрел, но скоро опять явились оба взору в сражении. Там боги с гандхарвами и странники небес с провидцами говорили друг другу, их доблесть видя: «Коль разъярятся в битве эти оба великих воителя, не смогут победить их никогда ни асуры с гандхарвами, ни люди — даже с богами вместе. В мирах дивиться будут битве этой как великому чуду, и никогда уже подобных битв не будет. Не может победить мудрый Партха в сражении Бхишму, с луком стоящего на колеснице, сеющего стрелы в сражении; так точно сына Панду, в битве даже для богов неприступного, не в силах победить в сражении Бхишма, луком вооруженного». Со всех сторон слышались в бою эти речи, произносимые во славу сына Ганги и Арджуны, о владыка народов! А меж тем как бились они там оба, о Бхарата, твои воины и пандавские разили друг друга в сражении. Потоками острых стрел, мечами сверкающими, и секирами, и многим другим оружием всякого рода рубили один другого в битве герои обоих войск. И в то время как длилась та ужасная и престогокая битва, о царь, произошел бой великий Дроны и Панчалийского.

Глава 49

Дхритараштра сказал:

Как сошлись в бою Дрона, великий лучник, и Панчалийский, внук Пришаты, оба напрягшие силы, о том Расскажи мне, о Санджая. Поистине судьба превыше мужества, мысля я, о Санджая, если Бхишма, сын Шантану, не одолел в бою сына Панду. Ведь Бхишма, гневный, в сражении мог истребить миры, подвижные и недвижимые. Как же, о Санджая, не одолел он в битве сына Панду мощью своей?

Санджая сказал:

Духом укрепись, о царь, и слушай об этой престогокой битве. Сами боги с Предводителем Васу вместе не могли бы победить сына Панду. Дрона же острыми стрелами своими вызвал на бой Дхриштадьомну и стрелою бхалла сбросил его возницу с подножья колесницы. И четырьмя превосходными стрелами, разъяренный, он уязвил четверых коней Дхриштадьомны, о достойный. Дхриштадьомна тогда пронзил Дрону девятью десятками отточенных стрел, и... «Стой, стой!» — молвил герой, усмехаясь. Тогда неизмеримый духом сын Бхарадваджи, блистательный, опять окутал стрелами негодующего Дхриштадьомну. И он взял ужасную стрелу, предназначенную для убийства внука Пришаты, бьющую, как оружие грома Шакры⁶⁰, словно Смерти жезл другой. И громкими возгласами, потрясенное, разразилось все войско при виде той стрелы, когда наложил ее в бою [на лук] сын Бхарадваджи, о Бхарата! Там узрели мы необыкновенное мужество Дхриштадьомны, когда стоял герой одиноко в битве, недвижимый, как гора. И он рассек ту ужасную, пылающую стрелу, настигающую его, словно собственная его смерть, и ливень стрел выпустил в сына Бхарадваджи. Тогда вскричали все панчалы с Пандавами вместе, видя тот подвиг нелегкий, сотворенный Дхриштадьомной. Затем, жаждая гибели Дроны, метнул он, смелый, дротик быстролетный, отделанный золотом и бериллом. Тот стремительно налетающий дротик, золотом украшенный, на три части рассек в бою сын Бхарадваджи, как будто усмехаясь. Видя дротик свой сбитым, Дхриштадьомна блистательный ливни стрел пролил на Дрону, о владыка людей. Но, отразив тот ливень стрел, Дрона многославный переломил посередине лук сына Друпад. Тот многославный, чей был сломан лук, бросил в Дрону в бою, могучий, тяжелую палицу, крепостью скалы обладающую; стремительно полетела та палица, пущенная ради убийства Дроны. Там узрели мы необыкновенную отвагу сына Бхарадваджи. Благодаря проворству своему увернулся он от палицы, златомукрашенной, а увернувшись от той палицы, послал во внука Пришаты преострые стрелы бхалла, закаленные⁶¹, с золотым опереньем, отточенные на камне, и, пробив его латы, они испили его крови в бою. Однако, взяв другой лук, Дхриштадьомна, высокий помыслил, в битве, наступая, пронзил Дрону пятью стрелами. И тогда оба они, быки среди мужей, красовались, умащенные кровью, о царь, словно два цветущих дерева киншука в весеннее время. Затем, о царь, раздосадованный Дрона, наступая во главе ратей, снова переломил лук сына Друпад, а затем его, чей лук был сломан, осыпал, духом неизмеримый, крепко сложенными стрелами, как туча гору дождем, и стрелою бхалла сбросил его колесничего с подножья колесницы, а также четырьмя отточенными стрелами свалил четверых его коней и львиный рык издал. Потом другою стрелою бхалла он вырвал лук из его руки. Тот со сломанным луком, лишившийся колесницы, чей колесничий был убит и чьи убиты были кони, сошел назем с палицей в руке, великое мужество являя. Но еще не успел он с колесницы сойти, стрелами выбил тотчас ее у него [противник], о Бхарата, — словно чудо то было. Тогда, схватив большой блистающий щит, украшенный сотнею лун, и большой чудесный меч, он, прекраснорукий, могучий, устремился проворно, желая убийства Дроны, как лев крокодавый в лесу на ярого слона. Там узрели мы необыкновенное мужество сына Бхарадваджи и проворство его, и владение оружием, и мощь его рук, о Бхарата, когда ливнем стрел остановил он внука Пришаты, и как ни могуч тот был, не мог тогда продвигаться в бою. И зрели мы там стоящим великого воителя Дхриштадьомну, что отражал щитом дождь стрел, являя ловкость рук своих.

Тогда Бхима многорукий примчался стремительно, мощный, оказать помощь в бою великому духом внуку Пришаты. Он поразил Дрону семью острыми стрелами, о царь, и немедленно возвел тогда внука Пришаты на другую колесницу. Тогда царь Дурьодхана направил Калингу в сопровождении большого войска на защиту сына Бхарадваджи. Затем немедленно то великое войско калингов, о владыка людей, обрушилось на Бхиму по велению твоего сына. Дрона же, избранный среди колесничих воинов, оставив Панчалийского, вступил в бой с объединившимися старыми Виратой и Друпадой. Дхриштадьомна же в бою присоединился к Царю справедливости. Тогда закипела битва, гремя, вздымающая волосы дыбом, между сошедшими калингками и Бхимой, великим духом, гибельная для вселенной, ужас воплощающая, страшная.

Глава 50

Дхритараштра сказал:

Так как же Калинга, полководец, тому велению следующий, с великомощным Бхимасеной, небывалых деяний вершителем, героем, что шествовал с палицей, словно Антака с жезлом во длани, [как] в бой [с ним] вступил на поле брани Калинга с войском вместе?

Санджая сказал:

По слову сына твоего, о властелин царей, тот великомощный, оберегаемый великим войском, двинулся на колесницу Бхимы. Той наступающей стремительно великой рати калингов со множеством колесниц, слонов и коней, мощным оружием вооруженной, полчищу калингов навстречу выступил, о Бхарата, Бхимасена с чедийцами вместе и приближающемуся Кетуману, властителю нишадов, [навстречу]. Тогда Прутанос яростный с царем Кетуманом вместе напал в сражении на Бхиму среди выстроивших полки чедийцев. Со многими тысячами колесниц повелитель калингов, с десятью тысячами слонов и со [своими] нишадами Кетуман, о царь, окружили в сражении Бхимасену со всех сторон. Чедийцы, матсьи и каруши, предводимые Бхимасеной, с царями вместе напали мгновенно на нишадов. Тогда произошла битва, ужас воплощающая, страшная и не различающая воинов своих [и чужих], взаимно охваченных жаждой убийства⁶². Ужасной была тогда битва, [завязавшаяся] вдруг между Бхимой и врагами, как между Индрой, о великий царь, и великим войском дайтебв. И оглушительный шум поднялся от того сражающегося войска на поле брани, о Бхарата, реву океана подобный. Воины тогда, рубя друг друга, о владыка народов, всю землю превратили в подобие погребального пепелища, трупами и кровью покрытого. И воинов своих от чужих уже не различали, охваченные жаждой убийства, и даже своих [за врагов] принимали свои же герои, трудноодолимые в сражении. И превеликая была бойня, в которой малочисленные бились со многими, чедийцы с калингками и нишадами, о владыка народов. Но, явив мужество сколько было силы, отступили, покинув Бхимасену, великомощные чедийцы. Когда отступили чеди под натиском всех калингов,

сын Панду тем не уступил, на силу рук своих полагаясь. Не двинулся с колесницы своей великомощный Бхимасена, осыпая острыми стрелами рать калингов. А Калинга, великий лучник, и сын его, великий воитель, известный под именем Шакрадева, поразили стрелами сына Панду. Тогда мощнорукий Бхима, потрясая своим прекрасным луком, вступил в бой с калингами, на силу рук своих уповав. Шакрадева же, выпуская в бою множество стрел, сразил в бою стрелами коней Бхимасены и ливни стрел пролил, словно туча на исходе жаркой поры. Но Бхимасена великомощный, когда пали кони, метнул из всей силы, стоя на колеснице, железную палицу в Шакрадеву. Его сраженный, о царь, сын Калинги со знаменем и с возницей пал с колесницы на землю. Видя сына своего сраженным, повелитель калингов многими тысячами колесниц окружил Бхиму отовсюду. Тогда, о царь, Бхима великомощный, оставив огромную тяжелую палицу, жестокое деяние свершить намереваясь, меч подыал и щит бесподобный, из бычьей кожи сработанный, с золотыми звездами и полумесяцами, о бык среди мужей. А Калинга тогда, разгневанный, напрягая тетиву лука, взял одну стрелу ужасную, змеиноу яду равную, и послал ее, владыка людей, в Бхимасену, убения его жаждущий. Ту пущенную острую стрелу, быстро налетающую, рассек надвое Бхимасена, о царь, огромным мечом и вскричал, ликуя, трепет вселяя в войско. Калинга же тогда, гневный, тотчас послал в бою в Бхимасену четырнадцать дротиков, на камне отточенных. Их, когда еще не достигли они его, летящие в воздухе, рассек, не смутившись, проворно мечом превосходным, о царь, мощнорукий сын Панду. Развив же в бою все четырнадцать дротиков, Бхима, муж-бык, ринулся на Бханумана, его заведя. А Бхануман тогда покрыл Бхиму дождем из стрел и громогласный клич издал, небосвод огласивший. Не стерпел Бхима тот львиный клич в великой битве и зычным голосом испустил тогда оглушительный рев. Тем ревом потрясенное, не могло уже войско калингов в сражении [том] почитать Бхиму за человеческое существо, о бык среди бхаратов! Тогда Бхима, о великий царь, громовый клич издал, с мечом в руке прыгнул и по бивням лучшего из слонов быстро взобрался затем на спину царственного слона, о достойный. И вот широким клинком разрубил он там Бханумана. Убив царевича-воина, тот укротитель врагов меч следом вонзил в шею слона, тяжкую ношу держащую. Взревав, упал с разрубленной шеей тот вожак слоновьего стада, как высокая гора, подточенная потоком. А потомок Бхараты, о Бхарата, соскочив затем с того слона, стал на земле, неомраченный духом, с мечом в руке и в доспехи одетый. Во многие стороны прокладывая он путь себе, неустрашимый, повергая слонов, и всюду видели его, пущенному огненному диску подобного. Среди конных отрядов, слонов, колесничных ратей и среди полков пехотинцев, власт-вующий, разящий, кровью покрытый, парил орлом в сражении Бхима, для вражеской силы неодолимый. Мечом с острым лезвием рассекая в бою с великим проворством тела и головы бойцов на слонах, он, пеший, в одиночку, ужас вселял во врагов, разъяренный, и в беспамятство ввергал, подобный Времени всесокрушающему в образе Ямы. Обезумевшие, они с воплями бросались в схватке на него, когда он с мечом в руке так стремительно пробивался вперед в великом сражении. Рубя в бою дышла и упряжи у колесниц, он сражал и самих колесничных бойцов, могучий врагов истребитель. Видели, как в самые разные стороны пробивался Бхимасена, кругом себя обращался и вверх, отражал и прыгал, наступал и отступал, являл выпады и оборону сын Панду. И некоторые, пораженные мечом сына Панду, великого духом, вскрикивали, в уязвимые места приняв удары, и падали бездыханные. А иные слоны с разрубленными бивнями и хоботами, с разбитыми лбами, лишившиеся седоков, топтали собственные рати, о Бхарата, и, громкие вопли испуская, падали на землю. И сломанные копья и луки, и головы погонщиков, и пестрые попоны, и подпруги, сверкающие золотом, также нашейные цепи, дротики, знамена и еще топоры, также колчаны, орудия всякие⁶³, и луки, и жаровни с раскаленными углями, стрелака с анками, различные бубенчики, о царь, мечи в позолоченных ножнах, падающие и упавшие со всадниками вместе, видели мы; и земля там телами сраженных слонов, словно рухнувшими утесами, была покрыта, спереди и сзади и по хоботам порубленных. Сокрушив так огромных слонов, стал крушить коней бык среди мужей, и лучших конников он тоже поверг, о Бхарата, и ужасной была битва его с ними, о Бхарата. Уздечки, также поводья и хлысты, сверкающие золотом, и попоны, и дротики, и драгоценные тесаки, также латы, щиты и украшенные покрывала, сброшенные здесь и там, можно было видеть в той великой битве. Конской упряжке пестрой и блистающим оружием покрыл он землю, словно яркими цветами. Набрасываясь на колесничных воинов, сокрушал их и мечом повергал могучий сын Панду и со знаменами их. На него, прославленного, дивились в битве люди, когда внезапно совершал он прыжки, бросался в стороны, пробивался в различных направлениях. Одних сокрушал он ударом ноги, других, повалив, умерщвлял, иных разрубал мечом, иных же устрасал криком, также толчком бедра на бегу повергал он иных на землю, а некоторые [уже] при виде его от страха дух испускали. Так огромное то войско храбрых калингов, ограждавшее в сражении Бхишму, устремилось на Бхимасену. Тогда, Шрутаюса во главе калингских воинов увидев, о бык среди бхаратов, направился к нему Бхимасена. Его приближение увидев, Калинга, неизмеримый духом, в середине груди поразил Бхимасену девятью стрелами. Стрелами Калинги уязвленный, словно слон, понуждаемый стрелом, воспылал гневом Бхимасена, как от лучин огонь. Тут Ашока, колесничий, колесницу, золотом украшенную, забрав, привел колесницу Бхиме. Тотчас на ту колесницу взойдя, сын Кунти, врагов сокрушитель, помчался на Калингу, восклицая: «Стой, стой!» Тогда могучий Шрутаюс, разъяренный, послал в Бхиму отточенные стрелы, умелость рук своих являя. С превосходного лука Калинги пущенными девятью отточенными стрелами сильно пораженный, сильно разгневался, о царь, великую славу стяжавший Бхима, словно змей, пораженный палкою. И Бхима, сын Притхи, гневный, с силой напрягая лук, семью железными остриями, избранный из сильных, сразил Калингу. И двумя секущими стрелами обоих великомощных стражей колесницы Калинги, Сатью и Сатьядеву, он послал в обитель Ямы. И еще затем Кетумана неизмеримый духом Бхима в бою тремя острыми железными стрелами послал в обитель Ямы. Тогда разъяренные калингские кшатрии с многотысячными ратями окружили гневного Бхиму. Затем с дроτικами, палицами, мечами, копьями, пиками, секирами обрушились тогда, о царь, калинги на Бхимасену. Хлынувший ужасный ливень стрел отразив, рванулся с палицею вперед великомощный Бхима и семьсот героев отправил в обитель Ямы. И еще две тысячи калингов послал в царство Смерти врагов истребитель, и чуду это было подобно. Так снова и снова сокрушал в битве те рати калингов герой, на Бхишму великообетного обращая взоры. А слоны, чьих седоков великий духом сын Панду убил, металиси среди ратей, как облака, рассеянные ветром, с ревом, страдающие от стрел, топта собственные рати. Тогда Бхима могучерукий затрубил в раковину, мощный, заставив трепетать сердца всех калингских воинов, и даже разума помрачение овладело калингами, о врагов сокрушитель, и воины, и ездовые животные содрогнулись повсюду. И Бхима, везде пробивающий себе в битве пути во многих направлениях, о царь, подобно слоновьему вожаку, туда бросающийся и сюда и внезапно прыжки совершающий, в беспамятство [их] вверг. И затрепетало войско, потрясенное страхом перед Бхимасеной, как неоглядное большое озеро, водяным чудовищем взволнованное. И когда герои, потрясенные необыкновенными подвигами Бхимы, опять обратились вспять и бежали толпами все калингские воины, молвил своим ратям предводитель знаменосного воинства панду, внук Пришаты: «Сражайтесь!» Вняв речи полководца, войско во главе с Шикхандином направилось к Бхиме с отрядами стремящихся в бой колесниц. И Царь справедливости, сын Панду, к ним ко всем присоединился позади с огромной слоновьей ратью, как туча, темной. Так, призывая к бою все свои полки, внук Пришаты занял место рядом с Бхимасеной, добродетельному мужу подобающее. Ибо не было в мире у царя панчалов никого настолько жизни дорожа, как Бхима с Сатяки. Он увидел того истребителя врагов Бхимасену мощнорукого, движущегося среди калингов, тот внук Пришаты, вражеских героев сокрушитель. Возликовав, взревел он многократно, врагов каратель, и в раковину затрубил в бою, и львиный рык издал. И Бхимасена ободрился, заведя зная со знаком ковидары на украшенной золотом колеснице Голубиноконного⁶⁴. Дхриштадьомна же, неизмеримый духом, видя, как нападают на Бхимасену калинги, пришел в бою на его защиту. Издали заведя обоих героев, Дхриштадьомну и Волчебрюхого, мудрых, сражающихся с калингами в схватке, Сатяки, внук Шини, лучший из побеждающих, туда поспешив, занял место, муж-бык, рядом с сыном Притхи и внуком Пришаты. Там он побойще учинил и, себя разъяривший, лук ухватив, сокрушал неприятелей в бою. А Бхима реку с тиною из плоти и крови рожденных в Калинге пустил струиться красным потоком; ее, между калингами и пандавами текущую, труднодоступную для переправы, преодолел Бхимасена великомощный. И когда узрели твои такую [мощь] в Бхимасене, возопили они, о повелитель: «То Смерть сама во образе Бхимы сражается с калингами!» Тогда Бхишма, сын Шантану, услышав тот крик в бою, направился поспешно в сторону Бхимы, предводитель ратей. К той колеснице Бхишмы, золотом украшенной, устремились Сатяки, Бхимасена и Дхриштадьомна, внук Пришаты. Все они, мигом окружив сына Ганги в битве, тут же поразили Бхишму каждый тремя ужасными стрелами. В ответ их всех, великих лучников, напрягающих силы, пронзил отец твой Деаврата, тремя змееподобными každого. Затем, тысячу стрел отразив натиск великих воителей, он стрелами уложил коней Бхимы, в золотую сбрую одетых. Стоя на колеснице, где убиты были кони, Бхимасена блистательный метнул все же с силою дротик в колесницу сына Ганги. Прежде чем он достиг его, отец твой Деаврата рассек тот дротик в бою на три части и он разлетелся по земле. Тогда тяжелую мощную палицу из вороненой стали⁶⁵ схватив, прыгнул Бхимасена стремглав с колесницы, о бык среди мужей. Сын же Сатяки⁶⁶ тогда, помочь желая Бхиме, тотчас стрелами поверг колесничного старейшины куру. И когда сражен был его колесничий, Бхишму, лучшего из колесничных воинов, кони его, мчащиеся с быстротою ветра, увлекли с поля битвы. Когда же увлекли они [Бхишму], великий обет вершащего, воспылал тогда Бхимасена, о царь, как разгоревшийся огонь, сожигающий древесину. Всех калингов истребив, он стал посреди ратей, и никто из твоих не смел подступиться к нему, о бык среди бхаратов. Дхриштадьомна, лучший из колесничных воинов, возвел его, прославленного, на свою колесницу и увез на глазах у всех воинов. Вожди панчалов и матсьи почести ему воздавали, он же, обняв Дхриштадьомну, к Сатяки потсдо приблизился. И пред взирающим [на них] Дхриштадьомной молвил Сатяки, истинно доблестный, Бхимасене, тигр [из рода] Яду, радуя его: «Благодарение судьбе, что и царь калингов, и царевич Кетуман, и Шакрадева Калингский, и калинги убиты в сече. Только мужеством

твоим и мощью рук твоих сокрушен великий боевой строй калингов со тьмою слонов, конников и колесниц!>> Так сказав, внук Шини, мощнорукий врагов укротитель, с колесницы на колесницу перепрыгнув, обнял сына Панду. Потом, на свою колесницу опять взойдя, стал великий воитель, гневный, крушить твоих, силу Бхимы подкрепляя.

Глава 51

Санджая сказал:

Когда миновала большая часть послепопуденного времени в тот день великого побоища колесниц, слонов, коней и пехотинцев и всадников, с сыном Дроны, Шальей и Крипой, великим духом, троими великими воителями, в бой вступил Панчалийский. Десятью острыми стрелами сразил мощнорукий сын царя панчалов коней сына Дроны, в мире славящихся. Тогда, коней лишившись, встал немедленно сын Дроны на колесницу Шальи и сына царя панчалов стрелами окропил. Видя же, как схватился Дхриштадьюмна с сыном Дроны, о Бхарата, стремительно примчался сын Субхадры, отточенные стрелы сея. Он пронзил Шалью двадцатью пятью и Крипу девятью стрелами, Ашваттхамана — восемью, о бык среди мужей. А сын Дроны тотчас пронзил тогда сына Арджуны стрелою оперенной, Шалья же — двенадцатью и Крипа — тремя острыми. Лакшмана же, внук твой, на твоего другого внука⁶⁷ напал, ликующий, и начался бой между ними. И сын Дурьодхана, разъяренный, девятью стрелами пронзил в сражении сына Субхадры, о царь, и чуду это было подобно. Абхиманью же, разгневанный, пятьюдесятью стрелами, о бык среди бхаратов, пронзил, проворный, брата, о царь. Но Лакшмана тогда оперенной стрелою сломал его лук в месте держания, о великий царь, и криками тогда разразились люди. Тот сломанный лук оставив, сын Субхадры, сокрушитель вражеских героев, другой лук взял, красивый и более скородействующий. Оба там в бою, ликующие, жаждущие нанести и отражать удары, разили друг друга, быки среди мужей, острейшими стрелами. Тогда царь Дурьодхана, видя, что уязвляет внук твой его сына, великого воителя, направился туда, людей владыка. И когда повернул туда сын твой, все властители окружили со всех сторон сына Арджуны полчищем колесниц. Теми трудноодолимыми героями окруженный в битве, о царь, не дрогнул герой, Кришне равный доблестью. Видя, что ввязался там в бой сын Субхадры, поспешил к нему Завоеватель богатств, разгневанный, сыну своему помощь оказать желая. Тогда объединившиеся цари во главе с Бхишмой и Дроной в сопровождении колесниц, слонов и конников обратились против Савьясачина. Густая пыль, поднятая с земли слонами, колесницами и всадниками, явилась сразу взорам, солнца путь застилая. Те тысячи слонов и сотни властителей земли, на пути его стрел оказавшись, не могли нигде продвинуться дальше. Возопили все существа, омрачились страны света, знак тяжелой и ужасной невзгоды для куру явился. Ни воздушного пространства, ни стран света, ни земли, ни солнца не различить стало за роем стрел Увенчанного. Но видно было, какповалились знамена на слонах, и пали кони колесниц во множестве, и бежали с колесниц иные предводители колесничных ратей, и еще можно было видеть других колесничных воинов с браслетами на руках, колесниц лишившихся и мечущихся с оружием. И конники, покинув коней, а бойцы на слонах — слонов, в страхе перед Арджуной, о царь, разбежались в разные стороны. Виднелись властители упавшие и падавшие с колесниц, со слонов и с коней, Арджуной избиваемые; и поднятые руки мужей с палицами, с мечами, о владыка народов, с дротиками, с колчанами, со стрелами, с луками, со стрекалами, со стягами здесь и там отсекал жестокими стрелами Арджуна, ужасающий образ принявший тогда. И груды тяжелых палиц и молотов, о достойный, дровиков, метательных клинков, мечей, в сражении [брошенных], секир и острых копий, о Бхарата, и доспехов на земле, и лат пробитых, знамен, щитов и опалех еще повсюду, зонтов, золотых жезлов и султанов, о Бхар ата, хлыстов, стрекал и еще поводьев, о достойный, виднелись там, разбросанные на поле битвы. Не было там ни единого человека из твоего войска, о Бхарата, кто к Арджуне мог бы, к герою, хоть как-то приблизиться в схватке, ибо кто бы в схватке ни близился к Партхе, о владыка народов, того острые стрелы в иной мир отправляли. И меж тем как разбежались твои воины повсюду, в свои превосходные раковины затрубили Арджуна и Васудева. Видя то разбитое войско, отец твой Дежаврата, как бы усмехаясь, молвил на поле брани герою, сыну Бхарадваджи: <<Этот могучий сын Панду, храбрец, с Кришной вместе такое творит с войсками, что только Завоевателю богатств и по силам. Его. нынче в бою ведь никак победить невозможно, коль скоро являет он образ, Времени-Губителю⁶⁸ подобный. И уже не повернуть обратно эту великую рать; смотри, друг на друга глядя, бегут эти воины скопом. К лучшей из гор, Горе Заката⁶⁹, клонится солнце, всего мира образы словно забирая отовсюду. Потому, я полагаю, время умиротвориться, о бык среди мужей, устали и уstraшены наши воины, они уже никак не могут сражаться>>. Так сказав Дроне, лучшему из наставников, Бхишма объявил твоим тогда об отступлении, великий воитель. И вот отступили тогда твои войска и их тоже, меж тем как закатилось солнце и наступили сумерки.

Глава 52

Санджая сказал:

А когда ночь сменялась рассветом, Бхишма, сын Шантану, повелел тогда войскам выступать, о Бхарата. И теперь великим строем Гаруды⁷⁰ расположил их сын Шантану, победы желающий для твоих сыновей, — Бхишма, дед куру. На клюве Гаруды — сам отец твой Дежаврата, оба глаза Бха-радваджа⁷¹ и Критаварман из рода Сатваты, Ашваттхаман же и Крипа заняли чело, прославленные, подкрепленные тригартами, матсьями с кекаями и еще ватадханами, Бхуришравас, Шала, Шалья и Бхагадатта, о достойный, мадры, также синдху-саувиры и жители Пятиречья с Джаядратхой вместе расположились на шее; в тылу — царь Дурьодхана с родичами и подчиненными; Винда с Анувиндою Авантийские и Камбоджийский⁷² с шаками составили хвост, о великий царь, и шурасены дополнительно; магадхи же и калинги с полками дашераков на правом крыле строя стали, снаряженные; лесные [жители], викунджи, а также свободные пундравиши с огромным воинством на левое крыло пришли. В боевом же строю то войско видя, Савьясачин, врагов каратель, с Дхриштадьюмной вместе строй полумесяцем, науготрашающий, на поле боя против него построил. На правом роге его став, блистал Бхимасена, царями из разных стран окруженный, разными [видами] оружия во множестве вооруженными, за ним следом — Вирата и Друпата, великий воитель, за ними сразу шел Нила с нилаюдхами⁷³, за Нилой же сразу — Дхриштакету, великий воитель, сопровождаемый чедийцами, кашийцами и карушами, также пауравами. Дхриштадьюмна и Шикхандин и панчалы, прабхадраки в середине великого строя стояли, к битве [готовые], о Бхарата, а также Царь справедливости, слоновым войском сопровождаемый, а затем Сатъяки, о царь, и пятеро сыновей Драупади, затем вскоре Абхиманью, а затем следом Ираван, затем сын Бхимасены⁷⁴, о царь, и Кекаи, великие воители, затем шел лучший из двуногих, левый край занимавший, всего мира хранитель, чей хранитель — Джанардана⁷⁵. Так великий тот строй построили напротив Пандавы и те, кто принял их сторону, ради убийства твоих сыновей. Затем началась битва твоих и недругов, разящих друг друга, в которой смешались колесницы и слоны. Там и здесь можно было видеть, о владыка народов, как полчища конников и полчища колесниц сшибались и сокрушали друг друга. И грохот многих мчащихся рядами и сталкивающихся по отдельности колесниц мешался с барабанным боем, и в смятении стычки до небес достигал крик храбрых мужей, твоих и тех, друг друга разящих, о Бхарата.

Глава 53

Санджая сказал:

После того как построились рати, твои и чужие, о Бхарата, Завоеватель ботств стал твою колесничную рать истреблять, повергая в битве стрелами предводителей колесничных отрядов. Сокрушаемые Партхой, словно Временем самим на исходе юги, бились изо всех сил сыны Дхритараштры в сражении с Пандавами, взыскуя блистательной славы, предпочитая смерть отступлению. Предавшись единой цели, они прорвали во многих местах ряды войска Пандавов, но и сами опрокинуты были [во многих местах] на поле сражения. Меж бегущих, и сокрушенных, и мечущихся пандавов и куру уже ничего различить там было невозможно. Пыль поднялась с земли, затмевая дневное светило, и еле различимы были для них страны света и направления, где что. И бой тогда шел здесь и там по догадке, по всяким знакам, по [возглашаемым] именам и родам, о владыка народов! Но несколько не сломен был тот боевой строй кауравов, храанный верным и мудрым сыном Бхарадваджи. И точно так же великий строй сторонников Пандавов, Савьясачином хранимый, не дрогнул, Бхишмою превосходно охраняемый. Из первых рядов в бой бросались вперед мужи обоих воинств, о царь, на колесницах и слонах, там вместе смешавшихся. Всадники всадников на поле брани повергали в той великой битве копытами и дротиками с блистающими острями; колесничный воин, напав на колесничного, стрелами, золотом украшенными, повергал его в боине той премного ужасающей; воины на слонах воинов на слонах стрелами тяжелыми и легкими и дротиками, сталкиваясь, повергали отрядами, твои и чужие; отряды пехоты пеших пращами и бердышами поражали, друг другу урон нанося в боевом задоре, и в схватке пехотинец разил колесничного воина, а колесничный воин пехотинца острыми стрелами — с обеих [враждующих] сторон; всадники на слонах всадников на конях тогда повергали, а конники — воинов на слонах, и словно чудо то было. Здесь и там видеть можно было пехотинцев, повергаемых отборными, на слонах [сражающимися] воителями, и так же теми [повергаемых] знаковых бойцов; было видно, как пехотные отряды всадниками, а конные отряды пехотинцами сотнями и тысячами во прах повергались. И там брошенными стягами, луками, копытами также и дротиками и булавами, тяжелыми палицами, кампанами, метательными снарядами, яркими латами, каналами⁷⁶, также стрекалами, блестящими мечами и еще стрелами с золоченым опереньем, конскими и слововыми попонами, богатыми покрывалами блистала земля, о лучший из бхаратов, словно лентами венков украшенная. И от тел павших в великом сражении людей, и коней, и слонов непроходимой грязью из мяса и крови покрылось поле. Улеглась пыль на земле, орошенная кровью, и прояснились все страны света, о владыка людей. Неисчислимые безглавые трупы⁷⁷ поднялись отовсюду как знамения гибели мира, о Бхарата! И меж тем как продолжалась та необычайная свирепая и ужаснейшая битва, было видно, как бежали в разные стороны колесничные воины. Тогда Дрона, Бхишма, Джаядратха Синдхийский, Пурумित्रа, Викарна и Шакуни, сын Субалы, трудноодолимые в бою, льям равные отвагой, снова и снова громили рати Пандавов. И точно так же Бхимасена, ракишас Гхатоткача,

Сатьяки, Чекитана и сыны Драупади, о Бхарата, в бою обращали в бегство твоих сторонников и сыновей твоих со всеми царями вместе, как Тридцать78 [обращают в бегство] данавов. И те быки среди кшатриев, наносящие удары друг другу в битве, покрытые кровью, ужасные обликом, демонам были подобны. Герои обоих воинств, врагов одолев, выглядели в то же время, величественные, как светила на небе. Тогда сын твой Дурьодхана с тысячью колесниц ринулся в битве на Пандавов и ракшаса Гхатоткачу. И так же все Пандавы с великим войском вышли в сражении навстречу Дроне и Бхишме, героям, врагов укротителям. Увенчанный же выступил, гневный, против лучших из могучих властителей земли, а сын Арджуны и Сатьяки вышли против войска сына Субалы. И вновь продолжилось тогда сражение, вздымающее волосы дыбом, между твоими и чужими, [равно] жаждущими в бою победы.

Глава 54

Санджая сказал:

Тогда те властители земли, гневные, узрев Пхалыгуну в бою, не одною тысящею колесниц его со всех сторон окружили. Так полчищем колесниц, как стеною, в кольцо его заключив, они великим множеством стрел со всех сторон ему путь преградили. И копыа блестящие, тяжелые булавы с палицами, дротики, также секиры, молоты и еще дубины метали они, гневные, в колесницу Пхалыгуны. Но ливень тот оружие, налету саранчи подобный, со всех сторон отразил Пархта стрелами, золотом украшенными. И видя то сверхъестественное проворство Бибхатсу, боги, данавы, гандхарвы и пишачи, змии и ракшасы, о властитель царей, возгласили Пхалыгуне хвалу. «Хорошо, хорошо!» С войском великим гандхары-герои вместе с ратниками сына Субалы осадили в сражении Сатьяки и Абхиманью. Там воины сына Субалы, разъяренные, в бою оружием всякого рода в куски разнесли в ярости превосходную колесницу вришнейца. Сатьяки же, меж тем как длилась та ужасная схватка, покинув колесницу, быстро на колесницу Абхиманью взошел, врагов каратель. Те двое, на одной колеснице объединившись, тотчас острыми стрелами, крепко сложенными, рать сына Субалы разгромили. Дрона и Бхишма, в битве ретивые, рать Царя справедливости острейшими стрелами, перьями цапли оперенными, истребляли. Тогда царственный сын Дхармы и оба отпрыска Панду, сыны Мадри, на войско Дроны на глазах у всех полков обрушились. Великая битва там произошла, гремящая, волосы вздымающая дыбом, как некогда ужаснейшая битва между богами и демонами. А вершавших великий подвиг Бхимасену и Гхатоткачу, напад на обоих, потеснил тогда Дурьодхана. Там узрели мы необычайную отвагу сына Хидимбы, коею в бою он превзошел отца, сражаясь, о Бхарата! Бхимасена же, сын Панду, разъяренный, пронзил неистового Дурьодхану в грудь пестрою стрелою-ланою79, как бы усмехаясь. Тогда царь Дурьодхана, тяжелым ударом потрясенный, опустился на пол колесницы и впал в беспмятство. Увидев, что он лишился сознания, его колесничий торопливо увез его с поля битвы, о царь, и тогда дрогнуло его войско. Бегущее в беспорядке воинство Кауравов преследовал тогда Бхима по пятам, жестокими стрелами его поражая. И внук Пришаты, лучший из воителей, и сын Дхармы, отпрыск Панду, на глазах у Дроны и на глазах у сына Ганги поражали войско отточенными, жестокими, чужие рати громящими [стрелами]. И то бегущее с поля боя войско твоего сына не могли остановить Бхишма с Дроною, великие воители. Как ни пытались остановить его Бхишма и Дрона, о владыка народов, продолжал разбегаться то войско у Бхишмы и Дроны на глазах. И меж тем как тысячи колесниц мчались прочь отовсюду, сын Субхадры и мощный бык рода Шини, стоя оба на одной колеснице, довершали на поле боя разгром войска сына Субалы. И блистали тогда оба — внук Шини и мощный бык рода Куру, — как вступившие в ночь новолуния Сомы и Сурья80 на небосводе. Арджуна же тогда, гневный, окропил свое войско, о владыка народов, тьмою стрел, словно ливнями туча. И бежало то войско Кауравов, истребляемое в битве стрелами Пархти, обуюнное отчаянием и страхом. Видя их бегущими, Бхишма с Дроной, великие воители, остановить их пытались, яростные, о благе Дурьодханы радея. Тогда и царь Дурьодхана, придя в себя, о владыка народов, стал останавливать то войско, разбегающееся в разные стороны. И где бы кто-нибудь из кшатриев ни увидел сына твоего, о Бхарата, там сразу останавливались они, великие воители. Тогда, видя, что остановились они, и другие мужи тоже, иные — друг перед другом рвение являя, еще другие — устыдившись, твердо, о царь, на месте стали. И воодушевление их, воспрямивших вновь, о владыка народов, подобно было вздыманию моря при восходе луны. Тогда, видя, что они возвращаются, слово молвил царь Суйодхана, подойду поспешно к Бхишме, сыну Шантану: «О дед, внемли тому, что скажу я, о Бхарата! Невероятным мнится мне, чтобы в то время, как жив и ты, потомок Куру, и Дрона, лучший из знатоков оружия, вместе с сыном своим и с друзьями, и Крипа, великий лучник, тоже, — бежало это воинство! Никак не равны тебе Пандавы силою, о царь, ни Дроне в бою также, ни сын Дроны и ни Крипе. Поистине милость являешь ты сынам Панду, о дед, если терпишь, о герой, истребление этой рати. Следовало тебе сказать мне еще прежде сражения, о царь, что не будешь ты биться ни с Пандавами в бою, ни с внуком Пришаты и с Сатьяки тоже. Если бы такую речь я от тебя услышал и от наставника и от Крипы, тогда, конечно, поразмыслил бы я [еще] вместе с Карной, что нам делать. А коль не собираетесь вы оба81 покинуть меня здесь, на поле боя, да сразитесь вы, о мужики, с подобающей вам мощью!» Выслушав эту речь, Бхишма, снова и снова разражаясь смехом, молвил моему сыну, в гнев сверкая очами: «Ведь много раз говорил я, о царь, истинно и во благо [тебе]: непобедимы Пандавы в бою даже и для богов с Предводителем Васу вместе! А что могу я, старый, совершить сегодня, о лучший из царей, то совершу по мере сил. Зри ныне с родичами своими! Сегодня всем сынам Панду вопреки я отражу их вместе с войсками их и союзниками на глазах у всего мира». И когда сказал так Бхишма, сыны твои, о владыка людей, затрубили в раковины, ликуя, и подчиненные громко забили в барабаны. И Пандавы тоже тогда, о царь, тот громовый грохот слыша, затрубили в раковины, и загремели их барабаны и литавры.

Глава 55

Дхритараштра сказал:

А когда в той ужаснейшей битве обещал это Бхишма, злополучным сыном моим разгневанный необычайно, что сотворил там Бхишма со сторонниками Пандавов, о Санджая, или что панчалы — с дедом, о том Расскажи мне, о Санджая!

Санджая сказал:

Когда к полудню приблизилось время в тот день, о Бхарата, и торжествовали уже победу великие духом Пандавы, отец твой Деваврата, закона во всех подробностях его знаток, ринулся на быстрых конях на рать Пандавов, великим войском и сынами твоими со всех сторон прикрытый. И началась тогда битва, гремящая, вздымающая волосы дыбом, наших с Пандавами — по твоей вине, о Бхарата! От гудения луков, от ударов по тетиве, там великий шум поднялся, словно раскалывались горы. «Стой! — Стою! — Вот он! — Отступай! — Не уступай! — Стою! — Рази!» — слышались крики отовсюду. И грохот от падения золотых панцирей, шлемов и стягов стоял, словно от [ударов] камней о скалы. В9 множеством катились по земле увенчанные головы, сотнями и тысячами падавшие. А некоторые лучшие из мужей, обезглавленные, еще стояли, воздев луки, с оружием в руках. Струилась стремительно река из крови меж тел слонов, как меж утесов, страшная, окровавленными трупами запруженная; из тел отборных коней, людей и слонов истекая, она направлялась тогда к океану иного мира, радующая стервятников и шакалов. Не видано было и не слыхано о подобной битве, о повелитель, как та, что [происходила] между сынами твоими и Пандавами, о Бхарата! Не было пути для колесниц из-за тел павших в битве бойцов, и павшими слонами покрыто было [поле], словно темными горными утесами. И, усаянное разноцветными доспехами, стягами и зонтами, о достойный, блистало то поле брани, как осенний небосвод. Некоторые [воины], пораженные стрелами, смертную мучу терпя, бесстрашно с оружием бросались в схватку на врагов. Другие, восклицая: «Отец! — Брат! — Друге! — Родич! — Товарищ! — Дядя мой! — Не покидай меня!» — падали на поле битвы. «Поспеш! — Подойди! — Не беги! — Чего ты боишься? — Куда ты сбжишь? — Выстою в бою! — Не бойся!» — восклицали еще другие. Там Бхишма, сын Шантану, лук непрестанно вращая, стрелы посылал со сверкающими остриями, ядовитым змеям подобные. Стрелами все направления сливая воедино, твердый в обетах, сражал он воителей Пандавов, в кого бы ни целился, о Бхарата. Припльсывая на дне колесницы, являл он проворство рук своих. Здесь и там, о царь, огненным колесом предстал он взорам, и из-за проворства этого казался Пандавам и сринджаям в бою один [этот] герой за не одну сотню или тысячу. Мнилось, что словно волшебством воссоздает там себя Бхишма, — [едва] его на востоке узрев, уже на западе зрели его люди, заведя на севере, [тут же] опять на юге, о владыка, — так в битве являлся взорам герой, сын Ганги. И никто из людей Пандавов не мог взглянуть на него, зрели они только многие стрелы, слетавшие с лука Бхишмы. К нему, вершащему подвиг в сражении и сокрушающему рати, к отцу твоему, шествующему в нечеловеческом облике, [обратившись], возопили там, на поле боя, герои многократно и многообразно. Слово мотыльки, падали цари, влекомые судьбою, тысячами на погибель в огонь гневного Бхишмы. И ни единая стрела Бхишмы в бою не пропадала даром, каждая из множества вонзалась без промаха в тела людей, слонов и коней. Одной стрелою оперенной, искусно пущенной, он пробивал доспехи, одетые на слона, словно оружием грома великую гору, и крепкой и очень острой стрелою сражал отец твой сразу двоих или троих воинов на слонах, хотя и искусных, и в латы одетых. И кто бы ни приблизился в битве к Бхишме, мужу-тигру, — через мгновение я уже видел того повергнутым на землю. Так великая та рать Царя справедливости разгромлена была несравненной мощью Бхишмы и бежала тысящею путей. Окропленное ливнем стрел, рассеялось великое войско на глазах у Васудевы и у великого духом Пархти. И как ни старались те герои, они не могли остановить бегущих великих воителей, стрелами Бхишмы уязвляемые. Истребляемая тем, что равен был могуществом великому Индре, рассыпалась рать, о великий царь, и не было и двоих, что бежали бы вместе. С израненными людьми, слонами и конями, со сломанными стягами и дышлами колесниц, обеспамятевшее, разразилось воплями отчаяния воинство сынов Панду. Разил там отец сына, а сын отца, друг бросал вызов милому другу, силою судьбы побуждаем. Иных воинов сына Панду можно было видеть бегущими, бросив доспехи, с развевающими-ся волосами, о Бхарата. И словно разбежавшееся коровье стадо выглядело то войско сына Панду, чьи разбегались тогда с жалобными криками предводители колесничных отрядов.

Видя, что терпит поражение то войско, любимец Деваки сказал сыну Притхи Бибхатсу, остановив лучшую из колесниц: «Настал тот час, о Партха, которого ты ждал. Порази его, о муж-тигр, если не лишит тебя рассудка безумие! Вот что было изречено тобою, о герой, некогда в собрании царей: "Сынов Дхритараштры, воинов, предводимых Бхишмой и Дроной, с союзниками их вместе всех я убью, кто будет сражаться со мною в этой битве!" Сделай же так, о сын Кунти, чтобы правдивы были эти слова твои, о укротитель врагов! Смотри, о Бибхатсу, войско твое со всех сторон крушится, и бегут все властители земли, что из воинства Юдхиштхиры! Только завидев на поле боя Бхишму, Смерти с разверстою пастью подобного, страхом терзаемые, пропадают они, как малые звери при виде льва». На эти слова отвечал Васудеве Завоеватель богатств: «Туда, где Бхишма, гони коней через это море полков!» Тогда светлых, как серебро, коней погнал Мадхава туда, где колесница Бхишмы, о царь, ослепляла взоры, словно лучезарное солнце. Тогда опять повернуло великое войско Юдхиштхиры, видя, что восстал на Бхишму мощнорукий Партха в великой битве. Тогда Бхишма, лучший из куру, львиный рык многожды издавая, осыпал немедля колесницу Завоевателя богатств. Во мгновение ока та колесница его с конями и возницей за густым ливнем стрел сокрылась от взоров. Но не смутился Васудева отважный и, сохраняя самообладание, повел коней, стрелами Бхишмы поражаемых. Партха, схватив свой божественный лук, гром туч издающий, выбил из рук у Бхишмы лук, тремя стрелами его словив. Бросив сломанный лук, боец тот стана Кауравов, отец твой, другой великий лук в единый миг опять изготовил к бою. Затем он натянул обеими руками тот лук, гром туч издающий, но и тот лук сломал разгневанный Арджуна. И восхвалял искусство его сын Шантану: «Хорошо, о Партха мощнорукий, хорошо, о ты, радость Панду! Достойн тебя поистине этот великий подвиг, о Завоеватель богатств! Весьма доволен я твоею, сыне, сразись со мною!» Так, хвалу сыну Притхи воздав, герой взял другой великий лук и стал в бою пускать стрелы в колесницу Партхи. Высшее могущество явил в управлении конями Васудева, искусно описываясь от круги, стрел его избегая. Но престожего поразил тогда Бхишма Васудеву и с ним Завоевателя богатств острыми стрелами во все части тела, о достойный. И красовались оба мужа-тигра те, израненные стрелами Бхишмы, словно два мощных быка, ревущие, следами рогов отмеченные. И вновь Бхишма в великом гневе со всех сторон в бою покрыл крепко слаженными стрелами того и другого Кришну⁸², разъяренный. И острыми стрелами, негодующий, он привел в смятение Вришнйца, все усмекаясь и разражаясь громким смехом. А Кришна тогда, мощнорукий, видя натиск Бхишмы в бою и замечая не-решительность Партхи в битве и как непрестанно извергает в битве Бхишма ливни стрел, пылающий, как солнце, меж двух воинств явившись, как истребляет Бхишма снова и снова лучших воинов сына Панду, словно светопреставление творя среди рати Юдхиштхиры, тогда, негодуя, помыслил господь Кешава, истребитель превосходнейших витязей, духом непомерный: «Нет уже войска Юдхиштхиры. Ведь в битве Бхишма и богов, и демонов за один день истребить может, что ж говорить о сынах Панду вместе и с войском их, и с подвластными им в сражении! И бежит великое войско сына Панду, великого духом, а эти Кауравы тотчас, видя, что сломлены Сомаки, ринулись в бой, ликующие, радуя деда. Так я убью сегодня, в доспехи одетый, Бхишму — дела Пандавов ради. От этого бремени я избавлю Пандавов, великих духом. Арджуна же, хотя и разит в битве острыми стрелами, не знает, что делать ему в бою, из-за почтения к Бхишме». Меж тем как он так размышлял, снова дед стал посылать, разъяренный, стрелы в колесницу Партхи. И в таком множестве летели те стрелы, что затмили все страны света, не стало видно ни неба, ни окрестностей, ни земли, ни лучезарного солнца. Задудли буйные ветры, исполненные дыма, заколыхались все страны света. И Дрона, Викарна и Джаядратха, Бхуришравас, Критаварман и Крипа, и царь Шрутаюс, повелитель Амбаштхи, Винда с Анувиндою и Судакшина, жители Запада и все отряды саувилов, васатйцы и кшудраки с малавами стремительно напали на Увенчанного, повинувшись велению царя, сына Шантану. Внук Шини узрел Увенчанного охваченным сетью стремящихся многими сотнями тысяч конников, пехотинцев и колесниц и предводителями слоновых полков. Видя же, что со всех сторон на Арджуну и Васудеву, избравших из носящих оружие, напали пехотинцы, слоны, конники и колесницы, поспешил тогда к ним немедля серой рода Шини. Налетев на те полки, герой рода Шини, великий стрелок из лука, пришел на помощь Арджуне, как Вишну — Губителю Вритры⁸³. Видя, что бежит рать Юдхиштхиры и рассеялись ее многочисленные слоны, конники, колесницы и знамена, а все воины трепещут перед Бхишмой, обратился к ней герой рода Шини: «Куда бежите вы, кшатрии? Не в этом долг праведных, заповеданный древними! Не забывайте обета своего, о мужи, исполните свой воинский долг!» Предводителя Васу младший брат⁸⁴, узрев, что бегут повсюду главные из вождей, и замечая, как сдерживает себя Партха в бою и как неистовствует в сражении Бхишма, сказал тогда прославленному внуку Шини, повелитель всех потомков Дашархы, хвалу воздавая, видя, что наступают отовсюду куру: «Пусть отступают те, кто отступает, о герой рода Шини, и те, кто держится, о Сатвата, пусть уходят тоже! Смотри — повергну я сегодня Бхишму с колесницы и Дрону в бою вместе с соратниками его. Ни один воитель из Кауравов, о Сатвата, не избежит [моего] гнева сегодня в битве! Потому я возьму свой грозный диск и лишь жизни великого духом. Сразив в бою Бхишму с его соратниками, о внук Шини, и Дрону, героя среди колесничных бойцов, я совершу угодное Завоевателю богатств и царю Бхима, а также обоим Ашвинам⁸⁵. Всех сынов Дхритараштры сразив и тех верховных властителей, что на их стороне, с радостью доверю я сегодня царство царю Аджаташатру!» Затем, в руке подъяв свой диск, подобный сияньем солнцу, ваджре мощью равный, с прочными ступицами и секущими краями, сын Васудевы, [поводья] коней бросив, соскочил с колесницы и, поступью своей сотрясая землю, великий духом, стремительно ринулся Кришна на Бхишму, как лев, задетый в гордости своей, на течкой ослепленного слоновьего вожака, сокрушить его жаждущий в единоборстве. Гневный, налетел неистово на Бхишму посреди полков младший брат великого Индры, с развешивающимися краями желтого своего одеяния подобный чреватой молнией туче, явившейся в небе. И блистал Сударшана, диск-лотос со стеблем мощным — рукою внука Шуры, как блещет в сиянье утреннего солнца Первозданный Лотос, из пупа Нараяны вырастающий⁸⁶. Гнев Кришны был восходящим солнцем, тот лотос раскрывшим, тело — озером широким, в коем рос он, острые, как лезвия ножей, края — прекрасными его лепестками, и, как на стебле, у Нараяны в руке сиял он. Младшего брата великого Индры узрев, диском вооруженного, гневного, громогласно восклицающего, возопили громко все существа, гибель куру предвидя. И Васудева, диском вооруженный, словно [весь] мир живых истребить готовый, пылал, нападая, людей учителя, как Огнь Времени, испепелить существа предназначенный. Видя, как, диском вооруженный, наступает он, божественный, из двуногих избравнейший, Бхишма, стоящий неколебимо на колеснице с луком и стрелами в руках, ему сказал: «Приди, приди, о владыка богов, чья обитель — вселенная! Слава тебе, о ты, несущий лук Шарнга⁸⁷ и диск в руках! Одолев, повергни меня в бою, о владыка миров, с лучшей из колесниц, о покровитель существ! И здесь, и в ином мире благо будет мне, убитому сегодня здесь тобою, о Кришна. Удостоен я почта!» «> о вожде андахов и вришнйцев, в трех мирах, о герой, нападением твоим!» Тогда, соскочив с колесницы, сам Партха проворный устремился вслед за первым из героев рода Ялу и обеими руками, протяженными и мощными, обхватил мощнейших и долгих рук обладателя — Хари. Но, хотя и йогин, гневен был весьма бог изначальный. Схваченный, продолжал стремиться Вишну, увлекая Джишну, словно бурный ветер, одинокое дерево уносящий. Парт ха, однако, упираясь с силой ногами, его, быстро к Бхишме бегущего, остановил все же силою, венценосный, еле-еле, о царь, на десятом шаге. Когда же Кришна остановился, увенчанный блистающей золотой гирляндой Арджуна, воздававший, склонился перед ним и сказал: «Сдержи свой гнев! Ты, о Кешава, — надежда Пандавов! Не оставлю я дела, что обещал исполнить. Сыновьями клянусь, о Кешава, и братьями единоутробными: с тобою в союзе я покончу с куру, о младший брат Индры!» Тогда, услышав обещание его и обязательство, душой удовлетворенный Джанардана, к лучшему из Кауравов приятель сохраняя⁸⁸, с диском своим вновь на колесницу взошел. Вновь подобрав поводья, он раковину взял, ненавистников истребитель, и ревом Панчаджаньи огласил затем страны света внук Шуры. Увидев его, с качающимися [при движении] ожерельем, браслетами и серьгами, с запорошенными пылью, прищуренными глазами, белозубого, с раковиной в руке, вопль издали главные герои куру. И тогда звуки литавр, цимбал и тамбуринов, стук колесничных осей и грохот барабанов со львиным рыком [воинов] слились ужасающе во всех полках куру. Громоподобный звон Гандивы, [лука] Партхи, разнесся по сторонам и по поднебесью, и понеслись во все стороны куру сверкающие стрелы, пущенные с лука сына Панду. На него устремился, стрелу в руке подъяв, повелитель Кауравов с войском и с Бхишмой и Бхуришравасом вместе, подобно истребляющему сухостой пожару. Вот в Арджуну послал Бхуришравас семь стрел бхалла с позлащенным опереньем, Дурьодхана — со страшной быстротой летящее копье, Шалья — палицу, а сын Шантану — дротик. Семь пущенных Бхуришравасом превосходных стрел семья же отразил, острым лезвием тот рассек копье, рукою Дурьодханы брошенное; затем падающий на него, молнией сверкая, великолепный дротик, что метнул в него сын Шантану, и палицу, брошенную рукой повелителя мадров, двумя стрелами переломил герой. Потом, обеими руками с силою натянув прекрасный лук Гандиву, что неизмерим, чудесное явил он в поднебесье, предписаньям следуя⁸⁹, преужасное оружие, [дарованное] великим Индрой. Тем высочайшим оружием, густыми роями стрел, огнем сверкающих ярко, он, великий духом, всем ратям, увенчанный гирляндой великий лучник, преградил тогда путь. И змееподобные стрелы, пущенные с лука Партхи, многие поломали колесницы, верхушки стягов и луки, и они вонзались в тела вражеских царей, царственных слонов и коней. Тогда, во всех направлениях пространство заполнив своими меткими и острыми стрелами, Партха, гирляндой увенчанный, в трепет ввергал сердца их. И в том происходящем наужаснейшем [сражении] гром Гандивы перекрывал звуки раковин, бой барабанов и грозные боевые клики. И, заслышав тот звон Гандивы, мужи во главе с царем Виратой и мужественный царь панчалов Друпادا пришли в тот край, неунявающие духом. А все твои войска, где бы ни раздавался гром Гандивы, там и смирялись, и никто не восстал против него. В той ужаснейшей сече царей гибли вожди-воители с колесницами и возничими, и слоны, ударами больших стрел израненные, с высокими стягами и блестящей золотой сбруей, валились сразу в разбитых Увенчанном латах на теле, жизни лишаясь, тяжело пораженные стрелами бхалла, отточенными, с острыми наконечниками, п у щ е н н ы м и и Партхою со страшной быстротою. Падали на землю высокие знамена во главе полков — с рассеченными ремнями и разбитыми подпорами⁹⁰, — и отряды пехотинцев, и колесничные бойцы, и кони, и слоны, с оцепеневшими чле-

нами, с жизнью расставаясь, пораженные на месте в бою стрелами Завоевателя богатств, и латы на их телах разбиты были в той великой битве, о царь, превосходным оружием от Индры. Тогда тучами острых стрел своих там, на поле сражения, пустил Увенчанный течь из ран на телах мужей реку ужасную крови. Стремительно струилась она, необычайно широкая, страшная и зловещая видом, с берегами из тел мертвых слонов и коней, с илом из человеческого мяса, внутренностями и мозгом насыщенным, привлекающая во множестве духов и сонмы ракшасов, усталанная черепами с травой из волос, тысячами груды трупов несущая, волны разбитых доспехов различных вздымающаяся, с галькой из раздробленных костей людей, лошадей и слонов, гибель и ад воплощающая, навещающая ужас. И зрели ее, по берегам усеянную повсюду вереницами цапель, стервятниками и журавлями, стаями плотоядных тварей и гиенами, жуткую, видом великой Вайтарани подобную. Порожденная тучами стрел Арджуны, текла она мозгом и слезью, прегрозная; и чедийцы, панчалы, каруши и матсы и сыновья Прийти все вместе клещ издали. И, в трепет приводя войско полководцев, как лев — стада и стаи животных, клещ испустили, великой радости исполненные, носитель лука Гандива и Джанардана. Тогда, видя, что убирает солнце сеть своих лучей, и то оружие Индры, в выси распростертое, прозревая, ужаснейшее, неодолимое, как будто светопредставлением грозящее, куру с Бхишмоу, Дроной, Дурьодханой и Бахликой, тяжко пораженные оружием [врага], отступили, когда явились им [на небе] возвещающие о приближении ночи алые просветы зари. Завоеватель богатств же, врагов победив и славу и почет обрета в мире, тоже, дело завершив, с царями и братьями к ночи в свой стан вернулся. Тогда, с наступлением ночи, громкий и ужасающий шум возник среди куру. В битве десять тысяч колесничных воинов были сражены и семь сотен слонов убито было Арджуной; пали все воины Запада и полчища саувилов и кшудраки с малавами. Великий подвиг совершил Завоеватель богатств, какой никому другому совершить было бы не под силу. Царь Шрутаюс, повелитель Амбашти, также и Дурмаршана с Читрасеной, Дрона, Крипа и царь Синдху с Бахликой, Бхуришравас и Шалья с Шалой побежденные вместе с Бхишмой собственною мощью рук Увенчанного, величайшего воителя в мире, о царь! О том толкуя, разошлись по станам своим все сонмы сторонников твоих, о Бхарата. Увенчанным уstraшенные, расположились на отдых при свете тысяч факелов и ярких светильников воины знаменосной рати куру.

Глава 56

Санджая сказал:

По миновании ночи во главе ратей потомков Бхараты выступил против соперников гневом возгоревшийся, о Бхарата, великий духом Бхишма, всю тою силой окруженный. Дрона, Дурьодхана, Бахлика, также Дурмаршана с Читрасеной, могущественный Джаядратха и другие царя с многочисленными отрядами со всех сторон следовали за ним. Теми великими окруженный и [другими] великими колесничными воинами, отважными и мужественными, о царь, царил он, лучший из царей, среди главенствующих царей, словно среди богов Держатель ваджры. Там, во главе полков, на спинах великих слонов воздвигнутые, блистали, колыхаясь, высокие знамена разноцветные — красные, коричневые, черные, желтые. И выглядело то войско с царем, сыном Шантану, [во главе], с великими колесницами, слонами и конями словно покрывшееся тучами с приближением дождей, молниями и громами чреватое небо. Тогда устремилось в направлении к полю брани, на Арджуну, словно И яростный речной поток, великогрозное воинство куру, сыном Шантану оберегаемое. Тот строй с полчищами слонов, конников, пехотинцев и колесниц на краях, в сердцевине таящий всякого рода опасности⁹¹, великой туче подобный, издавелека завидел великий духом, царственную обезьяну на знамени носящий. И выехал он во главе рати на колеснице со знаменем, белыми конями [запряженной], защищенной, герой, муж-бык, великий духом, к избению врагов готовый. При виде ее, хорошо снаряженной, с превосходным дышлом, с обезьяной на знамени, быком Рода Яду ведомой в битве, пали духом вместе с сыновьями твоими сторонники рода Куру. И узрели твои воины тот царственный строй, по тысяче ярых слонов с четырех сторон, оберегаемый Увенчанным, поднявшим оружие, [лук] напрягающим, величайшим в мире колесничным бойцом. Как в том строю, что днем раньше установил Царь справедливости, радость потомков Куру, так и здесь, указанием следуя, расположились вожди чедийцев вместе с вождями панчалов. Тогда неистово забили тысячи барабанов на поле битвы, затрубили раковины и литавры зазвучали во всех полках под ливниные кличи. Затем зазвенели громко луки, кои натягивали со стрелами герои, и тотчас мощный рев труб покрыл звуки литавр и бубнов. И когда в поднебесье, трубным звуком оглашенном, с земли взметнувшаяся, разлетевшаяся и на огромном пространстве нависшая туча пыли взором героев явилась, они рухнули в бой. Колесничный боец под ударами колесничного рухнул с возницею и с конями, с колесницей, со стягом, слон рухнул под ударами слона, и пехотинец — под ударами пехотинца. Отборные конные отряды, стремящиеся [в бой], стрелами поражаемые, являли чудное зрелище под ударами устремляющихся на них отборных конных отрядов, дротиков их и мечей. И россыпями золотых звезд украшенные щиты, для отражения стрел героями подставляемые, летели наземь под ударами топоров и дровоток и мечей. И под ударами слоновых бивней, мощными хоботами поверженные, падали некоторые из колесничных воинов с возницами вместе, и слоны, быкам подобные, стрелами колесничного-быка сраженные, валились на землю. И, слыша вопли конных и пеших молодцов, напором полчищ слонов опрокинутых и смятенных, бивнями и всею тушею сокрушенных, падали наземь люди. И среди того великого смятения всадников и пеших молодцов, метаниями слонов, коней и колесниц порожденного, узрел Бхишма того, на чьем стяге обезьяна, в окружении великих воителей. На пальмовом знамени пять пальм носящий, сын Шантану, чья доблесть в наступлении быстротою добрых коней подкреплялась, обрушился на Увенчанного, стрелами-молниями с мощного лука путь свой освещавшего. И на сына Индры⁹², что с ПТАкроу самим способен был сравниться, устремились с Дроной во главе, о царь, и Крипа, и Вивиншати, Дурьодхана и сын Сомадатты⁹³. Тогда, вырвавшись из первых рядов колесниц, стремглав помчался там на них на всех герой, во всяком оружии искушенный, сын Арджуны Абхиманью. Тяжкие удары великих тех воителей отразив, сиял сын Кришны, в деяниях неодолимый, словно сам властелин Агни на жертвоприношении, увенчанный огнями от возлияний, великими мантрами [освященных]. Меж тем Бхишма, тотчас в бойне реку, пенящуюся кровью врагов, течь пустил и, сына Субхадры минуя, на великого воителя Партуху двинулся, духом не слабея. Тогда, рассмеявшись, великую тучу оружия тучею стрел [своих], что со звоном и громом великим с Гандивы [летели], чудное зрелище явив, рассеял Увенчанный. И Бхишму, лучшего из носителей лука, он, в деяниях неодолимый, у кого на знамени — царственная обезьяна, осыпал многими роями блистающих стрел бхалла. И люди, куру и сринджаи, взирали на то удивительное, грозным громом луков оглашаемое единоборство на колесницах, что вели с ликованьем те лучшие из добрых мужей, Бхишма и Завоеватель богатств.

Глава 57

Санджая сказал:

Сын Дроны, Бхуришравас, Шалья и Читрасена, о достойный, а также сын Самьямани⁹⁴ сражались с сыном Субхадры. И люди видели, как противостоял он один пятерым отважнейшим мужам-тиграм, словно левенок слонам. И ни один из них не был равен сыну Кришны ни в меткости ударов, ни в храбрости, ни в дерзновении, ни также в проворстве в обращении с оружием. Видя, что идет в наступление на поле боя сын его, врагов укротитель, ливинный рык испустил готовый к битве Партах. И, видя, как внук твой⁹⁵ то войско подавляет, о владыка народов, со всех сторон окружили его, о повелитель царей, твои [воины]. На рать сынов Дхритараштры он, печальный врагов, напал бесечно, сын Субхадры, на удаль и силу [свою полагаясь]. И являлся взором на поле брани лук великий его, быющего с врагами, блеском солнцу подобный, и проворно он управлял им. Он пронзил сына Дроны одной стрелой, а Шалью — пятью и восемью срубил знамя Самьямани, и острой стрелою он рассек великое копы с золотым древком, змееподобное, пущенное в него сыном Сомадатты. Отразив посылаемые сотнями ужасные стрелы Шальи, сыл Арджуны сразил в бою его коней. И Бхуришравас, и Шалья, сын Дроны, Самьямани Шала в смятении [уже] не наступали на сына Кришны, испытавшие мощь его рук. Тогда, о повелитель царей, тригарты и мадры с кекаями — числом три-дцать пять тысяч — по велению твоего сына, в науке стрельбы из лука искушенные отборные воины, неодолимые в бою для врагов, окружили обуйного жадной убийства Увенчанного с сыном. И царевич панчалов, полководец, победитель недругов, увидел там, о царь, что осадили обоих воителей-быков, отца и сына. Сопровождаемый многотысячными полчищами слонов и колесниц и сотнями тысяч конников и пехотинцев сопровождаемый, разгневанный, лук напрягая и рать [свою] воодушевляя, двинулся врагов истребитель на войско мадров и на кеаев. И та рать, ведомая славным и уверенным стрелком из лука, с ее колесницами, слонами и конями блистала, готовая к бою. Царевич панчалов, о радость куру, наступающего на Арджуну сына Шарадвана тремя стрелами поразил в грудь у ключицы. Потом десятью и еще десятью стрелами сразил он мадров и, ликующий, стрелою бхалла убил одного коня⁹⁶ у Критавармана, а стрелою с широким лезвием на конце убил истребитель врагов Даману, наследника Пауравы, великого духом. Тогда внук Самьямани пронзил свирепого в бою царевича панчалов тридцатью стрелами и десятью — его колесничного. А тот великий лучник, [столь] сильно уязвленный, облизывая уголки губ, необычайно острою стрелою бхалла рассек лук его, и тут же поразил его двадцатью пятью, о царь, и убил его коней и обоих боковых колесничных. И на колеснице, коней лишенной, стоя, взирает, о бык среди бхаратов, внук Самьямани на сына великого духом царя панчалов. Схватив [затем] железный меч, превосходный, великий страх наводящий, поспешил он, пеший, к стоящему на колеснице сыну Друпеды. Его, словно низвергающийся поток, словно змия, налетающего с поднебесья, словно Смерть, подступившую в срок, с мечом, вырванным из ножен, блеском оружия словно пламенеющего, нападающего, как ярый слон, узрели там Пандавы и Дхриштадымна, внук Пришаты. И ему, стремящемуся навстречу с острым мечом в руке и щитом прикрывающемуся, когда, миновав расстояние полета стрелы, приблизился он к колеснице, палицею разбил немедля голову полководец, сын царя панчалов, гневный. И, блистающий меч и щит от стрел выронив из рук, пал он стремглав, убитый, на землю. И, ударом палицы его убив, обрел высокую славу сын царя панчалов, великий духом, грозный мощью своей. Когда же пал великий лучник, царевич, великий колесничный боец, громкие возгласы горести раздались среди войска твоего, о

достойный. Тогда сын Самьяманы, видя, что сын его убит, стремительно бросился на царевича панчалов, в битве свирепого. И все цари, куру и пандавы, зрели, как сошлись в бою те оба героя, избранные из колесничных воинов. Тогда гневный сын Самьяманы, сокрушитель вражеских героев, поразил внука Пришаты тремя стрелами, словно стрелами великого слона. И Шалья, блистающий в сражении, поразил, гневный, храброго внука Пришаты в грудь. И завязался бой.

Глава 58

Дхритараштра сказал:

Я думаю, сильнее мужества судьба, о Санджая, раз войско сына моего войском панду истребляется. Ведь все время, сын мой, ты рассказываешь о моих, что убивают их, о Пандавах же рассказываешь все время, что невинимы они и ликуют. О лишившихся мужества нынче рассказываешь ты о моих, о Санджая, сраженных и сражаемых, а также убитых. Меж тем как, стремящийся к победе, бьются они, сколько сил хватает, побеждают Пандавы, мои же терпят поражение. Постоянно слышу я [от тебя], сын мой, о многих тяжких и невыносимых бедствиях, Дурьодханою навлеченных. И не вижу я средства, коим побеждены могут быть Пандавы или коим одержать победу могли бы в битве мон, о Санджая!

Санджая сказал:

О сокрушении тел человеческих, о сокрушении слонов, коней и колесниц слушай, о царь, и стоек будь — твоя в том великая вина! Дхриштадьумна же, девятью стрелами Шалью уязвленный, повелителя мадров, разгневанный, [сам] уязвил железными. И необычайную мощь внука Пришаты узрели мы там, когда отразил он без промедления Шалью, в сражении блистающего. И никто не видел ни на мгновение разницы меж ними, яростными, в битве; равным был тот бой между ними. Шалья тогда, о великий царь, рассек лук Дхриштадьумны в той схватке стрелою бхалла, острою и закаленной. И он обрушил на него ливень стрел, о Бхарата, как с приходом дождей изливает их чреватая водою туча на гору. И меж тем как был так уязвлен Дхриштадьумна, Абхиманью, разъяренный, устремился быстро к колеснице царя мадров. Тогда, колесницы повелителя мадров достигнув, сын Кришны, разгневанный чрезвычайно, пронзил Артаяни тремя стрелами, духом неизмеримый. Но тогда твои, о царь, жаждущие добраться до сына Арджуны в бою, поспешили расположиться вокруг царя мадров колесницы. Дурьодхана и Викарна, Духшасана с Вивиншати, Дурмаршана, Духсаха и Читрасена, Дурмухха и Сатьяврата, благо тебе, и Пурумита, о Бхарата, стали на поле брани, защищая колесницу повелителя мадров. Бхимасена, разъяренный, и Дхриштадьумна, внук Пришаты, сыновья Драупади, Абхиманью и оба сына Мадри, Пандавы, пуская в ход оружие всякого рода, ринулись на них, о владыка народов, ликующие, и, жаждою взаимного истребления обуянные, встретились они в той битве, о царь, к которой привела неразумность твоя. И колесничные бойцы с твоей и с другой стороны стали свидетелями того завязавшегося боя десятерых воителей [против десятерых], ужас наводящего. Многообразные [виды] оружия в ход пуская, бились друг с другом великие воители, рык издавая один другому навстречу. Напрягая силы, яростью воспылавшие, все — жаждущие убийства друг друга, великими оружиями нанося удары, сражались они, непримиримые. Дурьодхана, разгневанный, с поспешностью необычайной пронзил в той великой битве Дхриштадьумну четырью острыми стрелами, Дурмаршана же двадцатью, а Читрасена пятью, Дурмухха девятью стрелами, Духсаха же семью, Вивиншати пятью и еще тремя Духшасана. Внук Пришаты, врагов каратель, в ответ пронзил каждого из них, о владыка царей, двадцатью пятью, проворство рук являя. А Сатьяврату и Пурумиту, о Бхарата, пронзил Абхиманью обоим, десятью стрелами каждого, в бою. Оба же сына Мадри дядю по матери, матери своей любимцы, тучами стрел в бою окутали, и чудно то было. Тогда Шалья, о великий царь, сыновей сестры, избранных из колесничных бойцов, на деяние деянием ответить стремящихся, многими стрелами поразил, но, окутанные [ими], не дрогнули тогда оба сына Мадри. Меж тем, завидев Дурьодхану, рвущегося в бой, великомощный Бхимасена, сын Панду, желая дело завершить, схватил свою палицу. И мощнорукого Бхимасену с подъятой палицей узрев, вознесшей [свою] вершину Кайласе подобного, бежали в страхе твои сыновья. Дурьодхана, однако, разгневанный, призвал магадхское войско в десять тысяч быстроходных слонов и, послав впереди себя Магадхийца, двинулся на Бхимасену. Видя то наступающее войско слонов, Волчебрюхий, взревев, как лев, сошел с колесницы с палицей в руке. Схватив ту великую палицу, тяжелую, скальной твердости, он бросился на слоновье войско, словно разверзшая пасть свою. Смерть. И, палицей слонов круша, двигался по полю брани Бхимасена сильный, мощнорукий, словно с ваджрою Предводитель Васу. А слоны, сойдясь [с ним], метались [уже] при звуке могучего рыка Бхимы, приводящего в содрогание души и сердца. Затем и сыновья Драупади, и сын Субхадры, великий воитель, Накула и Сахадева и Дхриштадьумна, внук Пришаты, охраняющие Бхиму с тыла, обрушились на слонов, как на горы грозовые тучи. Закаленными стрелами кшпура, кшпурапра, бхалла и анджалика⁹⁷ сносили Пандавы головы воинам, сражающимся на слонах. И, словно дождь из камней, падали во множестве слетающие головы с украшениями и руки со стрелами; обезглавленные же воины на спинах слонов выглядели, как деревья со срезанными верхушками на вершинах гор. И Дхриштадьумной убитых огромных слонов зрели мы, поверженных и повергаемых великим духом внуком Пришаты. Тут повелитель Магадхи слона своего, Айравана подобного, к колеснице сына Субхадры направил в битве. Того превосходного слона Магадхийца узрев, нападающего, единой стрелою сразил его герой, сын Субхадры, вражеских героев истребитель. И царю, слона лишившемуся, стрелою бхалла с се-ребряным оперением снес голову сын Кришны, сокрушитель вражеских крепостей. И Бхимасена, сын Панду, ворвавшись в то слоновье войско, ходил по полю брани, сокрушая слонов, как Индра — горы. И зрели мы там, на поле боя, великанов, из коих каждого сразил Бхимасена одним ударом, подобных горам, сокрушенным громом. Поверженных исполинов с отбитыми бивнями, пробитыми висками, перебитыми ногами, перебитыми хребтами, разбитыми лбами, холмам подобным, и других слонов на поле битвы, ревуших, сокрушенных, с проломленными головами, также иных, пришибленных и устранных, испускающих мочу и испражняющихся, и еще бездыханных, холмам подобных, зрели мы на путях Бхимасены убитых слонов. Иные же стенающие огромные слоны, изрыгающие кровь, с разбитыми головами, содрогаясь, опускались на землю, утесам на равнине подобные. И весь измазанный слюью и кровью, с гроздыми мозгов, прилипшими к телу⁹⁸ ходил по полю брани Бхима, как Смерть с Жезлом в руке⁹⁸. И несущий ту палицу, кровью слонов окропленную, Волчебрюхий, грозный, ужас внушающий, подобен был Пинакину, лук Пинака держащему. А оставшиеся [в живых] слоны из тех, что гневный Бхимасена сокрушил, бежали стремглав, рать твою топча. Героя же того, меж тем как он сражался, прикрывали великие лучники на колесницах с сыном Субхадры во главе, как Вооруженного ваджрой бессмертные. С окровавленной палицей, [сам] кровью слонов окропленного, являлся взорам Бхимасена, как Судеб вершитель⁹⁹, духом свирепый. Палицею разящего во все стороны, о Бхарата, приплясывающего, зрели мы его, словно пляшущего Шанкару¹⁰⁰, и зрели тяжелую палицу, о великий царь, жезлу Ямы подобную, как гром Индры, гремющую, ужасную, бьющую наповал, с налипшими волосами и мозгом, вымазанную кровью, подобную луку гневного Рудры, истребляющего живые существа. Как гонит пастух бичом стадо животных, так палицею погонял Бхимасена слоновье войско. И бежали твои слоны, палицей и отовсюду [летающими] стрелами казнимые, топча свои же рати. И, рассеяв исполинов, как сильный ветер тучи, стоял среди того смятения Бхима, как на пепелище Носитель трезубца¹⁰¹.

Глава 59

С а н д ж а я сказал:

Когда уничтожено было слоновье войско, сын твой Дурьодхана ко всем войскам воззвал, чтобы убили Бхимасену. И все рати по велению твоего сына устремились тогда на Бхимасену, издающего ужасающие крики. Но тот войск поток беспредельный, даже для богов невыносимый, надвигающийся, трудноодолимый, как море в час прилива, со множеством колесниц, слонов, коней, оглашаемый трубами и барабанами, и бесконечный, непроходимый, цепенящий царей сердца, словно второй великий океан, то море полков непоколебимое остановил на поле битвы Бхимасена, как брег морской. Тогда зрели мы как истинное чудо и диво то сверхчеловеческое деяние Бхимасены на поле битвы, о царь. Всю восставшую [на него] землю с конями, с колесницами и слонами, не дрогнув, прибил своего палицею Бхимасена. Палицей те войск потоки остановив, из колесничных бойцов несравненный, стоял среди того смятения Бхима, словно неколебимая гора Меру. И в том смятении ужаснейшем, в тот час великой угрозы и братя, и сыновья, и Дхриштадьумна, внук Пришаты, сыны Драупади и Абхиманью и Шикхандин, великий воитель, не покинули могучего Бхимасену, когда возникла опасность. Тогда, схватив огромную тяжелую палицу булатную¹⁰², подобный Антаке с И жезлом в руке, разил твоих воинов неодолимый, громя отряды колесниц и конные отряды. И ходил по полю брани Бхима, как Павака на исходе юги, всех в битве сражая, как на исходе юги Времени властелин¹⁰³, сын Панду, толчком бедра опрокидывая ряды колесниц, всех слонов сокрушая, как слон — заросли тростника, валя воителей с колесниц, сражающихся на слонах со слонах, всадников с коней и пеших воинов на земле, и поле боя, [усеянное] там и здесь убитыми людьми, слонами и конями, подобно стало бойне, [владению] смерти. С луком гневного Рудры, живые существа истребляющего, сходя, жезлу Ямы подобная, грозная, как гром Индры гремевшая, являлась [там] взорам палица Бхимасены, свирепая, убийственная. И необычайно ужасен был образ великого духом сына Кунти, палицей разящего, как [образ] Времени при крушении юги. Видя, как снова и снова обращает он так в бегство великое войско, словно [сама] то Смерть наступает, все пали духом. И куда бы ни обращал взор сын Панду, палицу поднимая, там [сами] рассеивались все войска, о Бхарата. Рати громающего, даже для полководца полков непобедимого, поглощающего рати, как Бог смерти с разверстою пастью, страшные деяния творящего, великой палицей вооруженного Волчебрюхого завидев, сразу устремился к нему Бхишма на великой колеснице, гремевшей, как туча, сияющей, как солнце, ливнем стрел его покрывая, как Парджанья, дождем ведающий. Увидев его, приближающегося, словно Бог смерти с разинутой пастью, ринулся неистово на Бхишму Бхима мощнорукий.

В тот же миг Сатяки, верный слову герой рода Шини, напал на деда, из верного лука своего сражая недругов и приводя в трепет войско твоего сына. Его, несомого конями цвета серебра, с твердого лука веющего стрелами, не могли остановить в ту пору все полчища, о Бхарата, что были на твоей стороне. Острыми на концах стрелами поразил его Аламбуса, о лучший из царей, сын Ришьяширинги¹⁰⁴, но, пронзив его в ответ четырьмя, герой, внук Шини, устремился на него на колеснице. И в то время как показался он [там], лучший из Вришни, преследующий [бегущих], среди врагов продвигающийся и поражающий куру-быхов, снова и снова клещ издающий в битве, не могли остановить его, солнцу в полдень палящему подобного; там никто, о царь, не остался не павшим духом, кроме сына Сомадатты. Бхуришравас, Сомадатты сын, о Бхарата, взял свой лук грозно скорый¹⁰⁵ и, видя, как уводят прочь его колесницы, выступил против Сатяки, жаждущий боя.

Глава 60

Санджая сказал:

Тогда Бхуришравас, о царь, поразил Сатяки девятью стрелами, чрезвычайно разгневанный, как стрекалами великого слона. Сатяки же, духом неизмеримый, крепко сложенными стрелами осыпал на глазах у всех потомка Куру. Тогда царь Дурьодхана, родными братьями обороняемый, со всех сторон, в битве усердный, оборонил сына Сомадатты. Так же и Пандавы все, великомощные, в битве обороняя, расположились вокруг яростного в бою Сатяки. Бхимасена же, разгневанный, палицу подымая, о Бхарата, противостал всем сынам твоим во главе с Дурьодханой. Сын же твой Нандака могучего Бхимасену пронзил девятью острыми стрелами, на камне отточенными, перьями цапли оперенными. А Дурьодхана гневный поразил в бою могучего Бхимасену в грудь тремя отточенными стрелами. Тогда Бхима мощнорукий взмог, великомощный, на свою колесницу, лучшую из колесниц, и так Вишоке молвил: «Великие воители эти, герои, могучие сыны Дхритараштры, весьма разгневанные, в бой ринулись, чтобы убить меня. Сегодня я убью их у тебя на глазах, в том нет сомнения. Потому ведем в сражение, упорный, моих коней, о колесничий!» Сказав так, сын Притхи пронзил тогда сына твоего Дурьодхану десятью острыми стрелами, золотом украшенными, и Нандаку тремя стрелами поразил меж сосков. Дурьодхана же шестидесятью поразил могучего Бхиму и еще в ответ тремя, хорошо отточенными, пронзил Вишоку. И, как бы усмехаясь, тремя острыми стрелами царь разломил в бою блистающий лук Бхимы, о царь, в месте захвата. Бхима же тогда, видя [своего] возникшего Вишоку уязвленным в битве острыми стрелами сына твоего, лучника, и не снес того, схватил в ярости [другой], чудесный лук, о великий царь, ради убийства твоего сына, о бык среди бхаратов. И он взял, разъяренный, стрелу кшурапра, волос рассекающую, и ею Бхима переломил превосходный лук властелина. В гнев отбросив сломанный лук, поспешно взял тот, словно пламенея, другой, быстрее действующий лук. И, наложив на него стрелу, ужасную, сияньем равную Времени-Смерти, он поразил ею, разъяренный, Бхимасену между сосков. Пронзенный глубоко, тот опустился, раненный, на дно колесницы и, поникнув на колесничном полу, впал в беспамятство. Видя, что ранен Бхима, не снесли того великие лучники, воители великие [стана] Пандавов, возглавляемые Абхиманью. Тогда же гремевший ливень оружия неистового они обрушили, не растерявшись, на голову твоего сына. Потом Бхимасена, придя в себя, тремя [стрелами] его пронзив, еще пронзил пятью. И Шалью пронзил сын Панду, великий лучник, двадцатью пятью стрелами, и тот, пронзенный, отступил с поля битвы. Тогда четырнадцать твоих сыновей выступили против Бхимы: Сенапати и Сушена, Джаласандха, Сулочана, Угра, Бхимаратха, Бхима, \$>химабаху, Алолула, Дурмука и Душпрадхарша, Вивитсу, Виката, Сама. С глазами, покрасневшими от гнева, пуская многие стрелы, ринулись они разом на Бхимасену, тяжело его поражая. А Бхимасена великомощный, заведя твоих сыновей, облизывая уголки рта, словно волк среди стада, стрелою кшурапра отсек сын Панду голову Сенапати. Джаласандху, пронзив, он отправил в обитель Ямы, и Сушену тогда, сразив, Смерти предал, голову Угры вместе со шлемом, луноликую, сергами украшенную, на землю сбросил стрелою бхалла, и Бхимабаху в битве семидесятью Бхима в иной мир послал, о достойный, с конями, знаменем и колесничным вместе. Бхиму и Бхимаратху, пылких братьев, обоих отправил Бхимасена, о царь, усмехаясь как бы, в обитель Ямы. Затем Сулочану в великом сражении стрелою кшурапра на глазах у всех воинов отправил Бхима в обитель Ямы. Другие же сыновья твои, те, что остались [в живых], видя ту мощь Бхимасены, страхом перед Бхимой сокрушенные, бежали враспыну, о царь, им, что духом велик, сражаемые. Тогда молвил сын Шантану всем колесничным бойцам [своим]: «Этот Бхима, гневный, всех сынов Дхритараштры, великих воителей, и первенствующих из них, и превосходных, и доблестных, повергает в битве, грозным луком владеющий, сокрушает его, о цари!» Когда он сказал так, все воины сына Дхритараштры устремились, яростные, на могучего Бхимасену. Бхагадатта на яром слоне, о властитель народов, помчался стремительно туда, где находился Бхима. И в бою, нападая, отточенными на камне [стрелами], как туча [застилает] солнце, так он невидимым сделал Бхимасену на поле битвы. Не снесли того застилая Бхимы в сражении великие воители во главе с Абхиманью там, на силу своих рук полагающиеся. Отовсюду они обрушили на него ливень стрел, о слона [его] отовсюду они тучею стрел пронзили. Тот слон [правителя] Прагдьяотиши, ливнем оружия пораженный, разнообразного, хорошо заостренного, побежал с удвоенной быстротой, и от хлынувших потоков крови прекрасен был он на поле битвы, как великая туча, лучами солнца пронизанная. Погоняемый Бхагадаттой, ток мускуса испускающий, обрушился на них на всех тот слон, подобный Богу смерти. Временем посланному, мчался вдвое быстрее, землю поступью своей сотрясая. И все великие воители не очень рады зреть огромную ту глыбу, которая казалась им неодолимой. Повелитель же тогда, гневный, поразил, о муж-тигр, Бхимасену меж сосков ровно сложенной стрелою. Тяжко тем царем уязвленный, в беспамятстве оцепенев, великий лучник и великий колесничный боец прислонился к древку [своего] стяга. Бхагадатта же, увидев, что уstraшены они, а Бхимасена впал в беспамятство, могучий рык издал, блистательный. Тогда страшный ракшас Гхатоткача, о царь, видя, что случилось с Бхимой, разъяренный, там исчез и, жуткий морок сотворив, ужас робких умножающий, меньше чем через миг [опять] явился взором, страшный образ приняв, сам верхом на Айравате, созданном колдовством, за коим следуя и другие мировые слоны явились — Анджана, Вамана и Махападама великолепный. Эти три великих слона с огромными телами, коими правили ракшасы, [шли], о царь, тремя путями, мускус обильно проливая, исполненные пыла, мужества и силы, великомощные и воинственные. Гхатоткача же тогда погнал своего слона, врагов истребитель, Бхагадату со сломом убить стремящийся. И другие слоны, могучими ракшасами погоняемые, с четырьмя клыками [каждый], с четырех сторон напали, разъяренные, на слона Бхагадатты и бивнями нанесли ему удары. Теми слонами пораженный, мучимый болью, стрелами уязвленный, издал он прегромкий рев, грому Индры подобный. И, слыша тот ужасающий рев его, грозно звучащий, молвил Бхишма Дроне и царю Суйодхане: «Это сражается на поле боя со злодушным сыном Хидимбы великий лучник Бхагадатта, и он попал в беду! Ракшас, великий колдун, и царь, разгневанный необычайно, они сошлись, великой отваги полные, оба Времени и Смерти равные. И слышны громкие возгласы ликующих пандавов и голос прегромкий ревушего в страхе слона. Поспешим туда, благо вам, царю на помощь, если не защитить его в битве, он скоро лишится жизни. Торопитесь, мужи великой доблести, что медлить, двинемся, ибо великий и яростный бой начинается, вздымающий волосы дыбом! И преданный, и высокородный, и доблестный то военачальник, нам защитить его подобает, о неколебимые!»

Вняв этой речи Бхишмы, цари все вместе во главе с сыном Бхарадваджи с быстротой наивозможнейшей устремились спасения Бхагадатты ради туда, где он был. Видя их передвижение, панчалы с Пандавами вкупе, возглавляемые Юдхиштхирой, последовали за врагами с тыла. А блистательный вождь ракшасов, заведя те рати, зычный рев издал, удару небесного грома подобный. Тот рев услышав и видя сражающихся слонов, Бхишма, сын Шантану, вновь обратился к сыну Бхарадваджи: «Не прельщает меня схватка со злодушным сыном Хидимбы. Ныне, когда он с соратниками и мощи и мужества исполнен, победить его невозможно и самому Носителю ваджры. Он бьет без промаха, а наши кони и слоны устали, и панчалы и Пандавы много потрепали нас сегодня. Потому не прельщает меня битва с торжествующими победой Пандавами. Пусть возгласят перемирие сегодня, завтра мы сразимся с врагами». Вняв речи деда, Кауравы тем воспользовались для отступления, страхом перед Гхатоткачей охваченные. Когда же отошли Кауравы, Пандавы, победу торжествуя, львиный рык издали, под звуки раковин и бамбуковых труб. Такой была сегодня, о бык среди бхаратов, битва между куру и пандавами во главе с Гхатоткачей. Кауравы же затем, о царь, возвратились в свой стан с наступлением ночи, пристыженные, понесшие поражение от пандавских. И сыны Панду, великие воители, чьи тела изранены были стрелами, в битве духом воспрявшие, тоже в [свой] стан ушли, возглавляемые, о великий царь, Бхимасеной и Гхатоткачей. И, великой радости исполненные, они воздали тогда почести друг другу, разнообразные клещи возглася под звуки музыки и львиный рык издавая под пение труб. Великие духом, они с наступлением ночи прошли к [своему] стану, губители врагов, с криками, сотрясая землю, душу твоему сыну надрывая, о достойный. А царь Дурьодхана, удрученный гибелью братьев, на время погрузился в раздумье, в слезах и горем потрясенный. Затем, отдав все полагающиеся распоряжения о ночлеге, он размышлял, терзаемый горем, бедою, постигшей братьев, тяжело подавленный.

Глава 61

Дхритараштра сказал:

Великий страх порождает у меня и удивление, о Санджая, вести о тех подвигах юных сынов Панду, что и для самих богов трудноосуществимы. И когда я слышу о поражении совершенном [моих] сыновей, о Санджая, великая тревога [возникает] у меня, о возникший: как же [далее] будет? Поистине испепелят мое сердце Видурой изреченные слова! Кажется, что силою судьбы все [свершилось], о Санджая, если лучших из воителей с Бхишмою во главе, героев, в оружии искушенных, бойцов, превзошли в битве рати Пандавов. Отчего неуязвимы могучие сыновья Панду, великие духом, кем даровано им было, сын мой, или же какое [необыкновенное] знание обрели они, что не гибнут, словно созвездия на небе? Невыносимо для меня, что снова и снова громят [мое] войско Пандавы! Это судьбою определена мне столь страшная кара! Как смерть щадила сыновей Панду, как не щадила она моих сыновей, расскажи мне все, как оно было,

о Санджая. Не вижу я нигде [спасения] от этого несчастья, как берега [не видит] человек, вплавь пустившийся через великий океан. Я думаю, сыновей моих конечно же презлая беда постигла, нет сомнения в том, что убьет всех моих сыновей Бхима. Ибо не вижу я мужа, который защитил бы моих сыновей. Неизбежна гибель сынов моих на поле боя, о Санджая. Поэтому о причине [случившегося], о возникши, и особенно о следствии мне, вопрошающему, да изволишь ты все, как есть, поведать. Что же сделал Дурьодхана, видя, что свои отступают на поле боя? А Бхишма с Дроной, Крипа, сын Субалы, Джаядратха, или же сын Дроны, великий лучник, или могучий Викарна — каким же было их решение, великих духом, о многомудрый, когда повернули вспять мои сыновья, о Санджая?

Санджая сказал:

Слушай, о царь, внимательно, а выслушав, поразмысли [о том]. Не к заклинаниям каким-то, не к колдовству какого-либо рода и не к устрашению какому-то прибегают Пандавы. Мощью наделенные, они сражаются согласно правилам на поле брани, и к тому, чтобы праведными все их деяния почитались, всегда стремятся сыны Притхи, славы великой домогающиеся, о Бхарата. Не отвергаются они от битвы, могучие, преданные правде, к высшей доле причастные, а где правда — там победа! Потому неуязвимы в битве сыны Притхи и победоносны, о царь. Твои же сыновья злы душою, всегда привержены грехам, жестоки, они презрели обряды, потому и терпят они урон в бою. Преступные дела творя, премного оскорблений сынам Панду нанесли твои сыновья, о властитель, как низкие люди. Все эти прегрешения твоих сыновей прощая, всегда старались не замечать их Пандавы, о старший брат Панду! Но не очень чтити их [за это] сыновья твои, о владыка народов. Тех греховных деяний, постоянно творимых, тягчайший страшный плод [теперь] созрел, ядовитой тыкве подобный, так вкушай его, о великий царь, с сыновьями и друзьями! Не оразумился ты, о царь, когда предостерегали тебя друзья, когда и Видура, и Бхишма, и Дрона, великий духом, и я тебя предостерегали не однажды, не внял ты благой и полезной речи, словно больной, полезное лекарство отвергающий. [Только] мнение сыновей приемля, Пандавов мнишь ты [уже] побежденными. Выслушай же и еще правду о том, о чем спрашиваешь ты меня. О причине, по которой победа за Пандавами [будет], я расскажу тебе, как слышал о том, о врагов укротитель. Дурьодхана спросил об этом деда. Видя всех братьев, величайших воителей, побежденными в битве, когда наступила ночь, смиренно приблизился потомок Куру с сердцем, горем смятенным, к многомудрому деду; что молвил сын твой, услышь от меня, о владыка людей.

Дурьодхана сказал:

И ты, и Дрона, и Шалья, также Крипа и сын Дроны, и Критаварман, сын Хридики, и царь Камбоджи Судакшина, Бхуришравас и Викарна, и мистический Бхагадатта — великие воители, прославленные, высокородные, бесстрашные, трем мирам равны они [силой], так я думаю, — и вместе [все] не выдерживают в бою против Пандавов! Поэтому сомнение возникает у меня, ответь на мой вопрос. На кого опираются они, когда на каждом шагу нас побеждают?

Бхишма сказал:

Выслушай, о царь, мою речь, которую скажу тебе, о потомок Куру. Много раз говорил я тебе о том, но так ты того и не сделал. Надобно мир заключить с Пандавами, о лучший из бхаратов, благом я это считаю и для страны, и для тебя, о владыка. Счастливо правь этой землею, о царь, вместе с братьями, всех недругов карая, родных же радуя. Сколько ни зывал я раньше, ты, сын мой, не внимал мне, вот и пришла [расплата] за то, что унижаешь ты [сыновей] Панду. А в чем причина неуязвимости их, тех, что неутомимы в деяниях [своих]107, послушай, о великий царь, о том я поведаю тебе, о властелин. Нет в мирах, и не было, и не будет никогда того, что мог бы победить в бою Пандавов, Носителем лука Шарнга охраняемых. Послушай поистине, сын мой, ту древнюю песнь, что рассказали мне, о ведающий закон, к духу мыслью устремленные мудрецы. Некогда все боги и провидцы вместе к Прародителю на гору Гандхамадана явились. Среди них восседа, узрел Владыка созданий в небесах парящую прекрасную воздушную колесницу, сияние излучающую. Размышлением то постигнув, сложив почтительно ладони, преклонился Брахма, возрадовавшийся душою, перед высочайшим Превышшим владыкой. Провидцы же и боги, видя, что встал Брахма, стояли все, сложив ладони, на великое чудо взирая. Должным образом его почтив, Брахма, меж ведающих Брахмана избранный, рек затем, творец мира, высшего Закона знаток:

<<Ты — всеблагой, вселенный образ, вселенной владыка, всюду силою [своей] достигающий, всесоздатель и властелин, всем владеющий Васудева, потому к тебе, йоги средоточию, к [высшему] божеству, прибегаю. Победа [тебе], о вездесущий, великий бог; победа, о радеющий о благе мира; победа, о владыка сопряженных, всемогущий; победа, о предшествующий йоге и следующий за нею, из чрева Аотос [растящий], большеокый; победа, о владыка владыки мира108, властвующий над прошлым, будущим и настоящим; победа, о благой сына сын109, бесчисленными достоинствами обладающий, непобедимый; победа, о всеми взыскуемый, о Нараяна, весьма трудноодолимый; победа, о Носитель лука Шарнга, всеми скрытыми достоинствами наделенный, образ вселенной, чуждый недугам, всевластный, мощнорукий; победа, о ты, на благополучии мира сосредоточенный, великий змеи, изначальный Вепрь, златокудрый, всемогущий; победа, о ты, в желтое одетый, владыка народов, вместилище всего, неизмеримый, нетленный, проявленный и непроявленный, чья неизмерима обитель, обуздавший чувствования, чувствами наделенный, неисчислимый, [один] ведающий свою природу; победа, тот, чьи глубоки помыслы, исполняющий желания, бесконечный, признанный мудрец, постоянно являющий [миру] существа, достигший цели, совершенный мудростью, торжество победы, непобедимый, тайный дух, душа всех существ, явленное происхождение произошедших, сущность действительного, властелин мира; победа, о являющий существа, саморожденный, долею [своей] великий, сосредоточенный на минувании эры112, вознесение, мысль вдохновляющий; победа, о дорогой брахманам, разрушение и творение блюдуший, владыка желания, Превышний владыка, творец бессмертия113, истинное существование, Огнь светопредставления, даритель победы, владыка Владык созданий, бог, Аотос из пупа [взраставший], великомощный, самосущий, великих стихий [совокупность], душа деяния, победа, о даятель деяния;114 стопы твои — богиня Земля, страны света — руки, небо — голова, я — образ твой, боги — тело, луна и солнце — очи, сила [твоя] — подвижность и истина, праведность — желания дитя115, о властелин, пыл [твой] — огонь, ветер — [твое] дыхание, воды — пота твоего порождение, Ашвины — уши, богиня Сарасвати — язык [твой] всегда, Веды — совершенства [твоего] утверждение, ведь на тебе вселенная основывается. Ни исчисления твоего, ни протяжения, ни пыла, ни устремления, ни силы, о владыка сопряженности и сопряженных, мы не знаем, ни происхождения. Преданность тебе исповедующие, о бог, обеты тебе посвятившие, всегда почитаем мы, о Вишну, Вышнего властелина, Великого владыку. Провидцы, боги и гандхарвы, якши, ракшасы и змии, пишачи, а также люди, еще звери, птицы и пресмыкающиеся и тому подобное сотворены мною на земле милостью твоею, о ты, Лотос из пупа породивший, о большеокый, о Кришна, от дурных снов избавляющий. Ты — убежище для всех существ, ты — властитель, ты — лик мира; по твоей милости, о владыка богов, всегда счастливы мудрые, земля избавлена от страха всегда по милости твоей была. Потому да пребудешь ты, о большеокый, благодетелем рода Яду. Ради утверждения справедливости, ради истребления сынов Дити и ради поддержания вселенной просвети меня, о владыка. Эту высшую тайну, заключающую в себе милость твою, воспел я, как должно, о Васудева. Сам создав себя собою как божественного Санкаршану, о Кришна, ты сотворил из себя также Прадьюмну, тобою порожденного, из Прадьюмны — Анируддху, коего знают как непреходящего Вишну, Анируддха, поистине, создал меня, Брахму, мира вседержителя. Так, из Васудевы созданный, тобою я сотворен. Разделив себя на доли, в человеческое естество да вынешь сам, о властелин! Тогда, свершив истребление асуров ради блага всех миров, утвердив справедливость, обретя славу, йогу обретишь воистину! Тебя ведь, высочайшего, брахманы-провидцы и боги, о ты, чья мощь неизмерима, под теми различными именами в мире воспевают, преданные. И все сонмы существ, в тебе пребывающие, к тебе, даятелю даров, прибегают, о прекраснорукий, и мостом мира, не имеющим начала, середины и конца, беспредельной йогой обладающим именуют тебя жрецы>>.

Глава 62

Бхишма сказал:

Тогда Господь бог, Превыший миров владыка, так молвил Брахме голосом благозвучным и глубоким: <<Ведомо, сын мой, мне силою йоги все то, чего ты желаешь; так оно и свершится>>. И, сказав это, он там исчез. Тогда боги, провидцы и гандхарвы с удивлением чрезвычайным, одолеваемые любопытством, все обратились к Прародителю: <<Кто он, тот, пред кем преклонился Господь со смирением и восхвалил кого изысканнейшими речами, о всемогущий, мы хотим слышать>>. На те слова Прародитель Господь отвечал всем богам, брахманам-провидцам и гандхарвам голосом сладкозвучным: <<То будущее взыскуемое, то наивысшее грядущее, то существ душа, владыка тот, Брахман, и то высшее убежище, — вот с кем вел я беседу по милости его, о быки среди богов. Ради блага мира молвил я владыку мира, чтобы в мир людей он явился [людям] ведомый как Васудева, чтобы воплотился на земле ради истребления асуров. Те дайги, данавы и ракшасы, что убиты были в сражении, они среди людей воплотились, грозные обликом, великомощные. Ради их убийства Господь всемогущий с Нарою вместе, в лоно человеческого войдя, будет на земле подвизаться. Те двое лучших из древних мудрецов Нара и Нараяна, что воплотились вместе в мир людей, неизмеримые сиянием, в битве вдвоем непобедимые даже для бессмертных, — только глупцы не ведают их как Нара и Нараяну, провидцев. Я — его порождение, Брахма, всего мира властитель. Ему, Васудеве, вселенной великому владыке, да воздадите вы почести. Никогда, о лучшие из богов, не презрите как человека его, великомощного, раковины, диска и палицы носителя. Это — наивысшая тайна, это — наивысшая обитель, это — наивысший Брахман, это — наивысшая слава, это — непреходящее, непроявленное, это — извечное великое116, это — восплаемое под именем Мужа117, но непознанное, это — наивысший пыл, это — наивысшее счастье, это — наивысшая истина, провозглашенная Всесоздателем. Потому все боги с Индрою вместе, все люди да не презрят его за то, что он — человек, Васудеву,

чья мощь неизмерима, властителя. А кто скажет, что, мол, это всего лишь человек, того, умом убогого, за презрение к Хришикеше назовут низшим из людей. Того, кто великого духом йогина Васудеву презрит за то, что вселился он в человеческое тело, назовут тьме преданным¹¹⁸ люди. Того, кто бога, движущегося и ¹¹⁹ "недвижного" душу, счастливым завитком отмеченного, жизненной силы исполненного, Лотос из пупа [взрастившего], не ведает, назовут тьме преданным люди. Увенчанного и камня Каустубха¹²⁰ носителя, избавляющего друзей от опасности, великого духом презирающий в страшную тьму себя ввергает. Зная это поистине, пред владыкой владык миров Васудевой должны все миры преклониться, о высшие боги». Так сказав, Господь, душа вселенной, отпустил все сонмы богов когда-то и ушел в свой чертог. Тогда боги с гандхарвами, мудрецы и апсары также, вняв той повести, что поведал Брахма, ублаженные, отправились на небеса. Я ее услышал, сын мой, в собрании мудрецов, очистивших душу, когда они рассказывали древнюю быль о Васудеве¹²¹. Рама, сын Джамбадгни, мудрый Маркандея и Вьяса с Нарадой поведали [ее], о знаток преданий. Зная, о чем она, услышав о великом духом Васудеве как о властелине, непреходящем, владыке владык миров, чье порождение — Брахма, отец вселенной, как могут люди не поклоняться и не приносить жертвы Васудеве? Некогда, сын мой, уже предостерегали тебя мудрецы, в совершенстве постигшие Веду: не вступай в бой с вещим сыном Васудевы, ни же с Пандавами, — но в ослеплении своем ты не внял тому. Жестоким раکشасом ты мнишь мне, тьмою ты помрачен, отчего и ненавидишь Говинду и Завоевателя богатств, сына Панду, ведь никто другой из людей не возненавидит божественных Нару и Нараяну. Поэтому говорю тебе, о царь: то вечный, воистину, непреходящий, все миры воплощающий, постоянный, Правитель, Творец, опора незыблемая, тот, кто поддерживает три мира, управляющий движущимся и недвижимым, неодолимый, Воин, Победа и Победитель, Всего источник, Владыка. О царь, истовость в природе его, отрешенного от косности и страсти, где Кришна — там праведность, где праведность — там победа, йогой его величия и духа его йогой укреплены сыны Панду, о царь, и за ними будет победа. Тот, кто мудрость, ко благу направленную, Пандавам сообщает и силу в бою и от опасностей их хранит, — это бог предвечный, все тайны в себе заключивший, милостивый, известный как Васудева — о чем ты и спрашиваешь меня, о Бхарата. Брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры, достойными отмеченные, поклоняются ему и чтут его, свои обязанности неукоснительно исполняющие. В конце юги Двапары и в начале Кали-юги, сатватский закон принявший¹²², был он воспет с Санкаршаной. Весь мир асуров и смертных, и города, опоясанные морем, и также людей обитель из юги в югу, вновь и вновь творит Васудева.

Глава 63

Дурьодхана сказал:

Как о великом существе рассказывают во всех мирах о Васудеве. О его явлении [в мир] и посвящении хочу я знать, о дед.

Бхишма сказал:

Васудева — великое существо, вместе с божествами возникшее. Не явлено [никого] выше Лотосоокого, о бык среди бхаратов. Маркандея рассказывает о Говинде как о великом чуде. Все существа, душа существ, великий духом Всевышний муж, — воды, ветер и пыл — это три его создания. На водах ложе устроил великий духом Всевышний муж, всякую воду воплотивший в себе, спит бог там силою йог¹²³. Из уст он сотворил огонь, из дыхания же — ветер, а Сарасвати и Веды из мысли [своей] сотворил Неколебимый. Он сотворил вначале богов с сонмами провидцев, а также упокоение и смерть созданий, непреходящий бог, самопроизшедший. Он, Джанардана, установил прежде прошлое, настоящее и будущее, сумерки, те и те¹²⁴, страны света и Определение¹²⁵. Ведь после и провидцев, и подвижничество создал Говинда, и творца мира тоже, великий духом, владычный, непреходящий. Из всех существ перворожденным создал он Санкаршану, создал Шешу, коего знают как божественного Бесконечного¹²⁶. Его, что поддерживает существа и эту землю с ее горами, жрецы, йогом размышления [его познавшие], называют великой мощи обладателем. И от истечения из уха происшедшего асуру великого по имени Мадху, злого злодея, злой умысел питавшего, Брахме отомстить собиравшегося, убил Всевышний муж. За его убийство, сын мой, боги, демоны и люди, также и провидцы Губителем Мадху наименовали Джанардану. Он же — Вепрь, Лев, Три шага прошедший¹²⁷, владычный, он, Хари, — мать и отец всех живущих, не будет [никогда] существа превыше Лотосоокого. Из [своих] уст он сотворил брахманов, из рук — кшатриев, из бедер — вайшьев, о царь, из стоп же — шудр, и, подвижничеством укрепившись, [создал] бог местопребывание для всех воплощенных. Вхождения в Брахмана, вхождения в йогу, Кешавы, великого начала достигнет приносящий жертвы в дни новолуния и полнолуния¹²⁸. Кешава, высший пыл, всего мира прародитель — так называют, воистину, Хришикешу мудрецы, о повелитель мужей. Так и знай о нем, наставнике, отце, учителе; к кому милостив Кришна, тот обретет нетленные миры. И кто в опасности прибегает к защите Кешавы, кто всегда произносит это, тот благополучен и счастлив будет. Люди, кои обращаются к Кришне, не впадают в заблуждение, кто в великой опасности пропадает, того защищает Джанардана. Зная это поистине, о Бхарата, Юдхиштхира со всей душою к защите прибегает великого духом Кешавы, о царь, мира владыки, волхований владыки¹²⁹.

Глава 64

Бхишма сказал:

Слушай, о великий царь, этот гимн Вошедшему в Брахмана, что некогда рекли на земле брахманы-провидцы и боги. «Как о владыке бога богов и богов и блаженных¹³⁰, ведающем природу создателя миров, говорит о тебе Нарада, как Прошлого, Настоящего и Будущего описывает Маркандея, как о жертве жертвоприношений, подвижничестве подвижничеств и бже богов молвит о тебе благословенный Бхригу. В древнем предании ты — устрашающий образ, о Вишну, о Повелитель духов. Васуд'ва, Шакру [во главе] Васу поставивший, бог богов среди богов ты есть — так молвит Двайпаяна. Во времена первотворения существ звали [тебя] Дакшей, Владыкой созданий, как о творце всех существ сказал о тебе потом Ангирас. Непроявленное из тела твоего происходит, проявленное в мысли твоей пребывает, боги же из Слова [твоего] возникли — так молвит о тебе Девала¹³¹. Главой ты пронизываешь небо, руками поддерживаешь землю, чрево твое — три мира, ты — предвечный Муж — таким ведают тебя подвижничеством возвысившиеся мужи, также наилучшие из провидцев, видением [сокровенного] Духа удовлетворенных. Для царственных мудрецов благородных, в битвах не обращающихся вспять, праведность превыше всего почитающих, ты — убежище, о Губитель Мадху!» Вот так подробно, сын мой, и вкратце поведал я тебе поистине о Кешаве; будь к Кешаве благорасположен!

Санджая сказал:

Услышав это священное сказание, о великий царь, сын твой с уважением немалым помыслил о Кешаве и о Пандавах, великих воителях. И снова молвил ему, о великий царь, Бхишма, сын Шантану: «Ты услышал воистину, о царь, о величии Кешавы, великого духом, и Нары, как ты меня о том спрашивал, и о том, ради чего оба, Нара и Нараяна, среди людей воплотились, и почему неуязвимы в сражениях оба героя, непобедимые, и почему, о царь, неприступны в бою для любого Пандавы. Ведь незыблемо расположен к славным Пандавам Кришна. Потому говорю тебе, о властитель царей: да будет мир с Пандавами. Владей землею вместе с могучими братьями, повелитель; презрев же божественных Нару с Нараяной, погибнешь». Так сказав, отец твой умолк, о владыка народов. И он отпустил царя и взошел на ложе. Царь же, поклонившись великому духом, отправился в стан и на ночь возлег на [свое] сверкающее ложе, о бык среди бхаратов.

Глава 65

Санджая сказал:

Когда ночь сменилась рассветом и взошло солнце, оба войска, о великий царь, сошлись для битвы. Все устремились скопом в бой, гневные, победы жаждущие друг над другом, друг друга озирая. Пандавы и сыны Дхритараштры, о царь, дурных твоих советов по вине, два строя боевых построив, в бой пошли, разъяренные бойцы, Бхишма строй макары оградил по сторонам, и Пандавы так же, о царь, свой строй оградили. Отец твой Деваварата выступил против колесничной рати, великим множеством колесниц окруженный, из колесничных воинов наилучший. И следом двинулись друг за другом в установленном порядке воины на колесницах, пехотины, слоны и всадники. Видя, что готовы они к бою, царственный строй Орла, непобедимый, [выставили] славные Пандавы на битву. Во главе его блистал могучий Бхимасена, очами [стали] Шикхандин неодолимый и Дхриштадьумна, внук Пришаты, челом стал герое Сатьяки, истинно доблестный, на шее встал тогда потрясающий Гандивой Пархта. С акшауhini¹³², полностью собранной, занял в битве тогда левое крыло блистательный Друпادا, великий духом, вместе с сыном, правое крыло занял [царевич] Кекайский во главе акшауhini, с тыла — сыновья Драупади и мужественный сын Субхадры, а сзади стал сам блистательный царь Юдхиштхира вместе с обоими братьями-близнецами, мудрый, дивно доблестный. Бхима же тогда в бою, вторгшись в Макару с головы, к Бхишме на поле брани подступив, стрелами [его] обволоч. А Бхишма затем в великой битве тяжкие удары оружия обрушил, о Бхарата, на войско сыновей Панду, идущее строем, приводя его в смятение. Тогда, когда смешалось войско, Завоеватель богатств поспешил поразить Бхишму в гуще боя тысячьо стрел. И, отразив удары оружия, пущенного Бхишмой в битве, с ликующей ратью своей стойко противостал он для боя. Тогда царь Дурьодхана, меж могучих избранный, видевший уже страшное истребление [своего] войска и помня избиение братьев в сражении, молвил сыну Бхарадваджи, великий воитель: «О наставник, ты ведь всегда желал мне блага, о безупречный. Мы же, на тебя полагаешь и также на Бхишму, на деда, самих богов победить в битве чаем — нет сомненья, что говорить о Пандавах в бою, мужества и отваги лишенных». Когда сказал так Дроне сын твой, о достойный, ворвался тот в ряды пандавской рати на глазах у Сатьяки. Но Сатьяки тогда преградил дорогу Дроне, о Бхарата. И завязалась затем битва, гремя, вздымающая волосы дыбом. В сражении же гневный Дрона, как бы усмехаясь, пронзил внука Шини близ плеча острыми стрелами,

величавый. Тогда Бхимасена, гневный, пронзил сына Бхарадваджи, защищая Сатьяки, о царь, от Дроны, из вооруженных избранного. Вслед за тем и Дрона, и Бхишма, и Шалья, о достойный, Бхимасену окутали, гневные, стрелами в битве. Тут Абхиманью, разгневанный, и сыновья Драупади, о достойный, пронзили острыми стрелами всех тех оружие подъявших. А Бхишме и Дроне могучим, яростно наступающим, противостал в великой битве Шикхандин, великий лучник. Мощный лук схватив, как туча гремющий, ливень стрел немедля герой изверг, затмевая солнце. Но, к Шикхандину приблизившись, бхаратов прародитель уклонился от боя, помня о женской его природе¹³³. Тогда Дрона, о великий царь, сыном твоим побуждаемый, устремился в бой, Бхишму тогда защищая. Шикхандин же, приблизившись к Дроне, избранному из вооруженных, уклонился от боя с ним, огню, в конце юга разбушевавшемуся¹³⁴, подобным. Затем с великой ратью сын твой, о владыка народов, пришел на помощь Бхишме, великой славы домогающийся. И Пандавы, о царь, с Завоевателем богатств во главе двинулись на Бхишму, твердо на победу уповая. И страшной была та битва, словно между богами и демонами, между жаждущими всечасно высочайшей чудесной славы.

Глава 66

Санджая сказал:

Неистово сражался тогда Бхишма, сын Шантану, стремясь избавить сыновей твоих от страха перед Бхимасеной. Поутру свирепая длилась битва царей, куру и пандавов, истребительная для главных воителей. И в том ужасающем смятении продолжающегося сражения великий шум громовый до самых небес возносился. Поднялся шум смятенный от воплей огромных слонов, ржания коней, грохота барабанов и пения труб. Могучие воители, рвущиеся в бой ради победы, ревели громогласно друг на друга, словно мощные быки в загоне. И, словно дождем камней с неба, падали на поле боя головы, отсекаемые острыми стрелами, о бык среди бхаратов. С серьгами и в тюрбанах, золотом сверкающие, виднелись [всюду] упавшие головы, о бык среди бхаратов, и стрелами рассеченными телами и [отсеченными] руками с луками и другими, с драгоценными браслетами, покрыта была земля. Телами, одетыми в доспехи, и руками в украшениях, и [головами] с луноподобными прекрасными ликами — с покрасневшими уголками глаз, — и всякими частями тел слонов, коней и людей, о владыка земли, усеяно было мгновенно все поле. В мягущихся тучах пыли мечи сверкали как молнии, и подобно раскатам грома раздавались оружий удары, и неистовый жестокий бой шел между куру и пандавами, в нем же кровь лилась как вода, о Бхарата. В том ужасающем, жутком смятении, вздымающем волосы дыбом, ливни стрел проливали кшатрии, опьяненные битвой. Там, уязвляемые в сражении ливнями стрел, ревели слоны твоих и врагов, о превосходнейший из бхаратов, и кони, сраженных седоков потерявшие, метались во всех направлениях, а другие, твоих и вражеских воинов, о бык среди бхаратов, вставали на дыбы и рушились в муках от стрел, их поразивших. И взору являлись здесь и там пронсящиеся отряды конников, слонов и колесниц, о владыка народов. Палицами, мечами, дротиками, стрелами, крепко сложенными, разили там друг друга кшатрии, Смертью побуждаемые. Иные герои, в рукопашном бою искусенные, разнообразные удары в схватке наносили руками, железным ломом подобными; кулаками, коленями, ладонями и пятками, о владыка народов, разили друг друга герои, твои с пандавами. И лишившиеся колесниц колесничные воины, вооруженные превосходными мечами, набрасывались друг на друга, убить один другого жаждущие. Тогда царь Дурьодхана в сопровождении многочисленных калингов, выдвинув в битве Бхишму вперед, стал наступать на пандавов. Так же и пандавы, окружив Волчебрюхого, в битве устремились все на Бхишму, на быстрых колесницах, конях и слонах.

Глава 67

С а н д ж а я сказал:

Увидев, что схватились с Бхишмой братья и другие цари, ринулся, оружие подъяв, на сына Ганга Завоеватель богатств. Когда зазвучали Панчаджанья и лук Гандива и узрели мы знамя Партии, всех нас объял страх. Словно взметнувшееся над деревьями непривязанное знамя дыма, узрели мы, о великий царь, многоцветный, яркий, чудесный стяг Владетеля лука Гандивы, знаком обезьяны отмеченный. Подобный молнии, свергающей среди туч на небе, узрели воины [лук] Гандиву, золотом окаймленный, [в руках] у великого воителя. И услышали мы громкие и угрозы исполненные удары его ладоней, раскатам грома Шакры подобные, рать твою сокрушающие. И как туча с бурным ветром, молнией и громом повелевающая, обрушился Завоеватель богатств, страшным оружием владеющий, на сына Ганги, дождями стрел отовсюду все страны света воедино слив, так что восток и запад мы [уже] не различали, ошеломленные. Растерявшиеся, не в силах воспользоваться своими ездовыми или оружием, обезумевшие, друг за друга цепляясь, воины твои, о бык среди бхаратов, к Бхишме устремились со всеми твоими сыновьями вместе. Стал Бхишма, сын Шантану, прибежищем для тех страдальцев в битве. Трепеща, бежали тогда с колесниц колесничные бойцы, всадники — с коней [соскочив] и по земле пехотинцы. Гром Гандивы заслышав, раскатам оружия грома подобный, поникли, уstraшенные, все войска, о Бхарата.

Но тогда Говасана в сопровождении больших отборных камбоджийских коней быстроходных и многотысячных ратей гопадов, и в сопровождении мадров, саувилов, гандхаров и тригартвов, о владыка народов, и со всеми отборными калингскими [слонами] повелитель калингов, наги и полчища воинов племен¹³⁶, предводительствуемые Духпасаной, и властитель Джаядратха вместе со всеми царями, и отборные всадники, посланные твоим сыном, четырнадцать тысяч, — сына Субальи окружили. Затем все те твои [войска] — колесницы, кони и слоны раздельно — двинулись в бой на Пандавов, о бык среди бхаратов. И поднятая колесницами, слонами, конями и пешими воинами пыль застлала ужасное поле битвы, подобно огромной грозовой туче. С великой ратью воинов на слонах, конях и колесницах, с копьями, дротиками и стрелами железными¹³⁷, сошелся Бхишма в бою с Увенчанным, Авантиец¹³⁸ — с царем Каши, Синдхйский с Бхимасеной, Аджаташатру вместе с сыновьями и советниками сошелся с Шальей, быком мадров прославленным, Викарна — с Сахадевой, Читрасена — с Шикхандином, матсыи двинулись на Дурьодхану и Шакуни, о владыка народов, Друпата, Чекитана и Сатьяки, великий воитель, с Дроной сошлись и с сыном его, великим духом, Крипа и Критаварман оба напали на Дхриштaketу. Так сходились на битву войска отовсюду — мчались кони и метались слоны и колесницы. Не из облаков яркие молнии явились с метеорами и со смерчами, о владыка народов, пылью затмилась страна света, и задули бурные ветры, и песчаный ливень пал, и солнце сокрылось на небе от затмившей его пыли, [поднятой] войском. В глубокое беспамятство впали все существа, пылью запороченные и тьмой оружия ошеломленные. И убийственный шум поднялся от множества стрел, пускаемых руками героев и любую преграду пробивающих. И подъятое в воздух могучими руками оружие сияло, подобное ясным созвездиям, о бык среди бхаратов. Падали по всем сторонам щиты из бычьей кожи, разноцветные, золотыми сетями покрытые, о бык среди бхаратов. И всюду, по всем сторонам виднелись тела и головы, срубаемые мечами, блещущими как солнце. И падали здесь и там наземь великие воители с колесниц с поломанными колесами, осями и кузовами, повалившимися большими стягами и убитыми конями. А здесь какие-то кони скакали кругами, таща колесницы, на которых убиты были колесничные бойцы, и там и здесь пораженные стрелами, израненные превосходные кони волочили хомуты с привязанными постромками. И можно было видеть, как один могучий слон сокрушал колесницы вместе с их возницами, конями и колесничными бойцами. И многие слоны на поле битвы, чужа запах мускусных токов [других] слонов, рвались прочь из гущи боя многочисленных ратей. И поле боя покрылось [телами] сраженных крепкими стрелами слонов, павших бездыханными со [своими] погонщиками, копьями вооруженными. В гуще боя многочисленных ратей рушились на поле колесницы с воинами и со стягами, сокрушенные направленными [на них] превосходными слонами, и можно было видеть колесницы с дышлами, сломанными в бою нападавших слонов хоботами, [хоботу] царя слонов¹³⁹ подобными, о великий царь. Хватая за волосы колесничных бойцов, с колесниц с поломанной упряжкой сбрасывали слоны их, словно сорванные сучья с деревьев, и растаптывали на поле боя. И волоча [за собою] колесницы, сцепившиеся в битве с [другими] колесницами, метались во все стороны превосходные слоны, всяческие вопли издавая, уподобляясь тем слонам, что из прудов тащат переплетшиеся вороха лотосов. И так покрылось то великое поле битвы [телами] всадников, пеших воинов и великих колесничных воинов с их стягами. *

Глава 68

Санджая сказал:

Шикхандин вместе с Виратой Матсеей, о владыка народов, немедля напал на Бхишму, великого лучника, труднопобедимого чрезвычайно. С Дроной, Крипой и Викарной, великими лучниками великокомощными, и со многими другими отважными царями в бой вступил Завоеватель богатств. На синдхйского [царя] с советниками его и родичами, на восточных и южных властителей земли, о бык среди властителей земли, и на сына твоего, яростного Дурьодхану, великого лучника, и на Духсаху тоже — в бой пошел Бхимасена; Сахадева же наступал на Шакуни и Улуку, великого воителя, на отца и сына, великих лучников, труднопобедимых; на слововые войско [Кауравов] наступал в битве Юдхистхира, сыном твоим, о великий царь, обманутый;¹⁴⁰ отважный же Накула, сын Мадри, рев издавая в бою, схватился с добрыми колесничными бойцами тригартвов, сын Панду. На Шальву и кекаев ринулись неукротимые в бою Сатьяки, Чекитана и сын Субхадры, великий воитель, а Дхриштaketу и ракшас Гхатоткача выступили против колесничной рати твоих сыновей, непобедимые. Неизмеримый духом Дхриштадьюмна, полководец, в бою сошелся, могучий, с Дроной, о царь, Индре подвигами равным. Так бились те великие лучники твои, герои, с пандавами сойдясь на поле битвы. Когда достигло зенита полуденное солнце и небо полыхало [зноем], куру и пандавы ударами друг друга поражали. Колесницы со стягами, золотом отделанные, носились по полю сражения, знаменами красуясь, тигровыми шкурами покрытые. Разноголосый шум поднимался от криков, рыканью львов подобных, что издавали сошедшиеся в битве, победы друг над другом жаждущие. Небывалое ужасающее побоище зрели мы там, что учинили на бранном поле герои, сринджаи с куру. И за стрелами, пускаемыми отовсюду, ни неба не видели мы, о царь, ни стран света, ни солнца, о врагов истребитель, ни промежуточных направлений. И от дротиков с блестящими наконечниками, и копий метаемых, и мечей закаленных сияние, как от голубого лотоса, [ис-

ходило] и сияние от многоцветных доспехов с украшениями, и озарялись ярко небеса и страны света со всеми окрестностями. И здесь и там сияющим было тогда, о царь, поле брани. И царственные колесничные воины-тигры, сошедшие в бою, сияли на поле сражения, о царь, как планеты на небосводе. Бхишма же, лучший из колесничных бойцов, великому Бхимасене преградил дорогу, разгневанный, на глазах у всего войска. Тогда пущенные Бхишмой стрелы с золотым оперением, с превосходными древками, отточенные на камне и смазанные маслом, поразили Бхиму в бою. Бхимасена великомощный метнул свой быстрый дротик, разъяренному ядовитому змею подобный, о Бхарата. Его, стремительные летящий дротик с древком золотым, трудный для обороны, рассек над полем боя Бхишма крепко сложенными стрелами. Потом другой стрелою бхалла, закаленной и отточенной, надвое рассек он лук Бхимасены, о Бхарата. Сатьяки же тогда, ринувшись мгновенно в бою на Бхишму, многими стрелами поразил твоего отца, о владыка людей. Тогда острую стрелу преужаснейшую наложив [на тетиву], поверг Бхишма с колесницы потомка Вришни его возницу, и кони его, о царь, когда убит был колесничий, помчались прочь, туда и сюда устремляясь, со скоростью мысли или ветра. Тогда среди всего войска великих духом Пандавов беспорядочный шум возник и горестные возгласы раздались. «Налетайте, хватайте, держите коней, бегите!» — так кричали в смятении вслед колеснице Ююджаны. А Бхишма, сын Шантану, в это же время вновь начал громить пандавское войско, как Губитель Вритры — асурское. Панчалы с Сомакми, истребляемые Бхишмой, достойное решение в бою приняв, однако, на Бхишму устремились. И Дхриштадьумной возглавляемые сыны Притхи ринулись в бой на сына Шантану, жаждущие победы над войском твоего сына. Так же и твои, о царь, возглавляемые Бхишмой и Дроной, ринулись стремительно на врагов, и битва тогда началась [опять].

Глава 69

Санджая сказал:

И вот Вирата тремя стрелами поразил Бхишму, великого воителя, и тремя стрелами пронзил его коней, великий воитель. В ответ десятью стрелами с золотым оперением пронзил его Бхишма, сын Шантану, великий лучник, совершенный [в том искусстве], великомощный. Сын Дроны, великий воитель, грозный лучник с твердой рукою, поразил Владетеля лука Гандивы шестью стрелами между сосков. Его лук сломал Пхалыгуна, вражеских героев губитель, и тяжело поразил его острыми стрелами, врагов каратель. Тот взял другой лук быстроедействующий и, гневом ослепленный, не стерпев, что сломал его лук Партха в битве, поразил Пхалыгуну, о царь, девятью десятками острых стрел, а Васудеву семьдесятю превосходными стрелами пронзил. Тогда Пхалыгуна с очами, покрасневшими от гнева, будучи с Кришной рядом, глубокие и жаркие вздохи испускала снова и снова, поразмыслив, лук левою рукою сжал, недругов каратель, Владетель Гандивы, и взял, разъяренный, острые, крепко сложенные, жизни предел кладущие, ужасные стрелы. Ими он мгновенно поразил на поле боя сына Дроны, избранного из могучих, и, пробив доспехи, отвели они его крови в сражении. Но, пронзенный Владетелем Гандивы, не дрогнув сын Дроны и такой же ливень стрел послал в ответ, не падая духом, и оставался он на поле битвы, о царь, блюдущего великий обет¹⁴¹ охранять желая. И за то прекраснейшее деяние его, за то, что не смутился он духом перед обоими Кришнами¹⁴² в схватке, восславил его мужи-быки. Ибо сражался он все время среди полков бесстрашно, от Дроны воспринявший [умение] метательные выбирать оружия вместе с умением возобновления их¹⁴³. «То сын наставника моего, возлюбленный сын Дроны, и прежде всего он — брахман, коего чтить мне должно», — мысль такую держа в уме, герой Бибхатсу, врагов каратель, внука Бхарадваджи пожалел, лучший из воителей. И, сына Дроны избегая, стал биться затем на поле боя сын Кунти, врагов каратель, поспешая, сокрушая твоих, являющий мощь свою. Дурьодхана же десятью стрелами с ястребиным оперением, позолоченными сади, на камне отточенными, великому лучнику Бхимасене нанес удары. А Бхимасена, разъяренный, взял лук, убийственный, крепкий, блистающий, и десять отточенных стрел. До уха натянув [тетиву], язвющими, стремительными, остроотточенными, он поразил немедля ими, невозмутимый, царя куру в широкую грудь; и на груди того драгоценный камень на золотых нитях, стрелами окаймленный, заблистал, как солнце в окружении планет. Сын же твой отважный, получив удар от Бхимасены, не стерпел того, словно змей, хлопками в ладоши потроженный. И стрелами с золоченым оперением, отточенными на камне, он пронзил тогда, о великий царь, Бхиму, в трепет воинство приводя. И те оба сына твои, сражаясь на поле брани и тяжкие раны друг другу нанося, блистали, богам подобные, великомощные. Читрасену, мужа-тигра, десятью стрелами пронзил сын Субхадры, вражеских героев губитель, Пурумиту же — семью и Сатьяврату семьдесятю пронзив, Шакре в битве равный, словно прилипшая в бою, нанес нам герой тяжкий урон. Десятью стрелами поразил его в ответ Читрасена, Сатьяврата — девятью, Пурумита — семью. Пронзенный, окровавленный, сломал сын Арджуны лук Читрасены, великий [лук], блистающий и поражающий врагов, и, пробив его доспехи, стрелою нанес ему удар в грудь. Тогда герои твоего стана, царские сыновья, великие воители, сплотившись в бою, неистовые, пронзили [того] отточенными стрелами, их же всех стрелами язвющими сразил величайший знаток оружия. Те его деяния видя, сыновья твои окружили его, испепеляющего в битве твое войско, как заросли сухостоя, как дрова огонь на исходе холодного времени года, и ярко пылал сын Субхадры, рассеивая твои войска.

Увидев, что он свершает, внук твой Лакшмана, о владыка народов, в бой вступил с сыном царевны сатват¹⁴⁴. Абхиманью же, разгневанного, Лакшману, счастливыми знаками отмеченного¹⁴⁵, пронзил шестью острыми стрелами и колесничного его трема. Так же и>>Лакшмана, о царь, сына Субхадры отточенными стрелами пронзил, о великий царь, и словно чудо то было. И острыми стрелами четырех его коней убив и колесничного, обрушился на Лакшману великомощный сын Субхадры. А Лакшмана, вражеских героев губитель, на колеснице, коней лишившейся, стоя, разъяренный, метнул дротик в направлении колесницы сына Субхадры. Его, что налетал стремительно, ужасный с виду, трудноодолимый, змея подобный, рассек Абхиманью острыми стрелами. После того на глазах у всего войска Гаутама, взяв Лакшману на свою колесницу, увез его тогда на колеснице из боя. Тогда в смятении продолжающегося великого сражения устремились друг на друга бойцы, обуреваемые жаждой убийства. И твои, великие лучники, и пандавы, великие колесничные воины, жертвоприношение жизни свершая, разили один другого. Простоволосые, без доспехов, лишившиеся колесниц, со сломанными луками, бились голыми руками сринджаи с куру. Тогда мощнорукий Бхишма, разгневанный, разил, великомощный, небесным оружием [своим] войско великих духом Пандавов. И земля там устлана была [телами] павших слонов, чьи убиты были хозяева, коней и людей, колесничных бойцов и всадников.

Глава 70

Санджая сказал:

Меж тем, о царь, мощнорукий Сатьяки, рассвирепевший, натягивая в битве лук, высшее напряжение выдерживающий, пускал оперенные стрелы, ядовитым змеям подобные, блистательно и проворно чудесное искусство владения оружием являя. И когда он лук сгибал и стрелы разного вида пускал, доставая все новые и [на тетиву] накладывая, он, мечущий в битве сражающие врагов стрелы, дивный облик являл, словно ливни извергающая туча. Видя неистовство его, царь Дурьодхана послал тогда против него десять тысяч колесниц. Но всех тех великих лучников Сатьяки, истинно доблестный, вышедший из лучников, сразил, мужественный, небесным [своим] оружием. И, совершив то ужасающее деяние, с луком в руке подступил тогда герой к Бхуришравасу. И тот, видя, что войско то повергнуто Ююджаной, ринулся [в бой], славу куру умножающий. Великий лук напрягая, цветом оружию Индры подобный, тысячами стал пускать он стрелы, с оружием грома сравнимые, с ядовитыми змеями сходные, о царь, руки сноровку являя. Против тех стрел, несущих смерть, не устояли тогда воины, сопровождавшие Сатьяки, о царь, и бросились бежать врассыпную, оставив на поле боя, о царь, Сатьяки, битвой опьяненного. Видя то, десятеро сыновей Ююджаны, великомощные, прославленные великие воители, блистающие доспехами, оружием и стягами, приступив на поле сражения к Бхуришравасу, великому лучнику, на чьем знамени жертвенный столб, все, распаленные, ему сказали: «О ты, родич Кауравов, о великомощный, иди, сразись на поле брани с нами, со всеми вместе или с каждым поодиночке. Либо ты, победив нас, обретишь в бою славу, либо мы, тебя победив, даруем радость отцу». Когда сказали так ему герои, он, великомощный, гордый силою своей, лучший из воителей, видя их близ себя, сказал им: «Хорошо изъяснили вы, о герои, то, что на уме у вас ныне. Сражайтесь все вместе, но берегитесь, убью я вас в бою!» В ответ на те слова герои, великие лучники, искушенные во владении оружием, великий ливень стрел пролили на врагов укротителя. За полдень, о великий царь, была та яростная схватка между одним и многими, сплотившимися в битве. Его, одного, лучшего из колесничных бойцов, осыпали они ливнем стрел, как тучи в пору дождей окропляя великую гору, о повелитель. Но пущенные ими во множестве стрелы, жезлу Ямы или оружию грома подобные, всем-всем не дав долететь, рассек быстро великий воитель. Там зрели мы небывалую мощь сына Сомадатты, что бесстрашно сражался на поле битвы один против многих. Извергнув тот ливень стрел, о царь, десятеро великих воителей окружили мощнорукого и ринулись его убивать. Сын же Сомадатты, гневный, десятью стрелами рассек тогда их луки, о Бхарата, во мгновение ока, великий воитель. И когда сломаны были их луки стрелами бхалла, крепко сложенными, о царь, он отсек им в бою головы острыми стрелами, и, сраженные, пали они на землю, как деревья, срубленные ваджрой. Видя сыновей [своих], могучих героев, убитыми в сражении, о царь, взревев, напал потомок Вришни на Бхуришраваса. Сшиблись на поле битвы оба великомощных, колесница с колесницей, и, сразив на поле битвы друг у друга колесничных коней, соскочили с бесполезных колесниц и сошлись [пешие] оба великих воителя. С великими мечами в руках оба, в превосходные доспехи одетые, блистали те мужи-тигры, стоявшие [друг против друга] для боя. Но тут, приблизившись поспешно к Сатьяки, лучшему из меченосцев, Бхимасена, о царь, взял его тогда на [свою] колесницу. И сын твой, о царь, немедля взял Бхуришраваса на [свою] колесницу на поле битвы на глазах у всех лучников.

А между тем как сражение не продолжалось, о бык среди бхаратов, разъяренные Пандавы бились с Бхишмой, великим воителем. И к тому времени, как стало багроветь солнце, Завоеватель богатств, немедляющий, сразил двадцать пять тысяч великих воителей. Они же, посланные

тогда Дурьодханой для сокрушения Партхи, едва его достигнув, сгинули, как мошкara в огне. После чего матсьи и кекаи, искушенные в науке стрельбы из лука, окружили тогда Партху, великого воителя, вместе с его сыном. Но в это же самое время закатилось солнце, и забытые овладело всеми воинами. Тогда, в сумерках, меж тем как притомились слоны и кони в войсках, о прекращении боя распорядился отец твой Деаварата. И оба войска, пандавов и куру, немало духом смуглившиеся во взаимном столкновении, разошлись по своим станам. Вернувшись к стоянкам своим, расположились там, о Бхарата, Пандавы со сринджаями вместе и куру на отдых, как положено.

Глава 71

С а н д ж а я сказал:

Разойдясь тогда, куру и пандавы, о царь, совместно, когда миновала ночь, выступили опять для битвы. И великий шум там возник, о Бхарата, меж тем как твои и те запрягали колесницы, готовили слонов и снаряжали пехотинцев и коней, о Бхарата. И рев труб и бой барабанов громом раздавались со всех сторон. Тогда царь Юдхистхира молвил Дхриштадьумне: «Строй Макары построй, врагов палящий, о мощнорукий». И когда сказал так Дхриштадьумне, великому воителю, сын Притхи, тот указал [где стать], о великий царь, колесничным бойцам, из колесничных бойцов избранный. Головою стали там Друпата и сын Панду Завоеватель богатств, глазами — Сахадева и Накула, великий воитель, кловом — Бхимасена великомощный, а сын Субхадры и сыновья Драупады, рахшас Гхатоткача, Сатьяки и Царь справедливости заняли шею строя, в тылу был Вирата, ратей предводитель, о великий царь, вместе с Дхриштадьумной, большим войском сопровождаемый; пятеро братьев Кекая, на левый край опиравшиеся, и Дхриштакету, муж-тигр, доблестный стрелок, на правом крыле стоя, занимали оборону, в ногах же стояли, о великий царь, славный Кунтибходжа, великий воитель, и Шатаника, большим войском сопровождаемый, Шикхандин же, великий лучник, в сопровождении Сомаков, могучий, а также Ираван — далее хвост Макары занимали. Так этот великий строй построив, о Бхарата, на восходе солнца Пандавы, опять вооружившись для битвы, незамедлительно обрушились на Кауравов — слоны, кони, колесницы и пехотинцы — с воздетыми знаменами, блистающими мечами и сверкающими стрелами. Деаварата же, отец твой, видя, что войско то построено, [свое] воинство, о царь, ему противопоставил строем Великой каравайки. На кловое блистал великий лучник сын Бхарадваджи, глазами стали Ашваттхаман и Крипа, о владыка мужей, Критаварман же вместе с камбоджками, араттами и бахликами в голове пребывал, лучший из воителей, из всех лучников лучший, на шее же — Шурасена, о достойный, и сын твой Дурьодхана, о великий царь, многими царями окруженный, а*царь Прагджджотиши вместе с мадрами, саувирами и кекаями был на груди, о лучший из воителей, войском большим сопровождаемый; с войском своим Сушарман, властитель Прастхалы, на левом крыле расположился, вооруженный, а тушары, яваны и скифы с чучупами правое крыло строя заняли, о Бхарата; Шругаюс, Шатаюдха и сын Сомадатты, о достойный, в тылу строя стояли, друг друга обороняя. Тогда сошлись в бою пандавы с кауравами, и на восходе солнца, о великий царь, произошла тогда великая битва. Колесницы устремились на слонов, слоны на колесницы ринулись, конники на конников, колесничные бойцы на всадников. На колесничного колесничного боец в великом сражении и на слонов, воины на слонах на колесничных воинов, колесничные же на всадников, колесничные бойцы с пехотинцами и всадники тоже с пехотинцами друг на друга на поле битвы, о царь, нападали, неистовые. Обороняемое Бхимасеной, Арджунной и близнецами, а также другими великими воителями, сияло пандавское войско, словно озаренная созвездиями ночь. Так же и твое войско, Бхишмой, Крипой, Дроной, Шальей, Дурьодханой и другими возглавляемое, блистало, как небо, планетами светящееся.

А Бхимасена, сын Кунти, Дрону завидев, отважный, на быстрых конях устремился на рать сына Бхарадваджи. Дрона же, в бою гневный, Бхиму девятью железными стрелами поразил в бою, в уязвимые места их направив, мужественный. Сильно [ими] пораженный, Бхима в бою тогда послал в обитель Ямы возницу сына Бхарадваджи. Сдерживая коней, сам блистательный сын Бхарадваджи стал уничтожать пандавское войско, как кучу травы огонь. Истребляемые Дроной и Бхишмой, о лучший из мужественных, в гибельное бегство обратились сринджай с кекаями. Так же и войско твоих, уничтожаемое Бхишмой и Арджунной, здесь и там в беспомощность впадало, словно захмелевшая красавица. Сокрушились тогда оба строя при той гибели превосходнейших героев, ужасное бедствие постигло и твоих и тех, о Бхарата. И небывалое зрелище предстало нам, о Бхарата, когда в сражении избрали все тот тягостный путь. Отражая удары друг друга, о владыка народов, бились и пандавы, и кауравы, великие воители.

Глава 72

Дхритараштра сказал:

Столько достоинств отличных у нашего войска, столь много родов [оружия], строй — в согласии с [военной] наукой, оно [разит] без промаха, о Санджая, оно удовлетворено и бесконечно предано нам всегда, послушно, чудно дурных пристастий, и доблесть его испытана прежде, не слишком стары и не юны [его воины], не тощи и не толсты, проворны и стремительны, крепки телом и не ведают недугов. Они хорошо вооружены и владеют многими видами оружия, искусны в бою на мечах, в «кулачном бою, в бою на палицах, владеют копьями, пиками, дротами в бою, железными ломами, пращами, дротиками, булавами в совершенстве, и кампанами, луками, каналами в совершенстве, различными видами метания и рукопашным боем. Явно искушены они и в учении, и в упражнении, науки о владении всеми видами оружия постигли досконально. Оседлать и соскочить они умеют, погонять и прыгать, верно наносить удары, наступать и отступать. Многократно проверены они со тщанием в их обращении со слонами, конями и колесницами, и соответственно проверке назначено им жалованье по справедливости, независимо от семейных связей, ни от угодничества, ни от родства, ни от дружеского расположения, ни от знатного происхождения, люди они состоятельные и благородные, родня их убогатворена и почтена [достаточно], и они обласканы, славны они и разумны. Повелеваю [войском], отец мой, неодолимые незаурядные мужи, незаурядные деяния творящие, хранителям мира 146 подобные, прославленные в мире. И многие кшатрии обороняют его, на земле народом чтимые, по доброй воле примкнувшие к нам со своими отрядами и подчиненными. Оно — словно великий океан, наполняемый впадающими отовсюду реками, без крыльев как бы крылатое с охватывающими его слонами и колесницами, грозное, наводненное всякого рода оружием, катящее волны слонов и коней, плещущее пращами, мечами, палицами, дротиками, стрелами, копьями. Теснятся в нем знамена с украшениями, в драгоценный покров оно одето, и мечутся в нем слоны и кони, как ветры, его волнующие, — великому океану, непреодолимому и бурному, оно подобно. Дрона и Бхишма его обороняют, и Критаварман по главе его, Крипа и Духшасана и возглавляемые Джаядратхой с Бхагадаттой и Викарной сын Дроны и сын Субалы с бахликами — несравненными в мире героями, великими духом, оборонено оно, и то, что гибнет оно в битве, одной судьбою предназначено может быть изначально! Никогда еще не видели на земле такого приготвления [к войне] люди, ни древние провидцы, великие судьбою, о Санджая. Ведь чтобы подобное скопление войск, в изобилии ручным и метательным оружием снаряженных, истреблялось в битве — что, кроме судьбы, могло предопределить это? Противоестественным кажется все это, о Санджая, если такая грозная сила не могла одолеть в битве Пандавов. Или боги там вмешались на стороне Пандавов, что сражаются они с войском моим, сколько бы ни истребляли их, о Санджая. Говорил ведь Видура здесь благое и полезное, о Санджая, но не внял ему глупый сын мой Дурьодхана. Думаю, то прежнее мнение его, всеведущего, великого духом, подтвердившееся [теперь], отец мой, предвидением было. Ибо, как предопределено во всем будущее изначально творцом, о Свнджая, так оно и свершается, не иначе.

Глава 73

Санджая сказал:

По собственной вине навлек ты на себя такую беду, о царь. Но ведь Дурьодхана [так и] не видит, о бык среди бхаратов, того, что понял ты, о царь, — что совершенно было осквернение веры. По твоей вине содеялась эта игра в кости, о владыка народов, по твоей вине началась война с Пандавами. Ныне пожай плоды прегрешения, которое совершил. Кто сам согрешил, сам же и расплачивается за содеянное. И здесь, и в потустороннем мире воздастся тебе по справедливости, о царь. Поэтому, духом укрепившись, прими великое бедствие, о царь, и слушай, что я расскажу тебе о битве, как она происходила. Бхимасена, острыми стрелами великую рать сокрушив, напал тогда, герой, на всех младших братьев Дурьодханы. Духшасану, Дуришаху, Духсаху, Дурмаду, Джая, Джаятсену и Викарну, Читрасену, Сударшану, Чаручитру, Сувармана, Душкарну и Карну тоже — этих и других прекрасноруких воителей, разгневанных сынов Дхритараштры вблизи себя увидев, Бхима, великомощный, вторгся в ту великую рать, обороняемую в битве Бхишмой. Тогда воззвали друг к другу повелители людей: «Вот достался нам Волшебрухий, отнимем жизнь у него!»

Теми братьями, исполненными решимости, окруженный, словно солнце среди злых планет 147 в час истребления рожденных, сын Притхи, в середину строя пробившийся, не дал страху овладеть им, как в войне богов и асуров великий Индра, к демонам подступивший. Тогда сотни тысяч колесничных бойцов все разом, о властитель, его одного, обрушивающего [стрелы], тоже затмили ужасными стрелами. Он же, отважный, сынами Дхритараштры пренебрегая, их превосходных воинов, что ехали на слонах, конях и колесницах, сразил на поле боя. Их намерения познав, Бхимасена, горделивый, их всех, схватить его стремящихся, убить решил, о царь. Тогда, покинув колесницу, с палицей в руке сын Панду стал сокрушать тот великий океан полчищ сынов Дхритараштры. А в то время, когда Бхимасена вторгся [туда], Дхриштадьумна, внук Пришаты, устремился напрямик на сына Субалы. Рассеяв великое войско твоих, муж-бык достиг пустой колесницы Бхимасены на поле битвы. Увидев на поле Вишоку, колесничного Бхимасены, гору предался Дхриштадьумна до потери сознания, о великий царь. Голосом, прерывающимся от слез, он воскликнул, в горести вопрошая: «Где Бхима, который мне жизни дороже?» Вишока, руки в ладони сложив, отвечал Дхриштадьумне: «Меня оставив здесь, могучий Пандаве, блистательный, вторгся в этот великий океан ратей сынов Дхритараштры, а мне, о муж-тигр, он такое слово молвил с приязнью: " Подожди меня, о возница, придержи коней ненадолго, пока не

сразу я без промедления этих, убить меня собравшихся". Меж тем при виде его, с палицей в руке вперед стремящегося, зависть всеми воинами овладела. А в той длящейся устрашающей битве неистовой, пробив брешь в великом строе, о царь, углубился в него твой друг». Выслушав речь Вишоки, Дхриштадьумна, внук Пришаты, отвечал тогда возниче на поле боя, великомощный: «Ныне и жизнь мне ни к чему, о возница, если покину в бою Бхимасену, от преданности Пандавам отрекись. Что скажет обо мне кшатрийство, если вернусь без Бхимы, когда уйдет Бхима один, а я уцелею в битве? Благополучия лишают боги с Агни во главе того, кто, друзей покинув, [сам] возвращается домой благополучно. Бхима — друг мне и свойственник также, великомощный, он предан нам, и я ему предан, врагов карательно. Так туда, куда Волчебрюхий отправился, и я пойду, зри, как буду я разить врагов, словно Предводитель Васу — демонов!» Такую речь произнес, герой последовал затем в глубь [строя] по путям Бхимасены, [отмеченным телами] сокрушенных палицей слонов. Он увидел тогда Бхиму, испепеляющего вражеское войско, мощно крушащего в битве царей, как буря — деревья. И те истребляемые на поле сражения колесничные бойцы и всадники, пешие воины и слоны, страждущие, громкие вопли издавали. И крики горести оглашали войско твоё, о достойный, избиваемое Бхимасеной, достигшим совершенства в различных видах боя. Затем все искусные лучники, окружив Волчебрюхого, стали, бесстрашные, осыпать его ливнями стрел отовсюду. Увидев, что нападают со всех сторон на сына Панду, лучшего из вооруженных, герой мира, грозное войско сплоченное, могучий внук Пришаты приблизился тогда к Бхимасене, израненному стрелами, пешему, изрыгающему яд гнева своего, и ободрил внука Пришаты Бхимасену, палицей вооруженного, подобного Смерти в час кончины. Немедля освободил он его от [вонзившихся] стрел, поднял на свою колесницу, великий духом, и, крепко обняв, ободрение Бхимасене среди врагов принес. Сын же твой, меж тем как продолжалось то великое побоище, к братьям приблизился: «Этот злодущий сын Друпеды объединился с Бхимасеной. Идем все вместе, убьем его, не дадим врагу на нашу рать посягнуть». Слова эти выслушав, сыны Дхритараштры, разъяренные, повинувшись приказу старшего [брата], подъяв оружие, ринулись убийства ради, как в час гибели юги свирепые метеоры. Схватив блистающие луки, герои, в трепет приводя тетив и луков громаханием, окропили стрелами сына Друпеды, словно тучи гору потоками ливней, но, их отражая острейшими стрелами, не дрогнув в сражении ведающий разные виды боя. Увидев близ себя на поле брани утвердившихся героев, неистовых сыновей твоих, юный сын Друпеды, убения [их] жаждущий, помрачающее разум оружие грозное наложил [на тетиву], великий воитель, на сыновей твоих, о царь, весьма разгневанный, как в битве [когда-то] великий Индра на демонов. Тем помрачающим оружием лишенные разума и силы духа, бросились бежать врассыпную все куру со [своими] конями, слонами и колесницами, видя, что ошеломлены и потеряли рассудок твои сыновья, словно уже настал их срок. А в это самое время Дрона, лучший из вооруженных, приблизившись к Друпде, пронзил его тремя ужасными стрелами. Тяжко пораженный в бою Дроной, о царь, отступил тогда повелитель Друпеды, помня о прежней [их] вражде. Победив Друпеду, Дрона затрубил в раковину, блистательный. Звуки его раковины слышав, содрогнулись все Сомаки. Но вот Дрона, исполненный пыла, лучший из вооруженных, услышал о сыновьях твоих, помрачающим оружием помраченных в битве. Тогда Дрона, царям преданный безмерно, поспешно оставил [то] поле боя. И там, [в другом месте], увидел блистательный сын Бхарадваджи, великий лучник, Дхриштадьумну и Бхиму, являющих себя в великой битве, и вставших в беспамятство сыновей твоих увидел великий воитель. Тогда, взяв оружие познания, он разнес вдребезги оружие помрачения. После чего сыновья твои, великие воители, к которым вернулись силы жизни, опять устремились в бой на поле брани на Бхиму и внука Пришаты. Тогда, созвав своих воинов, молвил Юдхиштира: «Да следуют в битве по мере сил по тропе Бхимы и внука Пришаты двенадцать героев на колесницах, в доспехи одетые, с сыном Субхадры во главе; пусть проследят они их действия, ибо неспокойно у меня на сердце». Получив такой приказ, те герои, доблестные воины, отвечали: «Исполним», — все в мужество свое верящие, и, когда солнце достигло полудня, все до одного выступили вперед. Кекаи и сыновья Друпеды и Дхриштакету храбрый, с Абхиманьюю впереди, большим войском сопровождаемые, на поле боя строй Острие иглы установив, укротители врагов, сокрушительный удар нанесли в битве колесничной рати сынов Дхритараштры. Тем великим лучникам, наступающим с Абхиманьюю во главе, не могла противостоять Бхимасеной устрашенная, Дхриштадьумной помраченная рать твоё, о властитель людей, как обеспамятевшая во хмелю девица, на улице оказавшаяся. А те подоспевшие великие лучники со стягами, отделанными золотом, поспешили к Дхриштадьумне и Волчебрюхому, желая поддержать их. А те двое, завидев великих лучников во главе с Абхиманьюю, преисполнились радости, уничтожающие твоё войско. Завидев же стремительно приближающегося учителя своего, Панчалийский перестал угрожать убием твоим сыновьям, внук Пришаты. Переправив Волчебрюхого на колесницу Кекаи, разгневанный, ринулся он на Дрону, непревзойденного в искусстве метания стрел и дротиков. Тотчас блистательный сын Бхарадваджи рассек стрелою бхалла лук нападавшего, гневный врагов истребитель. И другие стрелы сотнями стал посылать он во внука Пришаты во благо Дурьодхану, о покровительстве господина помня. Но, взяв другой лук, внук Пришаты, вражеских героев губитель, семьдесят [стрелами] с золотым опереньем, на камне отточенными, Дрону пронзил. Дрона, недругов изводящий, опять рассек его лук и тотчас четырех его коней четырьмя превосходными стрелами в страшную обитель сына Вивасвана послал, мужественный, и его колесничного стрелою бхалла Смерти послал. С колесницы, лишившейся коней, немедленно соскочив, великий воитель взмог, мощнорукий, на великую колесницу Абхиманьюю. Дрогнуло тогда войско колесниц, слонов и конников на глазах у Бхимасены и внука Пришаты. И те великие воители все вместе, видя, что разгромил ту рать неизмеримый пылом Дрона, уже не могли оборонить ее. А войско то, истребляемое острыми стрелами Дроны, туда и сюда металось, морю в бурю подобное. И при виде того войска ликовали твои полки; видя, как испепеляет вражеское воинство разгневанный наставник, воины со всех сторон возглашали: «Славно, славно!» — о Бхарата.

Глава 74

Санджая сказал:

Меж тем царь Дурьодхана, оправившись тогда от беспамятства, опять стал ливнями стрел путь преграждать несокрушимо Бхиме. И сыновья твои, великие воители, опять сплотившись, сошлись на поле боя и сражались с Бхимой, воодушевленные. Бхимасена же, опять обретя на поле боя свою колесницу, взмог на нее, мощнорукий, и направился к сыну твоему. И, взяв прескорый смертоубийственный, крепкий, блистающий лук, стал он поражать в бою стрелами твоих сынов. Тогда царь Дурьодхана тяжелой стрелой острейшей нанес удар великомощному Бхимасене в уязвимое место. Глубоко пронзенный сыном твоим из лука, с глазами, покрасневшими от гнева, великий лучник, стремительно вскинув лук, тремя стрелами поразил Дурьодхану в обе руки и в грудь; царь же, пораженный так, не шелохнулся, царю гор подобный. Видя тех обоих гневных, разящих в бою друг друга, все герои, младшие братья Дурьодханы, жизни не щадящие, помня прежний замысел укротить грозные деяния творящего, решившись душою, выступили его укрощения ради. Им, нападающим, выступил навстречу на поле боя великомощный Бхимасена, о великий царь, словно слон против враждебных слонов. Тяжкой стрелою, гневный весьма, исполненный пыла, он поразил, многославный, Читрасену, сына твоего, о великий царь. Тан*ке и другим твоим сыновьям он нанес удары в битве, о Бхарата, многообразными быстролетными стрелами с золотым опереньем. Тогда, расположив по-всякому свои рати на поле боя, тех двенадцать великих воителей, предводимых Абхиманьюю, послал Царь справедливости следовать по стопам Бхимасены, и они напали, о великий царь на твоих великомощных сыновей. Всех тех героев на колесницах увидев, пылом равных солнцу и огню, великих лучников, блистающих, красотою осененных, в великой битве светозарных, в пылающих золотом доспехах, отступились на поле боя от Бхимы твои великомощные сыновья. Но не снес того сын Кунти, что ушли они живыми, и, последовав за ними, опять стал уязвлять всех сыновей твоих. Увидев, что соединился Абхиманью с Бхимасеной на поле боя и с внуком Пришаты, великие воители твоего войска во главе с Дурьодханой, вооруженные луками, быстро помчались на резвых конях туда, где были те воители. И за полдень продолжалась, о царь, великая битва твоих могучих воинов со вражескими, о Бхарата. Абхиманью, убив быстроногих коней Викарны, его самого осыпал двадцатью пятью малыми стрелами. Викарна же, великий воитель, покинув лишившуюся коней колесницу, взмог, о царь, на блистающую колесницу Читрасены. Обоих братьев, отпрысков рода Куру, на одной колеснице стоящих, сетью из стрел покрыл сын Арджуны, о Бхарата. А Дурьоджа и Викарна сына Кришны 148 пятью железными поразили, но не дрогнув сын Кришны, словно гора Меру. Духшасана же на поле брани сражался с пятью Кекаями, о достойный, и чуду подобно то было, о Индра царей. Сыны Друпеды, гневные, окружили в бою Дурьодхану, и каждый из них тремя стрелами поразил твоего сына, о владыка народов. И сын твой неприступный сыновей Друпеды в бою острыми стрелами ранил, о царь, каждого по отдельности. Ими же пронзенный, красовался он, кровью истекающий, словно гора со струящимися с нее потоками, рудою окрашенными. Также и Бхисма, о царь, в бою войско Пандавов гнал, могучий, словно пастух стадо. Тогда раздался Гандивы звон, о владыка народов, на правом краю войска, где разил врагов Партва. Там поднялись со всех сторон на поле сражения безглавые трупы 149 меж ратей и куру, и пандавов, о Бхарата. И мужи-тигры на колесницах-кораблях плыли через море ратей, где водою была кровь, водоворотами — воители, островами — слоны, волнами — кони. И сотнями и тысячами со отрубленными руками, без доспехов, изуродованные, являлись там взору павшие лучшие мужи. Из-за тел сраженных ярых слонов, плавающих в потоках крови, о лучший из бхаратов, горами покрытой земля казалась. И небывалое мы зрели там, о Бхарата: ни из твоих, ни из тех ни единого не было человека, кто не жаждал бы сражаться. Так сражались герои, взыскующие великой славы, твои с пандавами, жаждущие победы в бою.

Глава 75

Санджая сказал:

Тогда, меж тем как стало багроветь солнце, царь Дурьодхана, неистовый в бою, ринулся на Бхиму, желая убить его. Видя, что приближается он, муж храбрый, во вражде непреклонный, Бхимасена, разгневанный, такое слово молвил: «Вот час настал, которого ждал я многие годы! Сегодня я убью тебя, если не покинешь поле битвы. Сегодня страдания Кунти и прозябание в лесу и страдания Друпеды я развею, когда

убит ты будешь. За то, что, игру затеяв, унизил ты Пандавов, за этот грех, узри, о сын Гандхари, пришла расплата! За то, что, вняв некогда советам Карны и сына Субалы, бездумно вознамерился ты помыкать Пандавами, как вздумается тебе, за то, что в ослеплении своем презрел ты просьбы потомка Дашархи, что позабавился с посольством Улукньи 0, сегодня я убью тебя с последователями и родичами вместе и воздам за те злодеяния, что совершил ты некогда». Так сказав, натянул он грозный лук [свой] и, вскидывая его неоднократно, грозные стрелы достав, видом великому оружию грома подобные, стремительно и быстро двадцать шесть выпустил в Суйодхану, похожие на полыхающие языки огня, равные оружию грома, бьющие без промаха. Тогда двумя он поразил его лук и двумя колесничего, а четырьмя отправил его быстрых коней в обитель Ямы. И с хорошо натянутой [тетивы] двумя стрелами сокрушитель врагов снес в бою зонт царя с его превосходной колесницы и тремя снес его сверкающее превосходное знамя, срезав же его на глазах у твоего сына, взревел громко. А то знамя прекрасное, различными драгоценностями украшенное, упало вдруг с колесницы на землю, словно молния из тучи. Сияющее, солнцу подобно, знамя властителя куру [со знаком] слона, в драгоценных камнях, красивое, срубленным узрели все цари. И его [самого] десятью стрелами, словно великого слона стрекалами, уязвил, как бы посмеиваясь, Бхима, великий воитель. Но тогда царь синдху Джаядратха, лучший из воителей, занял место в тылу Дурьодханы, мужу доброму подобающее. А Крипа, лучший из колесничных воинов, неизмеримого силой Кауравью, о царь, неистового Дурьодхану поднял на [свою] колесницу. Тяжко раненный, в битве Бхимасеной сокрушенный, опустил тогда царь Дурьодхана на дно колесницы. Затем Джаядратха, желая убить Бхиму, окружил его многими тысячами колесниц, страны света Бхиме закрыв.

Тогда на сыновей твоих напали, о царь, Дхриштaketу и мужественный Абхиманью, Кекаи и сыны Драупади. Читрасена, Сучитра, Читрашва, Читрадхарана, Чаручитра и Сучару, а также Нанда с Упанандакой — эти восьмеро, великие лучники, юные, славные, окружили со всех сторон, о царь, колесницу Абхиманью. Тотчас поразил тогда Абхиманью великодушный каждого пятью стрелами, крепко сложенными, ваджре и Смерти подобными, различными оружиями извергаемыми. Они же все, неистовые, сына Субхадры, лучшего из воителей, ливнями уязвляющих стрел осыпали, словно тучи — гору Меру. Но уязвленный в бою Абхиманью, в метании достигший совершенства, битвой опьяненный, в трепет привел твоих [сыновей], о великий царь, как в битве богов и асуров Держатель ваджры — великих асуров. Затем четырнадцать стрел бхалла он, лучший из воителей, послал в Викарну, о Бхарата, ужасные, ядовитым змеям подобные, и сокрушил его знамя, возницу и коней, словно приплывшая в бою. И еще другие стрелы, закаленные, с незатупившимися остриями, на камне отточенные, послал великомощный сын Субхадры в Викарну. Достигнув Викарны, в перья цапли одетые, они пронизали тело его и в землю ушли, пылающие, словно змии. И те стрелы с позолоченными древками и остриями, обогрившиеся кровью Викарны, и на земле словно продолжали кровь проливать.

Видя Викарну пронзенным, другие, родные братья его, устремились в бой на воителей, сыном Субхадры возглавляемых. И когда стремглав приблизились они к ним, на колесницах стоящим, как солнце блистающим, стали поражать они друг друга в бою, неистовые, битвой опьяненные. Дурмукуха, семью быстролетными стрелами пронзив Шрутакармана, одного срезал знамя его и семью [поразил] колесничего. Приблизившись, коней его, золотыми попонами покрытых, быстрых как ветер, он сразил шестью стрелами и поверг колесничего. Шрутакарман, на колеснице, коней лишившейся, стоя, метнул, разгневанный, дротик, пылающему великому метеору подобный. Пробив толстые доспехи славного Дурмуки, тот пронзил его, острый, сверкающий, и вошел в землю. Видя его там без колесницы, Сугасома великомощный на глазах у всех воинов поднял его на свою колесницу. Герой Шрутакирти на сына твоего Джаятсену напал в бою, о царь, убить желая прославленного. Лук, который напрягал великий духом Шрутакирти, в бою рассек острейшим лезвием стрелы, о царь, сын твой Джаятсена, как бы усмекаясь, о Бхарата. Узрев родного брата со сломанным луком, устремился к нему отважный Шатаника, рычанье, словно лев, все снова издавая. И в бою, с силой напрягая лук, тотчас пронзил Шатаника Джаятсену десятью стрелами. И другой, глубоко разящей, любой доспех пробивающей, тяжело поразил Джаятсену Шатаника в грудь. Меж тем Душкарна, близ которого брат находился, гневом охваченный, рассек в бою лук сына Накулы. Взяв другой превосходный лук, большое напряжение выдерживающий, острые стрелы достал Шатаника великомощный. «Стой, стой!» — воззвал он к Душкарне перед братом [того] и выпустил в него отточенные стрелы, пылающие, змия подобные. Затем одною луком, двумя возникшей, о достойный, и его [самого] в бою семью он поразил немедленно. И быстрых, как мысль, пятнадцать коней его он всех немедленно сразил, незапятнанный, двенадцатью отточенными стрелами. И еще другой стрелою бхалла, метко пущенной, повергающей, тяжело поразил он, гневный, Душкарну в грудь. Увидев, что убит Душкарна, пятеро великих воителей, о царь, убийства жаждущие, окружили Шатанику со всех сторон. К славному Шатанике, тучами стрел окутанному, пятеро братьев Кекаев устремились [на помощь], неистовые. Видя, что налетают они, ринулись твои сыновья, великие воители, им навстречу, о великий царь, как на великих слонов слоны. Дурмукуха и Дурджая, а также молодой Дурмаршана, Шатрунджая, Шатрусакха равно выступили все, прославленные, гневные, о великий царь, навстречу братьям Кекаям. На колесницах, крепостям подобных, конями, быстрыми, как мысль, запряженных, с украшенными разнообразных цветов знаменами, герои, вооруженные превосходными луками, в блистающих разноцветных доспехах и при [таких же] стягах, ворвались во вражеские ряды, как львы из леса в лес. Безумная и свирепая битва завязалась между ними, разящими один другого, друг против друга злодействующими, в которой смешались колесницы и слоны, о царь, которая царство Ямы расширяла. На закате солнца еще недолго продолжалась та ужасная битва, и тысячами устилали [поле сраженные] колесничные бойцы и всадники. Тогда Бхишма, сын Шантану, гневный, стрелами, крепко сложенными, истреблял войско тех великих духом, и войска панчалов стрелами посылал он в обитель Ямы. Так разгромив рать Пандавов, великий лучник войскам отступать повелел и ушел в свой стан, о царь. И Царь справедливости, увидев Дхриштадьюмну с Волчебрюхом, к макушкам их приложил 131 и, радостный, в стан ушел.

Глава 76

Санджая сказал:

И вот храбрецы, зло причинившие друг другу, разошлись, о великий царь, окровавленные, по своим станам. Отдохнув, сколько полагается, друг другу хвалу воздав, вновь предстали они взорам, снарядившиеся ради стремления к битве. Тогда твой сын, чье тело было покрыто потоками крови, о царь, думами обуреваемый, спросил деда: «Войска многознаменные свирепы, устрашающие, правильно построены, [но] разбили их, сразили, подавили незамедлительно, всех в бою ошеломив, герои Пандавов, полчищами колесниц сопровождаемые, прославленные. Я же, прорвав тот строй Макары, твердостью ваджры обладающий, сокрушен был, [однако,] ужасными стрелами Бхимы, жезлу Смерти подобными. Страхом был я оглушен и до сих пор не обрету покоя. Добиться победы и пандавских истребить хочу я милостью твоею, о верный слову!» Когда сказал он так, видя, что пал духом Дурьодхана, отвечал ему, усмекаясь, великий духом сын Ганга, избравший из вооруженных, неунывающий, воодушевленный: «Все силы собрав, во [вражеское] войско я ворвусь, [ибо] всей душою, о царский сын, победу и счастье я тебе даровать желаю и тебя ради не пощажу себя. Те великие воители, в битве поддерживающие Пандавов, свирепы, многочисленны, прославленные, храбрейшие, искусные в метании оружия, неутомимые, яд гнева они изрыгают. Так сразу не победить их здесь, воинствующих, вражду питающих к тебе. Но со всею самоотверженностью я буду сражаться с ними, о царь, не щадя жизни своей. В битве ради тебя, о благородный, я свою жизнь беречь не стану ныне. Ради тебя испепелю я все миры с богами и демонами вместе, не то что врагов твоих здесь! И Пандавов я сокрушу в бою, о царь, и все сделаю, что тебе угодно!» И, услышав это, возрадовался душою Дурьодхана, ободренный чрезвычайно. Тогда молвил он, оживленный, всем войскам и царям всем: «Выступайте!» — и по его приказу выступили стремительно мириады колесниц, конников, пехотинцев и слонов. И ликующие блистали на поле сражения пребывающие те великие войска твои, о царь, всякими видами оружия снаряженные, из слонов, конников и пеших собранные. И красовались [там] повсюду отрядами во множестве расположившиеся слоны, хорошо снаряженные, и полчища войск твоих, о божественный среди мужей, возглавляя воины, искушенные во владении оружием ближнего и дальнего боя. И пыль, поднятая на поле брани движущимися, правильно направляемыми колесницами и полками пехотинцев, слонов и конников, окрашенная в багрянец зари, застилала солнечные лучи. Блистали всюду на поле боя многоцветные знамена на колесницах и слонах, колышавшиеся и развевающиеся по ветру, подобные молниям в тучах на небе. Трещание луков, напрягаемых царями, громовое, необычайно грозное, звучало тогда, подобно тому, что было при пахтании океана сонмами богов и великих асуров в изначальной юге 152. Тогда взволновалось войско твоих сыновей, грозно взревшее, множество образов и цветов являющее, вражеские войска сокрушающее, сонму туч на исходе юги подобное.

Глава 77

Санджая сказал:

И вот сыну твоему, пребывающему в раздумье, сын Ганга, лучший из бхаратов, снова слово, радость вселяющее, молвил: «Я, и Дрона, и Шалакья, и Сатвата Кригаварман, Ашваттхаман, Бхарна, Сомадатта и также Синдхинец, Винда с Анувиндой Авантийские, Бахлика с бахликами и могучий царь тригартв, Магадхинец 4, непобедимый Брихадбала, царь Косалы, Вивиншати, и многие тысячи воителей, блистательных под великими стягами, и чистокровные кони, о царь, искусными наездниками оседланные, и могучие ярые слоны, истекающие мускусом из висков и пастей, и пешие воины-герои, различными оружиями снаряженные, из различных стран родом, готовые за тебя сражаться, эти и многие другие, жизнь за тебя положить готовые, в битве самих богов мы победить способны — так я полагаю. И все же, о царь, я должен, как всегда, сказать ради твоего блага: даже боги с Предводителем Васу вместе не могут победить Пандавов, которым помогает Васудева, великому Индре равных доблестью. Но я, как бы то ни было, все по твоему слову буду исполнять, и в

битве либо я одержу победу над Пандавами, либо Пандавы победят меня». Сказав так, он даровал ему чудесное зелье, исцеляющее раны, нанесенные стрелами, и тот исцелился тогда от ран. Затем, на ясной заре, доблестный Бхишма сам построил свое войско стро- ем Круга, в построении искушенный, —различными оружиеми избилый, о лучший из людей, полный превосходных воинов, еще слонов и пехотинцев, со всех сторон он прикрыт был многими тысячами колесниц с большими отрядами конников, вооруженных мечами и копьями; при каждом слоне —семь колесниц, при каждой колеснице —семь конников, за каждым конем —десять лучников, при лучнике —семь щитоносцев. Таким строем установили великие воеводы твое войско, о великий царь, на великую битву, Бхишмой охраняемое. Его же самого обороняли те герои, а он защищал их, в доспехи одетых царей, что предстали взору, великомощные. Дурьодхана же, вооружен- ный для боя, блистал на колеснице красотою, милостивый, как Шаkra на третьем небе155. Тогда великий шум поднялся среди твоих сыновей, о Бхарата, грохот колесниц оглушительный и звуки музыки раздались. Бхишмой построенный великий строй сынов Дхритараштры —Круг, для ударов недругов неуязвимый, обратился на запад, на битву; со всех сторон он блистал, для врагов неприступный. Увидев же строй Круга, в высшей мере устрашающий, царь Юдхиштхира сам установил строй Ваджры. В войсках, построенных и расположившихся каждое на своем месте, колесничные бойцы и всадники львиный рык издавали. Тогда, жаждущие строй сокрушить друг у друга, выступили со своими войсками герои, бойцы, рвущиеся в битву. Сын Бхарадваджи выступил против Матсьи, а сын Дроны —против Шикхандина, сам царь Дурьодхана ринулся на внука Пришаты, Накула и Сахадева, о царь, на владыку мадров напали, Винда с Анувиндою Авантийские устремились на Иравана; и все цари на поле брани сражались с Завоевателем богатств; Бхимасена, бдительный в бою, оборонялся от сына Хридики; с Читрасеной, Вичарной и еще с Дурмаршаною, сыновьями твоими, о властитель, сражался на поле сын Арджуны, о царь; на Прагджотишу, великого лука, набросился стремглав сын Хидимбы, лучший из ракшасов, словно ярый слон на ярого, а ракшас Аламбуса тогда в бою, о царь, устремился, гневный, на неистового в битве Сатьяки с его войском; Бхуришравас, бдительный в бою, сражался с Дхриштaketу, а с царем Шрутаюсом —сын Дхармы Юдхиштхира, Чекитана же на поле сражения бросил вызов Крипе; меж тем остальные противостояли, бдительные, Бхиме, великому воеводе. Тогда тысячи царей с дротиками, копьями, стрелами, палицами, булавами в руках окружили Завоевателя богатств. Арджуна же, разгневанный всею, так потомку Вришни молвил: «Видь, о Мадхава, войска сынов Дхритараштры на поле битвы, кои построил в построении искушенный сын Ганги, великий духом. Видь героев, на битву устремленных, о Мадхава, видь царя тригартвов с братьями вместе, о Кешава. Сегодня я повергну их у тебя на глазах, о Джанардана, тех, что стремятся, о лучший из [рода] Яду, сразиться со мною на поле брани!» С этими словами сын Кунти, натерев тетиву на луке, ливни стрел пролил на сонмы властителей. И его те превосходные лучники тоже ливнями стрел окропили, как тучи в пору дождей водяными потоками пруд переполняют. Громкие возгласы горести раздались в твоём войске, о владыка народов, когда оба Кришны предстали взорам, застланные совершенно стрелами в великой битве. И боги, божественные мудрецы, гандхарвы и великие змии преисполнились величайшего удивления, когда увидели, в какое состояние впали оба Кришны. Тогда разгневанный Арджуна оружие, [дарованное] Индрой, подъял, о царь, и узрели мы там необыкновенную доблесть Победителя, который ливень стрел, врагами пущенных, потоками [своих] стрел отразил. И никого там не осталось непронзенного, о владыка народов, из тех тысяч царей, из коней и слонов, и других двумя либо тремя стрелами каждого поразил Партва, о достойный. Истребляемые Партой, бежали они к Бхишме, сыну Шантану, стал Бхишма тогда спасителем низвергшихся в бездну. И как [волнуют] великий океан бурные ветры, о великий царь, [так] в смятение привели беглецы твое войско.

Глава 78

Санджая сказал:

Меж тем как продолжалась битва, и отступил Сушарман, и разгромил героев сына Панду, великий духом, и войско твое взволновалось бурно, океану подобно, а сын Ганги поспешно выступил против Победителя, Дурьодхана, узрев, о царь, отвагу Партхи в битве, поспешил ко всем тем царям и посреди всего войска молвил им и возглавлявшему их смелому Сушарману, великомощному, слово, ободряющее всея: «Вот Бхишма, сын Шантану, стремящийся сразиться с Завоевателем богатств, лучший из куру, всей душою жизнь свою положить готовый; его, потомка Бхараты, со всем войском на вражескую рать наступающего, прародителя, все вы охраняйте бдительно в бою!» —«Непременно!» Повинуясь [велению], те рати властителей, о великий царь, отовсюду направились к деду. Тогда Бхишма, сын Шантану, стремительно двинулся на Арджуна из рода Бхараты и сошелся на поле битвы с ним, великомощным, движущимся навстречу на великой колеснице, великими белыми конями запряженной, гремющей, как грозовая туча, с грозной обезьяной на стяге, над нею блистающем. И при виде приближающегося Завоевателя богатств Увенчанного нестройные возгласы ужаса раздались во всех войсках. Узрев же Кришну с вожжами в руках, словно другое солнцеб в полдень, уже не могли они встретиться с ним взглядом в битве. И на Бхишму, сына Шантану, с его белыми конями и белым луком, не могли глянуть пандавы, как на возшедшую Белую планету157. Он же окружен был со всех сторон тригартами, духом превеликими, также братьями, твоими сынами, и другими великими воеводами. А между тем сын Бхарадваджи в бою пронзил стрелою Матсью и стяг его [одной] стрелою и лук еще одной рассек на поле брани. Отбросив тот сломанный лук, Вирата, предводитель ратей, быстро взял другой, крепкий и большое напряжение выдерживающий, и стрелы, видом подобные ядовитым пылающим змиям. Дрону он прострелил тремя и четыремя его коней, знамя одною пронзил и его колесничного пятью, лук разбил одной стрелой. Тот разгневался тогда, бык среди дваждырожденных. Восемью стрелами, крепко сложенными, убил Дрона его коней, о лучший из бхаратов, одною —вознижу. С колесницы, где кони были убиты, прыгнул он, чей был убит колесничий, и на колесницу Шанкхи немедля вззошел, из колесничных бойцов избранный. Затем оба, отец и сын, на той колеснице стоя, обильным ливнем стрел изо всех сил от сына Бхарадваджи отбивались. Сын Бхарадваджи тогда в бою, разгневанный, послал немедля в Шанкху стрелу, ядовитой змее подобную, о владыка людей. Пронзив его сердце, напившись в бою его крови, обогрившая тело его, вошла та стрела в землю. Стремглав упал он с колесницы, убитый стрелою сына Бхарадваджи, рядом с отцом, лук и стрелы выронив из рук. Видя сына своего убитым, в страхе бежал Вирата, на поле боя Дрону оставив, Смерти с разверстой пастью подобного. Сын Бхарадваджи обрушился тогда немедля на великую рать ЧЛандавов, сотнями и тысячами [ее воинов] сражая. Шикхандин же, о великий царь, в бою напав на сына Дроны, поразил его меж бровей тремя быстролетными стрелами. И с ними тремя, во лбу торчащими, тот муж-тигр выглядел как Меру с тремя вознесшимися золотыми вершинами. Ашваттхаман тогда, гневный, за полмгновения, множество стрел нацелив, поверг в битве колесничного Шикхандина, его зная, о царь, коней и оружие. Соскочив с колесницы, где кони были убиты, гневный Шикхандин, лучший из колесничных бойцов, острый сверкающий меч схватив и щит, устремился вперед, как орел, врагов каратель. И когда с мечом он двинулся по полю битвы, о великий царь, не мог уловить мига [для удара] сын Дроны, и словно чудо то было. Тогда многие тысячи стрел, о бык среди бхаратов, послал на поле боя разъяренный чрезвычайно сын Дроны. Тот ливень стрел ужаснейший, в битве обрушившийся, острым мечом посек избранный из могучих. Тогда его прекрасный щит с сотнею лун, блистающий, пробил сын Дроны и вдребезги разнес его меч в бою и великим множеством острых стрел, о царь, его пронзил. Шикхандин же обломанный его стрелами меч, на пылающего змия похожий, немедля в него швырнул с размаха. Его, что Огню Времени подобен был, рассек в бою сын Дроны, проворство рук являя, и многими железными стрелами пронзил Шикхандина. Шикхандин же, о царь, острыми стрелами тяжело пораженный, быстро вззошел на колесницу великого духом Мадхавы. А Сатьяки тогда, гневный, пронзил в бою ужасными стрелами свирепого ракшаса Аламбуса, могучего —могучий. Затем вождь ракшасов рассек его лук [стрелою с лезвием] полумесяцем и его [самого] в бою стрелами пронзил, о Бхарата, и, бесовский морок158 сотворив, ливнями стрел осыпал. Там узрели мы небывалую отвагу внука Шини, что не смугился [духом] в битве, острыми стрелами поражаемый. Оружием от Индры стал сражаться потомок Вришни, о Бхарата, которое получил славный Мадхава от Победителя. Оружие то, морок бесовский в пепел обратив, осыпало Аламбусу ужасными стрелами со всех сторон, словно гору потоками ливней в пору дождей грозовая туча. Уязвляемый так Мадхавой, великим духом, бежал ракшас в страхе, оставив Сатьяки на поле боя. И взревел внук Шини, победив того даже для Магхавана непобедимого вождя ракшасов на поле боя на глазах у твоих воинов. И многими острыми стрелами стал сражать твоих Сатьяки, истинно отважный, и бежали они, терзаемые страхом.

А в это же самое время Дхриштадьумна, могучий сын Друпady, твоего сына, о великий царь, владыку людей, окутал в битве крепко сложенными стрелами. Но, стрелами Дхриштадьумны окутанный, о Бхарата, не оробел, о властитель царей, твой сын, владыка людей, и в бою он пронзил немедля Дхриштадьумну шестьюдесятью и еще тридцатью стрелами, и подобно чуду то было. Полководец, разгневанный, рассек его лук, о достойный, и тут же великий воетель убил четырех его коней и немедля семью хорошо отточенными стрелами его [самого] пронзил. С колесницы, где убиты были кони, соскочил тот мощнорукий и ринулся пеший, меч подъяв, на внука Пришаты. Могучий Шакуни, царю преданный, приблизился, великомощный, к царю всех людей и поднял его на свою колесницу. Тогда, одолев царя, внук Пришаты, вражеских героев губитель, войско твое стал истреблять, как [некогда] Держатель ваджры —асуров. Критаварман в бою поразил стрелами Бхиму, великого воетеля, затмив его, как великая туча —солнце. Бхимасена, врагов каратель, усмехаясь, стрелы затем послал, разгневанный, в Критавармана. Ими раненный, тот превосходный воетель рода Сатваты, знаток оружия, не дрогнув, о великий царь, и Бхиму острыми стрелами поразил. Бхимасена великомощный, убив четырех его коней, поверг его колесничного и разукрашенное знамя. И многих видов стрелами осыпал его губитель вражеских героев, [так что,] во все члены тела пронзенный, выглядел он подобным дикобразу. С колесницы, где убиты были кони, перешел он немедля на колесницу Вришаки, шурина твоего, о великий царь, на глазах у твоего сына. Бхимасена же, разъяренный, обрушился на твое войско и разил его, разъяренный, словно сам Бог смерти с жезлом в руке.

Глава 79

Дхритараштра сказал:

О многих удивительных поединках колесниц между сторонниками Пандавов и моими услышал я вести от тебя, о Санджая. Но ни о ком из моих ты не рассказываешь, что он торжествует, о Санджая, только о сынах Панду торжествующих и несокрушимых ты рассказываешь. О моих же говоришь, что побеждены они, пали духом, обессилели в битве, о возница. Это судьба, нет в том сомнения!

Санджая сказал:

По мере сил своих и своей отваги действуют в битве твои, высочайшее мужество, сколько хватает сил, являя, о бык среди героев! Но, как сладостная вода Ганги, реки богов, в соленую обращается, свойством великого океана проникаясь, так мужество твоих [воинов], великих духом, о царь, тщетным становится при встрече с героями, сынами Панду, в сражении. Не должен ты, о лучший из куру, возлагать вину на кауравов, все силы прилагавших, верша трудноисполнимые деяния. Из-за прегрешения твоего и сына твоего, о владыка народов, постигло страну аю великое и ужасное бедствие, владения Ямы расширяющее. Не следует тебе, о царь, из-за того горевать, что по твоей же вине произошло. Ведь не [всегда] сохраняют цари все свое достояние и даже собственную жизнь. В бою властители земли, ворвавшись во [вражескую] рать, сражаются всегда, небо чая обрести. И до полудня, о великий царь, продолжалось истребление людей. Всей душой ко мне обратившись, внимай о нем, [войне между] богами и асурами подобно. Оба Авангтийца, великие лучники, великие духом, великомощные, завидев Иравана, сошлись с ним, в бою неистовые. И началась битва между ними, вздымающая волосы дыбом. Ираван, разъяренный чрезвычайно, обоих братьев богоравных пронзил немедля острыми стрелами, крепко сложенными, и они его в ответ пронзили, в различных приемах боя искусенные. И никакого различия не усмотреть было между сражающимися, о царь, каждый старался сразить врага, на удар стремился отвечать ударом. Ираван тогда, о царь, четырьмя стрелами четырех коней Анувинды в обитель Ямы отправил и двумя очень острыми стрелами бхалла, о достойный, лук и стяг в бою рассек, о царь, и подобно чуду то было. Покинув колесницу, Анувинда на колесницу Винды вззошел, взяв новейший лук, весьма боееспособный; и оба героя-авангтийца, из колесничных бойцов превосходные, на одной колеснице стоя, немедля стали пускать стрелы в Иравана, великого духом. И стрелы, обоими пущенные, быстролетные, золотом украшенные, пути солнца достигнув, затмили небо. Ираван же тогда, гневный, обоих братьев, великих воителей, ливнем стрел окропил, повергнув колесничного. И когда колесничий упал на землю бездыханный, взбесившиеся кони повлекли затем колесницу из стороны в сторону. Победив тех обоих, сын дочери царя нагов, овеликий царь, мужество свое являя, войско твое тотчас рассеял. И великая рать сынов Дхритараштры, истребляемая в бою, заматалась, словно человек, отведавший яду.

А сын Хидимбы, вождь ракшасов, на блистающей, как солнце, колеснице со знаменем устремился на Бхагадатту. Царь Прагджьотиши восседал тогда на царственном слоне, как некогда Держатель ваджры, во время войны изза Тараки¹⁵⁹. Собрались там боги с гандхарвами и провидцы, но не усмотрели они неравенства между сыном Хидимбы и Бхагадаттой. Как устрасал [некогда] демонов Шакра, властитель богов, так в бою, о царь, устрасил тотпандавов. И бежали от него пандавы во всех направлениях, не находя в своих ратях защитника, о Бхарата. Только сына Бхимасены на колеснице узрели мы там, о Бхарата; остальные же великие воители, духом павшие, обратились в бегство. И между тем как опять отступать стали войска Пандавов, о Бхарата, страшный крик поднялся среди твоих войск на поле боя. Тогда Гхатоткача, о царь, окутал стрелами Бхагадатту в великой битве, как туча — гору Меру [дождями]. Отразив те слетевшие с лука ракшаса стрелы, тот немедля нанес в бою удары сыну Бхимасены во все уязвимые места. Многими стрелами, крепко сложенными, уязвленных, не поколебавшись вождь ракшасов, как скала под крушащими ее ударами. Царь Прагджьотиши, гневный, четырнадцать дротиков послал в него в бою, но рассек их ракшас. И, острыми стрелами разрубив те дротики, мощнорукий семьдесятю перьями цапли оперенными пронзил Бхагадатту. Тогда Прагджьотиша, словно усмеялся, о царь, четырех его коней стрелами поверг в бою, о Бхарата. На колеснице, где убиты были кони, стоя, блистательный вождь ракшасов метнул стремительно копье¹⁶⁰ в слона Прагджьотиши. То копье с позолоченным древком, с большою скоростью внезапно налетающее, царь натрое рассек, и его [обломки] разлетелись по земле. Видя свое оружие разбитым, в страхе бежал сын Хидимбы, как некогда от битвы с Индрой Намучи, первый среди демонов. Того героя в битве победив, отважного, мужеством прославленного, непобедимого в бою [даже] для Ямы и Варуны, о царь, стал громить пандавское войско на поле боя восседающий на слоне, как топчет, ломая, о царь, лотосы в пруду лесной слон. А владыка мадров сошелся в бою с близнецами, сыновьями его сестры, и он окутал роями стрел любимцев Панду. Сахадева же, дядю по матери заведя на поле боя, приближающегося, множеством стрел его заволок, как туча дневное светило. И тот, роем стрел окутанный, возликовал явно, и безмерна была радость обоих из-за матери [Сахадевы]¹⁶¹. Затем, усмеявшись, великий воитель в бою четырех коней Накулы четырьмя превосходными стрелами, о царь, в обитель Ямы в бою послал. С колесницы, где убиты были кони, соскочив, великий воитель вззошел тогда на боевую повозку славного брата. Объединившись в бою, оба героя, гневные, крепкие луки стгбая, мгновенно заволокли [стрелами] колесницу властителя мадров. Когда многими стрелами, крепко сложенными, осыпали его сыновья сестры, не дрогнув муж-тигр, как скала; но ливень стрел, словно усмеявшись, отразил. Сахадева тогда, гневный, подъял стрел¹⁶²?, мужественный, и, прицелившись, послал ее в царя мадров, о Бхарата. И посланная та стрела, быстролетная, как царь птиц, пронизав царя мадров, пала на поверхность земли. Тяжко пораженный, пронзенный глубоко, опустился великий воитель на дно колесницы и впал в оцепенение. Возница, видя, что, повергнутый в бою, он лишился сознания, увез его на колеснице с поля брани, близнецами уязвленного. Увидев, что прочь повернула колесница владыки мадров, все сыны Дхритараштры пали духом, мысля, что уже пришел ему конец. Победив дядю по матери в бою, оба сына Мадри, великие воители, ликуя, затрубили в раковины и львиный рык издали. И они ринулись, воодушевленные, на твои войска, о владыка народов, как на воинство демонов, о царь, Индра с младшим братом¹⁶², бессмертные.

Глава 80

Санджая сказал:

Тогда, когда солнце достигло зенита, царь Юдхистхира, Шрутаюса заведя, погнав коней, и напал тогда царь на Шрутаюса, укротителя врагов, и порастил его девятью острыми стрелами, крепко сложенными. Те, посланные сыном Дхармы, в бою отразив, тот царь, великий лучник, семь стрел пустил в сына Кунти. Пробив его доспехи, напилась они в битве крови, словно высасывая силы жизни из тела великого духом. Но сын Панду, хотя порастил его тяжело великий духом царь, в битве пронзил царя в грудь стрелою с лезвием, что как ухо вепря. И другою стрелою бхалла сын Притхи, лучший из колесничных бойцов, сбросил тотчас на землю знамя с колесницы великого духом. Царь Шрутаюс же, видя свое знамя поверженным, семью острыми стрелами, о царь, пронзил сына Панду. Тогда воспылал гневом Юдхистхира, сын Дхармы, словно Пожиратель жертвы¹⁶³, в конце юги испепеляющий существа. И, видя гнев сына Панду, смутились духом боги, гандхарвы и ракшасы, даже вселенная пришла в смятение; и подумалось всем существам, что испепелит нынче гневный царь [все] три мира. Когда взъярился сын Панду, провидцы и боги, о царь, великое моление вознесли тогда ради умиротворения миров. Он же, обуянный яростью, облизывая уголки рта, грозный образ приняв, солнцу на исходе юги подобный. И все войска твои, о владыка народов, там впали в отчаянье, в живых остаться не надеясь, о Бхарата. А многославный, гнев обуздав самообладанием, рассек великий лук Шрутаюса в месте захвата. И его, чей лук был сломан, царь порастил в бою тяжелой стрелою в середину груди на глазах у всего войска. И он поспешил, великомощный, сразить в бою стрелами коней великого духом, о царь, и его возникли немедля. Колесницу, где убиты были кони, покинув, мужество царя видя, бежал тогда стремглав среди боя Шрутаюс. И когда сыном Дхармы побежден был в битве великий лучник, все войско Дурьодханы, о царь, вспять обратилось. Совершив же это, сын Дхармы Юдхистхира стал истреблять твое войско, о царь, подобный Смерти с разверстою пастью. Чекитана же, потомок Вриши, на виду у всех войск окутал стрелами Гаутаму, лучшего из колесничных бойцов. Но, отразив те стрелы в бою, Крипа, сын Шарадвана, Чекитану, упорного в битве, стрелами, о царь, пронзил. И еще стрелою бхалла он рассек его лук, о достойный, и поверг в бою колесничного, скорый на руку, и его коней убил, о царь, и обоих соратников по бокам. С колесницы быстро соскочив, схватил палицу Сатвата и тою палицей, героев губительницей, избранный из бойцов на палицах убил коней Гаутамы и поверг его колесничного. На земле стоя, Гаутама шестнадцать стрел в него метнул, и стрелы те, пробив Сатвату насквозь, вошли в землю. Тогда Чекитана, гневный, опять метнул ту палицу, убить Гаутаму жаждущий, как Сокрушитель крепостей — Вритру. Ту великую палицу изумрудную, блистающую, отразил в полете тысячами стрел Гаутама. Чекитана тогда, о Бхарата, выхватив меч из ножен, необыкновенное проворство являя, ринулся на Гаутаму. И Гаутама, бросив лук, схватил преострый меч и с быстротой великой ринулся на Чекитану. Оба силой наделенные, вооруженные превосходными клинками, друг другу острейшими клинками наносить удары стали. И тогда оба мужа-быка, стремительными ударами клинков пораженные, пали на землю, всем существам принят дающую, изнуренные до бесчувствия, и тела их в забвении оцепенели. Быстро примчался тогда Каракарша, дружкой [побуждаемый], и, видя Чекитану в таком состоянии, в бою безумевшим, поднял его на [свою] колесницу на глазах у всего войска. Так же и шурин твой LLJa-куни, герой, поднял быстро на колесницу, о владыка народов, Гаутаму, избранного из колесничных бойцов. Гневный Дхриштакету, великомощный, быстро девяносто стрел, о царь, сыну Сомадатты в грудь вознил, и ярко воссиял сын Сомадатты с теми стрелами, из груди торчащими, словно солнце в полдень своими лучами. Но Дхриштакету, великого воителя, лишил Бхуришравас в бою колесницы, убив коней и возницу своими превосходными стрелами, увидев же, что лишился он колесницы и убиты его кони и колесничий, окутал его в бою обильным ливнем стрел. Дхриштакету же, великий духом, бросив колесницу, вззошел тогда на боевую повозку Шатаники, о достойный. Читрасена и Викарна, о царь, и еще Дурмаршана, колесничные воины в золотых доспехах, устремились на сына Субхадры. И страшная битва произошла тогда у них с Абхиманью, как у трех, о царь, у воздуха, желчи и флегмы — с телом о великом сражении лишив твоих сыновей колесниц, не стал убивать их муж-тигр, о царь,

вспомнив тогда о речах Бхимы¹⁶⁵. Тогда сын Кунти Белокопный увидел, что Бхишма, даже для богов трудноодолимый, стремительно мчится на помощь твоим сыновьям, и с ним движутся многие сотни царей на слонах, конях и колесницах, а юный Абхиманью, великий воитель, [остался] один, и он так сказал Васудеве: «Гони коней, о Хришикеша, туда, где это множество колесниц! Ведь много там героев, искушенных во владении оружием, битвой опыненных. Чтобы они наше войско не истребили, гони, о Мадхава!» Когда сказал так потомку Вришни мощью неизмеримый сын Кунти, тот повел в битву запряженную белыми конями колесницу, Великое стенование поднялось в войске твоём, о достойный, когда гневный Арджуна устремился на твоих. А когда приблизился сын Кунти к тем царям, защищающим Бхишму, он такое слово, о царь, молвил Сушарману: «Я знаю тебя, старинного непримиримого врага, лучшего в бою; теперь пришло время узреть тебе ужаснейшую расправу за это. Сегодня явлю я тебе усопших предков былых времен!» Те жестокие слова из уст Бибхатсы, врагов истребителя, выслушав, ничего не ответил ему Сушарман, предводитель колесничных ратей, ни доброго, ни недоброго, но, приблизившись в сопровождении многих царей к Арджуне, герою, осадил его и спереди, и сзади, и по бокам, и отовсюду и окутал его стрелами, как тучами дневное светило. И великое сражение, в котором кровь текла как вода, произошло тогда на поле боя между твоими и пандавами, о Бхарата.

Глава 81

С а н д ж а я сказал:

Стрелами поражаемый, Завоеватель богатств, словно попранный ногою змей, воздыхая, в бою стрелой вслед за стрелою, словно усмехаясь, рассек, могучий, луки великих воителей [один за другим]. Сломав мгновенно луки у тех царей в бою, разом пронзил их стрелами великий духом, об истреблении их помышляя. Пали они на поле боя, обливаясь кровью, сыном Шакры сокрушенные, о царь. С рассеченными телами, обезглавленными, бездыханными, с пробитыми на них доспехами, наземь павшие, силою Паркти покоренные, обликом различные, разом погибли они. Видя, что убиты в сражении те царские сыновья, мгновенно ринулся вперед царь тригартвов. Еще тридцать два из тех колесничных бойцов, что их тыл охраняли, устремились на Партку. С громовым бряцанием натягивая луки, они великими тучами стрел его затопили, как гору облака обильными воды потоками. Узвляемый же тучами стрел в бою, Завоеватель богатств, придя в ярость, шестьдесятю стрелами, смазанными кунжутным маслом, сразил в схватке тех, тыл защищавших. Те шестьдесят колесниц в сражении одолев, возрадовался душою славный Завоеватель богатств, и поспешил Дхишну, войска царей на поле брани сокрушая, к Бхишме, чтобы его убить. Царь тригартвов, тех великих воителей убитыми видя, вслед за царями, [своей] родней, направился поспешно на поле боя к Партке, дабы убить его. Видя, что нападают на Завоевателя богатств, лучшего из носителей оружия, устремились к колеснице Арджуны с острыми мечами в руках о защите его радеющие во главе с Шикхандином. Партка же, узрев тех отважных мужей, что наступали на него вместе с царем тригартвов, сокрушил их на поле боя острыми стрелами-ланями, с его лука Гандива пущенными; и, к Бхишме стремящийся, увидел он Дурьодхану и повелителя Синдху с другими царями. Приблизившись к ним, на защиту [Бхишмы] устремленный, недолго отбивался мощно герой, а затем, царя [Дурьодхану] и Джаядратху с прочими царями покинув, он, чье беспредельно мужество, великомощный, силою грозный, воодушевленный, к сыну Ганги направился в битве с луком и стрелами в руках. И Юдхиштхира, утрашающий мощью, великий духом, в ярость придя, вперед устремился поспешно, повелителя ^гдров избегнув на поле боя, доле своей преданного, и вместе с сынами Мадри и Бхимасеной он, чья беспредельна слава, двинулся в бой на Бхишму, сына Шантану. С теми первыми из великих воителей сошедшись в бою, не поколебался сын Ганги, отпрыск Шантану, различные способы боя ведающий, великий духом, перед всеми сплотившимися сынами Панду. Между тем, наступая, царь Джаядратха, верный слову, мощью ужасающей, воодушевленный, рассек, усмехаясь, луки тех великих воителей [стрелами] со своего превосходного оружия. В ярость придя, охваченный гневом, стрелами, блистающими огнем, поразил великий духом Дурьодхану в бою Юдхиштхиру, Бхимасену и близнецов, а также Партку. И меж тем как Крипа, Шалья и Шала, также Читрасена, о повелитель, в бою их стрелами поразили, возросла их ярость чрезвычайно, как у богов, сошедшихся с сонмами демонов. Увидев, что сломано оружие у Шикхандина сыном Шантану, в ярость пришел царь Аджаташатру, великий духом, и такое слово Шикхандину на поле боя молвил, гневный: «Пред отцом своим ты мне сказал: "Тучами стрел, блистающих как солнце, истинно говорю тебе, я убью великим обетам преданного Бхишму!" Такое ты дал обещание, но его не исполнил, раз не убил ты Деваврату в битве. Так не будь же пустословом, о доблестный муж, охраня добродетель, род и славу [свою]! Смотри, крушит все сонмы ратей моих в бой грозно устремляющийся Бхишма огромными тучами стрел, грозною необычайной пылающей, сам Смерти подобный, умерщвляющей мгновенно. Со сломанным луком, уже безучастный к битве, близких и братьев покинув, куда ты денешься, царственным сыном Шантану побежденный? Недостойно это тебя. Завидев Бхишму, чье мужество неизмеримо, и разбитое войско [наше], обратившееся в бегство, ты ведь утрастился, конечно, о сын Друпady, потому и лицо у тебя побледнело. Но, зная, что участвует в великой битве Завоеватель богатств, как можешь ты, о муж-герой, прославленный в стране, страх выказывать ныне перед Бхишмой?» Выслушав ту речь Царя справедливости, словами жестокою, но исполненную неспраздного смысла, вянул увещанию великий духом и [в бой] поспешил ради убийства Бхишмы, о царь. Но, меж тем как устремлялся к Бхишме, с великой скоростью приближаясь, Шикхандин, остановил его Шалья страшным оружием, трудноодолимым. Видя оружие то, которое он метнул, о царь, мощью равное огню в конце юги, не смутился духом, однако, сын Друпady, великому Индре мощью подобный. Он стоял там, великий лучник, стрелами то оружие отбивая, и ради его отражения взял другое Шикхандин — грозное оружие Варуны. И видели боги с поднебесья и земные владыки, как оружием этим он оружие [противника] раздробил на части. Бхишма же, великий духом, в битве рассек, о царь, лук и многоцветное знамя сына Панду, царя Юдхиштхиры из рода Аджамидхи; и клич герой издал. Тогда, видя, что страхом объят Юдхиштхира, лук со стрелами отбросил и, палицу схватив, пеший, ринулся в бой на Джаядратху Бхимасена. С великой стремительностью нападающего с палицей [в руке] Бхимасену поразил Джаядратха со всех сторон пятьюдесятью острыми стрелами, ужасными, жезлу Ямы равными. Те стрелы презрев, стремительный, с душою, объятую гневом, Волчебрюхий в сражении убил всех араттских коней¹⁶⁶ царя Синдху в схватке. Тогда, [это] видя, сын твой¹⁶⁷, мощью неизмеримый, оружие подъяв, ринулся на колеснице, поспешая, на Бхимасену, чтобы сразить его, царю богов подобный. А Бхимасена, взревев, ринулся стремглав ему навстречу, палицей угрожая. Ту подъятую палицу, жезлу Ямы равную, завидев, куру все вокруг покинули грозного сына твоего и отступили, избегая удара той палицы, в смятении ужаснейшего кровопролития, о Бхарата, помрачающего разум. Но при виде налетающей великой палицы не помрачился разумом Читрасена. Покинув колесницу на поле битвы, пеший, он схватил меч и блистающий щит и, прыгнув, как лев со скалы наземь, бросился по полю на противника. А палица та, достигнув прекрасной колесницы, сокрушила ее в бою вместе с конями и возницей и упала наземь, как слетевший с небес на землю пылающий великий метеор. Узрев то великое произошедшее чудо, возрадовались твои весьма, о Бхарата, и вскричали все разом отовсюду, и с войсками вместе сына твоего почтили.

Глава 82

С анджая сказал:

До лишившегося колесницы Читрасены, не павшего духом, добравшись, на [свою] колесницу поднял его сын твой Викарна. А в той продолжающейся, громко грохочущей битве Бхишма, сын Шантану, быстро устремился на Юдхиштхиру. Тогда затрепетали сринджан со своими колесницами, слонами и конями и уже мнили Юдхиштхиру в пасть Смерти вступившим. Но властитель Юдхиштхира Кауравья вместе с близнецами двинулся на Бхишму, сына Шантану, мужа-тигра. Тогда, выпустив тысячи стрел в бою, сын Панду затмил ими Бхишму, как туча — дневное светило. И хорошо направленные им рой стрел сын Ганги отражал сотнями и тысячами, о Бхарата. А рой стрел, также пущенные Бхишмой, выглядели в воздухе как птичьи стаи. И за полмига Бхишмой, сыном Шантану, пущенные в бою один за другим рой стрел скрыли от взоров сына Кунти на поле битвы. Тогда тяжелую стрелу, ядовитой змеё подобную, послал царь Юдхиштхира, гневный, в великом духом Кауравью. Но, пущенную с лука Юдхиштхиры, ее рассек тогда в бою Бхишма, о ца^ь, прежде чем она его достигла, стрелою с острием бритвою. Разрубив же ту тяжелую стрелу, отмеряющую время¹⁶⁸, он убил коней главы рода Куру¹⁶⁹, золотом украшенных. И, покинув колесницу, где убиты были кони, Юдхиштхира, сын Дхармы, немедля взшел на колесницу Накулы, великого духом. Тогда и обоих близнецов достигнув в битве, окутал их стрелами Бхишма, покоритель вражеских крепостей. Видя же, что увязлены оба стрелами Бхишмы, впа в глубокое раздумье в своем стремлении к убийству Бхишмы Юдхиштхира, и обратился он тогда с призывом к подвластным ему царям, о великий царь, к тем сонмам друзей: «Все вместе вы убейте Бхишму, сына Шантану!» Тогда все властители, речи сына Притхи вянув, великим полчищем колесниц окружили деда. Со всех сторон окруженный, отец твой Деваврата луком стал играть, о царь, великих воителей повергая. Его, потомка Куру, узрели сыны Притхи, по полю битвы продвигающегося в бою, подобно вторгшемуся в лес львенку среди ланей. При виде его, грозящего в сражении героям и в трепет приводящего своими стрелами, затрепетали они, о великий царь, как стада ланей при виде льва. И видели кшатрии, как продвигался он, лев среди бхаратов, на поле боя, подобно Огню с Ветром-соратником¹⁷⁰, испепеляющему сухостой. И Бхишма в битве сбивал головы [с плеч] колесничных воинов, как ловкий человек — спелые плоды с пальмы. И громкий шум раздавался, о великий царь, от падающих на землю голов, словно от камнепада. В той битве длающейся, гремющей, ужаснейшей, великое смятение воцарилось во всех войсках. Ряды были прорваны, и кшатрии, вызывая один к другому, устремлялись друг на друга в бой. А Шикхандин, достигнув прародителя бхаратов, ринулся на него стремительно, восклицая: «Стои, стой!» Бхишма тогда, гневный, пренебрегая Шикхандином, двинулся на сринджав, — о женской природе Шикхандина он помышлял. Сринджан тогда, завидев Бхишму, великого воителя, воодушевленные, львиные клики всякого рода испустили, с ревом раковин слившиеся. Тогда продолжилась битва, в которой смешались колесницы и слоны, в то время как солнце перешло уже на другую половину неба. А

Дхриштадьюмна Панчалийский и Сатьяки, великий воитель, войско ливнями дротиков и копий жестоко уязвляли, и многими [видами] оружия, о царь, они твоих сокрушали на поле боя. Но, в битве истребляемые, твои, о муж-бык, в бою благородное решение приняв, поля брани не покидали. И, сколь хватало воли, разили народ в сражении великие воители. Громкий вопль поднялся там среди твоих, великих духом, меж тем как истреблял их в бою, о царь, внук Пришаты, великий духом. Крик твоих тот ужасный заслышав, оба великих воителя Винда и Анувинда Авантийские выступили против внука Пришаты. Убив коней его, ливнем стрел поспешили внука Пришаты окутать оба великих воителя. Быстро с колесницы соскочив, Панчалийский великомощный на колесницу Сатьяки, великого духом, быстро взошел. Тогда царь Юдхистхира, великим войском сопровождаемый, двинулся, гневный, на Авантийских, врагов карателей. Так и сын твой со всем тщанием, о достопынный, оградил [войсками] Винду и Анувинду Авантийских, приблизившись к ним. И Арджуна тоже, разгневанный, бился в сражении с кшатриями, о бык среди кшатриев, как Держатель ваджры [некогда] с асурами. А гневный Дрона, сыну твоему угождающий, испепелять стал в бою всех панчалов, как огонь стог сена. Сыновья же твои, предводительствуемые Дурьодханой, о владыка народов, став на поле брани вокруг Бхишмы, сражались с пандавами. Когда же стало багроветь солнце, о Бхарата, царь Дурьодхана молвил всем твоим: «Поспешайте!» И меж тем как сражавшиеся творить продолжали свое тяжкое дело, скрылось солнце от взоров, достигнув горы заката, и страшная река хлынула мгновенно в сумерках кровавыми волнами, стяжи шакалов усеянная [по берегам]. И зловещим воем шакалов огласилось поле битвы, кишасшее сонмами духов. И ракшасы, и пишачи, и другие плотоядные сотнями и тысячами явились взорам вокруг. Арджуна, победив возглавляемых Сушарманом царей с их людьми, направился посреди полков к своему стану. Царь Юдхистхира Кауравя тоже тогда направился вместе с братьями к ночи в свой стан. Бхимасена тоже, о повелитель царей, в бою победив воителей, Дурьодханой возглавляемых, направился к своему стану. Властелин Дурьодхана тоже, в великой битве оградив Бхишму, сына Шантану, тотчас отправился к стану. Дрона, сын Дроны, Крипа, Шалья и Критаварман из рода Сатваты, все воинство оградив, Отправились к стану. Так и Сатьяки, о царь, и Дхриштадьюмна, внук Пришаты, оградив воинов на поле боя, направился к стану. Так, о великий царь, твои, как и пандавы, с наступлением ночи возвратились [с поля боя], врагов каратели. Затем, в свой стан вернувшись, пандавы и куру расположились там, друг друга слава. О своей озаботившись обороне, герои выставили согласно правилам караулы, удалили [из тела] стрелы, совершили омовение в различных водах. И по возглашении благословений, восхваляемые певцами, под звуки песен и музыку предались развлечениям все славные [воины]. Словно на мгновение все это небесам подобно стало, и о битве никаких речей не вели великие воители. И когда оба войска там с людьми уставшими, со множеством слонов и коней, в сон погрузились, о повелитель, прекрасное зрелище, о царь, они являли.

Глава 83

Санджая сказал:

Проведя ту ночь во сне блаженном, вновь выступили на битву властители народов, куру и пандавы. Великий шум тогда поднялся в обоих войсках, вышедших на поле брани, подобный [шуму] великого океана. Тогда царь Дурьодхана, Читрасена, Вивиншати, и Бхишма, лучший из колесничных воинов, и дваждырожденный, сын Бхарадвадж, объединившись, бдящие неустанно, великую рать Кауравов боевым строем сплотили, о царь, против Пандавов, для битвы снаряженные. Великий строй установив, грозному океану подобный, где слоны и кони были волнами, отец твой, о владыка народов, Бхишма, сын Шантану, выступил впереди всех войск, сопровождаемый малавами, южанами и авантийцами. Следом за ним был блистательный сын Бхарадваджи с пулиндами, парадными и кшудраками-малавами, за Дроной же — блистательный Бхагадатта, упорный, с магадхами, калингами и пишачами, о владыка народов, вслед за царем Прагдьютиши — воликомощный властитель Косалы, мекалами, трипурцами и чичхчилами сопровождаемый, за Брихадбалой потом — доблестный Тригарта, повелитель Прастхалы, с камбоджами многочисленными и тысячами яванов, а сын Дроны, герой неистовый, шел вслед за Тригартой, о Бхарата, ливниным рыком оглашая землю; за сыном Дроны следом шел тогда царь Дурьодхана со всем войском, братьями окруженный, за Дурьодханой следовал Крипа, сын Шарадвана, — так наступал этот великий строй, океану подобный. Блистали там стяги и белые царские зонты, о властелин, красивые браслеты и драгоценные луки. Великий тот строй твоих озирая, молвил тотчас Юдхистхира, великий воитель, внуку Пришаты, предводителю ратей: «Видишь, о великий лучник, этот строй установленный, океану подобный. Против него ты тоже строй установи, о внук Пришаты, не медли!» Тогда отважный внук Пришаты чрезвычайно грозный строй Рогатины¹⁷¹ расположил [на поле], о великий царь, для вражеских боевых порядков губительный. На рогах его стали Бхимасена и Сатьяки, великий воитель, со многими тысячами колесниц, с конницей и пехотой. В сердцевине был Белоконный, лучший из героев, с обезьяной на стяге, а середину занимали царь Юдхистхира и оба сына Мадри, Пандавы. И другие великие лучники с войсками тот строй составляли, повелители мужей, искушенные в науке боевых порядков, а сзади были Абхимаңью и Вирата, великий воитель, сыновья Драупади, воодушевленные, и ракшас Гхатоткача. Так этот великий строй построив, о Бхарата, стали на бранном поле пандавы, герои, жаждущие битвы, к победе устремленные. Громкий бой барабанов мешался, грозный, с ревом труб, гулом, бряцанием оружия, возгласами [воинов] повсюду окрестности оглашая. Тогда герои, сойдясь друг с другом на поле битвы, пристальные взоры, о царь, друг в друга, разъяренные, вперили. Вначале мысленно [наметив противника], о властитель людей, ринулись они один на другого, друг друга на бой вызывая. Тогда началась являющая страшное зрелище, ужасающая битва твоих с врагами, в которой они разили друг друга. Летели рожами в бою железные острые стрелы, подобные ужас наводящим змиям с разверстыми пастьми, и дротики, смазанные сезамовым маслом, острейшие, падали, о царь, словно сверкающие молнии из туч, и видно было, как летали там палицы с прикрепленными блестящими петлями, украшенные золотом, горным утесам подобные, прекрасные, и сверкали мечи, с сияющими небесами [блеском] сходные, и щиты из бычьей кожи с сотнями лун, о Бхарата, блистали, падающие, о царь, повсюду на поле битвы. Те оба войска, сражающиеся одно с другим, блистали на поле боя, о повелитель мужей, как сошедшиеся [некогда] войска демонов и богов. Отовсюду они устремлялись друг на друга в бой. Колесницы, направляемые колесничными бойцами в схватке [одна] на другую, сцеплялись упряжью между собою, когда сражались [на них] цари-быки. И повсюду здесь и там вспыхивал, дымясь, огонь от столкновения бивней сражающихся слонов, о лучший из бхаратов. И зрелось вокруг, как, пораженные ударами дротиков, валились некоторые из воинов, ведущих бой на словах, словно камни с горных вершин, и пеших воинов видели, разящих друг друга, героев, ножами и копьями сражающихся, прекрасных обликом. И воины рода Куру и Пандавов, сошедшись в бою, всякого рода ужасным оружием отправляли друг друга в обитель Ямы.

Тогда Бхишма, сын Шантану, двинулся на пандавов, оглашая поле брани грохотом колесницы и звоном лука приводя в смятение [врагов]. И колесницы пандавов с устрашающим громоуханием устремились [навстречу] во главе с Дхриштадьюмною, готовые к бою. Затем продолжилась битва твоих и тех, о Бхарата, в которой перемешались между собой люди, кони, колесницы и слоны.

Глава 84

Санджая сказал:

На гневного Бхишму, в битве опаляющего все вокруг, не смели взоры поднять пандавы, как на пылающее солнце. Тогда по велению сына Дхармы все войска устремились на сына Ганги, [все вокруг] сокрушающего острыми стрелами. Бхишма же, прославленный в битвах, повергал стрелами Сомаков вместе со сринджаями и панчалов, великих лучников. Те истребляемые Бхишмой панчалы с Сомаками вместе на Бхишму все равно наступали стремительно, страхом смерти пренебрегая. А доблестный Бхишма, сын Шантану, в битве рьяно колесничным воинам руки*и ноги отсекал, о царь. Отец твой Деваврата лишал колесничных бойцов колесниц, с коней головы всадников слетали, и зрели мы, о великий царь, людьми покинутых слонов, что лежали, горам подобные, оглушенные оружием Бхишмы. Не было там среди пандавов мужа, о владыка народов, [чтобы противостоять ему,] кроме Бхимасены великомощного, лучшего из колесничных бойцов. Это он, достигнув Бхишмы, нанес ему в бою удары. Тогда, при схватке Бхишмы с Бхимой ужасный вопль поднялся во всех войсках, потрясающий, страшный, а пандавы, ликуя, ливниный рык издали. Царь Дурьодхана, братьями единоутробными окруженный, ограждал тогда Бхишму в той происходящей человекоубийственной битве. Бхима же, лучший из колесничных бойцов, убил колесничного Бхишмы, и кони понесли, [бросая] колесницу из стороны в сторону. А врагов губитель тут же отсек голову Сунабхе стрелою с острейшим лезвием-бритвой, и, убитый, тот упал на землю. Когда убит был твой сын, великий воитель, не стерпели того в бою, о великий царь, семеро его братьев, герои, на поле брани. Адитьякету, Бахвашин, Кундадхара, Маходара, Апараджита, Пандитака и Вишалакша трудноодолимый на сына Панду ринулись в схватку в красивых доспехах, с разноцветными стягами и латами, жаждущие битвы сокрушители врагов. И Маходара в бою пронзил Бхиму девятью стрелами, оружием грома подобными, как Губитель Вритры — Намучи. Адитьякету семьюдесятью, Бахвашин же пятью, девятью десятками Кундадхара, Вишалакша же семью, Апараджита, о великий царь, победоносный, великий воитель, многими стрелами — поразили великомощного Бхимасену; Пандитака тремя стрелами пронзил его в битве. Не стерпел Бхима ударов, нанесенных [ему] врагами в сражении. Сжав лук левой рукою, крепко слаженной стрелой сыну твоему Апараджита снес в бою истребитель недругов голову с красивым носом, и упала голова побежденного¹⁷² Бхимой в битве на землю. А другой стрелою бхалла Кундадхара, великого воителя, он послал в мир смерти у всего мира на глазах. Затем он, неизмеримый духом, острую стрелу наложив, послал ее в бою в Пандиту, о Бхарата, и та стрела, убив Пандиту, вошла в землю, как проворная змея, убившая человека по велению Времени. Тремя стрелами снес голову Вишалакше, он поверг ее наземь, неумывающий, бывшие страдания вспомяная. Великого лучника Маходару железной стрелой поразил он в бою меж сосков, о царь, и тот пал, убитый, наземь. В битве стрелою срезав стяг Адитьякету, стрелою бхалла, тяжело разящей, снес ему голову врагов губитель. Затем Бхима крепко слаженной стрелой Бахвашина, гневный, послал в обиталище Ямы. И обратились тогда в бегство твои сыновья, о владыка народов, мысля, что правду

молвил он некогда в собрании. Тогда царь Дурьодхана, несчастьем, постигшим братьев, подавленный, молвил твоим воинам: «Вот Бхима, в битве его убейте!» Меж тем сыновья твои, великие лучники, видя гибель братьев, вспомнили, о владыка народов, слово то, что рек великомудрый сын рабыни¹⁷³, благое, непугбное. Ныне исполняется то слово чудного провидца, то великое слово истины, что не понял ты некогда, о людей повелитель, из-за алчности и безрассудства и из любви к сыновьям. Ведь по тому, как разит Кауравов этот могучий сын Панду, долгорукый, очевидно, что он и рожден для убийства [твоих] сыновей. Тогда царь Дурьодхана, о достойный, приблизившись к Бхишме, скорбью великой преисполненный, простонал, тяжело сокрушенный: «Убиты в схватке с Бхимасеной мои храбрые братья, и все другие воины наши гибнут, как ни бьются. Ты же все время с небрежением на нас взираешь, равнодушный. Видишь, на погибельный путь я вступил, такова уж судьба моя!» Эту речь суровую выслушав, отец твой Деаврата Дурьодхане такое слово молвил со слезами на глазах: «Сказано уже было это мною прежде, и Дроной, и Видурой, и славною Гандхари, — ты же, почтенный, не осознал сути. И обещание прежде я дал тебе, о врагов сокрушитель: ни я, ни наставник [твой] никоим образом не покинем поля битвы. Ведь на кого из сынов Дхритараштры ни глянет Бхима в сражении, того убьет, — истинно говорю тебе! Ты же, о царь, укрепишься духом, исполнишься решимости биться и сражайся с сынами Притхи, небо высшей целью своей полагая. Даже боги и асуры с Индрой вместе не в силах победить Пандавов. Поэтому, на битву решившись, сражайся бестрепетно, о Бхарата!»

Г л а в а 85

Дхритараштра сказал:

Когда увидели, что убиты мои сыновья, многие — одним, о Санджая, что сделали в бою Бхишма, Дрона и Крипа? День з а днем гибнут мои сыновья, о Санджая. Я думаю, всячески судьбою они сокрушены весьма, о возникший. Ибо терпят все сыны мои поражение, но не побеждают, ибо, когда рядом с ними Бхишма и Дрона, и великие духом Крипа, и еще сын Сомадатты доблестный и Бхагадатта, оба, а также Ашваттхаман, о сын мой, и другие величайшие герои, все же гибнут мои сыновья в битве, то что это иное, как не рок? Не внял некогда несчастный Дурьодхана тому, что говорили ему, хотя я его удерживал, как и Бхишма, и Видура, и Гандхари, всегда о благе его радеющая, — не уразумел он того когда-то, безумный, в ослеплении своем, — и вот пришла расплата, и день за днем Бхимасена в бою, разгневанный, отправляет безрассудных сыновей моих в обитель Ямы.

Санджая сказал:

Так исполняется слово то возвышенное, что рек сын рабыни и коему, благому, ты, властитель, не внял тогда: «Запрети игру в кости сыновьям и не чини зла Пандавам!» Не послушал ты речей тех, желающими блага друзьями к тебе обращенных, — [так] умирающий целебное лекарство [отвергает]! Вот и сказалось [теперь] для тебя то благое реченное слово. Отвергнув спасительные речи Видуры, Дроны и Бхишмы и других благожелателей, к гибели идут Кауравы. Давно уже это упущено было, о владыка народов! Поэтому слушай теперь, как по правде происходила битва. К полудню превеликого ожесточения достигло сражение. Слушай, о нем, для мира губительном, я расскажу тебе. Тогда все войско по велению сына Дхармы устремились неистово на Бхишму одного, убить его жаждущие.

Дхриштадьумна, Шикхандин и Сатьяки, великий воитель, двинулись на Бхишму одного, о великий царь, войсками сопровождаемые.

Арджуна, сыны Драупади и Чекитана двинулись в бой на всех царей, предводимых Дурьодханой. А доблестный Абхиманью и сын Хидимбы, великий воитель, и Бхимасена разъяренный устремились на [прочих] кауравов. Так, натрое разделившись, стали пандавы истреблять кауравов, а кауравы, о царь, стали также истреблять врагов в бою.

Дрона, лучший из колесничных бойцов, устремился на Сомачов со сринджаями, разъяренный, в обитель Ямы их послать намереваясь. Тогда громкий вопль поднялся среди великих духом сринджавов, о царь, меж тем как истреблял их в битве сын Бхарадваджи, луком вооруженный. Там многих можно было видеть кшатриев, избиваемых Дроной на поле брани, как корчались они, подобно людям, одолеваемым недугом. Слышались непрерывно голоса воющих, вопящих, стеножащих, словно от голода обессилевших людей. И так же Бхимасена великомощный страшную бойню учинил среди кауравов, гневный, второму Времени подобный. И меж тем как в великом сражении истребляли войска одно другое, страшная река заструилась там, крови потоки несущая. Страшное зрелище, о великий царь, являла та великая битва, увеличивающая царство Ямы. Тогда в бою гневный Бхима со рвением необыкновенным обрушился на слоновье войско и смерти предавать его стал. Железными стрелами Бхимы поражаемые, о Бхарата, слоны падали, никли и рвели и металсь по сторонам. Огромные слоны с отсеченными хоботами и рассеченными ногами, о достойный, уstraшенные, кричали [жалобно], как каравайки, и валились на землю.

На конное войско напали Накула и Сахадева, и можно было видеть, как сотнями и тысячами сражали [они] коней с золотыми венцами, в золотом украшенных пополах. Земля покрылась телами коней, о царь, беззыхких, задыхающихся, стонущих, бездыханных; было [покрыто] поле, о лучший из людей, теми разнообразными облищем конями. И телами коней, убитых в сражении Арджуный, [покрытое], о Бхарата, ужасный вид являло поле, о владыка народов. Усеянное разбитыми колесницами, срубленными стягами, блистающими ярко зонтами, жемчужными и золотыми ожерельями и браслетами, головами вместе с серьгами, тюрбанами, с них сорван¹⁷⁴ ными, знаменами всякими, колесничными осями, постромками и хлопчатými повоями, поле казалось, словно цветами [покрытым] весною. Так истребление пандавов творили, о Бхарата, гневный Бхишма, сын Шантану, и Дрона, лучший из воителей, Ашваттхаман, Крипа, также и Критаварман; и так же другие гневные [воины] — твоих истребление [творили].

Глава 86

Санджая сказал:

Меж тем как длилась та жестокая битва, губительная для избранных героев, Шакуни, сын Субалы блистательный, устремился на Пандавов, о царь. И сын Хридики из племени сатватов, о царь, на рать Пандавов ринулся в бой. Тогда среди всяких коней — лучших камбоджийских и речных, араттских, степных, из Синдху, из Ванаю, белых, также и в горах живущих, — [отобрав] титтирийских¹⁷⁵, резвых, быстрых, как ветер, с ними, отборными конями, золотом украшенными, в доспехи одетыми, хорошо снаряженными, могучий Пандавы сын, ясноликий, обрушился на войско их, врагов каратель. Сын Арджуны по имени Ираван, мужественный, он рожден был от мудрого Партих дочери царя нагов. Когда муж ее был убит супарной¹⁷⁶, несчастная, душою скорбящая, она, будучи бездетной, выдана была Айраватой

[снова замуж]. Она влюбилась в Партиху, и он взял ее в жены — так взошел на чужом поле этот сын Арджуны. Он вырос в мире змиев, опекаемый матерью, злой же его дядя по отцу от него отрекся из-за ненависти к Партихе. Красавец, мужества исполненный, наделенный

[всяческими] достоинствами, истинно отважный, когда он услышал, что Арджуна ушел в мир Индры, он отправился туда немедленно. Придя к отцу, великому духом, истинно отважному, он приветствовал его, безмятежный, смиренно сложив руки в ладони: «Я — Ираван, благо тебе, я — сын твой, о превосходный!» Он рассказал ему все о его встрече с матерью, и сын Панду вспомнил все о том, как это произошло. Обняв сына, подобного ему достоинствами, возрадовался Партиха в обители царя богов. Тогда Арджуна в мире богов с радостью, о царь, повелел ради своего дела, о Бхарата: «Когда придет время битвы, ты должен оказать нам помощь, о могучий!» — «Конечно!» — отвечал тот, и, когда пришло время битвы, он явился со многими конями желанной масти и резвости, о царь. *

Те кони различных мастей, золотом увенчанные, быстрые, как мысль, летели стремительно, о царь, словно гуси над океаном. Встретившись с полчищами быстролетными твоих коней, они сшибались с ними грудь с грудью, мордами друг друга ударяя, и падали стремительно, собственной быстротой увлеченные, на землю. И от падения тех и других полчищ коней ужасное раздавалось громыание, как от налетающего Супарны. А всадники, сшибаясь друг с другом на поле битвы, о великий царь, ужасную взаимную бойню учинили. И меж тем как в сумятице необычайной длилось это побоище, гибли кони во множестве и с той и с другой стороны. И без коней, убитых, стрелы истощив, герои, силы надорвавшие, друг друга рубя, обретали гибель [в бою]. Затем, когда поредели конные полки, когда уцелели немногие, о Бхарата, вылетев, бурею ринулись в гущу боя доблестные отпрыски Субалы¹⁷⁸ на превосходных, в самой поре, добрых конях, равных ветру быстротою. Из [рядов] великого войска вырвались те шестеро, мощью наделенные: Гаджа, Гавакша, Вришака, Чармаван, Арджава и Шука — вооруженные, опытные бойцы, видом свирепые, великомощные, с ними в подкрепление Шакуни и собственные их воины, великомощные. Пробившись в глубь того весьма трудноодолимого войска, о мощнорукий, в сопровождении великой рати, выскочившие победы ради обретения неба, наступали тогда те гандхары, воодушевленные, опьяненные битвой. Узрев, что прорвались они, молвил мужественный Ираван на поле брани воинам, разнообразными украшениями и оружием [приметным]: «Ведите [бой] так, чтобы уничтожены были в сражении все воины сына Дхритараштры вместе с им сопутствующими и конями!» — «Ладно!» — отвечали все воины Иравана и ударили на вражескую рать, трудноодолимую в битве для врагов. Видя, что рать их опрокинула [другой] ратью в битве, не снесли того отпрыски Субалы и все, ринувшись в сражении на Иравана, окружили его со всех сторон. Острыми дротиками поражая, подстрекая друг друга, рассыпались вокруг [него] те герои, великое смятение создав. Ираван же, пронзенный крепкими дротиками тех великих духом, уместился кровью, струящейся из ран, словно стрелками уязвленный слон. Пораженный сильно в грудь, в спину и в бока, один против многих, он несколько, о царь, не поколебался в стойкости своей. Но их всех, острыми стрелами пронзив, лишил чувств на поле боя разгневанный Ираван, вражеских городов завоеватель. Он извлек все дротики из своего тела, врагов укротитель, и ими же нанес удары отпрыскам Субалы в битве. Выхватив острый меч, со щитом от стрел он быстро приблизился, пеший, к потомкам Субалы, жаждущий сразить их в бою. Тогда все отпрыски Субалы, придя в сознание, вновь ринулись на Иравана, яростью охваченные. Ираван же, являя проворство свое, устремился с мечом на потомков Субалы на всех, своею силой гордый. И все те отпрыски Субалы, движущиеся на быстрходных [конях], не

могли улучшить мига, чтобы его, проворно движущегося, достать. Видя его тогда сражающимся на земле, снова окружили они его и приступили рьяно к нему, чтобы взять его в плен. Но когда они приблизились вплотную, он, недругов гроза, мечом разя сверху и снизу, изрубил их в куски вместе с их оружием и многими украшениями, и они с рассеченными телами пали бездыханные на землю. Только Вришака, о великий царь, многими ранами весь покрытый, спасая из той небывало свирепой резни героев. Видя павшими их всех, уstraшенный Дурьодхана обратился тогда во гневе к ракшасу, ужасному обличью сыну Ришьяшринги, великому лучнику, колдуну, врагов укротителю, издавна враждовавшему с Бхимасеной из-за убийства Баки:179 «Видишь, о герой, какой страшный ущерб чинит [нам] этот могучий сын Пхалбгуну, колдун, что войско мое истребляет. Ты, отец мой, тоже всюду проникнуть волен и колдовским оружием владеешь, и с Партхоу ты во вражде — потому убей его в сражении!» — «Падно!» — ответил ракшас, ужасный обличью, и со львиным рыком двинулся на юного сына Арджуны, своими полками сопровождаемый, с искусными бойцами-наездниками, героями, блистающими дротиками разящими, жаждущий убить в схватке великогомощного Иравана. А отважный Ираван, разъяренный, поспешил противостать жаждущему убийства ракшасу, недругов губитель. Видя, что нападает он, поспешил прибегнуть к чарам великогомощнейший ракшас. И сотворил он еще сколько же призранных коней, оседланных наездниками — страшными ракшасами с копытами и трезубцами в руках. Вскоре же те две тысячи неистовых бойцов, сошедшиеся, в мир усопших отправились, те и другие180. И когда уничтожено было войско, те двое, опыненные битвой, вступили в единоборство, как Вритра с Предводителем Васу. Видя, что бросился на него ракшас, опыненный битвой, ринулся ему навстречу великогомощный Ираван, неистовый во гневе. И когда приблизились к нему в бою тот зломысленный, он рассек мечом его лук блистающий и колчан пестеричный181. Видя, что сломан его лук, немедля взлетел в небо тот, чарами одурманив разгневанного Иравана. Тогда Ираван, тоже в поднебесье взмыв, чарами ракшаса заморочил, и, ведающий уязвимые места, изрубил его тело оборотень недосягаемый. Но, весь иссеченный стрелами, воскрес лучший из ракшасов и молодость вернул себе. Ведь свойственно им от рождения колдовство, и возраст и облик у них от желания зависят. Так тело ракшаса, в куски изрубленное, срослось. Но Ираван, разъяренный, вновь и вновь рубил великогомощного ракшаса острым лезвием секиры. Возопил ужасным голосом тот ракшас доблестный, которого, как дерево, рубил могучий, и оглушительным был поднявшийся шум. Потоки крови пролило изрубленное секирой чудовище. И разъярился тогда могучий, и ринулся в бой. Мощного врага узрев на поле брани, страшный образ исполинский принял сын Ришьяшринги и в самой гуще боя пытался пленить его там у всех на глазах. Такое колдовство великого духом ракшаса узрев, разъярился, однако, Ираван и тоже принялся творить колдовство. Между тем родич его с материнской стороны182 приблизился к нему, не отступающему в боях, яростью объятый. Часто в бою окружали его со всех сторон наги, о царь, и сам он принял исполинский образ змия, Ананте уподобившийся, и затем змеями разнообразными окружил ракшаса. Когда окружили его наги, тот бык среди ракшасов, поразмыслив, принял образ супарны и пожрал змеев. И когда пожраны были те родичи с материнской стороны, ракшас, чарами одурманив Иравана, убил его мечом. Голову Иравана с сергами и венцом, прекрасную, как лотос или месяц, сбросил демон на землю.

И когда ракшас убил того героя, сына Арджуны, уныние покинуло сынов Дхритараштры и союзных им царей. В сражении же том великом, столь уstraшающем, великая беда ужасная постигла оба войска. Коней, слонов, пехотинцев, перемешавшихся, бивнями убивали великаны, колесничных воинов и слонов приканчивали пехотинцы, и пеших воинов во множестве и колесничных и многих конников колесничные бойцы убивали, о царь, твои и те, в смятии боя. Арджуна же, не зная еще о гибели родного сына, разил на поле брани доблестных царей, ограждавших Бхишму. Так твои [воины], о царь, и сринджаи великогомощные, свершая возлияние жизней своих на [огонь] битвы, убивали друг друга. [Некоторые] с распущенными волосами, без доспехов, лишившиеся колесниц, со сломанными луками, сойдясь, дрались друг с другом [голыми] руками. И [стрелами], пронзающими уязвимые места, разил великих воителей Бхишма великогомощный, в трепет приводя войско Пандавов на поле брани. Многих людей в войске Юдхистхиры он убил, и слонов, и всадников, и колесничных бойцов также, и коней. И, видя подвиги Бхишмы там, на поле боя, о Бхарата, мы словно зрели сверхнеобычайные подвиги Шакры. И жестоком таким же был тогда бой, который вели Бхимасена и внук Пришаты, о Бхарата, и лучник из племени сатватов183. Видя же натиск Дроны, страхом объаты были Пандавы. «Он и один способен уничтожить нас в бою с [нашими] воинами вместе, что сказать, когда сонмы земных героев его окружают!» — так говорили, о великий царь, уязвляемые Дроной в сражении. И меж тем как длилась та свирепая битва, о бык среди бхаратов, не щадили друг друга герои того и другого воинства. Словно одержимые злыми духами, сражались великогомощные твои [воины] и пандавские, отец мой, стрелки из лука, разъяренные. И никого мы не видели из сражающихся, кто бы щадил жизнь [свою] в битве, демонов достойной, о владыка людей.

Глава 87

Дхритараштра сказал:

Когда увидели Партхи, что убит Ираван, что они сделали в битве, Расскажи мне, о Санджая.

Санджая сказал:

Узрев, что сражен в битве Ираван, оглушительный вопль испустил ракшас Гхатоткача, сын Бхимасены. От крика его, возопившего, заколебалась тогда очень сильно земля, океаном одетая, с ее горами и лесами, о царь, и поднебесье тоже, и страны света все, и промежуточные направления. Заслышав тот вопль, воины твои, о Бхарата, оцепенели на месте, содрогнулись и покрылись потом. И пали духом все твои, о вождь царей, и сжались по-змеиному [в клубок], слонам подобные, львом уstraшенным. А ракшас с ревом оглушительным, как удары грома, подъяв пылающее копье, уstraшающий облик принявший, приблизился в сопровождении разнообразно вооруженных ракшасов-быков, всеокрушающему Времени во образе Ямы подобный. Видя, что наступает он, разъяренный, грозный обличьем, а собственное войско в страхе перед ним обратилось большей частью в бегство, царь Дурьодхана устремился тогда на Гхатоткачу, схватив огромный лук и рык, подобно льву, испуская. За ним последовал сам властитель вангов с десятью тысячами ярых слонов гороподобных. Видя, что наступает сын твой, о великий царь, в сопровождении словеньего войска, разгневался тот бродящий в ночи184. И началась тогда яростная битва, вздымающая волосы дыбом, между ракшасами, о вождь царей, и ратью Дурьодханы. Завидев слоновье войско, вздымающееся, как громада туч, устремились на него разъяренные ракшасы с оружием в руках, разнообразные вопли испуская, сами тучам, молниям чреватые, подобные, стрелами, дротиками, копытами, железными острями разя воинов на слонах. И дротами, трезубцами, молотами, секирами, обломками скал и древесными стволами разили они огромных слонов. И узрели мы, о великий царь, слонов с разбитыми головами, истекающих кровью, с разбитыми ногами, которых сражали бродящие в ночи. Когда поредело и разгромлено было воинство сражающихся на слонах, Дурьодхана, о великий царь, ринулся на ракшасов. Ярость овладела им, и, жизни своей не щадя, обрушил великогомощный на ракшасов острые стрелы. И сразил там вождей ракшасов сын твой Дурьодхана, о лучший из бхаратов, разъяренный великий лучник, — Вегаван, Махараудру, Видьюдджихву и Праматхину, четверых четырьмя стрелами убил великий воитель. И затем еще раз он, неизмеримый духом, неотржимый ливень стрел обрушил, о лучший из бхаратов, на войско ночных бесов. Видя тот великий подвиг сына твоего, о достойный, воспылал гневом великогомощный сын Бхимасены. Огромный лук напрягая, громом с оружием Индры сравнимый, стремительно бросился он на Дурьодхану, врагов укротителя. Узрев его, нападающего, Временем посланному богу смерти185 подобного, не дрогнув, о великий царь, сын твой Дурьодхана. Разгневанный, с побагровевшими очами, молвил ему тот, свирепый: «Из-за тебя, престестогого, на долгое время изгнаны были Пандавы, обманом побежденные в игре в кости, ты, коварный, Кришну Драупади принудил в одном платье — во время месячных — явиться в собрание и оскорбил всячески, а когда пребывала она в [лесной] обители, угождающий тебе повелитель Синдху, злая душа, обидел ее, отцам моим оскорбление нанеся186, — за эти и другие злодеяния, о ты, униживший род свой, я прикончу тебя, если поле битвы не покинешь!» Сказав так, сын Хидимбы, напрягая свой огромный лук, губы закусив, уголки рта облизывая, обильным градом стрел осыпал Дурьодхану, как туча гору водяными потоками в пору дождей.

Глава 88

Санджая сказал:

Но тот град стрел, даже для данавов трудновыносимый, выдержал в битве владыка царей, как большой слон — [мелкий] дождик. А затем, охваченный яростью, шумно дышащий, словно змий, великой опасности подвергся твой сын, о бык среди бхаратов! Двадцать пять острых, крепких железных стрел выпустил он, и пали они стремительно, о царь, на того ракшаса-быка, словно яростные ядовитые змеи на гору Гандхамадану. Ими пронзенный, истекающий кровью, как слон [мыскусом] во время течки, решил тот людоед уничтожить царя и схватил великое копье, способное сокрушать горы. Сверкающее, словно огромный метеор, поднял его, как Магхаван — оружие грома, тот мощнорукий, сына твоего убить жаждущий. Увидев, что он его поднял, повелитель вангов поспешно погнал [своего] слона гороподобного на ракшаса. На своем могучем превосходном слоне быстроходном он достиг на поле боя стези колесницы Дурьодханы и своим слонем заслонил колесницу твоего сына. Увидев, что мудрый царь вангов преградил ему путь, Гхатоткача, чьи очи побагровели от гнева, о великий царь, то занесенное [для удара] великое копье метнул в его слона. И пушным его рукою [копьем] пораженный, о царь, тот упал, истекая кровью, и умер в муках. Меж тем могучий владыка вангов, проворно отпрыгнув, с того падающего слона соскочил на землю. Дурьодхана же, падение отличного слона узрев и видя, что разбито войско его, преисполнился великой горести. Но, долг кшатрия чья превыше всего и гордость свою, о царь, он, когда началось отступление, остался недвижим, как гора. И наложив [на тетиву] стрелу, пы-

лом равную Огню Времени, он, разгневанный необычайно, пустил ее в того ужасного ночного беса. Видя, что налетает та стрела, блистающая, как оружие грома Индры, увернулся от нее благодаря проворству своему великий телом Гхатоткача. И снова он, чьи очи покраснели от гнева, взревел грозно, во все существа вселяя трепет, как туча в час кончины мира.

Заслышав тот ужасный рев грозного ракшаса, Бхишма, сын Шантану, молвил, приблизившись к наставнику: «Этот рев ужасный, что слышится, исходит от ракшаса. Несомненно, то сын Хидимбы сражается с царем Дурьодханой. Ни одно существо не может победить его в битве. Ступайте туда, благо вам, и защитите великого судьбою царя, на коего напал злой душою ракшас, в том высший долг нас всех, о врагов каратели!» Вняв речам деда, поспешили великие воители с невозможной быстротой туда, где был властитель куру, — Дрона и Сомадатта, и Бахлика, Джаядратха, Крипа, Бхуришравас, Шалья, Читрасена, Вивиншати, Ашваттхаман и Викарна и Авантиец¹⁸⁷, Брихадбала и многие тысячи колесничных воинов, последовавшие за ними стремглав, желающие спасти твоего сына Дурьодхану. Но при виде надвигающегося убийцы не дрогнул лучший из ракшасов, мощнорукий, горе Майнака подобный, с огромным луком в руке, в окружении родичей, вооруженных копьями, булавами и всякого иного рода оружием. Тогда произошла яростная битва, вздымающая волосы дыбом, между главным из ракшасов и войском Дурьодханы. Громкий треск гудящих луков слышен был со всех сторон, о великий царь, словно от горящего бамбука, и грохот раздавался от ударов оружия, обрушивающихся на доспехи, облекающие тела, о царь, словно от раскальвающих скал. И копья, метаемые руками героев, подобны были стремящимся по воздуху змеям. Тогда чрезвычайно разгневанный вождь ракшасов, мощнорукий, натягивая громаднейший лук, издал устрашающий вопль. [Стрелой с лезвием] полумесцем он, гневный, расскл лук наставника и, свалив стрелой бхалла стяг Сомадатты, взревел [опять]. Он пронзил Бахлику тремя стрелами в середине груди и Крипу пронзил одного, Читрасену — тремя стрелами. Хорошо наложившей и пущенной с лука, согнутого до отказа, [стрелой], приблизившись, поразил он в плечо Викарну, и тот опустился на дно колесницы, обливаясь кровью. Затем он, неизмеримый духом, еще десять и пять железных стрел послал, разгневанный, в Бхуришраваса, и они, его латы пробив, тотчас вошли в землю. Он поразил возникших Вивиншати и сына Дроны, и оба они пали на дно [своих] колесниц, выпустив конские поводья [из рук]. [Стрелой] полумесцем срезал он [стяг] царя Синдху [с образом] вопреку, золотом украшенным, и второю, о великий царь, расскл его лук. И четырьмя железными стрелами он, с глазами, налитыми кровью, убил четырех коней Авантийца, великого духом. С согнутого до отказа лука стрелой закаленной и отточенной он пронзил, о великий царь, царского сына Брихадбалу, — глубоко пронзенный, тот сел, страдая, на дно колесницы. И, стоя на колеснице, гневом сильным объятый, метал повелитель ракшасов острые крепкие стрелы, и они пронзили, о великий царь, Шалью, испытанного в боях. Глава 89

Санджая сказал:

Всех тех твоих заставив отступить в бою, о лучший из бхаратов, ракшас, жаждущий убийства, ринулся на Дурьодхану. Видя, что нападает он, стремительный, на царя, бросились на него твои [воины], убить его жаждущие, битвой опьяненные. Натягивая луки в талу длиною, великомощные напали на него одного, рык издавая, словно стая львов. Со всех сторон они окутали его ливнем стрел, как тучи осенью водяными потоками гору. Глубоко пронзенный, страдая, словно слон, пораненный стрелом, прынул он тогда в воздух, во все стороны [обращаясь], сыну Винаты подобно. И громовый рев он издал, словно осеннее облако, устрашающим отзвуком поднебесье и пространство во всех направлениях оглашая. Заслышав же голос ракшаса, царь Юдхиштхира, лучший из бхаратов, такое слово Бхимасене сказал: «Поистине то сражается ракшас с сынами Дхритараштры, великими воителями, раз слышится голос его, устрашающий рев издающего, — вижу, о брат мой, что непосильное бремя он взял на себя. Меж тем дед, разъяренный, вознамерился уничтожить панчалов, и Пхальгуна, чтобы их защитил, бьется с врагами. Обе эти задачи решить надобно, и ты, о мощнорукий, [теперь] о них услышав, ступай, защити сына Хидимбы, великой опасности подвергающегося!» Речи брата повинуясь, поспешно двинулся вперед Волчебрюхий, львиным рыком трепет вселяя во всех царей, с великой быстротою, о царь, словно океан в день перемены луны. За ним последовали Сатьядхрити, сын Сучитты, битвой опьяненный, Шрениман и Васудана и Абхибху, сын Кашийца¹⁸⁸, и сыны Драупади, великие воители, возглавляемые Абхиманью, и Кшатрадева отважный, также Кшатрадхарман, и Нила, повелитель прибрежных стран со своим войском; и великой ратью колесниц они окружили сына Хидимбы. С шестью тысячами постоянно яростных боевых слонов они пришли на помощь вождю ракшасов Гхатоткаче, львиным рыком, громким грохотом колесниц, топотом копыт сотрясая землю. Заслышав шум, [возвещающий] их приближение, воины твои побледнели, охваченные страхом перед Бхимасеной, и повернули вспять, о великий царь, оставив Гхатоткачу. Тогда здесь и там завязалась битва между великими духом, твоими и чужими, теми, что в боях не отступают. Метая оружие всякого рода, великие воители устремлялись друг на друга и наносили удары, перемешавшись в жесточайшем сражении, ужас вселяющем в робких. Кони сшибались со слонами, пехотинцы — с колесничными воинами, один с другим, на бранном поле, о царь, взыскующие великой славы. И внезапно поднялась от схватки густая пыль, ногами и колесами взметенная, от колесниц, коней, слонов и пеших воинов. Густая, багровому дыму подобная пыль окутала поле битвы, о царь, и стало своих от чужих не отличить. Отец не узнавал сына, а сын — отца в той нарушившей все границы бойне, вздымающей волосы дыбом. И от грома оружия и людских [голосов] превеликий шум стоял, словно от горящего бамбука. Там волны крови и внутренностей слонов, коней и людей понесла река, мхом и водорослями в которой были их волосы. И падающие в битве с плеч головы людские громкий стук издавали, словно от падающих камней. А земля покрылась телами обезглавленных людей, иссеченных слонов и изрубленных коней. Метая оружие разнообразное, великие воители устремлялись друг на друга и наносили удары; кони, всадниками направляемые, сшибались с конями на поле битвы, сокрушали друг друга и падали бездыханные; мужи, сшибаясь со всей силы с мужиками грудью с грудью, тесня, с кроваво-красными глазами разили друг друга, и направляемые погонщиками слоны, от врагов заслоняющие¹⁸⁹, бивнями поражали в битве слонов. Покрытые пролитой кровью, украшенные стягами, сбившиеся в кучи, они выглядели как облака, молниями [блистающие]. Некоторые, раненные бивнями, с головами, копьями пробитыми, ревушие, метались, громыхая, словно тучи; некоторые с рассеченными надвое хоботами, другие — с "рассеченными ногами рушились в том смятении, словно горы с отсеченными крыльями;¹⁹⁰ иные же превосходные слоны с боками, пропоротыми слонами [же], проливали кровь обильно, как горы — минералами [окрашенные дождевые потоки по склонам]; а еще другие, всадники на которых были, копьями пронзенные, убиты, выглядели как горы с обрушившимися вершинами; некоторые, охваченные яростью, ослепленные бешеным, необузданные, затаптывали сотнями колесницы, коней и пеших воинов на поле битвы. Конники разили коней копьями и дротиками, а те на них бросались, словно все смешав в пространстве вокруг себя. Колесничные воины с колесничными [схватывались], юноши из благородных семей, жизни не щадящие, все силы напрягая, подвиги творили, не ведая страха, словно в состязании на сваямваре; они, воинственные, разили друг друга, взыскую славы, о царь, либо неба. И меж тем как происходило это сражение, вздымающее волосы дыбом, великое войско сынов Дхритараштры почти всюду отступало.

Г ла в а 90

Санджая сказал:

Видя поражение своего войска, царь Дурьодхана, разгневанный, ринулся сам на Бхимасену, врагов укротителя. Схватив преогромный лук, гремящий, подобно оружию грома Индры, он осыпал сына Панду обильным дождем стрел. И, наложив острейшую [стрелу с наконечником] полумесцем, волос рассекающую, он, яростью объятый, сломал ею лук Бхимасены. И, миг уловив, наложил великий воитель поспешно стрелу, способную раскалывать горы, и нанес ею удар Бхимасене в грудь, мощнорукий. Глубоко ею пронзенный, страдая, облизывая уголки губ, оперся храбрец на стяг [свой], золотом украшенный.

Видя Бхимасену столь удрученным, воспылав гневом Гхатоткача, всеиспеляющему огню подобный. Великие воители [стана] Пандавов с Абхиманью во главе устремились с криками на царя, смятение сея. Увидев, что нападают они, разъяренные, сеющие смятение, сын Бхарадваджи великим воителям твоим слово молвил: «Ступайте скорее, благо вам, защитите царя! Великой опасности он подвергается, в пучине бедствий утопая! Эти гневные великие лучники, великие воители Пандавов, предводимые Бхимасеной, устремились на Дурьодхану, они мечут оружие всякого рода, уповающие на победу, испуская устрашающие крики, эту землю сотрясая».

Вняв той речи наставника, твои во главе с Сомадаттой обратились на рать Пандавов. Крипа, Бхуришравас, Синдхинец, также Брихадбала и оба великих лучника, оба Авантийца, окружили потомка Куру. На двадцать шагов продвинувшись, [уже] начали наносить удары сыны Панду и сыны Дхритараштры, жаждущие убийства друг друга. А сын Бхарадваджи мощнорукий, слова эти произнес, напряг великий лук и поразил Бхиму двадцатью шестью [стрелами]. И немедленно мощнорукий еще раз осыпал его стрелами, как облако гору осенью потоками дождя. Бхимасена же великомощный десятью жалащими пронзил его поспешно в ответ, великий лучник, в левый бок. Глубоко пронзенный, в муках, сел внезапно, о Бхарата, старый [воин] на дно колесницы, потеряв сознание. Видя, что тяжело ранен учитель, сам царь Дурьодхана и сын Дроны ринулись оба, гневные, на Бхимасену. Завидев обоих нападающих, подобных [каждый] Яме в час кончины мира, мощнорукий Бхимасена, взяв поспешно палицу, соскочил с колесницы и стал тотчас недвижно, как скала, на поле боя, тужкую палицу подъяв, жезлу Ямы подобную. Видя его с подъятой палицей — словно то была [вознесшая] вершину Кайласа, — вместе устремились на него Каурава и сын Дроны. И Волчебрюхий со [всею] быстротою устремился, поспешая, на тех обоих, лучших из могучих, вместе нападающих. Завидев же, что наступает он, разгневанный, обликом грозный, разом устремились на него поспешно великие воители Кауравов во главе с сыном Бхарадваджи. Все исполненные желания убить Бхимасену, всякого рода оружие в грудь Бхимы они направили, все вместе со всех сторон сына Панду уязвляя. Видя, какой опасности подвергается великий воитель, [ими] уязвляемый, устремились великие воители

Пандавов, водимые Абхиманью, спасать его, жизнь столь дорогую [за него] отдать готовые. Нила, доблестный прибрежных стран повелитель, темной туче подобный¹⁹², закадычный друг Бхимы, напал, разъяренный, на сына Дроны. Великий лучник, с сыном Дроны он соперничал постоянно. И, лук великий напрягая, пронзил он стрелою сына Дроны, как некогда Шакра, о великий царь, данаву пронзил, неодолимого Випрачитти, что наводил страх на богов и в гнев пылом своим три мира в трепет повергал. Оперенной стрелою Нилы, хорошо заостренной, пронзен был сын Дроны, и, кровь из раны проливший, разъяренный, прекрасный лук напрягая, что гром издавал оружие Индры подобно, решил он сразить Нилу, лучший из решительных. Тогда, наложив [на тетиву] сверкающие стрелы бхалла, кузнецом кованные, он убил четырех коней и свалил стяг [Нилы], седьмою же стрелою бхалла он пронзил Нилу в грудь, и тот, глубоко пронзенный, сел в муках на дно колесницы. Увидев, что в беспамяත්стве царь Нила, громаде облаков подобный, Гхатоткача, разгневанный, ринулся стремительно в окружении братьев на сына Дроны, блистающий ужас, сына Дроны на поле боя ошеломивший. Тогда от мора того обратились вспять все твои [воины]. Они узрели друг друга на земле повергнутыми, недвижимыми, изрубленными, кровью истекающими — Дрону, Дурьодхану, Шалью, также и Ашваттхамана, и почти все великие лучники, которые возглавляли кауравов, все колесничные воины погибли, и поверженные были слоны, и кони вместе со всадниками были изрублены тысячами. Видя то, войско твое бежало к [своему] стану, меж тем как и я, о царь, и Деваврата зывали: «Сражайтесь, не бегите, то — демонское наваждение, сотворенное Гхатоткачей на поле битвы, не поддавайтесь мороку!» — **ГО**, уstraшенные, они не верили тому, что мы говорили. Видя, что бегут они, Пандавы торжествовали победу и вместе с Гхатоткачей львиный рык испустили, и зазвучали громко со всех сторон [их] раковины и барабаны. Так войско твоё, разгромленное злым сыном Хидимбы, бежало врассыпную в урочный час заката.

Глава 91

Санджая сказал:

Тогда среди того великого стенания царь Дурьодхана, приблизившись к сыну Ганга, приветствовал его смиренно и стал рассказывать обо всем, как оно произошло, о победе Гхатоткачи и нашем поражении. Он поведал о том, [тяжко] вздыхая снова и снова, и молвил он тогда, о царь, Бхишме, патриарху куру: «На тебя полагаясь, как они — на Васудеву, начал я эту страшную войну с Пандавами, о владыка! Одиннадцать армий¹⁹³ прославленных, что есть у меня, повинуются вместе со мною велениям твоим, о каратель врагов. И вот я, о тигр среди бхаратов, побежден в битве Пандавами во главе с Бхимасеной, что положились на Гхатоткачу. Это жжет мою плоть, как [жжет] огонь сухое дерево, и поэтому твоею милостью, о великий судьбою, хочу я сам убить этого подлеjšшего из ракшасов, о дед, да соизволишь ты поддержать меня в этом трудном деле!» Выслушав эту речь царя, о лучший из бхаратов, Бхишма, сын Шантану, такое слово молвил Дурьодхане: «Внимай, о царь, моим речам, тому, что я скажу тебе, о Каурава, как следует тебе, о великий царь, вести себя впредь, о каратель врагов! В битве должно, о сын мой, во всех случаях себя охранять, о врагов укротитель. Тебе всегда сражаться надлежит с Царем справедливости, о безупречный, с Арджуной, либо с обоими близнецами, либо еще с Бхимасеной. Царский долг превыше всего ставя, царь встречается с царем. Я, Дрона, Крипа, сын Дроны и Критаварман из племени сатватов, Шалья, сын Сомадатты и Викарна, великий воитель, и доблестные братья твои во главе с Духшасаной — мы будем сражаться за тебя с великомошным ракшасом. Или, если так велико страдание сердца твоего из-за этого свирепого вожда ракшасов, пусть выйдет на поле для битвы со злодеем царь Бхагадатта, что в битве равен Сокрушительно твердый». Так сказав царю, в присутствии его, вожда властителей, Бхагадатте он слово рек, в речах искушенный: «Ступай немедленно, о великий царь, к сыну Хидимбы, битвой опьяненному, у всех лучников на глазах противостань ракшасу, жестокому в деяниях, как некогда Тараке Индра!¹⁹⁴ У тебя — небесное оружие, у тебя — отвага, о врагов каратель, и со многими демонами ты некогда уже сражался. Против него [теперь] сразись, о царь-тигр, во главе войска своего в великой битве, ракшаса-быка убей, о царь!»

Выслушав речь Бхишмы, предводителя ратей, тотчас выступил тот со львиным рыком на врагов. Завидев его, с громом наступающего, туче подобно, обратились против него великие воители Пандавов — Бхимасена и Абхиманью, и ракшас Гхатоткача, сыны Драупади, и Сатьядхрити, и Кшатрадева, о достойный, правитель Чеди и Васудана, и также властитель Дашарны. А Бхагадатта устремился на них на [слоне] Супратике. И началась тогда битва между пандавами и Бхагадаттой, страшное зрелище являющая, расширяющая владения Ямы. Колесничными воинами пущенные стрелы, грозно стремящиеся, тяжело раззие, падали, о великий царь, на слонов и на колесницы. Рые слоны, управляемые погонщиками, сойдясь, нападали друг на друга бесстрашно. Бешенством ослепленные, неистовые в ярости своей, они, сойдясь, поражали друг друга в той великой битве остриями бивней своих, булавам подобных. И кони, увенчанные султанами, гирляндами, оседланные всадниками с дротиками в руках, понукаемые ими, налетали стремительно один на другого. И пешие воины наносили пехотинцам удары дротиками и копьями, и сотнями и тысячами валились они тогда наземь. И колесничные воины стрелами трубчатыми и с уховидными наконечниками разили в битве героев, львиный рык издавая.

И меж тем как длилась эта битва, вздымающая волосы дыбом, великий лучник Бхагадатта ринулся на Бхимасену на яром слоне, семью струями источающем мускус, как гора, со всех склонов проливающая воду. Он ехал на голове у Супратики, сея тысячи стрел, о безупречный, *“как Магхан на Айравате, дожди потоком излияющий*. Ливнями стрел поразил царь Бхиму, как облако гору водяными ливнями в пору дождей. Бхимасена же, разъяренный, ливнями стрел сразил, великий лучник, разъяренный, сто с лишком [его] пеших охранников. Видя, что убиты они, гневный Бхагадатта погнал, блистательный, вожжа слонов на колесницу Бхимасены. Слон тот, направленный им, как пущенная с тетивы стрела, ринулся стремительно на Бхимасену, врагов укротителя. Увидев, что нападает он, повернули на него стремительно великие воители Пандавов во главе с Бхимасеной — Кеаки¹⁹⁵ и Абхиманью, и сыны Драупади все вместе, доблестный властитель Дашарны и Кшатрадева, о достойный, правитель Чеди и Читракету — все они, разъяренные, великомошные, являя небесное оружие необыкновенное, окружили, гневные, со всех сторон того одинокого слона. И многими стрелами пронзенный, крови ток извергая, красовался великий слон, словно царь гор, блистающий цветной рудой [дождем омытой]. На слоне, угесу подобном, восседав, ринулся властитель Дашарны на слона Бхагадатты. Но выдержал в бою натиск того слона Супратика, царственный слон, как брег морской [выдерживает] прилив океана, обители макар. И, видя, что устоял он против владычного слона Дашарны, великого духом, [даже] пандавские воины восхвалили его: «Славно! Славно!» Тогда властитель Прагджьотиши, гневный, четырнадцать копий метнул в того слона, о лучший из царей. Пробив его панцирь спереди, золотом отделанный, тотчас они проникли в него, словно змеи в муравейник. Глубоко пронзенный, мучаясь, слон тот, о лучший из бхаратов, лишившись пыла своего, бегом обратился тотчас вспять. Он бежал, испуская жуткие вопли, сокрушая свое войско, словно бурный ветер — деревья. Когда же побежден был тот слон, великие воители Пандавов, львиный рык издавая громогласно, ринулись в битву. С Бхимою во главе они устремились тогда на Бхагадатту, меч стрелы различного рода и различного рода [другое] оружие. Заслышав их грозный клич, о царь, на них, наступающих, разъяренных, неистовых, великий лучник Бхагадатта, забыв о страхе, погнал своего слона. Стрекалом и носком ноги понукаемый, тот избранный из слонов словно обратился в этот миг на поле боя во всеуничтожающий огонь. Туда и сюда мечась по полю битвы, о царь, он сотнями и тысячами, разъяренный необычайно, сокрушал сонмы колесниц, слонов, коней со всадниками и пехотинцев. И великое то войско пандавов, им истребляемое, стало ужиматься, как кусок кожи, брошенный в огонь.

Видя, что разбито его войско мудрым Бхагадаттой, Гхатоткача, разгневанный, на Бхагадатту ринулся. Чудовищный исполин со сверкающим ликом, сосверкающими очами, он уstraшающий образ принял, о царь, яростью, как огнем, пылая. На убийство слона устремленный, он взял огромное копьё, раскалывающее даже горы, и с силой метнул его, великомошный, во все стороны рассыпающее, пламенея, искры. Видя, что налетает оно, с силой [брошенное], полыхающее огнем, пустил в бою проворно царь блистающую, глубоко раззую стрелу [с острием] полумесцем и ею рассек то громадное копьё. Рассеченное надвое, упало то копьё, отделанное золотом, словно Шахроу пущенное великое оружие грома, павшее с поднебесья. Увидев, что упало то копьё, сломенное пополам, царь взял большой дротик с позолоченным древком, полыхающему пламени подобный, и, восклицая: «Стой, стой!» — метнул его в ракшаса. Видя, что налетает он по воздуху, оружие грома подобно, ракшас, ввысь прыгнув проворно, перехватил его и крик издал, и тотчас он переломил его через колено, о Бхарата, на глазах у владыки царей, и словно чудо то было. Узрев тот подвиг, могучим ракшасом сотворенный, даже боги на небе с гандхарвами вместе и мудрецы, пораженные, а также Пандавы, великие лучники, с Бхимасеною во главе криками: «Славно, славно!» — огласили землю. Слыша громкие возгласы тех великих духом, ликующих, не снес того великий лучник Бхагадатта, блистательный. Великий лук свой напрягая, гремющий подобно оружию грома Индры, обрушился он стремительно на великих воителей Пандавов, пуская блистающие острые железные стрелы, ярко пламенеющие. Бхиму он пронзил одною, ракшаса — девятью стрелами, Абхиманью — тремя, Кеасев — пятью, и стрелою с золотым опереньем, пущенной с [тетивы], натянутой до отказа, он пробил в бою правую руку Кшатрадевы, и тот выронил лук свой тут же вместе со стрелою. Пятерым сыновьям Драупади он пятью нанес удары и в ярости сразил коней Бхимасены. Тремя стрелами он рассек стяг его, несущий образ льва, и еще тремя другими, оперенными, пронзил его колесничного. И, глубоко пронзенный Бхагадаттою в бою, страдая, опустил Вишока на сиденье колесницы. Тогда, лишившись колесницы, о великий царь, Бхима, избранный из колес-

нических бойцов, схватил палицу и с великой колесницы соскочил проворно. При виде его, подъявшего палицу, горе, вершину возносящей, подобного, великий страх объял твоих, о Бхарата. А в это же самое время сын Панду с колесничим Кришною, о великий царь, тысячами сражая врагов, приблизились туда, где двое тех мужей-тигров, карателей врагов, Бхимасена и Гхатоткача, отец и сын, схватились с властителем Прагджотиши. Завидев же сражающихся великих воителей, о царь, сын Панду поспешил к ним, о лучший из бхаратов, сея стрелы. Тогда царь Дурьодхана, великий воитель, поспешая, к войску тотчас воззвал —полчищу колесниц, слонов и коней. На ту великую рать Кауравов, наступающую стремительно, сын Панду ринулся стремглав, белыми конями несомый. А Бхагадатта на своем слоне, о Бхарата, войско Пандавов топча, устремился в бой на Юдхишгхиру. Тогда жестокая битва была, о достойный, между Бхагадаттой и подъявшими оружие панчалами, сринджа-ями и кекаями. Бхимасена же тем обоим —Кешаве и'Арджуне —поведал на поле боя, как произошло под конец убийство Иравана.

Глава 92

Санджая сказал:

Услышав, что убил его сын Ираван, великой горести преисполнился Завоеватель богатств, и он испускал вздохи, змею подобно. И молвил он посреди боя, о царь, Васудеве такое слово: «Поистине, уже давно вещей Видура предвидел страшное истребление куру и пандавов, великомудрый, потому и предостерегал Дхритараштру, владыку народа. Многие неодолимые герои убиты в сражении кауравами, о Губитель Мадху, и также те убиты нами. Скверные дела творятся корысти ради, о лучший из героев. Будь прокляты богатства, ради которых подобное истребление родных творится! Лучше умереть без богатства, чем обрести его через убийство родичей. Что мы обречем, о Кришна, если убоим собравшихся [здесь] "родных"? По вине Дурьодханы и Шакуни, сына Субалы, а также из-за дурных советов Карны идут к гибели кшатрии! Теперь я понимаю, о Губитель Мадху, как хорошо поступил царь, о мощнорукий, когда просил у Суйодханы только полцарства или же пять деревень! 96, но и того не выполнил злодей! Видя же доблестных кшатриев простертыми на земле, я себя порицаю жестоко. Позор призываю кшатриев! [Только потому, что иначе] сочтут меня кшатрии в битве бессильным, готов я к бою с этими родичами моими, о Губитель Мадху. Гони скорее коней на войско сынов Дхритараштры! Этот безбрежный океан битвы я [все тже] силой рук моих преодолею! Не время теперь в чем-либо слабость проявлять, о Мадхава!» Когда сказал ему так Партха, Кешава, губитель вражеских героев, погнал тех белых коней, быстрых как ветер. И громкий шум поднялся тут в твоём войске, о Бхарата, как в час прилива в океане, взволнованном бурей. После полудня, о великий царь, завязался бой Бхишмы с пандавами, гром которого раздавался как от тучи в грозу. Тогда сыновья твои, о царь, сплотившись в битве вокруг Дроны, как Васу вокруг Предводителя, устремились на Бхимасену. Затем Бхишма, сын Шантану, Крипа, лучший из колесничных бойцов, Бхагадатта и Сушарман на Завоевателя богатств устремились, сын Хридики и Бахлика ринулись на Сатьяки, а царь Амбаштхака противостоял Абхиманью, остальные же, о великий царь, остальным великим воителям, и разгорелась тогда битва, страшное зрелище являющая, приводящая в ужас. Бхимасена, завидев твоих сыновей, о властитель народа, гневом воспылав в битве, как от жертвенной пищи жертвенный огонь. А сыновья твои окутали стрелами сына Кунти, как в пору дождей, о великий царь, гору облака. Он же, герой, твоими сыновьями всячески уязвленный, о владыка народов, облизывая уголки губ, словно разъяренный тигр, поверг тогда Бхима, о великий царь, Вьюдхораску тяжко разящей стрелой [с острием] подковой, и жизнь покинула того. Другой стрелой — закаленной и отточенной бхалой —он поверг Кундалину, как лев —малого зверя. Затем, взяв закаленные, остро отточенные стрелы, он семь наложил [на тетиву] поспешно, к сыновьям твоим приблизившись, о достойный. И, посланные Бхимасеной с прочного лука, те стрелы сбросили сыновей твоих с колесниц, величайших колесничных бойцов: Анадхришти, Кундабхеду, Вайрату¹⁹⁷, Диргхалочану, Диргхабаху, Субаху, также Канакадхваджу. И пали те герои, поблекнув, о бык среди бхаратов, как падают деревья манго, пестреющие цветами весною. Тогда остальные твои сыновья, о владыка народов, бежали, великомощного Бхимасену самую Смертью почитая. Дрона же героя, твоих сыновей испепеляющего, как гору ливнями, со всех сторон осмалл в битве стрелами. Там зрели мы небывалое мужество сына Кунти, который, невзирая на сопротивление Дроны, продолжал убивать сыновей твоих. И как мощный бык выдерживает низвергающийся с неба дождь, так Бхима выносил ливень стрел, пушенных Дроной. И чудеса, о великий царь, творил там Волчебрюхий, что сражал в бою сыновей твоих и в то же время бился с Дроной. И тешился среди сыновей твоих, героев, старший брат Арджуны, о великий царь, как могучий тигр, охотящийся на оленей. Как волк, попавший в середину стада, разгоняет скотину, так в битве гнал твоих сыновей Волчебрюхий. А сын Ганги, Бхагадатта и сын Гаутамы, великий воитель, противостояли в битве Арджуны, неистовому сыну Панду. Тот победоносный воитель, оружием своим их оружие отражая в бою, главных бойцов твоих войск предавал смерти. Абхиманью же царя Амбаштху, лучшего из колесничных воинов, в мире прославленного, стрелами лишил колесницы. Лишившийся колесницы, избиваемый славным сыном Субхадры, соскочил с колесницы повелитель людей; устыдившись, он метнул в бою [свой] меч в великого духом сына Субхадры, а сам взошел на колесницу сына Хридики, великого духом. Искушенный в приемах боя, благодаря проворству своему увернулся сын Субхадры, губитель вражеских героев, от летящего в него меча. И, видя, что увернулся от меча сын Субхадры: «Славно, славно!» —подняли тогда воины крик, о владыка народов. Другие во главе с Дхриштадьмой сражались с войском твоим, и также с войском пандавов все твои сражались. Великий вопль подняли там твои и те, о Бхарата, жестоко разящие друг друга, трудный подвиг творящие. Вцепляясь в волосы, [в ход пуская] ногти, зубы, кулаками и коленями наносили друг другу удары в схватке герои, о достойный, локтями, ладонями, остро отточенными мечами, находя уязвимые места, отправляли они друг друга в обитель Ямы. Отец разил в битве сына, и сын —отца, с помутившимся разумом бились там люди. На поле боя прекрасные луки с золотыми рукоятями, о потомок Бхараты, оброненные убитыми, и драгоценные колчань, и острые стрелы с золотым и серебряным оперением, смазанные сезамовым маслом, блистали, словно змеи, сбросившие кожу. И [покрывали землю] мечи с рукоятями из слоновой кости, украшенные золотом, щиты червлёные, брошенные лучниками, золотом отделанные копья и позолоченные трезубцы, червонные пики и дротики, златом блистающие, разрубленные, упавшие, тяжкие палицы, железные булавы, бердыши и короткие стрелы, о достойный, и упавшие метательные копья, и разноцветные, золотом отделанные слоновы покрывала разных видов, и султаны и опалаха из хвостов яков, разнообразное оружие, оброненное павшими мужами, великими воителями, которые, бездыханные, выглядели словно живые. Изувеченные палицами, с головами, булавами разможенными, раздавленные слонами, конями или колесницами, лежали мужи на земле. И так предстала тогда земля, о царь, покрытой повсюду, словно горами, телами коней, людей и слонов. И усеяно было поле упавшими в бою дротиками, клинками, стрелами, метательными копьями, мечами, трезубцами, дротами с шипами, железными пиками, секирами, палицами, короткими стрелами, ядрами и телами, оружием иссеченными, —безмолвными или слабо зывающими, плавающими в крови, бездыханными [телами] покрытая, пестрела земля. И умашенными сандалом руками с рукавицами и браслетами, разрубленными отважных [воинов] ногами, слоновым хоботом подобными, слетевшими головами волооками с прикрепленными [на тюрбанях] драгоценными камнями, с сергами, сверкала, о Бхарата, поле. И залитыми кровью латами и разбросанным золотом сверкала ярко земля, как тлеющими кострами. И рассыпавшимися колчанями, и оброненными луками, и разбросанными повсюду стрелами с золотым оперением, и разбитыми колесницами многими с гирляндами колокольчиков, и убитыми конями, валяющимися в крови с выпавшими языками, осями от колесниц, знаменами, связками стрел, стягами, разбросанными большими бледно-желтыми раковинами военачальников, слонами, простертыми с бессильными хоботами, устланная земля, была словно дева, разнообразными украшениями разнаряженная. А с другими слонами там, что, мучась от глубоко возмущения дротиков, из хоботов выпускали шум и влагу время от времени, казалось поле сражения [покрытым] вздыхающими холмами. Разноцветные плащи, слоновьи покрывала, жезлы с камнем кошачий глаз, выроненные блестящие стрелака, бубенцы слоновьих вожаков, рассеянные повсюду, порванные пестрые попоны, оленьи шкуры, разнообразные слоновьи нашейные цепи, позолоченные ремни, поломанные всячески орудия, метательные копья и кампаны, золотом покрытые конские попоны, запорощенные пылью, и валяющиеся отрубленные руки всадников с браслетами, блестящие дротики, блестящие острые мечи и разорванные, пробитые тюрбаны там и здесь, красивые [стрелы] полумесяцем, золотом украшенные, конские попоны и оленьи шкуры порванные, прекрасные драгоценные царские бриллианты и зонты брошенные, султаны и опалаха, лики героев, светлые, как лотос или месяц, с красивыми сергами, с подстриженными бородами, с украшениями, разбросанные золотом блистающие серги — [всем этим устланная], о великий царь, земля была подобна небу, усеянному планетами и созвездиями. Так эти два великих войска, твое и чужое, о Бхарата, сойдясь, сокрушали одно другое на бранном поле. И меж тем как, изнуренные, разбитые, сокрушены они были, спустилась ночная тьма, и мы уже не видели поля битвы. Тогда развели войска куру и пандавы с наступлением той дйющейся мрачной, недоброй, очень страшной ночи. Затем, перемирие заключив, и куру, и пандавы в свое время вернулись^ тогда к своим станам.

Глава 93

Санджая сказал:

Затем царь Дурьодхана и Шакуни, сын Субалы, сын твой Духшасана и сын возницы трудное долимый, собравшись, совет держали насущный, о великий Царь: как победить в битве сыновей Панду с их союзниками. Тогда, посовещавшись с сыном возницы и сыном Субалы великомощным, сказал царь Дурьодхана всем своим советникам: «Дрона, Бхишма, Крипа, Шалья и сын Сомадатты не дают отпор в битве Партхам, и я не знаю тому причины. А те, неуязвимые, истребляют мое войско, и меньше войска у меня становится в битве, о Карна, и меньше оружия. Одолевают меня храбрые Пандавы, даже для божеств неуязвимые, и в отчаянье я выпадаю —как мне выиграть битву?»

Тому повелителю мужей, о великий царь, молвил сын возницы: «Не печалься, о лучший из бхаратов, я сделаю то, что угодно тебе. Пусть покинет скорее великое сражение Бхишма, сын Шантану! Когда уйдет из боя сын Ганги и сложит оружие, я сражу, о Бхарата, сынов Притхи в бою вместе со всеми Сомаками у Бхишмы на глазах, истинно клянусь тебе, о царь! Ведь Бхишма всегда был милосерден к Пандавам, о царь, и в битве не способен Бхишма победить этих великих воителей. [Хотя] Бхишма, любящий бой, постоянно кичится [своей силой] в бою, как в битве победит он, друг мой, сошедшихся Пандавов? Ступай скорее в стан Бхишмы, попроси Бхишму, о Бхарата, положить оружие в [этой] битве. После того как сложит оружие Бхишма, считай, что уже убиты Пандавы, я один [сражу их] в битве с сонмами друзей их и родичами!» Когда сказал ему это Карна, сын твой Дурьодхана брату Духшасане там такое слово молвил: «Ступай немедленно, о Духшасана, сделай все, чтобы полностью готовы были все, кто следует [за нами]». Сказав так, молвил затем царь, повелитель народа, Карне: «Когда я уговорю [уйти] из боя Бхишму, лучшего из людей, я к тебе тотчас приду, о укротитель врагов, и тогда, о муж-тигр, ты выиграешь сражение». И немедленно устремился тогда вперед твой сын, о владыка народов, со всеми братьями вместе, как с богами Совершитель ста жертвоприношений. Тогда того мужа-тигра, тигру подобного отвагой, немедленно возвел на коня брат его Духшасана. В браслетах на предплечьях, увенчанный диадемой, с украшениями на руках, о великий царь, блистал повелитель людей, сын Дхритараштры, великому Индре подобно. Превосходнейшим благоухающим сандалом умащенный, что с цветами бханди¹⁹⁹ был сходен и расплавленному золоту подобен, в беспыльные одежды облаченный, с поступью резвящегося льва, сиял царь, как лучезарное осеннее солнце. За ним, мужем-тигром, к шатру Бхишмы направляющимся, следовали [прославленные] во всем мире стрелки, великие лучники, и братья, великие лучники, как Тридцать за Предводителем Васу²⁰⁰. Некоторые ехали на конях, некоторые же — на слонах, о Бхарата, некоторые на колесницах, лучшие из воителей, со всех сторон [его] окружая. Друзья владыки земли, вооружившиеся его защиты ради, явились [там], как вкруг Шакры бессмертные на небесах, сплоченные. Почитаемый [народом] КУРУ-следовал повелитель, великий воитель Кауравов, к обители прославленного сына Ганги, о царь, сопровождаемый со всех сторон [вокруг него] сплотившимися единоутробными [братьями]. Благоклонный, десницу свою, словенью хоботу подобную, всех врагов сокрушающую, во время, как должно, простирая, принимал он со всех сторон [поклоненье] людей, вздымающих сложенные ладонями руки, внимал хвалебным речам обитателей разных стран. Многославный, воспеваемый сутами и магадхами²⁰², всем [в ответ] почесть оказывал всего мира властителей властитель. Со всех сторон окружали великого духом [люди] с горящими золотыми светильниками [в руках], благоухающим кунжутным маслом заправленными. И, окруженный теми блистающими золотыми светильниками, царь блистал, как месяц, с сияющими великими планетами сочетающийся. А латники с жезлами в руках и литаврами раздвигали народ осмотрительно во все стороны, [путь расчищая]. Достигнув затем блистательной обители Бхишмы, владыка людей сошел с коня и, к Бхишме приблизившись, приветствовал Бхишму и воссел на превосходное золотое сиденье, покрытое редчайшим ковром с чудодейственным узором²⁰³. И сказал он Бхишме, сложив ладони, прерывающимся голосом со слезами на глазах: «Прибегнув к тебе в этой войне, о истребитель врагов, могли бы мы победить и богов с демонами вместе и с Индрою, не то что сынов Панду, героев, с сонмами друзей их и родичами. Поэтому да смилостивись ты надо мною, о сын Ганги! Срази, о властелин, сынов Панду, героев, как великий Индра — демонов. Прежде ты говорил, о мощнорукий, что убьешь Пандавов и с ними Сомаков, панчалов и карушей, о Бхарата. Да исполнится это слово твое! Срази сошедшихся Пандавов и Сомаков, великих лучников, будь правдоречив, о Бхарата! Если же из жалости или из-за ненависти ко мне или благодаря злой судьбе моей ты щадишь Пандавов, позволь сразаться Карне, светочу битвы. Он победит в бою сынов Притхи с сонмами их друзей и родичами». Когда сказал так Дурьодхана, сын твой, он ни слова [больше] не молвил грозному своей отвагой Бхишме.

Глава 94

Санджая сказал: *

Речами-терниями сына твоего глубоко уязвленный, скорбью преисполненный, не сказал ему, [однако], в ответ ничего огорчительного дед. Долго размышлял он, терзаемый скорбью и гневом, вздыхая, как змей, прутком потревоженный. Во гневе возведя очи, словно [весь] мир с богами, демонами и гандхарвами испепеляя [взором], лучший из ведающих мир, о Бхарата, молвил он спокойно сыну твоему такое слово: «Зачем уязвляешь ты меня этими речами-терниями, о Дурьодхана? Сколько есть сил стараюсь я, творя угодное тебе, в битве приношу в жертву жизнь, блага тебе желая. Когда храбрый сын Панду удовольствовал Агни в [лесу] Кхандава, в бою победив Шакуру, достаточным то было свидетельством [его мощи]. Когда тебя, о мощнорукий, похищенного силой гандхарвами, освободил сын Панду, достаточным то было свидетельством. И когда бежали [твои] братья, о властитель, и сын Радхи, отпрыск возницы, достаточным то было свидетельством. И то, что в городе Вираты всем нам сплотившимся противостоял он в одиночку, достаточным было свидетельством. В битве неистового Дрону и меня победив в сражении, и Карну, и тебя, и сына Дроны, и Крипу, величайшего воителя, забрал он [наши] одежды — достаточным то было свидетельством²⁰⁴. В битве победил Партха ниватакавачей на бранном поле, даже для Предводителя Васу трудноодолимых, — достаточным то было свидетельством. Кто в битве победит способен сына Панду, стремительного в битве? Ты же, ослепленный, не понимаешь, что можно произносить и чего произносить нельзя, о Суйодхана. Человек, на смерть идущий, все деревья видит золотыми. Так же и ты, о сын Гандхари, [все] видишь превратно. Сам ты породил эту великую вражду с Пандавами и со сринджаями заодно — сражайся же ныне с ними на поле брани, мужем будь, мы посмотрим. А я, о муж-тигр, сокрушу всех Сомаков, с панчалами объединившихся вместе, [всех], кроме Шикхандина. Либо, им в битве сраженный, я уйду в обитель Ямы, либо, их сразив на поле брани, тебе радость дарую. Ведь Шикхандин сначала родился как женщина в царском доме, мужчиною же она стала благодаря дару, и все равно она — женщина Шикхандини. Ее я не стану убивать даже ценою жизни, о Бхарата! Как некогда сотворил ее Создатель, так и [осталась] она женщиной Шикхандини. Спи спокойно, о сын Гандхари, завтра буду я вести великий бой, о котором будут рассказывать люди, пока стоит земля!» Когда сказал он так твоему сыну, тот удалился, голову приветственно склонив перед старшим, и ушел в свою обитель. Туда придя, царь отпустил толпу [слуг] и тотчас в шатер вошел, врагов сокрушитель²⁰³. Войдя же, властитель земли провел там ночь.

Глава 95

Санджая сказал:

Когда же ночь сменилась рассветом, властитель [Дурьодхана], поднявшись рано, повелел царям: «Стройте войско! Сегодня истребит гневный Бхишма в битве Сомаков». А тот, выслушав ночью сговора Дурьодханы, почитал уже то обязанностью своею. Высокой отрешенностью исполненный, отринув чужую хулу, долго размышлял сын Шантану, с Арджуну встретиться в бою стремящийся. Догадавшись по движениям его, о чем думает сын Ганги, Дурьодхана, о великий царь, поторопил Духшасану: «О Духшасана, построй немедленно колесницы для защиты Бхишмы! Всего пошли туда тридцать два полка. Вот оно пришло — то, чего тьму лет [мы] ждали, — истребление Пандавов вместе с их войсками и обретение царства. И необходимыми здесь я полагаю [позаботиться] об охране Бхишмы. Охраняемый нами, да будет он неведом и да убьет в сражении сынов Притхи! Молвил он [мне], чистый душою: "Я не буду убивать Шикхандина. Ведь он был рожден сперва как женщина. Поэтому избегать его надлежит мне в битве. Люди знают, что из желания сделать угодное отцу я отказался некогда от процветающего царства и от жены²⁰⁶. И никогда и никоим образом, о лучший из героев, я не убью в битве женщину или того, кто был женщиной, истинно говорю тебе. Если ты слышал, этот Шикхандин прежде был женщиной, — как рассказано было о том в [Книге] о старании²⁰⁷. Так родилась Шикхандини. Девой будучи, стала она мужчиной. Он будет сражаться, о Бхарата, [но] я ни за что не стану пускать в него стрелы. Всех же других кшатриев, что желают победы Пандавам, я убью на поле брани, сын мой, как только приблизятся они на полет стрелы". Так молвил мне сын Ганги, лучший из бхаратов, в учениях сведущий. И всей душою я стремлюсь защитить Бхишму. Ведь беззащитного льва в большом лесу и волк убьет. Не дадим же волку Шикхандину убить тигра! Шакуни, [мой] дядя по матери, Шалья, Крипа, Дрона, Вивиншати — пусть защищают сына Ганги, если охранить его, победа будет верной!» Вняв той речи Дурьодханы, цари тогда полчищем колесниц со всех сторон оградили сына Ганги. И сыны твои, ограждая сына Ганги, двинулись с ликованием, сотрясая землю и небо и вселяя в пандавов трепет. С теми колесницами и со слонами, крепко сплоченные, расположились на поле боя, снарядившись, великие воители, Бхишму ограждая, как Тридцать — Носителя ваджры в войне богов и асуров, — все они стали так, чтобы защитить того великого воителя. Тогда царь Дурьодхана вновь молвил брату: «Юдхаманью прикрывает левое колесо Арджуны, Уттамауд[^]кас — правое, сам же Арджуна — Шикхандина. Сделай так, о Духшасана, чтобы, прикрываемый Арджуну и оставленный [без внимания] нами, он не убил нашего Бхишму!» Эту речь брата выслушав, сын твой Духшасана выступил с войском, поставив Бхишму во главе. Завидев Бхишму, окруженного полчищем колесниц, Арджуна, лучший из колесничных воинов, сказал Дхриштадьюмне: «Поставь сегодня, о муж-тигр, против Бхишмы, о безупречный, Шикхандина, о Панчалийский, я буду прикрывать его, о неколебимый!» Тогда Бхишма, сын Шантану, выступил с войском, великим строем — Благим со всех сторон^{2 08} — его построив на поле битвы. Крипа, Критаварман, Шибиец²⁰⁹, великий воитель, Шакуни и царь Синдху, и царь Камбоджи Судакшина — все вместе с Бхишмой и твоими сыновьями, о Бхарата, стали перед всеми войсками во главе [того] строя. Дрона, Бхуришравас, Шалья и Бхагдатта, о достойный, на правом крыле строя расположившись, стали, вооруженные. Ашватгаман, Сомадатта и оба Авантийца, великих воителя, сопровождаемые огромным войском, прикрывали левое крыло. Дурьодхана, о великий царь, окруженный со всех сторон тригартами, стал в середине строя, о царь, против Пандавов, о Бхарата. Аламбуса, лучший из воителей, и Шрутаюдха, великий воитель, в тылу строя всех войск стали, вооруженные. Так, строй установив, о Бхарата, предстали взорам тогда твои, в доспехи одетые, блистающим огням подобные.

Меж тем царь Юдхистхира и Бхимасена, сын Панду, Накула и Сахадева, оба сына Мадри, стали впереди всех войск [своего] строя, вооруженные. Дхриштадымна, Вирата и Сатьяки, великий воитель, с войском великим стали, чужих ратей истребители. Шикхандин и Победитель, ракшас Гхатоткача, могучерукий Чекитана и Кунтибходжа мужественный стали на поле боя, о великий царь, великим войском окруженные. Абхиманью, великий лучник, и Друпادا, великий воитель, и пятеро братьев Кекаев стали [там], для битвы вооруженные. Так, великий строй неодолимый выставив напротив, стали на поле брани храбрые пандавы, [готовые] к бою, о достойный. Твои же, изготовившись к битве, мужей повелители, ринулись в битву вместе с войсками против сынов Притхи, Бхишму во главе поставив, о повелитель. Так же и пандавы, о царь, предводительствуемые Бхимасеной, [двинулись] в бой на воинственного Бхишму, жаждущие победы. С рыканьем и ликующими возгласами, под пение крачек и рогов, под бой барабанов, литавр, бубнов, цимбал, ринулись пандавы, устреляющий рев издавая. И под гром барабанов, литавр, и раковин, и тамбуринов, львиный рык испуская, приплясывая со всяческими прыжками, взревели мы в ответ и двинулись на них, поспешая стремительно, разъяренные, и великий шум тогда поднялся. Тогда устремляющиеся друг на друга сшиблись в бою, и от великого грохота содрогнулась тогда земля. Заметались [в воздухе] птицы, испуская ужасные крики, и солнце, ясное на восходе[^] [теперь] померкло. Бурные ветры задули, [грядущий] ужас возвещая, и завывали там жуткие шакаллы с жутким рыданием, о великой начавшейся боине доносящие. Запылали страны света, о царь, дождь пыли пал и костяной дождь, с кровью смешанный. У ездовых животных, плачущих, влага из глаз источалась, в тревоге они испражнялись и мочились, о владыка народов. Слышались громкие голоса незримо, о бык среди бхаратов, жуткие вопли завывающих ракшасов-людоедов. Явились, налетев, стервятники, цапли, вороны, расположились там [вокруг] собаки, различные крики издающие. Великие метеоры, пылая, обрушивались на дневное светило и падали стремительно на землю, великую беду предвещая. В великом смятении схватки предстали великие рати сынов Панду и сынов Дхритараштры, громом раковин и тамбуринов сотрясаемые, как леса бурею. И прегромкий шум поднялся от тех полчищ царей, слонов и коней, сошедшихся в недобрый час, словно от взволнованных бурей океанов.

Глава 96

Санджая сказал:

Абхиманью на прекрасной колеснице, [влекомой] превосходными гнедыми конями, устремился на огромное войско Дурьодханы, сея ливни стрел, как туча — потоки вод. И не могли в бою твои мужи-быки [рода] Куру остановить гневного сына Субхадры, врагов истребителя, льющего оружие потоком, когда углубился он в неиссякаемый океан [их] войска на поле брани. Выпущенные им в битве стрелы, о царь, врагов свергающие, отправляли героев кшатриев в обитель Царя призраков. Жезлу Ямы подобные, страшные, пылающим ядовитым змеям подобные стрелы посылал в бою гневный сын Субхадры. Во мгновение ока повергал сын Пхалгуны колесничного воина с колесницы, всадника с коня, бойцов на слонах — со слонами вместе. Свершающего тот подвиг великий и необычайный в битве, восхвалили цари, ликуя, сына Пхалгуны и почести ему воздали. И блистал сын Субхадры, те рати рассеивая, как разматывает ветер во все стороны травяную кучу. Не чаяли спасителя войска твои, перед ним расступающиеся, подобно слонам, увязшим в болоте. Все твои войска рассеяв, о царь, предстал Абхиманью, лучший из воителей, словно пылающий огонь без дыма. И никто из твоих не мог противостоять ему, как полыхающему огню мотыльки, на смерть обреченные. Всем врагам нанеся удары, предстал взорам великий воитель Пандавов, великий лучник, подобный Носителю ваджры с ваджрой [в руке]. И его лук, позолоченный с задней стороны, который он направлял повсюду, о царь, подобен был молниям, сверкающим в час прилива. И стрелы, заостренные и закаленные, слетали [с него] в битве, словно из леса рой пчел, о царь, с цветущего дерева. И меж тем как мчался тот великий духом сын Субхадры на колеснице, гремющей как туча, никто не мог улучшить мгновения [чтобы поразить его]. Ошеломив Крипу, Дрону, сына Дроны, великого мощью, и царя Синдху, великого лучника, легко и успешно продвигался он. Мы зрели лук его, обращающийся по кругу, о достойный, войско твое испепеляющий, диску солнечному подобно. И, на него взирая, на подвиги его, стрелами-лучами испепеляю щего [врагов], мнили герои-кшатрии, что двое Пхалгунов в этом мире существует. А та великая бхаратийская рать, им истязаемая, туда и сюда клонилась, словно женщина опьяневшая. Разгромив то войско и в трепет приведя великих воителей, он даровал радость друзьям, как Предводитель Васу, когда он победил Майю²¹⁰. А разбитые в бою войска твои подняли в муках страшный рев, грому грозových туч подобный. Страшный рев твоих войск услышав, — как от бурей взволнованного океана в час прилива, — молвил тогда царь Дурьодхана сыну Ришьяшринги: «Сей отпрыск Кришны, великий лучник, словно второй Пхалгуна громит воинство мое, как Вритра — воинство богов. И я не вижу иного могучего средства исцеления от него, кроме тебя, о лучший из ракшасов, кто постиг в совершенстве все науки [чародейства]. Ступай и поспеши сразить в бою героя, сына Субхадры, а мы под предводительством Бхишмы и Дроны сразим сынов Притхи!» Когда он так ему сказал, могучий вождь ракшасов двинулся немедленно в бой, блистательный, следуя велению твоего сына, громовый рев издавая, словно туча в пору дождей. Громовый голос тот зашлышав, взволновалось из края в край великое войско Пандавов, о царь, словно многоводный океан. И многие мужи, о царь, тем голосом уstraшенные, пали на землю, с дороною жизнью прощаясь. Но Кришны родич лук схватил, изготовившись, и устремился, ликуя, на то чудовище, словно приплясывая на уступе колесницы. Тогда ракшас гневный, сына Арджуны встречая на поле боя, стал громить его рать, от нее невдалеке расположившийся. Великая же рать Пандавов, истребляемая им, выступила против чудовища на битву, как воинство богов против Бали. И жестоким был бой того войска, о достойный, со страшного обличья ракшасом, его истребляющим на поле брани. Тогда, являя отвагу свою, тысячами стрел рассеял ракшас в бою ту великую рать Пандавов. И так, чудовищем страшного обличья истребляемое на поле битвы, бежало в страхе войско Пандавов.

Раздавив тогда то войско, как слон — лотовос поросль, обратился он затем в бою против сынов Драупади великомощных. Те сыны Драупади, великие лучники, бойцы, все устремились, гневные, на ракшаса, как пять планет²¹¹ на солнце. И подавлен был теми храбрыми лучшим из ракшасов, словно месяц пятью планетами в страшный час кончины мира. Тогда Пративиндхья, великомощный, пронзил демона не[^]амедлив острыми железными стрелами с незатупленными наконечниками. Они пробили его доспехи, и блистал лучший из ракшасов, как большая туча, прощитая лучами солнца. Теми стрелами, плавленным золотом покрытыми, пронзенный, о царь, подобен был сын Ришьяшринги горе с пылающей вершиной. Тогда в великой битве те пятеро братьев пронзили вождя ракшасов острыми стрелами, плавленным золотом украшенными. Будучи пронзен стрелами, словно страшными разъяренными змеями, разгневался весьма Аламбуса, о царь, словно [сам] властительный змей. Тяжко пораженный, о великий царь, всего на мгновение, о достойный, впал он в глубокое помрачение, теми великими воителями уязвленный. Сознание обрета, вдвое во гневе возросший, он рассек стрелами их стяги и луки. И одного за другим тремя стрелами [каждого] как бы в насмешку поразил Аламбуса, великий колесничий воин, словно приплясывая на уступе колесницы. И ракшас, разгневанный, тотчас убил коней у тех великих духом, гневный, и колесничих, великомощный. И еще он поразил их, воодушевленный, острооточенными стрелами многих видов, сотнями и тысячами. Лишив колесниц великих лучников, стремительно ракшас там обрушился на них, в ночи бродящий, убить их желая. Видя, что терзает их в битве тот злобный душою ракшас, сын Арджуны устремился на ракшаса в бой. И битва произошла между ними, как между Вритрой и Предводителем Васу, и зрели ее все твои и Пандавы, великие воители. Сошедшиеся в жестоком бою, пылающие гневом взаимно, о великий царь, взирали они друг на друга, великомощные, с глазами, покрасневшими от гнева. Огню Времени подобные оба на поле брани. Ужасна была их встреча, бедою чреватая, как Шакры и Шамбары [бой] во время войны богов и асуров.

Глава 97

Дхритараштра сказал:

Сыну Арджуны, герою, в бою [врагов] истребляющему, великому воителю, как противостоял Аламбуса в битве, о Санджая, и как — сыну Ришьяшринги сын Субхадры, вражеских мужей губитель? О том Расскажи мне поистине, как оно было на поле брани. И что Завоеватель богатств сотворил среди моих войск, о Санджая, либо же Бхима, лучший из могучих, либо ракшас Гхатоткача, либо Накула, Сахадева, либо Сатьяки, великий воитель, — все Расскажи мне о том, ведь искусный ты [рассказчик].

Санджая сказал:

Внимай, я поведаю тебе о бое, вздымающем волосы дыбом, что произошел между вождем ракшасов и сыном Субхадры, о достойный. И как Арджуна в битве и Бхимасена, сын Панду, Накула и Сахадева на поле брани явили отвагу, так и твои все, предводимые Бхишмой и Дроной, небывалые подвиги различные свершили бесстрашно. Аламбуса же, вновь и вновь громкий рев издающий, угрожая, ринулся стремительно в бой на Абхиманью, великого воителя. «Стой, стой!» — восклицал он. И сын Субхадры, о царь, на поле брани, все время рывая по-львиному, — на сына Ришьяшринги, великого лучника, залякотого врага его отца. Тогда встретились в бой устремившиеся на колесницах муж и ракшас, лучшие из колесничных воинов, словно бог с демоном, лучший из ракшасов — колдун — и владеющий небесным оружием сын Пхалгуны. Тогда тремя острыми стрелами, о великий царь, пронзил сын Кришны сына Ришьяшринги в битве и еще пятью пронзил его. Аламбуса же, разгневанный, родича Кришны немедленно девятью быстрыми в грудь пронзил, словно большого слона стрелками. Затем тысячами стрел проворный бес ночной уязвил сына Арджуны в схватке, о Бхарата. Тогда гневный Абхиманью девянью острых стрел, крепко сложенных, пустил в широкую грудь ракшаса, и они тотчас вошли в его тело, поразив уязвимые места, и, пронзенный ими во все члены тела, блистал властительный ракшас, о царь, словно гора, усеянная цветущими киншуками. И, несущий те стрелы с золотым оперением, подобен был лучшим из ракшасов, великомощный, пылающей горе. Затем, о великий царь, гневный сын Ришьяшринги, великомощный, обволок стрелами сына Кришны, великому Индре равного. Пущенные им острые стрелы, жезлу Ямы подобные, пронзили

Абхиманью, в землю вошли. И так* же стрелы, выпущенные сыном Арджуны, золотом украшенные, пронзив Аламбусу, в землю вошли. Все же сын Субхадры, крепко сложенными стрелами чудовище на поле боя одолев, заставил его обратиться вспять, как [некогда] Шакра в битве Майю. Вспять обратившийся демон, в бою противником избиваемый, великое колдовство явил, тьму [среди дня] сотворив. Тогда оказались все объаты тьмою на поле и не зрели уже ни Абхиманью, ни своих и ни чужих. Абхиманью же, радость куру, узрев [наступление] той страшной тьмы великой, явил самое грозное оружие, свет творящее. Тогда весь мир стал явным для взора, о владыка земли, и [так] сокрушил он колдовство злого душою ракшаса. И владычный воитель великогомощный обволок в бою вожда ракшасов стрелами, крепко сложенными. И многие другие чары, к коим прибег еще тот ракшас, отразил неизмеримый духом все [виды] оружия ведающий сын Пхальгуны. И тогда чудовище, чье сокрушено было колдовство, бежало, стрелами поражаемое, покинув колесницу, в великом страхе. Когда незамедлив победил он коварного в бою ракшаса, стал крушить твое войско на поле брани сын Арджуны, как лотосы в лотосовом пруду ослепленный течкою вожда лесных слонов. Тогда Бхишма, сын Шантану, видя, что бежало то войско, осадил сына Субхадры великою ратью колесниц. Заключив того героя в круг, принялись тесать его стрелами рыно сыны Дхритараштры, большим числом на одного [наступа] в битве. Тот герой среди колесничных воинов, отцу отваго равный и Васудеве подобный доблестью и мощью, разнообразные подвиги свершил, достойные обоих — и отца, и дяди, —лучший из владеющих всяким оружием.

Тогда Завоеватель богатств, о царь, идущий на выручку сыну, сражая войнов твоих, приступил в бою к Бхишме, непримиримый. И так же отец твой Деаварата, о царь, приступил в бою к Партахе, как Демон Затмения212 к Солнцу. Тогда твои сыновья, о владыка народов, с колесницами, слонами и конницей окружили в бою Бхишму и оградили его со всех сторон. Так же точно и Пандавы, о царь, окружили Завоевателя богатств, в доспехи одетые, к великому бою изготовившись, о бык среди бхаратов.

Сын Шарадвана тогда Арджуну, против Бхишмы ставшего, двадцатью пятью стрелами покрыл. Сатьяки, Пандавам угодить стремящийся, против выступив, пронзил его острыми стрелами, тигру подобный, [напавшему] на слона. А Гаутама проворно девятью стрелами, перьями цапли оснащенными, потомка Мадху в грудь поразил, разгневанный. Тогда внук Шини, великий воитель, раненный тяжко, тоже, гневный, страшную стрелу для Гаутамы смертоносную послал. Ее, стремительно налетающую, блеском громовому оружию Шакры подобную, надвое рассек разгневанный сын Дроны, вспыльчивый необычайно. Тут внук Шини, оставив Гаутаму, лучшего из колесничных бойцов, ринулся на сына Дроны, как Раху на месяц. Сын Дроны рассек надвое лук его, о Бхарата, и, лишенного лука, ударами стрел его осыпал. Тот, взяв другой лук, для врагов смертоносный, напряжение выдерживающий [надежно], шестьдесятю [стрелами] поразил его в обе руки и в грудь. Пронзенный [ими], на миг огуленный, опустился он, мучаясь, на дно колесницы, за древко стяга ухватившись. Обретя затем сознание, блистательный отпрыск Дроны ранил, гневный, в бою потомка Вришни железной стрелою, она же, внука Шини пронзив, вошла в землю, как могучий юный змей в нору весенней порою. Затем другой [стрелою] —бхалла —сын Дроны рассек в битве превосходный стяг потомка Мадху и львиный рык издал. И еще затмил он его ужасными стрелами, о Бхарата, как туча —солнце на исходе лета, о великий царь. А Сатьяки, о великий царь, отразил тот рой стрел, тотчас роями стрел сына Дроны поразил неоднократно. И как солнце, от череды облаков освободившееся, стал палить сына Дроны внук Шини, вражеских героев губитель. И еще его, воспрявшего, тысячею стрел обволок Сатьяки и взревел великогомощный. Видя, что одолевает тот сына его, как Раху —ночное светило, устремился на внука Шини блистательный Дрона. И очень острой стрелою пронзил он его в великом сражении, стремясь выручить сына своего, потомком Вришни терзаемого. Сатьяки же, победив в бою великого воителя, сына [его] наставника, пронзил Дрону двадцатью стрелами, целиком железными. А в то же самое время сын Кунти Белоконный ринулся, гневный, в бой на Дрону, великий воитель. Тогда сошлись в великом сражении Дрона и Партва, о великий царь, как Будха и Шукра на небосводе213.

Глава 98

Дхритараштра сказал:

Как сошлись в бою оба героя —Дрона, великий лучник, и сын Панду Завоеватель богатств, о том Расскажи мне, о Санджая. Ведь всегда дорог был сын Панду мудрому сыну Бхарадваджи, и наставник в бою всегда Партва дорог, о Санджая. Оба колесничных бойца не насытятся битвой, свирепые, как львы. Как сошлись в схватке сын Бхарадваджи и Завоеватель богатств?

Санджая сказал:

В битве Дрона Партху не почитал дорогим ему [человеком], как и Партва учителя в бою, долг кшатрия ставя превыше всего. Н а поле брани, о царь, кшатрии не уклоняются от [боя] друг с другом, не бьются, не делая различий, и с родителями, и с братьями. В сражении, о Бхарата, Партва пронзил Дрону тремя стрелами, но тот не думал [сначала], что с лука Партхи слетели те стрелы в битве. И снова ливнем стрел обволок его Партва в бою. И возгорелся тот гневом, словно огонь в [лесной] чаще. Тогда окутал Дрона Арджуну в бою, о вожда царей, крепко сложенными стрелами, о Бхарата. Тогда царь Дурьодхана послал Сушармана, чтобы он занял, о царь, на поле битвы место рядом с Дроной. И владетель тригартвов, мощно лук натягая во гнев, окутал Партху в сражении стрелами с железными остриями. Пушенные обоими стрелы блистали в поднебесье, как гуси, о великий царь, в осеннем небе. Сына Кунти достигнув, вьелься в него те стрелы, о владетели, как птицы в дерево, гнущееся под тяжестью плодов. Арджуна же, в бою клич издав, тригартского царя с сыном стрелами в сражении пронзил, избранный из колесничных бойцов. Они же, Партхою убиваемые, как Временем в конце юга, на Партху и устремились, на смерть решившиеся, и поток стрел пустили в колесницу сына Панду. Тот поток стрел, о вожда царей, тогда потоком же стрел перехватил сын Панду, подобный горе под водяным ливнем. И необыкновенное мы зрели проворство руки Бибхатсу, когда обрушившийся [на него] трудноодолимый ливень оружия, стрел во множестве, развеял он один, как ветер —облака. [И в восторг пришли от того подвига Партхи боги и демоны. И, разгневавшись на тригартвов, в сражении, о Бхарата, оружие Ветра обрушил на них Партва, о великий царь, в гуще боя. И ветер тогда поднялся, возмутивший небосвод, роши дерев поваливший, [многих] воинов повергший. Тогда Дрона, узрев ужаснейшее оружие Ветра, сам другое страшное оружие пустил в ход, о великий царь, —[оружие] Камня. И когда пустил в бой то оружие Дрона в великом сражении, улеся тогда ветер и прояснились страны света. Затем сын Панду, герой, лишил в битве стойкости и отваги колесничные рати тригартвов и обратил их в бегство. Тогда царь Дурьодхана, Крипа, избранный из колесничных бойцов, Ашваттхаман, затем Шалья и повелитель Камбоджи Судакшина, Винда и Анувинда Авантийские и Бахлика со [своими] бахликами великим полчищем колесниц обложили Партху со всех сторон. И так же Бхагадатта и Шругаюс великогомощный обложили Бхиму слоновым войском со всех сторон. А Бхуришправас, Шала и сын Субалы, о владыка народов, роими различных стрел тотчас обволокли обоих сыновей Мадри. Бхишма же вместе со всеми воинами сына Дхритараштры, подступив к Юдхиштхире, окружил его отовсюду.

Завидев наступающее слоновье войско, Волшебрюхий, сын Притхи, герой, облизал уголки губ, царю зверей в лесу подобный. Затем он, лучший из колесничных бойцов, схватив палицу, соскочил быстро с колесницы и ужас навел на войнство твое в великой битве. Увидев его с палицей в руке, те воины на слонах окружили на поле боя, настороженные, Бхимасену со всех сторон. Среди слонов оказавшись, блистал сын Панду, как солнце посреди великого нагромождения туч. И тот бык среди Пандавов стал разгонять палицей слоновье войско, словно ветер —небывало густое скопление облаков. А те слоны, избиваемые могучим Бхимасеной, вопли боли на поле боя издавали, грохочущие, словно тучи. И, многократно пораненный вивнями слонов, красовался Партва в гуще боя, цветущей ашоке подобный. Ухватив слона за бивень, он тот бивень вырывал и тем же бивнем разил слона в голову; и повергал он их в битве, словно с железом в руке бог смерти. Окровавленной палицей помавающий, сам весь покрывшийся жиром и мозгом [убитых], в наряде кровавом являлся он взорам, Рудре подобный214. А избиваемые слоны, те, что были еще не убиты, разбегались во все стороны, о царь, свое же войнство топча. И из-за тех мечущихся повсюду огромных слонов, о бык среди бхаратов, все войско Дурьедханы опять обратилось в бегство.

Глава 99

Санджая сказал:

В полдень же, о великий царь, произошло грозящее миру гибелью жестокое сражение между Бхишмой и Сомаками. Сын Ганги, лучший из колесничных бойцов, сотнями и тысячами острых стрел крушил рати Пандавов. Отец твой Деаварата сминал то войско, как [топчут] стада быков поле сжатых колосьев. Дхриштадьюмна и Шикхандин, также Вирата и Друпادا, приблизившись в бою к Бхишме, разили стрелами великого воителя. Тогда, пронзив Дхриштадьюмну и Вирату тремя стрелами [каждого], в Друпаду он послал железную стрелу, о Бхарата. Пораженные на поле боя Бхишмой, великим лучником, истребителем недругов, взъярились они, о царь, словно змеи, попранные ногою. И Шикхандин пронзил прародителя бхаратов, но, в мыслях почитая его женощиной, не стал наносить ему удара неколебимый. Дхриштадьюмна же, пылая в битве гневом, как огонь, поразил деда тремя стрелами в обе руки и в грудь, Друпадю двадцатью пятью, Вирату десятью стрелами, Шикхандин двадцатью пятью остриями пронзил Бхишму. Ими, великими духом, в бою израненный, о великий царь, красовался Бхишма, как цветами пестреющая красная ашока весною. И поразил их в ответ сын Ганги тремя стрелами каждого, без промаха бьющими, и стрелою бхалла рассек лук Друпадю, о достойный. Тот, взяв другой лук, поразил Бхишму пятью и его колесничного тремя остроотточенными стрелами в гуще боя. Тогда, о великий царь, Бхишма, пятеро сынов Друпадю, Кекаи —пятеро братьев —и Сатьяки из племени сатватов, желая блага Одхиштхире, на сына Ганги устремились —на выручку Панчалискому и тем, кого Дхриштадьюмна возглавлял в битве. И так же все твои, Бхишму защитить готовые, выступили против войнства Пандавов со [своими] войсками, о повелитель мужей. И началась там великая битва, ожесточенная и беспорядочная, твоих и тех мужей, коней, колесниц и слонов, умножающая владения Ямы. Колесничный воин, подступив к колесничному, отправлял его в обитель Ямы, и так же другие нападали на [пеших] воинов и на

едущих на слонах и конях здесь и там и отправляли друг друга в иной мир крепко сложенными стрелами и всякого рода страшным оружием, о владыка народов. И кони мчали во все стороны по бранному полю колесницы, лишившиеся бойцов, с убитыми колесничими. Сокрушающие во множестве людей и коней, о царь, быстрые как ветер, казались они городами гандхарвов²¹⁵. А [сами] колесничные воины, что лишившиеся колесниц, в доспехи одетые, пылом одаренные, все в тюрбанах, с серьгами, украшенные ожерельями и браслетами, красотою равные божьим сыновьям, отвагою — Шаkre равные в бою, богатством Вайшравану превосходящие, мудростью — Брихаспати, всего мира властители, герои, — там и здесь, о владыка народов, являлись они взору бегущими, словно простые люди. И слоны, о лучший из воителей, превосходных наездников лишившиеся, мчались, свои же полки топча, всяческие вопли издавая. Видно было, как мечутся они во все стороны, о достойный, среди разбросанных доспехов, султанов, зонтов, знамен, сбруй, стрекал, бубенцов и копий, горам или облакам подобные и, как тучи, громяющие. И твоих и тех, о владыка народов, зрели мы слоновых погонщиков, от тех слонов оставших и мечущихся так же в смятении боя. И видел я сотни и тысячи коней, из разных стран происходящих, украшенных золотом, быстрых как ветер, и всадников с убитых коней мы зрели повсюду — с мечами в руках бегущих или спасающихся бегством на поле боя. Слон, с бегущим слоном столкнувшись в великой битве, мчался стремительно, смятая пеших и конных, так же и колесницы крушил слон на бранном поле, а колесница, достигнув пешего или конного, о царь, давила в бою коней и людей на поле. Так всячески они сокрушали друг друга. И меж тем как длилась та свирепая, великий страх порождающая битва, ужасная река потекла волнами из крови и внутренностей — с плотинами из нагроможденных костей, с травой и водорослями из волос [убитых], с запрудами из колесниц, водоворотами из стрел, с рыбами-конями, неприступная, камнями-головами усыпанная, крокодилами-слонами кишащая, пенящаяся латами и тюрбанами, с островами из луков и отmeldями из мечей, с густыми рощами из знамен и стягов по берегам из [тел] смертных, которые она подмывала, сонмами пожирателей трупов усеянная, владения Ямы умножающая. И многие кшатрии, герои, о царь, через ту реку переправлялись на конях, слонах и колесницах, как на кораблях, забыв о страхе, в великом сражении. Она же уносила робких, вставших в отчаянье, как Вайтарани [уносит] погибшие души в град Царя призраков²¹⁶. И возглашали там кшатрии при виде того великого побоища: «По вине Дурьодханы к гибели идут Кауравы! Как мог он, злой душою сын Дхритараштры, повелитель народов, ненависть питать к добродетельным сынам Панду, алчностью ослепленный!» Такие речи всюду слышались там, о Бхарата, вместе с похвалами Пандавам, для сыновей же твоих весьма неблагоприятные. Выслушав тогда те речи, что вели все воины, самый грешный во всем мире, сын твой Дурьодхана Бхишме, Дроне, Крипе и также Шалье сказал, о Бхарата: «Сражайтесь, не киcась сЭбою! Что вы медлите?» Затем продолжилась битва куру с пандавами, о царь, тогдашней игрою в кости порожденная ужаснейшая бойня. Ты видишь теперь, о сын Вичитравирьи, каков плод того, что не няя ты некогда предостережениям великих духов! Ни сыны Панду, о царь, с войсками своими и союзниками не щадят жизни в битве, ни Кауравы, о владыка народов. По этой причине продолжается страшное истребление людей — судьбы ли волею, о муж-тигр, но также и из-за твоего прегрешения, о повелитель!

Глава 100

Санджая сказал:

Арджуна же, о муж-тигр, царей, возглавляемых Сушарманом, отправлял в чертог Царя призраков острыми стрелами. Тогда Сушарман пронзил Парthu стрелами в бою и Васудеву семьюдесятью, а Парthu еще девятью. Поток [своих] стрел их отразив, сын Шакры^{2 1 7}, великий воитель, [продолжал] посылать в бою воинов Сушармана в обитель Ямы. Истребляемые Парthою, словом Временем [самим] в час кончины мира, бежали, когда объял их страх на поле битвы, великие воители. Некоторые оставляли [своих] коней, некоторые — колесницы, о достойный, другие же слонов покидали и разбегались во все стороны. Иные же уводили с поля боя коней, слонов и колесницы и с великой поспешностью мчались прочь, о владыка народов. Пехотинцы, бросая оружие, не думая друг о друге, разбегались поодиночке в великой битве, о Бхарата. И хотя пытались удержать их неоднократно Сушарман Тригартский и другие славные цари, они в бою не оставались. Видя, что разгромлена та сила, сын твой Дурьодхана, поставив Бхишму во главе, все войско возглавлявшего, со всем рвением великим устремился на Завоевателя богатств ради [спасения] жизни повелителя тригартвов, о владыка народов. Только он вместе со всеми братьями оставался на поле битвы, сея стрелы различного рода, остальные мужи бежали. Так же и Пандавы, о царь, со всем рвением, вооружившись, пошли на помощь Пхалгуне — туда, где расположился Бхишма. А те, зная грозную мощь в бою владетеля лука Гандивы, громкими криками себя подбадривая, сошлись со всех сторон к Бхишме. Тогда герой с пальмой на знамени^{2 1 8} рать Пандавов стрелами крепко сложенными покрыв в бою. И когда наступил полдень, о великий царь, все куру с пандавами сражались, вместе слившись. Сатьяки, пронзив Критавармана пятью острями, стал на поле боя, герой, сея стрелы тысячами. Также царь Друпда, поразив Дрону сотнями стрел, еще пронзил его семьюдесятью и его колесничего семью. Бхимасена же царя Бахлику, деда, пронзив, громовый рев издал, словно тигр в лесу. Сын Арджуны, пораженный многими быстрыми стрелами Читрасены, тревдя Читрасену тяжело в грудь поразил. И оба высокородных, сошедшиеся на поле брани, блистали, как на небе две великие грозные [планеты], о царь, — Будха и Шанайшчара. Девятью стрелами убив четырех коней [врага] и его возницу, мощный рев издал сын Субхадры, вражеских героев губитель. Соскочив с колесницы, потерявшей коней, великий воитель тот взошел тотчас на колесницу Дурмуххи, о владыка народов. А Дрона, пронзив Друпду крепко сложенными стрелами, немедля, смелый, пронзил и его колесничего. Тогда, уязвляемый [им] во главе ратей, обратился в бегство на быстрых конях царь Друпда, помня о старинной вражде [между ними]. Бхимасена же, за мгновенье словно, лишил царя Бахлику на глазах у всего войска коней, возницы и колесницы. В смятении, великой опасности подвергаясь, о великий царь, соскочил тогда Бахлика, высочайший из мужей, с боевой повозки и взошел тотчас на колесницу Аакшманы, великий воитель. Сатьяки, великий воитель, отразив [натиск] Критавармана, многообразные стрелы направил, о царь, на деда. Поразив потомка Бхараты шестьюдесятью острыми, волос рассекающими, словно приплясывал он на уступе колесницы, помавая огромным луком. Дед метнул в него огромный дротик железный, золотом разукрашенный, быстролетный, красотою диве наподобный²¹⁹. Его, налетающий внезапно, смертоносный, мощью наделенный, раздробил проворно многославный потомок Вришни. Не достигнув потомка Вришни, ужаснейший дротик тот упал на землю, как великий метеор, блеска лишившийся. А потомок Вришни тогда, о царь, схватив немедля свой дротик устрашающий видом, метнул его в колесницу деда. Быстрою рукою потомка Вришни пущенный в великой битве, быстро налетел он на мужа, Ночи светопреставления подобно. Его, налетающий внезапно, рассек тот надвое, о Бхарата, двумя острейшими стрелами-ножами, и распался он на земле. Разрубив же дротик, сын Ганга, усмехаясь, гневный, девятью стрелами нанес удары Сатьяки, врагов истребитель. Тогда Пандавы, о старший брат Панду, с колесницами, слонами и конницей осадили Бхишму, дабы защитить потомка Мадху. И произошла тогда на бранном поле ожесточенная, вздымающая волосы дыбом битва пандавов и куру, победы взыскующих.

Глава 101

Санджая сказал:

Видя, что обложили гневного Бхишму на поле битвы пандавы, о великий царь, словно солнце в небе на исходе лета — облака, Дурьодхана, о великий царь, молвил Духшасане: «Сей герой, великий лучник Бхишма, врагов сокрушитель, Пандавами-героями со"fecех сторон окружен, о бык среди бхаратов! Твоя задача, о герой, — защитить великого духом! Ибо, если защищен будет в бою Бхишма, наш прародитель, он убьет в бою налетающих панчалов с Пандавами вместе. И долгом нашим я считаю — оградить Бхишму, ибо великий лучник сей, Бхишма, дед, — наш спаситель. Всеми войсками его оградив, защищай деда, нелегкие деяния свершающего на поле боя!» Когда он так сказал ему, сын твой Духшасана расположился [на поле], великой ратью окруженный, Бхишму оградив. Тогда сын Субалы с сотней тысяч конников, вооруженных мечами и копьями и с блистающими дротиками в руках — их еще подкрепляли обученные, боепособные превосходные мужи — гордые, стремительные, мощные, — преградил путь Накуле, Сахадеве и Царю справедливости, сыну Панду, лучшему из воителей, окружив их со всех сторон. Затем царь Дурьодхана еще десять тысяч храбрых всадников послал преградить путь Пандавам. И под копытами [коней], о царь, в бой стремящихся с великой быстротою, словно птицы, содрогнулась и застонала земля. Громкий стук конских копыт тогда раздавался, подобно [трещанию] горящих обширных зарослей бамбука на горе. И поднятая ими там густая пыль, пути дневного светила достигнув, затмила солнце. Под [натиском] стремительных тех коней заколебалось войско Пандавов, как большое озеро, на которое опустились быстролетные гуси. И за ржаньем [коней] уже ничего не было слышно. Тогда царь Юдхиштхира и оба сына Мадри, оба Пандавы, рьяно дали отпор в бою налету конников, как в полнолуние [отражает] брег великого океана бурный прилив вод, о великий царь, переполнившихся и нахлынувших в пору дождей. Затем те колесничные воины, о царь, стрелами, крепко сложенными, стали отсекал головы от тел всадникам на конях. Сраженные могучими лучниками, падали те, о великий царь, как великие слоны, [другими] слонами повергнутые в горном ущелье. А они острыми дротиками и стрелами, крепко сложенными, отсекали головы, во все стороны устремляясь, когда же сближались со всадниками, о бык среди бхаратов, мечами головы срубали, как плоды с великого дерева. И здесь и там кони со всадниками, о царь, сражаемые, повергались и падали сотнями и тысячами. Избиваемые так, измученные страхом, мчались кони прочь, словно львов повстречавшие олени, жизнь в отчаянье спасая. Пандавы же, врагов в великом бою победив, затрубили в раковины и забили в барабаны на поле битвы. Тогда Дурьодхана, видя, о лучший из бхаратов, что войско его впадо в уныние, такое слово царю мадров молвил: «Вот старший сын Панду победил моих, о дядя! На глазах у нас, о мощнорукий, гонит он, сильный, [наше] войско. Противостань ему, о мощнорукий, как берег — обиталищу макал! Ведь славившись ты всего превыше неодолимой мощью и отвагой!» Вяив эти речи твоего сына, Шалья блистательный с ратью колесниц направился к Юдхиштхире. Тогда сын Панду преградил путь огромному войску

Шальи, рвущемуся в бой стремительно, с быстротой мощного потока. И немедленно Царь справедливости, великий воитель, поразил в бою царя мадров десятью стрелами в грудь, Накула же и Сахадева — тремя меткими каждый. А царь мадров их всех поразил тремя каждого и еще пронзил Юдхистхиру шестьюдесятью острыми стрелами и сынов Мадри неистовых поразил двумя каждого. Тогда Бхима мощнорукий, видя, что царь [Юдхистхира], словно в пасть Смерти вступая, приблизился в битве к рати царя мадров, устремился в бою к Юдхистхире [на помощь], недругов победитель. Затем, когда сияющее солнце склонилось к закату, продолжилась чрезвычайно страшная та битва, великий ужас наводящая.

Глава 102

Санджая сказал:

Тогда отец твой превосходными острыми стрелами, гневный, наносил в битве удары сынам Притхи и войскам их повсюду. Он пронзил Бхиму двенадцатью, Сатъяки — девятью стрелами, и Накулу тремя остриями, и Сахадеву — семью. Юдхистхиру двенадцатью он поразил в обе руки и в грудь, и, Дхриштадьумну затем пронзив, он, великомошный, клич издал. В ответ Накула шестью, Мадхаву тремя стрелами, Дхриштадьумна семьюдесятью, Бхимасена пятью, Юдхистхира двенадцатью — поразили деда. Дрона же, пронзив Сатъяки, пронзил [затем] Бхимасену — каждого пятью острыми стрелами, жезлу Ямы подобных. И те двое в ответ тремя меткими каждый поразили Дрону, быка среди брахманов, словно великого слона стрекалами. Саувиры, китава, [воины] Востока, Запада, северяне, малавы, абхишахи, шураसेны, шибй, васати — не отступали от Бхишмы, [как ни] сражал он их острыми стрелами в битве. И так же другие, которых Пандавы, великие духом, избивали, на пандавов наступая [продолжали], по-разному вооруженные, а Пандавы все так же осаждали деда, о царь.

Он же, ратями колесниц со всех сторон осажденный, [но] не побежденный, пылал, врагов испепеляющий, словно вспыхнувший в чаще леса огонь. Святилищем огня была его колесница, языками [пламени] — его лук, топливом — меч, дротик и палица, искрами — стрелы; так Бхишма-огонь испепелял кшатриев-быков. Стрелами с крепкими древками позолоченными, ястребиными перьями оперенными, карни, наликамы 221 и железными, он покрыл то войско. Острыми стрелами он сбивал и стяги, и [самых] колесничных бойцов и рошам пальм со срезанными верхушками рати колесниц уподоблял. Колесницы, слонов и коней, *о царь, оставлял без людей на поле битвы тот мощнорукий, лучший из владеющих всяким оружием. Удар его ладони о тетиву слышав, что словно раскатами грома отозвался, содрогнулись все существа, о Бхарата. Ведь без промаха били острия отца твоего, о бык среди бхаратов, и не застревали в доспехах слетевшие с лука Бхишмы стрелы. И колесницы с убитыми героями видели мы, о царь, которые влекли по полю сражения, о великий царь, запропавшие в них быстрые кони. Четырнадцать тысяч великих воителей — чеди, кашийцы и каруши — под золотом украшенными стягами, прославленные сыны [знатных] родов, самоотверженные, не обращающиеся вспять [в бою], в битве приблизившись к Бхишме, богу смерти с разверстою пастью подобному, все низринуты были в иной мир вместе со [своими] конями, колесницами и слонами. И сотни и тысячи, о царь, видели мы [там] колесниц со сломанными осями и [другими] частями, со сломанными совершенно колесами. И колесницами с разбитыми бортами, павшими колесничными воинами, стрелами пробитыми превосходными доспехами, трезубцами, палицами и булавами, о владыка народов, и мечами, длинными стрелами, поломанными днищами колесниц, колчанами и колесами, о достойный, многими луками, клинками [отсеченными] головами с серьгами, рукавицами и перчатками, поваленными знаменами и луками, всячески изломанными, устлана была земля. И сотнями и тысячами носились там стремительно [по полю], о царь, слоны с убитыми погонщиками и кони с убитыми всадниками. И те герои [Пандавы], как ни старались, не могли остановить обратившихся в бегство великих воинов, стрелами Бхишмы уязвляемых. Великая рать, которую истреблял он, мужеством равный великому Индре, была рассеяна, о великий царь, так, что вместе и двое [нигде] не бежали. С поверженными колесницами, слонами и конями, с брошенными знаменами и колесничными дышлями, в беспамятство впало войско сынов Панду, горестными воплями оглашаемое. И среди [тех] стенов отец разил сына, сын — отца, друг — милого друга, властью судьбы подвигнутые. И являлись [там] взору, о Бхарата, воины сына Панду, бежавшие, бросив доспехи, с распущенными волосами. И войско сына Панду с мечущимися колесницами и слонами выглядело тогда как мятущееся стадо коров, в муках ревущее.

30—4 Видя, что разгромлено то войско, [Кришна], отрада ядавов, сдержав великолепно колесницу, сказал Бибхатсу, сыну Притхи: <<Пришло то время, о Партха, которого ты ждал с нетерпением! Порази его, о муж-тигр, а иначе — ложным мнением, [скажу я], ты обманут! Как молвил ты некогда, о герой, при сошедшихся в столице Вираты царях, о Партха, в присутствии Санджаи: "Всех воинов сына Дхритараштры во главе с Бхишмой и Дроной и союзников их я убью, тех, кто будет сражаться со мною на поле боя". О сын Кунти, оправдай эти речи, о врагов укротитель! О долге кшатрия помня, сражайся, о бык среди бхаратов!>> Когда сказал ему так Васудева, потупил голову, искося глянув, Бибхатсу и, словно неохотно, ему такое слово молвил: <<Тех убить, кого нельзя убивать, и царство [тем обрести] или ад в конце, либо тяготы жизни в лесу — что лучше для меня? Гони коней туда, к Бхишме, свершу я по слову твоему, повергну необоримого старого деда куру>>. Тогда погнал серебристых коней Мадхав, о царь, туда, где [пребывал] Бхишма, на коего не поднять было взора, о царь, как на лучезарное солнце. И опять повернуло тогда назад великое войско Юдхистхиры, видя, что вступил в бой с Бхишмой мощнорукий Партха на поле брани. Бхишма тогда, лучший из куру, львиный рык испустил вновь и вновь и тотчас ливнями стрел окропил колесницу Завоевателя богатств. И мгновенно колесница его с конями и с колесничным неразличима стала за тем обильным ливнем стрел. Но не смутился Васудева из племени сатватов и сохранил твердость духа, и он погнал тех коней, поражаемых стрелами Бхишмы. Затем Партха, взяв чудесный лук, тучи гром издающий, выбил острыми стрелами лук у Бхишмы, сломав. Кауравья, со сломанным луком [оказавшись], во мгновение ока другой великий лук вновь приготовил, отец твой. Затем обеими руками натянул он лук, тучи гром издающий, но и тот его лук сломал гневный Арджуна. И восхвалил то его проворство сын Шантану: <<Славно, о Партха мощнорукий, славно, о сын Кунти!>> Так промолвив, взял он другой блистающий лук, и стал Бхишма пускать стрелы в колесницу Партхи на поле брани. Но высшее искусство явил Васудева в управлении конями, круги описывая, он избег его стрел. Стрелами израненные, оба мужа-тигра, Бхишма и Партха, красовались, словно два могучих быка неистовых, следами рогов отмеченных. А Васудева, видя, что бережно сражается Партха, Бхишма же неусыпно ливни стрел извергает в бою и самых лучших бойцов сына Панду одного за другим сражает, что словно светопропастение творит Бхишма с юдхистхировским войском, не мог он вынести того, мощнорукий из рода Мадху, вражеских героев губитель. Оставив серебристых коней Партхи, о достойный, соскочил-таки великий йогин во гневе с великой колесницы и устремился, могучий, на Бхишму с голыми руками. С [одним] бичом в руке, исполненный пыла, львиный рык испуская вновь и вновь, он поступью своею словно мир сокрушал, мира владыка. С очами, побагровевшими от гнева, неизмеримого величия исполненный, пылая жаждою убийства, он словно поглощал души [воинов] твоих в великой битве. Увидев, что подступает в схватке Мадхав к Бхишме на поле брани, возопили там воины: <<Пропал Бхишма, убили Бхишму!>> — и в бегство обратились все мужи в страхе перед Васудевой. В желтый шелк одетый, [сам же] темный, как черный жемчуг, блистал Джанардана, к Бхишме стремящийся, словно опоясанная молниями туча. Словно лев на слона, словно, стада вожак на [другого] быка, устремлялся он с ревом [вперед], пыла исполненный, бык среди ядавов. Увидев, что нападает он, лотосокий, [на него] на поле брани, не смутился Бхишма, натянул [свой] огромный лук и сказал Говинде, не смутившийся душою: <<Приди, приди, о лотосокий, слава тебе, о бог богов, повергни меня сегодня в великой битве, о лучший из сатватов! Ведь быть убитым тобою, о бог, в сражении, о безупречный, есть высшее благо для меня, о Кришна, в мире ином и здесь тоже! Тремя мирами почти оказаны мне сегодня, о Говинда, в [этой] битве!>> Меж тем Партха, устремившись следом за Кешавой, схватил его, мощнорукий, и обхватил обеими руками сзади. Партхоу схваченный, [продолжал, однако,] быстро [вперед] продвигаться Кришна лотосокий, лучший из мужей, таща того [за собою]. Но Партха, вражеских героев губитель, ногами упершись, удержал кое-как Хришикешу силой на десятом шагу. Тогда Арджуна, удрученный, ему, гневные взоры мечущему, вздохи, словно змей, испускающему, сказал, вражеских героев губитель: <<Вернись, о мощнорукий, да не обратишь ты в неправду то, что обещано было тобою прежде, о Кешава, — что не будешь ты сражаться! Лжецом назовут тебя люди, о Мадхав! Ибо мое во всем это бремя — я убью верного обету 222. Дружбой, истиной, добродетелью клянусь: я на все пойду ради [истребления] врагов, о врагов истребитель. Уже сегодня узришь ты вдруг поверженным необоримого великообетного, как владыку звезд на ущербе в час кончины [мира]>>. Вняв этим речам великого духом Пхальгуны, ничего не сказал Мадхав, но возшел во гневе опять на колесницу. И этих обоих мужей-тигров, стоящих на колеснице, вновь окропил ливнем стрел Бхишма, сын Шантану, как две горы дождем туча. И забирал жизни [их] воинов отец твой Деваврата, как солнце лучами силы жизни по истечении зимы. Как сын Панду громил в бою куру войска, так громил в бою войска Пандавов отец твой. А избиваемые и бегущие воины, потерявшие мужество и беспамятевшие, не смели и глянуть на не знающего равных Бхишму на поле боя, словно на солнце в полдень, жаром своим палящее. Бхишмоу истребляемые, словно Временем [самим] в час гибели мира, ужасом охваченные, о великий царь, взирали на него пандавы и не находили спасителя на поле боя, словно коровы, забредшие в болото, словно слабосильные муравьи, которых топчет сильный. На Бхишму, великого воителя несокрушимого, извергающего потоки стрел, испепеляющего властителей людей, не смели они поднять взоры, как на солнце, палящее лучами-стрелами. А меж тем как сокрушал он войско панду, склонилось к закату светило тысячи лучей. Тогда изнуренные [ратным] трудом войска помыслили об отступлении [с поля битвы].

Глава 103

Санджая сказал:

Когда зашло солнце, меж тем как они [еще] сражались, зловещие сумерки наступили, и уже мы не видели поля боя. Тогда царь дхистхира, видя, что смерклось, о Бхарата, и что, Бхишмой, сокрушителем недругов, истребляемое, повернуло вспять его войско, бросая оружие, лишь

о бегстве помышляя, и неистового Бхишму видя, преследующего на поле боя великих воителей, и Сомаков, побежденных, павших духом великих воителей, задумался и, какое-то время поразмыслив, подал знак к отступлению. И отступил тогда со своими войсками царь Юдхиштхира. Также отступили тогда и твои войска. Затем, отведя оттуда войска, расположились на отдых великие воители, о лучший из куру, ранами в битве покрытые. Но, размышляя о подвигах Бхишмы в сражении, никак не могли тогда обрести покоя Пандавы, Бхишмой уязвленные. А твои сыновья воздали почести Бхишме, победившему в бою пандавов со сринджаями, и восхвалили его, о Бхарата, и он расположился на отдых вместе с куру, изыскывавшими радость повсюду. Тогда наступила ночь, все существа в забытьи погружающая. В начале той страшной ночи Пандавы с вришнейцами и необоримые сринджайи собрались на совет. И все они, великомошные, держали совет, смятенны чуждые, в принятии решений искушенные, о том, что в наступившее время для них всего благотворней [будет]. Тогда царь Юдхиштхира, посовещавшись некоторое время, о повелитель, обратившись к Васудеве, так ему сказал: «Ты видишь, о Кришна, как великий духом Бхишма, грозный мощью, топчет мое войско, словно слон — заросли тростников. Мы же на него, великого духом, взоры поднять не смеем, когда слизывает он рати, как пылающий огонь. Поистине великому и ужасному змию Такшак, яда исполненному, подобен блистательный Бхишма в битве, о Кришна, когда с острым оружием, с луком в руках мечет он на поле брани отточенные стрелы. Можно победить гневного Яму или властелина богов с ваджрою в руке, Варуну, Носителя петли, Владыку богатств с его палицей, но Бхишму, ярости преисполненного, в великой битве победить невозможно! И получается, о Кришна, что низвержен я в пучину горя, по слабости рассудка моего к Бхишме в бою подступивший. Я удалюсь в леса, о необоримый, благом будет мой уход туда. Не тершит меня битва, о Кришна, ведь всякий раз нас Бхишма сражает. Как в пылающий огонь летящий мотылек только смерть [там] найдет, так и я, к Бхишме приближившийся. К гибели влекусь я, ради царства доблесть являя, также и братья мои, герои, стрелами жестоко уязвляемые. Из-за братской любви ко мне потеряли они царство, также из-за меня и Кришна [Драупади] пострадала, о Губитель Мадху. Очень дорожу я жизнью, ведь жизнь трудно сохранить сегодня. Жизнь, оставшуюся мне отныне, проведу я, высшей добродетели [посвятив]. Если заслуживаю я вместе с братьями твоей милости, о Кешава, то, что не противно долгу моему, объяви мне, о Кешава!»

Вняв той весьма пространной речи его, состраданием движимый, отвечал тогда Кришна, Юдхиштхиру утешая: «О сын Дхармы, не предавайся скорби, о верный [своим] обещаниям, есть у тебя твои братья, непобедимые герои, врагов губители! Ветру и Огню²²³ равны мощью Арджуна и Бхимасена, сыны Мадри доблестны оба, как Владыка Тридцати. Меня тоже считай, дружбы ради я готов сразиться с Бхишмой, чего не сделаю я, о царь, по твоему указанию в великой битве! Я убью Бхишму в бою на глазах у сынов Дхритараштры, вызов бросив мужу-быку, если не хочет того [сделать] Пхальгуна. Если [только] с убийством Бхишмы, о царь, ты видишь победу [одержанной], я с одной [моей] колесницей готов сегодня же сразить старого деда куру. Видь отвагу мою, о царь, — как у великого Индры в битве! Я повергну его с колесницы, [если даже] великое оружие он пустит в ход. Кто враг сынам Панду, тот и мне враг, несомненно, кто за меня, тот и за тебя, кто мой, те и твои! Твой брат — мой друг, свойственник и ученик, собственную плоть готов я отсечь и отдать ради Арджуны, о владыка земли! И он, муж-тигр, готов жизнь отдать за меня. Уговор наш таков, друг мой: выручаем друг друга. Только прикажи, о властелин царей, — и я приду на помощь. Некогда в Унаплавье дал обещание Партва в присутствии Улуки, что сразит сына Ганги²²⁴. О тех словах мудрого Партхи мне можно бы и умолчать, и, если разрешит мне Партва, я [сам] готов исполнить это обещание, не сомневайся. Но все же Пхальгуне определено это бремя в битве. Он убьет в сражении Бхишму, завоевателя вражеских городов. Партва, если захочет, может совершить невозможное на поле битвы. Даже Тридцать [богов] со всею их мощью, с дайтьями и данавами соединившихся, сразить может Арджуна в бою, что говорить о Бхишме! Не на той стороне, что полагается ему, великий мужеством Бхишма, сын Шантану, лишился он духа, мало жить ему осталось, и не ведает он теперь, что делать должен».

Юдхиштхира сказал:

Так оно и есть, о мощнорукий, как ты говоришь, о Мадхава! Ибо никому из них не хватит силы противостоять ярости твоей. Несомненно, обрету я все, что пожелаю, о муж-тигр, под твоим покровительством пребывая, о великомошный. Самих богов с Индрою [во главе] могу победить я в битве, о лучший из победоносных, когда ты, о Говинда, — покровитель мой. Что мне [тогда] в великом сражении Бхишма? Но я не дерзаю обратиться в неправду твои слова, как ни важно для меня собственное дело. Окажи мне помощь, не сражаясь, как было условлено, о Мадхава! Но некий договор заключил со мною Бхишма, о Мадхава: «Я помогу тебе советом, сражаться же [за тебя] никак не буду. За Дурьодхану я буду сражаться, истинно [говорю тебе]». Так [сказал он мне], о властитель. Ведь он и царства мне даятель, и совета, о Мадхава. Потому все вместе с тобою [пойдем] еще к Деваварте, спросим о средстве убить его, о Губитель Мадху. Так идем скорее к Бхишме, высочайшему мужу, если по душе тебе [это], о потомок Вришни, спросим совета у Кауравы. Благое слово он скажет и правдивое, о Джанардана. Как он скажет, о Кришна, так я и сделаю в бою. Обету верный, он и победу, и совет нам дарует, он нас взрастил, детей, отца лишенных. И если старого деда, того, кто для [нашего] отца [был] дорогим отцом, я убить хочу, о Мадхава, — будь он проклят, кшатрийский удел!

Санджая сказал:

Тогда молвил, о великий царь, ему, отраде куру, потомок Вришни: «Всегда мне по душе то, что ты говоришь, о мощнорукий. Умудрен [в боях] Деваварта, одним взглядом уже испепеляет Бхишма [врагов]. Ступай к сыну Стремящейся к океану²²⁵, спроси о средстве убить [его]. Правду он молвит изволит, особенно если ты его спросишь. Мы пойдем туда, чтобы спросить [об этом] деда куру, поклонимся ему и спросим у него совета, о Мадхава. Он даст нам совет, и мы последуем ему в сражении с врагами». Так посовещавшись, герои Пандавы, о старший брат Панду, отправились все вместе и [с ними] мужественный Васудева к обители Бхишмы, оставив оружие и доспехи. Войдя тогда к Бхишме, о великий царь, Пандавы склонили головы перед ним, воздавая почести ему, о бык среди бхаратов, поклонившись ему, они отделились под его покровительство. Сказал им [тогда] мощнорукий Бхишма, дед куру: «Добро пожаловать, о потомок Вришни, добро пожаловать, о Завоевателя богатств. Добро пожаловать и сыну Дхармы, Бхиме, обоим близнецам. Что могу я ныне сделать ради умножения радости вашей? Всей душой готов я это сделать, как бы ни было трудно оно». Когда сказал им так сын Ганги благожелательно снова и снова, слово молвил ему удрученный душою Юдхиштхира, сын Дхармы: «Как нам победить, о знаток Закона, как нам обрести царство, как избежать истребления народа, скажи мне, о властелин! И да откроешь ты нам сам средство для убийства твоего, и как нам, о царь, противостоять тебе в бою! Ведь нет у тебя ни крошечного даже уязвимого места, о дед куру, и в битве видят тебя всегда с луком, [вращаемым] по кругу! Как ты берешь и нацеливаешь [стрелы], натягиваешь лук — нам не уследить, о мощнорукий, когда предстаешь ты на колеснице, словно солнце, сражающий мужей, коней, колесницы и слонов, о губитель вражеских героев! Кто тот муж, что дерзнет убить тебя, о бык среди бхаратов? Изливая мощные ливни стрел, о высший муж, ты ведь к гибели ведешь мою могучую рать. Как победить мне тебя в бою, как овладеть царством либо как войско обезопасить, о том, о дед, поведай мне!» Тогда, о старший брат Панду, обращаясь к Пандавам, сын Шантану молвил: «Никогда, о сын Кунти, пока я остаюсь в живых на поле брани, не видеть вам успеха, истинно говорю тебе! Но, когда я буду побежден в битве, вы непременно одержите победу над Кауравами. Скорее сразите меня, если желаете победы в бою. Я разрешаю вам, о сыны Притхи, разите, сколь вам угодно! Это хорошо как раз, я думаю, что вы [настолько] знаете меня²²⁶. Убьют меня, и всё убьют, поэтому пусть оно так и свершится!»

Юдхиштхира сказал:

Поэтому поведай нам о средстве, которым мы можем в битве победить тебя, что гневен в бою, словно [сам] бог смерти с жезлом в руке. Можно победить Держателя ваджры и Варуну и также Яму, но тебя в битве победить невозможно — даже богам и демонам с Индрою вместе!

Бхишма сказал:

Правда, о мощнорукий, то, что ты сказал, о сын Панду: невозможно победить меня в бою даже богам и демонам с Индрою вместе, когда я с оружием наготове и держу [свой] превосходный лук, но если я в бою положу оружие, о царь, убьют меня великие воители. Но с теми, кто бросил оружие, упал, уронил доспех или знамя, обратился в бегство, испугался, кто восклицает: «Сдаюсь!» — с женщиной, с носящим женское имя, с калеккой, с единственным сынком, с недостойным, с безобразным — не по душе мне сражаться. И узнай, о Партва, о решении, уже прежде мною принятом: если неблагоприятный знак я увижу, ни за что сражаться не стану. Есть у тебя в войске, о царь, великий воитель Шикхандин, сын Драупады, воинственный, храбрый, в боях победоносный. Он был женщиной прежде, потом обрел мужское естество — вы знаете все о том, как оно было. Пусть Арджуна, герой, в бою поставив впереди Шикхандина, тотчас поразит меня стрелами, к нему вплотную [держась]. При таком неблагоприятном знаменнии — особенно [когда оно] в образе бывшего прежде женщиной — ни за что не захочу я биться, [даже будучи] с оружием в руках. В это время, приблизившись, пусть немедля Завоеватель богатств, сын Панду, поразит меня насмерть стрелами отовсюду, о бык среди бхаратов! Ибо никого я не вижу в мирах, кто мог бы меня, готового [к бою], сразить, кроме Кришны, великого судьбою, либо Завоевателя богатств, сына Панду. Поэтому, выдвинув вперед ко мне кого-нибудь другого, да повергнет меня Бибхатсу, и тогда за тобою будет победа. Сделай так по реченному мною слову, о сын Кунти, и тогда победишь ты сошедшихся в бою сынов Дхритараштры!

Санджая сказал:

Затем, почтив Бхишму, деда куру, с [его] позволения вернулись сыны Притхи к своему стану. После сказанного сыном Ганги, иному миру себя обрекшим, горем терзающийся Арджуна со стыдом так молвил: «С дедом, высшим, старшим в роду, совершенным в мудрости, вещим,

как я буду сражаться на поле брани, о Мадхав? В детстве, о великомудрый Васудева, я, мальчик, бывало, весь запыхавшийся, играя, взбирался ему, великому духом, на колени и марал его, о старший брат Гады. Батюшкой я называл его, отца [нашего] отца, великого духом Панду. "Не батюшка я тебе, я — батюшка отцу твоему, о Бхарата", — говорил он мне в детстве. Как же я могу убить его? Ладно, пусть истребят мое войско, я не буду сражаться с великим, победа ли ждет меня или гибель. Или как ты полагаешь, о Кришна?>>

Преславный Кришна сказал:

Ты обещал прежде, о Джишну, сразить Бхишму в битве. Как же, о Партха, долг кшатрия блюдя, ты не убьешь его [теперь]? Повергни его с колесницы, о Партха, как древо, громом пораженное! Пока не убьешь в бою сына Ганги, победы для тебя не будет! Предопределено это уже богами и свершится помимо воли твоей. Убьет Бхишму сын Индры, так оно [будет], и не иначе! Ведь трудноодолимого Бхишму, богу смерти подобного, пасть разверзшему, никто, кроме тебя, убить не может, даже сам Громовержец. Порази Бхишму, о мощнорукий! И послушай слово мое о том, что сказал некогда Шакре великомудрый Брихаспати: «Даже старшего, о Шакра, даже достоинствами наделенного, если со злым намерением он как убийца приходит, надо убить!» Вечным остается этот закон для кшатриев, о Завоеватель богатств: должно им сражаться, защищать [подданных] и приносить жертвы, злобы [ни к кому] не питая!

Арджуна сказал:

Шикхандин конечно же будет погибелью Бхишмы, о Кришна! Ибо всегда, едва завидев Панчалийского, Бхишма отвращается от него. И мы, Шикхандина поставив во главе, средством таким повергнем сына Ганги — так я мыслю. Других великих лучников [врага] я отброшу [моими] стрелами, Шикхандин же, лучший из сражающихся, приблизится [тогда] к Бхишме. Ты [сам] слышал от предводителя куру, что не станет он убивать Шикхандина, ибо девою тот родился в прошлом, [только] потом превратился в мужчину.

Санджая сказал:

На том и порешив, Пандавы вместе с Мадхавой взошли, мужи-быки, каждый на свое ложе. *

Глава 104

Дхритараштра сказал:

Как напал на сына Ганги Шикхандин на поле брани и как Пандавы на Бхишму [напали], о том Расскажи мне, о Санджая.

Санджая сказал:

Затем на ясной заре перед восходом солнца под бой множества барабанов и литавр, под звуки трубящих со всех сторон беломолочных раковин пошли пандавы в бой, выставив Шикхандина впереди, о великий царь, строй развернув, для любого врага сокрушительный. Шикхандин был впереди всех войск, о владыка народов. Колеса его тогда [по бокам] охраняли Бхимасена и Завоеватель богатств, с тыла — сыны Драупади и мужественный сын Субхадры, Сатъяки и Чекитана, великий воитель, их прикрывавший, далее сзади — Дхриштадьюмна, поддерживаемый панчалами, затем царь Юдхиштхира с обоими близнецами, о властитель, львиный рык издавая, выступали, о бык среди бхаратов. Далее же следом — Вирата в окружении своего войска, а еще сзади, о великий царь, послешал Друпада. Пятеро братьев Кекаев и мужественный Дхриштaketу тыл [всего] войска панду охраняли, о Бхарата. Так великое войско построив, на твою рать устремились Пандавы в бой, жизнью своей не дорожа.

Так же и куру, о царь, Бхишму великомощного впереди всех войск выставив, пошли на пандавов. [Бхишму] поддерживали сыновья твои трудноодолимые, великомощные весьма, далее — Дрона, великий "лучник, и его сын, великий воитель, следом — Бхагата в окружении слоновьего полчища, Крипа и Критаварман, оба Бхагата преданные, еще следом могучий царь Камбоджи Судакшина и Джаятсена Магадхийский и сын Субалы с громадной силою, а другие цари, великие лучники, во главе с Сусарманом охраняли тыл твоего войска, о Бхарата. При наступлении каждого дня Бхишма, сын Шантану, устанавливал [какой-либо] строй на поле боя — Асурский, или Пишачей строй, или Ракшасов. И началась тогда битва, о Бхарата, твоих и тех, разных [взаимно] друг друга, о царь, уможающая владения Ямы. Сыны Притхи с Арджунной во главе, выставив вперед Шикхандина, устремились в бою на Бхишму, сея стрелы всяких видов. Тогда, о Бхарата, твои [воины], стрелами Бхимы уязвляемые, потоками крови обливаясь, уходили в иной мир. Накула и Сахадева и великий воитель Сатъяки, на войско твое обрушившись, его весьма уязвляли. И, в сражении истребляемые, не могли твои противостоят великому войску Пандавов. И затем войско твоих, истребляемое отовсюду, бежало враспынную, о царь, гонимое великими воителями. И ни* в ком не находили спасения твои [воины], о бык среди бхаратов, истребляемые острыми стрелами Пандавов и сринджаяв.

Дхритараштра сказал:

Видя, как уязвляют [наше] войско сыны Притхи, что сделал доблестный Бхишма, гневный, на поле боя, о том Расскажи мне, о Санджая. Или как, сойдясь с пандавами в битве, сокрушал храбрых Сомаков он, врагов истребитель, о том Расскажи мне, о Санджая.

Санджая сказал:

Я расскажу тебе, о великий царь, что свершил дед, когда уязвляли войско твоего сына Пандавы со сринджаями. Пандавы, герои, душою ликующие, устремились на рать сына твоего, ее сокрушая, о старший брат Панду. Не потерпел тогда Бхишма той погибели мужей, слонов и коней, о людей властитель, истребления войска врагами в бою. На Пандавов и панчалов со сринджаями ринулся великий лучник неодолимый, жизни своей не щадя. Пятерых главных среди Пандавов, великих воителей, о царь, вооружившихся, к бою изготавившихся, остановил он стрелами — тяжелыми, [в форме] телечьих зубов и острыми анджаликами²²⁷. Гневный, он убил в сражении безмерно много слонов и коней, о царь, и колесничных воинов, о муж-бык, поверг с колесниц, всадников со спин коней, на слонах сидящих со слонов, как и сошедшихся пехотинцев, ужас во врагов вселяя. На Бхишму, великого воителя, одного, на бранном поле поспешающего, набросились пандавы, как асуры на Держателя ваджры. Он же, пускающий острые стрелы, ударом равные оружию грома Шакры, предстал, со всех сторон зримый в страшно обличье, которое он принял. И зрим был вращающийся непрерывно по кругу лук его, на бранном поле сражающегося, великий, луку Шакры подобный. Видя подвиги его в бою, о владыка народов, преисполнились величайшего удивления твои сыновья и воздали почести деду. А сыны Притхи в отчаянье взирали на твоего отца, сражающегося на поле брани героя, как бессмертные на Випрачитти, и не могли противостоят ему, словно [самому] богу смерти с разверстою пастью. При наступлении десятого дня он испепелял острыми стрелами рать Шикхандина, как лес [огонь], чей черен путь²²⁸, [испепеляет]. Его, гневного, ядовитому змию подобного, как бога смерти, Временем посланного, тремя стрелами в грудь поразил Шикхандина. Бхишма, очень сильно им пораженный, увидев, что это Шикхандин, разгневанный, не захотел, однако, [с ним сражаться] и так молвил, усмеаясь: «Будешь ли ты разить или нет, ни за что не стану я с тобой сражаться,. Ибо как Творец тебя создал, так и [остался] ты Шикхандини». Выслушав эти слова его, Шикхандин, вне себя от гнева, сказал Бхишме на поле боя, облизывая губы: «Я знаю тебя, кшатриев истребителя, о мощнорукий! Слышал я о схватке твоей с сыном Джамадагни, слышал и о том, что [обладаешь] ты божественной силой. Но и зная о силе твоей, я буду с тобой сражаться! В угоду Пандавам и ради себя самого, о высший муж, я буду сражаться сегодня с тобою на поле брани, о лучший из людей! И непременно я убью тебя, воистину клятву в том даю пред тобою! Вняв речи этой, что подобающим мне [полагаешь], то и делай. Будешь ли ты разить или нет, живым ты не уйдешь от меня! Посмотри хорошенько, о Бхишма, на этот мир [в последний раз], о победоносный в боях!» Сказав это, пятью стрелами, крепко сложенными, пронзил он тогда в бою Бхишму, о царь, речами-стрелами [уже] уязвленного. А Савьясачин, его слова услышав, подумал: «Настало время», — и повелел Шикхандину: «Я последую за тобой, врагов разгоняя стрелами, ты же устремись, неистовый, на Бхишму, грозного [своей] мощью! Ведь не может он, великомощный, причинить тебе муки в битве, потому сегодня, о мощнорукий герой, напади на Бхишму! Если вернешься ты, о достойный, не убив Бхишму в бою, весь мир будет над тобою смеяться и надо мною. Постарайся, о герой, чтобы в великой [этой] битве не стали смеяться над нами, одолев в бою деда! Я буду прикрывать тебя в битве, о каратель врагов, отражая всех колесничных бойцов, [только] одолев деда! Дрону, и сына Дроны, и Крипу, а также Суйодхану, Читрасену и Викарну и Джаядратху Синдхийского, Винду с Анувиндою, обоих Авангийцев, и Судакшину Камбоджийского, также Бхагата, героя, и Магадхийца, великого воителя, и храброго в бою сына Сомадатты, и ракшаса, сына Ришьяшринги, и царя тригартвов вместе со всеми [другими] великими воителями я отражу, как берег моря, обители макар, [прилив отражает]. Всех подступивших [сюда] куру и воинов их, какие [здесь] есть, я отброшу, [но ты] одолев деда!»

Глава 105

Дхритараштра сказал:

Как Шикхандин Панчалийский напал, гневный, в бою на деда, на благочестивого сына Ганги, верного обету? Кто [были] те великие воители в полку Пандавов, что, подъявшие оружие, победы жаждущие, прикрывали Шикхандина с [должным] проворством, когда [было] время дорого? Как тогда, на десятый день, Бхишма, сын Шантану, великой мощью обладающий, сражался с Пандавами и сринджаями? Не поверить мне, чтобы Шикхандин мог в бою подступить к Бхишме, разве что разбилась у того колесница или лук его сломался?

Санджая сказал:

Не сломался его лук и не разбилась колесница у сражающегося Бхишмы, меж тем как поражал он в битве врагов крепко сложенными стрелами. Многие тысячи твоих воителей великих, отряды колесниц и слонов, о царь, также конники, хорошо снаряженные, устремились на битву, поставив деда впереди. И Бхишма, в боях победоносный, следуя обету, о Кауравья, истребление воинства сынов Притхи вершил непрерывно. Великому лучнику, в бой идущему, стрелами разящему врагов, противостали тут все панчалы с Пандавами вмес-

те. Когда наступил десятый день, он стал громить вражеское войско, сотнями и тысячами острых стрел его осыпая. И не могли Пандавы, о старший брат Панду, победить в бою Бхишму, великого лучника, как бога смерти с петлей в руке²²⁹.

Тогда Савьясачин Бибхатсу, каратель врагов, приблизились, о великий царь, страх наводя на всех колесничных воинов, непобедимый. Львиный рык издавая громко, непрестанно тетицу на луке напрягая, потоки стрел выпустил Партва, по полю брани, словно Смерть [сама], надвигаясь. Затрепетавшие при звуке [голоса] его, о бок среди бхаратов, бежали в страхе великом, о царь, твои [воины], как олени от [рева] льва. Видя, что побеждает сын Панду и войско твое терпит урон, молвил тогда Бхишме Дурьодхана, весьма подавленный: «Сын Панду сей с Кришною-колесничным, Белоконный, испепеляет, отец мой, всех моих [воинов], как лес [огонь], чей черен путь, [испепеляет]. Смотри, о сын Ганги, бегут войска повсюду на поле битвы, о лучший из воителей, сыном Панду гонимые! Как пастух в лесу погоняет стада, так и войско мое [здесь] гонимо, о врагов карающий. Стрелами Завоевателя богатств разгромленное, мечущееся туда и сюда, войско мое еще и Бхима трудноодолимый разгоняет. И Сатьяки, и Чекитана, и оба сына Мадри, Пандавы, и Абхиманью отважный — рать мою испепеляют. Так же герой Дхриштадьумна и ракшас Гхатоткача, великомощные, разгоняют войско мое неистово. Не вижу я для [моего] войска, всеми этими великомощными истребляемого, иного спасения, чтобы выстояло оно в сражении, о Бхарата, кроме тебя, о муж-тигр, о ты, мощью равный богам! Вступишься скорее и будь спасением для тесных!» На эти слова, о великий царь, отец твой Деварата, поразмыслив недолго и решение для себя приняв, сын Шантану, сына твоего поддерживающий, молвил: «О Дурьодхана, выслушай [меня и] стоек будь, о владыка народов! Давно уже я обещал тебе, о великомощный, что, [только] убив десять тысяч кшатриев, великих духом, буду я возвращаться с поля брани, — таков мой труд на каждый день, и как я сказал, так исполнил, о бок среди бхаратов. Но сегодня великое дело вершу я в великой битве: или я паду, сраженный, или убью сегодня Пандавов! Сегодня я отдам тебе, о муж-тигр, великий долг, которым обязан, о царь, за покровительство господина, [отдам,] в гуще боя сраженный!» Сказав так, лучший из бхаратов двинулся, неодолимый, поражая кшатриев стрелами, на войско Пандавов. Сына Ганги, о бок среди бхаратов, в середине войска стоящего, гневного, ядовитому змею подобного, осадили пандавы. А в этот десятый день явил он мощь свою, о царь, и сотни тысяч сразил, о ты, радость куру. И у лучших среди царских сыновей панчалов, великомощных, поглотил он силы, как солнце влагу лучами [поглощает]. Убив десять тысяч стремительных слонов, о великий царь, и еще столько же коней вместе с седоками, и полных две сотни тысяч пехотинцев, о высший из мужей, пылал на поле брани Бхишма, как огонь без дыма. И никто из пандавских не мог [даже] взор поднять на него, как на палящее солнце, пребывающее на северном пути своем²³⁰. Те пандавские [воители], великим лучником уязвляемые, устремлялись, [однако], неистово на Бхишму, чтобы убить его, и [с ним] великие воители сринджаи. Со многими сражающийся, [был] тогда Бхишма, сын Шантану, мощнорукий, словно утес, окутанный темными тучами. Сыны же твои с огромным войском со всех сторон сына Ганги ограждали. И битва тогда продолжалась.

Глава 106

Санджая сказал:

Арджуна же, о царь, видя доблесть Бхишмы в бою, сказал Шикхандину: «Подступай к деду! Сегодня ты не должен испытывать никакого страха перед Бхишмой, разящими стрелами я повергну его с лучшей из колесниц». Когда сказал ему так Партва, Шикхандин устремился на сына Ганги, реченному Партхой повинуюсь. Также и Дхриштадьумна, о царь, и сын Субхадры, великий воитель, ринулись оба на Бхишму, реченному Партхой повинуюсь. И Вирата с Друпалою оба, старые, и Кунтибходжа в доспехах — устремились на сына Ганги на глазах у твоего сына. Накула и Сахадева и Царь справедливости мужественный, также и все другие воины, о владыка народов, на сына Ганги обрушились, реченному Партхой повинуюсь. И твои, собравшись, пошли навстречу тем великим воителям, соразмеря силы и рвение, как я поведаю тебе о том, слушай. Читрасена, о великий царь, ринулся на Чекитану, в битве к Бхишме устремлявшемуся, как тигренок на быка. Дхриштадьумне, о великий царь, приблизившемуся к Бхишме и к бою изготавившемуся, поспешил противостать Кригаварман, Бхимасене, необычайно разъяренному, убийцы Бхишмы жаждущему, поспешил, о великий царь, противостать сын Сомадатты, и также герою Накуле, сеющему стрелы во множестве, путь преградил Викарна, жизнь Бхишмы желающий [уберечь]; Сахадеве, также направляющемуся, изготавившись, к колеснице Бхишмы, путь преградил в битве разъяренный Крипа, сын Шарадвана, на лютото ракшаса, взыскующего гибели Бхишмы великомощного сына Бхимасены, устремился Дурмука могучий, гневному Сатьяки в бою противостал сын Ришьяшринги, Абхиманью, к колеснице Бхишмы направляющемуся, о великий царь, Судакшина Камбоджийский путь преградил, о великий царь, старым Вирате с Друпалою, объединившимся, врагов сокрушителям, гневный Ашваттхаман противостал тогда, о Бхарата; также Царю справедливости, старшему сыну Панду, к убийству Бхишмы стремящемуся, противостал сын Бхарадваджи, неистовому Арджуне, в битве к Бхишме устремившемуся, выставив Шикхандина вперед, повсюду окрест [все] опаяющему, противостал Духшасана, великий лучник, на поле брани. И другие твои воины великим воителям Пандавов, на Бхишму наступающим, противостали в сражении. Дхриштадьумна же снова и снова воззвал к войскам: «Наступайте со рвением на одного Бхишму, великомощного! Вот Арджуна, отрада куру, идет на Бхишму в бой! Наступайте, не бойтесь, ведь Бхишма не посягнет на вас. Сам Предводитель Васу не откажется схватиться с Арджуну в бою, что говорить о Бхишме: храбрый в бою, он [уже] лишился, [однако, большой] мощи и дни его сочтены». Этому [призыву] полководца повинуюсь, великие воители [стана] Пандавов ринулись, воодушевленные, на колесницу сына Ганга. Им, наступающим, словно мощным потокам водным, твои [воины], мужи-быки, путь преградили в битве, воодушевленные. Духшасана, великий воитель, за жизнь Бхишмы бьющийся, забыв о страхе, устремился, о великий царь, на Завоевателя богатств. Также и храбрые Пандавы ринулись в бой на твоих сыновей, великих воителей, к колеснице сына Ганги. Там узрели мы небывалое, чудом кажущееся, о владыка народов: колесницы Духшасаны достигнув, не мог продвинуться Партва дальше. Как берег преграждает путь волнующемуся великому океану, так сыну Панду гневному твой сын противостал. Ибо оба они [были] лучшими из колесничных бойцов, о Бхарата, оба — непобедимы, красотою и блеском подобны оба луне и солнцу, о Бхарата. Оба возгоревшиеся яростью, убить один другого жаждущие, они сошлись в великой битве, как некогда Майя с Шакрою. Духшасана, о великий царь, сыну Панду тремя острыми стрелами и Васу деве двадцатью нанес удары в схватке. Тогда Арджуна, разгневавшись при виде уязвленного [стрелами] потомка Вришни, сотней тяжелых стрел поразил Духшасану на поле боя, и они, пробив доспехи, напились его крови в сражении. Гневный Духшасана тогда пятью стрелами, крепко сложенными, о лучший из бхаратов, Партху в лоб поразил. И с теми стрелами, торчащими во лбу, воссиял превосходнейший из Пандавов необыкновенно, о великий царь, как вознесшимися [в небо] вершинами [гора] Меру. Сыном твоим, лучником, израненный, красовался на поле брани Партва, великий лучник, словно цветущая киншука. Затем гневный сын Панду стал подавлять Духшасану, как в день перемены луны свирепый Раху, разъяренный, ночное светило [затмевает]. Могучим [воином] уязвляемый, сын твой, о владыка народов, поразил Партху в битве [стрелами], перьями цапли оснащенными, на камне отточенными. После того Партва доблестный, лук его еломов, девятью стрелами сына твоего ударил поспешно. Тот же, взяв другой лук, поразил Арджуну, пред ликом Бхишмы стоя, двадцатью пятью в обе руки и в грудь. Разгневанный сын Панду, врагов каратель, послал в него, о великий царь, множество острых [стрел], ужасных, жезлу Ямы подобных. Но как ни усердствовал Партва, — чулду подобно то было, — стрелы те сын твой [все] рассек, еще не долетевшие, и [сам] отточенными стрелами пронзил Партху сын твой. Тогда разгневанный Партва в бою, стрелы на лук налагая, на поле брани посылал их, златом оперенные, на камне отточенные. И в тело того, духом великого, они погрузились, о великий царь, как гуси, о великий царь, пруда достигшие, о Бхарата. Великим сыном Панду уязвленный, твой сын, от Партхи в битве отступив, к колеснице Бхишмы обратился; ему, в пучину погрузившемуся, стал тогда Бхишма спасителем. Затем, придя в сознание, твой сын, о владыка народов, снова, доблестный герой, противостал тогда Партхе, как Вритра — Сокрушителю крепостей; главу отточенными стрелами он, великого мужества исполненный, пронзил его, нимало перед Арджуну не поколебавшись.

Глава 107

Санджая сказал:

Сатьяки, снаряженному для битвы, на Бхишму наступавшему, противостал тогда в сражении сын Ришьяшринги, великий лучник. Потомок Мадху, разгневанный, девятью стрелами поразил в бою ракшаса, о царь, словно усмекаясь, о Бхарата. Также и ракшас, о царь, острыми стрелами, разгневанный, нанес удары, о вождь царей, потомку Мадху, быку рода Шини. А внук Шини, разгневанный, тучу стрел в ракшаса послал в бою, потомок Мадху, губитель вражеских героев. Демон в ответ разящими стрелами пронзил мощнорукого Сатьяки, истинно доблестного, и львиный рык издал. Потомок же Мадху, ракшасом в битве тяжело тогда пораженный, скрепившись, рассмеялся, пыла исполненный, и клич издал. Тогда Бхагадатта, гневный, потомку Мадху в сражении острыми стрелами нанес удары, словно великому слону стрекалами. Ракшаса на поле боя покинув, внук Шини, лучший из колесничных воинов, в повелителя Прагджьотиши стал метать стрелы, крепко сложенные. Великий лук потомка Мадху ливнем стрел бхалла сломал царь Прагджьотиши, в искусстве боя совершенства достигший. Н о вражеских героев губитель, взяв другой лук, тотчас, разгневанный, острыми стрелами Бхагадату пронзил в бою. Глубоко пронзенный, тот великий лучник, губы облизывая все время, железный крепкий дротик, золотом и ляпис-лазурью украшенный, страшный, жезлу Ямы подобный, в Сатьяки послал. Брошенный им с силою обеими руками, его в полете, о царь, натрое рассек стрелами Сатьяки на поле брани, и упал он тогда на землю, словно метеор, лишившийся блеска. Видя, что отбил он [тот] дротик, сын твой, о владыка народов, окружил потомка Мадху огромной ратью колесниц. Видя же осажденным великого воителя рода Вришни, возрадовавшись весьма, сказал Дурьодхана всем [своим] братьям: «О потомки Куру, сделайте так, чтобы не ушел Сатьяки живым в бою от этой великой колесничной рати! Когда погибнет он, погибнет, я полагаю, все великое воинство Пандавов!» — «Да будет так!» Вняв его речам, великие воители стали биться тогда с внуком Шини пред лицом Бхишмы.

Тогда наступающему Абхимахью, к Бхишме стремящемуся в сражении, противостал на поле брани могучий царь Камбоджи. Сын Арджуны стрелами, крепко сложенными, царя пронзив, [потом] еще шестьдесятю четырьмя, о царь, пронзил того властителя мужей. Судакшина же в бою племянника Кришны —пятью и колесничего его —девятью, за жизнь Бхишмы радея. И великую доблесть там явили оба в том бою. Шикхандин меж тем устремился на сына Ганги, врагов каратель. Старые Вирата с Друпадой, [натиск] великой рати отражая, на Бхишму неистово ринулись оба в бой, великие воители. Тогда гневный Ашваттахман подоспел, лучший из колесничных бойцов, и завязался тогда бой между твоим и теми, о Бхарата. Вирата десятью стрелами бхалла рьяному сыну Дроны нанес удары, о каратель врагов, великому лучнику, на поле брани блистающему, и Друпادا, приблизившись к сыну учителя, перед Бхишмой ставшему, его тремя острыми стрелами также пронзил. Ашваттахман же тогда десятью стрелами поразил старых Вирату с Друпадой, на Бхишму нападающих. И небывалый мы узрели там подвиг великий обоих стариков, отражающих в бою страшные стрелы сына Дроны. Так же наступающему Сахадеве выступил навстречу Крипа, сын Шарадвана, как в лесу на взбесившегося слона устремляется [другой] взбесившийся слон. Крипа в схватке, о царь, семьдесятю стрелами, золотом украшенными, поразил немедля сына Мадри, великого воителя. Сын Мадри стрелами надвое рассек его лук и, уже лишившегося лука, девятью стрелами его пронзил. Тот, взяв другой лук, напряжение выдерживающий, поразил сына Мадри в бою, чрезвычайно воодушевленный, десятью острыми стрелами в грудь, гневный, за жизнь Бхишмы радеющий. Так же и сын Панду, о царь, беспощадного сына Шарадвана в грудь поразил, гневный, убийца Бхишмы жаждущий. И ужасное зрелище, страх наводящее, являл завязавшийся между ними бой. Накулу же гневного, о царь, в сражении шестьдесятю стрелами Викарна, врагов каратель, пронзил, жизнь Бхишмы защищая. Накула же, лучником, сыном твоим, израненный, Викарну семьдесятю семью мзеподобными стрелами пронзил. И оба мужа-тигра там, каратели врагов, друг друга из-за Бхишмы разили, герои, словно два могучих быка в загоне. Против Гхатоткачи, в битве рьяного, войско твое сокрушающего, выступил ради Бхишмы на поле брани отважный Дурмухха. Сын же Хидимбы тогда, о царь, Дурмухху, врагов карателя, гневный, в грудь поразил девятью десятками отточенных стрел. И Дурмухху шестьдесятю очень острыми стрелами сына Бхимасены, рыкая, пронзил, герой, воодушевленный, в гуще боя. Дхриштадьюмна, идущему в бой, убийца Бхишмы жаждущему, сын Хридики противостал, жизнь Бхишмы защищая. Внука Пришаты, героя, пятью железными [стрелами] пронзив, еще пятьдесятю в грудь быстро поразил потомок Вришни. Так же и внук Пришаты, о царь, девятью стрелами, отточенными, разящими, перьями цапли оперенными, пронзил сына Хридики. И необычайной была схватка из-за Бхишмы, что произошла между ними в великой битве, как [единоборство] Вритры и великого Индры. Бхимасене великомощному, наступающему на Бхишму, Бхуришравас немедля навстречу вышел и молвил: «Стой! Стой!» Сын Сомадатты железной стрелою с золотым опереньем, тяжело разящей, нанес Бхиме в бою удар между сосков. И с нею, торчащей из груди, блистал величественный Бхимасена, как в былые времена [гора] Краунча с [вонзившимся в нее] дротиком Сканды²³¹, о лучший из царей. И оба, гневные, снова и снова метали друг в друга в бою сверкающие как солнце, кузнецами чищенные стрелы. Оба сражались на поле брани, напрягая силы, чтобы ответить ударом на удар; Бхима, убийца Бхишмы жаждущий, — великому воителю, сыну Сомадатты, а сын Сомадатты, Бхишме страстно желающий победы, —сыну Панду. Юдхишхире, о великий царь, в сопровождении великого войска идущему на Бхишму, сын Бхарадваджи преградил путь. Грохот колесницы Дроны слышав, о царь, грому грозовой тучи подобный, затрепетали красавцы, о достойный. И то великое войско сына Панду, которому на поле брани преградил дорогу Дрона, как ни тщилося, не могло продвинуться ни на шаг. Чекитане, во гнев на Бхишму [устремившемся], о владыка людей, гневный образ явившему, противостал твой сын Читрасена. Изю всех сил отважный Читрасена, великий воитель, бился с Чекитаной за Бхишму, о Бхарата. Так же и Чекитана бился с Читрасеной, и великую отвагу там явили оба в бою. Арджуна же, хотя многократно путь ему твой сын преграждал, в бегство сына твоего обратив, сокрушал войско [его]. И Духшасана изю всех сил сопротивлялся Партхе, решив не дать врагу убить Бхишму. Меж тем истребляемую в битве рать твоего сына здесь и там тревожили лучшие из колесничных бойцов [Пандавов], о Бхарата.

Глава 108

Санджая сказал:

А великий лучник, герой, неустойчивый, как взбесившийся слон, великий лук [свой] взяв, коим бешеного слона отразить возможно, луком лучшим [тем] потрясая, великих воителей в бегство обращал и пандавскую рать громил, великий воитель; и, наблюдая знамения повсюду, знаток знамений, молвил Дрона сыну, [вражеские] полки избивающему: «Это, сын мой, тот день, когда Партха, великий воитель, желающий убить в сражении Бхишму, [к тому] величайшие усилия приложит. Ибо вверх летят мои стрелы и лук словно дрожит у меня [в руках], оружие отказывает и мысль обращается к недоброму. Замерло все вокруг, и кричат страшные звери и птицы, и стервятники слетают вниз к войску потомков Бхараты. Словно померкло солнце и побагровели вокруг страны света. Стенает и содрогается земля, и войско отзывается стоном. Цапли, стервятники и журавли кричат снова и снова, шакалы воют злое, о великой беде возвещая. От солнечного диска пал посреди [войска] великий метеор, и гряда облаков с безглавыми телами явилась, заслоняя солнце. Вокруг луны и солнца страшный нимб появился, страшную беду —резню царей —предвещая. В святилищах богов находящиеся идола владыки Кауравов содрогаются, и хохочут, и пляшут, и рыдают. Влево движутся планеты, вниз рогами, [что] неблагоприятно для ночного светила, восходит ясный месяц. Я замечаю, что словно никнут тела царей в войсках сына Дхритараштры и не блещут, [хотя и] одетые в доспехи. И отовсюду слышатся в обоих войсках громовый рев Панчаджаньи и звон Гандивы. Конечно, Бибхатсу, полагаясь в бою на превосходное оружие [свое], другими воителями пренебрежет в сражении и пойдет на деда. Вздвигаются волоски на теле у меня, и словно падает сердце, когда подумаю, о мощнорукий, о встрече Бхишмы и Арджуны. Искушенного в коварстве царевича панчалов, злоумышляющего, вперед выставив в бою, идет Партха на битву с Бхишмой. Некогда молвил Бхишма, что не будет сражаться с Шикхандином, ибо женщиной создал его Творец и только волею судьбы он стал потом мужчиной. Дурное знамение он сам по себе —сын Яджнясены, могучий воитель; сын реки [Бхишма] не станет наносить удара тому, кто наделен дурной приметой. Когда помыслил я о том, что как раз сегодня в битве устремился Партха на старейшину куру, в страшное смятение разум мой приходит. Гнев Юдхишхиря, встреча Бхишмы и Арджуны, ярость моя в сражении —недоброе наверняка [сулят] людям. Разумен, могуч, храбр, искушен во владении оружием, духом тверд сын Панду, поражающий крепких издали, знаток знамений, даже для богов с Предводителем Басу [во главе] непобедимый в бою, могучий, мудрый, боль одолевший, лучший из воинов. Всегда на поле брани победоносный, грозным оружием обладает сын Панду. Избегая [становиться] ему на пути, ступай скорее к верному обетам! Узри эту начинающуюся бойню, о мощнорукий! Крепко сложенные стрелы пробивают золотом украшенные плотные и блестящие доспехи героев. Верхушки знамен, дроты, луки, острые, сверкающие копья, дротики, золотом пылающие, и стяги на слонах —рассекает во гнев Увенчанный. Не время [теперь] служилым людям беречь свои жизни! Ступай, лишь о небе помышляя, ради славы и победы! Ужаснейшую, труднопреодолимую реку битвы, водовороты кося —кони, слоны и колесницы, переплывающие на колеснице он, на чьем знамени обезьяна. Благоволение к брахманам, смирение, щедрость, подвижничество, благородное поведение —[все это] явлено здесь в царя, чей брат —Завоеватель богатств, а также и могучий Бхимасена, и оба сына Мадри, Пандавы, и чей покровитель —стойкий —Васудева из рода Вришни. Гнев его, подвижничеством опалившего тело, что порожден быи обидою на злого сына Дхритараштры, сжигает [ныне] потомков Бхараты! Вот появился Партха, поддерживаемый Васудевой, все войска Дхритараштры повсюду терзающий. И это войско, Увенчанным в волнение приведенное, видится как неоглядно широкое устье реки, в котором подняло великую волну морское чудовище²³³. И крики горести и ликования слышатся в передних рядах войска. Ступай против наследника Панчалы, я пойду на Юдхишхиру. Трудно пробиться сквозь боевой строй [этого] царя, неизмеримого пылом, со всех сторон самыми могучими воителями огражденный, —как в глубину морской пучины. И Сатьяки, и Абхимахью, и Дхриштадьюмна с Волчебрюхим царя, людей владыку [Юдхишхиру], защищают, и оба близнеца. Смуглый, подобно Младшему брату Индры, высокий, как большой сал²³⁴, идет он на рати, словно второй Пхальгуна²³⁵. Лучшее оружие [свое] возьми, с другим великим луком иди рядом [в бой] на царя²³⁶, внука Пришаты, и с Волчебрюхим сражайся. Кто не пожелает милому сыну жить долгие годы? Но, кшатрийский долг превыше всего ставя, я тебя посылаю [в бой]! И Бхишма поистине в сражении великую рать испепеляет. В битве, сын мой, совершенно подобен он Яме и Варуне!»

Глава 109

Санджая сказал:

Бхагадатта, Крипа, Шалья и Критаварман из племени сатватов, Винда с Анувиндой Авантийские и Джаядратха Синдхийский, Читрасена и Викарна, также юный Дурмаршана —эти десятеро твоих воинов сражались с Бхимасеной, огромным войском сопровождаемые, из разных стран собранным, великую славу, о царь, стремясь обрести в бою за Бхишму. И Шалья девятью стрелами нанес удары Бхимасене, Критаварман —тремя стрелами и Крипа —девятью остриями, Читрасена, Викарна и Бхагадатта, о достойный, —каждый десятью стрелами бхалла нанесли удары Бхимасене, Синдхийский же ударил тремя стрелами —в область ключицы, Винда с Анувиндой Авантийские —пятью стрелами каждый, а Дурмаршана [поразил] сына Панду двадцатью острыми стрелами. И всех тех сынов Дхритараштры, великих воителей, блистательных властителей вселенной, каждого по отдельности, о великий царь, пронзил великомощный Бхимасена многими стрелами. Шалью пятьдесятю пронзив, Критавармана —восемью, он сломал посередине лук Крипы с [уже] наложенной стрелою, о Бхарата, и его с поломанным луком еще пятью пронзил. Винде с Анувиндой он тремя [стрелами] нанес удары, и Дурмаршане двадцатью, и Читрасене пятью. Викарну десятью стрелами пронзив и пятью Джаядратху, взревел Бхима, ликуя, и [поразил] Синдхийского еще тремя. Между тем Гаутама, избранный меж колесничных бойцов, взяв другой лук, пронзил Бхиму, разяренный, десятью отточенными стрелами. Затем,

многими стрелами уязвленный, как великий слон стрекалами, мощнорукий Бхимасена, блистательный, нанес во гневе удары Гаутаме в битве многими стрелами. А коней и колесничего синдхийского [царя] он тремя стрелами послал в мир мертвых, Времени, богу смерти, величием равный. Тот, великий воитель, с колесницы, коней лишившейся, немедля соскочив, острые стрелы метал в Бхимасену в [той] схватке. Двумя стрелами бхалла, о Бхарата, Бхима переломил посередине лук Синдхийского, о лучший из бхаратов, великого духом. Тот, оставшись без лука, сломанного, лишившийся колесницы, без коней, без колесничего, сраженных, поспешно взмог, о царь, на колесницу Читрасены. Пречудесный подвиг свершил там, на поле боя, сын Панду, великий воитель, что стрелами поразил великих воителей, и отбросил, и на глазах у всего мира лишил колесницы Синдхийского. Никак не мог стерпеть дерзость Бхимасены Шалья; разящие стрелы, кузнечад зачищенные, накладывая [на тетиву], семьюдесятью он поразил Бхиму и молвил [ему]: «Стои! Сдой!» И Крипа, и Критаварман, и Бхагадатта, о достойный, Винда с Анувиндой Авантийские и Читрасена, Дурмаршана и Викарна и мужественный царь Синдху — в схватке они тотчас поразили [стрелами] Бхиму, врагов каратели, за Шалью [вступившись]. А [Бхима] в ответ пронзил их пятью стрелами каждого, а Шалью пронзил семьюдесятью и еще десятью стрелами. Шалья его, девятью пронзив, еще пятью пронзил, и колесничего его стрелою бхалла глубоко пронзил в уязвимое место. Увидев, что ранен Вишока, блистательный Бхимасена тремя стрелами поразил царя мадров в обе руки и в грудь. Также и другим великим лучникам тремя стрелами каждому, меткими, нанес он удары в битве и ливинный рык издал. Но и те великие лучники, усердные, сыну Панду, опьяненному битвой, тремя тупыми стрелами каждый нанесли сильные удары в уязвимые места. Израненный, не поколебался, [однако], Бхимасена, великий лучник, как гора под потоками ливней, тучами извергаемых. И, сильно поразив Шалью девятью стрелами, властителя Прагджьотиши, о царь, сотней крепко поразил он, многославный, на поле битвы. Затем лук великого духом Сатваты с [уже] наложенной стрелою умело переломил он тяжело разящей [стрелою] кшурапра. Критаварман тогда, взяв другой лук, тяжелой стрелой поразил Волчебрюхого между бровей, о врагов каратель. Бхима же, пронзив Шалью в бою девятью железными, Бхагадattu — тремя, а Критавармана — восемью, [других] воителей, Гаутамой возглавляемых, каждого двумя пронзил, и те его пронзили в бою, о царь, острыми стрелами. Но, хотя и уязвленный теми великими воителями со всех сторон, он шествовал [по полю битвы] невозмутимо, не более чем за былинку их почитая. Те же лучшие из колесничных бойцов, [тоже] тревоги не ведая, сотнями и тысячами посылали в Бхиму острые стрелы. Его быстролетный дротик с золотым древком, драгоценный, рассек в бою храбрый Бхагадатта, великий воитель. Царь Синдху мощнорукий — копье и трезубец, Крипа — ядро с сотней шипов, о царь, Шалья — стрелу, а остальные великие лучники — по пяти змеесоподобных стрел каждый, прицелившись, с силою послали в Бхимасену. Копье стрелою кшурапра надвое переломил сын Ветра и трезубец тремя стрелами рассек, словно стебель сезама, девятью [стрелами] с перьями цапли он разбил ядро, рассек, великомощный, стрелу, направленную [на него] царем мадров, и дротик, с силою пущенный в бою Бхагадattu, рассек, также другие ужасные стрелы стрелами, крепко сложенными, разрубил одну за другою натрое Бхимасена, в бою похваляющийся, и всем тем великим лучникам тремя [стрелами] каждому нанес удары. Тогда Завоеватель богатств, меж тем как длилась великая битва, узрев на поле брани Бхиму, великого воителя, побивающего в схватке врагов, стрелами [их] разящего, подоспел туда на колеснице. И, видя, что сошлись там вместе те двое сынов Панду, великие духом, не надеялись там [уже] твои, о муж-бык, на победу. Арджуна же, сражающийся на поле брани с Бхишмой, великим воителем, выставив Шикхандина вперед, гибели Бхишмы жаждущий, приблизился в бою к тем десятёрым твоим воинам, о Бхарата, которые на бранном поле заняты были сражением с Бхимою. Бхиму порадовав желая, стал разить их Бибхатсу. Тогда царь Дурьодхана уговаривать стал Сушармана убить обоих, Арджуна и Бхимасену: «Срази этих сынов Панду, Завоевателя богатств и Волчебрюхого!» Повинуясь тому велению его, ринулся в бой на обоих лучников, Бхиму и Арджуну, Тригарту, повелитель Прастхалы, и не одной тысячею колесниц окружил их со всех сторон. Затем произошла битва Арджуны с врагами.

Глава 110

Санджая сказал:

И Арджуна в бою усердствующего Шалью, великого воителя, стрелами, крепко сложенными, окутал на поле брани. Сушармана и Крипу он пронзил тремя [стрелами] каждого, в сражении Прагджьотишу и Джаядратху Синдхийского, Читрасену и Викарну, и также Критавармана, и Дурмаршану, о повелитель царей, и обоих Авантийцев, великих воителей, [каждого] тремя стрелами, [перьями] цапли или павлина оперенными, одного за другим поразил он, войско твое в битве уязвляющий. Джаядратха, на колеснице Читрасены стоя, ранив стрелами Партху в бою, тут же Бхиму пронзил; Шалья и Крипа, лучший из колесничных бойцов, пронзили Джишну мощнорукого многократно [стрелами], в уязвимые места разящими, а твои сыновья, о владыка народов, с Читрасеною во главе в битве немедля пятью острыми стрелами каждый поразили Арджуну и Бхимасену на поле брани, о достойный. А там те двое сынов Кунти, мужи-быки, лучшие из колесничных бойцов, стали разить в сражении великое войско тригартов. Сушарман же в бою, пронзив Партху многими железными [стрелами], мощный рев издал, огласивший небосвод. И другие колесничные воины, герои, пронзили Бхимасену и Завоевателя богатств меткими острыми стрелами с золотым оперением. Но среди тех колесничных бойцов оба сына Кунти, меж колесничных бойцов избранные, на превосходных колесницах, чудные обликом, блистали, играючи, в избытке сил, словно два кровожадных льва среди коров. Рассекая во множестве луки героев и стрелы в бою, оба героя сотнями сносили головы царям. И многие разбитые колесницы, и кони, сотнями убитые, и слоны со своими всадниками валились на землю в великом побоище. И там и здесь являлись взору повсюду во множестве, о царь, колесничные бойцы и всадники, сраженные и корчащиеся [на земле]. И рядами убитых слонов и пехотинцев, и конями сраженными, и колесницами, совсем разбитыми, устлано было поле. И зонтами, совсем поломанными, и поваленными знаменами, и брошенными стрекалами, и [слоновыми] попонами, о Бхарата, и браслетами для предплечий и запястий, и ожерельями, и затоптанными шерстяными покрывалами, и брошенными тюрбанами, султанами и опахалами, и разбросанными здесь и там [отрубленными] руками, сандалом умашенными, и ногами властителей людей устлано было поле. Там зрели мы небывалую отвагу Партхи в бою, стрелами отразившего [на-тиск] тех героев и сокрушающего твое войско. А сын твой [Дурьодхана], увидев, что сошлись вместе Бхима и Арджуна, к колеснице сына Ганга поспешил в великом страхе. Крипа, Критаварман, Джаядратха Синдхийский и Винда с Анувиндой Авантийские тогда вступили в бой. Бхима, великий лучник, и Пхалгуна, великий колесничный воин, ринулись затем стремительно в сражении на грозную рать Кауравов. Те обрушились тогда в битве немедля мириады и миллионы [стрел], перьями павлина оснащенных, на колесницу Завоевателя богатств. Тогда Партха, роями [своих] стрел их отразив, великих воителей кругом [него] на поле брани стал предавать смерти. Шалья же, великий воитель, в битве, словно играючи, поразил, гневный, Джишну в грудь [стрелами] бхалла, крепко сложенными. Партха пятью рассек его лук и перчатку²³⁷ и колющими стрелами сильно поразил его в уязвимые места. Но, взяв другой лук, выдерживающий напряжение в бою, царь мадров, рассвирепевший, нанес в битве удары Джишну тремя стрелами, о великий царь, и пятью — Васудеве, и Бхимасену девятью он поразил в обе руки и в грудь. Затем Дрона, о великий царь, и Магадхиец, великий воитель, по велению Дурьодханы на тот край пришли, где Партха и Бхимасена, сын Панду, о великий царь, избивали, оба великих воителя, огромное войско Кауравов. Юный Джаятсена в бою Бхиму с его грозным оружием пронзил, о муж-бык, восемью острыми стрелами. Бхима же его пронзил десятью и еще семью [стрелами] и колесничего его [стрелою] бхалла выбросил из гнезда колесницы, кони понесли и, мечась во все стороны, увлекли царя Магадхи [прочь] на глазах у всего войска. Дрона между тем, слабину усмотрев, Бхимасену пронзил шестьюдесятью пятью острейшими железными стрелами. Бхима, похваляющийся в бою, пронзил в битве учителя, что равен отцу, девятью стрелами бхалла и еще шестьюдесятью, о Бхарата. Арджуна же, многими железными [стрелами] пронзив Сушармана, рассеял войско его, как ветер [рассеивает] огромные тучи. Тогда Бхишма и царь²³⁸, и сын Субалы, и Брихадбала устремились, разгневанные, на Бхимасену и Завоевателя богатств. Так же и храбрые Пандавы и Дхриштадьумна, внук Пришаты, устремились в бой на Бхишму, богу смерти с разверстою пастью подобного. И Шикхандин, к старейшему из потомков Бхараты приблизившись, устремился на верного обету, ликуя, страх отринув. Сыны Притхи во главе с ГоДхриштхирой, выдвинув вперед Шикхандина, вступили с Бхишмой в бой на поле брани, сплотившиеся со сринджаями. Также и все твои, выдвинув вперед верного обету, в схватку вступили на поле битвы с сынами Притхи, возглавляемыми Шикхандином. Тогда завязался там страх наводящий бой Кауравов, победы Бхишме [желающих], с сынами Панду. Ставку твоих стал в битве Бхишма, о владыка народов, ибо от него в той игре зависело, одержат ли победу или нет. Дхриштадьумна, о великий царь, ко всем войскам воззвал: «Стремитесь [вперед] на сына Ранги, не бойтесь, о лучшие из воителей!» Слово полководца повинуясь, тотчас двинулась на Бхишму рать Пандавов, в великой битве не щадя жизни. Бхишма же, лучший из колесничных воинов, встретил то воинство, о великий царь, как [в час прилива] берег — великий океан²³⁹.

Глава 111

Дхритараштра сказал:

Как сражался на десятый день, о Санджая, сын Шантану Бхишма с великими мужеством Пандавами и со сринджаями? И как куру противостояли в битве пандавам? Расскажи мне о великой битве Бхишмы, в бою блистающего.

Санджая сказал:

О том, как сражались куру с пандавами, о Бхарата, и как происходила та битва, я поведаю тебе, внимай [мне]. День за днем Увенчанный превосходным оружием [своим] отправлял в иной мир отряды колесниц твоих. И Бхишма Кауравья, в бою победоносный, по обету все время [войско] сынов Притхи сокрушал в бою. Глядя, как сражаются Бхишма, великий воитель, вместе с куру — и Арджуна с пачалами [с другой стороны], — не могли быть уверены люди, [кто одержит победу]. На десятый же день, когда встретились Бхишма и Арджуна,

необычайно яростное происходило все время побоище. В нем десятками тысяч, о царь, продолжал сражать воинов Бхишма, сын Шантану, врагов каратель, величайший знаток оружия. Многие герои, чья праведность, чьи имена и происхождение остались неизвестны, [но] все не дрогнувшие в бою, сражены были там Бхишмой, о властитель земли. Десять дней продолжавший карать войско Пандавов, отрешился тогда благочестивый Бхишма от жизни, врагов каратель. Скорой гибели своей ища, к ней устремлял он мысль на поле сражения. «Не буду [больше] убивать я лучших из людей, в бой стремящихся», — так подумав, отец твой Деваврата, мощный, сыну Панду, поблизости находящемуся, о великий царь, слово молвил: «О Юдхиштхира, о великомудрый, во всех науках искушенный, выслушай, сын мой, слово благочестивое, к небу устремленное, которое я скажу [тебе]. До крайности ненавижу мне, сын мой, это тело [мое], о Бхарата, минуло для меня время убивать во множество несметно живые существа на поле битвы. Поэтому если хочешь [сделать] мне удобное, то, вперед послав Парthu, также панчалов и сринджав, приложи силы, чтобы убить меня!» Призвав в том намерение его, сын Панду, прозревающий истину, двинулся вместе со сринджаями, к бою готовый, на Бхишму. Тогда Дхриштадьумна, о царь, и сын Панду Юдхиштхира, слышавшие ту речь Бхишмы, воззвали к войску: «Стремитесь [вперед], сражайтесь, победите Бхишму в битве! Вас прикроет верный слову Джишну, врагов победитель. И внук Пришаты, этот великий лучник, военачальник, и Бхимасена будут непременно защищать вас в сражении. Пусть страх перед Бхишмой ничем не помещает вам в битве, сринджаи! Несомненно, мы победим Бхишму, выставив вперед Шикхандина». И, приняв такое решение на десятый день, Пандавы, миру Брахмы себя предав²⁴⁰, двинулись, гневом ослепленные, выставив впереди Шикхандина и Завоевателя богатств, сына Панду; и все силы они прилагали для того, чтобы повергнуть Бхишму. Вслед за тем, повинувшись приказу твоего сына, властители разных стран вместе с Дроной и сыном его, с войсками, великомошными, и могучий Духасана вместе со всеми братьями выступили тогда на защиту пребывающего в гуще боя Бхишмы. После чего твои герои, выдвинув вперед верного обету, стали биться на поле брани с сынами Притхи, коих возглавил Шикхандин. И, выдвинув вперед Шикхандина, тот, на чьем знамени обезьяна, сопровождаемый чедийцами и панчалами, пошел на Бхишму, сына Шантану. Внук Шини сражался с сыном Дроны, Дхриштакету же — с Пауравой²⁴¹, Юдхаманью — с Дурьодханой и его приближенными. Вирата же с полком [своим], врагов каратель, сошелся с Джаядратхой, наследником Вридхакшатры, и его войском. На царя мадров, великого лучника, и войско его устремился Юдхиштхира, Бхимасена с подкреплением — на слоновью рать [Кауравов], на неприступного и неудержимого Дрону, лучшего из всех, носящих оружие, пошел, изготавившись [к бою], царевич панчалов с Сомаками, а на царевича Брихадбалу, на чьем знамени — [цветок] карникары, наступал сын Субхадры²⁴² со львом на стяге. Сыновья же твои вместе с [другими] царями напали на Шикхандина и на Завоевателя богатств, сына Панду, убивая [их] жаждущие. При том необычайно страшном обоих войск столкновении под поступью стремящихся полков содрогнулась поистине земля. И при виде сына Шантану на бранном поле, о Бхарата, смешались полки с полками, твои с вражескими, и тогда от них, устремившихся рьяно друг на друга, великий шум поднялся, по всем окрестностям [разнесшийся], о Бхарата, и устрашающим он стал от грома труб и барабанов, и воплей слонов, и льющего рыка воинов. Подобное [свету] луны и солнца, потускнело сияние, [исходящее] от браслетов и диадем всех героев, людей властителей. Тучи пыли явились взору, в которых молниями [сверкало] оружие, и устрашающим стало гудение луков; и пение стрел и труб, и оглушительный бой барабанов, и грохот колесниц слились вместе, от обоих войск [исходящие]. И от туч метательных копий с зазубренными и гладкими наконечниками и дротиков и потоков стрел, перемешавшихся, словно померк свет над обоими войсками. В великой битве сражались друг друга колесничные бойцы и конники, и слоны убивали слонов, пехотинцы — пехотинцев. Тогда ожесточеннейшей была схватка куру с пандавами из-за Бхишмы, о муж-тигр, словно устребов над добычей. Ужасной была эта встреча в бою обоих [войск], о Бхарата, жаждущих победы [воинов], ради взаимного избияния [сошедшихся] на поле брани.

Глава 112

Санджая сказал:

Абхиманью, отвагу являя, о великий царь, сражался с твоим сыном из-за Бхишмы, великим войском сопровождаемый. Дурьодхана в бою девятью стрелами, крепко сложенными, поразил племянника Кришны, гневный, и еще в бою тремя. В бою племянник Кришны, разгневанный, свой дротик, страшный, словно [сам] брат Смерти, послал в колесницу Дурьодханы. Его, налетающий стремительно, ужасный видом, надвое рассек, о владыка народов, [стрелой] кшурапра твой сын, великий воитель. Видя, что упал его дротик, племянник Кришны, разъяренный чрезвычайно, тремя стрелами поразил Дурьодхану в обе руки и в грудь, и еще десятью ужасными стрелами, о лучший из бхаратов, поразил пылкого Дурьодхану между сосков. И ужасной была их битва и примечательной, о Бхарата, и тешила взоры [ее] наблюдавших, и все цари ей должное воздали. И оба героя, сын Субхадры и куру-бык, сражались на поле брани — гибли Бхишмы и победы сына Притхи²⁴³ ради. В битве сын Дроны, бык среди брахманов, гневный, поразил неистового Сатьяки тяжелою стрелой в грудь, врагов каратель. Внук Шини же, безмерный духом, сыну учителя во все уязвимые места, о Бхарата, нанес удары девятью стрелами, перьями цапель оперенными. Ашваттхаман же в бою девятью стрелами и еще тридцатью немедля поразил Сатьяки в обе руки и в грудь. Сыном Дроны израненный Сатвата, великий лучник, тремя стрелами сына Дроны поразил [в ответ], многославный. Паурава, приблизившись в сражении к Дхриштакету, стрелами всячески истерзал великого лучника, великого воителя. Также и Паураву в битве Дхриштакету, великий воитель, пронзил тридцатью отточенными стрелами, необычайно мощный. Паурава же, великий воитель, рассек лук Дхриштакету и, мощный рев испустив, десятью стрелами [его] пронзил. Тот, взяв другой лук, поразил Паураву, о великий царь, семьюдесятью тремя острыми стрелами, змеоподобными. И оба они там, великие лучники, великие погонщики слонов, великие колесничные воины, великим ливнем стрел друг друга окропили. Друг У друга рассекли они луки и убили коней, о Бхарата, и, оставшись без колесниц, сошлись в бою на мечах оба великих воителя. Щиты из бычьей кожи, многоцветные, сотнею лун украшенные и сотнею звезд расписанные, и мечи ярко сверкающие взяли они оба, блистательные, и ринулись друг на друга, о царь, рьяные в схватке, рыкающие, словно два льва в великом лесу. Они описывали разнообразные круги, [искусство свое] являя, отступая и подступая, друг на друга нападая. Паурава тяжелым мечом нанес удар в висок Дхриштакету и вскричал, разъяренный: «Стой! Стой!» И царь чеди в бою тяжелым мечом с острым лезвием поразил Паураву, мужа-быка, в плечо. В великой битве сойдясь в соединение, о великий царь, и поразив друг друга неистово, пали оба [на землю], врагов каратели. Тогда твой сын Джаятсена²⁴⁴, подняв Паураву на свою колесницу, о царь, увез его на колеснице с поля битвы. И Дхриштакету [тоже] в бою²⁴⁵, о царь, Сахадева, сын Мадри, врагов каратель, увез, блистательный. Читрасена, пронзив Сушармана²⁴⁶ десятью быстрыми стрелами, еще пронзил его шестьюдесятью и еще девятью. Сушарман же, гневный, сына твоего, о владыка народов, десятью и еще десятью острыми стрелами пронзил в бою. А Читрасена его, о царь, тридцатью крепко сложенными поразил в бою, гневный, и тот его в ответ пронзил, и тем он возвысил в битве, *о царь, славу и честь Бхишмы. А сын Субхадры сражался с царским сыном Брихадбалой. Властитель Косалы, пятью железными стрелами сына Арджуны пронзив, еще двадцатью его пронзил, крепко сложенными. Но не дрогнув в битве сын Субхадры и, девятью железными Брихадбалу пронзив, вновь и вновь поразил его. И еще сын Пхальгуны рассек лук Косалийца и нанес ему удары тридцатью стрелами, перьями цапли оперенными. Царский сын Брихадбала, взяв другой лук, многими стрелами, гневный, пронзил в бою сына Пхальгуны. И битва их изза Бхишмы, о каратель врагов, разъяренных, о великий царь, разнообразные выпады в бою применяющих, подобна была [единоборству] Майи с Предводителем Васу во время войны богов с асурами. Бхимасена, со слоновьей ратью сражающийся, блистал премного, как [некогда] Шахра с ваджрою в руке, когда высочайшие горы он раскалывал. А те слоны, гороподобные, сражаемые Бхимой, валились вместе разом на поле, ревом оглашая землю. Величиною с горю, те слоны, гудам [черной] сурьмы подобные, на землю пав, выглядели как сокрушенные утесы. Юдхиштхира, великий лучник, сошедшись в бою с царем мадров, которого прикрывало большое войско, уязвлял его, а владыка мадров, разъяренный, за Бхишму храбро бьющийся, великого воителя, сына Дхармы, в сражении уязвлял. Вирату пронзив девятью крепко сложенными, разящими стрелами, царь синдхийский еще тридцатью его ранил. Вирата же, о великий царь, Синдхийца во главе рати тридцатью отточенными острыми поразил меж сосков. С прекрасными луками и мечами, с прекрасными доспехами, вооружением, стягами блистали те оба в битве, прекрасные обликом, — Матся и Синдхиец. Дрона, с сыном Панчалы встретившись в великой битве, великое множество стрел обрушил [на него], крепко сложенных. В ту пору Дрона, о великий царь, рассек великий лук внука Пришаты и пятьюдесятью стрелами, одною за другой, внука Пришаты пронзил. Внук Пришаты, губитель вражеских героев, взяв другой лук, вступил в соперничество с Дроной в битве, стрелы пуская. А Дрона, великий воитель, те стрелы роями стрел отразив, пять снарядов послал в сына тДрупяды. Гневный внук Пришаты, губитель вражеских героев, в Дрону, о великий царь, метнул палицу в бою, жезлу Ямы подобную. Ту палицу, позолотой украшенную, стремительно налетающую, отразил Дрона пятьюдесятью стрелами в битве, и, с лука Дроны слетевшими стрелами многократно рассеченная, о царь, раздробленная, разлетевшаяся на части, она упала на землю. Видя, что отражена [его] палица, внук Пришаты, врагов истребитель, дрот метнул в Дрону, целиком железный, блестящий. Его девятью стрелами рассек в бою Дрона, о Бхарата, и внука Пришаты, великого лучника, уязвил в схватке. Так происходила, о великий царь, эта великая битва за Бхишму между Дроной и внуком Пришаты, ужасная для взора, устрашающая. Арджуна, приблизившись к сыну Ганги, устремился на него, как на ярого слона в лесу, острыми стрелами уязвляя готового к бою. Но противостал Парthу Бхагадатта блистательный на трижды раненном и яростно ослепленном слоне, великомошный. Его, налетающего стремительно, слону великого Индры подобного, встретил Бибхатсу, все силы напрягая. Тогда царь Бхагадатта, на слоне восседая, блистательный, ливнем стрел окутал в бою Арджуну. Арджуна же в бою наступающего слона того, словно серебряного на вид, блестящими железными стрелами, острыми, пронзил в великой битве. И сын Кунти воззвал к Шикхандину: «Вперед, вперед! На Бхишму!» И он молвил, о великий царь: «Срази его!» Прагджьотиши правитель тогда, оставив сына Панду, о старший брат Панду, поспешно повернул, о царь, на

колесницу Друпады. Тогда Арджуна, о великий царь, на Бхишму ринулся стремительно, выдвинув вперед Шикхандина, и начался затем бой. Тогда все твои герои ринулись с криками на неистового—в бою сына Панду, и подобно чуду то было. [Но] сынов твоих полки различных родов рассеял в то время Арджуна, как ветер—облака в небе. Шикхандин же, приблизившись к старейшине бхаратов, бестрепетный, тотчас многими стрелами его засыпал. А Бхишма в бою сражал Сوماков, идущих вслед за Партой, и он преградил путь войску Пандавов, великий воитель. Колесница была его огненным алтарем, лук—языком пламени, меч, дрот и палица—топливом, рой стрел—жертвенным огнем, когда испепелял он кшатриев на поле битвы. И как разгоревшийся пожар движется с ветром по сухостою, так и Бхишма пылал, небесным оружием поражая [врагов]. Оглашая [криками] страны света и все окрест, стрелами с позолоченным опереньем, острыми, крепко сложенными, повергал Бхишма великославный колесничных воинов, о царь, и слонов с седоками, и сонмы [вражеских] колесниц он вырубленным пальмовым рощам уподобил. И колесницы, слонов и коней на поле битвы, о царь, без людей оставлял тогда Бхишма, лучший из носящих оружие. Удар его ладони о тетиву слышав, что словно раскатами грома отзывался отовсюду, содрогались воины, о царь. Ибо стрелы отца твоего били без промаха, о владыка людей, и не застревали в телах слетевшие с лука Бхишмы стрелы. И зрели мы, о царь, как, оставшиеся без людей, [но] с ладно впряженными резвыми конями, влеклись [по полю] колесницы с быстротою ветра, о владыка народов. Четырнадцать тысяч великих воителей—чедийцы, кашийцы и каруши—под золотом украшенными стягами, прославленные сыны [знатных] родов, самоотверженные, не обращающиеся вспять [в бою] герои, в битве приблизившись к Бхишме, богу смерти с разверстою пастью подобному, ушли в иной мир вместе со [своими] конями, колесницами и слонами. А среди Сوماков там не было великого воителя, который, приблизившись к Бхишме в бою, помышлял бы о [сохранении] жизни. И всех тех воинов на* поле битвы, мощь Бхишмы видя, люди почитали уже обреченными граду Царя призраков. И никто из великих воителей не [дерзал] приблизиться к нему в бою, кроме храброго сына Панду, Белоконного, с Кришною-колесничим, и Шикхандина, царевича панчалов, неизмеримого силой в сражении. Шикхандин же, приблизившись к Бхишме на поле боя, о бык среди бхаратов, десятью [и еще] десятью стрелами поразил его в великой битве. Яростью горящим оком глянул искося на Шикхандина сын Ранги, словно испепеляя его [тем взглядом], о Бхарата; вспомнив о женской его природе, о царь, не нанес ему Бхишма удара в бою у всего мира на глазах, но тот не понял того. Арджуна же, о великий царь, молвил Шикхандину: «Поспеш, срази немедля деда! Что тебе толку в болтовне, о герой,—срази Бхишму, великого воителя! Ибо я не вижу никого другого в войске Юдхистхиры, кто мог бы сразиться на поле брани с Бхишмой, дедом, кроме тебя, о муж-тигр, истинно говорю тебе». Когда сказал ему так Партва, Шикхандин, о бык среди бхаратов, стрелами разных видов немедля поразил прародителя куру. Отец твой Деварата, тех стрел не замечая, [своими] стрелами гневному Арджуне преградил дорогу в битве. И также всю рать Пандавов в бою великий воитель разящими [стрелами] приуготовлял для иного мира, о достойный. И также Пандавы, о царь, великим войском сопровождаемые, затмили [стрелами] Бхишму, как тучи—дневное светило. Тот потомок Бхараты, со всех сторон осажденный, о бык среди бхаратов, испепелял в бою героев, как пылающий огонь [испепеляет] лес.

Там зрели мы небывалое мужество сына твоего, что сражался с Партой и защищал верного обету. Все люди возрадовались [тогда] подвигу, [свершенному] на поле брани твоим сыном Духшасаной, лучником, великим духом, что в одиночку сражался на поле брани с сынами Притхи и приспешниками их, и не могли в битве устоять перед ним, могучим, пандавы. Духшасана тот на поле брани сбрасывал колесничных воинов с колесниц, и падали на землю всадники, о великий царь, и слоны, великомощные, пронзенные разящими стрелами [его], а другие слоны, от стрел страдающие, разбегались в разные стороны. Как пылает топливо обретший огонь, языками сверкающий, мощный, так и сын твой пылал, испепеляя пандавов. Из пандавов же ни один великий воитель не мог победить его, величайшего из потомков Бхараты, ни даже каклибо потеснить его, [никто], кроме сына великого Индры, кроме белоконного, чей колесничий—Кришна. Победив его в схватке, о царь, Арджуна Победитель на Бхишму устремился на глазах у всего войска. Сын же твой, хотя и потерпев поражение, на длань Бхишмы полагаясь, оправившись, снова и снова в сражение вступал, в бою неистовый, и, с Арджуной схватившись, блистал в бою, о царь. А Шикхандин, о царь, бил в бою в деда стрелами, разящими, как оружие грома, как змеинный яд, опасными. Но не причиняли они твоему отцу боли, о владыка людей, с усмешкой принимал тогда те стрелы сын Ганги; как зноем утомленный человек дожди приемлет, так принимал сын Ганги ливни стрел Шикхандина. И зрели кшатрии, о великий царь, как грозный Бхишма, великий духом, войска Пандавов испепелял в битве. Тогда молвил твой сын всем [своим] войскам, о достойный: «Со всех сторон на колесницах устремляйтесь на Пхальгуну! Бхишма защитит вас всех в бою, знаток Закона». И те, страх [свой] великий преодолев, противостояли в бою Пандавам. «Вот стоит, охраняя [вас], Бхишма с блистающею пальмой [на своем стяге]! Для всех сынов Дхритараштры он в битве защита и спасение! Сами Тридцать [богов] при всем рвении не устоят против Бхишмы, великого духом, что говорит о сынах Притхи, смертных от роду и бессильных [против него]! Потому, о воины, поспешите, идите на Пхальгуну в бой! Нынче на поле брани я буду рьяно сражаться с Пхальгуну вместе с вами, о владители земли, [и вы наступайте на него] рьяно отовсюду». Повинуясь тем словам сына твоего, лучника, о царь, пошли в бой на Арджуну великие воители, могучие,—видехи и калинги с отрядами дашераков, нишады и саувиры устремились [на него] в великой битве, бахлики и дадры, также восточные и северные 247 малавы, абхихахи, шурасены, шибхи, также васати, шальвами поддерживаемые тригарты, амбаштхи с кекаями—устремились в бою на Партху, как мотыльки в огонь. О небесном оружии [своим] 248 помыслил тогда Завоеватель богатств, и, его нацелив, теми быстролетными снарядами, великомощный, как блистающими стрелами, всех тех великих воителей, о великий царь, с их великими ратями скоро испепелил Бибхатсу, как мотыльков огонь [испепеляет]. И меж тем как являл он, меткий лучник, тысячи стрел, словно сияющим в поднебесье выглядел [лук] его Гандива. Стрелами уязвленные, о великий царь, с опрокинутыми колесницами и стягами, [уже] не нападали собравшиеся цари на того, на чьем стяге—обезьяна. Избываемые Увенчанным, падали колесничные бойцы со стягами, всадники с конями вместе, слоны с седоками. И пораженными рукою Арджуны покрылось тогда поле и разбегающимися во множестве повсюду ратями царей.

А Партва мощнорукий, [это] полчище в бегство обратив, стал в бою посылать стрелы в Духшасану. Те [стрелы] с железными остриями, пронзив сына твоего Духшасану, в землю вошли, как змеи в муравейник. И его коней он сразил затем и поверг его колесничного. И двадцатью [стрелами] он лишил колесницы Вивиншати, о владыка, и пятью крепко сложенными тяжело поразил [его]. Многими стрелами пронзив Крипу, Шалью и Викарну, сын Кунти, белыми [конями] несомый, их тоже лишил колесниц. И, оставшиеся без колесниц, те пиятеро, о достойный,—Крипа, Шалья, Духшасана, Викарна и еще Вивиншати—бежали, в сражении Савьясацином побежденные. И в первой половине дня, о царь, победы [тех] великих воителей, Партва пылал на поле брани, как очистительный огонь без дыма. Ливни стрел меча, как [мечет] солнце лучи, еще других владителей земли он поверг, о великий царь. В бегство ливнями стрел великих воителей обратив, великую крови реку он пустил течь тогда по полю битвы между войсками куру и пандавов, о Бхарата. Множество слонов и сонмы колесниц сражены были колесничными бойцами, и колесницы повергнуты слонами, а слоны—конниками и пехотинцами. Рассеченные посредине тела и [отрубленные] головы сражавшихся на слонах, конях и колесницах падали [там] повсюду, и блистало поле брани, покрытое павшими и поверженными царскими сыновьями, великими воителями, что сергами и браслетами [богато] убраны были. И являлись взору раздавленные ободьями колесниц и растоптанные слонами пешие воины с лошадьми и конниками, и сонмы слонов, коней и колесниц металась во все стороны, и разметаны были по земле [опрокинутые] колесницы со сломанными колесами, дышлами и стягами. И поле брани, орошенное кровью покрывших его во множестве слонов, коней и воинов, блистало, как багряное облако осенью. Собаки, вороны, стервятники, волки с шакалами и [всякие] безобразные звери и птицы, до добычи дорвавшиеся, крики [там] испускали. Со всех сторон многие разные ветры дули, и виднелись завывающие чудища и духи, и являлись взору золотые гирилянды и драгоценные знамена, дымящиеся, буйно развеваемые ветром. И тысячи белых зонтов, и великие колесницы со стягами, разбросанные, являлись [там] взору сотнями и тысячами, и разбегались в стороны, страдая от стрел, слоны со знаменами, и кшатрии с палицами, копьями и луками в руках видны были повсюду, о владитель людей, распростертые на земле. Тогда Бхишма, о великий царь, призвав небесное оружие, устремился на сына Кунти на виду у всех лучников. На него же, рьяного в бою, устремился Шикхандин в доспехах. И взялся тогда Бхишма за то оружие, очистительному огню подобное. А сын Кунти на белых конях в то самое время громил твоё войско, приводя в смятение деда.

Глава 113

Санджая сказал:

В полках, идущих строем неуклонно в бой, все на мире Брахмы сосредоточились мыслью безраздельно, о Бхарата. В сумятице [боя] не сражалась [уже] рать с [такою же] ратью—ни колесницы с колесницами, ни пехотинцы с пехотинцами, конники не бились с конниками, слоны—со сражающимися на слонах,—в великое чудовищное смятение повергнуты были оба войска. В том ужасающем великом побоище, когда перемешались так повсюду люди, слоны и колесницы, исчезло всякое их различие. Тогда Шалью, Крипу и Читрасену, о Бхарата, также Духшасану и Викарну, взойдя поспешно на колесницы, в трепет повергли, герои, на поле боя рать Пандавов. [Теми] великими истреблемое в битве, не находило спасения от них войско панду, словно тонущее в воде судно. Как холодное время года в уязвимые места поражает до боли коров, так Бхишма поистине поражал сынов Панду в уязвимые места. А Партва, великий духом, в войске твоём особенно во множестве [наземь] повергал слонов, горам или облакам подобных. И военачальников можно было видеть, тысячами сокрушаемых Партой, стрелами [его] железными поражаемых. Там и здесь валились [наземь], вопя от боли, огромные слоны. И блистало поле брани, покрытое телами в нарядных облачениях сраженных [щэинов], великих духом, и головами, сергами [украшенными], меж тем

как в том небывало страшном великом побоище избранных меж героев, о царь, являли [на нем] в битве свою отвагу Бхишма и Завоеватель богатств, сын Панду. На доблестного деда взирая в битве, о царь, не отступали Кауравы, мир Брахмы превыше всего почитая. Смерти в битве взыскав, в небесах высшую цель свою видя, наступали они на Пандавов в том побоище избранных меж героев. И Пандавы тоже, о великий царь, помня о многих разных бедствиях, навлеченных на них некогда тобою и твоим сыном, о повелитель людей, о страхе забыв, мир Брахмы превыше всего почитая, с [воинами] твоими и сыновьями сражались, храбрые, на поле боя с ликованием. И полководец [их], великий воитель, молвил в сражении войску [своему]: «На сына Ганги устремитесь, о Сомаки, со сринджаями вместе!» Слову полководца повинувшись, Сомаки со сринджаями вместе устремились на сына Ганги, ливнем оружия со всех сторон [его поражая]. Тогда отец твой, сын Шантану, о царь, поражаемый [ими], в неистовство придя, стал сражаться со сринджаями. Ему, славному, передал некогда мудрый Рама знание оружия²⁴⁹, отец мой, для вражеских ратей губительное поистине. К знанию этому прибегая, и учинял побоище во вражеском войске изо дня в день старый дед куру. Десять тысяч [воинов] сыновей Притхи сразил Бхишма, вражеских героев губитель. Когда же наступил тот десятый день, о бык среди бхаратов, Бхишма в битве один у матсьев и панчалов, сразив без счета слонов и коней, семь великих колесничных воинов сразил. И, пять тысяч колесничных бойцов сразив, четырнадцать тысяч мужей, также тысячи слонов и еще десять тысяч коней силою [той] науки уничтожил в великой битве дед, отец твой, о владыка народов. Затем, воинство всех властителей земли потрепав, поверг он Шатанику, милого брата Вираты. Шатанику в битве сразив, Бхишма, блистательный, [еще] тысячи царей, о великий царь, стрелами бхалла поверг. И те цари, [соратники] сынов Притхи, которые присоединились к Завоевателю богатств, приближившись к Бхишме, в чертоги Ямы уходили. Так рон стрел по всем направлениям окрест [посылая], войско сынов Притхи одолев, расположился Бхишма во главе [своей] рати. Величайшие подвиги свершив, в тот десятый день стоял он меж обоих войск с луком в руке, и никто из властителей земли, о царь, не мог поднять взор на него, как в лето, достигшее середины, на палящее солнце в небе. Как палил [некогда] Шакра демонскую рать в бою, так пандавских [воинов] палил Бхишма, о Бхарата. Взирая на него, являющего доблесть [свою], Губитель Мадху, сын Деваки, сказал Завоевателю богатств, блага ему желающий: «Вот стоит меж двух войск Бхишма, сын Шантану. Если, силы напрягая, его не убьешь, не будет твоею победа. Собравшись с силами, останови его там, где прорвал он [ряды нашего] войска, ибо стрелам Бхишмы никто, кроме тебя, о могучий, противостать не сумеет!»

Тогда, [им] подстрекаемый, тот, >> обезьяною на знамени, стрелами [своими], о царь, скрыл в то же мгновение от взора Бхишму с его стягом, колесницей и конями. Но он, бык среди предводителей куру, тучи стрел, сыном Панду пущенные, тучами [своих] стрел рассеял многократно. Меж тем царь панчалов и мужественный Дхриштакету, и сын Панду Бхимасена, и Дхриштадьюмна, внук Пришаты, и оба близнеца, и Чекитана, и еще пятеро Кекаев, и Сатьяки, о великий царь, и сын Субхадры, и Гхатоткача, и сыны Драупади, и Шикхандин, и Кунтибходжа мужественный, и Судхарман, и Вирата, великомощные пандавские [сторонники], — эти и многие другие, стрелами Бхишмы уязвляемые, в океан горести погрузились; [но] оттуда вознес их Пхалыгуна. Тогда Шикхандин, взяв оружие превосходнейшее, ринулся стремительно на Бхишму, Увенчанным прикрываемый. Затем, всех шедших вслед за Бхишмой сразив, ведающий последовательность боя, устремился на него [и сам] Бибхатсу непобедимый. И Сатьяки, Чекитана и Дхриштадьюмна, внук Пришаты, Вирата и Друпادا и оба сына Мадри, Пандавы, устремились в бой на Бхишму, прикрываемые метким стрелком. И Абхиманью, и пятеро сыновей Драупади устремились в битве на Бхишму, подъяв свое мощное оружие. Все они, меткие лучники, в боях не обращающиеся вспять, многократно поразили Бхишму стрелами, в стрельбе искусные. [Но] не падающий духом, отмахнувшись от тех стрел, пущенных во множество лучшими из властителей земли, для стрел [врагов] создав преграду, дед, играючи словно, углубился в ряды войска Пандавов. На царевича же панчалов не направлял стрелы Бхишма, улыбаясь всякий раз, когда вспоминал о женской природе Шикхандина; [но] в войске Друпады семь колесниц сразил великий колесничный воин. Меж тем крики ликования раздались внезапно среди матсьев, панчалов и чедийцев, наступающих стремительно на него, [оставшегося] в одиночестве. Полки их отборных конников и колесниц и слоны с пехотой обволочли, как тучи солнце, одинокого Бхишму, сына [реки] Бхагиратхи, в битве карающего врагов. Затем в том сражении его с ними, подобном [войне] богов и асуров, Увенчанный стал наносить удары Бхишме, выставив вперед Шикхандина.

Глава 114

Санджая сказал:

Так все пандавы, выставив вперед Шикхандина, стали поражать в бою Бхишму, окружив его со всех сторон. И тяжелыми ядрами, престрашными трезубцами, секирами, булавами, палицами, дротами, метательными снарядами всяческими, стрелами с золотым опереньем, дротиками, [иными] дротами и кампанами, стрелами [в форме] телячьего зуба, железными стрелами и огненными снарядами, о Бхарата, стали все сринджай вместе наносить в бою удары Бхишме. С пробитыми доспехами, многократно уязвленный, не испытал страдания тогда сын Ганги, [хотя] в болезненные места был поражен. Стрелы и лук его языками пламени были, пущенные стрелы — ветром, грохот колес — треском, вознесение великого оружия — полыханьем, прекрасный его лук — сверканьем, истребляемые герои — топливом — для огня конца света, которому в глазах врагов подобен стал Бхишма. Врываясь в ряды колесниц и из глубин их [потом] высвобождаясь, взору вновь он являлся, среди [вражеских] царей пробивающийся. Тогда, миновав царя панчалов и Дхриштакету, он стремительно проник в середину войска Пандавов. Затем Сатьяки с Бхимой и Завоевателя богатств, сына Панду, и Друпату, и Вирату, и Дхриштадьюмну, внука Пришаты, — этих шестерых он поразил шестью солнцу подобными стрелами, грозно жужжащими, необычайно быстролетными, вражескую броню пробивающими. Те острые стрелы его отразив, великие воители Бхишме удары с силою нанесли, каждый десятую. А стрелы, которые в верного обету пускал в бою Шикхандин, златооперенные, на камне отточенные, тотчас в Бхишму вонзались. Тогда Увенчанный, выдвинув вперед Шикхандина, ринулся, неистовый, на Бхишму и рассек его лук. Не стерпели [того] рассечения лука Бхишмы великие воители — Дрона, Кригаварман, Джаядратха Синдхийский, Бхуришравас, Шала, Шалья, также Бхагадатта, — эти семеро, разгневанные чрезвычайно, ринулись на Увенчанный. Явив [заклинаниями] необыкновенное небесное оружие, великие воители, гневные, обрушились тязжко на Пандавов и покрыли-их [стрелами]. И шум поднялся припадении их на Пхалыгуну, что подобен был шуму бушующих морей при конце света. «Разите! Призовите! Хватайте! Бейтесь и рубите!» Слыша эти буйные возгласы, великие воители Пандавов поспешили к Пхалыгуне на выручку, о бык среди бхаратов, — Сатьяки и Бхимасена, и Дхриштадьюмна, внук Пришаты, и Вирата с Друпадой оба, и ракшас Гхатоткача, и Абхиманью, разгневанный, — эти семеро, гневом ослепленные, примчались, поспешая, прекрасными луками вооруженные, и бурной была их схватка [с врагами] на поле брани, как между богами и демонами, о лучший из бхаратов, дыбом волосы вздымающая. А Шикхандин, лучший из колесничных воинов, охраняемый Увенчанным, Бхишму, у которого сломан был лук, пронзил десятью [стрелами] в битве, и десятью — его колесничного, и одною срубил его стяг. Другой лук, быстрее действующий, взял сын Ранги, но и его тремя острыми стрелами бхалла рассек Пхалыгуна. И так снова и снова Савьясачин, гневный сын Панду, всякий раз, как Бхишма брал [новый] лук, рассекал его, каратель врагов. Тот, разъяренный, со сломанным луком [оставшись], облизывая уголки губ, схватил, разъяренный, дрот, которым можно было раскалывать горы, и метнул его, разъяренный, в колесницу Пхалыгуны. Тот, радость Пандавов, видя, что налетает он, пылающий, оружием грома подобный, пять острых стрел бхалла извлек и теми пятью стрелами рассек, разъяренный, о лучший из бхаратов, на пять частей дрот, рукою Бхишмы пущенный. И пал он, разъяренным Увенчанным рассеченный, как низвергшаяся из собравшихся туч и рассыпавшаяся стократная молния²⁵⁰. Увидев, что рассечен его дрот, исполнен был гнева Бхишма. И стал герой, вражеских городов покоритель, в бою размышлять про себя, умудренный: «Я мог бы с одним луком [моим] сразить всех Пандавов, если бы не был покровителем их [Кришна]. Вседостигающий Полководец великомощный. По двум причинам не стану я сражаться с Пандавами: из-за неуязвимости [рода] Панду и из-за женской природы Шикхандина. Когда-то, когда отец мой женился на Кали, довольный [мною], даровал он мне выбор [времени] смерти по собственной воле и неуязвимость в бою²⁵¹. Теперь, я мыслю, пришло, кажется, время для смерти моей». Узнав об этом решении Бхишмы, пылом непомерного, провидцы и Васу, пребывающие на небесах, молвили Бхишме: «Что решено тобою, о герой, нам отрадно весьма. Так и поступи, о великий лучник, отвори мысли от битвы!» И по окончании той речи повеял благой ветер, ласковый, благоухающий, влагою напоенный. Зазвучали громогласные небесные литавры, и цветочный дождь пал сверху на Бхишму, о властитель земли. Но никто не услышал реченное ими, о царь, кроме [самого] Бхишмы мощнорукого и меня, [что одарен был] мудрецом тою способностью. И великое смущение овладело тогда Тридцатью, о владыка народов, из-за того, что падет с колесницы всем мирам любезный Бхишма. Вняв тому, что рекли божественные сонмы, великодушный Бхишма, сын Шантану, острыми стрелами пораженный, что пробил все его доспехи, [уже] не стал тогда нападать на Бибхатсу. А Шикхандин, о великий царь, поразил прародителя бхаратов, гневный, девятью отточенными стрелами в грудь. Но, в схватке им пораженный, не дрогнул, о великий царь, Бхишма, прародитель куру, как гора во время землетрясения. Тогда Бибхатсу, рассмеявшись, лук Гандиву натянул и поразил сына Ганги двадцатью пятью малыми [стрелами]. И еще сотнею стрел Завоеватель богатств, разъяренный, нанес успешно ему удары во все части тела, во все уязвимые места. И другими он так же сильно поражен был в великой битве, но не причиняли ему боли те златооперенные, на камне отточенные. Затем Увенчанный ринулся яростно на Бхишму, выставив вперед Шикхандина, и рассек его лук. И, десятью [стрелами] его пронзив, одною он рассек его стяг, и десятью остриями он в дрожь поверг его колесничного. Сын Ганги взял другой лук, более мощный, но тремя острыми стрелами бхалла [той] разнес его натрое. И так в [том] великом сражении очень много луков его, всякий раз как он брал их, рассекал во мгновение ока в поединке [Арджуна]. Тогда Бхишма, сын Шантану, не нападал [уже] на Бибхатсу. И еще двадцатью пятью малыми тот его ранил. Пронзенный чрезмерно, молвил великий лучник Духшасане: «Этот Партха,

гневный в бою, великий воитель Пандавов, многими тысячами стрел меня в бою осыпал. Не победить его и самому Громовержцу в битве! Но и меня победить не смогут даже боги с данавами и ракшасами вместе, доблестные, что говорить о слабосильных смертных». А меж тем как они разговаривали, Пхальгуна, выставив вперед Шикхандина, отточенными острями пронзил Бхишму в сражении. Острыми стрелами Владетеля лука Гандивы тяжело израненный, молвил тогда тот опять Духшасане, улыбаясь: «Ударом подобные ваджре, оружию грома, остроконечные, проникающие, летящие непрерывно — это не стрелы Шикхандина! Уязвимые места секущие, крепкие латы пробивающие, бьющие меня, словно палицы, — это не стрелы Шикхандина! Брахманскому жезлу²⁵² [силой] удара равные, как бой ваджры, неотразимые, силы жизни из меня рвущие — это не стрелы Шикхандина! Словно разъяренные змеи, исполненные яда, языки высовывающие, в уязвимые места меня поражающие — это не стрелы Шикхандина! Словно истребляющие жизнь во мне, словно вестники, посланные Ямой, бьющие, как палицы или железные ломы, — это не стрелы Шикхандина! Рассекающие тело мое, как у коров в месяц магха²⁵³, — это стрелы Арджуны, это не стрелы Шикхандина! Ибо никто иной из всех властителей людей не мог бы в беду меня повергнуть, кроме Джишну Обезьянознаменного, Владетеля лука Гандивы!» Так молвил сын Шантану и, словно испепелить решившись сына Панду, метнул в него дрот, о Бхарата, с пылающим острием, искрометный. Но тот рассек его натрое тремя стрелами и упав заставил там, о Бхарата, на глазах у всех героев куру. И сын Ганга взял щит, золотом украшенный, и еще меч, смерти или победы желая, но прежде чем он сошел, вооружившись, с колесницы, тот разбил его щит на сто частей, и чуду подобно то было. И, взревев громко, словно лев, воззвал он к своим полкам: «На сына Ганги устремитесь, не страшась нимало!» И те с томарами, дротиками, связками стрел, трезубцами, мечами и еще разнообразным ударным оружием, со стрелами [в форме] телячьего зуба и бхаллами устремились со всех сторон на одного. И грозный львиный рык раздался тогда [в рядах] пандавов. Также и твои сыновья, о царь, желающие победы Бхишме, поспешили к нему, оставшемуся в одиночестве, и львиный рык издали. И яростной была битва твоих с врагами, о властитель царей, на десятый день, когда встретились Бхишма и Арджуна. Словно водоворот [при слиянии] Ганги с океаном возник мгновенно [там, где] сражались, истребляя друг друга, войска. И непроходимым тогда представилось поле, залитое кровью, и никак не отличить было ровные места от рытвин. Тогда, на десятый день, убив десять тысяч воинов, [сам] в уязвимые места пронзаемый, [все еще] стоял на поле брани Бхишма. А Завоеватель богатств, сын Притхи, будучи во главе своих войск, [вражескую] рать в бегство обратил, [вторгшись] в середину войск куру. И бежали мы с поля великой битвы в страхе перед Завоевателем богатств Белоконным, сыном Кунти, [его] острыми стрелами уязвляемые. [Но] саувиры, китавы, [бойцы] с Востока, западные и северные малавы, абхишахи, шурасены, шибхи, васати, тригарты вместе с шальвами, амбаштхи с кекаями — [воины] этих двенадцати стран, стрелами уязвляемые, страдающие от ран, не покинули [все же] в бою Бхишму, сражающегося с Увенчаннами. Тогда многочисленные [рати], его одного окружив со всех сторон, всех куру обратили в бегство, ливнями стрел осыпая. «Валите! Хватайте! Разите! Режьте!» — такие возгласы раздавались беспорядочно, о царь, вокруг колесницы Бхишмы. Рои стрел поразили его стократно и тысячекратно, и не было [тогда] на теле у него [даже] на палец места не пронзенного. Так отец твой, о повелитель, остроконечными стрелами Пхальгуны весь исеченный в бою, пал незадолго до заката с колесницы головою к востоку на глазах у твоих сыновей. «Увы, увы!» — [раздались возгласы] богов на небесах и властителей земли повсюду, и великий шум поднялся, когда падал Бхишма с колесницы. И когда увидели мы, что упал дед, великий духом, и сердца у всех у нас вместе с Бхишмой упали. Как вырванное [из земли] зная Индры²⁵⁴, упал он, мощнорукий, всех лучников стяг осеверяющий, и отозвались [гулом на его падение] недра. И, множеством стрел покрытый, он даже не коснулся земли. И, когда упал он с колесницы, на него, великого лучника, мужа-быка, на ложе из стрел возлежавшего, низошел божественный дух. Дождь пролил Парджанья, и сотряслась земля. И, падая, увидел он, что убывает солнце²⁵⁵. Со знание сохраняющий, помыслил [тогда] герой о времени [своей кончины], о Бхарата. И в поднебесье отовсюду он услышал божественные голоса: «Как [это случилось, что] великому духом сыну Ганги, мужу-тигру, лучшему из носящих оружие, срок пришел, когда наступила пора южного пути [солнца]?» Услышав ту речь, молвил сын Ганги: «Я держусь!» Ибо, хотя и пал он на землю, он удерживал жизнь [в своем теле], и северного пути [солнца] чаял Бхишма, прародитель куру. Ганга, дочь Химавана, прознав об этой мысли его, послала туда великих провидцев в образе гусей. Тогда гуси с [озера] Манас полетели стаей вместе, поспешая, взглянуть на Бхишму, прародителя куру, туда, где дед, лучший из людей, возлежал на ложе из стрел. Достигнув же Бхишмы, те мудрецы в образе гусей узрели Бхишму, прародителя куру, возлежавшим на ложе из стрел. Великого духом увидев, они обошли сына Ганги, лучшего из бхаратов, слева направо, меж тем как солнце [вступило] на южный путь, и, обращаясь друг к другу, произнесли там благочестивые: «Духом велик Бхишма, а уходит, когда [солнце] на южном пути!» Сказав так, отправились гуси в южную сторону, о Бхарата, и, видя то, поразмыслив, молвил им [вслед] великомудрый сын Шантану: «Пока солнце повернуло к югу, я не уйду ни за что, так я решил. В ту былую обитель мою я уйду, когда к северу повернет солнце, о гуси, истинно говорю вам! Ожидая к северу поворота [солнца], буду я удерживать жизнь мою, ибо дарована мне власть [самому] определить, когда отказаться от жизни. Потому я буду удерживать жизнь, во время пути [солнца] на север я хочу умереть. Дар, который получил я от отца, великого духом, — смерть по желанию [своему], — да осуществится дар его! Я буду удерживать жизнь [мою] отныне до определенного [мною же] срока!» Сказав так тем гусям, он [остался] тогда покоиться на ложе из стрел. Когда так пал великий мощью Бхишма, глава куру, Пандавы и сринджаи львиный рык издали. Когда сражен был великий своей сутью человек, среди бхаратов несравненный, ничего не предприняли сыновья твои, о бык среди бхаратов, и беспамятство и смятение овладели тогда куру. Цари во главе с Дурьодханой зарыдали тогда, вздыхая, и в горести на долгое время чувств они лишились. Они оставались [на поле], о великий царь, но не помышляли о битве; в оцепенении пребывая, они не устремлялись на пандавов. Когда сражен был великомощный Бхишма, сын Шантану, [почитавшийся] неуязвимым, великое истребление неминуемое предстало, о царь, перед куру. И мы, храбрых восначальников лишившиеся, острыми стрелами посеченные, не знали, что нам делать, Савьясачином побежденные. Пандавы же, обретя победу и высшее прибежище в грядущем, все затрубили в [свои] великие раковины, герои, чьи руки — как засовы крепостные, и возликовали Сомаки с панчалами, о владыка людей. И когда зазвучали тысячи литавр, великомощный Бхимасена стал бряцать оружием и плясать. Когда пал сын Ганги, герои обоих воинств, [сойдясь] кругом, положили оружие и в раздумье погрузились. И некоторые разразились воплями, другие обратились в бегство, иные же лишились чувств, а некоторые порицали [все] кшатрийство и одного Бхишму восхваляли. И провидцы и предки славили великообетного, особенно же первые из бхаратов его прославляли. А мужественный сын Шантану, великому ученику²⁵⁶ Упанишад приверженный, шепча молитву, пребывал, мудрый, в ожидании срока своего.

Глава 115

Дхритараштра сказал:

Каково же было тогда [моим] воинам, о Санджая, лишившимся Бхишмы, могучего, богоравного, ради отца принявшего обет безбрачия? Уже тогда я понял, что погибли [потомки] Куру и другие [союзные] цари, когда из сострадания пощадил Бхишма сына Друпady. О каком горе более тяжком могу я помыслить, слабоумный, после этого, — услышав о гибели отца моего? Из камня, наверное, сердце у меня, о Санджая, если не разорвалось оно на сто частей при вести о гибели Бхишмы! Опять и опять отказываюсь я примириться [с мыслью], что убит в бою Деваварта, которого некогда и сын Джамбадгни не убил [своим] чудесным оружием! Что Бхишма, муж-лев, победы чающий, стал делать, когда сражен был ныне в битве, о том Расскажи мне, о Санджая.

Санджая сказал:

В вечерний час пал наземь старый праотец куру, опечалив сынов Дхритараштры и радость даровав панчалам. Он возлег тогда на ложе из стрел, земли не коснувшись. С колесницы упав, распростерся Бхишма на поле. «Увы, увы!» — раздались возгласы наперебой среди [всех] созданий, когда пало [то] пограничное древо куру по окончании боя. Страх объял кшатриев обоих воинств, о царь, при виде Бхишмы, сына Шантану, в разбитых доспехах и с поверженным знаменем; подавлены были и куру и пандавы, о владыка народов. Свет солнца померк, и небо окуталось тьмою, и застонала земля, когда сражен был Бхишма, сын Шантану. «Вот лучший из ведающих Святое Слово²⁵⁷, вот утешение для ведающих Святое Слово» — так толковали создания о павшем бхарате-быке. «Вот тот, кто некогда, проведая о любовных страданиях [своего] отца — Шантану, к целомудрию, муж-бык, себя принудил!» — так [говорили] о не знающем равных среди бхаратов, на ложе из стрел возлежащем, провидцы, сошедшиеся вокруг вместе с совершенными и странниками небес.

Когда сражен был Бхишма, сын Шантану, прародитель бхаратов, ничего не стали предпринимать твои сыновья, о Бхарата. Лица их были бледны и безрадостны, о Бхарата, и они стояли, понурившись, смущенные, ибо подавлены были стыдом. А Пандавы, одержав победу, стояли перед рядами войск. И они все затрубили в [свои] великие раковины, украшенные золотыми сетами. И когда громко загревели литавры и зазвучали [трубы], о безупречный, мы узрели на поле битвы, о царь, великомощного Бхимасену, сына Кунти, который в радости великой тешился игрою, сразив в бою врагов, великой мощью наделенных. А куру ввали тогда в беспамятство и в смятение. Карна и Дурьодхана все время вздыхали, и, когда пал Бхишма, властитель Кауравов, бесконечны были всеобщие возгласы горести.

Увидев Бхишму павшим, сын твой Духшасана с невозможной быстротой помчался к рати Дроны. Герой был снаряжен и послан братом вместе со своим полком, и, к войску своему воззвав, отправился [туда] мужтигр. Видя, что пришел он, куру окружили Духшасану, о великий царь, [ожидая], что он скажет. Тогда поведал Дроне о гибели Бхишмы Каурава. Ту горестную [весь] услышав, Дрона упал внезапно с колесницы. Придя в себя, сын Бхарадваджи остановил тогда, блистательный, свои полки, о достойный. Видя, что куру отходят, Пандавы тоже, отправив к своим воинам вестников на быстрых конях, установили перемирие. И когда войска повсюду отошли, все властители мужей, сняв доспехи, направились к Бхишме. От битвы отравившись, сотни и тысячи воинов приблизились тогда к великому духом, как

бессмертные к Владыке созданий. И, дойдя до лежащего Бхишмы, быка среди бхаратов, приветствовали [его] и стали кругом пандавы вместе с куру. Пандавам и куру, перед ним, преклоняясь, ставшим, молвил тогда праведный душою Бхишма, сын Шантану: «Добро пожаловать, о великие судьбою, добро пожаловать, о великие воители! Я рад видеть вас, бессмертным подобных». Так приветствовал их, он молвил с поникшей головою: «Совсем поникла моя голова, дайте мне опору в изголовье». Тогда цари принесли ему превосходные подушки, легкие и мягкие, но не пожелал их дед, и, как бы усмеаясь, молвил муж-тигр тем царям: «Не годятся такие для ложа героя, о властители земли». И, увидев тогда лучшего из людей Завоевателя богатств, сына Панду, он молвил долгорукому, всему миру [известному] великому воителю: «О Завоеватель богатств, о мощнорукий, поникла голова моя, дай мне опору в изголовье, какую считаешь здесь достойной». Тот, положив свой великий лук и приветствовал деда, с глазами, полными слез, такое слово молвил: «Приказывай, о лучший из куру, из всех, носящих оружие, избранный. Я — слуга твой, о neodолимый. Что должно исполнить, о дед?» Ему отвечал сын Шантану: «Голова у меня, сын мой, поникла, принеси мне подушку, о Пхальгуна, лучший из куру, только — подходящую для ложа моего. Скорее дай мне ее, о герой! Ведь ты, о Партха, мощнорукий, лучший из всех владеющих луком, ведаешь обычай кшатрийства, достоинствами мудрости и праведности наделенный». — «Да будет так», — отвечствовал Пхальгуна; решительный и скорый, он взял Гандиву и гладкие стрелы, произнес над ними заклинания и, разрешения испросив у великого духом, не знающего равных среди бхаратов, тремя острыми быстролетными стрелами опору дал [его] голове. И потому, что понял его желание Савьясачин, возрадовался праведный душою Бхишма, лучший из бхаратов, ведающий истинно суть [Святого] Закона. Получив [желанное] изголовье, с благодарностью обратились он к Завоевателю богатств, сыну Кунти, лучшему из бойцов, умножающему радости друзей: «Достойное для ложа [моего изголовье] предоставил ты [мне], о сын Панду. Поступи ты иначе, проклял бы я тебя во гневе! Именно так, о мощнорукий, на поле брани на ложе из стрел должно уснуть кшатрию, познавшему исконные предписания [для себя]». И, сказав так Бибхатсу, молвил он слово тем всем царям и царским сыновьям, позади сына Панду стоявшим: «Вот ложе мое, на этом ложе, доколе не повернет солнце, будут зреть меня цари, которые того дожидаться будут. Когда к стране Вайшраваны пойдет дневное светило 8, лучезарное, палящее миры, на [своей] высшего пыла исполненной колеснице, тогда прошусь я с жизнью, [как] с самым дорогим другом. Пусть выроят ров здесь, у места упокоения моего, о цари. Так почести Вивасвану воздам я, сотню стрел вобравший. Вражду отринув, прекратите войну, о властители земли!» Тут приблизились к нему врачеватели, искусственные в извлечении стрел [из ран], снабженные всеми [необходимыми] средствами, опытные, хорошо обученные. Увидев их, такое слово промолвил тогда сын Джанханы: «Пусть заплатят положенное целителям и отпустят их с почетом. Ибо после того, что произошло, нет мне теперь здесь нужды в целителях. Ведь высшего достиг я удела, исполнением кшатрийского долга predetermined. Не приличествует, о цари, это [лечение] мне, на ложе из стрел взошедшему, да сожгут меня в конце [жизни] эти стрелы, о мужей повелители!» Выслушав ту речь его, твой сын Дурьодхана отослал врачевателей, оказав им должный почет. А властители разных стран преисполнились тогда удивления, видя высшую стойкость в Законе, [явленную] Бхишмой, пыл коего непомерен был. Когда отгу твоему дано было изголовье, о владыка людей, пандавы и куру, великие воители, пришли все вместе к великому духом, возлежавшему на блистательном ложе. Они приветствовали Бхишму и затем обошли его почтительно слева направо; установив вокруг Бхишмы охрану, на исходе дня все герои, в думы погружившиеся, крайне удрученные, вернулись на отдых, кровью покрытые, в свои шатры. И к Пандавам, великим воителям, расположившимся на отдых, к ним, падению Бхишмы радующимся великим воителям отважным, явился в должное время потомок Яду и сказал Юдхистхире, сыну Дхармы: «Судьбою дарована тебе победа, о Кауравья, судьбою повергнут Бхишма, этот для смертных неуязвимый великий воитель, верный правде. Или, может быть, это по воле богов он, во владении любым оружием искусственный, тебя, о Партха, убивающего взглядом, встретив, был грозным оком твоим испепелен». На эти слова отвечал Джанардане Царь справедливости: «Твоею милостью [дается] победа, и гневом твоим [предопределено] поражение! Ибо ты — наше спасение, о Кришна, избавляющий от опасностей преданных тебе! Неудивительно, что победа к тем [приходит], кого ты постоянно охраняешь в бою, о чьем благе постоянно печешься. Когда во всем ты с нами — неудивительно это, я полагаю». На это отвечал, улыбаясь, Джанардана: «Такие речи от тебя только и можно ожидать, о лучший из властителей земли!»

Глава 116

Санджая сказал:

А на заре, о великий царь, все властители земли, Пандавы и сыны Дхритараштры, пришли к деду. Кшатрии приветствовали его, быка среди кшатриев, героя, на ложе героев возлежавшего, лучшего из куру, и стали близ него. Девы [почтили его] всячески сандаловым порошком, жареным зерном и венками, женщины, дети и старики и [прочие] зрители из престонородья потянулись к сыну Шантану, словно духи к Истребителью тьмы²¹. Музыканты, танцовщицы, гетеры, также мимы с плясунами заплесали и запели перед старым прародителем куру. Прекратив сражение, сбросив доспехи и положив оружие, куру и пандавы вместе собрались вокруг neodолимого Деваваты, укротителя врагов, признав изыаяя друг к другу возрасту согласно, как в былое время. И это собрание бхаратов, в котором сошлись сотни царей, [присутствием] Бхишмы озаренное, блистало ярко, словно солнечный диск в небе. И сияли в нем цари, поклоняющиеся прародителю, как боги, Прародителю²⁶⁰, владыке богов, поклоняющиеся. А Бхишма, стойко терпящий боль, [но] душою, от стрел мучаясь, не совсем воспрявший, о бык среди бхаратов, молвил: «Тело мое от стрел страдает, до потери сознания стрелы жгут меня, пить я жажду», — обратился он к тем царям. Те кшатрии тогда, о царь, принесли туда отовсюду разнообразные яства и кувшины холодной воды. Увидев принесенное, Бхишма, сын Шантану, молвил: «Не могу я, родные, нынче вкушать какие-либо яства людские. Ибо ушел я от людей на ложе из стрел. Мне осталось [только] дожидаться возвращения луны и солнца!» Сказав так с грустью всем царям, сын Шантану подозвал Завоевателя богатств мощнорукого, о Бхарата. Приблизившись и приветствовал деда, стал [перед ним] мощнорукий, ладони сложив и склонившись в поклоне. «Что мне сделать?» — спросил он. Видя представшего перед ним с приветствием сына Панду, о царь, Бхишма, праведный душою, обратился ласково к Завоевателю богатств: «Горит мое тело, я [весь] пронизан великими стрелами, болят опасные раны, уста мои пересохли. Дай мне воды, чтобы освежить мое тело, о Арджуна, ибо [только] ты, о великий лучник, можешь добыть мне воды как должно». — «Да будет так», — сказал Арджуна и взоше[^] на колесницу, мужественный; с силою натянув тетиву, он изготовил к стрельбе свой лук Гандиву. Гром, раздавшийся от удара его ладони о тетиву, грому [Индры] подобный, услышав, содрогнулись все существа и все цари [тоже]. Затем на колеснице он, лучший из колесничных воинов, обехал слева направо ложе лучшего из бхаратов, среди всех носящих оружие избранного, и, великославный, наложив [на тетиву] блистающую стрелу, над которою прочел заклинания, [силою] оружия Парджаньи ее наделив, на глазах у всего мира Партха пронзил ею землю в южной стороне от Бхишмы. И тогда светлая и благая забила струя воды, прохладной, амрите подобной, небесного запаха и вкуса. Той струи прохладной водою Партха, чудесные подвиги свершающий, убогаторвил Бхишму, быка среди куру. И от того деяния Партхи, словно продолжающего [подвиги] Шакры, преисполнились тогда великого изумления те властители земли. Узрев то деяние Бибхатсу, сверхчеловеческое, небывалое, задрожали куру, словно страдающие от холода коровы. И в изумлении стали размахивать плащами цари повсюду, и бурно со всех сторон зазвучали раковины и забили барабаны. Утолив жажду, сын Шантану молвил Бибхатсу, как бы славя его в присутствии всех героев, о царь, земли властителей: «Не диво это для тебя, о мощнорукий. Исконным провидцем назвал Нарада тебя, неизмеримого сиянием. Соратник Васудевы, великий подвиг ты совершив, на какой наверняка не откажись и сам Индра с возглавляемыми им богами вместе. Знают ведающие то: в тебе, о Партха, — всего кшатрийства погибель! Среди носящих лук ты на земле — единственный, из мужей — величайший, как люди в мире — лучшие [из существ], как Гаруда — избранный меж птиц, океан — из водоемов лучший, корова — превосходнейшая из четвероногих, солнце — лучший из светил, Химава[^] — избранный среди гор, из каст лучшая — брахманская, так ты — лучший из лучников. Увы, не стал слушать сын Дхритараштры увещания, которые снова и снова повторяли ему Вибура и Дрона, Рама²⁶¹, Джанардана, а также Санджая. Лишившийся рассудка, словно бесчувственный, не внял Дурьодхана и моей речи. Преступивший предписания, он, мощи Бхимы уступающий, уже давно обречен на поражение». Тогда опечалился, слыша те слова, Дурьодхана, вождь кауравов. Устремив на него взор, молвил сын Шантану: «Слушай, о царь! Укrotи свой гнев! Ты видел, о Дурьодхана, как мудрый Партха породил источник воды, холодной, амрите подобно благоухающей. Нет в мире никого, кто свершил бы такое! Небесное оружие Агни, Варуны, Сомы, Ваю, также Вишну, Индры, Владыки тварей, Брахмы, Превышшего, Владыки созданий²⁶², Дхатара, Тваштара и Савитара во всем мире людей полностью ведают ведь один Завоеватель богатств! Еще Кришна, сын Деваки, но больше никто не ведает. Никак нельзя, сын мой, победить Пандавов в битве. С тем великим героем, кто свершил эти сверхчеловеческие деяния, с ним, отважным в бою, блистающим на поле брани, совершенным в сражении, о царь, следует, сын мой, тебе заключить мир. Пока волен в своих деяниях мощнорукий Кришна в окружении куру, с храбрым Партхой [немедля] следует, сын мой, тебе заключить мир. Пока стрелами, крепко сложенными, не уничтожил еще Арджуна боя братья твои, те, что еще не убиты, и многие другие [союзные] властители, о царь, да будет заключен мир. Не испепелил пока твою рать Юдхистхир, чей взор пылает гневом, поистине следует, сын мой, тебе заключить мир. Пока Накула, и Сахадева, и Бхимасена, сын Панду, не уничтожили совсем твою рать, о великий царь, да будет, сын мой, любезна для тебя дружба с Пандавами. Пусть кончится со мною эта битва, сын мой, и примиришься ты с Пандавами, да будет любезна тебе эта речь моя, которую обратил я к тебе, о безупречный. Благом я почитаю это для тебя и для рода твоего. Отринув гнев, с сынами Притхи примиришься! Достаточно того, что сделал Пхальгуна. После кончины Бхишмы да будет дружба между вами, или недужен [будешь], смилуйся по добром, о царь. Отдай половину царства Пандавам, пусть Царь справедливости

правит в Индрапрастхе. Да не обретешь ты среди царей недобрую славу как подлый предатель, о вождь Кауравов! С моей кончиной да воцарится мир среди людей, да сойдутся властители земли во [взаимной] приязни, отец да придет к сыну, о царь, к дяде — племянник, брат — к брату. Если же, во власти заблуждения пребывая, из-за безрассудства [своего] не согласишься с этой речью моей, во благовремении [произнесенной], с кончиною Бхишмы и всем [придет] конец — это слово истины я говорю [тебе]!>> Наставление это дружбы ради потомку Бхараты преподав среди царей, сын реки умолк, страдая от стрел, уязвляющих больные места, [но] сдерживаясь и боль подавляя.

Глава 117

Санджая сказал:

Затем, когда умолк Бхишма, радость Шантану, все те властители земли, о великий царь, опять вернулись в свои обители. А сын Радхи, мужык, услышав, что сражен Бхишма, поспешно пришел [к нему], немного испуганный. О н увидел тогда великого духом на ложе из стрел, подобного Карттикее, божественному владыке, когда пребывал он на ложе [своего] рождения²⁶³. К тому герою, очи сомкнувшему, приблизившись, упал ему тогда в ноги муж, величием осиянный, и голос его прерывался слезами, [когда] он сказал ему: «О лучший из куру, я — сын Радхи, тот, кто, безвинный, столь ненавистен был тебе всегда, когда предстал пред [твоими] очами!»>> Слыша то, старец-куру с трудом глаза раскрыл и, разглядев его не сразу, ласково слово молвил ему. Увидев, что опустело поле, отослав стражей, и, как отец сына, обнял сын Ганга его одной рукой и сказал: «Приди, приди, о ты, что [всегда] спорил и соперничал со мною! Если бы ты не пришел сейчас, блага не было бы тебе, поверь мне. Ты — сын Кунти, не сын Радхи, я знаю об этом от Нарады, а также от Кришны Двайпаяны и от Кешавы²⁶⁴, в этом нет сомнения. Нет у меня ненависти к тебе, правду, сын мой, тебе говорю. А жестокие слова я молвил тебе, чтобы пыл в тебе убит. Ибо нет причины у тебя, по мнению моему, ненавидеть Пандавов, с коими столько раз ты поступал жестоко, о ты, радость Сурьи! Я знаю твоё мужество в бою, для врагов губительное, и благочестие, и доблесть, и высочайшее благородство в даянии²⁶⁵». Нет подобного тебе среди мужей, о богоравный! Это разрушителем рода тебя считая, говорил я всегда недоброе о тебе. В стрельбе, во владении луком, в проворстве, в силе удара стрелами ты равен Пхальгуне и Кришне, великому духом. О Карна, [некогда] ты, [только] луком вооруженный, в Раджапуру прийдя, один сокрушил [там] царей, за царя куру сражаясь²⁶⁶. Так и могучий царь Джарасандха, трудноодолимый, боевой славой похваляющийся, неравен тебе оказался в бою²⁶⁷. Ты благочестив, правдив, пылом солнцу равен, ты — божий отпрыск, в битве непобедимый, превосходящий [всех] людей на земле. Сегодня ушла ненависть, которую когда-то питал я к тебе. Не в силах человека предотвратить назначенное судьбою. Храбрые Пандавы — единокровные братья твои, о истребитель врагов! Объединись с ними, о мощнорукий, если хочешь сделать угодное мне! Да кончится со мною [эта] вражда, о радость Адитьи, и да будут отныне беспечальны все цари на земле!»>>

Карна сказал:

Все это я знаю, о великомудрый, в том нет [у меня] сомнения! Как ты сказал, о неодолимый, я — сын Кунти, не сын возницы. Но бросила меня Кунти, и воспитан я был возницей. Властью воспользовавшись, от Дурьодханы [полученной], не смею я [теперь] поступить вероломно. Имущество [мое], и плоть, и ту высокую славу — все отдал я делу Дурьодханы, о щедрый к жрецам. Своей приверженностью Суйодхане постоянно гневаю я Пандавов. Что неизбежно должно произойти, того предотвратить невозможно! Человеку то не по силам — ктс предотвратит назначенное судьбою? Знамения, гибель земли предвещающие, узнал ты, о дед, и повелел о них в собрании. Знаю я доподлинно, что непобедимы Пандавы и Васудева для других мужей, но мы попробуем с ними! Позволь мне [сражаться], отец мой, о ты, всегда радостный душою в битве. С твоего разрешения, о герой, я буду сражаться, такова моя воля. Если грубо говорил или спорил, от вспыльчивости или по неразумию, и за все, в чем провинился я, да соизволишь ты простить меня!

Бхишма сказал:

Если не можешь ты отринуть ужаснейшую эту вражду, я разрешаю тебе, о Карна, сражайся, неба взыска! Без гнева и неистовства свершай царское дело, насколько хватает сил и отваги, следуя поведению добродетельных. Я даю тебе мое разрешение; да обретешь ты то, чего желаешь! Миры, что за исполнение кшатрийского долга полагаются, ты обретешь, в том нет сомнения! Сражайся самоотверженно, на силу и мужество [свое] полагайся, ибо нет у кшатрия высшего долга, чем битва! Долго, очень долго я пытался добиться мира, но не смог достичь цели. Где праведность — там победа!

Санджая сказал:

Сына Ганга, молвившего так, почтив и умиловив, сын Радхи взошел на колесницу и направился к своему сыну [Дурьодхане].

приложения

КНИГА О БХИШМЕ КАК СЮЖЕТНОЕ ЯДРО «МАХАБХАРАТЫ»

Великая древнеиндийская эпосея, известная под названием «Махабхарата», складывавшаяся на протяжении тысячелетия, может быть условно разделена на три основные части: центральную, включающую описание великой битвы, предшествующую ей, содержащую предысторию вражды двух ветвей царского рода, и завершающую, посвященную событиям, последовавшим за окончанием войны Кауравов и Пандавов. Шестая книга «Махабхараты», первый полный перевод которой на русский язык предлагается читателю, открывает центральную часть, коей завершением можно считать, по-видимому, книгу одиннадцатую; и есть основание полагать, что именно в этих книгах — с шестой по одиннадцатую включительно — нашла отражение древнейшая, изначальная версия героического эпоса, лежащая в основе дошедшего до нас колоссального свода нарративных и дидактических текстов, которые дополняли и преобразовывали ее на протяжении веков. Восстановить изначальную версию в первоизданном виде теперь не представляется возможным¹, но совершенно очевидно центральное место указанных шести книг, заключающих в себе кульминацию сюжета эпоса, в общей композиции памятника — в той окончательной версии, в которой он нам теперь известен. Содержанием этих книг, которые часто называют индийской «Илиадой», является описание великой битвы на Поле Куру². Эта битва между двумя ветвями царского рода (ведущими происхождение от общего предка), как полагают, и дала название эпосу — «Мг&бхарата», что следует толковать как «Великая [битва] потомков Бхараты³».

1 О проблеме выявления в дошедшем до нас тексте «Махабхараты» «двора» или «первоначального» эпоса, и — более широко — о проблеме истории текста см.: Невелева 1991. Памятники древнейшего периода в истории индийской литературы, складывавшиеся каждый на протяжении не одного столетия, со временем возрастают, как известно, в объеме, традиционной присоединялись поздние добавления перед первоначальной версией и к завершающим ее частям. Так, из семи книг, составляющих «Рамаяну», второй великий героический эпос древней Индии, первая и седьмая, как давно признано, являются позднейшими по времени сложенными.

2 Поле Куру (Курукшетра) — историческая область к северу от современного Дели, между реками Сарсуги и Читангом.

Историчность этого события остается не вполне определенной (как и битвы под Троей), однако достаточно вероятной; исследователи склонны датировать его серединой X в. до н. э. или столетием позже⁴, и в основе его предполагается борьба за гегемонию в Северной Индии между куру и панчалами, народностями, сложившимися к тому времени на территориях в верхнем течении Ганга. Народные сказания, в которых отразилась память об этой борьбе, и легли, по-видимому, позднее в основу героического эпоса. «Книга о Бхишме» («Бхишмапарва»), шестая книга «Махабхараты», открывающая центральную часть эпоса — повествование о великой битве на Поле Куру (Курукшетре), — сама может быть разделена на две большие части: вступительную, заключающую в себе три раздела («Протяжение материка Джамбу», «Земля», «Песнь Господа»), главным образом космографического и дидактического содержания, и основную, собственно повествовательную, занимающую четвертый, самый обширный раздел («Убиение Бхишмы»), объемом превосходящий первые три более чем вдвое (гл. 41—17); он и содержит описание великой битвы, первых ее десяти дней, когда войско Кауравов возглавлял герой, чье имя дало название книге. Особое место в шестой книге занимает третий раздел (гл. 23—0) — знаменитая «Песнь Господа», или «Бхагавадгита», — религиознофилософская поэма, ставшая одним из наиболее почитаемых священных текстов индуизма (если не самым почитаемым), вошедшая в «Махабхарату», которая и сама в целом приобретает с нею статус священной книги. Составленная в характерной для индийской традиции форме беседы-наставления, представляющая собою самый значительный из дидактических текстов «Махабхараты», «Бхагавадгита» знаменует один из ключевых моментов в развитии сюжета. Заполняя напряженную паузу непосредственно перед вступлением в битву обеих ратей, она становится концептуальным «ядром» памятника в целом. Исследователи, выявляющие органическое единство повествовательных и дидактических текстов, составляющих весь этот грандиозный свод, склонны рассматривать именно «Бхагавадгиту» как его центральное звено, сердцевину идейного содержания великой эпосеи. Но и вне этого контекста поэма в восемнадцати песнях почитается как самостоятельное произведение, в истории собственно индуистской литературы основополагающее, стоящее у ее истоков.

3 Б х а р а т а — мифический предок героев эпоса, царей так называемой Лунной династии, от имени которого происходит древнее название Индии — Бхаратаварша, т. е. «страна Бхараты»>>

4 На это указывают данные санскритской литературы раннего Средневековья (цикла пуран, священных текстов индуизма), которые можно считать достаточно достоверными; это же подтверждается свидетельствами археологии (см.: Gupta, Ramachandran 1976: 254).

В первых пяти книгах «Махабхараты», грандиозного свода нарративных и дидактических текстов, складывавшегося на протяжении веков преимущественно в устной традиции, рассказывается о событиях, которые привели к великой битве. После вводных глав в первой книге, где излагается генеалогия главных героев эпоса и сказания об их предках (а также мифы о происхождении богов и демонов), повествование переходит непосредственно к истории вражды, возникшей с юных лет у представителей двух ветвей рода — сыновей слепого царя Дхритараштры и его младшего брата Панду, потомков Куру, мифического родоначальника одноименного племени. В дальнейшем, однако, Кауравами, т. е. потомками Куру, зовутся в эпосе только сыновья Дхритараштры, их же двоюродные братья именуются, как правило, иначе, по отцу, — Пандавы, т. е. сыновья Панду (хотя, казалось бы, зваться потомками Куру они имеют столько же оснований).

Согласно сказанию, Гандхари, супруга Дхритараштры, рождает ему сто сыновей (из которых в дальнейшем, однако, только двое старших — Дурьодхана и Духшасана — играют заметную роль в развитии сюжета)⁵; у Панду от двух его жен, Кунти и Мадри, рождаются пятеро сыновей, у первой — Юдхиштира, Бхимасена и Арджуна, у второй — двое близнецов, Накула и Сахадева. Пандавы, рано потерявшие отца, воспитываются при дворе своего дяди в Хастинапуре, столице страны курув, и вместе с его родными сыновьями обучаются воинскому искусству у прославленного наставника — брахмана Дроны. Зависть Кауравов к более преуспевшим в этом искусстве Пандавам и нежелание уступить им право на власть и порождают, согласно дошедшей до нас версии сказания, ту вражду между родичами, которая приводит впоследствии к войне; главным зачинщиком распри выступает при этом коварный Дурьодхана, неустанно строящий козни против благородных пятерых братьев, которых он стремится погубить, пользуясь для этой цели своим влиянием на слабовольного отца. В этих интригах его поддерживает дядя по матери — Шакуни, царь Гандхары; его верным союзником становится также Карна — старший сын Кунти от бога солнца, рожденный ею еще до брака. Покинутый матерью в детстве, Карна, став со временем великим героем, обретает дружбу Дурьодханы, видящего в нем

5 В первой книге рассказывается, что все сто рождаются чудесным образом из комка мяса, извлеченного из утробы их матери; это может подразумевать рождение из яйца и указывать изначально зооморфную природу этих образов (рассказ отчасти перекликается с вошедшим в ту же книгу мифом о рождении тысячи сыновей Кадру, прародительницы змей).

6 Древний город на берегу Ганга (в районе современного Хардвара); просуществовал до конца IX в. до н. э., когда был покинут жителями вследствие наводнения (что было установлено археологическими раскопками 1950—1952 гг.).

единственного воителя, способного противостоять в бою непобедимому Арджуне, своему единоутробному брату, лучшему из учеников Дроны. Впоследствии, во время великой битвы, Карна и становится главной надеждой лагеря Кауравов, среди самых грозных воителей которого тогда выделяются также Ашваттхаман, сын Дроны, и царь мадров Шалья (брат матери младших Пандавов, вынужденный судьбою сражаться против них). С другой стороны, пока до битвы дело не дошло, при дворе Дхритараштры замыслил его старшего сына не сочувствуют такие влиятельные лица, как сам Дрона, дядя царя Бхишма (старший в роду Куру, отрекшийся, однако, от права на престол) и мудрый Видура, младший брат царя. Эти трое составляют при дворе партию мира — до его крушения. Такова расстановка сил в начале основного сказания эпоса, представленная в первой книге «Махабхараты», где рассказывается также, как, бежав от преследований Дурьодханы, Пандавы обретают могущественного союзника в лице Друпиды, царя панчалов⁷, на дочери которого они все пятеро женятся (здесь эпос сохранил, несомненно, наследие древнейшего сказания, лежащего в основе его сюжета, — невзирая на то, что повествование вступает здесь в вопиющее противоречие со сложившимися нормами брахманистской морали). Сыновья царя Друпиды — Дхриштадымна и Шикхандин — в дальнейшем играют важную роль во время великой битвы как верные союзники Пандавов. Еще более существенной оказывается роль другого союзника, которого Пандавы приобретают во время пребывания своего в стране панчалов. Это Кришна, герой из племени ядавов⁸, родич троих старших Пандавов (племянник Кунти). Этот образ занимает в «Махабхарате» особое положение. В тексте эпоса, который, как уже сказано, складывался на протяжении веков в устнопозитической традиции, мы не можем теперь проследить явственно стадии эволюции сюжета и образов героев. Однако совершенно очевидно, что образ Кришны особую роль играет в относительно поздний период, когда он выделяется среди всех других как воплощение на земле (так называемая аватара) высшего божества — Вишну, когда героический эпос, лежащий в основе дошедшего до нас памятника, на завершающем этапе сложения грандиозного свода преобразуется в священную книгу индуизма — именно так традиционно воспринимается в Индии «Махабхарата» на протяжении столетий вплоть до наших дней. Культ Кришны, из которого развивается одно из самых мощных течений внутри индуизма,

7 Страна панчалов граничила с куру с юго-востока, ниже по течению Ганга (территория центральной части современного штата Уттар Прадеш).

8 Ядавы обитали западнее куру и панчалов, в области древнего города Матхуры, который был их столицей. Позднее, согласно эпосу, переселились западнее, на территорию современного Гуджарата.

получает распространение, несомненно, много позже создания древней поэмы о битве; но именно в шестую книгу «Махабхараты», с которой начинается повествование о битве, входит знаменитая «Бхагавадгита», религиозная поэма, ставшая священной книгой кришнаизма. Построенная как поучение, обращенное перед началом битвы к герою Арджуне Кришной, его колесничим, она и раскрывает божественную природу последнего, являя его вселенский образ, возносящий его над миром смертных. Знаменательно, что именно Кришне как воплощению Вишну целиком посвящена не входящая в «Махабхарату» «Харивамша»⁹, которую тоже можно отнести к древней кришнаитской религиозной литературе. С повествованием о событиях, предшествовавших великой битве, занимающим первые пять книг «Махабхараты», русский читатель может теперь ознакомиться по опубликованным переводам (см. ниже)¹⁰. Более позднее сравнительно с центральной частью происхождение этих первых книг (если рассматривать их в целом), как и последних семи (12—18), следующих за описанием битвы, едва ли может быть подвергнуто сомнению. В течение веков — с середины I тыс. до н. э., когда сложилась начальная версия эпоса о битве на Курукшетре, и до IV или V в. н. э., когда окончательно сформировалась, как полагают, известная на сегодняшний день «Махабхарата», — содержание древнего сказания, на котором воздвигся постепенно огромный свод текстов, восходящих к различным источникам и представляющих различные жанры повествовательной и культовой литературы, не могло не подвергнуться определенному переосмыслению, отвечающему наступлению новой исторической эпохи. В результате в содержании дошедшего до наших дней памятника, как уже давно констатировали исследователи, обнаруживается достаточно явственно наличие двух уровней, определяемых двумя взаимно противоречащими кодексами морали. Один принадлежит героическому веку, к которому относится сказание о битве, запечатлевшее когда-то события далекого прошлого; другой же берет начало в религиозной морали индуизма, вероучения, отразившего произошедшие за века коренные изменения в мировоззрении, что не могло не наложить печать на содержание всего свода «Махабхараты» на завершающей стадии его сложения.

9 Хари — одно из имен Вишну, перешедшее также к Кришне. Обычно «Харивамша» рассматривается как самостоятельное произведение, с «Махабхаратой» она связывается чисто формально.

10 С содержанием основного сказания «Махабхараты» в целом русский читатель может ознакомиться по литературным изложениям Г.Ф. Ильина, а также Э.Н. Темкина и В.Г. Эрмана (см.: Древняя Индия 1995; Ильин 1958).

Не вызывает сомнений, что мораль уходящего в прошлое героического века представляют в эпосе Кауравы, носителями же нового мировоззрения, запечатленного наиболее ярко и определенно в «Бхагавадгите» и освященного именем Кришны, выступают их победоносные противники, зовущиеся Пандавами. То, что изначально эти герои сказания с потомками Куру в родстве не состояли, явствует не только из родового имени их (как отмечалось, Кауравами именуются в эпосе постоянно мужи враждебного им стана), но более всего из обычая полиандрии, на который в соответствующем эпизоде повествования (см. выше) сами Пандавы ссылаются как на принятый в их роду, что явно противоречит не только приписываемому им родству с Кауравами, но и самой принадлежности их к арийским племенам¹¹. И более чем правдоподобно высказывавшееся уже давно некоторыми исследователями предположение, что самое имя Пандавов может указывать на исконную принадлежность их иной расе (pandu — букв. «желтый»). Позднее оно было переосмыслено как отчество от имени Панду, т. е. в значении «сын Панду», — в данном случае, как можно полагать, образ отца, введенный посредством характерной для ранней санскритской литературы «ложной этимологизации»¹², оказался «многообразием» образов его сыновей. Исследователи давно отказались от тщетных попыток восстановить текстуально древнее сказание, послужившее основой для «Махабхараты», насчитывающей ныне сто тысяч строф (двустопный); как установлено, для текста, сложившегося в устно-поэтической традиции, это в принципе невозможно.

Тем не менее, по-видимому, именно оно подразумевается под версией в 8800 строф, о которой в первой же главе первой книги сообщает сказитель Уграшравас¹³. И если говорить об «авторстве» «Махабхараты» (разумеется, только условно), то не мифический мудрец Вьяса, которого называет традиция (и который в то же время фигурирует в самой «Махабхарате» как при

11 Вслед за этим традицией, которое вложено в уста Юдхиштиры в беседе с отцом невесты, следуют еще различные, явно надуманные толкования более позднего происхождения. Никак не согласующиеся между собой, они должны были, видимо, как-то оправдать это шокирующее брахманскую мораль многожество дочери царя панчалов (см. в «Адипарве» гл. 187 — 189).

12 Аналогичным образом, принятое толкование одного из самых распространенных параллельных имен Кришны — Васудева (Vasudeva) — как отчества (в значении «сын Васудевы») повлекло за собой создание образа его отца по имени Васудева (Vasudeva), между тем

как в действительности Vasudeva — это имя древнего божества, культ которого, изначально самостоятельный, был впоследствии ассимилирован кришнаизмом.

13 Упоминание об этой первоначальной версии (в которой, как указывается в тексте, «мог знать сказание Санджая») по неясной причине исключено из критического издания (см.: Mahabharata 1863: 1.1.81).

ходящий родственником ее главным героям)14, а именно Уграшравас, «сын колесничего»15, скорее, может почитаться «автором» древнего сказания, индийским Гомером. После пространного вступления, содержащего, помимо краткого изложения сюжета сказания о потомках Бхараты, череду легенд и мифов, предваряющих основное повествование, роль рассказчика переходит к брахману Вайшампаяне, ученику самого Вьясы, который и ведет далее это повествование, перемежаемое многократно всяческими вставными историями и поучениями (они вводятся от лица других, второстепенных сказителей, время от времени появляющихся в рассказе Вайшампаяны, — на этом приеме инкорпорации и строится весь гигантский свод). То есть предполагается, что Уграшравас с этого момента (гл. 55 «Адипарвы») продолжает повествовать со слов Вайшампаяны (оба с самого начала ссылаются, правда, на того же Вьясу как на первоисточник своего повествования). Так продолжается до конца пятой книги; в начале же шестой (гл. 5) — она же первая из книг центральной части, — посвященной описанию великой битвы, повествование переходит к Санджае, колесничему царя Дхритираштры. Поэма о битве входит, таким образом, в повествование Вайшампаяны (а через него и Уграшраваса) как рассказ Санджайа, который охватывает книги с шестой по десятую включительно; в одиннадцатой, посвященной событиям, происшедшим непосредственно после битвы, главным рассказчиком опять становится Вайшампаяна. Этот героический эпос о битве, занимающий центральную часть «Махабхараты», действительно, во многом сходен с греческой «Илиадой». Слагающийся в основном из описаний единоборств и подвигов на поле брани наиболее выдающихся героев обоих враждующих станом, текст отличается сравнительной цельностью повествования, почти не прерываемого инкорпорированными сюжетами, не имеющими прямого отношения к основному сюжету. Лишь непосредственно перед началом описания битвы в шестой книге в повествование Санджайа вставляется знаменитая «Бхагавадгита» («Песнь Господа»), поэма, составляющая своего рода сердцевину всей «Махабхараты» как священной книги. Поучение, содержащееся в поэме, излагает Кришна — колесничий, мудрец и божество в одном лице.*

14 Имя Вьяса (Vyasa) означает букв. «составитель». Согласно повествованию в «Адипарве» (гл. 100), Вьяса ради продолжения рода Куру по обычаю левирата порождает для бездетного царя Вичитравирья, своего родного брата, сыновей Дхритираштру и Панду. В отношении последнего можно предположить, пожалуй, что он и впрямь «порожден» «составителем» (см. выше).

15 Царские колесничие в Индии героического века традиционно полагались исполняющими одновременно роль сказителей, прославляющих воинские подвиги своих патронов (подобно скандинавским скальдам).

Знаменательно, что в центральной части памятника повествование доверяется Санджае, барду стана Кауравов. Не случайно, очевидно, и то, что книги «Махабхараты», последовательно описывающие перипетии восемнадцатидневной битвы на Поле Куру, носят имена военачальников армии Кауравов. Шестая книга носит имя Бхишмы, возглавлявшего войска Кауравов и их союзников в течение первых десяти дней и приведшего бы их к победе, если бы не коварная уловка врагов, не способных одолеть его в честном бою. Следующая, седьмая, книга названа именем Дроны, сменившего Бхишму во главе войска через пять дней и подобно ему сраженному врагами не в честном бою. Та же участь постигает Карну, именем которого названа книга восьмая. Девятая носит имя Шалы, возглавлявшего Кауравов в последний день битвы. Все это легло в основу давно высказывавшегося исследователями предположения, что именно Кауравов воспевал древний героический эпос о битве, в которой отважные воители пали жертвой вражеского коварства (сходно с германской «Песней о Нибелунгах»); в основе этого сюжета могло лежать предание о войне куру с панчалами, в которой последние одержали победу, призвав на помощь чужеземцев с Севера или вступив в союз с ними, когда они в страну куру вторглись сами. В Пандавах, причисленных потом к роду Куру (сомнительность их исконной принадлежности к нему мы отмечаем), не без оснований можно усматривать черты какого-нибудь воинственного монголоидного племени, пришедшего с Гималаев. Даже по дошедшей до нас переосмысленной версии сказания права их на царство куру достаточно зыбки и, овладев им в обход сыновей старшего брата, они выступают по существу в роли узурпаторов16. В дошедшем до нас тексте эпоса сохранились определенные следы древнейшей его первоосновы, игнорировать которые невозможно, и едва ли оправданы попытки удалить их, предпринятые при подготовке критического издания (см., напр., выше примеч. 13); тем более что совершенно устранить отмеченные несоответствия17, очевидно, не удастся без грубого вмешательства в текст. В этом неустрашимом противоречии и заключается своеобразие эпоса «Махабхараты», и содержание этого уникального в истории мировой культуры памятника нам надлежит теперь, безусловно, оценивать во всей его несомненной противоречивости и сложности18. Еще в 1951 г. индийский исследователь Буддхапракаша высказал предположение, что в образах Пандавов «Махабхараты» отразились предания о племенах скифов (шаков), которые, по его мнению, появились в Северной Индии уже в IX в. до н. э. (см.: Callewaert, Hemraj 1982: 63).

Эти несоответствия, несомненно, более значительны, чем те отдельные сюжетные противоречия, которые вообще характерны для повествования, сложившегося и переходившего из поколения в поколение в устной традиции.

Так называемая «теория инверсии», предполагающая эту «перемену ролей» в процессе непосредственно предшествующая центральной части, содержащей описание битвы, пятая книга «Махабхараты» носит название «Удьюгапарва», что переводят как «Книга о старании».

Подразумевается старание сохранить мир, хотя развитие действия говорит более о притоговляемых к войне и привлечении союзников с обеих сторон, когда неизбежность этой войны уже становится очевидной. Стороны еще обмениваются посольствами, но посольство Кришны, последнее перед открытием военных действий, явно имеет целью не столько сохранить мир, сколько внести раскол в лагерь противника. Так, Кришна ведет тайные переговоры с великим героем Карной, пытаясь переманить его на сторону Пандавов, которым Карна — и он знает это только теперь — приходится родным братом. Ему, как старшему, Кришна и обещает царство. Карна, однако, отказывается изменить друзьям. В последних главах книги описывается движение войск с обеих сторон к Курукшетре; армию Кауравов возглавляет Бхишма, именем которого названа следующая книга, а во главе рати Пандавов стоит Дхриштадьюмна, царевич панчалов. В последовавшей битве, согласно «Махабхарате», приняли участие на стороне того или другого стана почти все известные ко времени сложения эпоса народности и племена Индии (включая и мифических демонов-ракшасов, под коими могли подразумеваться, вероятно, лесные племена аборигенов, на протяжении веков остававшиеся на периферии арийской цивилизации) — понятно, что подобных масштабов никак не могла достигать реальная битва на Курукшетре, если таковая и имела бы место на заре исторической эпохи. В конце пятой книги в развитие действия вплетается эпизод, играющий немаловажную роль и вызывающий у европейского читателя не лишние интереса ассоциации. Перед самым началом выступления войска на битву Бхишма, полководец Кауравов, называет царскому сыну Дурьодхане самых могучих воителей их стана, перечисляя коих на последнее место ставит — неожиданно и явно несправедливо — Карну; оскорбленный герой отказывается тогда принимать участие в битве до тех пор, пока жив Бхишма (см. в формировании эпоса «Махабхараты», в то время, когда она была выдвинута и потом обоснована на исходе XIX в., вызвала решительные возражения многих видных индологов и была подвергнута уничтожающей критике. Действительно, аргументы ее сторонников были вскоре достаточно убедительно опровергнуты; наивное объяснение известного противоречия в моральной оценке действий главных героев сознательной переделкой сюжета и характеров, якобы предпринятой певцами в правление династии, ведущей свое происхождение от Пандавов, едва ли может быть признано удовлетворительным. Тем не менее нельзя отрицать, что преобразование героического эпоса в священную книгу индуизма не могло не повлечь за собой определенной трансформации изначальной версии сказания, хотя, несомненно, в основе этих преобразований лежат более глубокие причины (о теории инверсии подробнее см.: Невелева 1991: 12—4). «Удьюгапарве» гл. 61 и 165). Это разительно напоминает начало другого древнего эпоса о битве, где она также предвзвещается ссорой между вождем и самым могучим из героев воинства, главной его надеждой, что имеет следствием длительное бездействие последнего в уже начавшемся сражении19, — хотя мотивы ссоры между Агамемноном и Ахиллесом в «Илиаде» совершенно другие. Сходные черты в образах Карны и Ахиллеса уже отмечались в исследовательской литературе (к ним относится, в частности, дар неуязвимости, не уберігающий тем не менее героя от гибели — хотя опять-таки по разным причинам). Едва ли здесь можно предполагать заимствование, но эти параллели трудно объяснить и случайным совпадением; и есть основания полагать, что «Махабхарата» сохранила в своем содержании отголоски самых ранних сюжетных мотивов и образов эпического творчества индоевропейских народов, чем обусловлена особая ценность культурно-исторического материала, заключенного в этом уникальном памятнике древней литературы.

19 На это указывает В.И. Кальянов в примечаниях к своему переводу «Удьюгапарвы».

МНОГОЗНАЧНОЕ ОТКРОВЕНИЕ «БХАГАВАДГИТЫ»1

«Бхагавадгита» («Песнь Господа»), или просто «Гита» («Песнь»), — один из наиболее известных текстов индийской культуры, характерный «продукт» и представитель того многообразного мира верований, культов, общественных установлений и традиций, который европейцы окрестили макароническим (персидско-греческим) именем «индуизм».

«БХАГАВАДГИТА» В КОНТЕКСТЕ ИНДУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Американский индолог Франклин Эджертон, один из лучших в XX в. западных знатоков «Гиты», некогда назвал ее «любимой Библией Индии» («India's favorite Bible»). Эта по-американски броская (будто рекламная) формула во многом справедлива: «Гита» и в самом деле может быть отнесена к тому разряду текстов (наряду с Торой, Библией, Кораном...), которые воспринимались и воспринимаются многими как священные, содержащие некие вечные, главные истины, поведенные человеку свыше. Вместе с тем «формула Эджертон», если ее понимать слишком буквально, может ввести неискушенного читателя в заблуждение. Прежде всего, разумеется, речь должна идти не об Индии (или, как сказали бы теперь, Южной Азии) в целом, не об индийской культуре вообще, а именно и конкретно об индуизме². Но «Гиту» неверно было бы назвать и «Библией индуизма»³.

1 Эта статья С.Д. Серебряного впервые была опубликована в сборнике: *Древо индуизма 1999: 152—94*). В настоящем издании печатается с некоторыми сокращениями и исправлениями.

2 Для индийских (южноазиатских) мусульман, христиан, сикхов, буддистов и других религиозных групп «Гита», конечно, вовсе не является священным текстом.

3 Сам Ф. Эджертон два раза несколько уточняет свою «формулу»: «Для большинства благочестивых вишнуитов и вообще для большинства индуов "Бхагавадгита" — то же, что Новый Завет для благочестивых христиан» (Bhagavad Gita 1972a: 105); «"Бхагавадгита" — Библия кришнаизма...» (Там же: 189).

Здесь стоит заметить, что в сопотому что в индуизме нет и не было единого священного писания, вполне сопоставимого со священными писаниями авраамитских религий (Торой, Библией и Кораном). Во-первых, индуизм — это нечто гораздо более разнообразное и разнородное, чем иудаизм, христианство или ислам. Во-вторых, в индийской культуре, вплоть до сравнительно недавнего времени, письменные тексты — слова, записанные и по писанному прочитанные, — ценились гораздо меньше, чем *устное слово*, произнесенное и услышанное, переданное от человека к человеку, от учителя к ученику, от поколения к поколению. Ближайшим аналогом нашего понятия «священное писание» в индуизме можно считать понятие *шрути* (на санскр. букв. «услышанное»). Словом *шрути* собирательно обозначались ведийские тексты: от гимнов Ригведы до упанишад — то, что мы теперь называем ведийской литературой. *Шрути* было «услышано» древними мудрецами (*риши*) и затем многие века передавалось изустно, от учителей к ученикам, в различных «школах» (т. е. учительских традициях). Со временем тексты *шрути* были, впрочем, записаны, но к рукописным ипостасям этих священных текстов в Индии никогда не было такого благоговейного отношения, как, скажем, к Торе среди иудеев или к Корану среди мусульман⁴. Парным к понятию *шрути* было понятие *смути* (букв. «память», «упомненное», «запомненное»). Этим словом обозначались различные чтимые и авторитетные тексты (нормативные трактаты, собрания легенд и преданий и т. д.), которые, однако, были не получены «свыше», а созданы людьми. Среди текстов *смути* особое место принадлежит «Махабхарате», «[Повествованию о] великой [битве] потомков Бхараты». «Махабхарата» — это огромная «поэма» на санскрите, длиной примерно в 100 тыс. стихотворных строк. Основной сюжет — конфликт двух родственных царских семейств, Кауравов и Пандавов, приводящий их к братоубийственной битве на поле Куру (Курукшетра — к северу от современного Дели). Но содержание «поэмы» отнюдь не исчерпывается ее центральным сюжетом. «Махабхарата» — это огромный свод различных повествований, преданий, трактатов, притч, наставлений и т. д., так или иначе присоединенных к главному сюжету. «Махабхарату» иногда называли «пятой Ведой». Собственно веды (числом четыре: «Ригведа», «Самaveda», «Яджурведа» и «Атхарваведа») были предназначены только для высших каст. «Махабхарата» же была как бы временном русском словоупотреблении «кришнаитами» называют в основном приверженцев «Международного общества сознания Кришны» (ISKCON), потому что о других кришнаитах в России знают только специалисты. Между тем ISKCON — лишь одно из течений кришнаизма (к тому же довольно американизированное). С типографским станком ведийские тексты познакомились только в XIX в. стараниями европейских ученых. «Ведой для масс», поскольку читать (чаще слушать) ее разрешалось и низким кастам. «Бхагавадгита» — один из эпизодов «Махабхараты», входящий в ее шестую книгу, «Книгу о Бхишме». По масштабам «Махабхараты» «Гита» — текст сравнительно небольшой: в привычных для нас терминах ее можно назвать (как и «Махабхарату» в целом) «поэмой» — но в этой «поэме» всего семь сотен строк. Событийный «сюжет» этой «поэмы» можно изложить в немногих словах: перед началом битвы на Курукшетре Арджуна, один из пяти братьев Пандавов, вдруг говорит Кришне, который был у него колесничим³, что не может *поднять* оружие на своих двоюродных братьев Кауравов, других родственников, а также наставников и учителей, вставших под знамена Кауравов; в ответ Кришна проводит с Арджуной «разъяснительную беседу» и в конце концов убеждает его все же вступить в бой. Содержание этой беседы — своего рода «божественное откровение»⁶: Кришна «открывает» Арджуне, что он, Кришна, на самом деле — Высшее Божество⁷, исток и опора всего сущего. По ходу беседы Кришна объясняет

5 По сюжету «Махабхараты» Кришна — двоюродный брат и союзник Пандавов.

6 Ср.: «Центральный сюжет Гиты — возведение Кришной... религиозной истины Арджуне» (Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 119; Бонгард-Левин 1993: 116).

7 Здесь уместно объяснить первую часть сложного слова Bhagavad-gita. Древнеиндийские грамматики стремились возвести все имена существительные в санскрите к глагольным корням. Поэтому начнем с корня bhaj, который играет очень важную роль в «Бхагавадгите». Этот корень имел значения: «делить», «наделять», «разделять» (что-то с кем-то), «быть сопричастным», «владеть», «пользоваться», «прибегать к», «предпочитать», «избирать», «любить», «поклоняться», «читать», «боготворить» и др. Связанное с этим корнем существительное bhaga (которое лингвисты считают исторически родственным русским словам «бог» и «богатый») буквально значило «наделяющий», «наделитель» и — отсюда — «покровитель», «господин». В ведийских гимнах это слово было именем одного из второстепенных богов, а также могло использоваться как эпитет других богов. С ведийских времен слово bhaga имело еще и такие значения:

«доля», «удача», «счастье», «процветание», «богатство», «благо» и т. д. (см.: Топоров 1980). Слово bhagavat (форма основы) или bhagavan (форма именительного падежа; к основе bhaga прибавлен суффикс -vant — суффикс обладания, причастности к чему-либо) первоначально значило «обладающий богатством/благом», «счастливый», «славный», «благословенный» и т. д. Позднее возникли значения «почитаемый», «святой», «священный», «божественный»... Слово bhagavat/bhagavan стало именем-эпитетом высших богов в индуизме (= «Владыка», «Господин», «Господь»), прежде всего Вишну и его воплощения, Кришны. в буддийских текстах bhagavat /bhagavan стало одним из основных имен-эпитетов Будды.

Арджуна устройство мироздания, а также место и задачи в нем человека. В частности, выясняется: мироздание божественным промыслом устроено так, что Арджуна должен идти в бой и убивать своих родственников и учителей. Будучи и оставаясь частью «Махабхараты», «Бхагавадгита», однако, со временем приобрела в индийской культуре еще и отдельное, самостоятельное значение. Эту поэму стали воспринимать как текст, содержащий суть упанишад⁸. Тем самым «Гита» обрела статус, близкий к статусу *шрути*.

Во вступительной молитве (на санскрите), которой в современных индийских изданиях часто предваряется текст поэмы, есть такая строфа: Упанишад — коровы, сын Пастуха⁹ — их доитель, Партха¹⁰ — теленок; мудрый пьет молоко-амриту Гиты¹¹. Началом IX в. н. э. датируют знаменитый комментарий Шанкары на «Гиту» («Гита-бхашья»), едва ли не самый ранний из дошедших до нас комментариев на поэму¹². Современные исследователи полагают, что именно Шанкара окончательно зафиксировал текст «Гиты» и утвердил ее престиж как текста если и не священного, то в высшей степени авторитетного. «Гита» стала одной из «трех опор» (prasthana-trayam) веданты (наряду с упани Ведами). Вместе в тем на санскрите то же слово bhagavat/bhagavan было и остается обычной формой обращения к почитаемому лицу (богу или человеку), нечто вроде русского «господин». С тем же корнем bhaj связаны и столь важные для «Бхагавадгиты» (и не только для нее) слова: bhakti (bhakti — «сопричастность», «приверженность», «поклонение» и т. д.) и bhakt(a) (bhakta — «приверженец», «почтитель» и т. д.). 8 В традиционных формулах (колофонах), которыми завершаются главы «Гиты», поэма называется, собственно, Bhagavad-gita upanisadah — «Бхагаваном поведенные упанишады (т. е. сокровенные наставления)». Современная наука считает эти колофоны позднейшими добавлениями (см., напр., Edgerton 1972: 92), но во всяком случае это свидетельство о том, как воспринималась «Гита» ее индийскими читателями и переписчиками в эпоху рукописного бытования поэмы.

9 То есть Кришна.

10 Партха — одно из имен Арджуны.

11 Sarhkaracarya 1983: XIX. Здесь и далее, если это не оговаривается особо, переводы строк и фрагментов с санскрита — С.Д. Серебряного.

12 Комментарий Бхаскары, датировка которого неопределенна, может быть, и предшествовал «Гита-бхашье», но не охватывает текста поэмы целиком и, по-видимому, был менее влиятельным, чем труд Шанкары (см.: Sharma 1986: 16—1). У самого Шанкары есть указания на то, что были и более ранние комментарии «Гиты».

падами и «Брахма-сутрами» Бадараяны). Комментарии на «Гиту» создавали и такие знаменитые личности, как Абхинавагупта (X—I вв.), Рамануджа (XI—II вв.), Мадхва (XIII в.), Мадхусудана Сарасвати (XVI в.) и др. (см., напр.: Семенов 1985: 18—5; Sharma 1986). Общее число старинных санскритских комментариев на «Гиту» — около 50, что свидетельствует о немалой популярности «поэмы», по крайней мере, среди людей ученых и грамотных. Переводы и комментарии на поэму создавались также на других индийских языках¹³.

В конце XVIII в. «Гита» стала известна в Европе — с тех пор началось ее изучение методами европейской (западной) науки. Европейские

ученые, обращаясь к какому-либо тексту, прежде всего задаются вопросами: кто, где и когда данный текст создал? Но от индийской традиции получить удовлетворительные ответы на подобные вопросы удастся далеко не всегда. Что касается авторства «Гиты», то с точки зрения индийской традиции «Гиту», как и всю «Махабхарату», «сочинил», или «составил», легендарный мудрец Вьяса (который считается также и «составителем» Вед, и 18 «главных» пуран). В отношении «Гиты» больше подходят слова «составил», «записал», «изложил», потому что «Гита» содержит (опять-таки в традиционном восприятии) собственные, подлинные слова Кришны¹⁴. Даже если европейских ученых такой ответ не удовлетворяет, никакой другой информации об авторстве «Гиты» все равно добыть не удастся (потому что индийская культура в своей «памяти» такую информацию не сохраняла). Относительно «Махабхараты» в целом современная наука полагает, что эта «эпическая поэма» появилась в результате многовекового коллективного творчества многочисленных «сказителей» и позже, очевидно, прошла определенную «редактуру» «книжников»-брахманов¹⁵. Но трудно себе представить, чтобы столь сложный и изощренный текст, как «Гита», был плодом «коллективного устного творчества». Естественней предположить, что у этого текста был некий автор, или группа авторов, или, по крайней мере, некий «редактор», придавший поэме завершённый вид, — но дальше такого предположения пойти невозможно в силу полного отсутствия информации. Так что европейские ученые даже и не ломают над этим головы. 13 См., напр., в гл. «Махараштра: Витхал» о «Днянешвари», знаменитом маратхском переводе-истолковании «Гиты».

14 Так, напр., во вступлении к «Гита-бхашье» Шанкары читаем: «Эту [ведийскую] дхарму в точности так, как она была поведена Бхагаваном [Кришной], всезнающий Бхагаван Ведавьяса в семи сотнях шлоков, называемых "Гитой", изложил» (Sārṅkaraśāstra 1983: 3). 15 См., напр.: Гринцер 1974: 10—4.

На вопрос «где?» приходится отвечать: «Где-то в Индии». На вопрос «когда?» от индийской традиции получить определенный ответ в этом случае, как и во многих других, также невозможно. Для современной науки вопрос о датировке «Гиты» отчасти связан с вопросом о датировке «Махабхараты» в целом и с вопросом об историческом соотношении «Гиты» и «Махабхараты». В XIX—X вв. западная наука подвергла трезвому и, можно даже сказать, безжалостному анализу самые священные тексты своей собственной, христианской традиции. Почти одновременно (или несколько позже) сила западной историко-филологической науки обрушилась и на тексты — в том числе и самые священные — индийской культуры. Объектом пристального внимания стали, в частности, и «Гита», и вся «Махабхарата». Среди прочего в западной индологии стало почти общим местом утверждение, что «Гита» первоначально не входила в «Махабхарату», а была отдельным текстом — может быть, чем-то вроде самостоятельной «упанишад», лишь позже включенной в «эпическую поэму». Так, например, М. Винтерниц, один из крупнейших европейских индологов XX в., в своей классической книге «История индийской литературы» писал: «Вряд ли можно сомневаться в том, что "Бхагавадгита" не принадлежала к первоначальной героической поэме. Трудно себе представить, чтобы эпический певец заставил своих героев вести философскую беседу длиною в 650 строф посреди описания битвы (Винтерниц считал некоторые из традиционных семисот строф "Гиты" более поздними интерполяциями; очевидно, отсюда и цифра 650 — *примеч. мое, СДС*). По всей вероятности, первоначальный эпос включал в себя лишь очень короткий диалог между Арджуной... и его колесничим (не богом) Кришной. Этот диалог был как бы зародышем, из которого выросла дидактическая поэма в ее нынешнем виде... А может быть, древняя героическая поэма вообще не содержала никакого диалога между Кришной и Арджуной и вся "Бхагавадгита" была изначально отдельным текстом, некой упанишадой, позже целиком включенной в эпос»¹⁶. М. Однако едва ли не лучший в XX в. западный знаток «Махабхараты», И. ван Бейтенен, как бы возражая М. Винтерницу, писал: «"Бхагавадгита" была задумана и создана в контексте "Махабхараты". Она не была отдельным текстом, каким-то образом забредшим в эпос. Напротив, она была именно задумана и сочинена, чтобы довести до высшего напряжения и до разрыва 16 См.: Winternitz 1977: 437. Подобной точки зрения придерживался, напр., и Ф. Эджерстон (см.: Bhagavad Gita 1972a: 105—06). Стоит заметить, что если даже принять гипотезу о первоначально отдельном существовании «Гиты», то придется признать, что об этом периоде у нас нет совершенно никаких сведений.

шения дхармическую дилемму (*dharmaic dilemma*) войны, одновременно и справедливой и губительной. Эта дилемма не нова для эпоса, не находит она в нем и удовлетворительного разрешения. Но "Гита" предоставляет уникальный религиозный и философский контекст, в котором эту дилемму можно увидеть, осознать и проанализировать... "Гита" в первую очередь озабочена той конкретной проблемой, которую легендарная война потомков Бхараты стала представлять собой для более рефлексивной эпохи, уже по-другому думавшей о насилии»¹⁷. На самом деле эти два подхода не столь противоположны друг другу, как это может показаться на первый взгляд.

Если говорить о гипотетической «первоначальной» «Махабхарате» и представлять ее чем-то вроде большой фольклорной эпической поэмы, которую хранят в своей памяти и воспроизводят традиционные «сказители», то в такой «Махабхарате» действительно трудно найти место для «Бхагавадгиты». Но та «Махабхарата», которая реально существует, — это отнюдь не фольклорная эпическая поэма вроде, скажем, киргизского «Манаса» или калмыцкого «Джангара». Даже обычное сравнение «Махабхараты» с поэмами Гомера не вполне справедливо. «Махабхарату» скорее можно было бы сравнить с Библией, собранием текстов разных веков и очень разных «жанров» (от фольклорных до изощренно философских) — собранием, складывавшимся на протяжении долгого времени¹⁸. При таком восприятии «Махабхараты» присутствие «Гиты» в ней вполне органично — и вполне можно пред-

17 См.: Buitenen 1981: 5—.

18 Сам М. Винтерниц писал: «Лишь в весьма условном смысле мы можем говорить о "Махабхарате" как об "эпосе" и "поэме". По сути дела, "Махабхарата" — это вообще не одно поэтическое произведение, а скорее целая литература» (Winternitz 1977: 316). Иван Бейтенен как бы подхватил и развил мысль М. Винтерница, дав такое развернутое сравнение: «Если хотите провести аналогию с западной культурой, то представьте себе примерно вот что: "Илиада", несколько менее стройно организованная и включающая в себя сокращенную версию "Одиссеи", большие куски из Гесиода, некоторые адаптированные пассажи из Геродота, приспособленные и искаженные фрагменты досократиков, тексты самого Сократа, преломленные через Платона и Плотина, а также значительную часть Евангелий, изложенные в виде назидательных притч, — и все это общим объемом в 200 000 строк, переработанное, отредактированное и переложенное гекзаметром несколькими поколениями анонимных авторов Церкви. В Западной Европе это кажется неподобным. В индийской цивилизации "Махабхарата" — это факт» (цит. по: Dimock 1978: 53). Продолжим сравнение И. ван Бейтенена и представим себе, что в одной из «песен» этой воображаемой расширенной «Илиады» Одиссей приходит к разгневанному Ахиллу (как в девятой «песне» «Илиады» настоящей) и уговаривает его не уклоняться от битвы. Помимо всех прочих доводов Одиссей вдруг открывает Ахиллу, что он не просто че-

ставил себе, что при окончательном оформлении этой действительной (а не гипотетически реконструируемой «первоначальной») «Махабхараты» именно «Гита» служила неким смыслообразующим центром (каким ее видит И. ван Бейтенен). Вопрос о датировке «Гиты» связан и еще с одним давним (и не оконченным) спором между западными ее исследователями. Спор этот (по аналогии с полемикой о поэмах Гомера) можно назвать спором между «аналитиками» и «унитариями». Критический ум человека новоевропейской культуры не может не увидеть в «Гите» различные противоречия. Но одни склонны были «списывать» эти противоречия на поэтическую, художественную природу «Гиты» (в жанровом определении «религиозно-философская поэма» — данным, разумеется, «Гите» в Европе, — делая упор на слово «поэма») ¹⁹. Другие же (напротив, настаивая на определении «религиозно-философская») пытались и пытаются дать то или иное объяснение усматриваемым в поэме противоречиям. Один из путей подобного объяснения — выявлять в «Гите» разные исторические слои: некое первоначальное «ядро» и позднейшие интерполяции. Этим путем шли в основном немецкие исследователи «Гиты». Так, Р. Гарбе в своей известной работе из 700 строф «Гиты» «забраковал» 170 как «неподлинны» ²⁰. Ученик Р. Гарбе, известный религиовед Р. Отто, пошел еще дальше и признал «подлинными» только 132 строфы ²¹. Другой путь — во что бы то ни стало доказать идейную последовательность и целостность «Гиты». Класовек по имени Одиссей, но еще и воплощение (или проявление и т. д.) того самого Бога, который говорил с Моисеем на горе Синай, а позже послал на землю своего единокровного сына, чтобы искупить грехи человечества; Бог этот, говорит Одиссей, есть любовь, и поэтому Ахилл должен идти и убивать троянцев. Для усиления своей аргументации Одиссей излагает вкратце натурфилософию Демокрита и/или учение Плотина о Мировом Духе, подчеркивая при этом, что мировая гармония, поддерживаемая божественным промыслом, безусловно требует продолжения войны с троянцами. Пораженный Ахилл иногда задает Одиссее наводящие вопросы, и вся эта беседа изложена искусными, западающими в память стихами. Примерно такой текст был бы европейской (западной) аналогией «Бхагавадгиты». Современный американский философ заметил: «В наших собственных (европейских и американских) традициях, кажется, "нет ничего вполне подобного "Бхагавадгите"...» (См.: Gotshalk 1985: VIII).

19 Такой точки зрения придерживались многие западные толкователи «Гиты» — от Вильгельма фон Гумбольдта до Франклина Эджерстона (см., напр.: Winternitz 1977: 435).

20 См.: Garbel 1921.

21 См.: Otto 1935; 1939 и Семенов 1985: 2.

сик этого подхода — французский индолог Э. Ламот ²², идеи которого весьма детально (но все же не вполне убедительно) развил британский религиовед Р. Зэнер ²². Спор «аналитиков» и «унитариев» (как и спор о том, входила ли «Гита» в «Махабхарату» «сначала»), по-

видимому, может быть «снят» (в гегелевском смысле — *aufgehoben*) неким более сложным и более изощренным историческим подходом к проблеме. Текст «Гиты», как и текст «Махабхараты» в целом, очевидно, возник не одновременно. Скорее это был довольно длительный процесс (что, помимо прочего, заставляет по-другому взглянуть и на проблему авторства «Гиты»), и мы можем лишь догадываться о том, как именно этот процесс протекал. Анализируя дошедший до нас текст поэмы мы видим в нем некоторое число выражений, строк и даже целых строф, совпадающих с выражениями, строками и строфами упанишад²³, с одной стороны, и других «книг» «Махабхараты», а также иных текстов *смрити* (например, «Законов Ману») ²⁴ — с другой. Это наводит на мысль, что текст поэмы мог быть, по крайней мере, отчасти «сложен» из готовых словесных «блоков» (которые можно назвать «бродячими» — по аналогии с «бродячими сюжетами»). В таком случае само понятие «интерполяция» уже не работает²⁵. Возможно также, что поэма была сложена из «готовых» и разнородных «идейных блоков» (швы между которыми мы теперь, однако, уже вряд сможем однозначно определить). Но после того, как целое уже было так или иначе сложено, «Гита» существовала (т. е. воспринималась индийскими ее читателями и комментаторами) именно как целое, — и это целостное восприятие внутри собственной традиции никакие инокультурные аналитики не в силах опровергнуть и отменить. Другое дело, что внутри собственной традиции «Гита» (как и другие индийские тексты) могла восприниматься вообще не так, как позже восприняли ее читатели и исследователи европейские. Но об этом — далее. Пока же вернемся к вопросу о датировке «Гиты». В свете вышесказанного должно быть понятно, что невозможно указать ни точный год, ни даже век, когда была создана эта поэма (для индийской словесности — ситуация вполне обычная). В долгом процессе складывания «Гиты» можно различить несколько этапов.

22 См.: Lamotte 1929; Bhagavad Gita 1969.

23 См. указатель Дж. Хааса (Haas 1922) и «конкорданс», составленный еще в XIX веке британским полковником Дж. Джейкобом (Jacob 1891).

24 См. примеч. к критическому изданию «Гиты» (Belvalkar 1945), а также указатель Дж. Хааса (Haas 1922) Подробнее об этом см., напр., статью В.С. Семенцова в изд.: Семенцов 1972; см. также: Семенцов 1985: 11—8; Бхагавадгита 1999.

Первый — становление того «идейного комплекса», который нашел выражение в поэме. Современная наука видит в этой поэме попытку синтеза религиозно-философского наследия упанишад, учений философских «школ» *санкхьи* и *йоги*, а также эмоционального теизма секты бхагаватов (*bhagavata*), поклонявшихся Кришне как высшему божеству (воплощению Вишну). Полагают также, что этот комплекс мог начать складываться в последние века до нашей эры. Затем можно говорить о становлении собственно текста поэмы — или независимо от становления текста «Махабхараты», или вместе с этим «гипертекстом». Современная наука относит окончательное оформление «Махабхараты» предположительно к IV в. н. э. Можно думать, что к этому времени и «Гита» существовала «внутри» «Махабхараты» — более или менее в том виде, как мы ее знаем теперь. Наконец, как уже сказано, в начале IX в. Шанкара создал свой комментарий к «Гите» — «Гита-бхашью»: как бы извлек ее (вновь?) из «Махабхараты», канонизировал текст поэмы и утвердил ее высокий религиозно-философский авторитет. Интересно, что уже Шанкара писал о разных пониманиях «Гиты». Одну из первых фраз введения к его «Гита-бхашье» можно перевести следующим образом: «Это учение "Гиты" (*gita-seastra*) содержит в себе суть смысла всех Вед, но смысл этот труден для понимания. Хотя многие стремились ради раскрытия этого смысла объяснить слова, их значения и значения фраз ["Гиты"], но в миру ["Гита"] воспринимается как [текст], состоящий из многих крайне противоречивых смыслов. Видя это, я, исходя из [моего] разума, ради установления [подлинного] смысла [текста] вкратце сделал его описание»²⁶. Однако в современной науке общепризнано, что и Шанкара, и другие старинные индийские комментаторы были озабочены в первую очередь утверждением своих идейных позиций и использовали текст «Гиты» в этих целях, делая большие или меньшие натяжки в своих интерпретациях, зачастую весьма расхоdivшихся между собой. Так, например, Шанкара обосновывал ссылки на «Гиту» приоритет интеллектуального, познавательного пути к «недвойственному» Абсолюту, а Рамануджа, напротив, также опираясь на текст «Гиты», утверждал приоритет пути эмоционального к Абсолюту Личностному (и такая интерпретация требует как будто меньше насилия над текстом поэмы)²⁷.

26 См.: Samkaracarya 1983: 3. См., напр.: Ramanuja 1974.

Иными словами, «Гита» использовалась как форма, в которую различные мыслители с большим или меньшим искусством вкладывали нужное им содержание. Но были в Индии и такие читатели поэмы, которые относились к ней не столько как к тексту для понимания и извлечения некоего интеллектуального смысла, сколько как к объекту поклонения и/или средству эмоционального общения²⁸ с Богом (которое могло вообще не включать в себя интеллектуального понимания текста). В биографии Чайтаньи (1486—533), бенгальского подвижника и религиозного реформатора (который сам был экстатическим бхактом Кришны), есть такой эпизод. Однажды Чайтанья зашел в некий храм. Там сидел человек и читал вслух «Гиту». Другие люди в храме смеялись над чтением, потому что он смешно коверкал санскритские слова (очевидно, он плохо или совсем не знал санскрит). Человек же, читавший «Гиту», читал ее и плакал. Чайтанья спросил его, что именно, какие именно слова вызывают у него слезы. Человек ответил: «Я не понимаю ни одного слова, но когда я произношу их, я вижу Кришну в колеснице Арджуны. Он держит в руках поводья и что-то говорит Арджуне. Он прекрасен. И видя его, я плачу». Чайтанья сказал: «Поистине, ты знаток "Бхагавадгиты". Ты знаешь истинный ее смысл». Западные ученые в течение последних двухсот с лишним лет старались, как могли, все же понимать «Гиту» — прежде всего в контексте истории индийской культуры. Но уже во второй половине XIX в. «Гита» приобрела на Западе такую популярность, что перестала быть предметом только научных исследований. «Гиту» «подхватили» — и сделали ее еще более популярной — теософы, которые увидели в поэме некое универсальное, вневременное «откровение». В каком-то смысле теософы (среди них были и индийцы) продолжили индийскую традицию использования «Гиты» как «формы», в которую можно вкладывать («вчитывать») желаемое содержание³⁰. На своей первоначальной родине, в Индии, в XIX—X вв. «Гита» приобрела весьма особое, можно сказать привилегированное положение, став одним из важнейших текстов для многих «властителей дум» и их последователей, что, в свою очередь, воздействовало на изучение поэмы (даже за

28 На индийских языках здесь можно было бы употребить слово *бхакти* — «любовь-сопричастность», «любовь-приобщение».

29 Кришнодаш Кобираджд. Чайтанья-чаритамрита. Мадхьялха: 9, 93—03. Цит. по: Deutsch, Siegel 1987: 128.

30 Об истории восприятия и изучения «Гиты» на Западе и, в частности, о теософских ее истолкованиях см., напр.: Sharpe 1985. О теософах как интерпретаторах «Гиты» см. также: MI IB 1986: 11—3.

пределами Индии) и оборачивалось порой искажением исторической перспективы ее восприятия и истолкования. Восприятие и бытование «Гиты» в Индии в XIX—X вв. следует рассматривать в общем контексте развития индийской культуры в эти столетия. Одним из важнейших фактов и факторов этого развития было мощное воздействие на Индию западной культуры, приведшее к коренным преобразованиям культуры индийской. Точнее говоря, в пределах индийской культуры как целого возник большой европеизированный пласт, который, в свою очередь, оказывал и продолжает оказывать сильное влияние на иные, более традиционные пласты. В силу своей европеизированности этот пласт лучше всего известен за пределами Индии, где он нередко выступает (и воспринимается неискушенной публикой) как подлинное лицо всей индийской культуры. В сознании и сочинениях ряда ведущих представителей этой, европеизированной, Индии XIX—X вв. «Гита» заняла, как уже сказано, едва ли не центральное место или, во всяком случае, стала объектом пристального внимания и интенсивных размышлений. Впрочем, произошло это, по-видимому, не сразу, и данный процесс (изученный пока слабо) не имел и не имеет столь всеобщего, общеобязательного характера, как это иногда представляется³¹. Бесспорно, однако, что «Гита» имела большое значение для таких идеологов «неоиндуизма», как, например, Б.Ч. Чоттопадххай (1838—894), Б.Г. Тилак (1856—920), Ауробиндо Гхош (1872—950), М.-К. Ганди (1869—948) и С. Радхакришнан (1888—975). Эти и другие индийские мыслители XIX—X вв. вносили в свое восприятие и толкование «Гиты» не только то, что было ими так или иначе унаследовано от индийской традиции, но и то, что они восприняли (в большей или меньшей степени) из традиции европейской, в частности из западных исследований и писаний по «Гите». Индийская поэма, совершив «путешествие» на Запад, вернулась в Индию как бы в ореоле заморской славы, «привезя» с собой на родину и все многообразие западных толкований, predeterminedенных западными научными и/или религиозно-философскими традициями. И многие индийские толкования поэмы в X в. (из числа наиболее известных и влиятельных) представляли собой некий эффект резонанса, когда два движения, совмещаясь, дают третье, по силе превосходящее их обоих. Многообразие суждений о «Гите» в Индии XIX—X вв., наверно, еще шире, чем многообразие суждений «досовременных» («традиционных»). И те и эти суждения нередко в большей мере отражали взгляды их авторов, чем «собственную природу» поэмы. Так, Б.-Г. Тилак в своей известной книге «Гайна "Бхагавадгиты"» стремился доказать, что, согласно духу и букве поэмы, важнейший «путь» к Абсолюту и вообще важнейший «путь» в 31 Напр., «Гита» не занимала сколько-нибудь существенного места в духовном мире Рабиндраната Тагора (см., напр.: Dasgupta 1962: 43—4). человеческой жизни — это «путь деяний» (*карма-марга*, *карма-йога*), которому он придавал очень современный, общественно-политический смысл (в то время как в «Гите» нередко имеются в виду «деяния» ритуальные). С другой стороны, М.К. Ганди, вслед за теософами толкуя «Гиту» аллегорически, утверждал, что она учит идеалу ненасилия, и называл эту поэму одной из своих главных духовных опор³². Вероятно, наиболее красноречивым подтверждением многозначности «Гиты» (т. е. возможности для разных людей извлекать из нее разные смыслы) служит и тот мрачный факт из современной истории Индии, что убийца М.К. Ганди, Н. Годсе, также уверял, что черпал вдохновение в «Бхагавадгите»³³. Один из современных индийских переводчиков и комментаторов «Гиты»,

Свами Чидбхавананда, сравнил поэму с зеркалом, а различные ее комментарии — с отражениями в нем: «Каждый видит свое собственное лицо, отраженное в зеркале. И лишь само зеркало, в котором возникают отражения, и есть то общее, что объединяет все комментарии»³⁴. В самом деле, в терминах западной традиции «Гита» — текст не только религиозно-философский, но и (а может быть, и прежде всего) художественный, поэтому — многозначный. Из этого следует, в частности, что любая интерпретация «Гиты», претендующая на адекватность и полноту, должна сочетать в себе религиозно-философский, философский, филологический и эстетический подходы. Очевидно также, что, поскольку «Гита» оперирует сложными религиозно-философскими идеями и при этом обладает изощренной художественной структурой, интерпретирование ее вряд ли когда-либо сможет быть сочтено завершенным. А претензии тех или иных вероучителей на «самое правильное» и «единственно верное» толкование «Гиты» неизбежно связаны с натяжками и односторонними интерпретациями поэмы.

Из ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ «БХАГАВАДГИТЫ»

Западный читатель «Гиты» в наши дни, даже если он незнаком с санскритом, имеет возможность при желании прочитать много разных переводов «Гиты» и много разных ее толкований; особенно многочисленны переводы

32 См.: *Gandhi 1989*.

33 «Гитой» вдохновлялись уже индийские террористы начала XX в. Терапевт мог вообразить себя Арджуной, вступающим в бой за правое дело. Ср. замечание Агехананды Бхарати: «Бхагавадгита» может быть очень опасной книгой. Ее любил Гитлер» (*Aghehananda 1989: 16*).

34 *Chidbhanananda 1991: 47*.

«Гиты» на английский. Вообще можно сказать, что в наши дни «Гита» — едва ли не самый популярный в мире индийский текст, поистине произведение «мировой литературы». Специалисты утверждают, что по числу языков, на которые переведена «Бхагавадгита», и по числу самих переводов она уступает только Библии. Подсчитано, что к началу 80-х годов XX века «Бхагавадгита» была переведена почти на 75 языков и общее число переводов приближалось к 2 тысячам³⁵. С тех пор эти показатели, несомненно, возросли. Символическим рубежом в истории становления «Бхагавадгиты» как текста «мировой литературы» был 1785 г., когда в Лондоне был опубликован первый перевод этой поэмы с санскрита на европейский (английский) язык³⁶. Перевод принадлежал перу Чарльза Уилкинса (1749—1836), одного из зачинателей европейской индологии³⁷. Именно с этого перевода началось изучение «Бхагавадгиты» современными (европейскими) историко-филологическими методами и началась ее поразительная «экспансия» на Запад, в страны европейской культуры. Правда, в наши дни перевод Ч. Уилкинса имеет, разумеется, только историческое значение. В 1885 г., через сто лет после публикации перевода Ч. Уилкинса, Эдвин Арнольд (1832—1904) издает свое поэтическое переложение «Бхагавадгиты» на английский язык под названием «The Song Celestial» («Песнь небесная»)³⁸. Этот «викторианский» перевод переиздается вплоть до наших дней. Своего рода классикой (также не раз переизданной в XX в.) стал и другой перевод викторианской эпохи, сделанный индийцем К.Т. Телангом и опубликованный в знаменитой английской серии «Священные книги Востока»³⁹. У сегодняшнего англоязычного читателя — богатый выбор. Если его интересует «буква текста», он может прочитать филологически скрупулезные переводы Ф. Эджертона и И. ван Бейтенена⁴⁰, во многом различающиеся между собой! Если читатель интересуется теософскими интерпретациями «Гиты» — к его услугам, среди прочих, книги Анны Безант и Бхагавана Даса⁴¹. Если он предпочитает точку зрения современного американского профессора

35 См.: *Callawaert, Hemraj 1982; Kapoor 1983; Singhl 1984; Hubert 1949*.

36 *Bhagvat-Geeta 1785*.

37 Об истории создания этого перевода и политической подоплеке его издания в Лондоне — на деньги Ост-Индской компании! — см.: *Sharpe 1985: 3—0*.

38 См.: *Bhagavad-Gita 1885*. Именно по этому переложению впервые познакомился с «Бхагавадгитой» — в Лондоне, в 1889 г., через своих знакомых теософов — Мохандас Карамчанд Ганди (см.: *Gandhi 1989: 9—0; МНВ 1986: 88—09*).

39 См.: *Bhagavadgita 1882*.

40 См.: *Bhagavad Gita 1944; Buitenen 1981*.

41 См.: *Besant 1895; Besant, Das 1905*.

сора философии, ему можно порекомендовать перевод и комментарий Э. Дейча⁴². «Неоиндусские» подходы к «Гите» представлены и очень популярной книгой С. Радхакришнана⁴³, и совместным переводом Свами Прабхавананды и К. Ишервуда с предисловием Олдоса Хаксли⁴⁴, и переводом Свами Никхилананды⁴⁵, и многими другими, менее известными. Много и хороших популярных переводов, сделанных западными индологами. Особое место среди книг о «Гите» занимает фундаментальный труд британского религиоведа Р.Ч. Зэнера⁴⁶, содержащий помимо самого текста «Бхагавадгиты» два стилистически и функционально различных перевода, а также обширные комментарии — очень информативные, хотя и с явным христианским уклоном. Р. Зэнер — это своего рода христианский Шанкара, который попытался истолковать «Гиту» так, чтобы максимально приблизить ее к своей вере. У тех, кто предпочтет прочесть «Гиту» на каком-либо другом западноевропейском языке, особенно на немецком или на французском, выбор будет также достаточно богат. Немецкий перевод Р. Гарбе⁴⁷ заслуженно считается одним из лучших переводов «Гиты» на европейский язык. Весьма авторитетен также перевод, принадлежащий перу известного историка индийской философии П. Дойссена⁴⁸. Следует назвать также переводы Л. фон Шредера, Р. Отто, Г. фон Глазенаппа, Э. Рихтера и К. Мюлиуса⁴⁹. На французский язык «Бхагавадгиту» и в XIX, и в XX в. переводили видные индологи: Эмиль Бюрнуф, Э. Сенар, С. Леви, А.-М. Эсноль и О. Лакомб. Свой перевод «Бхагавадгиты» на французский язык в 1947 г. опубликовала и русская теософка А. Каменская, участвовавшая в издании одного из дореволюционных русских переводов (см. далее). У русского (и русскоязычного) читателя выбор беднее. Правда, первый русский перевод «Гиты», сделанный (как утверждается на его титуле) с английского, появился уже через три года после опубликования перевода Ч. Уилкинса — в 1788 г.⁵⁰ Издан он был в знаменитой типографии Н. Новикова. Для историка русской культуры это одно из ярких свидетельств тесной связи тогдашней русской

42 См.: *Bhagavad Gita 1968*.

43 См.: *Bhagavadgita 1948*.

44 См.: *Bhagavadgita, Isherwood*

45 См.: *Bhagavad Gita 1944b*.

46 См.: *Bhagavad Gita 1969*.

47 См.: *Garbel 1921*.

48 См.: *Deussen 1911*.

49 Особое место в немецком «цитоведении» занимает работа И.-В. Хауэра (см.: *Hawer 1934*), написанная под влиянием идеологии нацизма. См.: *Петров 1788*. Не исключено, что русский переводчик мог заглядывать и во французский перевод, вышедший в 1787 г. (см.: *Bhagvat-geeta 1787*). Ср., в частности, транслитерации названия поэмы в русском и французском переводах.

«европеизированной» элиты с западноевропейскими культурными процессами. Однако затем в течение более чем столетия ни новых русских переводов «Бхагавадгиты», ни каких-либо специальных исследований о ней в России не появлялось. Только в 1909 г. «Бхагавадгита» вновь вышла в русских переводах — сразу в двух. Оба перевода были сделаны русскими теософами, точнее — теософками. Один был издан во Владимире, другой — сначала в петербургском журнале «Вестник теософии», а потом (в 1914 г.!) — отдельной книгой в Калуге⁵¹. А.П. Казначеева переложила «Бхагавадгиту» довольно беспомощными виршами, очевидно используя какой-то западный (может быть, и не один) стихотворный перевод. А. Каменская и И. Манциарли опирались на теософский перевод А. Безант и Бх. Даса. Характерно, что обе книги вышли не в столичных, а в провинциальных городах. Трудно сказать, какой они получили резонанс в российском обществе. История теософского движения в России и его вклад в русскую культуру у нас еще мало изучены⁵². Так или иначе, вплоть до 1956 г. никакие новые переводы «Бхагавадгиты» в России не появлялись, да и в том году новый перевод «Бхагавадгиты» вышел не в собственно России, а в Ашхабаде, тогда столице Туркменской Советской Социалистической Республики⁵³. Переводчиком был Борис Леонидович Смирнов (1891—1967), известный врач (действительный член Академии наук Туркменской ССР) и индолог-самоучка, который начал учить санскрит во время гражданской войны, найдя на вокзале, на лавке, забытый кем-то учебник. Биография этого удивительного и бесспорно выдающегося человека, насколько известно, еще не написана, как не оценен еще в полной мере и его вклад в отечественную культуру. Конечно, профессиональные индологи могут найти недочеты в трудах Б.А. Смирнова (в частности, могут

51 См.: *Казначеева 1909; Бхагавад-гита 1914*. Перевод А. Каменской и И. Манциарли в 1990-х гг. дважды переиздан в Москве (см.: *Список доп. литер.*). Анна Алексеевна Каменская была одной из ведущих деятельниц российской теософии. В 1916 г. она побывала в Индии, потом училась в Санкт-Петербургском университете, но после 1917 г. эмигрировала. В 1925 г., уже в Париже, она выпустила второе, несколько измененное издание своего перевода «Бхагавадгиты» с обстоятельным предисловием (см.: *Бхагавад-гита 1925*). Но в России парижское издание, очевидно, осталось практически неизвестным. В 1926 г. А. Каменская издала в Париже исследование о «Бхагавадгите» (см.: *Kamensky 1926*), а в 1947 г. — свой перевод «Бхагавадгиты» на французский. и См.: *Carlson 1993*.

53 См.: *Бхагавадгита 1956*.

поставить ему в упрек, что он порой слишком полагался на суждения П. Дойссена и других западных ученых), но как бы то ни было долгие годы читатели в СССР могли познакомиться с «Бхагавадгитой» только по переводам Б.Л. Смирнова. Столичная советская индология до поры до времени интереса к этой поэме не проявляла. Лишь в 60-е годы к «Бхагавадгите» обратились профессиональные индологи, принадлежавшие к кругу учеников Ю.Н. Рериха, вернувшегося на родину из эмиграции в 1957 г. Новый перевод «Бхагавадгиты» на русский язык задумывала О.Ф. Волкова (1926—1988) в сотрудничестве с А.М. Пятигорским и Л. Мяллем. Был составлен санскритско-русско-эстонский словарь к «Бхагавадгите» и сделано несколько сообщений на научных конференциях. Однако, к сожалению, эта группа индологов так и не смогла осуществить свой перевод поэмы на русский язык⁵⁴. В 1974 г. в серии «Библиотека всемирной литературы» вышел том «Махабхарата. Рамаяна», который содержит стихотворные переводы (вернее сказать — переложения) С. Липкина («Махабхарата») и В. Потаповой («Рамаяна»). В свою краткую версию «Махабхараты» С. Липкин включил и весьма сокращенную версию «Бхагавадгиты». В середине 60-х годов «Бхагавадгитой» начал заниматься В.С. Семенцов (1941—1986), ученик учеников Ю.Н. Рериха. Он изучал не только саму поэму, но и один из старинных комментариев к ней — «Гита-бхашью» Рамануджи (XI—II вв.)⁵⁵. К началу 80-х годов В.С. Семенцов перевел этот комментарий на русский язык и сделал еще два перевода самой поэмы: филологический (как часть перевода «Гита-бхашьи») и стихотворный. К сожалению, издать эту работу в полном объеме тогда не удалось. В 1985 г., за несколько месяцев до безвременной кончины автора, вышла его книга о «Бхагавадгите»⁵⁶, в которую вошла только часть наработанного им материала, в том числе и стихотворный перевод поэмы. По сути дела, это первый перевод «Бхагавадгиты» на русский язык, сделанный профессиональным индологом. Волею судьбы этот перевод вышел в свет ровно через 200 лет после опубликования перевода Ч. Уилкинса и ровно через 100 лет после перевода Э. Арнольда.

54 См. фрагмент этого незавершенного перевода («Бхагавадгита»: I. 26—I. 18) в издании: Пятигорский 1967: 170—72. В 1974 г. А.М. Пятигорский эмигрировал в Англию. Л. Мяль в 1980 г. издал в Таллине свой перевод «Бхагавадгиты» на эстонский язык (См.: Mall 1980). "См.: Ramanuja 1974.

56 См.: Семенцов 1985; Бхагавадгита 1999.

Однако научного перевода «Бхагавадгиты», выполненного на современном уровне, в 20-м столетии российский читатель так и не получил⁵⁷, хотя в самом конце века такой перевод был осуществлен. Петербургские индологи с начала 50-х годов том за томом издают свои переводы «Книг» «Махабхараты». Сначала вышли в свет «Книги» с первой по пятую, затем — с седьмой по восемнадцатую (кроме двенадцатой и тринадцатой) и, наконец, в 2008 г. вышел в свет перевод шестой книги («Бхишманарва»), осуществленный одним из наших ведущих санскритологов В.Г. Эрман. В эту книгу входит «Бхагавадгита» и которую вы держите сейчас в руках. Таким образом, российский читатель не только получает научный перевод «Бхагавадгиты», но сможет прочесть поэму в ее «родном» контексте — в контексте «Махабхараты». Вне этого контекста, без его учета, понимание и толкование «Бхагавадгиты» не может быть полным.

КРАТКИЙ ОБЗОР «СЮЖЕТА» И ОСНОВНЫХ ИДЕЙ «БХАГАВАДГИТЫ»

Как уже сказано, в привычных для нас терминах (т. е. в терминах европейской культурной традиции) «Бхагавадгиту» можно называть «религиознофилософской поэмой», в которой — в форме беседы между Кришной и Арджуной — сообщается некое откровение, или некая блага весть, об истинном устройстве мироздания и, в частности, о природе и призвании человека. Любкой резюмирующей пересказ идей «Гиты» — это всегда лишь одна из возможных интерпретаций текста, даже если при этом приводятся какие-либо конкретные строки поэмы: во-первых, потому, что смысл строк зависит от их сцепления со всеми другими, а во-вторых, потому, что чем важнее в плане идей какие-либо строки, тем, как правило, больше различных толкований они допускают. Иначе говоря, если кто-то авторитетно говорит (или пишет): ««Бхагавадгита» учит, что...», то этот кто-то высказывает не более чем свое понимание текста, в лучшем случае — понимание, освещенное той или иной традиционной интерпретацией. Как уже говорилось, и в Индии, и за ее пределами⁵⁷ Зато в 1984 г. вышла первым изданием русскоязычная (вот уж именно русскоязычная — но никак не русская!) версия пресловутой книги Свами Прабхупады «Бхагавадгита как она есть». Стоило бы назвать ее «Бхагавадгита, какой бы она лучше никогда не была». Это произведение заслуживает отдельного обстоятельного разбора. Здесь достаточно отметить две характерные черты: предопределенность перевода (и, разумеется, комментариев) сектантскими воззрениями «Общества сознания Кришны» и некоторое, мягко говоря, своеобразие русского стиля, обусловленное большей частью несомненным «посредничеством» англоязычной версии этой книги, опубликованной в 1968 г. делами было и существует много разных традиций интерпретации «Гиты», и, по-видимому, популярность и значимость этого текста во многом связана именно с тем, что он допускает много различных толкований, что он неисчерпаемо многозначен. Дополнительные трудности возникают тогда, когда надо переводить слова «Гиты» на язык совсем иной культуры, в данном случае — русской. Трудности этого рода у нас, как правило, недостаточно осознаются даже учеными-гуманитариями. Обычно исходят из невыраженного (и даже, наверное, неосознаваемого) убеждения, что русский язык может быть вполне адекватным языком (точнее, как сказали бы лингвисты, метаязыком) описания любых инокультурных «материй». Между тем, будучи сам (как и все другие человеческие языки) сформирован и обусловлен определенной культурой, современный русский язык при описании с его помощью инокультурных «материй» почти неизбежно вносит в это описание большие или меньшие искажения (и степень искажения во многом зависит именно от того, насколько мы осознаем это искажающее воздействие). Короче говоря, ничто не может заменить чтения полного текста «Гиты» в оригинале вместе с подробным и квалифицированным комментарием. В.С. Семенцов в своей книге о «Гите» проводит мысль, что «Гита» предназначалась не просто для чтения, а для своего рода «медитации», нацеленной на коренное преобразование сознания. Хотя конкретная аргументация В.С. Семенцова не всегда убедительна, вполне возможно, что в истории индийской культуры действительно существовали (практиковались) подобные подходы к «Гите» (как и к иным текстам) — наряду с другими подходами³⁸. На следующих страницах будет предпринята попытка своего рода краткой ознакомительной «экскурсии» по «главам» поэмы. Будут рассмотрены некоторые из наиболее важных и/или известных строф «Гиты» и дан краткий обзор основных тем, которые затрагивались в «беседе» между Кришной и Арджуной на Курукшетре. «Гита» традиционно делится на 18 «глав», и число 18, конечно, не случайно. Так, и «Махабхарата» в целом состоит из 18 «книг», и основных пуран индийская традиция насчитывает именно 18. В первой шлоке первой главы слепой царь Дхритараштра, отец ста братьев-Кауравов, спрашивает у своего возничего по имени Санджая: 59

5 8 См., напр., упомянутый ранее эпизод из «Чайтанья-чаритамриты».

5 9 Перед началом битвы на Курукшетре Вьяса (легендарный автор «Махабхараты») наделил Санджая даром дальновидения и неуязвимости, чтобы он мог рассказывать слепому Дхритараштре о всех событиях на поле боя. Все повествование о битве, включая пересказ беседы Кришны и Арджуны, вложено в «Махабхарату» в уста Санджая.

На поле дхармы, на поле Куру сошедшиеся, жаждущие битвы, мои [дети] и Пандавы что сделали, о Санджая? (I. 1) Вряд ли случайно то, что «Бхагавадгита» начинается со слова *дхарма*⁶⁰. Это одно из самых важных слов в индийской культуре, через которое выражались и выражаются некоторые из центральных ее понятий (разных, хотя большей частью взаимосвязанных). Слово *дхарма* невозможно перевести каким-то одним словом из европейских языков. Едва ли не чаще всего *дхарма* переводят как «закон». При этом имеется в виду не закон в юридическом смысле, а та нравственная, социальная норма, на которую должен (или в силу внутреннего побуждения, или в силу внешнего принуждения) ориентироваться человек (ср. по-русски: законы нравственности, законы морали). Слово *дхарма* может означать также и закон (законы) мироустройства (миропорядка) (ср. наши законы природы)⁶¹. Обычно предполагается, что «нравственные законы» каким-то образом связаны с общими «законами мироустройства». В некоторых контекстах слово *дхарма* можно переводить как «истина», в некоторых других — как «долг»⁶², иногда — как «благочестие» или даже «религия».

6 0 В оригинале: *Dharma-ksetre Kuru-ksetre...* — «В дхарма-поле, в Куру-поле...» Ср. замечание В.С. Семенцова: «В "Гите" нет вступительной молитвы; однако будь на моем месте средневековый комментатор, он, видимо, извлек бы нужный смысл из слова *дхарма*, которым начинается первый стих первой главы... это слово и стоящее за ним понятие (вернее было бы говорить о понятиях во множественном числе. — С. Д. С.) играют в учении Гиты немаловажную роль, особенно во вступительном разделе: именно в дхарме хочет получить наставление Арджуна» (Семенцов 1985: 96).

61 Санскритское слово *dharma* связано с глагольным корнем *dhar* — «держат», «поддерживать». В восьмой книге «Махабхараты», в другой беседе Кришны и Арджуны, Кришна так объясняет слово *дхарма*: «Дхарму называют так оттого, что она есть опора (*dharana*), / *дхарма* поддерживает (*dharayati*) живущих. / Все, что связано с поддержанием (*dharana*) [сущего], / и есть, без сомнения, *дхарма*» (Карнапарва 1990: 168—69).

Как полагают лингвисты, в латыни сдвину *дхарма* этимологически родственно слову *forma*. Таким образом, можно сказать, что *дхарма* — это истинная (и/или должная) форма существования (действия и т. д.), та «форма», те «опоры» и «устои» или те «рамки», благодаря которым нечто (напр., человеческая личность, общественная группа, мир в целом...) существует. В комплексе четырех понятий, определяющих различные сферы и цели человеческого существования (*пурушарта*: *дхарма*, *артха*, *кама*, *мокиша*), *дхарма* — это именно сфера должного («законного», «законоположенного»), то, что человек должен Многозначное откровение Битвы Пандавов с Кауравами Из книги: Wilkins W. Hindu Mythology По справедливому замечанию В. Донигер и Б.К. Смита, в слове *дхарма* проявляется «творческое

напряжение между сущим и должным»⁶³: в самом деле, нередко остается открытым вопрос, означает ли слово *дхарма* то, что действительно есть (существует), или то, что представляется должным, — и как соотносится это существующее (реальность) с этим должным (идеалом). Те же авторы и столь же справедливо отмечают относительность и плюралистичность понятий, выражаемых словом *дхарма*: речь идет «не столько о противоречивых идеалах, сколько о ряде различных идеалов, каждый из которых желателен, но может быть изменен или отброшен в пользу иного в зависимости от причин («объективных» причин («законов мироздания», «законов общества» и т. д.). *Артха* — сфера выгоды, *кама* — сфера наслаждения. *Мокиша* же противопоставляется трем другим сферам-целям: это высшая из возможных для человека целей, полный выход за пределы всякого бытия. Можно сказать, что из четырех *пурушартх* «Бхагавадгита» трактует прежде всего *дхарму*, но не в меньшей степени — и *мокишу*.

63 См.: *Laws of Manu* 1991: LVI.

мосты от обстоятельств. Относительность *дхарм* — разных не только для разных людей, но и для одного и того же человека в разное время и в разных местах — позволяет формулировать различные идеалы, каждый из которых по-своему справедлив (для кого-то, где-то, когда-то)⁶⁴. В «Гите» слово *дхарма* встречается не слишком часто (всего около двух десятков раз), но зато в некоторых ключевых строфах (о которых речь пойдет далее). В первой главе, в ответ на вопрос Дхритараштры, Санджая рассказывает ему, как Дурьодхана, старший из братьев Кауравов, с горделивой самоуверенностью оглядывает свои войска, построенные для битвы, а затем и войска противника (I. 2—1). Раздаются звуки боевых раковин и других «инструментов» — битва вот-вот начнется (I. 12—9). Арджуна, один из пяти братьев Пандавов, просит своего возничего, Кришну, поставить его колесницу «между двух армий» (I. 21), чтобы он, Арджуна, смог обозреть и ту и другую. Представшего ему зрелища Арджуна не выдерживает. В эмоциональном монологе (I. 28—7) он говорит Кришне, что не хочет убивать своих двоюродных братьев, дядьев и прочих родственников. Помимо прочего Арджуна опасается, что братоубийственная бойня разрушит устои (*дхармы*) общества — как мы бы сейчас сказали, устои составляющих его социальных групп (родов и каст). «О горе! Великое зло мы собираемся совершить...» — говорит Арджуна (I. 45). Он опускается на сиденье своей колесницы, отбрасывает лук и стрелы; его сознание охвачено печалью (I. 47). Так завершается первая глава. Во второй главе Кришна сначала пытается увещевать Арджуну как воин воина, говоря, что не мужское это дело — трусить перед боем (II. 2—). Но в ответ Арджуна произносит еще один прочувствованный монолог, отвергая обвинение в трусости. Дело в другом: как жить дальше, убив своих братьев, своих учителей и наставников (оказавшихся в стане Кауравов)? Арджуна говорит:

Не знаю, что из двух для нас лучше: победить или быть побежденными.

Вот выстроились перед нами сыновья Дхритараштры, убив которых мы "не захотим жить" (II. 6).

Моя душа охвачена отчаянием.

Я уже не понимаю, что есть *дхарма*, — прошу тебя:

Что [из двух] лучше, достоверно скажи мне!

Я твой ученик — научи меня, к тебе прибегнувшего (II. 7).

«Не буду воевать!» — говорит Арджуна Кришне и умолкает (II. 9).

Умолкает — но, как видим, ждет от Кришны разрешения своих сомнений.

С самого начала Арджуна видит в Кришне учителя, наставника — но не в науке воевать, а в науке понимать — понимать те основания (принципы), которые должны определять человеческую жизнь.

Далее следует ремарка Санджая:

Ему сказал Кришна, будто улыбаясь, между двух армий, опечаленному, такие слова (II. 10).

Это «будто улыбаясь» (*prahasann iva*) можно, конечно, счесть рутинной «эпической формулой», вставленной здесь просто для заполнения места в строке⁶⁴. Но данная «формула» встречается в «Гите» здесь в первый и последний раз. Не означает ли она, что последующая — первая, как бы начальная — проповедь Кришны (II. 11—3) действительно говорится с некоторой «улыбкой», т. е. как бы не вполне всерьез: может быть, более серьезно, чем самые первые призывы отбросить трусость (II. 2—), но все-таки не столь же всерьез, как откровения в дальнейших главах? Так или иначе, Кришна произносит длинную речь (II. 11—3), в которой можно выделить несколько смысловых блоков.

«Ты печалишься о том, о чем не должно печалиться», — говорит Кришна (II. И). Убить можно лишь то, что и без того, само по себе смертно, обречено на гибель. А то, что обладает истинным бытием, — неуничтожимо. Бытие и небытие — две совершенно различные «вещи»: у небытия нет бытия, у бытия нет небытия: различие между этими двумя видят видящие истину (II. 16). Применительно к человеку, к людям это означает различие между смертным телом и тем, что в человеке есть помимо тела и что, в отличие от тела, бессмертно: Подобно тому, как тело обладающего телом [обретает сначала] детство, [потом] зрелость, [потом] старость, так [происходит и последовательное] обретение других тел — мудрые в этом не заблуждаются (II. 13). Об «эпических формулах» в «Махабхарате» см.: Гринцер 1974: 32—5. Подобно тому, как, сбрасывая ветшающие одежды, новые, другие человек надевает, так и ветшающие тела сбрасывая, воплощающийся обретает другие, новые (II. 22). Подобные представления о метемпсихозе (перевоплощении души) вряд ли были откровением для Арджуны, поскольку в «Махабхарате» это своего рода «общее место», идеи расхожие и общепринятые (правда, выраженные здесь особенно поэтично). Но, может быть, больше умственных усилий от Арджуны потребовало другое утверждение Кришны: Знай: неуничтожимо то, чем все это проникнуто. Уничтожение того неизменного никто совершить не может⁶⁵ (II. 17). Эта строфа перекликается с ведийскими текстами: от упанишад до гимнов «Ригведы». «Все это» (*sarvam idam*) — характерное для ведийской словесности обозначение мира (бытия) в целом, «всего, что есть»⁶⁶. В самой «Гите» полустишие «чем все это проникнуто» (*yena sarvam idam tatam*) — это, можно сказать, своего рода «формула», но уже не «эпическая», а «формула мысли». В тексте поэмы эта «формула» повторяется дословно еще в двух строфах (VIII. 22; XVIII. 46) и несколько раз употребляются сходные выражения (о чем речь еще пойдет далее). В строфе II. 17, в контексте данного отрывка, «формула» «то, чем все это проникнуто» может быть воспринята как описание неуничтожимой сущности человека, переходящей от рождения к рождению из тела в тело. И такое понимание верно — но не полно. В общем контексте «Гиты» эта «формула» означает еще и неизменную (и непостижимую) суть и сущность всего бытия в целом, то, что «Гита» позже называет словом *Брахман* (взятым из упанишад) и что оказывается тождественным самому Кришне⁶⁷. Но об этом — далее.

65 Или в чуть более свободном, но зато вполне изосиллабическом переводе: «Знай: неуничтожимо то, / чем все это проникнуто. / Уничтоженье вечного / никто не в силах совершить». *

66 См., напр., начало «Иша-упанишад»: «Господом объято это все...» (*Tsavasyam idam sarvam...*), а также строки из знаменитого гимна Пуруше в «Ригведе»: Весть Пуруша (есть) это все, *Puruṣa evedam sarvam* что было и что будет... *yad bhutam yac ca bhavyam...*

67 См. строфу IX. 4: «Многу проникнут этот весь / мир...» (*Maya tatam idam sarvam / jagad...*).

Пока же Кришна продолжает «дискурс» о человеке:

Конечны эти тела вечного воплощающегося, который неуничтожим и непостижим⁶⁸ — поэтому⁶⁹ сражайся, о Арджуна! (II. 18).

Затем идет знаменитая строфа:

Тот, кто считает его⁷⁰ убивающим, и тот, кто мнит его убитым, оба они не понимают:

он ни убивает, ни убиваем (II. 19).

Вслед за доводами «онтологическими» Кришна довольно неожиданно обращается к доводам, которые можно назвать «социальными» или «социально-психологическими». Арджуна, как мы помним, просил Кришну объяснить ему, что есть *дхарма*. Кришна же предпочитает говорить не о *дхарме* вообще, а о *дхарме* кшатрия, т. е. воина. Кришна говорит Арджуне:

Осознав свою *дхарму*, ты не должен колебаться:

ведь лучше, чем праведная⁷¹ война, для кшатрия нет ничего (II. 31).

Если же ты эту праведную («дхармичную») битву не поведешь,

ты, и свою *дхарму*, и славу потеряв, навлечешь на себя зло (II. 33).

Уделив еще три строфы теме бесславия и позора, которые ожидают Арджуну в случае уклонения от битвы, Кришна заключает:

Убитый — обретешь небо, победивший — насладишься [властью над] землею;

поэтому вставай, о сын Кунти, решившись на битву (II. 37).

68 Или: «неизмерим» (*argateya*).

69 Логика этого «поэтому» нередко вызывала критику у западных исследователей «Гиты». Так, напр., М. Винтерниц писал: «Нет такого убийства или такого насилия, которое нельзя было бы оправдать столь жалкой софистикой. Поразительно, как этого не понимают благочестивые читатели "Гиты"» (Wintemitz 1977: 429, примеч. 1).

70 Т. е. «вечного воплощающегося» (II. 18).

71 Букв. «дхармичная» (*dharma*).

В следующих двух строфах опять происходит смена темы — характерным для «Гиты» не логическим, а «ассоциативным» способом.

Строфа II. 38 подхватывает призыв «вставай... на битву», но присоединяет к нему другой «мотив», важный для дальнейшего: «мотив» отрешенного прития любых проявлений бытия:

Равно принимая удовольствия и страдания, обретения и потери, победы и поражения, впрягайся в битву (yuddhaya yujyasva) — так ты не навлечешь на себя зло⁷² (П. 38). Эта строфа примечательна помимо прочего тем, что в ней впервые в «Гите» появляется форма от глагольного корня *уј*, одного из самых употребительных корней в поэме. Как справедливо заметил Р. Зэнер, слова, производные от этого корня, можно назвать ключевыми словами «Гиты»⁷³. Самое известное из этих слов, уже вошедшее в русский язык, — это, разумеется, слово *йога*. Однако знакомство русского читателя с этим словом может скорее помешать, чем помочь пониманию «Гиты». У большинства современных русских со словом *йога* связаны представления о неких экзотических манипуляциях с человеческим телом. Некоторые читатели, может быть, знают и об индийской философской школе под названием *йога*. Оба эти значения слова *йога* можно найти и в «Гите», но в поэме они отнюдь не главные, скорее второстепенные. Вообще санскритский корень *уј* значит прежде всего «соединять», «сочетать», «сопрягать», «запрягать» (например, лошадей), затем «использовать», «снаряжать», «обустраивать» и т. д. Слово *йога* в санскрите весьма многозначно. Это и «сочетание», «соединение», и «запряжание» (например, лошадей), и сама «упряжь»⁷⁴ или «упряжка», и вообще «снаряжение» в разных смыслах этого слова, «использование», «действие», «обустраивание», «способ», «метод», «средство», «путь» какого-либо действия и само «действие», «усилие», «деятельность». В тексте «Гиты» широко используется и обыгрывается многозначность слова *йога*, но, чтобы не потеряться во всем этом изощренном многообразии, можно, вслед за Й. ван Бейтеном⁷⁵, исходить из того, что чаще всего и прежде всего слово *йога* в «Гите»

⁷² Последние слова последнего полустихия — такие же, как в конце строфы П. 33 (см. выше). Подобные повторы-переклички очень характерны для «Гиты». "См.: Bhagavad Gita 1969: 138.

⁷⁴ Санскритскому слову *йога* этимологически родственны английский *yoke* и русское *йго* (первоначальное значение — «ярмо», т. е. средство запрягать рабочий скот). "См.: Buitenen 1981: 162.

означает вообще «упорное и целенаправленное усилие (деяние)», а в частности — деяние «без заинтересованности в плодах» (как идеал любого деяния — см. далее). Впервые слово *йога* появляется в строфе П. 39, где оно может быть переведено просто как «деятельность», «практика». Подводя предварительный итог уже сказанному, Кришна говорит Арджуне:

Таково понимание (объяснение) в плане размышления (теории); теперь же выслушай [объяснение] в плане деятельности (практики — *йоге*); Оснащенный таким пониманием, о Арджуна, ты отбросишь пути деяний⁷⁶ (П. 39).

Но прежде чем перейти к позитивному изложению своих взглядов на «деятельность» и «деяния», Кришна посвящает несколько строф (П. 42—6)

«критике» тех, кто привержен ведийскому ритуализму (*veda-vada-ratah*). Стоит привести последнюю строфу из этого ряда:

Сколь пользы в колоде (бассейне? пруде?)⁷⁷, когда кругом — вода в изобилие, столь же [пользы] во всех Ведах для брахмана, обладающего знанием⁷⁸ (П. 46). Затем строфы П. 47—3 посвящены собственно теме «деяний». Первая строфа этого ряда — одна из самых известных строф поэмы:

⁷⁶ *Karma-bandham* — можно, конечно, перевести и как «футы (узы) кармы» (ср.: Семенцов 1985: 153). Но санскритское слово *karma(n)*, очень часто используемое в «Гите», значит прежде всего «дело», «деяние», «фюстук» и т. д. и лишь вследствие этого значения — также и ту «впутанность в бытие», которую (согласно индийским представлениям) влекут за собой человеческие деяния (то, что европейцы называли «законом кармы»). В «Гите» слово *karma(n)* используется чаще всего, пожалуй, в своем первоначальном значении, хотя нередко (как и в случае с *йога*), очевидно, обыгрывается многозначность этого слова.

⁷⁷ Санскритское слово *ida-rapa* можно буквально перевести как «водо-пой» (*uda* — «вода», *rapa* — «питье»).

⁷⁸ Эта строфа (как и немало других строф «Гиты») вызвала много разнотолков у исследователей. Но здесь достаточно отметить отсутствие безусловного пиетета перед Ведами и предпочтение им некоего «истинного» знания — очевидно, того, которое можно найти в самой «Гите». Ср., однако, пер. В.С. Семенцова: «Если людям полезен колодец, / изобильно водою текущий, / то и в Ведах не меньше пользы / для разумного брахмана...» (Семенцов 1985: 154). Возможно, В.С. Семенцов ориентировался на какие-то индийские комментарии, стремившиеся сгладить антиведийские высказывания «Гиты».

Только на деяния (работу, труд) ты имеешь право, [но] на плоды [их] — никогда; да не будет у тебя мотивом (причиной) [деяний] [желание обрести] плоды [этих] деяний; но не будь и привязан к бездеятельности (П. 47). Это одна из формулировок той «теории незаинтересованного действия», о которой часто говорят и пишут в связи с «Гитой». Многие индийцы извлекали и извлекают из этих слов Кришны утешительную жизненную философию: человек должен трудиться, но не должен ожидать награды за свои труды, не получать вознаграждения за труд — вполне естественно. Впрочем, в самой «Гите» речь идет не только об этом. Рассмотрим еще одну строфу из той же серии: Оснащенные пониманием (*buddhi-yukta*) мудрые, отвергнув плод(ы) деяний, от пут рождений⁸⁰ освобожденные, к состоянию идут беспечальным⁸¹ (П. 51). В этой строфе выражена мысль, которую можно считать одной из главных в «Гите». Мысль эта — своего рода компромисс между идеалом *мокиши* («освобождения от бытия») и идеалом (или необходимостью) активной, деятельной жизни в мире. Существовало представление, что любая деятельность, любые дела привязывают человека к бытию — и освободиться от «пут деяний» («пут кармы») можно, только отказавшись от любых дел, уйдя в аскезу совершенного недеяния. «Гита» же утверждает, что, во-первых, состояние совершенного недеяния для человека невозможно (об этом идет речь в третьей главе поэмы), а во-вторых, если действовать «незаинтересованно» (т. е. не будучи заинтересованным в плодах деяний), то сами деяния потеряют свою «связывающую», «впутывающую» силу. Иными словами, человек может активно жить в мире и в то же время быть своего рода «аскетом», устремленным к *мокише* и в конце концов обретающим оную. Заключительная часть второй главы (П. 55—2) посвящена описанию такого человека, обладающего «устойчивым сознанием» (*sthita-prajna*). Вот характерная строфа из этой серии:

⁷⁹ По-видимому, это надо понимать в том смысле, что «мудрые» отрешаются от желания непременно получать «плоды» своих трудов.

⁸⁰ *Janta-bandha*. Есть вариант (разночтение): *karma-bandha* — «от пут деяний» или «от пут кармы».

Современные переводчики, как правило, соглашаются с Шанкарой, который понимал здесь «беспечальное состояние» как *мокишу*, освобождение от *сансары*. Среди печалей не горюющих, среди удовольствий не жаждающих, свободный от страстей, страха и гнева, — вот мудрец с устойчивым сознанием (П. 56). Примечательна и последняя строфа второй главы: Таково высшее (*brahmi*) состояние, о Арджуна, достигнув которого [человек больше] не заблуждается; утвердившись в нем, хотя бы на пороге смерти, он обретает высшую нирвану (*brahma-nirvanam*) (П. 72). Эта строфа интересна тем, что в ней высшая цель человека названа словами, явно заимствованными из словаря буддистов⁸². «Гита» и буддизм — это особая сложная тема, которая еще не очень хорошо исследована и таит в себе немало интересных проблем. Следующая, третья, глава «Гиты» посвящена в основном также проблемам «деяний». Здесь мы рассмотрим несколько наиболее любопытных строф этой главы. В одной из первых строф Кришна говорит:

В этом мире два пути (образа действий, образа жизни) давно объявил я, о Беспорочный:

путь знания для людей созерцательных (размышляющих) и путь действия для людей деятельных (III. 3).

Итак, «путь знания» (*jñāna-yoga*) и «путь действия» (*karma-yoga*).

Далее в поэме появляется и выражение «путь *бхакти*» (т. е. путь любви и преданности) (*bhakti-yoga*). Куда ведут эти пути? Иногда речь идет о «высшей цели», т. е. «освобождении» от бытия (*мокише*), иногда — о соединении с Кришной как Высшим Божеством и Абсолютом (об этом — далее). В контексте «Гиты» эти две цели как будто сливаются: соединение с Высшим Божеством и есть чаемое освобождение. По крайней мере, такова одна из возможных интерпретаций «Гиты». Соотношение между тремя изванными «путями» в «Гите» отнюдь не просто, не однозначно. В разных работах о «Гите» можно встретить на этот счет весьма различные мнения. Иногда пишут, что якобы в поэме главным провозглашается «путь знания», иногда — что «путь действия», иногда — что «путь *бхакти* (любви)». Однако подобные суждения основаны на раз-

⁸² См., напр.: Bhagavad Gita 1969: 158—59, 212—15.

⁸³ Ср. в европейской традиции различие «жизни созерцательной» (*vita contemplativa*) и «жизни деятельной» (*vita activa*).

личных — но так или иначе *пристрастных* — интерпретаций текста.

Непредвзятое же чтение поэмы скорее приводит к такому выводу: «В Гите нет явных указаний на превосходство какого-то одного из них (т. е. из трех "путей"». — С. Д. С.), если же такие указания встречаются, то они носят противоречивый характер».

Пожалуй, менее известна, но не менее примечательна мысль, высказанная в двух других строфах третьей главы. Призывая Арджуну к деятельной жизни, Кришна, среди прочего, говорит: Именно деятельностью успеха добились Джанака⁸⁵ и другие:

[поэтому] ради благоустройства мира (*loka-samgraha*) ты должен быть деятельным (III. 20).

И еще чуть далее:

Привязанные к своим деяниям, неведаящие совершают их (т. е. деяния), о Арджуна; знающий да совершает их без привязанности, стремясь к благоустройству мира (*loka-samgraha*) (III. 25).

Правда, ни здесь, ни далее «Гита» не разъясняет подробно, что именно следует понимать под «благоустройством мира». Для поэмы более характерны рассуждения в масштабах личности, рассуждения о наилучшей «стратегии» индивидуального поведения, а не о «стратегии»

обустройства мира в целом. Иными (индийскими) словами, поэма больше озабочена *дхармой* (точнее — *дхармами*) отдельных (разных) людей, чем некой универсальной *дхармой*. В той же, третьей, главе Кришна говорит Арджуне: Лучшее своя дхарма, хотя и недостойная, чем чужая дхарма, [даже] хорошо выполненная; лучше смерть [при исполнении] своей дхармы; чужая дхарма — опасна (вредоносна) (III. 35).

Мысль эта, очевидно, столь важна для «Гиты», что почти дословно повторяется еще раз — в последней, восемнадцатой, главе: Лучшее своя дхарма, «хотя и недостойная, чем чужая дхарма, [даже] хорошо выполненная; собственной [его] природой установленное дело делая, [человек] не навлекает на себя зла (XVIII. 47).

84 Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 118.

Джанак — легендарный царь Видехи; в упанишадах — участник мудрых бесед.

В конкретном контексте «Гиты» и «Махабхараты» эти общие утверждения означали, конечно, что Арджуна должен был выполнять свою *дхарму* кшатрия-воина, т. е. идти и сражаться. Четвертая глава обращается к темам более отвлеченным и божественным.

Кришна говорит Арджуне: Это учение непреходящее я поведал Вивасвану⁸⁶, Вивасван передал его Ману⁸⁷, Ману — Икшваку⁸⁸ (IV. 1).

Так передаваемое от одного к другому его знали царственные мудрецы, [но] с течением времени в этом мире это учение было потеряно, о Арджуна (IV. 2).

Именно это мною тебе сегодня учение поведано древнее: потому что ты мой бхакт, ты мой друг, а это — высшая тайна (IV. 3).

Арджуна поражен: ведь он принимал Кришну за своего друга и двоюродного брата, т. е. за человека с человеческим сроком жизни⁹⁰, — тут Кришна вдруг говорит, что он в незапамятные времена сообщил свое учение богу Вивасвану (IV. 1). В ответ на недоумение Арджуны Кришна объясняет (лучше сказать: «открывает» — это именно откровение) ему, что он, Кришна, на самом деле — «вечный» (*avyaya*) и «нерожденный» (*aja*) Бог⁹¹, «владыка существ» (*bhutanam isvara*), по собственной воле (*atma-mayaya*) пришедший в мир (IV. 6). В двух следующих знаменитых строфах кратко изло

86 Вивасван (или Вивасват, букв. «сияющий») — в ведийской мифологии солнечное божество и родоначальник людей.

87 Ману (собственно «человек») — сын Вивасвата, первый человек.

88 Икшваку — старший сын Ману, основатель Солнечной династии царей. Исследователи обычно отмечают, что эта традиция откровения, согласно Кришне, сохранялась в среде не брахманов, а именно царей-кшатриев.

89 Там впервые в поэме появляется слово «бхакт» (*bhakta*) и вообще корень *bhaj* — о которых см. примеч. 2. 7.

90 В предыдущих «книгах» «Махабхараты» Арджуна, впрочем, имел и другие случаи узнать о божественной природе Кришны, но здесь в силу своего рода «художественной условности» он будто бы забывает об этом.

91 Здесь уместна и даже необходима заглавная буква в слове «Бог»; потому что речь идет не о каком-либо одном боге многобожного пантеона, а о Божестве высшем и в своем роде единственном (хотя и отличном, очевидно, от единого Бога авраамитских религий).

жено представление об *аватарах*, «нисхождениях» Бога (или просто бога) в мир: В тех случаях, когда дхармы упадок происходит, о Арджуна, и торжество адхармы — тогда я порожаю (букв.: сотворяю) себя⁹³ (IV. 7). Для защиты праведных и для уничтожения неправедных, для утверждения дхармы я прихожу в бытие из века в век⁹⁴ (IV. 8).

Не менее интересны (хотя, может быть, менее популярны) три следующие строфы, которые, по мнению Р. Зэнера, «как бы резюмируют все учение Гиты»⁹³:

Мое рождение и мое дело (*карма*) божественное кто знает так доподлинно, тот, оставив тело, к новому рождению не приходит — [а] приходит ко мне, о Арджуна (IV. 9).

Преодолевшие страсть, страх и гнев, мною проникнутые, ко мне устремленные, многие, подвижничеством познания (*jnana-tapasa*) очищенные, достигли моего бытия⁹⁶ (IV. 10).

92 В санскрите, как и в греческом, а — означает отрицание. Таким образом, *adharma* — это «не-дхарма», «без-дхармие», «отсутствие дхармы» или «нечто противоположное дхарме» (ср.: «аномия» — «беззаконие»).

93 Почти такая же строфа есть и в третьей «книге» «Махабхараты». Ср. пер. В.Я. Василькова и С.Л. Невелевой: «Всякий раз, когда отступает справедливость и торжествует беззаконие, о достойнейший, я воссоздаю сам себя» (Араньякапарва 1987: 388).

94 Автор данной статьи однажды увидел эту строфу на стене в доме бомбейского бизнесмена; она была вышита шелком на ткани и помещена под стекло, в рамочку.

95 «...May be said to sum up the whole teaching of the Gita» (Bhagavad Gita 1969:185). Р. Зэнер не ссылается при этом ни на какие индийские источники, так что возможно, что это «всего лишь» его личное мнение. Но и в таком случае оно ценно как мнение одного из самых внимательных (хотя и не самых беспристрастных) западных читателей и исследователей «Гиты».

96 Или: «стали одной сущности со мною, приобщились к моему бытию (к моей сущности)» и т. п. Подобные выражения в «Гите» могут интерпретироваться весьма поразному.

Кто как ко мне прибегает (обращается), того так и я почитаю (*bhajami*); моим путем ходят люди повсюду, о Арджуна (IV. 11).

Толкованию этих строф, как и «Гиты» в целом, посвящено уже немало страниц. Здесь отметим лишь три главных момента. Во-первых, из этих строф можно понять, что «освобождение от рождений», т. е. *мокши*, отождествляется с «приходом к Богу»⁹⁷. Во-вторых, здесь подчеркивается роль «знания» в достижении такого «освобождения». В-третьих, хоть и несколько приглушенно, но все же звучит тема *бхакти*, эмоциональной приверженности Богу, устремленности к Нему. Вообще «Гиту» можно сравнить с музыкальным произведением из многих частей. «Музыка текста» творится из различных «тем» и «мотивов», которые по-разному развиваются и сочетаются от части к части. В четвертой главе преобладает тема «знания» (или «мудрости»). Вот строфы, в которых эта тема звучит *fortissimo*: Даже если ты из злодеев всех — самых зловещих, всякое на лодке знания (*jnana-plavena*) зло ты преодолеешь (IV. 36). Подобно тому как зажженный огонь дрова превращает в золу, о Арджуна, так и огонь знания все дела превращает в золу (IV. 37). В главах пятой и шестой вновь на первый план выходит тема «деяний» — и тема их сочетания с «отрешенностью». Но возникают и некоторые новые мотивы. Примечательна, например, такая строфа: Обретают высшую нирвану (*brahma-nirvanam*) мудрецы-провидцы, отбросившие скверну, разрушившие сомнения, овладевшие собой, преданные благу всех существ (V. 25).

«Преданные благу всех существ» (*sarva-bhuta-hite ratah*) — это своего рода «формула», которая еще раз повторяется в самой «Гите» (в строфе XII. 4) — и много раз в других «книгах» «Махабхараты». Как справедливо отмечает Р. Зэнер, подобная «формула» вряд ли могла 97 В строфе IV. 9 слова «приходит ко мне» Шанкара объясняет именно как «освобождается», «обретает мокшу» — и такое объяснение кажется вполне естественным (хотя Р. Зэнер его и оспаривает).

появиться в упанишадах (с их преобладающей установкой на отрешенность от мира) и поэтому вполне возможно, что она впервые возникла именно в «Гите»⁹⁸. Вместе с тем эта «формула» весьма напоминает буддийские формулировки, особенно в текстах махаяны. Но, как всегда, остается открытым вопрос, в какой среде — буддийской или «индусской» — подобные идеи возникли первоначально. Даже если эти идеи были позаимствованы «Гитой» у буддистов, в поэме они включены в контекст совсем не буддийских, теистических представлений, как, например, в последней строфе пятой главы, в которой Кришна вновь утверждает свою высшую божественную сущность: [Всех] жертвоприношений я — получатель, всего мира великий владыка, друг всех существ; кто знает меня [таким], тот обретает мир (покой)» (V. 29). Из шестой главы рассмотрим две строфы: Во всех существах себя и все существа — в себе зрит тот, чье «я» устроено [правильным] устроением, во всем одно видящий (VI. 29). Тот, кто меня видит во всем [мироздании] и все [мироздание] видит во мне, для того я не уничтожаюсь и тот для меня не уничтожается (VI. 30). По мнению Р. Зэнера, «значение этой строфы (VI. 30. — С. Д. С.) вряд ли может быть преувеличено». Британский теолог толкует эту строфу в том смысле, что даже в состоянии «освобождения» (*мокши*) личность человека и личность Бога продолжают существовать как две отдельные сущности; «освобождение» — это всего лишь «начало личной встречи целостной и освобожденной личности (*self*) с Босом»¹⁰⁰. Вряд ли такое толкование дал бы какой-либо традиционный индийский (индусский) комментатор, но вполне в духе индийской традиции — признать за европейским ученым право на «См.: Bhagavad Gita 1969: 215. Шанкара поясняет, что речь опять-таки идет о *мокше*.

собственное (христианское) понимание слов «Гиты». Этот пример показывает также, что поэма таит в себе еще немало возможностей для новых (иноверных, инокультурных) интерпретаций и немало возможностей для межкультурных диалогов. Но вернемся пока к диалогу Кришны и Арджуны. В начале седьмой главы нас ожидает новый поворот. Кришна говорит Арджуне:

Знание — мудрость поведаю тебе полностью (без остатка), познав которое ничего более в этом мире познавать [тебе] не останется¹⁰¹ (VII. 2).

И вот, очевидно, в чем состоит это «окончательное откровение»:

Превыше меня нет ничего, о Арджуна!

На меня все это нанизано, словно на нить — жемчужины (VII. 7).

Слова «на меня все это нанизано» (*mayi sarvam idam protam*) явным образом переключаются с «формулой» «[тот], кем все это проникнуто» (*yena sarvam idam tatam*), о которой шла речь ранее. Так, можно сказать, Кришна отождествляет себя с сущностью, с самим бытием мироздания. Далее в главе эта идея разрабатывается с подробностями, на которых здесь нет возможности остановиться. Кришна говорит также о разных типах людей, поклоняющихся ему.

В частности: В конце многих рождений мудрый (знающий) приходит ко мне, [познав, что] Васудева — это все.

Такая великая душа — редкость (VII. 19). Здесь опять «знание» — верный путь к Богу; *bhakti* — в «подтексте», а о «пути деятельности» — ни слова.

¹⁰¹ Эта мысль о полноте, окончательности и всеобъемлющем характере сообщаемого «знания» очень существенна для «Гиты», что, по-видимому, роднит ее с другими текстами, содержащими «откровения». Ср. замечание отечественных авторов: «Знание, дающее верующему видение высшего божества, провозглашается исчерпывающим; обладающий им не нуждается уже в каком-либо ином прозрении» (Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 118; Бонгард-Левин 1993: 116).

Восьмая глава развивает разные темы, связанные с природой Бога и взаимоотношениями между Ним и человеком. Среди прочего речь заходит и о том, сколько важно в момент смерти обратить свои помыслы к Богу:

В час смерти кто, меня вспоминая, оставляет тело и уходит [из жизни], тот в мое существо входит — нет сомнения (VIII. 5).

И далее: Ко мне придя, новое рождение — обитель печали непостоянную — не обретают великие души, совершенства высшего достигшие (VIII. 15). И все же после всего (столь многого!) сказанного, в начале следующей, девятой, главы Кришна словно повторяет («на новом витке спирали»?) то, что говорил в начале седьмой главы:

Это самое тайное тебе поведаю, не таящему недоброе (или: не ропшущему), знание — мудрость, зная которое ты освободишься от зла (IX. 1). Однако то, что следует за этим обещанием, сначала кажется лишь вариациями на уже знакомые темы:

Мною проникнут этот весь (*mayā tatam idam sarvam*) мир — [мною], чей облик не явлен; во мне пребывают все существа,

[но] я не пребываю в них (IX. 4). Не признают меня глупцы (или: заблуждающиеся), [меня], в человеческое тело облекшегося,

высшую сущность не знающие мою — владыки всех существ (IX. 11).

Великие души, о Арджуна, принимая [мою] божественную природу, почитают (*bhajanti*) меня и только меня,

зная, [что я —] непреходящее начало всех существ (IX. 13).

Но вскоре возникают и новые мотивы:

Я — отец этого мира,

[а также] мать, устроитель и прародитель;¹⁰²

[я — то, что должно знать; [я —] то, что освящает [мир];

[я —] священный слог «ом»;

[я — также гимны] Ригведы, Самаведы и Яджурведы (IX. 17).

Даже те, кто, будучи привержен другим богам, поклоняются им, проникнутые верой, Даже они мне, о Арджуна, поклоняются, хотя и не по установленным правилам (IX. 23). Одинаково я отношусь ко всем существам, нет ни ненавидимых, ни любимых; но те, кто преданно поклоняются мне¹⁰³, те — во мне, и в них — я (IX. 29). Ближе к концу главы Кришна прибегает к такому поистине поразительному откровению:

О Арджуна, ко мне прибегнув, даже рожденные в скверне,

[даже] женщины, вайшьи и шудры — даже они достигают высшего удела (IX. 32).

Но спешит тут же добавить: Тем более благочестивые брахманы и царственные мудрецы-бхакты.

В этом непостоянном, полном страданий мире родившись, почитай-любви меня (*bhajasva mām*) (IX. 33).

И вот самая последняя строфа главы (первой своей половиной в точности совпадающая с одной из заключительных строф поэмы — XVIII. 65):

На меня сознание направляй, моим бхактом будь, мне приноси жертвоприношения, мне поклоняйся;

ко мне ты придешь, так обустроив себя, устремленный ко мне (IX. 34).

¹⁰² Букв. «дед».

¹⁰³ В оригинале: *...ye bhajanti tu mām bhaktya*.

В следующей, десятой, главе тема Кришны как высшего Божества, «великого владыки миров» (X. 3), развивается крещендо. Вот две характерные строфы из этой главы:

Я — всего источник, из меня все происходит; так зная, поклоняются мне мудрые, наделенные чувствами (X. 8).

Я — то «я», о Арджуна, что находится в сердцах всех существ; я — и начало, и середина [всех] существ — и [их] конец (X. 20).

Одиннадцатая глава поэмы — ее своего рода сюжетный и эмоциональный апогей. Арджуне уже недостаточно слов, он говорит: «Хочу видеть твою божественную природу» (XI. 3). Кришна согласен и наделяет Арджуну божественным взором (XI. 8), поскольку обычное человеческое зрение не способно было бы воспринять подлинный облик Бога, явление им своей подлинной сути (его теофанию). Кришна говорит:

Если бы тысяча солнц, в небе вместе явившись, воссияла — подобно было бы то [сияние] сиянию этой Великой Души¹⁰⁵ (XI. 12).

Видение Арджуны отличается от прочих строф поэмы и своей поэтикой, которую можно назвать поэтикой космического ужаса¹⁰⁶. Большая часть строф одиннадцатой главы написана не обычным эпическим ануштубхом (восьмисложником), а триштубхом — строками в одиннадцать слогов, более емкими и, видимо, более соответствующими масштабу и духу «видения».

Вот некоторые строфы этого эпизода в переводе В.С. Семенцова:

¹⁰⁴ В оригинале: *...Ṣṭ matva bhajante mām* — опять характерное сочетание «знания/понимания» и «бхакти/любви/поклонения»; при этом причинно-следственная связь именно такова: от «знания» к «поклонению».

¹⁰⁵ Именно эти строки из «Гиты» вспомнил Р. Опенгеймер во время первого испытания атомной бомбы (см.: Юнг 1960: 172).

¹⁰⁶ Именно из-за этого отличия М. Винтерниц считал видение Арджуны более поздним добавлением в текст поэмы (см.: Winternitz 1977: 436).

Многозначное откровение «Бхагавадгиты» 329

[Арджуна сказал:]

Вижу богов я в Твоем, Боже, теле, вижу существ разнovidные толпы, вижу на лотосе Брахму-владыку, вижу провидцев, божественных змиев (XI. 15). Все, что ни есть меж землею и небом, страны все света — собою Ты обнял; видя невиданный облик Твой страшный, в ужасе, Боже, трепещут три мира (XI. 20).

Образ ужасен Твой тысячеклюкий, тысячерукий, бесчисленноглазый; страшно сверкают клыки в Твоей пасти.

Видя Тебя, все трепещет; я тоже (XI. 23). Вот они все — сыновья Дхритараштры, Бхишма и Дрона, и тот сын возницы,

прочих царей вереницы, героев, и предводители воинов наших (XI. 26) — внутрь Твоей пасти, оскаленной страшно,

словно спеша, друг за другом вступают; многие там меж клыками застряли — головы их разможенные вижу (XI. 27).

Кто Ты? — поведай, о ликом ужасный! Слава Тебе, высший Боже! Помилуй! О изначальный! Изведать хочу я,

что совершить Ты намерен — скажи мне! (XI. 31). [Кришна отвечает:]

Время Я — \$фра извечный губитель. Весь этот люд Я решил уничтожить.

В битву ты вступишь иль битву покинешь, воинам этим пощады не будет (XI. 32).

Так поднимайся! Добудь себе славу! Царством, врагов перебив, наслаждайся!

Их ведь заранее всех поразили Я: будь лишь оружием Моим, славный лучник! (XI. 33).

Дрону, и Бхишму, и Карну, сын Притхы, и Джаядратху — бойцов превосходных — ты не колеблясь убей, Мной убитых!

С ними сразись! Ты их всех одолеешь (XI. 34). Таким образом, после общих рассуждений о Боге и человеке здесь мы

вновь возвращаемся к исходной конкретной проблеме: почему Арджуне следует идти в бой — и Арджуна получает еще один ответ.

Оказывается, все противники Арджуны уже заранее убиты Богом — и Арджуне предстоит совершить лишь своего рода символическое действие по их убийству, выступив в роли некоего «орудия» божественного промысла.

Арджуна удовлетворен и обрадован таким объяснением. Он произносит длинный гимн во славу Кришны (XI. 36—6), но под конец все же просит Бога предстать перед ним в своем более привычном виде. Кришна выполняет просьбу Арджуны и при этом подчеркивает, что оказал ему своей теофанией высочайшую милость, которой не устаиваются даже боги: Арджуна заслужил эту милость исключительно своей любовью-преданностью Кришне (XI. 52—4). Заключительная (55-я) строфа главы содержит нечто вроде определения бхактиЮ/. По мнению Шанкары, эта строфа выражает «суть всего учения 1 иты >> :

Действующий ради меня, считающий меня наивысшим, преданный мне (или: мой бхакт) без иных привязанностей, невраждебный ко всем существам — приходит ко мне, о Арджуна (XI. 55). Сле/пую, двенадцатая глава — это (если продолжить сравнение с музыкой) иличные вариации на темы бхакти. Из двадцати строф этой главы рассмотрим только две:

Кто, все свои деяния мне посвятив (вручив)109, устремленные ко мне, с единонаправленным усилием

сосредоточившись на мне сознанием, мне поклоняются (XII. 6),

107 С. Радхакришнан в своем примечании к данной строфе пишет: «Это суть бхакти» (Bhagavadgita 1948: 289).

108 В оригинале: ...sawasya gita-fratrasya sarabhutarthahi (Sathkaracarya 1983: 381).

109 В оригинале satyasya, что можно перевести как «[мне] отбросив» Это выражение допускает, по-видимому, разные толкования.

Для тех я спасителем110 из океана смерти-сансары буду сразу, о Арджуна, — для тех, чье сознание проникнуто мною (XII. 7).

Р. Зэннер не преминул заметить, что в этих строках выражено «новое для индуизма» представление о Боге-спасителе, «Боге благодати» (a God of grace), близкое к представлениям о Боге в христианстве111. Но есть здесь и сходство (о котором Р. Зэннер не упоминает) с образом Будды или бодхисаттвы в буддизме махаяны. Западные исследователи уже давно размышляли о возможном влиянии христианских идей на «теологию» «Гиты», как и о возможном влиянии христианства на становление буддизма махаяны. Однако никаких достоверных результатов в этой области получить не удалось — и вряд ли удастся в силу самой «природы материала». Как и в случае других подобных проблем из истории культуры, по крайней мере столь же (если не более) вероятным остается предположение о параллельном и независимом возникновении сходных явлений. Тринадцатая глава поэмы, по выражению Р. Зэннера, «самая запутанная во всей "Гите"»112, полна весьма специальных рассуждений и экзотических терминов, для обсуждения которых здесь нет места. Однако одну строфу из этой главы все же стоит привести. Кришна говорит Арджуне:

То, что следует знать, я тебе поведаю, — узнав это, достигают бессмертия: [это] безначальный, высший Брахман, который ни существует, ни не существует (XIII. 12). Брахман здесь — это слово из упанишад, обозначающее высшую и подлинную реальность, непознаваемую, невыразимую и т. д. В следующей главе это слово появляется вновь — в двух очень важных строфах (XIV. 3 и XIV. 27). В начале четырнадцатой главы Кришна опять произносит своего рода «формулу откровения»:

Высшее теперь я провозглашу из всех знаний знание высочайшее: зная которое все мудрые высую цель достигли (XIV. 1).

110 Букв. «поднимателем» «вынимателем» (samuddharta).

111 См.: Bhagavad Gita 1969: 327.

112 Там же: 332.

Само же откровение заключается, очевидно, в следующем:

Великий Брахман — моя утроба, в него [свое] семя я влагаю; (за)рождение всех существ от этого происходит, о Арджуна (XIV. 3).

В заключительной строфе главы Кришна говорит о своих отношениях с Брахманом несколько иначе: Я — опора (основа) [и] Брахмана, бессмертного и неизменного, и вечной дхармы, и вечного блаженства (XIV. 27).

При всей взаимной противоречивости этих двух утверждений (впрочем, при желании, наверно, можно было бы найти для них какой-нибудь «общий знаменатель») достаточно ясно одно: Кришна провозглашает, что он «главнее» даже Брахмана, Абсолюта упанишад. Кришна — «основа основ» и (если можно так сказать) «Абсолют Абсолюта».

Однако этот Абсолют — личностей; это — Личность. Так, в следующей, пятнадцатой главе читаем:

Поскольку я превосхожу преходящее и даже непреходящего я выше, то и в миру, и в Ведах я известен как Высшая Личность (purusottama) (XV. 18). Тот, кто, не заблуждающийся, знает меня так — [как] Высшую Личность, тот, всезнающий, любит-почитает меня (bhajati mam) всем [своим] существом, о Арджуна (XV. 19).

Главы шестнадцатую и семнадцатую в данном обзоре «Гиты» можно пропустить. Сравнительно краткая шестнадцатая глава описывает свойства людей благочестивых («божественных»), с одной стороны, и людей злых, нечестивых («асурических») — с другой. Глава семнадцатая перечисляет различные проявления трех «качеств» (гун) — саттвы, раджа и тамас, — а также комментирует сакральную формулу из упанишад: OM-TAT-CAT («ОМ-ТО-ИСТИННО»).

Восемнадцатая, заключительная, глава отчасти подводит итоги поэмы, как бы вновь «проигрывая» некоторые из ключевых тем. Но возникает и новая Многозначное откровение «Бхагавадгиты» 333 т е м а — сравнительные характеристики и взаимодополняющие обязанности четырех варн, четырех идеальных «классов» общества: брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. Вот три строфы в переводе В.С. Семенцова:

Чистота, успокоенность, тапас, обузданье, терпенье, нелживость, вера, знание, житейская мудрость — вот достоинства брахманов, Партва (XVIII. 42).

Сила, твердость, смекалка, доблесть, неспособность в бою к отступлению, прирожденная щедрость, властность — это признаки кшатриев, Партва (XVIII. 43).

Земледелие и торговля, разведение скота — вайшьи дело. Все, что связано с услужением, то природе шудр подобает (XVIII. 44).

И далее:

Источнику деятельности [всех] существ, [тому,] кем все это проникнуто (yena sarvam idam tatam), своими деяниями ему служа, человек обретает успех (совершенство) (XVIII. 46). В контексте данного отрывка это означает, что человек, выполняя деятельность, предписанную его касте, тем самым поклоняется Богу и достигает совершенства. Затем идет строфа, первая половина которой в точности повторяет строфу III. 35:

Лучше своя дхарма, хоть и недостойная, чем чужая дхарма, [даже] хорошо выполненная; собственной природой определенное дело делая, [человек] не навлекает на себя зла (XVIII. 47).

Однако в конце той же главы вновь — и с новой силой — высшей ценностью и высшей нормой провозглашается бхакти — любовь-приверженность к Богу. Кришна говорит Арджуне: И вот самое сокровенное слушай мое последнее слово: люб ты мне очень, поэтому поведаю тебе, [в чем твоё] благо (XVIII. 64).

На меня сознание направляй, моим бхактом будь, мне приноси жертвы, мне поклоняйся; ко мне ты придешь, поистине тебе обещаю, [ибо] любим ты мною113 (XVIII. 65). Все [прочие?] дхармы отвергнув, меня одного избери прибежищем; я тебя от всех зол (скверн) освобожу (mokṣayisyami) — не печалься! (XVIII. 66). В комментарии Шанкары это четверостишие названо «словами, содержащими суть всех упанишад»114 (sarva-vedānta-sāra-vihitam vaktvīyam)n.i. Последователи же Рамануджи, как пишет С. Радхакришнан, «рассматривали эту строфу как cāraṁ śloka, т. е. как завершающие стихи всей книги»116. Текст поэмы на этом, однако, не завершается. Кришна делает еще несколько заключительных замечаний. Они типичны для традиционных индийских текстов и содержат, с одной стороны, восхваления самого текста, а с другой — своего рода «инструкции по его применению». Кришна говорит Арджуне:

Тому, кто не прошел через [соответствующую] аскезу, кто не исполнен благоговения (бхакти) и смирения, кто меня хулит, — тому никогда не говори [то, что я тебе сказал] (XVIII. 67).

[Но] кто эту высшую тайну среди моих бхактов провозгласит, тот, [сам] проявив ко мне высшую преданность (бхакти), ко мне придет несомненно (XVIII. 68).

113 Ср. выше строфу IX. 34.

114 Пожалуй, это одна из «натяжек» Шанкары. В «главных» упанишадах все-таки не звучит так сильно идея бхакти (хотя само слово редко, но встречается). В современной науке принято считать, что именно в «Гите» «представление о всеобъемлющей любви к богу {бхакти} впервые выдвигается в качестве религиозного идеала» (см.: Бонгард-Левин, Герасимов 1975: 130; Бонгард-Левин 1993: 123). Стоит в этой связи заметить, что бхакти в «Гите» еще не имеет тех экзотических и/или эротических обертонов, которые появились позже.

115 Samkaracarya 1983: 616.

116 Bhagavadgita 1948: 379.

Тот же, кто прочитает (adhyesate)117 эту нашу с тобой дхармичную беседу (dharmaṁ samvadam), тот меня жертвоприношением знания (jñāna-yaṁjēna)118 почит — так я верю (XVIII. 70). Исполненный верой и не рошущий, человек, который выслушает [эту нашу беседу], попадет в благие миры тех, кто совершал чистые деяния (XVIII. 71). Наконец, сам Арджуна восклицает:

Уничтожено заблуждение, понимание обретено мною по твоей благодати, о Кришна!

Я стою, лишенный сомнений, — выполню слово твое (XVIII. 72).

И пять самых последних строф (XVIII. 74—8) — это уже восторженные слова Санджай, ликующего оттого, что ему довелось быть слушателем и свидетелем «этой дивной беседы» (XVIII. 76). Вот уже более полутора тысячелетий (если не дольше) эту дивную беседу слушают (по-разному ее толкуя) в Индии и более двухсот лет — в остальном мире (прибавляя все новые и новые толкования). Нам в России еще только предстоит в нее вслушаться — и, может быть, извлечь из нее (или с ее помощью — из самих себя) какие-то важные и новые для нашей жизни смыслы.

117 Интерпретация «Гиты» в книге В.С. Семенцова основана на (интересном, но спорном) толковании одного этого слова (см.: Семенцов 1985: 43). Объяснению этого сложного слова В.С. Семенцов посвятил в своей книге специальную главу (см.: Семенцов 1985: 67—4).

КОММЕНТАРИИ

В более чем полувековой истории перевода на русский язык «Махабхараты», замышлявшегося как полный, достаточно отчетливо выделяются два периода, рубеж между которыми кладет издание «Араньякапарвы» 1987 г. Особенную ценность в этом издании донные сохраняют обстоятельный, основанный на серьезном и глубоком исследовании содержания текста культурно-исторический комментарий к переводу третьей книги эпоса, представляющей собой один из наиболее значительных древних памятников индуистской идеологии (в частности, также важный источник для изучения культа святых мест паломничества в индуизме). Переводы В.И. Кальянова, ориентирующиеся преимущественно на традиционный комментарий Нилакантхи, несомненно, сыграли в свое время определенную роль в ознакомлении русского читателя с содержанием древнеиндийского эпоса, но в основном оставались на уровне выполненных индийскими учеными многочисленных английских переводов (literal translations) памятников санскритской литературы, публикация которых в Индии в научных сериях на протяжении десятилетий охватила все сколько-нибудь значительные тексты этой литературы на предварительной стадии ее изучения. Ныне отечественное востоковедение открыло в этой области новую страницу, став наравне с современными достижениями международной индианистики и международного эпосоведения, перейдя от перевода «учебного» характера к переводу-исследованию. Опубликованные за последние десятилетия параллельно с комментированными переводами и в органическом единстве с ними исследовательские работы Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой, — наряду с работами видного московского индолога П.А. Гринцера, — по существу, положили начало новому направлению в изучении культуры Древней Индии в нашей стране и за рубежом.

Являясь ядром шестой книги, «Бхагавадгиты», была первым произведением санскритской литературы, переведенным на европейский язык непосредственно с оригинала. Английский перевод Чарльза Уилкинса, опубликованный в 1785 г. (см.: Bhagvat-Geeta 1785), сразу привлек внимание европейского читателя, послужив толчком к пробуждению живого интереса к сокровищам почти неведомой до той поры на Западе древней культуры; вскоре же появились переводы на другие языки (сначала с перевода Уилкинса, потом самостоятельные переводы с оригинала). За более чем два с лишним столетия, истекшие со времени первого знакомства с этим замечательным памятником, учеными многих стран создана огромная исследовательская литература по «Бхагавадгите», по разнообразным проблемам интерпретации ее текста в различных аспектах ее философского, этического, исторического содержания. Первый русский перевод «Бхагавадгиты» появился уже через три года после эпохального перевода Уилкинса (см.: Багват-Гета 1788). Но с оригинала поэма переведена была на русский язык впервые только в 1956 г., причем не санскритологом, а любителем, доктором медицины Б.Л. Смирновым, опубликовавшим в Ашхабаде начиная с 1955 г. несколько томов комментированных переводов избранных мест из «Махабхараты» (основных религиозно-философских текстов, а также некоторых нарративных эпизодов). Последние тома (всего их восемь, публикация завершилась в 1972 г.) вышли уже после смерти автора и неоднократно переиздавались («Бхагавадгита» в том числе). Оценку этого во многих отношениях замечательного труда энтузиаста-любителя см. в монографии: Невелева 1991: 33; о его переводе «Бхагавадгиты» см. также: Семенцов 1985:3. В 1985 г. вышел второй перевод «Бхагавадгиты» с оригинала, выполненный выдающимся отечественным санскритологом В.С. Семенцовым и опубликованный как приложение к его монографии см.: Семенцов 1985, содержащей глубокое и тщательное исследование, во многом по-новому освещающее религиозно-философские идеи, заключенные в тексте этого памятника, его ритуальный характер, его место в древней традиции индуизма. Этот перевод, несомненно, представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с предшествующей ему работой Б.Л. Смирнова. Исправляя ее промахи, перевод В.С. Семенцова дает русскому читателю более верное представление о содержании оригинала. Текст «Бхагавадгиты» содержит немало темных мест, которые на протяжении столетий остаются не до конца разъясненными в посвященной его интерпретации литературе — от средневековых традиционных комментариев до современных исследований — и нередко вызывают разночечивые толкования. Предлагаю свой перевод, автор следует наиболее устойчивым толкованиям, не претендуя на новый подход к идейному содержанию поэмы. Перевод ее составляет одно целое с переводом всей «Бхishмапарвы» и основывается на тех же принципах. Из необъятного моря литературы, посвященной «Бхагавадгите», толкованию ее философского содержания, переводчик использовал лишь некоторые наиболее значительные и авторитетные труды и новейшие исследования; особенно широко использовалась монография В.С. Семенцова (хотя это не значит, что мы во всех случаях соглашались безусловно с его толкованием текста). Такие расхождения есть как в интерпретации темных мест оригинала, так и в понимании отдельных излагаемых в нем концепций и основных терминов. Наш перевод «Книги о Бхishме» осуществлен по критическому (Пунскому) изданию: The Bhishmaparvan being the sixth book of the Mahabharata... / Critically ed. by Sh.K. Belvalkar. Poona, 1947.

ПРОТЯЖЕНИЕ МАТЕРИКА ДЖАМБУ

(Главы 1—11)

1 Поле Подвижничества (tapahksetra) — поле битвы, воинского подвижничества. Сопоставление битвы с религиозной аскезой в известной мере подготовляет здесь представление о Курукшетре, поле великой битвы, как о «поле дхармы», т. е. битвы за святое дело, образ, которым открывается «Бхагавадгита».

2 ...искушенные в чтении Вед... — Подразумевается ритуальное чтение священных текстов (adhyaana), которому приписывается магическое действие. Согласно комментарию Девабодхи, здесь, кроме канонических четырех Вед, имеется в виду также «Дханурведа», трактующая искусство стрельбы из лука (см.: Devabodha 1947: 2).

3 ...как солнце опалает круг Джамбудвипы... — употребительная в древнеиндийской поэзии метафора: собирание земных вод в тучи под воздействием солнечного зноя.

4 Иоджана — мера длины, определяемая обычно как равная 13—4 км (см.: Араньякапарва 1987: 737).

5 Муж-бык. — Об этом очень употребительном в древнеиндийском эпосе эпитете см.: Араньякапарва 1987: 604.

6 ...с желтым зонтом... — В оригинале игра слов, основанная на созвучии pandura («желтый») с родовым именем pandava в предшествующей строфе (переводится как «сын Панду»), имеющем то же значение «желтый» или «сын Желтого» (имя может означать изначально расовый признак неарийского племени, призванного панчалами в их борьбе за гегемонию с куру и содействовавшего их победе; см. в статье о «Бхishмапарве»). Некоторые исследователи полагают, что значение имени Панду может указывать на некую физическую ущербность в параллель слепоте его брата (см.: Buitenen 1981: 2), но это, скорее, можно полагать более поздним переосмыслением этнонима. Царский зонт — один из главных знаков царского достоинства в древней Индии.

7 ...затрубили в большие раковины... — Просверленные с одного конца морские раковины употреблялись как боевые трубы; такая раковина — обычный атрибут эпического героя, род боевого рога, нередко со своим именем; см. далее, где названы две такие раковины-горы — Панчаджанья, принадлежащая Кришне, отобравшему ее у поверженного им демона Панчаджаны, и рог Арджуны Девадатта (devadatta — букв. «богоданный»).

8 В подлиннике: yugante, букв. «в конце века (юги)». Юга — в индийской космогонии один из четырех «веков» истории вселенной от творения до ее гибели (которой предшествуют грандиозные стихийные бедствия и катастрофы), так называемая махаюга (см.: Араньякапарва 1987: 742—43; Индуизм 1996: 272, 477). Здесь под «веком» имеется в виду именно махаюга. Протяжение материка Джамбу (главы 1—II) 339

9 ...на чьей стороне правда... — В подлиннике: dharma. Это кардинальное понятие всей религиозно-этической системы индуизма охватывает чрезвычайно широкий диапазон значений; в индологической литературе понятие «дхарма» чаще всего оставляют без перевода. Под ним понимают прежде всего совокупность этических норм, обязательных для соблюдения в духовной и общественной жизни, что почитается необходимой основой космического порядка. В зависимости от контекста «дхарма» может переводиться как «закон», «право», «правда», «справедливость», «добродетель», «долг» и т. п. См.: Араньякапарва 1987: 737; Бонград-Левин, Ильин 1985: 41; Индуизм 1996: 180—82.

10 ...направляясь к югу. — Птицы, пролетающие к югу, — зловещее знамение (юг — страна смерти в представлениях древних индийцев).

11 Месяц карттика — октябрь — ноябрь, считался наиболее благоприятным для начала военных действий.

12 Кшатрии — вторая по статусу из четырех варн (сословий) древнеиндийского общества, воинская аристократия. Первое место в этой иерархии традиционно занимала варна брахманов, жречество, третьи — вайши, свободные общинники, земледельцы, ремесленники и торговцы. От трех высших варн отграничивалась низшая — шудры. См.: Индуизм 1996: 112.

- 13 Арундхати — звезда Алькор в созвездии Большой Медведицы; ее олицетворяет жена Васиштхи, главного из Семи мудрецов (saptarsayah — Семь мудрецов, санскритское название этого созвездия, в котором Васиштха представляет звезду дзета); супруга риши считалась воплощением супружеской преданности. Звезда Арундхати, близкая к звезде Васиштхи, почиталась благоприятной.
- 14 Шанайшчара — планета Сатурн, почиталась особенно злойшей; ее прохождение через накшатры, созвездия лунного зодиака (так называемые «лунные дома», или «лунные стоянки»), определяло предсказания будущего в индийской астрологии (в той или иной мере это же относится к другим планетам, см. примеч. 18 к текущ. разд.); наиболее неблагоприятным было время ее пребывания в четвертой (начиная с Ашвини, см. ниже) накшатре — Рохини (часть созвездия Тельца). См. также: Араньякапарва 1987: 738. *
- 15 ...пятно на луне... — В Индии это пятно называют «заяц на луне», по поверью, он отвращает беду.
- 16 ...рождают солнечных птиц и павлинов. — Мифические солнечные птицы, именуемые обычно спарными (в оригинале: vainateya — «потомки Винаты»), мифической праматери птиц, появляются на полях сражений вместе со стервятниками. Павлин — зооморфный атрибут (вахана) бога войны Сканды.
- 17 ...побуждаемые Смертью... — В подлиннике: kala — «Время», одна из ипостасей бога смерти в индуистской мифологии. См. также, примеч. 286 к разд. «Песнь Господа».
- 18 Белая (sveta) планета — так именуется в лексиконах Шукра (Венера), но здесь, возможно, имеется в виду Кету, спутник упомянутого непосредственно перед этим Раху, демона затмений, периодически поглощающего Солнце и Луну, который почитался одной из планет, соответствующей восходящей точке пересечения лунной орбиты (см.: Араньякапарва 1987: 721). Упоминаемая далее Читра — альфа Девы, четырнадцатая накшатра (если начинать счет, как принято было в астрономических трактатах, с накштры Ашвини, см. примеч. 29 к текущ. разд.).
- 19 Великая планета (mahagraha) — обычно так именуется Раху, иногда — Шанайшчара (Сатурн); возможно, Раху или Кету подразумеваются под упоминаемой выше «необычайно грозной» (mahaghora) кометой (dhumaketu), вторгающейся в накшатру Пушья (восьмой знак лунного зодиака, группа звезд в созвездии Рака).
- 20 Ангарака — планета Марс, Брихаспати — Юпитер. Созвездия Магха (соответствует альфе и еще пяти звездам в созвездии Льва) и Шравана (альфа, бета и гамма Орла) — соответственно десятая и двадцать третья накштры.
- 21 Сын Солнца — Шанайшчара (см. выше примеч. 14). Созвездие Бхагья, которое он «сгнетает», — двенадцатая накшатра (включающая звезды бета Льва, более известная под названием Утгара-пхалгуни).
- 22 Подножье Скамьи (prasthapada) — двойное созвездие двадцать пятого и двадцать шестой и двадцать седьмой накшатр, знаков лунного зодиака, лунных стоянок (Пурва-бхадрапада и Утгара-бхадрапада, соответственно — альфа и бета Пегаса и ню Пегаса и альфа Андромеды). Указанные здесь и далее движения планет относительно созвездий должны предвещать недоброе. О действительном движении планет в эпоху сложения текста существовали, очевидно, еще очень смутные представления.
- 23 Темная (suata) планета — Будха (Меркурий). Джьештха — восемнадцатая лунная стоянка (альфа, сигма и тау Скорпиона), традиционно считается священным созвездием Индры. Упоминаемые далее Дхрува и Свати — соответственно Полярная звезда и Арктур (пятнадцатая накшатра), Брахмараши, согласно комментарию Нилакантхи, — другое название созвездия Шравана (см. выше примеч. 20). Жесткая планета — по-видимому, Ангарака (Марс), то же, что Краснотелый (lohitanga); считалась неблагоприятной и у индийцев также ассоциировалась с богом войны. Другое толкование ragusa, «жестокий», как эпитета Раху (см.: Roy 1925/4: 6; также Dutt 1897: 4) менее вероятно; в одной из рукописей вместо ragusa читаем angaraka (см. разд. Протяжение материка Джамбу (главы 1—11) 341 нощения в критическом изд., с. 14). В лексиконах raguseya дается как патроним Брихаспати, считающегося сыном Ангираса (Ангараки).
- 26 ...пятigliвый ячмень и столбчатый рис. — Подразумевается, очевидно, вырождение злаков, подобное появлению животных-уродов, о котором повествуется в начале главы.
- 27 Лучшие из всех существ... коровы... — Представление, характерное для индийского мировоззрения с древнейших времен.
- 28 Две планеты... близ обоих созвездий. — Брихаспати (Юпитер) и Шани, или Шанайшчара (Сатурн); созвездие Вишакха, шестнадцатая накшатра, отождествляется с четырьмя звездами в созвездии Весов, обычно рассматривается как объединяющее два по две звезды (йота и гамма, бета и альфа Весов).
- 29 Гневная планета... великий страх. — Очевидно, Будха, считающийся обычно благоприятным светилом, но в определенных положениях способный, как и Шанайшчара и Ангарака, предвещать недоброе (оба автора английских переводов называют здесь Раху, но они, следует заметить, ориентируются при этом на текст бомбейского издания «Махабхараты», значительно отличающийся от принятого в критическом издании; см.: Roy 1925/4: 7; Dutt 1897: 4). Первая накшатра — Ашвини (бета и гамма Овна). Неестественное движение Будхи, стремительно минувшего также вторую и третью накшатры (Бхарани — три звезды Овна — и Криттики — Плеяды), имеет, очевидно, следствием преждевременное наступление новолуния, о котором говорится далее.
- 30 ...новолуние... на тринадцатую ночь! — Лунный синодический месяц в индийском календаре разделялся на две половины (paksa) по пятнадцать суток (tithi), не вполне совпадающих с естественными. Шестнадцатая ночь — первая следующей половины месяца. В результате нарушений в движении небесных тел одна половина месяца сокращается, таким образом, на двое суток.
- 31 ...в неурочное время... — В подлиннике: aragvani. Подразумеваются, очевидно, несвоевременные, следующие непосредственно одно за другим затмения луны и солнца.
- 32 К солнцу обращаясь, вещают уликие мудрецы... — Речь идет о том, что солнце, померкшее на заре, предвещает битву.
- 33 Великие стихии (mahabhutah) — вода, огонь, воздух, эфир и земля, т. е. пять первоэлементов в индийской космологии (см. примеч. 42 к текущ. разд.).
- 34 ...подобен крику осла. — В Индии этот крик считается злойшей приметой (как и другие приметы, указанные ниже).
- 35 Рок — В подлиннике: kala — Время.
- 36 ...боевые трубы... — В подлиннике: sankhah — «раковины» (см. выше примеч. 7).
- 37 ...войско четырех родов оружия (satvanga)... — В древнеиндийской армии это пехота, конница, колесницы и боевые слоны.
- 38 ...и мириады, и тьмы... — В подлиннике: arbuda, **koti** — единицы счета, обозначающие обычно 10 млн; в данном тексте — обычная для эпоса гиперболизация.
- 39 ...люди и животные... — Нижеследующая классификация четырнадцати видов животных (pasu), включая человека, — одна из традиционных в индийской мифологии (первоначально выделялось только пять видов домашних животных, к которым мулы и ослы добавлены позднее). Не входящие в число этих четырнадцати относятся к прочим «живорождающим» (jagayija).
- 40 ...виды трав, держащиеся кожноу (tvaksara). — Подразумеваются растения, лишенные ствола, — травы и тростники. Ср. классификацию подвижных (trasa) и неподвижных (sthavara) существ в «Законах Ману» (см.: Законы Ману 1960/1: 43—48).
- 41 Гаятри — ведийский стихотворный размер, которым сложен носящий то же название (или другое — «Савитри») особо почитаемый священный стих гимна богу солнца Савитару (РВ. III. 62. 10); содержит двадцать четыре слога (три строки по 8). К числу видов подвижных и неподвижных существ (14 и 5) добавляется число «великих элементов» (стихий) (см. ниже примеч. 42), что дает основание рассматривать Гаятри (персонифицируемую в образе богини) как олицетворение природы (пример характерной числовой символики).
- 42 ...из пяти стихий... — Отражение представления о пяти космических первоэлементах в основе мироздания усматривают уже в памятниках протоиндийской цивилизации (см.: Альбедиль 1994: 216); упоминаются уже в Упанишадах. Позднее, в учении санкхьи термин mahabhuta определяет пять «грубых элементов» как конечный продукт эволюции материи (см. примеч. 33 к текущ. разд.).
- 43 Они разрушаются... возникают в должной последовательности. — Считается, что земля растворится в воде, вода — в огне, огонь — в воздухе, воздух — в пространстве; возникновение же их происходит в обратной последовательности.
- 44 ...принадлежит непостижимому. — В подлиннике: acintya — букв. «немыслимое, не постигаемое мыслью».
- 45 Сударшана (Sudarsana) — «Прекрасный». Так именуется здесь Джамбудвипа, обычно почитаемый центральным из семи материков земли в индийской традиционной космографии. Деление его на Смоковницу (piprala) и Зайца (sasa) в дальнейшем не совсем ясно прослеживается. Но в следующей главе описывается центральная его часть, включающая Бхаратаваршу (т. е. страну Бхараты, Индию), которая и упоминается далее в описании материка первой из семи стран, называемых «варшами» (varsa), расположенных, согласно этой полуфантастической географии, между разделяющими их горными хребтами. Упоминаемые в конце следующей главы Нагадвипа и Капшьядвипа определяются как «уши» Зайца также в «Падмапуране» (III. 3); обещанное же описание другой части материка отсутствует, и не исключено, что текст этого раздела дошел до нас не полностью. Здесь, очевидно, подразумевается отличная от общепринятой версия описания Земли, которая излагается не очень последовательно (см. ниже).
- 46 Вайдурья (vaidurya) — драгоценный камень, отождествляется с бериллом или «кошачьим глазом».

4 7 Совершенные существа и странники небес — мифологические классы небожителей низшего ранга, названия которых чаще оставляют без перевода. «Совершенные» (siddha) — ангелоподобные праведники, обитающие в поднебесье; «странники» (сагапа) — родственные им небесные певцы и музыканты.

4 8 Четыре острова (dvīpa) — четыре страны, которые по этой версии окружают гору Меру соответственно с востока, запада, юга (название Джамбудвипа обозначает здесь один из этих «островов» или «материков») и севера. «Островами» они называются, согласно комментарию Нилакантхи, как окруженные водами протекающих по ним многочисленных рек (см.: Kirfel 1920: 9 3) . См. также ниже примеч. 56.

4 9 Сюжет об обиде Сумукхи, сына царя мифических птиц супарн, на гору Меру в «Махабхарате» подробно не излагается. Неясно, идентичен ли он мудрецу Сумукхе, упоминаемому в «Сабхапарве» (гл. 5) .

5 0 .. хлева направо (pradaksinam). — Обходить кого-либо, обращаясь к нему правой стороной, было принято в знак уважения (см.: Араньякапарва 1987: 631).

5 1 ...со многими вознаграждениями. — В подлиннике: daksina; под термином «дакшина» (иногда его оставляют без перевода) понимается обычно вознаграждение брахману за совершение обряда (см.: Индуизм 1996: 160).

5 2 Карникара — дерево (цветок) *Pterospermum acerifolium*.

5 3 ...окруженный небесными духами... — В подлиннике: bhuta — букв. «существо». «Бхутами» именуется в шиваитской Мифологии род духов, близких по характеру к демонам и составляющих вместе с другими подобными мифическими существами зловещую свиту Шивы как бога, воплощающего разрушительные силы вселенной. См.: Араньякапарва 1987: 734; Индуизм 1996: 104.

5 4 Лунное озеро — так именуется здесь, очевидно, Гангахара, священное место паломничества в Тханесаре.

5 5 На вершинах Гандхамаданы... окруженный сонмами апсар. — В этой строфе перечисляются три класса мифических существ: гухьяки (guhyaika, «тающиеся») — стражи скрытых в недрах гор сокровищ (возможно здесь под ними подразумеваются ящи, составляющие преимущественно свиту Куберы в индуисткой мифологии; иногда они отождествляются с гухьяками, с которыми имеют одинаковые функции, иногда от них отграничиваются, см. ниже); ракшасы (raksasa) — один из основных разрядов индийской демонологии, ночные оборотни и людоеды, нарушители священных обрядов (но иногда, как в данном случае, рассматривающиеся в положительном аспекте как духи-хранители, родственные яшчам); апсары (apsara) — небесные нимфы, супруги гандхарвов (см. примеч. 61 к текущ. разд.).

5 6 Илаварита — срединная область материка Джамбудвипы с горою Меру в центре; на запад от нее расположена Кетумала, на восток — Бхадрашва. Айравата — страна на крайнем севере Джамбудвипы, чаще именуемая Уттаракору (Северные Куру); гора Шрингаван отделяет ее от расположенной южнее Хайраньяки, чаще называемой Хиранван, Хиранмая (все эти названия означают: «Золотая»). Непосредственно к Илаварите примыкают — с севера Рамьяка, с юга Хариварша, еще южнее расположена Кимпуруша; форму лука имеют Бхаратаварша и Айравата, занимающие соответственно южную и северную оконечности Джамбудвипы, заключающей между ними пять вышеназванных срединных стран.

5 7 Долг (dharma), желание (kama) и польза (artha) — три цели (trivarga) человеческой жизни, ее основные ценности, по учению индуистской этики. Первый из этих терминов, слово чрезвычайно многозначное, ниже переводится также: добродетель, закон. См.: Араньякапарва 1987: 741; Индуизм 1996: 420. См. также примеч. 9 к текущ. разд.

5 8 Биндусарас — священное озеро в верховьях Ганга (в Гарвале, на северо-западе современного штата Уттар-Прадеш). Согласно мифу, образовалось из вод Ганги там, где они стекали с небес на землю по волосам Шивы; здесь же Индра (Тысячелок) совершил сто жертвоприношений, давших ему статус царя богов (жертвенные столбы были воздвигнуты богом Вишну). Ср. описание этого озера в гл. 3, ст. 9—5 «Сабхапарвы».

5 9 Богиня, минующая три мира на своем пути (tripathaga) — Ганга, протекающая по небу, земле и подземному миру.

6 0 Перечень семи священных рек (реально существующих и мифических), почитающихся ответвлениями небесной Ганги, ваѳируется в различных текстах.

6 1 Сарасвати... бывает то зрима, то незрима... здесь и там. — Имеется в виду, вероятно, обмеление реки Сарасвати, исчезающей в песках Раджастанана после изменения климата Северо-Западной Индии ко времени создания «Махабхараты». ...на Химаване... ракшасы... Шрингаван же... убежище предков. — В этих строфах названы различные классы небесных и демонических персонажей индуистской мифологии. О ракшасах и гуньяках см. примеч. 55 к текущ. разд. Змии (sarpa) и наги (naga) — две разновидности мифического змеино рода (различаются не всегда). Демоны — в оригинале: asura; что чаще оставляют без перевода. Асурами именуется обычно главный класс демонов, постоянно противопоставляемый богам (deva), как людям противопоставляются ракшасы. В эпосе, однако, asura может означать и «демонов» в широком смысле; асуры же, враги богов, подразделяются на два подкласса: дайтьев (daitya) и данавов (danava). Гандхарвы (gandharva) — небесные певцы и музыканты, супруги апсар (см. выше примеч. 55), с ними совместно развлекающие небожителей пением и танцами. Претки (pitṛ) — души усопших, вместе с богами и людьми составляющие три класса существ положительного характера, противопоставляемые трем отрицательным, соответственно — асурам, ракшасам и пишчам (кладбищенским бесам).

6 3 ...существа движущиеся (gatimat) и недвижные (dhruva). — Имеются в виду животные и растения (ср. выше гл. 5, ст. 10—1 и примеч. 40 к текущ. разд.).

6 4 ...сок... шесть вкусов... — Различается шесть основных видов вкуса (rasa); свойства жидких тел: сладкий, кислый, соленый, едкий, горький и вяжущий.

6 5 Амрита (amṛta) — в индийской мифологии напиток бессмертия, нектар. См.: Индуизм 1996: 51—2.

6 6 ...изошедшие из мира богов... — Т о есть бывшие небожителями в предшествующем рождении. ...в благие и неблагие времена (samesu nisamesu sa). — Перевод следует здесь толкованию Девабодхи (см.: Devabodhi 1947: 6).

6 8 Чакаравака — птица, род дикого гуся, казарка (Anas casarca); по поверью, чета этих птиц вынуждена разлучаться и тосковать по ночам; в древнеиндийской поэзии — символ супружеской любви и преданности (подобно голубкам в европейской традиции). Упоминаемые ниже бхарунда — мифические птицы.

6 9 Джамбу — розовая яблоня, вечнозеленое дерево (Eugenia jambolana). Здесь имеется в виду мифическое гигантское дерево Джамбу, якобы осеняющее центральный материк земли, которому оно далр имя; оно же, как и этот материк, носит также название Сударшана (см. примеч. 45 к текущ. разд.). В индийской космографии каждому из материков принадлежит такой же вегетативный символ, дерево или растение, название которого присваивается и всему континенту (за исключением одного, носящего название птицы как своего символа). Из четырех стран-«островов», описываемых в этом разделе «Бхихмапарвы» (см. примеч. 48 к текущ. разд.), такое деревосимвол, кроме Джамбудвипы, имеет также Бхадрашва, а именно — Черное Манго (см. выше в предшествующем описании этой страны, имя, однако, у названного древа не заимствующей).

7 0 Золото джамбунада (jambunada) — неплавленное золото особой чистоты, происходящее, как считалось, из мифической реки Джамбу, образуемой из сока плодов дерева Джамбу в центре материка того же имени (см. примеч. 69 к текущ. разд.).

7 1 Свертывающий (samvartaka) — одно из названий космического огня, уничтожающего вселенную по истечении калпы или махаюги (см. примеч. 21 к разд. «Песнь Господа»); чаще локализуется на дне океана.

7 2 ...изошедшие из мира Брахмы... искусенные в Брахмане. — Мир Брахмы (brahmaloka) — высший мир небес, обитель душ благочестивых людей; под «изошедшими» подразумеваются достигшие его в прежнем рождении. Брахман здесь означает священное Слово (как синоним Вед).

7 3 ...входят в Создателя дня. — Создатель дня (divakara) — обычный эпитет Солнца; здесь подразумеваются спутники Солнца, мифические мудрецы валакхильи (см.: Араньякапарва 1987: 735).

7 4 Колесница же та — восьмиколесная... — Образ восьмиколесной колесницы воплощает здесь «низшую» природу Вишну (см. далее по тексту в «Песни Господа», гл. 29, ст. 4—).

7 5 Сжатие (samkṣepa) и Развитие (vistara) [вселенной]... — Подразумевается ее гибель по миновании калпы и последующее воссоздание.

7 6 Пожиратель жертвы (hutasana) — обычный эпитет Агни; ср. ниже в одиннадцатой песни Гиты вселенский образ Вишну.

7 7 Сута (suta). — В эпосе так именуется обычно царский колесничий, сопровождающий своего повелителя в битвах, сочетая обязанности возницы с ролью барда, воспевающего затем как очевидец подвиги царя; суты прославляли также царских предков и в их традиции, как считают, и сложился героический эпос. См.: Араньякапарва 1987: 741.

7 8 Арии и млеччи... — С древнейших времен индоарии отграничивают себя от млеччхов (mleccha), под которыми понимаются варвары, иноверцы, неарийские народности, пребывающие вне круга восходящей к Ведам культуры (см.: Индуизм 1996: 288).

7 9 Река третьего неба (tridiva) — вторичное упоминание в тексте; повторяются и другие названия. Очевидно, одно название может принадлежать различным рекам.

8 0 ...о странах, которые я назову. — 8 нижеследующем перечне сохранена в переводе характерная для оригинала форма множественного числа, объединяющая топонимию с этнонимией; некоторые названия повторяются, см. ниже.

- 81 ...дальние Каши... —В оригинале: aparakasayah (перевод условный, ср. ниже: Дальние Кунти, Дальние Танганы). Протяжение материка Джамбу (главы 1—11) 347.
- 82 Видарбхи Прибрежные (vidarbhanupavasikah) —здесь, очевидно, название страны, расположенной вдоль по течению реки Нармады.
- 83 Ванараси (vanarasyah) —букв, «обезьяноликие». Встречающиеся этнонимыпрозвища даются, как правило, без перевода; наиболее явные буквальные значения указываются далее в примечаниях.
- 84 Марубхаумы (marubhaumah) —букв, «жители пустыни»; возможно, подразумевается территория Марвара.
- 85 Рубленые (uravrtscāh) и Нерубленые (anuravrtscāh) Сураштры —таково, вероятно, обозначение двух областей одной из стран Южной Индии (перевод условный).
- 86 Джайлхеи (dvaidehyah) —возможный перевод: «двуличные».
- 87 Мадхуманы (madhumantah) —букв, «медвяные».
- 88 Каришаки (karisakah) —букв, «навозники».
- 89 Пастушьи Болота. —В оригинале: gopalacacchah.
- 90 Мушаки (musakah) —букв, «грабители».
- 91 Копаны (kopanah) —букв, «гневливые».
- 92 Кекараки (kekarakah) —букв, «косоглазые».
- 93 Станапы (stanapah) —букв, «сосунки».
- 94 Хриши-Видарбхи (hrisvidarbhhah) —возможный перевод: «Веселые Видарбхи».
- 95 ...северные варварские племена... —Далее следуют этнонимы неарийских народностей Северной Индии, среди которых перечислены и пришельцы с севера, а также с запада: яваны с камбоджами, под которыми подразумеваются, очевидно, грекоязычные и ираноязычные жители Арахосии, гунны (huna) и китайцы (ста).
- 96 Гиригахвары (girigahvarah) —букв, «горные пещеры» (или: «жители горных пещер»).
- 97 Хансамарги (hamsamargah) —возможный перевод: «лебединые пути» (т. е. живущие на путях перелета лебедей или фламинго).
- 98 ...дары трех ценностей... —См. выше, примеч. 57 к текущ. разд.
- 99 ...волшебная корова... —В оригинале: kamaduh, корова, дающая, как молоко, своему владельцу исполнение желаний; в индийской мифологии и поэзии —символ плодородия и изобилия.
- 100 ...убежище для тел... богов и людей... —Комментарий Нилакантхи поясняет: земля кормит людей, они же поддерживают жертвоприношениями богов. Автор английского перевода указывает, что «земля» в тексте этой главы означает и мир (один из трех миров Вселенной), и один из первоэлементов (см. выше, примеч. 28; см.: Roy 1925: 25).
- 101 ...посредством договора (saman), дарения (dana), раздора (bheda) и кары (danda)... —Здесь перечисляются четыре средства одоления внешнего врага в традиционной политической теории.
- 102 ...о коей должная и неукоснительная забота... проявлена. —Перевод основывается на комментарии Девабодхи, который в эпитете samyagacchidradarsim, «проявляющая должную и неукоснительную [заботу]», усматривает связь с применением упомянутых выше (см. предыдущ. примеч.) традиционных политических средств (см.: Devabodha 1947: 7).
- 103 Пушья —относительно редкое название четвертой юги, более известной как Калиюга (соответствует железному веку греков).

ЗЕМЛЯ (Главы 12—13)

- 1 ...о протяженности [охватывающего ее] океана... —Под подразумевается океан, в индуистской космографии кольцом окружающий центральный материк Джамбудвипу и отделяющий ее от первого из шести кольцеобразных же материков, расходящихся от нее концентрическими кругами (как центр мира рассматривается гора Меру на Джамбудвипе). Последовательность этих материков и разделяющих их кольцеобразных океанов (см. ниже их описание) варьируется в текстах эпоса и пуран (см.: Kirfel 1920: 57).
- 2 Существует много островов... —В этом более широком значении употреблено здесь в оригинале слово dvīpa, означающее обычно «материк» (число коих ограничено семью, считая Джамбудвипу; см. предыдущ. примеч.).
- 3 Соленый Navana) океан —в индийской космографии океан, охватывающий кольцом Джамбудвипу (см. примеч. 1 к текущ. разд.), отделяя ее от следующего материка (в этой версии —Шакадвипы). В большинстве пуранических версий за Соленым океаном расположен материк другого названия, Шакадвипа же отодвинута дальше к периферии, на предпоследнее место среди кольцеобразных материков.
- 4 Молочное море (ksīrodā) —фантастический океан, окружающий кольцом Шакадвипу во всех версиях мифа, но —в соответствии с расположением этого материка —занимающий либо второе место от центра (как в тексте этой главы), либо шестое, предпоследнее (как в большинстве пуранических версий). Ревати —двадцать восьмая накшатра (дзэта Рыбы).
- 6 ...по ним различаются варны. —Комментарий Девабодхи, которому следуют, очевидно, английские переводы (см.: Roy 1925/4: 27; Dutt 1897: 15), толкует varnantaram в подлиннике иначе —как «смешение (melaka) цветов» (Devabodha 1947: 7). В этом контексте, однако, varna может означать как «цвет» (буквально), так и варну, сословие.
- 7 ...от его красы потемнела [гора]. —В индуистской мифологии и иконографии красота Кришны связывается с темным цветом его кожи и передается горе, на коей он пребывает, —ее же название Шьяма (Syāma) означает букв, «темный».
- 8 Бакула —вечнозеленое дерево Mimosa elengi; в оригинале: kesara. Этот вариант перевода следует комментарию Девабодхи (см.: Devabodha 1947: 7).
- 9 ...страны... —В оригинале: varsah.
- 10 Дающая воду (jaladā) —гора Малайя. Шака —тиковое дерево, указывается здесь в большинстве рукописных версий; вариант —бетель (puga). ...там почитается Шанкара... —В других версиях говорится о почитании на Шакадвипе самого дерева, давшего имя материку; Шанкару (Шиву) в одной из версий этого текста заменяет Солнце (bhaskara), что может быть обусловлено идентификацией фантастической Шакадвипы с реальным Ираном или Сеистаном, откуда в раннее Средневековье пришел в Индию храмовый культ солнца.
- 13 Маги и Машаки... Манасы и Мандаги. —См. примеч. 77 к разд. «Протяжение...». Как явствует из дальнейшего текста, в действительности под этими названиями подразумеваются не страны, а четыре сословия, соответствующие четырем «варнам» древнеиндийского общества, по образцу которого и описывается население мифологической Шакадвипы; сами названия отражают проникновение в Индию (приблизительно с I в. до н. э.) иранского солнечного культа (см. предыдущ. примеч.). Мага, наименование наследственных жрецов этого культа (которое уже Геродот воспринимал как название племени), восходит к авест. moghu. Другие названия И. Шефтеловиц возводит: masaka —к санскр. masak —«великий, знатный»; manasa к (n)mana-za —«домашний»; mandaga (букв, «медлительный») —к среднеиранск. bandag —«слуга» (см.: Scheftelowitz 1983: 316). >>
- 14 ...закону и пользе... —См. примеч. 57 к разд. «Протяжение...».
- 15 ...океан, чьи воды —топленое масло (ghṛta)... —Океан, охватывающий следующий за Шакадвипой материк —Кушадвипу; в большинстве пуранических версий сдвинут вместе с этим материком дальше от центра, на четвертое место, как и указанный далее океан с водой из сыворотки (dadhimandodaka), окружающий почти во всех версиях Краундвипу, —на пятое.
- 16 Океан вина (suroda) —Во всех версиях сюжета окружает Шалмалидвипу, однако в большинстве пуран этот материк помещается за вторым, Плакшадвипой, образуя второе от центра кольцо (т. е. на том месте, где в нашем тексте указана Кушадвипа).
- 17 На срединном острове... —Какой именно остров или материк имеется здесь в виду, остается неясным (см.: Kirfel 1920: 127). Названные далее горы Гаура и Кришна (букв. Белая и Черная), возможно, идентичны одноименным, упоминаемым в пуранах среди гор Кетумалы, запада Джамбудвипы (см.: Ibid.: 107); тогда следует полагать, что здесь подразумевается именно Джамбудвипа (и лучше переводить: «срединный материк»). В космографии пуран гора Гаура помещается севернее Кайласы, над знаменитым озером Биндусарас (см. примеч. 58 к разд. «Протяжение...»). Но в этом случае следует констатировать непоследовательность описания, которое здесь уже перешло к другим материкам. Отмечая notable расхождение космографического описания в этом разделе «Бхикшапарвы» с большинством других версий (прямое соответствие обнаруживается только в версии «Падмапураны»), что позволило предполагать здесь искажение первоначального текста (см.: Ibid.: 57, см. также примеч. 45 к разд. «Протяжение...»). Но в пуранах называется также гора Гаура на Кушадвипе (см.: Mani 1975: 285), и не исключено, что и здесь, в «Бхикшапарве», под «срединным» подразумевается этот материк (как расположенный между Шакадвипой и Краундвипой, см. также примеч. 19 к текущ. разд.).
- 18 ...Кришна, образом своим близкая Нараяне... —Под подразумевается, очевидно, что на это указывает совпадение названия горы с именем земного воплощения бога Вишну-Нараяны (Кришны).
- 19 ...Кешава... ниспосылает созданиям счастье. —Поскольку непосредственно вслед за этим (тремя строфами ниже) говорится о пребывании того же божества на Краундвипе, другой горе, здесь речь может идти о пребывании его и на Кушадвипе, соседнем материке (что более

отвечает последовательности изложения). Неясно, кто подразумевается под именем Владыки созданий, о котором далее говорится как о пребывающем и на других материках (см. примеч. 27 к текущ. разд.).

20 Куша (kusa) — иначе называемая дарбха (darbha), трава Poa Cynosuroides, почитавшаяся священной и использовавшаяся во многих брахманистских ритуалах. См.: Индуизм 1996: 251.

21 Шалмали (salmali) — шелковичное дерево Bombax Heptaphyllum с покрытыми шипами ветвями и красными цветами.

22...шесть главных гор. — В этом текст «Бхишмапарвы» тоже отклоняется от большинства пураических версий, определяющих для всех материков, кроме последнего, семь главных гор. Тем не менее далее в описании число стран, лежащих между этими гор Земля (главы 12—13) 351 ными хребтами, — семь, как и в других версиях сюжета (названия гор и стран при этом варьируются).

23 ...[жители...] в большинстве светлокожие... — Можно понять, что это относится только к последней из перечисленных стран, но, вероятно, имеется в виду материк в целом. В описании Краунчадвипы, как и в предыдущем (см. предыдущ. примеч.), названы шесть гор и семь стран и вообще не названы (в отличие от других версий, ср. также выше описание Шакадвипы) семь главных рек и четыре сословия. «Светлокожие», возможно, означает, что жители Краунчадвипы принадлежат к одному сословию («цвету»), как в других версиях к одному сословию (брахманов) относят всех жителей Пушкарадвипы. К этому матерiku непосредственно и переходит далее наш текст, опуская описание Шалмалидвипы и шестого материка, который вообще не назван в этом разделе; отмечается только, что они не имеют деления на страны (см. также примеч. 26 к текущ. разд.).

24 На Пушкаре... — Имеется в виду Пушкарадвипа, последний материк, кольцом охватывающий все остальные. В большинстве версий на нем помещается кольцеобразный горный хребет Манаса (или Манасоттара), разделяющий материк на две страны, «внешнюю» и «внутреннюю».

25 ...Владыка созданий... — См. примеч. 27 к текущ. разд.

26 ... только одна вера... — В подлиннике: dharma, что в данном контексте может означать также священный долг, совокупность обязанностей, налагаемых принадлежностью к той или иной варне, сословию. Возможно, и здесь подразумевается, что жители этой (единственной) страны принадлежат к одному сословию (ср. примеч. 23 к текущ. разд.).

27 Он — Царь, он — Благой... он — Прародитель... — Этот перечень эпитетов божества, именуемого здесь Владыкой созданий (prajapati, в индуисткой мифологии — эпитет сыновей Брахмы, но в Ведах — имя бога-творца, прототип самого Брахмы), включает имя Шивы (Siva — букв. «Благой») и наиболее употребительный в эпосе эпитет Брахмы (pitamaha — «Прародитель»). Т. е. можно предполагать, что здесь это собирательный образ, объединяющий черты двух членов верховной триады индуизма (исключая соседствующего с ними Вишну; см. примеч. 19 к текущ. разд.), а также, вероятно, и других наиболее значительных богов индуистского пантеона. Упомянутый выше жезл (danda) — символ власти и кары — ассоциируется с образом Царя (царская власть олицетворяется прежде всего в образе Индры), и это — главный атрибут Ямы, бога смерти и посмертной кары.

28 Сама (sama) — редко встречающееся название земли, лежащей за последним океаном, опоясывающим Пушкарадвипу, скалистой и необитаемой. Чаше «край света» остается в источниках без названия, сообщается только, что это — золотая страна, которую окаймляет снаружи стена гор Аокалока, отделяющая зримый мир от вечной тьмы (см.: Kirfel 1920: 121). Деление ее на тридцать три «округа» (mandala, см. ниже) далее никак не уточняется.

29 ...четыре мировых слона... — В индуисткой мифологии эти слоны поддерживают землю с четырех сторон как хранители стран света; зооморфные атрибуты антропоморфных Хранителей мира (локапалов; см.: Араньякапарва 1987: 737). Наш текст помещает их на Саме. Имена их варьируются в различных версиях; в «Падмапуране» имя третьего слона, здесь не названное, — Анджана; поскольку пропуск этот ничем не мотивирован, здесь в «Бхишмапарве» следует предполагать искажение текста (см.: Kirfel 1920: 122).

30 ...с разверстыми висками и ртом. — Образ слона, находящегося в состоянии возбуждения в период «муста», когда у него на висках вскрываются железы, выделяющие мускус, — одно из общих мест в древнеиндийской литературе (см.: Карнапарва 1990: 247).

31 ...об исходе его... — Перевод следует здесь критическому изданию и комментарию Девабодхи, толкующему «исход» (pigrana) как «смерть» (magana) (см.: Devabodha 1947: 7). Более отвечает содержанию главы чтение pitmana, «размеры», принятое в Калькутском издании.

32 ...день перемены луны (parvan)... — Имеются в виду дни новолуния, полнолуния и восьмой и четырнадцатый дни светлой и темной половины месяца (см.: Араньякапарва 1987: 738—39).

ПЕСНЬ ГОСПОДА

(Главы 14—40)

1 Я — Санджая... — Санджая называет свое имя, обращаясь к слепому (см.: Buitenen 1981: 161). Повествование здесь забегает вперед.

2 ...решился на игру твой сын... — Имеется в виду Дурьодхана, затеявший приведшую к войне роковую игру в кости, о которой рассказывается во второй книге «Махабхараты» (см.: Сабхапарва 1962).

3 ...кто... победил... царей... кто противостоял в бою... Раме, сыну Джамадагни... — Об этих победах Бхишмы упоминается в первой книге; о сражении у города Каши — в гл. 96, подробнее он сам рассказывает о нем в пятой книге (гл. 170, см.: Удьягопарва 1976: 335—36), о победе над сыном Джамадагни — в гл. 61 первой книги и еще дважды в этой главе. Подробно о единоборстве с этим героем (эпизод, связанный, как и упомянутая выше победа над царями, с историей похищения царевен Каши) Бхишма повествует в пятой книге (см. примеч. 10 к текущ. разд.).

4 ...отпрыск Васу... — В главе 96 первой книги и далее Бхишма объявляется земным воплощением младшего из восьмерых божеств Васу (обычно именуемого Прабхаса, Сияние, т. е. олицетворение небесного света).

3 Светило тысячи лучей (sahasrarasmi) — солнце.

6 ...по велению Кауравы (kauравasasanat)... — Один из случаев употребления родового имени kaurava в единственном числе.

Подразумевается, вероятно все, Дурьодхана.

7 Огонь кончины мира. — В оригинале: kalagni — букв. «огонь времени», космический огонь, уничтожающий Вселенную в конце каждого цикла ее существования (см. примеч. 71 к разд. «Протяжение...»). ...все пандавы... — Здесь подразумеваются братья Пандавы со всеми своими сторонниками.

9 Носитель ваджры (vajrabhrt) — эпитет Индры. Ваджра — мифическое оружие бога-громовержца в его битвах с демонами, главный его атрибут (уже в «Ригведе»), воплощение грома (на англ. яз. обычно переводится: thunderbolt; на нем. — Donnerkeil. Т. Я. Елизаренкова переводит в гимнах «Ригведы»: «дубина грома»). См.: Араньякапарва 1987: 734. См. также ниже примеч. 34 к текущ. разд.).

10 Обитель макар — море. Макара — мифическое морское животное, отождествляемое иногда с дельфином (см.: Араньякапарва 1987: 738).

Под героями, окружавшими в бою Бхишму, как берега окружают море, могут подразумеваться противостоящие ему враги, и в предшествующих переводах принимается именно это значение: resist (Roy 1925/4: 34), oppose (Dutt 1897: 19), put a halt to him (Buitenen 1981: 41). Но каузатив от pavat обычно имеет более нейтральное значение: «окружать, скрывать».

11 Веданги (vedanga) — букв. «части Вед», цикл ритуальной и научной литературы, примыкающий к Ведам, древнейшим священным книгам, составляющим канон божественного «откровения» (см. ниже примеч. 52 к текущ. разд.), но в сам канон этот цикл не включается (см.: Индуизм 1996: 116).

12 ...ради Амбы... — История похищения Бхишмой царевен Каши (Амбы и двух ее младших сестер), предназначавшихся им в жены его сводному брату Вичитравирью, занимает заключительную часть пятой книги (гл. 170—97, «Сказание об Амбе»), где она вложена в уста самого похитителя. С ней связаны упомянутые выше победы его над царями Каши и над Рамой, сыном Джамадагни (см. примеч. 3 к текущ. разд.). Гибель Бхишмы объясняется как осуществление мести за насильственное похищение Амбы, воплотившейся в Шикхандине в новом рождении (см.: Удьягопарва 1976: 335—61).

13 ...Духшасана. игрок... — В переводе сохранен порядок слов оригинала, однако эпитет «игрок» (kitava) относится, очевидно, к названному ранее Шакуни, обравшемуся Юдхишхиру в собрании царей, о чем рассказывается во второй книге эпоса, «Сабхапарве».

14 О жизни пятерых братьев Пандавов в лесах в изгнании рассказывается в третьей книге, «Араньякапарве».

15 Йога (yoga). — Здесь термин используется в значении особого медитативного самососредоточения, дающего обретение сверхъестественных способностей. Об этом чрезвычайно многозначном понятии см. также в примеч. 56 к текущ. разд.

16 ...прежде он был женщиной... — История превращения дочери царя Друпиды (воплотившейся в новом рождении Амбы) в мужчину излагается в «Сказании об Амбе» в пятой книге (см.: Удьягопарва 1976: 365—74). См. примеч. 12 к текущ. разд.

17 ...с обвязанными ладонями... — Имеется в виду кожаная защитная лента, которой обертывали левую руку стрелки из лука (см.: Карнапарва 1990: 243).

18 ...знаменосцы, облаченные в шкуры черной антилопы и увенчанные мунджей... — Под знаменосцами подразумеваются, очевидно, сами цари, каждый из которых имел свою эмблему на знамени. Шкура черной антилопы со времен Вед почиталась священной, как и трава мунджа (род камыша, *Saccharum sagu*), из которой плелись пояса для жрецов и венки, коим приписывалась магическая сила.

19 Мир Брахмы (*brahmaloka*) —высший из небесных миров, обитель душ благочестивых людей (см. выше примеч. 71 к разд. <<Протяжение...>>); означает, видимо, общее название небесного царства, индуистского рая, в котором различаются обычно отдельные сферы. Воины, павшие в битве, попадают, как правило, в царство Индры, расположенное тоже на высшем небе, но ниже мира Брахмы.

20 ...десять полков. —Под полками (*vahinl*) подразумевается здесь <<акшаухини>> (*aksauhini*), войсковое соединение четырех родов оружия (см. примеч. 37 к разд. <<Протяжение...>>): боевых колесниц и боевых слонов (по 21 870), конницы (65 610) и пехоты (109 350). Обычный термин <<вахини>> означает менее крупное подразделение (в одной акшаухини —270 вахини).

21 Богиня удачи. —В подлиннике: *Śrī*, одно из имен Лакшми, богини красоты и счастья в индийской мифологии; под этим именем известна как покровительница царской власти, богиня удачи, сходная с римской Фортунной.

22 ...в конце юги... —Имеется в виду —в конце махаюги, см. выше примеч. 8 к разд. <<Протяжение...>> (см.: Индуизм 1996: 272, 477; см. также примеч. 217 к текущ. разд.).

23 Созвездие Магха —десятая лунная стоянка, соответствует части созвездия Льва. Время прохождения луны через него приходится на месяц магха (январь—февраль); комментарий Нилакантхи усматривает здесь несовпадение со временем начала великой битвы, как оно определяется по другим указаниям в <<Махабхарате>>, и толкует *maghavisaya* как <<мир предков>>, куда отправляются души павших в бою (см.: Roy 1925/4: 40). Однако, если учитывать традиционное представление о великой битве как о рубеже, отмечающем завершение череды веков, предшествующей последней юге (в гл. 140 пятой книги это объявляет Кришна в беседе с Карной, см.: Удйогопарва 1976: 280), между тем как начало Кали-юги, согласно той же традиции, в пересчете на современное летосчисление приходится на февраль 3102 г. до н. э., т. е. как раз на время года, близкое месяцу магха (см.: Индуизм 1996: 224), это кажущееся несоответствие находит очевидное объяснение.

24 Семь великих планет —Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера и Сатурн. Под <<малыми>> планетами подразумевались мифические Раху и Кету, в которых усматривали причину солнечных и лунных затмений.

25 ...в одной обители с Шакрой и Брахмой. —См. примеч. 19 к текущ. разд.

26 Сын Грозного Солнца. —В оригинале: *vaikartana*, что можно перевести как <<сын Рассекающего>>; это один из главных эпитетов (<<отчество>>) Карны, сына бога Солнца.

27 ...опустить оружие перед битвой... —В предшествующей (пятой) книге оскорбленный Бхишмой Карна дважды клянется не принимать участия в грядущей битве, пока будет жив его обидчик (см. гл. 61 и 165, Удйогопарва 1976: 148, 328).

28 Паурава и Калинга —здесь это имена-эпитеты царей названных народов. Обычное имя второго из них в шестой книге —Шрутаюс, которого не следует, очевидно, путать с двумя одноименными персонажами —царем Амбаштхи и другим воином стана Кауравов, который упоминается выше в этой же главе (в паре с Читрасеной, одним из сыновей Дхритараштры) в числе семерых лучников, возглавляемых Ашваттхаманом, сыном Дроны. Во второй книге <<Махабхараты>> имя царя Калинги —Шрутаюдха.

29 Владыка ангов —вероятнее всего, Вришасена, старший сын Карны (который должен был замещать его во главе войска Анги на поле битвы), хотя прямого указания на это в тексте эпоса нет.

30 Орудия (*yantra*) —всякого рода механические приспособления типа катапульты и т. п.

31 Сын наставника —Ашваттхаман, сын Дроны, наставника Кауравов и Пандавов в воинском искусстве.

32 ...Ганга у слияния с Ямуной. —В месте впадения Ямуны (Джамны) в Ганг отмечается контрастное разграничение не смешивающихся на некотором расстоянии более светлых вод притока и темного течения великой реки; место этого слияния почитается священным, и отмеченное явление становится предметом образных сравнений в индийской поэзии, как, например, в поэме Калидасы <<Облако-вестник>> (см.: Калидаса 1956: 53).

33 Острые иглы (*śulmukha*) —один из видов боевого строя.

34 Оружие грома —ваджра (*vajra*), перун; здесь —один из видов боевого строя (обычно это слово оставляем без перевода). Громовержец —эпитет Индры (в подлиннике: *vājrapāṇi*, ср. примеч. 9 к текущ. разд.).

35 ...царь вместе с братьями и сыновьями... —В разночтениях находим имя этого царя —Вирата, которое в критическом издании опущено. В четвертой книге <<Махабхараты>>, носящей его имя, упоминаются трое сыновей и десятеро братьев Вираты. Не исключено, однако, что здесь подразумевается царь Юдхистхира.

36 ...с разверстыми висками и пастями... —См. примеч. 30 к разд. <<Земля>>.

37 Поводя грозной палицей... вел великое войско Бхимасена... —В подлиннике непереводимая игра слов, основанная на буквальном значении имени Бхимасена — <<Грозное войско>>.

38 Певцы и сказители. —В оригинале: *bandin* и *magadha* —наследственные певцы-панегиристы при царском дворе, нередко упоминаемые вместе, иногда также с сугами (*suta*), певцами-колесничими, воспевающими победы своего патрона как очевидцы, сопровождая его в военных походах. Традиционно относятся к <<смешанным>> варнам (бандин —сын кшатрия и шудрянки, магадха —вайшьи и кшатрийки).

39 ...все сыновья Дхритараштры... —По-видимому, помимо старшего, Дурьодханы, упомянутого выше особо.

40 Золотая колесница —постоянный атрибут Дроны (как и упомянутые далее гнедые кони), определяющий содержание одного из его эпитетов (*rukmaratha* —<<Златоколесничный>>).

41 ...братья Кекаи... —В предшествующих книгах упоминаются пятеро царевичей Кекаев; в пятой книге в гл. 19 они названы среди союзников Дурьодханы, которому привели одну акшаухини, однако далее, в гл. 22, о них же говорится как об изгнанных из своего царства и примкнувших к Пандавам; это характерное для эпоса противоречие и в дальнейшем отмечается в тексте <<Махабхараты>> (см.: Карнапарва 1990: 240).

42 ...на высокой колеснице... —В оригинале: *uttaradhu*. Это слово (которое Теланг находит <<весьма сомнительным>>) Гангу ли переводит: *fighter in the van* (<<сражающийся впереди>>) (Roy 1925: 48; сходно Dutt 1887: 27), И.А.Б. ван Бейтенен: *northern commander* (<<северный военачальник>>) (Buitenen 1981: 63).

43 Найрриты (*naīṛta*) —букв. <<сыны Беззакония>>, обычно —наименование разновидности демонов, но здесь, очевидно, название какого-то лесного племени, использующего в бою только примитивные виды оружия (хотя не исключено, что подразумеваются именно демоны, поскольку в битве участвуют и демонические существа). Ван Бейтенен, однако, переводит *attasastra* иначе: *drawing their blades* (<<обнажающие мечи>>; см. там же).

44 Связанные клятвой (*samsartaka*) —воины, давшие обет победить или умереть в едином стремлении к поставленной цели. В <<Махабхарате>> так именуются обычно царь тригартвов с братьями, поклявшиеся убить в бою Арджуну. В третьей книге (гл. 240) о них говорится как о воплотившихся на земле демонах (см.: Араньякапарва 1987: 488).

45 Шастры (*sastrah*) —традиционные отрасли знаний, научные дисциплины и трактаты (см.: Индуизм 1996: 457—58).

46 <<Где Кришна, там победа!>> —Далее из текста не явствует, где Арджуна завершает повторение слов Нарады и продолжает говорить от своего имени.

47 Ему [надлежит] победить: другое же его достоинство... —смирение. —Девабодха принимает чтение *saṃtati*, что можно перевести как <<преемственность>>, вместо *saṃpātī*, принятого в критическом издании; согласно его комментарию, следовало бы перевести: <<Если же победа достанется тому [Дурьодхане], другое его достоинство — преемственность [в продолжении царского рода]>> (Devabodha 1947: 10); т. е., очевидно, подразумевается, что победа придет к его потомкам. Но это толкование противоречит ясно выраженной раньше тем же Арджунной уверенности в победе Пандавов. *Saṃpātī* можно перевести также: <<благосклонность, благоволение>>.

48 Предвечный Муж. —В оригинале: *purusah sanatanatamah*, что можно толковать также: <<Первозданный дух>> (о значении термина *пुरुша* см. примеч. 130, 210 к текущ. разд.).

49 Владыка Нетленного неба —так можно перевести употребительный эпитет ВишнуКришны *vaikuntha* (см.: Араньякапарва 1987: 712), который в этой строфе создает игру слов в сочетании с *akunthasayaka* —<<нетленное, непритупившееся оружие>>.

50 Хатское золото —золото из мифической страны Хатака, помещаемой в Западном Тибете, у озера Манас; она упоминается во второй книге (гл. 25) в числе стран, покоренных Арджунной (см.: Сабхапарва 1962: 195).

51 ...слева направо... —См. примеч. 50 к разд. <<Протяжение...>>.

52 Священное откровение (*śruti*) —Веды, свод ведийской литературы.

53 Тихие молитвы. —В подлиннике: *jārua*, молитва, которую полагалось произносить вполголоса, бормоча. Мантры —священные речения Вед, которым приписывалась магическая сила (см.: Индуизм 1996: 262—63).

54 Золото с реки Джамбу —см. примеч. 70 к разд. <<Протяжение...>>.

55 ...жертвоприношений коня... —В оригинале: *vajimedha*, один из самых торжественных древних царских обрядов, обычно именуемый ашвамедха (см.: Араньякапарва 1987: 734); в эпосе число совершенных царем обрядов ашвамедха —показатель его импер-

ского могущества (каждый отмечает победоносный завоевательный поход, длящийся год).

56 Глава 23. —С этой главы начинается собственно «Бхагавадгита» («Песнь Господа»), канонический текст знаменитой поэмы, охватывающий восемнадцать глав (до гл. 40 включительно). Поздние комментаторы (Ямуначарья, Рамануджа) разделили текст на три части (satka, т. е. по шесть глав) и дали название каждой части и главе. Часть первая —«Раздел о деянии» (karma-kanda); название первой главы поэмы (главы 23 «Бхикшапарвы») в колофоне —«Йога горести Арджуны» (arjuna-visada-yoga).

Термин уога, многозначный в тексте «Бхагавадгиты» (см. далее по тексту), повторяется затем в названии каждой главы, подчеркивая религиозно-ритуальный характер содержания поэмы, указывающей пути к духовному единению (yoga — букв. «соединение, связывание, сопряжение») человека с Богом, с высшей реальностью.

57 ...поле дхармы (dharma-ksetra)... —С этого слова начинается поэма; понятие «дхарма» в широком значении («Священный Закон, вероучение, правда», см. выше примеч. 9 к разд. «Протяжение...») охватывает ее основное, религиозно-дидактическое содержание. На представлении о поле битвы как о «поле дхармы» основывается символическое толкование содержания «Махабхараты» в целом, которым и обусловлено в традиции признание ее священной книгой индуизма (в этом плане «Бхагавадгита» может рассматриваться как концептуальное ядро всего свода, дающее ключ к такому толкованию, см.: Гринцер 1974: 326; о значении понятия «дхарма» в контексте поэмы см. также наст. изд., с. 286—88). См. также примеч. 1 к разд. «Протяжение...».

58 ...к наставнику... —Речь идет о Дроне, общем наставнике Кауравов и Пандавов в военном искусстве, а также и Дхриштадьюмны, сына Друпady, главнокомандующего армии Пандавов, упоминаемого далее.

59 Ненадежна та наша сила, ограждаемая Бхикшмой... —В оригинале: arayaṁgā — букв. «недостаточный»; этому значению противоречат, по-видимому, указания на численное превосходство Кауравов, и потому текст вызывает различные толкования у комментаторов и переводчиков. Предлагаемое некоторыми (напр., С. Радхакришнаном) другое значение —«не ограничена» —не подтверждается текстами, как и значение «неодолима, непобедима» (Гояндка и др.). Заслуживает внимания толкование В.С. Семенцова, связывающего здесь определение силы той и другой армии с названными полководцами (со ссылкой на комментарий Ведантадешики, считавшего, что слова Дурьодханы отражают его недоверие к Бхикше, склонному, в отличие от необузданного Бхимы, щадить противника, —в дальнейшем это подтверждают его обращенные к Бхикше упреки; см.: Семенцов 1985: 145, 223—24). Не представляется, однако, удачным в переводе Семенцова введение эпитета «старый», не имеющего соответствия в оригинале. Сомнение Дурьодханы в «достаточности», или надежности, своей армии вызвано, очевидно, не возрастом полководца, а его уязвимостью в бою (из-за его отказа сражаться с Шикхандином, что действительно имеет роковые последствия для Бхимы), предвидя которую царевич и закликает всех (в следующей же строфе) позаботиться прежде всего о его защите. Р. Эннер принимает, видимо, такое же толкование, вставляя в своем переводе перед именем Бхимы though («хотя сам Бхикша...», см.: Bhagavad Gita 1969: 114). Ван Бейтенен вслед за Болле принимает чтение (указанное Бхаскарой), отличное от критического издания, меняющее имена Бхимы и Бхимы местами, что снимает вышеупомянутую проблему (см.: Buitenen 1981: 69; см. также: Sharma 1986: 18). Во всяком случае именно Бхикша войско Кауравов «ограждает» от поражения (abhi-raks можно перевести также: «предводительствовать, командовать»). См. также: Бхагавадгита 1956: 244—45.

60 Ему... старейший из рода Куру... —То есть Бхикша —Дурьодхана.

61 Здесь названы боевые раковины братьев Пандавов (см. выше примеч. 7 к разд. «Протяжение...»): Паундра —по названию местности в низовьях Ганга, откуда, по-видимому, была добыта; Анантавиджая (anantavijaya, букв.: «бесконечно победная»); Сугхоша (sughosa, «благозвучная»); Манипушпака (manipuspaka, «бриллиантово-цветочная»).

62 Три Мира (trailoka). —Подразумеваются небо, земля и подземное царство, т. е. вся вселенная.

63 ...этих разбойников. —В оригинале: atatayin. В «Законах Васишты» (см.: Vasistha 1883/3 гл. 19) это слово толкуется в широком значении «преступник» (перечисляются шесть видов преступлений: поджог, отравление, вооруженное нападение, грабеж, лишение земли, прелюбодеяние); несколько иную классификацию приводит в комментарии к этому стиху Шридарасвамин (см.: Бхагавадгита 1956: 249).

64 Смешение сословий. —В оригинале: varnasamkara. В древнеиндийских религиозно-дидактических текстах предостережения против запретного «смешения варн» являются общим местом; в них явно отражается стремление ортодоксального брахманства противостоять действительному процессу разложения древней системы четырех варн (брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры), восходящей, как полагают, к индо-иранской (если не к индоевропейской) общности. Начало этого процесса можно отнести, видимо, уже ко времени сложения ранней версии эпоса (см.: Индуизм 1996: 112; Бонгард-Левин, Ильин 1985: 299—06).

65 ...лишенные приношений... —В оригинале: pinda —ритуальные лепешки или клецки (рисовые и т. п.), употребляемые при*обряде поминовения усопших —шраддха (см.: Индуизм 1996: 464—65).

66 ...законы касты... —В оригинале: jātīdharma. Перевод «каста» в этом тексте условен, поскольку окончательное оформление кастовой системы происходит значительно позднее эпохи сложения «Бхагавадгиты» (см.: Бонгард-Левин, Ильин 1985: 301).

Поэтому многие переводчики предпочитают здесь значение «род, племя» (jāti —букв. «рождение»). С другой стороны, некоторые следуют традиционному толкованию, не различающему в этом тексте значений varṇa и jāti (см.: Бхагавадгита 1956: 250).

67 ...нам поведано... —В оригинале: глагол apu-sṛ, обозначающий обычно ссылку на традицию Вед.

68 ...среди битвы... —Предложенный Б. Л. Смирновым перевод «в размышлении» (см.: Бхагавадгита 1956: 165) не соответствует оригиналу.

69 Глава 24. —В колофоне название второй главы поэмы —«Йога рассуждения» (samkhyayoga). Такой перевод предлагает В.С. Семенцов (см.: Семенцов 1985: 8). Термины санкхья и йога, в более узком смысле обозначающие определенные религиозно-философские системы или «школы» (даршаны), входящие в число ортодоксальных шести, признанных в индуизме, здесь употребляются, очевидно, в значении более широком (о йоге см. примеч. 56 к текущ. разд.). Тем не менее в названии этой главы их нередко оставляют без перевода, что может дать основание понимать их именно как обозначения упомянутых двух школ (традиционно объединяемых в одну из трех пар индуистских даршан), между тем как окончательно они сложились, несомненно, в более позднюю эпоху (см.: Индуизм 1996: 161—63). Оба термина повторяются в тексте главы, с которой, собственно, и начинается изложение религиозно-философского учения «Бхагавадгиты». Под «рассуждением» (samkhyā) здесь понимается, очевидно, учение о преходящей природе материального мира, воспринимаемого органами чувств, и об отрешенности от деятельности этого мира непреходящего духовного начала —Атмана. Кришна излагает это учение начиная со стиха 11, причем сам термин ātman, утвердившийся в индуистской традиции для обозначения этой духовной субстанции, в тексте главы не употребляется (далее в ст. 55 это слово можно понимать скорее в ином значении; см. примеч. 101 к текущ. разд.). Наставление в йоге, которая понимается здесь в «техническом» смысле —как совокупность приемов психической тренировки, способствующей достижению высшего знания (Эджертон в своем переводе везде передает уога словом discipline, это английское слово удачно сочетаете себе значения «тренировки» и внутренней настроенности, дисциплинированности), следует далее в речи Кришны начиная со стиха 48 (этому же целиком посвящена шестая глава поэмы; см. также: Семенцов 1985: 86). В тех же значениях, соответственно, «рассуждения (знания)» и «тренировки (деятельности)» эти термины употребляются и в других местах в «Гите».

70 Жалости грех сокрушает мой дух. —В предшествующих русских переводах: «сострадание». Но жалость (karuṇa) рассматривается здесь как слабость, грех (dosa) для кшатрия (понятию сострадания, такого негативного оттенка не имеющему, больше соответствовало бы в санскрите kṛpa); с другой стороны, совершенно искажает смысл высказывания принятое некоторыми индийскими переводчиками на английский значение «малодушие» (см. у Гояндки: faint-heartedness); ван Бейтенен переводит: vice of despair («грех отчаяния»). «Дух» —в оригинале: svabhava —букв. «свое естество, природа», понятие многозначное; С. Леви понимает именно как «боевой дух» (instincts de guerrier) (см.: Бхагавадгита 1956: 252).

71 ...относительно долга! —В оригинале: dharma. Растерянность Арджуны вызвана именно противоречием между понятием долга, воспрещающего кшатрию уклонение от битвы (круг обязанностей, определяемый принадлежностью к своей варне, —одно из главных значений слова dharma), и моральным законом, охраняющим интересы рода. Следующий непосредственно за тем вопрос героя ставит прежде всего этическую проблему долга («что делать?») —преобладание этического начала характерно для учения «Бхагавадгиты», как и для исторически предшествующей ему проповеди Будды. Однако в тексте строфы подразумевается, очевидно, вместе с указанным и более широкое значение слова дхарма (см. примеч. 57 к текущ. разд.), поэтому предпочтительнее, может быть, переводить: «Закон» (у ван Бейтенена: the Law) или оставить слово «дхарма» без перевода.

72 ...научи меня... —Этот призыв Арджуны занимает важное место в композиции поэмы, построенной в традиционной для древнеиндийских дидактических текстов (начиная с Упанишад) форме беседы, в которой правильная постановка вопроса не менее существенна, чем содержание, заключенное в ответе. О беседе как одном из основных видов словесных контактов в «Махабхарате» см.: Невелева 1991: 171—77; Невелева 1988: 137—50; см. также о практике мировоззренческого диалога в древней Индии: Парибок 1989: 22—1; см. в этих же работах о ритуальных истоках этой литературной формы. В.С. Семенцов указывает на внутреннюю связь вопроса Арджуны,

обращенного к собеседнику перед противостоящим войском, с образной символикой центральной, одиннадцатой (33) главы поэмы; в ней же и заключается, по существу, ответ на этот «вопрос-образ» (см.: Семенцов 1985: 71).

73 ...ведешь мудрые речи... —Переводчики усматривают в этих словах Кришны противоречие с последующим указанием на расхождение речей Арджуны с мнением истинных мудрецов (пандитов). Здесь предполагают либо иронию, либо искажение текста; чаще, однако, объясняют видимое противоречие тем, что Кришна признает мудрость этих речей лишь относительно некоторых распространенных истин, отвергая вывод, к которому приходит Арджуна. Эджертон предлагает иной перевод, согласно которому Арджуна только толкует «о мудром» (about wisdom); сходно Семенцов: «Говоришь о вещах ты мудрых...» В некоторых рукописях далее следует строфа, объясняющая заблуждение Арджуны состраданием (напрасным), которое он испытывает к родичам (см.: Бхагавадгита 1956: 254—55; Bhagavad Gita 1969: 124—25).

74 Воплощенный (dehin). —Имеется в виду воплощенная в теле душа; словами «душа», «дух» (soul, spirit, Seele, Geist, ame) и передают обычно этот термин европейские переводчики. Соприкосновения с предметами... —В оригинале: matrasparśa; под matra понимаются в терминологии философских текстов Упанишад и эпоса предметы материального мира, доступные восприятию органами чувств (о расхождениях в понимании этой строфы, где речь идет или о чувствах, или —согласно Раманудже —объектах чувств, см.: Bhagavad Gita 1944/1: 180).

76 ...непостоянные, перенося их... —Р. Зэнер указывает, что термин anitya («непостоянный»), Упанишадом несвойственный (появляется только в «Катха-упанишаде», на которую «Гита», очевидно, ориентируется), играет важную роль в учении раннего буддизма; противопоставление непостоянного и постоянного, продолжающееся в следующих строфах, перешло в учение санхьи, как полагает Зэнер, именно из буддизма (см.: Bhagavad Gita 1969: 125—26). Б.Л. Смирнов переводит titikṣasva как «противостань им», ссылаясь на Дж. Томсона, усматривавшего здесь предписание отрешения от воздействия внешнего мира с помощью йогической практики (см.: Бхагавадгита 1956: 255—256). Скорее, однако, имеется в виду именно преходящий характер или нереальность этих ощущений, не затрагивающих сокровенную, неуничтожимую сущность человека, Атман (см. примеч. 69 текущ. раздела), что подтверждается дальнейшим развитием этой мысли в тексте. Семенцов переводит: «равнодушен будь к ним» (см.: Dasgupta 1952: 490).

77 Разумный (dhiṛa). —Другой вариант перевода: «мудрый»; некоторые переводчики, следуя не Шанкаре, но Раманудже, останавливаются на ином значении: «стойкий» (см., напр.: Senar 1984; Bhagavad Gita 1966; Бхагавадгита 1956).

78 От Не-Сущего... от Сущего. —Понятия Сущего (sat) и Не-Сущего (asat), восходящие к знаменитому космогоническому гимну «Ригведы» (X. 129), занимают заметное место в онтологических спекуляциях индийских философов раннего периода (ср. в не менее знаменитом «Поучении Уддалаки» в «Чхандогья-упанишаде»: VI. 2 и далее). В «Гите» значение этих понятий (sat как «истинно-сущего») толкуется ниже, в главе 39 (см. ст. 26—8). Шанкара и Рамануджа оба понимают здесь под asat «тело», материальную природу (иначе: prakṛti). Р. Зэнер противопоставление sat и asat в «Гите» толкует как противопоставление высшей реальности (Атмана-Брахмана) и Природы, феноменального мира (см.: Bhagavad Gita 1969: 128—29). Буквального перевода этих терминов, однако, обычно избегают; Семенцов переводит их здесь: «то, что есть» и «что не есть»; Зэнер: what is и what is not; ван Бейтеном переводит: There is no becoming of what did not already exist... и т. д. Зэнер переводит bhava («бытие» в нашем переводе) так же: becoming, однако оговаривается, что перевод может быть подвергнут сомнению, поскольку слово это в «Гите» имеет значение не столько «становления», сколько «природы» (nature), «сущности» (essence). Шанкара толкует bhava как «существование» (bhavana, astīti) (см.: Bhagavad Gita 1969: 127—28).

79 Предел обоих... —В оригинале слово anta допускает различные толкования, что отражается в переводах. Так, Дж. Томсон принимает значение «предел, конец» (true end), но чаще избирается другое: «предел, граница» (Р. Гарбе: Grenze; И. ван Бейтеном: boundary) или «граница, различие» (А. Шлегель: disctrimen); С. Леви переводит: terme, что, как и русское «предел», может пониматься в обоих значениях: «конец» и «граница» (как и эстонское piir; у Л. Мьяля: piirid, «границы») (см.: Бхагавадгита 1956: 257); Семенцов переводит: «этих двух состояний основу»; в ведийских текстах указательное местоимение tad («То», ср. р.) употребляется для обозначения абсолютной реальности, Брахмана (brahman, ср. р.), концепция которого, как и идея тождества его с человеческой душой, развиваемая далее в поэме, разрабатывается начиная с Упанишад (см.: Bhagavad Gita 1944/2: 37; Dasgupta 1938: 473—76). «Проникнуто» —так толкуют tatam в оригинале Шанкара, Рамануджа и большинство переводчиков; Зэнер указывает, что буквальное значение слова —«соткано» (spun), и переводит соответственно; подразумевается, что Вселенная («все это») возникает из Того, как паутина из паука (см.: Bhagavad Gita 1969: 129—30).

81 ...тела вечного воплощенного... неизмеримого... —Под «воплощенным» подразумевается душа (в оригинале здесь sarīrīn, однозначное с dehin) (см. примеч. к текущ. разд.). Однако Зэнер, вопреки общепринятому толкованию, подчеркивает, что в «Гите», как и в Упанишадах, это слово означает эмпирическое, индивидуальное «я», но не высшего Атмана-Брахмана, о котором идет речь в предшествующей строфе.

82 Кто думает о нем... его не убивают. —Уже П. Дейсен указал на параллель в «Катха-упанишаде» (I. 2. 19): «Если убивающий думает, что убивает; если убитый думает, что убит, То оба они не распознают [истины], —он ни убивает, ни убиваем» (пер. А.Я. Сыркина). В «Гите» под «ним» подразумевается «воплощенный», душа (см. предыдущ. примеч.). Непосредственно следующей строфе поэмы (20) еще ближе текст «Катха-упанишад», непосредственно предшествующий цитированному (т. е. I. 2. 18). Оба входят в знаменитое поучение Ямы в повести о Начикетасе, одном из ранних изложений учения о карме, о посмертной судьбе человека (см.: Катха 1967: 103).

В последнее время, однако, исследователи приходят к выводу, что текст концептуально принадлежит именно «Гите» и заимствование здесь скорее обратное (см.: Васильков 1999: 22—3, со ссылкой на М. Ежича; см. примеч. 286 к текущ. разд.).

83 Не рождается он... не умирается он, когда умирается тело. —Как указывает Зэнер, текст в «Катха-упанишаде», который воспроизводится здесь частично, подразумевает не индивидуальное «я», как в «Гите» (см. примеч. 81 к текущему разд.), а именно Атмана-Брахмана; он не видит здесь противоречия со строфой 13, но констатирует сочетание в тексте «Гиты» идеи тождества этого «я» и Брахмана и, с другой стороны, вовлеченности его как «воплощенного» в процесс перерождений (см.: Bhagavad Gita 1969: 132—33).

84 ...как... такой человек может... обресть смерти и кого может убить? —Несколько отклоняется от принятых переводов этой строфы Семенцов: «...разве... Он убивает? Разве Он побуждает к убийству?» Т. е. предполагаемое действие относится в такой интерпретации именно к «воплощенному». Действительно, это, по-видимому, подразумевается, поскольку слово riṣṭa в подлиннике может означать «дух», духовное начало, но здесь это слово относится собственно к субъекту знания и понимается в большинстве переводов в своем первом значении: «человек» (см.: Dasgupta 1952: 466).

85 Непроявленный (avyakta). —Это понятие разрабатывается уже в Упанишадах, но там к «душе», к Атману, обычно не прилагается; в «Катха-упанишаде» (см.: Катха 1967, гл. 3, строфа 11) оно означает природную субстанцию, которая «выше» Атмана. Семенцов понимает это слово здесь в ином значении —«невообразимого» (см. его перевод), основываясь, видимо, на комментарии Шанкары, отмечающего здесь невозможность выразить то, что не воспринимается чувствами (сходно и толкование Рамануджи, см.: Bhagavad Gita 1969: 135; Dasgupta 1952: 471). О других значениях avyakta в «Гите» см. ниже.

86 Не проявлены существа... по кончине своей... —Здесь опять может подразумеваться «непроявленность» вечной души, внешним отражением которой является временное телесное воплощение между рождением и смертью. Тем не менее и материальное начало признается вечным в учении «Гиты» (см.: Bhagavad Gita 1944/2: 24). Семенцов переводит, отходя от буквальной передачи (что, возможно, предпочтительней): «Не проявлено тварей начало...» и т. д. (сходно у Эджертона: The beginnings of things are unmanifest...; Зэнер: Unmanifest are the beginnings of contingent beings). Ван Бейтеном переводит: ...with creatures their beginnings are unclear...

87 ...праведная битва. —В оригинале: dharmya, что можно перевести также: «битва во имя долга»; подразумевается «дхарма», как определяемая принадлежность к варне кшатриев обязанность воина (см. примеч. 71 к текущ. разд.).

88 Эта мудрость... отринешь узы деяния. —С этой строфы начинается развитие новой темы; от «рассуждения» (samkhyā), рационального объяснения истинной природы души (подразумеваются приведенные выше определения «воплощенного»), Кришна переходит собственно к йоге (мы переводим здесь и далее yoga как «сопряжение»), перевод предложил Вл. Ивановым; о значении слова yoga см. примеч. 56 к текущ. разд.), которая относится к «рассуждению» как практика к теории (так переводит в этой строфе Зэнер: in theory; how it should be practised; так же ван Бейтеном: theory; practice). Семенцов указывает, однако, что термин samkhyā употребляется здесь в значении «йоги знания» (jñāna-yoga), тоже подразумеваемом, по-видимому, помимо рассуждения, каково-то практику, хотя текст и существующие комментарии суть этой практики оставляют неразъясненной (см.: Семенцов 1985: 73—4; Прабхавананда и Ишвервуд переводят термин в этой главе: knowledge, т. е. здесь подразумевается учение о спасении через знание). В толковании этого стиха существуют разногласия между исследователями, но обычно под йогой понимают здесь именно «Йогу деяния» (karma-yoga), некоторым образом противопоставляемую «Йоге знания» как альтернативный путь спасения, освобождающий от «уз деяния», т. е. кармы (см.: Bhagavad Gita 1944/2: 63—4, где Эджертон, указывая, что yoga может иметь также значение «метод», «средство», толкует это как противопоставление «практического» метода «интеллектуальному», соответственно он переводит здесь оба термина: Reason-method и Discipline method; Мьяль здесь пере-

водит только первый термин: *arutlus* — «рассуждение», второй оставляя без перевода; см. также: Dasgupta 1952: 451, 455—56; о переводах этих терминов см. также примеч. 69 к текущ. разд.). Под «мудростью» (*buddhi*), считает Зэнер, подразумевается здесь учение Кришны, но указывает, что в «Гите» этот термин обычно означает «душу» (*soul*), отсылая к ст. 41 главы 24 (см.: Zaehner 1969: 139, 141—42). Большинство переводчиков, однако, принимает значение «разум», «мудрость» (см. об этом примеч. 128 к текущ. разд.). Эджертон переводит: *mental attitude* — «монастроение». Ван Бейтенен же понимает *buddhi* здесь и ниже как «дух» (*spirit*) решимости (см.: Buitenen 1981: 162). В нашем переводе «мудрость» подразумевает именно не «разум», «интеллект», а некое знание, которое можно «поведать». 8 9 Не станет в том усилии тщетным... ограждает от великой опасности. — Ван Бейтенен поясняет значение этого стиха: деяние, одушевленному духом решимости (*buddhi*), в достижении цели ничто не может воспрепятствовать (см. примеч. 8 8 к текущ. разд.). «Тщетное» — в оригинале: *pratyavaya*, Эджертон переводит буквально: *reverse* — «противоположное», что понимают и как возможность обратного результата (см.: Bhagavadgita 1 9 8 6 : 7 3 — 7 4) ; Зэнер: *slipping back* — «откатназад» сходно в нашем переводе; ван Бейтенен: *obstacle to completion* — «препятствие завершению». Под «справедностью» (*dharma*) понимается здесь прежде всего исполнение долга своей варны (см. примеч. 8 7 к текущ. разд.). Под «великой опасностью», согласно Шанкаре и Раманудже, понимается *samsara*, мирская юдоль, круговорот рождений и смертей; Зэнер указывает параллель этому выражению в «Катха-упанишаде»! 2 (см.: Bhagavad Gita 1969: 142).

9 0 Разум решимостью одушевлен... разум нерешительных. — В оригинале: *buddhi*, мы переводим здесь: «разум». Зэнер переводит здесь и далее: *soul* (см. примеч. 88 к текущ. разд.) и толкует стих как утверждение, что сущность души есть воля (см.: Там же: 143). Под «решимостью» (*vyavasaya*) понимается здесь, согласно Дасгупте, единственно правильное решение, принятие которого позволяет сосредоточиться в неуклонном стремлении к высшей цели (см.: Dasgupta 1952: 484). Семенцов переводит, может быть, более точно, хотя не буквально: «превращенная здесь в решимость, мысль единственна...» Под «нерешительными» (Зэнер переводит: *devoid of will* — «лишенные воли»), согласно ван Бейтенену, имеются в виду ритуалисты, в осмыслении и выборе деяния (обряда) сообразующиеся с различными школами («ветвями») Веды (см.: Buitenen 1981: 162). 1 ...мудрость в сосредоточении. — О различных переводах и толкованиях понятия *buddhi* (в нашем переводе: «мудрость» или «разум») см. примеч. 88 и 90 к текущ. разд. Под «сосредоточением» (*samadhi*; Семенцов оставляет этот термин без перевода) понимается особое состояние сознания, состояние предельной внутренней сосредоточенности (см.: Семенцов 1985: 87; см. также: Bhagavad Gita 1969: 143, где Зэнер подчеркивает противоположность его состоянию экстаза), максимально освобождающее от воздействий внешнего мира — конечный результат йогической практики (недостижимый для ритуалистов, одушевляемых желаниями, — см.: Buitenen 1981: 163; автор усматривает в этом стихе непередаваемую игру слов). Традиционные комментарии (Шанкара, Шридхара) толкуют термин *samadhi* как обозначающий здесь безраздельную поглощенность души устремлением к Богу или как сам объект стремления (см.: Dasgupta 1952: 452, 484).

9 2 Три нити-качества. — В оригинале: *raiguna*, т. е. совокупность трех «Гун» (*guna* — букв. «нить»); это чрезвычайно многозначное слово как термин часто оставляют без перевода. Три «Гуны» в учении санхьи — три природных начала, взаимодействием которых определяются все процессы материального мира и проявления человеческого характера (см.: Араньякапарва 1987: 736; Индуизм 1996: 154—55). Ниже мы переводим термин «Гуны» как «свойства» (оба перевода условны); Зэнер переводит: *constituents* — «составляющие», т. е. элементы (материальной природы). «Грех нитей совокупности», о которой говорит Кришна в этой строфе, означает принадлежность материальному миру, связывающую душу его законами и воздействиями на органы чувств, — освободиться от этой зависимости он призывает Арджуну (см. далее по тексту).

9 3 Двойственность — двойственное, равнодушно отношение к противоположностям (напр., к радости и страданию; стать выше подобных антиномий «Гита» призывает и в дальнейшем).

9 4 Истовость (*sattva*) — одна из трех гун, начало всего благого, ясного, просветляющее и умиротворяющее (избранный перевод термина, близкий к буквальному, предложен А.В. Парибком, см.: Индуизм 1996: 395—96). Ему противопоставляются начала «страстности» (*rajas*) — активное, будоражащее, нарушающее покой, — и «жесткости» (*tamas*) — пассивное, цепенеющее, вводящее в заблуждение, темное. Некоторые переводчики, однако, понимают здесь *sattva* не как обозначение гуны (поскольку Кришна только что призвал Арджуну к отрешению от гун) и избирают другие значения слова: истинность (Хилл: *reality*; то же в эстонском переводе), отвага (Теланг: *courage*), стойкость (Гангули: *patience*), чистота (ван Бейтенен: *purity*) и т. п. Но и Шанкара, и Рамануджа подтверждают, что именно гуна имеется в виду в этом контексте; Кришна призывает отрешиться от «трехкачественности» и от «двойственности», но преодолеть противоположность раджа и тамаса в единой гуне, по природе своей приводящей к гармонии (см.: Бхагавадгита 1956: 266, но *sattva* здесь переводится как «реальность»; см. также: Bhagavad Gita 1944/1: 181, Bhagavad Gita 1969: 144; Семенцов оставляет «гуна» и «саттва» без перевода).

95 Утвердившийся в сопряженности... уравновешенностью зовется... сопряжение. — Зэнер указывает, что термин *yoga* в начале этого стиха (в нашем переводе: «сопряженность»), как и в конце его, употребляется в несколько ином значении, чем выше, в ст. 39, подразумевая некое управление, осуществляемое разумом (*buddhi*), и слияние воедино (с высшим началом), а также «уравновешенность» (в оригинале: *samatva* — букв. «ровность»), как и переводит Семенцов; Зэнер же понимает это как «тождество и безразличие» — *sameness-and-indifference*, что есть знак Абсолюта, Брахмана, см. Bhagavad Gita 1969: 145—46)). Таким образом «уравновешенность» объявляется здесь необходимым условием и самой сутью «сопряжения» (йоги). Шанкара под «уравновешенностью» понимает именно душевное равновесие в исполнении долга при безразличии к личному успеху или неудаче — с душой, устремленной к Богу (см.: Bhagavadgita 1948: 122). Ван Бейтенен тоже переводит *yoga* в этой строфе по-новому (ср. в примеч. 88 к текущ. разд.): *application* — букв. «приложение (усилий)», понимая это как устремление духа (*buddhi-yoga*) к действию. Предшествующая строфа определяет право на деяние — в оригинале: *adhikara*, что ван Бейтенен рассматривает как термин, принятый ритуалистами (мимансаками) (об этой даршане см.: Индуизм 1996: 275—77) для обозначения права на совершение обряда; «Гита» признает необходимость обрядов, но отвергает всякую заинтересованность в результате (см.: Buitenen 1981: 163).

9 6 Сопряжение мудрости (*buddhi-yoga*) — «устремление духа», если следовать толкованию ван Бейтенена (см. примеч. 9 5 к текущ. разд.). Семенцов, однако, понимает здесь этот термин как равнозначный *jnana-yoga*, «йоге знания» (см.: Семенцов 1985: 74; см. также примеч. 88 к текущ. разд.).

9 7 Сопряженный с мудростью отрешается здесь... умение в деяниях. — Зэнер понимает здесь *buddhi-yukta* иначе и в соответствии со своим толкованием термина предлагает несколько значений: «объединенный душой» или «с душой», «совершает духовное упражнение» (*performs spiritual exercise with the soul*) (см.: Bhagavad Gita 1969: 147). Ван Бейтенен переводит: *armed with this singleness of purpose* — «вооруженный этим единством цели». «Здесь» — т. е. в этом мире, в земной жизни. Под «умением» (*kausala*) подразумевается здесь именно умение избежать уз, налагаемых деянием (см.: Buitenen 1981: 163). Под «деяниями» комментаторы понимают именно исполнение долга (см. примеч. 95 к текущ. разд.).

9 8 ...что предстоит услышать и что услышано. — П о д «услышанным» (*sruta*) понимается священный текст Вед, откровения; «предстоит услышать» — очевидно, имеются в виду основанные на этом тексте толкования ритуалистов. З д е с ь в следующей строфе новое учение проповедует преодоление «йогой мудрости» ведийского ритуализма (см.: Bhagavadgita 1948: 122). Откровением смятенный... — То есть сбивший с толку лишенными сбитой направленности текстами откровения, Вед.

100 Твердый в понимании (*sthitaprajna*). — Семенцов переводит: «нерассеянный мыслью». Тема сосредоточенности мысли (достижимой йогической практикой и от йоги неотъемлемой) занимает важное место в учении «Гиты» (см.: Dasgupta 1952: 491), как и образ обладающего ею мудреца-подвижника, описание которого непосредственно после вопроса Арджуны включает вторую главу (см.: Sachse 1988: 35—8).

101 ...собою внутри себя удовлетворенный... — Семенцов переводит: «пребывая в себе, рад собою» (в оригинале: *atmani evatmana tustah*); сходно большинство переводчиков. Зэнер, однако, считает, что *atmani* означает здесь не просто возвратное местоимение, но подразумевает именно Атмана, бессмертную душу, о которой шла речь выше (ст. 13—30) как о «вплощенном» (см. примеч. 69, 74 к текущ. разд.). О понятии Атман, восходящем к Упанишад, см.: Индуизм 1996: 66—7.

102 Предметы отвращаются от невкушающего... кто узрел Высшее. — «Невкушающий» (*nirahara*) Эджертон понимает буквально, в значении постигающего, но и Шанкара, и Рамануджа толкуют *ahara* именно как объекты чувств. Вкус (*rasa*) — т. е., очевидно, влечение к этим предметам. Эджертон, однако, настаивает здесь на буквальному понимании: *flavour* (Bhagavad Gita 1944/1: 181). «Высшее» (*param*) Рамануджа толкует в значении «иной, запредельный», т. е. находящийся за пределами восприятия органами чувств; Шанкара же толкует это как высшую реальность (*paramartha-tattva*), Брахман; и З э -нер указывает, что именно такое значение приобретает слово *param* в Упанишадах, как и в «Гите», где оно равнозначно понятиям «непреходящего» (*aksara*), Брахмана и Атмана (см.: Bhagavad Gita 1969: 152; см. также примеч. 69 и 80 к текущ. разд.).

103 ...на мне сосредоточенный. — Здесь Кришна впервые определенно связывает сосредоточение мысли в йоге (см. примеч. 91 к текущ. разд.) со всепоглощающим стремлением к Богу.

104 ...гибель разума... —В оригинале: buddhinaso. Зэнэр переводит: destruction of the soul, что понимает как разрушение интеллекта и воли, нервное расстройство (см.: Bhagavad Gita 1969: 154). Семенцов переводит: «мысли гибель».

105 ...с чувствами. Себе подчиненными... —В оригинале: atmavasya. Здесь слово atma используется, очевидно, не просто как возвратное местоимение, но именно в значении Атмана (см. примеч. 101 к текущ. разд.), что и передаем заглавной буквой в переводе: «Себе». У Семенцова: «...свои чувства власти атмана подчинивший...»

106 ...разум его утверждается... —В оригинале: buddhi, что ван Бейтенен переводит здесь и далее: singleness of purpose —«единство цели». Семенцов переводит: «...установится мысль недвижно».

107 Несопряженный. —В оригинале: ayukta, т. е. тот, кто не предан йоге, в отличие от «сопряженного» (yukta), преданного стремлению к единению, «сопряжению» с Брахманом (см. примеч. 88, 95, 97 к текущ. разд.). Ван Бейтенен переводит yukta буквально: yoked «впряженный»; Семенцов: «кто... стоек в йоге».

108 ...нет разума (buddhi), нет осознания (bhavana)... —О различных переводах термина buddhi см. примеч. 88, 90 к текущ. разд.; так же различно толкуют комментаторы и переводчики слово bhavana (см.: Bhagavad Gita 1969: 155). Эджертон понимает его как «действенность» (efficient-force) или «религиозная деятельность» (religious effort), «технический термин» мимансы (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 181); сходно переводит ван Бейтенен (power to bring things about —«способность осуществления»); сходно и у автора эстонского перевода; Дж. Гояндка понимает это как «мысль о Боге» (см.: Bhagavadgita 1986: 105); у Семенцова: «созерцание». Перевод «тренировка, упражнение» подкан А.В. Парибком как предпочтительный.

109 Брахмическое состояние (brahmā sthitiḥ). —Шанкара толкует это словосочетание как «пребывание в Брахмане» (brahmanī bhava), Рамануджа —как «достижение Брахмана» (brahmaprapika), Эджертон понимает это как некое состояние сосредоточенности на едином (fixation), приводящее к достижению Брахмана (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 181); Гояндка толкует это состояние как состояние души, осознавшей Бога (см.: Bhagavadgita 1986: 114); Зэнэр подчеркивает в нем момент неподвижности (как и переводит Дейссен: Feststehen), замирания в экстазе (см.: Bhagavad Gita 1969: 158).

110 Угасание в Брахмане. —В оригинале: brahma-nirvāna. Термин «нирвана» (букв. «угасание», возможен перевод: «умиротворение, блаженство», но обычно это слово оставляют без перевода), редко употребляемый вне буддийской литературы, свидетельствует здесь, как полагают, «об определенной близости Гиты к атмосфере духовных поисков раннего буддизма» (Семенцов 1985: 73). К.-Т. Теланг понимает здесь nirvāna как блаженство слияния с Брахманом (см.: Bhagavadgita 1882: 66; его переводу: Brahmic bliss — следует и Гояндка). Семенцов оставляет сложное слово «Брахма-нирвана» без перевода. Зэнэр и ван Бейтенен, следуя, очевидно, Раманудже, толкуют его как отождествление обоих понятий. В палийском каноне, указывает Зэнэр, слово brahma-nirvāna не встречается и введено в индуизм, видимо, «Гитой» (см.: Bhagavad Gita 1969: 159).

111 Глава 25. —В колофоне название третьей главы поэмы —«Йога деяния» (karma-yoga) (см. примеч. 88 к текущ. разд.).

112 В этом мире... для сопряженных. —Перевод терминов в этой строфе (как и везде) условен. Под «рассчитывающими» (samkhyā) подразумеваются постигающие высшую истину на пути к спасению через «рассуждение», «теоретически»; под «сопряженными» (yogin) —следующие собственно йоге, т. е. йогической практике, однако оба «метода» обозначаются в оригинале термином yoga (который Эджертон и переводит соответственно, см. примеч. 88 к текущ. разд.). О значениях и различных переводах терминов samkhyā и yoga и о совпадении первого с понятием «знания» в сочетании jñāna-yoga («йога знания»), в нашем переводе: «сопряжение путем знания» см. примеч. 69 и 88 к текущ. разд. (см. также: Bhagavad Gita 1969: 161—62).

113 [Власть] деяния. —Подразумевается закон кармы, определяющий посмертную судьбу в новом рождении (см.: Индуизм 1996: 230—31).

114 Отречение (samnyāsa). —Имеется в виду отречение от мира, которое учением Упанишад предписывается на последней стадии жизни (см.: Индуизм 1996: 390). Ср., однако, далее по тексту (гл. 28. 2).

115 Непривязанный (asaṁkta). —Подразумевается не привязанный (желанием обладания) к чувственным объектам окружающего мира (Зэнэр переводит: detached — «беспристрастный», ван Бейтенен: disinterestedly —«незаинтересованно»; наш перевод совпадает с переводом Семенцова).

116 ...[только] виной... которые варят для себя. —Почти дословное совпадение с текстом «Законов Ману» (см.: Законы Ману 1960/3: 118), из которого мы добавили в нашем переводе слово «только» (kevalam), в «Гите» отсутствующее.

117 ...жертва осуществляется деянием. —Под «деянием» (karma) здесь понимается именно обряд, на что указывают и Шанкара, и Рамануджа (см.: Bhagavad Gita 1969: 166). Семенцов переводит: «жертв источник —священное действие» (ср.: Законы Ману 1960/3: 76).

118 Знай... в жертве утверждён. —Существуют различные толкования этого стиха, относимого к трудным для понимания. Эджертон не видит логической последовательности в ст. 14—5. Термин Брахман (brahman, n.) в первой строке стиха комментаторы и переводчики обычно понимают в значении совокупности священных текстов откровения, т. е. Вед, но Рамануджа, ссылаясь на текст «Гиты» (14. 2), толкует его здесь как равнозначный понятию материальной природы (prakṛti), тела, с чем согласен Эджертон (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 181), понятие же Непреходящего (aksara), что обычно означает священный слог «ом», Рамануджа здесь толкует как индивидуальную душу (jīvatman); но Шанкара именно aksara понимает в значении Атмана-Брахмана, от которого происходит Веда, священное Слово; и далее в «Гите» (8. 3) понятия brahman и aksara отождествляются (см.: Bhagavad Gita 1969: 167). Семенцов раскрывает значение ритуальных реминисценций в этом стихе и указывает, что понятие aksara, слог «ом», означает непрерывность и непреходящую длительность ритуального слова, порождающего и сам жертвенный обряд, «деяние» (см.: Семенцов 1985: 224).

119 Кто за вращением этого колеса здесь не следует... —«Здесь», т. е. в этом мире. Образ колеса Брахмана (или Атмана) в Упанишадах выступает как символ вселенной (см., напр.: в Шветашватара 1967: гл. 1, строфы 4— и коммент. к изд.: Упанишады 1967: 277); Гояндка связывает «вращение колеса» с представлением о циклическом процессе творения, о чем идет речь выше, в ст. 14 (см.: Bhagavadgita 1986: 136). Семенцов раскрывает образ в своем переводе: «Колесо это жертв и действий...», т. е. под следованием «вращению колеса» подразумевается исполнение религиозных обязанностей и обрядов (см. также: Sachse 1988: 66—7).

120 ...то лишь в Себе ищет радость... для того забот не существует. —Здесь возвратное местоимение atma означает, очевидно, именно Атмана («в Себе» —т. е. в сокровенной глубине души), и потому Семенцов оставляет его без перевода: «...которому атман... радость дарует...» и т. д. Далее он переводит: «...для него не важны предписанья».

121 Ибо... деянием... единение мира. —Джанак, легендарный царь Видехи, упоминается в числе излагающих новые учения в Упанишадах. Как «единение мира» мы переводим loka-saṁgraha (сходно с пониманием Семенцова: «миров целостность», так же у Мялля, автора эстонского перевода), хотя saṁgraha может означать просто «благо, благосостояние» (как переводит, напр., Сенар: le bien du monde; сходно Зэнэр; вообще толкования переводчиков здесь сильно расходятся, см.: Bhagavad Gita 1969: 169).

122 Что ни творит... тому и следует мир. —С этой строфы начинается наставление смертному о подражании Господу в своих деяниях, следующее, как указывает Семенцов, структуре ритуального ведийского текста (см.: Семенцов 1985: 64). К этому подводит призыв действовать ради единения мира в предшествующей строфе.

123 ...все деяния он да уладит. —Буквальный перевод. В существующих переводах отражаются различные толкования текста. Зэнэр переводит: let him encourage —«пусть поощряет». Перевод Семенцова следует толкованию Шанкары: «...пусть людей к делам побуждает» (так же Радхакришнан, Гояндка), однако значение каузатива от jñu в оригинале этому не вполне отвечает. Ближе к буквальному перевод Дейссена: ...veranlassen... mit Freudigkeit zu tun —«побуждать действовать с радостью» (сходно Эджертон). Подразумевается, видимо, что мудрый должен направить на путь истинный невежественных людей так, чтобы они получали от деяний удовольствие.

124 О деяниях... он их творец. —«Свойства природы» (то же, что «качества»); см. примеч. 92 к текущ. разд.) —термины guṇa и prakṛti — Семенцов оставляет без перевода. «Самость» —условный перевод термина āhamkāra (принятый и предшествующими русскими переводчиками «Гиты»); в системе санхьи он означает сознание Я (ego), происходящее непосредственно от разума (buddhi) и восходящее через него к изначальной материи (prakṛti).

125 Ведающий же суть... не привязывается. —То есть знающий, что все действия происходят из «свойств» (guṇa) материи, не приписывает их себе и не связывается ими. Семенцов, как везде, оставляет здесь этот термин без перевода: «...гуны вращаются в гунах»; ван Бейтенен раскрывает значение в переводе: the forces are operating on the forces —«силы воздействуют на силы».

126 ...в высшего Себя... —В оригинале: adhyatma, что может также означать Высший Дух (так переводит Эджертон: over-soul; Семенцов оставляет без перевода: «...толькоатмана мыслью зная...») или Бога. Ван Бейтенен переводит: universal self, т. е. достаточно близко к этому, и указывает, что в начале этого стиха, если учитывать содержание предшествующего, prakṛti, по существу, отождествляется с Богом (см.: Buitenen 1981: 164; см. также примеч. 207 к текущ. разд.; о значении слова adhyatma в «Гите» см. также: Bhagavad Gita 1969: 173).

127 ...этот [мир]... —Иначе переводит Теланг: следуя Шанкаре, под «этим» (idaṁ) он понимает не «мир» (как большинство других переводчиков), а «знание» (так же Гарбе, Гояндка). Но под словом «это», когда опускается определяемое, в поэме чаще понимается именно мир, вселенная, и едва ли следующая строфа содержит ненужный повтор, который подразумевается упомянутым толкованием.

128 ...сознание (manas) и разум (buddhi)... —Перевод этих терминов здесь условен. Первый термин (Семенцов оставляет его без перевода, в английских переводах обычно: mind, у Эджертон: thought organ —букв, «орган мысли»; Семенцов же именно так переводит второй термин) в санхье означает ум, сознание (Эджертон как consciousness, напротив, переводит buddhi). Это шестой элемент имеющей материальную природу психики, дополняющий пять чувств, т. е. сенсорных органов: indriya или buddhindriya — органы восприятия —глаз, ухо, нос, язык и кожа; к ним добавляются еще пять органов действия: karmendriya —гортань, рука, нога, задний проход, половой орган. Значение «чувства» или «память» (meel) избирает эстонский перевод. Мы переводим здесь manas как «сознание»; подразумевается: то, что дает возможность «осознания», будучи на более низком уровне по отношению к «разуму» (в другом контексте manas переводим: «мысль»; иногда также: «душа»; Семенцов переводит: «сердце»; —или оставляет без перевода). Что касается понятия buddhi, то некоторые исследователи особенно подчеркивают его функцию «вместилища или памяти»; оцениваемой «по ее содержанию и способности содержать» спасительное знание (см.: Brassard 1999: 94; также: Armstrong, Ravindra 1979: 331). Согласно санхье, в процессе эволюции материи «разум» возникает первым из «непроявленного» (avyakta), промежуточную стадию между ним и «сознанием» или «мыслью» занимает «самость», «самосознание» (см. примеч. 124 к текущ. разд.). О толкованиях и переводах термина buddhi см. также примеч. 88, 130 и 305 к текущ. разд.

129 Знание (jnana) и познание (viinana) —Согласно Шанкаре, под первым следует понимать знание высшей истины, воспринятое из священных книг, под вторым —знание, основанное на личном опыте и подчиненное традиции (Шанкаре следуют переводы Теланга, Эджертон, Зэнера). Иногда эти понятия различают как знание духовное, восходящее к откровению, и знание, опирающееся на логическое рассуждение (см.: Bhagavadgita 1948: 149; так переводит ван Бейтенен: insight and knowledge). Иначе различает Гояндка: как знание Абсолюта (Брахмана) и знание, помимо этого, воплощенного Бога (см.: Bhagavadgita 1986: 169). См. также примеч. 223 к текущ. разд.

130 Чувства называют... то Он. —Он —то есть Атман, высшая реальность, как толкуют Шанкара и другие комментаторы. Текст строфы отсылает, очевидно, к «Катха упанишаде» (I. 3. 10), где, однако, выше чувств ставятся «предметы» (artha), а выше Атмана в этой иерархии названы (в следующем стихе) Непроявленное (avyakta) и далее Дух (purusa). Как отмечает Зэнер, и «Катха», и «Гита» отклоняются от традиционной схемы санхьи, в которой между manas и buddhi стоит ahamkara (см.: Bhagavad Gita 1969: 177). Означенную параллель игнорирует Рамануджа, толкующий «он» в конце стиха как «желание» (kama), о котором идет речь в предшествующей строфе; Раманудже (в отличие от большинства) следует Семенцов в своем переводе: «...еще выше стоит вожделье».

131 Глава 26 —В колофоне название четвертой главы поэмы —«Йога знания» (jnana-yoga) или «Йога знания и отрешения от деяний» (jnana-karmasamnyasa-yoga; возможен другой перевод —«Йога знания, деяния и отрешения»). В самом тексте поэмы термин jnana-yoga (см. примеч. 112 и 340 к текущ. разд.) встречается лишь дважды, что, как замечает Семенцов, не позволяет установить «точный объем его значения» (см.: Семенцов 1985: 73).

132 Это непреходящее учение... Ману его изложил йкшваку. —Как «учение» переводится здесь термин yoga (чаще его оставляют здесь без перевода) (см.: Семенцов 1985: 225); в сходном значении —«учения» или «знания» —он употребляется в названиях глав в колофонах (см. примеч. 56 к текущ. разд.). Уже Дж. Томсон отметил, что учение «Гиты» в этом тексте приписывается не брахманской, но кшатрийской традиции и связывается с именами легендарных царей Солнечного рода, «царственных мудрецов» (см.: Бхагавадгита 1956: 289). Характерно, что реформаторское по сути учение осязается здесь авторитетом глубокой древности (см. далее по тексту, где оно именуется «древним»; см. также: Bhagavadgita 1948: 152).

133 Преданный почитатель. —В оригинале: bhakta —слово, совмещающее оба значения, производное от того же корня, что и bhakti, одно из важнейших понятий вероучения индуизма (см. далее по тексту); Семенцов оставляет здесь это слово без перевода: «Лишь тебе Я доверил, о бхакт мой...»

134 Хотя не рожден я... я себя являю. —Как отмечает Зэнер, в этом стихе Кришна впервые открывает Арджуне свою божественную природу. «Над своей природою», т. е. над подвластной ему материей (prakrti), что подчеркивают некоторые переводы (Семенцова, Зэнера, ван Бейтенена: nature which is mine). «Майя» (maya) —термин, который в древних текстах означает сверхъестественную магическую силу, волшебство; о понятии майа как творческой энергии Бога (так и переводит Зэнер: my creative energy) см. Далее по тексту. Радхакришнан в этом контексте определяет его как «свободная воля Бога» (Bhagavadgita 1948: 152).

133 Когда ни случается... создаю себя сам. —В этой строфе, развивающей мысль, выраженную в предшествующей, усматривают становление индуистской доктрины аватар, «нисхождений» бога Вишну в этот мир (см.: Bhagavad Gita 1944/2: 53).

136 ...подвигом [того] знания очистившись, в мое бытие вошли. —То есть достигли высшей цели —освобождения от уз мирского бытия (сансары). «Подвиг» здесь имеет значение подвижничества (в оригинале: tapas), и возможен перевод: «подвижничеством и знанием (мудростью)» так у Зэнера; но здесь скорее сравнивается познание высшей истины, проповедуемой Кришной, с подвижничеством. «Мое бытие» (или «состояние» — mad-bhava) Радхакришнан толкует как сверхъестественное бытие Бога (см.: Bhagavadgita 1948: 157); здесь это понятие, по существу, отождествляется с понятием Брахмана.

137 ...моим путем... последуют люди... —Второе полустипие дословно повторяет текст ст. 23 в предшествующей главе. Шридхара толкует это здесь как путь почитания Бога, но Зэнер полагает, что воле Бога, как подразумевается, следуют только осознавшие изложенные выше истины —о власти его над материей и его воплощениях в этом мире (в ст. 6, 8, см.: Bhagavad Gita 1969: 186).

138 Желания успеха... деяниями рожденный. —Под «деяниями» (karma) подразумеваются в этой строфе именно ритуальные действия, жертвоприношения богам (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 45).

139 Свойства и деяния. —Согласно Шанкаре, гуны («свойства») соотносятся здесь с четырьмя варнами (sattva —брахманы, rajas — кшатрии, tamas —шудры, вайшьи сочетают в своей природе последние две). «Деяния» —обязанности, предназначенные Богом для каждого сословия. О парадоксальном характере комментируемого Шанкарой отрешения Бога от деяния см.: Bhagavad Gita 1969: 187.

140 ...в недеянии видит деяние... —Как поясняет Шанкара, дух (Атман) отрешен от деяния, тело же лишено покоя; на этом основывается здесь своего рода диалектический подход к проблеме различения «деяния» (karma) и «недеяния» (akarma); последнее Рамануджа трактует как «познание Атмана» (atmajnana); для мудрого деяние неотделимо от знания (см.: Bhagavadgita 1948: 163).

141 ...мысль и себя обуздавший... —В оригинале: yata-cittatman. Перевод следует здесь толкованию Шанкары, понимающего атман как возвратное местоимение (в отличие от Рамануджи), как «себя» в смысле именно телесном (последнее отвергает Зэнер; см.: Bhagavad Gita 1969: 190).

142 ...свершающего деяние как жертву... —Как указывает Эджертон, «жертва» означает здесь различные виды обрядов; следующее далее их перечисление подразумевает ритуализацию физической и ментальной деятельности во избежание умножения бремени кармы —само по себе деяние с ним необязательно связывает (см.: Bhagavad Gita 1944/2: 57, 78).

143 Приношение есть Брахман... ради Брахмана. —Шанкара очень неясно толкует эту строфу; Рамануджа видит здесь в Брахмане суть всякого деяния (обряда, с которым он отождествляется). Дасгупта, ссылаясь на комментарий Шридхары, указывает, что Брахман в этой строфе означает Бога (см.: Dasgupta 1952: 474). Семенцов сопоставляет ее со ст. 9(31). 16, где в тех же выражениях говорит о себе в первом лице Господь, и далее приводит толкование Абхинавагупты: «Брахман —средство жертвоприношения, т. е. то, из чего все происходит и куда затем опять входит, есть Брахман; все существующее в виде этого мира, есть жертва; в Брахмане, т. е. в тихом огне высшего постижения, Брахманом, т. е. любым ритуальным действием, она жертвуется, т. е. приносится в огонь Брахмана для увеличения его (человека) сияния; тот йогин, чья сосредоточенность состоит именно в таком действии, соединяется с Брахманом, т. е. познает именно Его, не иное что-либо, поскольку иного не существует» (цит. по: Семенцов 1985: 75); далее Абхинавагупта указывает на тождество понятия «Брахман» и «я» в контексте данной строфы (см.: Там же: 130).

144 ...жертву... богам... жертвенное возлияние. —От жертвы Брахману, о которой говорится выше, отличается жертва богам ведийского пантеона (daivayajia); с этой строфы начинается перечисление различных видов ритуальных действий, составляющих «сопряжение [путем] обряда» (karma-yoga) и направленных на обретение истинного знания (см.: Семенцов: 76). Шанкара считает, что здесь под «жертвой», которая приносится Брахману, подразумевается душа, Атман (см.: Bhagavadgita 1948: 163).

145 Иные приносят жертву... на огни чувств. —Эта строфа, как и непосредственно следующие за нею, посвящена йоге как «аскетической практике» (близкой тому, что называется «хатха-йогой») (см.: Индуизм 1996: 438); она осмысливается здесь как приношение в жертву деятельности чувств (т. е. их обуздание) и «предметов чувств» (т. е. отрешение от чувственных объектов) (см.: Семенцов 1985: 76).

146 Жизненные силы (rpa). —Семенцов, как многие другие переводчики, оставляет здесь термин без перевода («...действия пран в этом теле...»). Это понятие (rpa — букв, «дыхание») восходит к Упанишадям, где под ним разумеются пять органов чувств (дыхания или обоняния, речи, зрения, слуха и мышления) (см.: Чхандогья 1967: гл. 7 строфа 1). Речь идет о разновидности «праण्याмы», йогического регулирования дыхания (rpanayama —букв, «сдерживание дыхания») (см. далее по тексту), для установления контроля над потоком сознания.

147 Жерта сопряжением (yoga-yajna). —Неясно, что имеется в виду. Шанкара понимает это именно как регулирование дыхания, Рамануджа —как паломничество (см.: Bhagavad Gita 1969: 194).

148 Жертва чтением и познанием. — «Чтение» (svadhyaya) означает здесь рецитацию священного (ведийского) текста, которой как особому ритуальному действию приписывалась магическая сила; цель — постижение мудрости откровения (см.: Семенцов 1985: 41—5).

149 Сдерживание дыхания. — См. примеч. 146 к текущ. разд. Семенцов оставляет этот термин (как и другие в этой строфе) без перевода: <<...так, дыханий пути преграждая, пранаяму аскеты свершают>>.

150 ...дыханиями дыханиями приносят жертву. — Прием пищи сам по себе рассматривается в Упанишадах как жертвоприношение пранам («жизненным дыханиям») (см., напр.: Чхандогья 1967: гл. 19), т. е. отказ от пищи означает принесение в жертву самих этих «дыханий».

151 ...приносятся в уста Брахмана. — Этот текст толкуют и переводят различно. Сначала А.В. Шлегель и некоторые другие приняли толкование Шанкары, считающего, что здесь под Брахманом понимаются Веда, что, однако, вслед за Гарбе решительно отверг Эджертон; он же понимает brahmana mukhe как «перед ликом Брахмана (Бога)» или просто «перед Брахманом» (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 182). Ван Бейтенен полагает, что под «уста́ми Брахмана» подразумевается священный огонь, на котором сжигается жертва (см.: Buitenen 1981: 164).

152 Всякое деяние... достигает совершенства в знании. — «Жертвоприношение знания» (jñāna-yajña) объявляется в этой строфе выше «вещественного» (см. в гл. 26 ст. 28), которое, согласно Раманудже, лишь подготавливает эту высшую жертву (само оно при этом отнюдь не отвергается). Строфа резюмирует учение о деянии (karma yoga): смысл бескорыстного деяния в том, что оно «превращается в знание» (перевод, предложенный Семенцовым), иначе: «уничтожается в знании» (см.: Семенцов 1985: 76—78). На эту строфу обращает особенное внимание Шанкара (также на ст. 36, 37 гл. 26), в своем комментарии именно знанию (jñāna) отдающий предпочтение перед преданностью (bhakti) на пути к спасению (см.: Callewaert, Hemraj 1982:89).

153 ...узиришь все существа... во мне. — Речь идет о том, что все существа едины с Богом (см.: Bhagavad Gita 1944/2: 60—1), и с ним же сопоставляется здесь сокровенный дух человека, Атман (см.: Bhagavad Gita 1969: 196).

154 Ибо нет здесь... преуспевший в сопряжении. — «Здесь», т. е. в этом мире, в земной жизни. Указывается, что спасительного знания можно достигнуть посредством йоги («сопряжения по пути») деяния (см. примеч. 152 к текущ. разд.).

155 Удалившего деяние сопряжением... — То есть йогий очистившего свои деяния от бремени кармы (см. примеч. 152 к текущ. разд.).

156 Глава 27. — В колофоне название пятой главы поэмы — «Йога отрешения от деяния» (karmasamnyasa-yoga).

157 Утвердившийся в отрешении. — В оригинале: nityasamnyasin — букв. «постоянно (т. е. навсегда) отрешенный». Начиная с Упанишад «отрешенным» (санньясином) именуется человек, вступивший в четвертую, последнюю стадию жизни (ашраму), странник, отринувший все земное, посвятивший себя всецело избавлению от круговорота повторных рождений (сансары).

158 Рассуждение и сопряжение. — См. примеч. 88 к текущ. разд. в 9 ...со всеми существами Душою единый... — Подразумевается осознавший себя (в оригинале: atman) в единстве с Атманом всего сущего (см. примеч. 173 к текущ. разд.).

160 ...отдав свои деяния Брахману... — Согласно Шанкаре — посвятив их ему бескорыстно; согласно Раманудже — осознав, что деяния в действительности принадлежат Брахману. Под Брахманом здесь понимают Бога (см. примеч. 143 к текущ. разд.); однако Рамануджа отождествляет здесь Брахман с «природой» (prakṛti), подразумевая, как можно понять, иллюзорность всякого деяния (см.: Bhagavadgita 1948: 178). Семенцов, принимая это толкование, поясняет: понимая, что активна лишь природа, человек видит себя (Атман) недействующим (см.: Семенцов 1985: 225). Эджертон отождествление Брахмана с prakṛti считает здесь неоправданным (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 182).

161 Девятиратный град — град воплощений, т. е. тело. «Девять врат» — глаза, уши, ноздри, рот и два органа выделения. Образ восходит к Упанишад, где число «врат» чаще — одиннадцать (добавляются пуп и черепной шов), см., напр.: Катха 1967: гл. 2, строфа 1.

162 Ни деятельности... движется самосу́щая природа. — Под «деятельностью» (калька с оригинала: kartṛtva) понимается здесь некая сущность деятеля (способность к совершению действий, как и переводит Теланг: capacity of performing actions); возможен и не буквальный перевод: «ни деятелей...» (у Семенцова: «...ни действий, ни свершителей их...»). «Самосу́щая природа» — в оригинале: svabhava (см. примеч. 152 к текущ. разд.).

163 Всепроницающий (vibhu) — обычный эпитет Бога (Брахмы, Вишну или Шивы) начиная с эпоса. Но здесь, если принять толкование Рамануджи, как и в предшествующих строфах (13—4), подразумевается не Бог, но Атман как душа познавшего истину (см.: Bhagavadgita 1948: 180; Bhagavad Gita 1969: 208—09; Buitenen 1981: 165).

164 Но для тех... то Высшее. — В оригинале, как и в переводе, «Себя» (т. е. Атман) может быть отнесено и к «незнанию», и к «знанию» («незнание Атмана» либо «Атмана знанием»). «То Высшее» (tatparam — букв. «запредельное») Шанкара толкует как «суть высшей истины» (paramarthatattva), подразумеваемая высшую реальность (см.: Bhagavadgita 1948: 180).

163 На ученого... взирают мудрецы. — Шанкара соотносит перечисленных первых трех с тремя Гунами: брахман представляет саттву, корова — раджас, слон — тамас. «Псо́ядец» (svapaka) — пария, занимающий низшее социальное положение, вне кастовой иерархии (собака почиталась в Индии нечистым животным, прикосновение к кото́рому оскверняет). Указывают, что подобный отказ от сословных и кастовых предассудков сближает «Гиту» с ранним буддизмом (см.: Mylius 1980: 108).

166 Творение — обычное значение слова sarga в оригинале, но здесь оно толкуется как «природа смертного», «мир рождений и смертей» (в переводе Семенцова: «сансара»).

167 Тот, чья Душа сопряжена в постижении [истины] с Брахманом. — «Душа» — в оригинале: atman; подразумевается отрешение ее от внешних воздействий, необходимое для «постижения» (в этом значении здесь в оригинале: yoga) истины единства Атмана и Брахмана, что и означает слияние этой Души (Атмана) с Брахманом (см.: Buitenen 1981: 165). Гояндка понимает здесь yoga как самоотождествление с Брахманом путем медитации (см.: Bhagavadgita 1986: 259).

168 ...с Брахманом сливающийся, достигает угасания в Брахмане. — «С Брахманом сливающийся» — в оригинале: brahma-bhuta — букв. «ставший Брахманом» (как и переводит Семенцов). «Угасание в Брахмане» или «умиротворение в Брахмане», — как переведено то же слово в следующей строфе, — Знер и ван Бейтенен здесь, как и выше, толкуют иначе; Семенцов (как и Эджертон и Мьяль) опять оставляет слово «Брахманирвана» без перевода (о значении этого понятия см. примеч. 11Q к текущ. разд.).

169 Внешние касания... вдох и выдох выравнивая... — С этой строфы начинается изложение темы «йоги», как этот многозначный термин понимается у нас в техническом аспекте, т. е. как система определенных психофизических упражнений, направленных на ограждение организма от негативных внешних воздействий. «Взор утвердив посреди бровей» — прежде других указан здесь йогический прием фиксирования взгляда на переносице для возбуждения рефлекса внимания (см.: Бхагавадгита 1956: 300). Далее имеется в виду контроль над дыханием (пранаяма) (см. примеч. 146, 149 к текущ. разд.), составляющий основную часть этой системы. Термины прага и арага (букв. «вдох» и «выдох») толкуют также как дыхание соответственно над и под диафрагмой, «верхнее» и «нижнее» (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 182).

170 Глава 28. — В колофоне название шестой главы поэмы — «Йога созерцания» (dhyana-yoga). Слово dhyana уже в Упанишадах означает медитацию, самоуглубление, погружающее в транс (Семенцов переводит: «Йога активного внимания»). Вариант заглавия: «Йога самообуздания» (atmasamyama-yoga).

171 Кто должное деяние... не совершает* обрядов. — В первой строфе главы утверждается необходимость соблюдения ведийской обрядности. «Отрешенный» (samnyasin) (см. примеч. 157 к текущ. разд.), «сопряженный» (yogin, термин, который Семенцов везде оставляет без перевода, как и некоторые другие переводчики) отрицается здесь от буддистов и представителей других неортодоксальных течений (см.: Buitenen 1981: 165). Шанкара, однако, толкует текст строфы иначе: «не только тот есть отрешенный» (см.: Bhagavadgita 1948: 188). Гояндка под «отрешенным» понимает следующего путем не «деяния», но «рассуждения» (samkhyayogin). «Не совершает обрядов» — другой возможный перевод: «бездействует».

172 То, что называют отрешением... от умысла. — В этой строфе «отрешение» (samnyasa) приравнивается к «сопряжению», т. е. к йоге («деяния») как необходимому условию для ее (йоги) достижения, дающего право именоваться «сопряженным» (йогиним). «От умысла (samkalpa)» — т. е. от материальной заинтересованности в плоде деяния.

173 ...самая Душа его... — В оригинале: atman; здесь в переводе «Душа» (как и «Себя») означает именно Атман, сокровенную истинную сущность человека, о тождестве которой с Брахманом учат Упанишады (см. примеч. 69, 101 к текущ. разд.).

174 ...в том... Превышний Дух сосредоточен... — Этот текст допускает двойное толкование в зависимости от того, понимать ли сочетание paramatma в оригинале как сложное слово parama-atma, что можно перевести: «Высший, Превышний Дух» («Высший Атман»), — в «Гите» оно обычно означает Бога, — или как слияние наречия param («лучше», «выше») и atma («Душа» или в значении возвратного местоимения). Первое толкование, которому следует большинство переводчиков (предшествующие русские оставляют при этом «Атман» без перевода), находит отражение в комментарии Шанкары, другое — у Рамануджи; если принять последнее, переводить, видимо, следует: «...в том лучше (совершеннее) Душа сосредоточена».

175 Сопряженный... к сопряжению обращенный... — Оба термина в оригинале (соответственно yogin и yukta) — производные от одного корня (см. примеч. 107, 171 к текущ. разд.), второй из них Шанкара толкует здесь как samahita — «сосредоточенный» (см.: Bhagavad Gita 1969: 223). О толковании понятий «знания» и «познания» см. примеч. 129 к текущ. разд. «Вознесшийся» (kutastha — букв. «стоящий на

вершине») — т. е. отрешенный от мирских забот, ставший выше их и уединившийся; эпитет, употребительный в ранней буддийской литературе (пали kutattha) в значении «не подверженный изменениям».

176 В чистом месте... да прибежит он к йоге ради самоочищения. — Эти две строфы и следующая определяют действия и*тюз (в «асану») приступающего к тем физическим упражнениям, которые ассоциируются у нас обычно с понятием «йоги», — поэтому здесь и далее в главе этот термин оставляется без перевода (тема «профессиональной» йоги начинает развиваться с конца предшествующей главы). Очень близкий текст содержится уже в «Шветашватара-упанишаде» (см.: Шветашватара 1967: гл. 2, строфы 8—0). Ткань — верхний, трава куша (священная трава, см.: Индуизм 1996: 251) — нижний слой трехслойной ритуальной подстилки на жертвоприношениях. Оленья шкура (ajina) — шкура черной антилопы, почитавшаяся священной уже в Ведах (см.: Семенцов 1985: 225). «Сознание» — в оригинале: manas (Семенцов переводит здесь: «сердце»; как «мысль» здесь и далее в этой главе мы переводим citta, что чаще означает именно мыслительную деятельность, «мышление, обдумывание»).

177 Умиротворенный Душою... что во мне пребывает. — «Сопрягающий Себя...», т. е. сопрягающий свою Душу (Атман) с высшей реальностью; причастие uirjān в оригинале — производное от того же корня, что и yogin, и в этом контексте с ним по существу однозначное. Семенцов переводит иначе, передавая uirjān как означающее занятие йогической практикой (что, очевидно, и подразумевается текстом): «Постоянно себя упражняя» (сходно Милиус: iibend immerdar sein Selbst). После предписаний, касающихся подготовки к духовной деятельности, именуемой «сопряжением» (йогой), эта строфа и последующие посвящены характеристике «сопряженного» (йогина), того, кто способен на этот путь вступить. Под «йогой» здесь понимается конкретно та совокупность психофизических упражнений, которая способствует созданию этой внутренней настроенности на слияние с Брахманом, и одновременно эта настроенность («сопряженность») сама по себе (ван Бейтенен, учитывая это сужение значения, начиная со следующей строфы оставляет uoga без перевода). В первой из этих двух строф переводим manas как «сознание» («сознание подавив»), в следующей — как «душа» («с подчиненной душою»). «Упокоение» (pīṇava) — см. примеч. 110, 168 к текущ. разд. 178 ...в Себе лишь самом... — Семенцов переводит: «...лишь в атмане...»; Гояндка толкует это как Бога, но чаще атман, следуя за Шанкарой, понимают здесь как возвратное местоимение.

179 ...сопрягающему Себя в йоге. — См. примеч. 177 к текущ. разд.

180 ...зрящий Себя Собою в Себе довольство обретает. — Семенцов и здесь оставляет atman без перевода: «...в атмане радость находит созерцающий атманом атман...»

181 ...называемое... приверженностью, отверженное от подверженности страданию... — Здесь uoga — «сопряжение» мы передаем как «приверженность»; в подлиннике названные здесь понятия (yoga, viyoga, samyoga) также выражены производными от одного корня. Отношение к страданию (duḥkha), считает Зэнер, отражает здесь буддийское влияние (см.: Bhagavad Gītā 1969: 229).

182 ...с беспечальным сердцем. — В оригинале: anīrvinna-cetasa, что подразумевает, согласно комментарию Шанкары, невосприимчивость к страданию (см.: Bhagavadgītā 1948: 201). ...мысль внутри Себя укрепив... — Семенцов переводит manas, как и везде: «сердце» и оставляет atman без перевода («сердце на атман направив») (см. примеч. 128 к текущ. разд.).

184 Чем бы ни влеклась... — Семенцов, следуя большинству современных толкований, переводит: «...куда бы... ни увлеклся...» («манас» оставляет без перевода). Однако Шанкара и Рамануджа видят в грамматической форме относительного местоимения yatas указание на причину, и возможно также перевод: «Отчего бы ни блуждала...» (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 183).

185 ...сопрягая Себя... — Семенцов переводит: «...себя упражняя...»; речь идет о йогической практике, но, видимо, и о внутренней духовной настроенности, «сопряженности».

186 ...на все равно вззирающий. — То есть прозревающий единство во всем и потому беспристрастный (ср. в предшествующей главе ст. 18—9 и примеч. 165 к текущ. разд.).

187 Кто, прибегнув к уподоблению себе... в радости и в горе... — Иными словами, познав единство всего с Брахманом из сравнения с собою, как и чужие радость и горе. Шанкара усматривает здесь проповедь «невреждения» (ахимсы) (см.: Индуизм 1996: 69—0): «Как мне желанна радость, так и всем живущим радость приятна, если... мне страдание неприятно... так же нежеланно страдание всем живущим... никому он не делает неприятное» (цит. по: Bhagavadgītā 1948: 205). Соответственно понимают этот текст Теланг и Эджертон; Зэнер видит здесь, однако, противоречие самому духу учения (см.: Bhagavad Gītā 1969: 237). Иначе толкует Семенцов: «Кто лишь Атмана образ всюду созерцает... несмотря на их боль или радость...»

188 ...ты объявил уравновешенностью... — В оригинале: samya, очевидно, то же, что samatva выше, в ст. 48 второй главы поэмы (см. примеч. 95 к текущ. разд.).

189 Мысль. — В оригинале: manas (см. примеч. 128, 183 к текущ. разд.).

190 ...через усердие и бесстрашие. — «Усердие» (abhyasa, точнее «упражнение»), как и переводит здесь Семенцов и «бесстрашие» (vairāgya) рекомендуются также в «Йогасутре» Патанджали (I, 12), где первое толкуется как усердие в достижении «устойчивости» (sthiti) (I, 13), т. е. в сосредоточении сознания на высшей цели, что дается постоянной медитацией (см.: Bhagavadgītā 1986: 321).

191 И в том, и в другом сорвавшись... — Семенцов переводит: «...на обоих путях потерявшись...» — поясняя, что речь идет о пути мирского преуспевания и пути аскетических подвигов (см.: Семенцов 1985: 226). Согласно Шанкаре, однако, подразумеваются пути «рассуждения» и «сопряжения», которые определяются в начале поэмы (см. выше примеч. 69, 88 к текущ. разд.).

192 ...просветленность... из прежнего воплощения... — Семенцов оставляет здесь термин buddhi без перевода: «...обладая своей буддхи из прежнего тела...» (см. о его значении примеч. 88, 90 к текущ. разд.). В оригинале buddhi-samyoga (букв. «соединение с разумом») может иметь в виду и йогическую практику, способствующую переходу (т. е. сохранению) интеллекта, коим человек был наделен в прошлой жизни, что позволяет продвигаться дальше к конечной цели в следующих рожденьях.

193 Брахман-Слово — В оригинале: sabda-brahma. Этот термин встречается в «Майтри-упанишаде» (VI, 22), где он означает священный слог Ом, магически способствующий достижению высшего, непроявленного Брахмана (см.: Упанишады 1967: 152). Полагают, что здесь он может означать текст Вед (см.: Bhagavadgītā 1948: 209), как символ которых Ом рассматривается в индуизме.

194 Глава 29. — В колофоне название седьмой главы поэмы (первой главы второй части — «Раздела о почитании», upasana-kanda) — «Йога знания и познания» (jñānavijñāna-yoga); о значении терминов jñāna и vijñāna см. примеч. 129 к текущ. разд. 19:1 ...восьмичастно разделенная природа. — Здесь перечисляются последовательно пять первоэлементов (см. примеч. 42 к разд. «Протяжение...») и три изначальных элемента психики, имеющие, согласно учению санкхьи, материальное происхождение: «мысль» (manas, что можно переводить также: «сознание», «душа», «сердце»; о значении термина см. примеч. 128 к текущ. разд.), «разум» (buddhi) (см. выше примеч. 88, 128 к текущ. разд.) — первый продукт эволюции проявленной материи, «самость» (ahamkāra) (см. примеч. 124 к текущ. разд.) — элемент, занимающий в процессе эволюции, согласно указанному учению, положение промежуточное между buddhi и manas.

Материя объявляется здесь «низшей природой» Бога.

196 Духовное существо. — В оригинале: jīva — термин, обычно означающий индивидуальную душу, изначально — жизненное (духовное) начало в человеке; близок понятию Атмана (нередко с ним сочетается), но четко отграничивается от безличного Брахмана.

197 Помни... из этого лона... растворение. — Согласно Шанкаре и Раманудже, «лоно» (uṇi) подразумевает здесь обе природы Бога, как «высшую», так и «низшую» (см.: Bhagavad Gītā 1944/1: 183; Семенцов 1985: 226). «Растворение» (pralaya) — гибель мира по миновании махаюги (см. примеч. 8 к разд. «Протяжение...»).

198 Я есмь вкус в воде... подвижничество в подвижниках. — В этих двух строфах (8—) Бог отождествляется (не вполне последовательно) с теми чувствами или объектами чувств, которые ассоциируются в учении санкхьи с соответствующими им элементами (стихиями); зрение обычно ассоциируется с огнем. «Священный слог» (praṇava) — Ом (см. примеч. 193 к текущ. разд.).

199 Желание и страсть. — В оригинале: kama-rāga. Первое Шанкара толкует как жажду «вещей неблизких» (т. е. тех, что вне пределов непосредственного восприятия органами чувств), второе — как «влечение к вещам достигнутым» (см.: Bhagavadgītā 1948: 216).

2 0 0 ...истовости, страстности либо косности... — См. об этих понятиях примеч. 9 2, 94 к текущ. разд.

201 Майя. — См. примеч. 134 к текущ. разд. Как «из нитей-качеств (гун) слагаемая», она отождествляется здесь с материальной природой.

2 0 2 Демонское бытие. — В оригинале: aśuṇat bhavam, см. примеч. 61 к разд. «Протяжение...».

2 0 3 Знающий — достигший высшего знания; согласно Раманудже, это прежде всего знание совершенного отличия вечного Атмана от материальной природы (prakṛti).

2 0 4 ...исполненный преданности единому... — Имеется в виду: единому Богу. «Преданность единому» (ekabhakti) здесь неотъемлема от высшего знания, о котором идет речь (см.: Семенцов 1985: 226). Доктрина бхакти, «преданности» (любви к Богу), центральная в учении «Гиты», развивается далее в двенадцатой главе поэмы.

2 0 5 ...какой бы образ... веру в него я утверждаю неколебимо. — Это характерное признание других культов лишь иными («непроявленными») формами своего, включающее их в свою религиозную систему, определяют теперь термином «инклюзивизм» (введенным П. Хакером, см.: Шохин 1994: 145 — 46; см. также далее по тексту в гл. 31, ст. 23).

2 0 6 Волшба сопряжения. — В оригинале: yoga-maṇa, что толкуется как творческая сила Бога, причем под «сопряжением» (yoga), согласно Шанкаре, здесь следует понимать соединение трех гун, коим обусловлено существование материального мира (одновременно реальное и иллюзорное) (см. о понятии «майя» примеч. 134, 201 к текущ. разд.).

2 0 7 ...что [у них] превыше Себя... — Речь идет о том, что такие люди понимают тождество Брахмана и «Себя», души человека, Атмана; в оригинале: adhyatma — термин, означающий, согласно Шанкаре, реальность, лежащую в основе отдельных душатманов, или их совокупность (см.: Bhagavadgita 1948: 225; Bhagavadgita 1986: 366). Зэнер, возражая против перевода Эджертона (over-soul) (см. примеч. 126 к текущ. разд.), толкует adhyatma просто как «то, что относится к себе» (Атману) (см.: Bhagavad Gita 1969: 255), Семенцов оставляет «адхьятма» без перевода, но в примечании поясняет сходно (см.: Семенцов 1985: 226).

2 0 8 ...то, что превыше существ и превыше божеств... превыше жертв... — В оригинале: adhishhuta, adhidaiva, adhiyajna — означают то, что относится соответственно к материальной природе, к божественной природе и к ритуалу (см.: Там же). Иначе переводит последние две строфы этой главы Зэнер, связывая их синтаксически и относя к Богу только последнее определение, предшествующие же два — к «действию» в предшествующей строфе, что отчасти оправдывается последующим текстом (см. ниже примеч. 210).

2 0 9 Глава 30. — В колофоне название восьмой главы поэмы — «Йога Непреходящего Брахмана» (Aksarabrahma-yoga).

210 Непреходящее... я сам... — В этих двух строфах (3—) уточняется значение понятий, введенных в конце предшествующей главы. О «Непреходящем» (aksara) как символе Брахмана см. примеч. 118 к текущ. разд. «Своя природа» — в оригинале: svabhava — термин, который выше, в пятой главе (ст. 14) в другом контексте означает низшую природу Бога, материю («самосущая природа») (см. примеч. 162 к текущ. разд.); здесь его толкуют как равнозначное jīva, т. е. «индивидуальной душе» (согласно комментарию Шридхары, см.: Bhagavadgita 1948: 227), или в значении «внутренней природы» (innate nature) (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 184), или именно как «высшую» природу Бога (см.: Buitenen 1981: 166). «Деяние» — очевидно, карма (см.: Там же). Из трех понятий (см. примеч. 208 к текущ. разд.) первое Теланг толкует как «неодушевленное творение» в целом, второе предполагает пребывающим в Солнце (см.: Bhagavadgita 1882: 77—8).

«Муж, дух» — оба этих значения принадлежат слову rūpa в оригинале. Это понятие (букв. «Человек», «Муж»), восходящее к мифологическому образу первозданного гиганта в «Ригведе», в Упанишадах приобретает значение «дух, душа» (см. примеч. 130 к текущ. разд.), в учении санкхьи это — духовный принцип, противопоставляемый prakṛti — «материи»; в этой главе rūpa означает именно духовную сущность Бога и употребляется как его имя или эпитет, так понимает его Шанкара, отождествляя с Хирьягарбхой, именем бога-творца (см. далее по тексту о «превышнем божественном Муже», к которому идет мыслящий о нем). Теланг переводит: rūpa как supreme Being — «высшее Существо»; Эджертон переводит: spirit — «дух» и считает его в этом контексте равнозначным Атману (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 184); ван Бейтенен здесь противопоставляет rūpa предшествующему как «непреходящее» (aksara) «преходящему» (ksara) (см.: Buitenen 1981: 166). Отождествление Кришны с жертвоприношением Эджертон возводит к поздневедийской литературе, где именно так характеризуются постоянно образ Вишну; Зэнер, однако, считает это не вполне понятным; «в этом теле» Шанкара объясняет неизбежной связью обряда с телесным действием (см.: Bhagavad Gita 1969: 261). Семенцов упомянутые выше три термина оставляет без перевода, как и имя Пуруша («...Адхидайва есть вечный Пуруша...» и т. д.).

211 ...всегда проникнутый тем бытием. — Другими словами: постоянно обращенный к нему мыслью, откуда и память о нем в последний час (см.: Bhagavadgita 1948: 229).

212 Кто о древнем Мудреце вспомийет... к превышнему божественному МУЖУ. — Содержание этих двух строф (9—0) находит близкое соответствие в тексте «Шветашватара-упанишад» (Ш. 8—), согласно которому познание Пуруши (см. выше примеч. 210) ведет «за пределы смерти» (см.: Упанишад 1967: 20). «Мудрец» — в оригинале: kavī, что в эпосе чаще означает певца, поэта (см. также примеч. 274 к текущ. разд.); здесь значение избранного эпитета (очевидно, заимствованного из Упанишад) не вполне ясно, и Семенцов оставляет его без перевода («Мудрый Кави»). «Меньше частицы» (в «Шветашватаре»: «меньше или больше которого ничего нет»; см.: Там же) — пребывание Мировой души (Атмаи-Брахмана) вне пространственных измерений неоднократно подчеркивается в Упанишадах. Сосредоточение «жизненной силы» или «дыхания» (rāga, Семенцов оставляет термин без перевода) между бровями — одно из особенно важных в системе йогических упражнений, основанное на психофизиологическом учении Упанишад (хотя в упомянутом тексте «Шветашватары» о нем не говорится); в нем усматривают «начатки учения о функции нервной системы» (Бхагавадгита 1956: 318).

213 Что непреходящим называют... то — обитель... я опишу тебе вкратце. — Этот стих заимствован с некоторыми изменениями из «Катха-упанишад» (см.: Катха 1967: 102—03). «Непреходящее» (aksara) означает обычно священный слог Ом, но также и непреходящего Брахмана (см. примеч. 118 к текущ. разд.). Семенцов оставляет «акшара» без перевода, далее же многозначное слово raḍa, следуя комментарию Шанкары, толкует как «цель» («...о той цели скажу тебе...»). Можно переводить raḍa также: «слово» (Дейссен: Wort; ему следует Смирнов), «состояние» (Зэнер: state).

214 ...направив жизненную силу... к макушке... — Направление «праны» к макушке Шридхара понимает как равнозначное сосредоточению «между бровей» (см. примеч. 212 к текущ. разд.). Как замечает Дасгупта, в переводе этого текста не оказывают помощи ни Шридхара, ни Шанкара (см.: Dasgupta 1952: 449).

215 ...слог Ом единый... что есть Брахман... — «Слог» — в оригинале: aksara — букв. «нетленный» (см. примеч. 118, 210, 213 к текущ. разд.).

216 Обитель Брахмы (brahmabhavana) — «мир Брахмы» (brahmaloka; см. примеч. 19 к текущ. разд.), в индуистской космографии означает высшую сферу небес, доступную после смерти только праведным, но не избавляющую от круговорота рождений (сансары).

217 Протяженность дня и ночи Брахмы. — В текстах эпоса и пуран, развивающих учение о циклическом чередовании периодов существования и небытия Вселенной, понимаемых как периоды бодрствования («дни») и сна («ночи») Брахмы, принимается обычно указанное определение в тысячу юг; Шридхара поясняет, что имеются в виду «махаюги», каждая из которых состоит из четырех веков-юг или 12 000 лет богов, каждые сутки которых равны году смертного человека.

218 ...другое, вечное непроявленное бытие... — Здесь различаются два типа Непроявленного (avyakta) — непроявленная материя, в которую как в источник новых рождений возвращаются после смерти не обретшие избавления, и сверхкосмическое непроявленное, не подверженное изменениям (см.: Bhagavadgita 1948: 233—34).

219 Непреходящим зовется... моя высшая обитель. — «Непроявленное», о котором говорится в этой строфе, по замечанию Зэнера, идентично Брахману. Согласно Раманудже, Бог имеет три «обители» (dhamaṇ, что может означать также «свет»); это — низшая его природа, лишённая сознания, затем «живая», в которой душа еще связана с низшей, — о них шла речь в предшествующей главе (ст. 4, 5) — и, наконец, третья, чистый дух, свободный от материальной природы (см.: Bhagavad Gita 1969: 268); о нем говорится в следующей строфе.

2 2 0 Огонь, свет... возвращается. — В этих двух строфах (24—5) перечисляются последовательно этапы двух возможных посмертных путей человека близко к известным текстам «Брихадараньяка-упанишад» (см.: Брихадараньяка 1964: гл. 2, строфы 15—6) и «Чхандогья-упанишад» (см.: Чхандогья 1965: гл. 10, строфы 1—). В описании пути к Брахману в первом тексте отсутствует «свет» (jyotiṣ), во втором — «огонь», в остальном текст «Гиты» с ними совпадает, только после полудюгиды пути солнца в обоих случаях указываются еще дальнейшие этапы (мир богов или год, солнце, молния — для первого пути; мир предков, пространство, луна — для второго; в «Чхандогье» луна и для первого после солнца). На первом пути, пройдя слияние с этими сферами, дух умершего (rūpa) достигает мира Брахмана, во втором, слившись с луной, становится, как она, «слипшей богов» и потом возвращается тем же путем на землю (см.: Брихадараньяка 1964: 145—46; Чхандогья 1965: 101). Об учении Упанишад о двух путях после смерти — «пути богов» и «пути предков» — см.: Семенцов 1981: 71—0. 221 ...ведаящий все это... — Как указывает Семенцов, подразумевается учение о посмертных путях как arthavada («толкование значения» обряда), что превращает его в «жертву знанием», т. е. в ритуальное знание (см.: Семенцов 1985: 82); благотворность оно, как утверждает здесь «Гита», превосходит иные добродетели.

2 2 2 Глава 31. — В колофоне название девятой главы поэмы — «Йога царственного знания и царственной тайны» (Rajavidyārājaguhya-yoga).

223 Это... знание в сочетании с познанием... — См. примеч. 129 к текущ. разд. Рамануджа толкует здесь «знание» (jñāna) как преданность (bhakti), «познание» (vijñāna) — как почитание Бога (см.: Bhagavad Gita 1969: 274).

2 2 4 ...въяе постижимо (pratvaksavagamam) оно... — То есть знание, подтвержденное непосредственным восприятием (см.: Bhagavadgita 1948: 238).

2 2 3 Но и не пребывают... не пребывает в существах. — В предшествующей строфе под «непроявленным образом» Бога подразумевается, очевидно, низшая его природа (prakṛti); в том Непроявленном, которое стоит за нею (см. примеч. 219 к текущ. разд.), он уже совершенно отвлечен от преходящих существ (см.: Buitenen 1981: 166). «Владычная» йога, по замечанию ван Бейтенена, близка по значению его «волшбе» (maṇa) (см. примеч. 219 к текущ. разд.), но определяет в отличие от нее истинную власть Бога (см.: Там же). То есть, будучи источником всех материальных явлений, «Дух» (atman) его сам ими не затрагивается, поскольку, поясняет Шридхара, в отличие от человеческой души свободен от «самости» (см.: Bhagavadgita 1948: 238).

- 2 2 6 Эра. —В оригинале: kalpa. З де с ь этот термин означает то же, что «день Брахмы» (см. примеч. 217 к текущ. разд.). О «кальпе» см. также: Индуизм 1996: 225.
- 2 2 7 Опираясь на свою природу... безвольных. —Зэнер, следуя комментарию Шанкары, толкует avastabhya в оригинале как «подавляя» или «подчиняя» (subduing); ср. ранее в четвертой песни поэмы, ст. 6, где также усматривается сексуальная коннотация фразы (см.: Bhagavad Gita 1969: 276—77). Ван Бейтенен переводит avasat как наречие: involuntarily (т. е. следует тогда не «безвольных», а «невольно»), замечая, что творческая (как и разрушительная) сила Бога действует автоматически (см.: Buitenen 1981: 166).
- 2 2 8 Бесовская и демонская природа. —В оригинале соответственно: raksasi и asuri — по названиям низшего и высшего разряда демонов; Семенов оставляет эти слова без перевода: «...по природе своей они лживы, словно ракшасы или асуры».
- 2 2 9 ...во все стороны обращенного многообразно. —См. описание «вселенского образа» Бога ниже, в одиннадцатой песни поэмы. Согласно Шанкаре, в трех последних строфах (13—5) обозначены три типа адептов (см.: Bhagavadgita 1948: 244).
- 2 3 0 Возлияние предкам. —В оригинале: svadha, что может означать также и другие виды возлияний в брахманистском ритуале или ритуальный возглас (в переводе Семенова: «возглас свадха»).
- 231 Священная трава. —В оригинале: ausadha; Семенов уточняет: «священная куша» (см. примеч. 176 к текущ. разд.). Ван Бейтенен считает, что имеется в виду сома (см.: Buitenen 1981: 166; Индуизм 1996: 402—03), растение, из которого изготавливался в эпоху Вед священный ритуальный напиток, почитавшийся божественным напитком бессмертия; (см. Индуизм 1996, с. 402—03).
- 2 3 2 Святое слово. —В оригинале: mantra, значение термина раскрывается непосредственно в следующей строфе (см.: Там же: 262—63).
- 233 Гимн, песнопение и жертвенное речение —священные тексты «Ригведы» и «Самаведы» соответственно.
- 2 3 4 Сущее и Не-Сущее. —В оригинале: sat и asat, что Семенов переводит здесь как «сущее» и «не-сущее»; ср. наш перевод тех же терминов во второй главе, ст. 16 (см. примеч. 78 к текущ. разд.). Согласно толкованию Рамануджи, под sat здесь подразумевается существование в настоящем времени, под asat —в прошлом и будущем (см.: Bhagavadgita 1948: 246). Зэнер считает, что подразумеваются те же бессмертие и смерть, усматривая здесь заимствование из «Брихадараньяка-упанишад» (I. 3. 28) (см.: Bhagavad Gita 1969: 281).
- 235 Тройственное знание (trāividya) —три Веды; подразумеваются знатоки священного текста (см. примеч. 233 к текущ. разд.).
- 2 3 6 Сом —ритуальный напиток, изготавливавшийся в эпоху Вед из сока одноименного растения (дोные точно не идентифицированного, предположительно —конопли) и обожествлявшийся, наркотического действия; в послеведийский период, по-видимому, постепенно вышел из употребления (см.: Индуизм 1996, с. 402—03).
- 237 ...Индры бессмертных (sugendra)... —Имя Индры употреблено здесь одновременно в нарицательном значении «властитель».
- 2 3 8 Уход и приход (gatagata) —смерть и последующее возвращение в мир смертных. Семенов толкует это в своем переводе как «плод преходящий» (так же Зэнер)
- 2 3 9 ...истого почитателя преданности приношение... —Подразумевается индуистский обряд приношения (пуджа) (см.: Индуизм 1996: 339), совершаемый с любовью (bhakti) к Богу; «истый почитатель» (prayatatan) можно понять как «преданный душою» или «предавший себя (безраздельно Богу)» (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 84).
- 2 4 0 ...освободишься от у з деяния... —Семенов оставляет karma без перевода: «...разрушишь цепи кармы...»
- 241 ...с отрешением и сопряжением духом сопряженный... —Перевод следует общепринятому толкованию, однако Эджертон указывает на возможность иного понимания samnyasa yoga в оригинале, поскольку «отрешение» в «Гите» рассматривается тоже как вид «йоги», подобно йоге знания противопоставляемый йоге действия (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 164). Как «йога отрешения» (yoga of renunciation) понимает это и Гояндка, следующий Раманудже, толкующему samnyasa как «возложение» всех своих деяний на Бога (см.: Bhagavad Gita 1969: 284).
- 2 4 2 ...верной решимости он исполнен. —Шанкара поясняет, что это не означает оправдания греха, но подразумевает отрешение от зла (см.: Bhagavadgita 1948: 250).
- 2 4 3 Глава 32. —В колофоне название десятой главы поэмы —«Йога всепроникающего проявления» (vibhūti-yoga). СекЛинцов переводит: «Йога излияния божественных сил» (см.: Семенов 1985: 9). См. примеч. 247 к текущ. разд.
- 2 4 4 ...любви исполненному... —В оригинале: priyamanāya, что можно понять и как «любимому [Богом]», и как «любящему [Бога]».
- 245 Происходящие от меня только. —Шанкара, однако, замечает: «в соответствии с кармой каждого» (svakarmānupapena) (см.: Bhagavadgita 1948: 257).
- 2 4 6 Семеро великих провидцев... и четверо Ману... —Под Семерыми провидцами здесь, очевидно, подразумеваются не провидцы, олицетворяющие звезды Большой Медведицы (как обычно), а семеро так называемых Владык творений (prajāpati), сыновей Брахмы, от которых в индуисткой мифологии происходят все существа во вселенной; представление о семерых или четырнадцати Ману, прародителях человечества в определенные мировые периоды (manvantara, «периоды Ману»), утвердившееся потом в пуранах, едва ли, как полагает Эджертон, сложилось ко времени создания «Гиты», и можно предположить, что здесь Ману соотнесены с каждой из четырех юг (см. примеч. 22 к текущ. разд.; см.: Bhagavad Gita 1944/1: 9 6).
- 2 4 7 ...всепроникающее проявление мое и йогу мою... —Термин vibhūti, вынесенный в заглавие этой песни (см. примеч. 2 4 3 к текущ. разд.), Семенов толкует как «излияние божественной энергии вовне», «проявление божества в тварном мире» (см.: Семенов 1985: 2 2 6), он переводит его здесь: «мои проявления», далее же оставляет без перевода; ван Бейтенен достаточно удачно, на наш взгляд, толкует значение термина как «вездесущность» (ubiquity) (см.: Buitenen 1981: 167). «Йогу» Бога З э н е р толкует здесь как действие, которым он это осуществляет (см.: Bhagavad Gita 1969: 2 9 3).
- 2 4 8 ...проникнутые чувством. —Под «чувством» (bhava) большинство переводчиков понимают здесь чувство любви к Богу или тяготение к Нему; Семенов переводит (следуя, очевидно, Раманудже): «ко Мне устремившись»; Шанкара толкует это как упорство в преследовании высшей цели (см.: Bhagavad Gita 1969: 2 9 4). Ван Бейтенен избирает буквальный перевод: being —«бытие».
- 2 4 9 ...в [их] собственной природе пребывая... —В оригинале: atma-bhava-stha, что переводчики толкуют различно; Шлегель, Бюрнуф, Томсон, Сенар, Эджертон, Радхакришнан, Зэнер, следуя Шанкаре, полагают, что речь идет о собственной природе Бога; наш перевод ближе к интерпретациям Хилла, Теланга, Гояндки, Смирнова, Семенова, Мялля, ван Бейтенена; З э н е р , однако, допускает, что текст подразумевает оба толкования (см.: Zaehner 1969).
- 2 5 0 Тьма. —В оригинале: tamas, что означает также природное начало косности, инертности (см. примеч. 92 к текущ. разд.). Ъх Вездесущий. —В оригинале: vibhu (см. примеч. 163 к текущ. разд.). Здесь этот эпитет связан явно с понятием vibhūti (см. примеч. 236 к текущ. разд.).
- 2 5 2 Себя собою... ведаешь... —Иными словами: сам ведаешь себя сокровенным духом своим; Семенов переводит: «Лишь своим вечным Атманом... сам себя Ты познай способом...»
- 2 5 3 Всевышний Муж —Всевышний Дух (Purusottama), в «Махабхарате» обычный эпитет Вишну или Кришны.
- 2 5 4 ...проявления Духа твоего, коими силами... —Здесь и далее подразумевается тождество Бога с Атманом (atman, что здесь и ниже мы переводим: «Дух», но чаще: «Душа», «Себя») (см. примеч. 173, 174 к текущ. разд.); «проявления» — в оригинале: vibhūti, что означает как проявления Бога, так и заключенные в них силы, охватывающие все сферы Вселенной; как «силы» переводит здесь термин и Семенов.
- 255 Сокровенный Дух. —В оригинале: atman. —сознание, у существ я —восприятие... —О переводах термина manas (в нашем переводе — «сознание») и об отношении этого понятия к «чувствам» см. примеч. 128 к текущ. разд. «Восприятие» — в оригинале: cetana, т. е. способность живых существ к восприятию, осознанию окружающего; Семенов, оставляя «манас» без перевода, этот термин переводит здесь: «сознание» (так же Смирнов, сходно Гояндка, ван Бейтенен: consciousness).
- 237 Непреходящий слог (aksara) —Ом, возгласение, начинающее обрядовое речение, священный текст (см. примеч. 118, 193 к текущ. разд.).
- 2 5 8 ...жертва тихой молитвой... —Чтение священных формул, речений вполголоса, japa (см. примеч. 53 к текущ. разд.), признается здесь важнейшей частью обряда.
- 259 Священная смоковница —ашваттха (Ficus Religiosa Linn); издревле пользуется в Индии особенным почитанием и в индуистской мифологии играет роль мирового дерева, столпа Вселенной (см. в пятнадцатой песни поэмы; см. также примеч. 325 к текущ. разд.).
- 2 6 0 Совершенные. —См. примеч. 40 к разд. «Протяжение...».
- 261 Исполняющая желания корова. —См. примеч. 98 к разд. «Протяжение...».
- 2 6 2 ...среди обудыдающих я есмь Яма... —Имя бога смерти Yama на основании ложной этимологии толкуется в этом значении (samyamat —«обудыдающий»).
- 2 6 3 ...из исчисляющих —Время... —В оригинале: kalayat —«исчисляющий», возводится к тому же корню, что и kala —«Время» (здесь персонифицированное).
- 2 6 4 ...царь зверей... —Шанкара поясняет: лев или тигр (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 103).
- 2 6 5 Из очищающих я —воздух... —В оригинале: pavana —«воздух», «ветер», производное от pā —«очищать».

266 ...из рыбин я —макара... —В ведийском мифе <<рыбина>> (jhasa) спасает Ману от потопа; в эпосе означает больших рыб, к которым здесь относится и мифическая <<макара>> (см. примеч. 10 к текущ. разд.).

2 6 7 Наука о Высшем Духе. —В оригинале: adhyatmavidya, т. е. познание Высшего Атмана (см. примеч. 126, 2 0 7 , 2 5 3 к текущ. разд.), что понимаем также как <<познание себя>> (как путь к спасению). Семенцов переводит: <<самопознание>>.

2 6 8 ...суждение обсуждающих... —В оригинале: vada, что можно понять и просто как <<речь>>, Семенцов переводит: <<...в устах говорящих —слово>> (сходно у Бюрнуфа, Смирнова, З э н е р а); некоторые же избирают значение: <<словопрение, диспут>> (Дейссен: <<die These der Disputierenden>>, Теланг: <<argument of controversialists>>, ван Бейтенен: <<the debate of the disputers>>), Гояндка понимает vada как <<аргументацию>> (right type of reasoning), совсем иначе понимает Сенар: la verite —<<истина>> (так же Хилл).

2 6 9 Буква А —<<а краткое>>, первая буква индийского алфавита.

270 Шандва —тип сложного слова, в санскритских грамматиках традиционно рассматриваемый первым.

271 ...Создатель, повсюду лицом обращенный... —В оригинале: dhāt, в эпосе обычно —эпитет Брахмы, бога-творца, изображаемого часто четырехликим.

2 7 2 Большое песнопение (brhat-saman) —песнопение <<Самаведы>> (<<Веды песнопений>>, см. в этой же гл. ст. 22), составленное размером brhat, почитавшимся особенно действенным и священным.

2 7 3 Маргаширша —первый месяц года древнеиндийского календаря (соответствует ноябрю—декабрю).

2 7 4 Озаренный. —В оригинале: kavi; в Ведах близко по значению gsi, означает провидца, осененного благодатью вдохновенного певца, в эпосе и классическом санскрите — поэт; также эпитет мифического мудреца Ушанаса.

2 7 5 Жезл (danda) —символ кары и подавления непокорных как одной из важнейших функций власти (см. примеч. 27 в разд. <<Земля>>).

2 7 6 Хитроумие. —В оригинале: nlti, что означает в широком смысле искусство политики, умение добиваться цели с наименьшими затратами силы.

2 7 7 Глава 33. —В колофоне название одиннадцатой главы поэмы —<<Йога видения (или "созерцания", как переводит Семенцов) вселенского образа>> (visvarupadarsanayoga).

2 7 8 ...Владыка йоги (yogesvara)... —<<Йога>> означает здесь сверхъестественную, чудотворную мощь Бога; см. в этой же главе ст. 8, где под йогой подразумевается его способность даровать ясновидение.

279 ...свет тысячи солнц одновременно... —символ мировой катастрофы.

2 8 0 ...непреходящее, высшее познаваемое... —Под <<непреходящим>> (aksara) здесь следует понимать Брахмана, высшую реальность (см. примеч. 118 к текущ. разд.).

281 Убежище. —В оригинале: nidhana, что можно перевести также: <<сокровище>>; но Шанкара и Рамануджа толкуют это именно как конечное убежище (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 186).

2 8 2 Уста. —В оригинале: vaktra, что можно перевести и к ак <<лик>> (так у Семенцова).

2 8 3 ...вступают в тебя... —Так у Шанкары и большинства переводчиков; некоторые, однако (Гарбе, Барнет, Милиус), следуют Раманудже, толкующему vanti в оригинале как <<идут к тебе>>.

2 8 4 Пьющие пар (usmara)... —название одной из групп <<предков>> (питаров, т. е. теней усопших), обитающих во дворце Ямы (см. гл. 8 второй книги), или, как здесь, очевидно, всего этого мифологического класса в целом.

2 8 3 ...лики... Огню Времени подобные... —<<Лики>> —в оригинале: mukhani, что означает также <<рты, уста>>, этому значению следует большинство переводчиков; Семенцов переводит: <<пасти>>. <<Огонь Времени>> (kalanala) —см. примеч. 7 к текущ. разд.

2 8 6 Я есмь Время... —В этом самоотжествлении видят отражение древнего мировоззрения героического эпоса (<<героического фатализма>>); текст главы, начиная с предшествующего обращения Арджуны и до завершающих беседу слов Санджаи (ст. 15—0, размером тришгубх), М. Ежич определяет как религиозный гимн, первым включенный в изначальный текст эпоса (см.: Jezic 1979; 1986); в этой эпифании Вселенского образа можно предполагать ядро, вокруг которого сложилась вся поэма (см.: Васильков 1999: 29).

2 8 7 ...Брахму... превосходящему... изначальному творцу... —В отличие от почти всех комментаторов и переводчиков Знер считает, что здесь речь идет о Брахмане, поскольку Брахма, бог-творец, в поэме почти не упоминается (см.: Bhagavad Gita 1969: 313), так же переводит Теланг. Иначе понимают текст Шанкара и Рамануджа, полагающие, что Вишну именуется здесь творцом самого Брахмы (им следует в своем переводе Гояндка).

2 8 8 Четырехдланый облик —обычное изображение бога Вишну в индуистской иконографии, на котором он держит в четырех руках чакру (боевой диск), раковину, палицу и лотос.

2 8 9 Ни изучением Вед и жертвоприношений... —Возможен и иной перевод, как у Смирнова: <<Ни посредством Вед, ни посредством жертв, ни посредством изучения...>> (сходно у Знера).

2 9 0 Глава 34. —В колофоне название двенадцатой главы поэмы —<<Йога преданности>> (bhakti-yoga). Термин <<бхакти>>, означающий любовь к Богу, самозабвенное его почитание, нередко оставляют без перевода (см. перевод Семенцова). О б этом чрезвычайно важном в индуизме понятии, впервые введенном <<Бхагавадгитой>> и чрезвычайно плодотворном для дальнейшей эволюции вероучения, см.: Индуизм: 94—01. Именно эту главу выделяет Рамануджа, в отличие от Шанкары утверждающий важнейшее значение <<бхакти>> для спасения (ср. примеч. 152 к текущ. разд.).

2 9 1 Т е . что сопряжены... лучше ведает йогу? —В этом вопросе Арджуны определяется следующее далее противопоставление двух путей спасения —эмоционального почитания Бога и обращения мысли к высшей реальности, безликому Брахману, Непреходящему (aksara) (см. примеч. 118 к текущ. разд.), непроявленному. Слово <<йога>> используется здесь, очевидно, в общем значении средства достижения высшей цели и учения о пути к избавлению от мирской юдоли (Семенцов переводит: <<Кто... превосходней в искусстве йог>>).

2 9 2 Вознесенное (kutastha) —отрешенное от мира и не подверженное изменениям (см. примеч. 167 к текущ. разд.; см. также: Bhagavad Gita 1944/1: 186).

2 9 3 ...во мне одном обретешь пребывание... —Несколько иначе переводит Семенцов: <<...будешь обитать там, где Я . . .>>

2 9 4 ...неустанным сопряжением... —В оригинале: abhyasa-yoga, что означает постоянно повторяющееся мысленное напоминание, устремление мысли к Богу или к какомулибо отвлеченному понятию (abhyasa далее в нашем переводе: <<неустанным упражнением>>; см. в текущ. разд. примеч. 182). Семенцов переводит здесь: <<йога действия>>.

2 9 5 ...деяние во имя мое... —Иногда под этим понимается богослужение; Анандагири толкует это как обряды индуистского культа, такие как пуджа, чтение священных текстов и т. п. (см.: Bhagavadgita 1948: 295).

2 9 6 ...йогой моей вдохновленный... —П о толкованию Шридары —прибегающий к чудесной силе Бога (см.: I b i d .) .

2 9 7 Ибо знание лучше упражнениям, выше отвержения сразу —покой. —В этой иерархии ценностей Хилл усматривает противоречие с предшествующим текстом, которое снимается, по мнению Знера, если понимать <<знание>> (jñāna) как сосредоточение мыслей на Боге, <<созерцание>> (dhyana) —как о нем говорится выше в ст. 6, и также <<отвержение>> (tyaga) —как посвящение деяний Богу (см.: Bhagavad Gita 1969: 329). Ван Бейтенен в <<упражнении>> (abhyasa) (см. примеч. 293 к текущ. разд.) видит ритуальное повторение ведийского текста (vedabhyasa), <<отвержение>> понимает как <<йогу деяния>> (karma-yoga) и констатирует в этой строфе самое недвусмысленное утверждение превосходства последней над <<йогой знания>> (jñāna-yoga) (см.: Buitenen 1981: 168).

2 9 8 ...йогин... преданный мне... —Термин <<йогин>> мы здесь оставляем без перевода (выше: <<сопряженный>> или <<приверженный>>, см. примеч. 133 к текущ. разд.; Семенцов оставляет его без перевода везде); <<преданный мне>> (madbhakta) — см. примеч. 125 к текущ. разд.; начиная с предшествующей строфы и до конца главы следует характеристика идеального почитателя Бога (Семенцов, как правило, оставляет <<бхакт>> без перевода, см.: Семенцов 1985: 80—1).

2 9 9 ...святую амриту эту... —Ср. выше в десятой песни ст. 18: <<амрита речей твоих>>. Проповедь из уст Кришны сравнивается с амритой, нектаром, как открывающая путь к бессмертию (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 182).

3 0 0 Глава 35. —В колофоне название тринадцатой главы поэмы (первой главы третьей части —<<Раздела о знании>>, jñāna-kanda) —<<Йога различения поля и познавшего поле>> (Ksetraksetrajnavibhaga-yoga).

301 Познавший поле (ksetrajña). —Под этим термином подразумевается познающий дух (purusa), противопоставляемый <<полно>> (ksetra), т. е. материи (prakṛti); Шанкара поясняет, что здесь он означает Бога (см.: Bhagavadgita 1948: 301). Ван Бейтенен предпочитает буквальному переводу: guide —<<ведущий, проводник>> (см.: Buitenen 1981: 168). Семенцов оставляет <<кшетра>> и <<кшетраджня>> без перевода. В некоторых рукописях этой строфе предшествует вступительная, содержащая вопрос Арджуны.

302 ...познавшего поле во всех полях... —В каждом поле (теле), ведающий, согласно Раманудже, все <<поля>> и всех <<познавших поле>>, которые в совокупности составляют <<тело Бога>> (см.: Bhagavad Gita 1969: 335).

303 ...кто он... —Подразумевается познавший поле.

3 0 4 <<Почуения о Брахмане>>. —В оригинале: BrahmasUtra. Рамануджа указывает на то, что это название комментария к Упанишадям, приписываемого Бадараяне (возможно, близкого по времени создания <<Гите>>; см.: Bhagavad Gita 1944/1: 187); Шанкара полагает, что речь

идет о самих Упанишадах; оба согласны в том, что выше подразумеваются ведийские гимны. Ван Бейтенен допускает, что текст, на который ссылается <Гита>, принадлежит кому-либо из предшественников Бадараяны (см.: Buitenen 1981: 168).

303 Великие стихии... поле с производными от него. —Перечисляемые в этих двух строфах (5—) понятия характеризуют, как замечает ван Бейтенен, концепцию психофизической целостности тела в учении саикхьи. Под <Непроявленным> (avyakta) подразумевается здесь материя, из которой развиваются как <производные> (vikara) <разумение, мысль> (buddhi) (см. в текущ. разд. примеч. 88, 90), <самосознание> (ahamkara) (см. примеч. 124 к текущ. разд.) и <объекты> —<великие стихии>, первоэлементы или <грубые элементы> (см. примеч. 33 и 42 раздела <Протяжение...>). О десяти <чувствах>, т. е. пяти сенсорных и пяти моторных органах чувств, и еще одном (<сознании> — manas) см. примеч. 128 к текущ. разд. Далее следуют пять <сфер чувств> (indriya-gocara), иначе называемых <тонкими элементами> (звук, образ и т. д.), в следующей строфе —положительные и отрицательные реакции на контакты чувств, <организм> (samghata), объединяющий совокупность органов чувств, <осмысление> (cetana) и <постоянство> (dhrti) <полю> (см.: Buitenen 1981: 168).

306 ...преданность... с безраздельным сопряжением... —Семенцов переводит иначе: <...почитание, порожденное практикой йоги...>, т. е. подразумевается <Йога преданности> (bhakti-yoga), она же <Йога почитания> (см.: Семенцов 1985: 80).

307 ...в познании высшего Себя... —То есть Атмана (в оригинале: adhyatma) (см. примеч. 207 к текущ. разд.).

308 ...безначальный высший Брахман... —Рамануджа читает этот текст иначе: <безначальный Брахман, мне подчиненный> (anadi matparam brahma); большинство переводчиков принимает чтение, подтвержденное Шанкарой (anadimat param).

309 ...с глазами, головами и лицами... —Возможен вариант: <устами> (mukha), в о з можен и перевод: <с... головою и лицом> (как, например, у Гояндки и ван Бейтенена).

310 ...подобие свойств всех чувств, и он от всех чувств отрешен... —Некоторые переводчики вместо <подобие> выбирают, следуя Раманудже, другое значение abhasa в оригинале: <сияние, сверкание> (см.: Бхагавадгита 1956: 340), тогда возможен перевод: <отрешенный... освещает свойства...>; Ван Бейтенен, однако, подчеркивает, что речь идет о ложном подобии (см.: Buitenen 1981: 168). О противоречивом представлении о божестве как наделенном свойствами <всех чувств> (или <подобием> свойств) и в то же время <лишенном свойств> (nirguna) см.: Пименов 1999, с. 200.

311 ...поддерживающего существа, поглотителя и воссоздателя. —То есть объединяющего в себе три главные функции индуистской верховной триады —Вишну-хранителя, Шивы-разрушителя и Брахмы-создателя.

312 ...о светиле светил, тьму превзошедшем. —Эпитет заимствован из Упанишад (см.: Bhagavad Gita 1969: 343; Buitenen 1981: 168—69); Семенцов переводит: <по ту сторону тьмы>, сходно и другие переводчики.

313 в совокупности того, что делается, чем делается и кто делает... —В оригинале это выражено сложным словом karyaParana-karttva, в понимании которого комментаторы и переводчики расходятся (существуют и разночтения). Текст, очевидно, подтверждает, что деяние принадлежит материи (prakrti), духу же (purusa) —его последствия, психическая реакция (см.: Бхагавадгита 1956: 341—42; Bhagavad Gita 1944/1: 187; Bhagavad Gita 1969: 345; Buitenen 1981: 169).

314 ...Муж... Превышний Дух... —Здесь отождествляются понятия purusa (см. примеч. 210 к текущ. разд.) и atman (paramatman, Превышний Дух, равнозначен здесь понятию Брахмана, высшей реальности) (см. примеч. 80, 174 к текущ. разд.); следующие же далее эпитеты относятся уже к Богу, который и отождествляется с Брахманом, и отграничивается от него (см.: Bhagavad Gita 1969: 345—46).

Подразумевается, что он превосходит <качества>, заложенные в природе, он —за их пределами. з ь ...зрят [высшего] Себя в себе Собою... —Семенцов переводит: <...в себе атманом Атман видит...> (ср. примеч. 180 к текущ. разд.). <Самоуглубление> (dhyana) —см.

примеч. 170 к текущ. разд.

316 ...то, чему внимали. —В оригинале: sruti, что обычно означает Веды, священные тексты откровения (см. примеч. 52, 98, 99 к текущ. разд.); в этом значении и понимает здесь слово Дейссен; оба русских перевода ему в этом следуют (Смирнов: <...откровению внимая>; Семенцов вообще оставляет слово без перевода: <...кто слушает шрути прилежно...>); но большинство других переводчиков принимают буквальное значение —<то, что услышано> (т. е. преподано), напр., Теланг: <...devoted to hearing (instruction)>.

317 ...не повреждает Себя Собою... —Семенцов переводит: <...Атман атманом он не унижит...>, т. е. Бога в себе —по невежеству (см.: Buitenen 1981: 169). Теланг замечает, что незнание истины ведет к самоуничтожению (см.: Bhagavad Gita 1882: 106); несколько иначе понимает Эджертон: <...себя же в других существах...>, поскольку Бог пребывает в них, как и в нем самом (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 188).

318 ...не пятнается. —Шанкара поясняет: <плодом их>, т. е. деяниями (см.: Там же).

319 Глава 36. —В колофоне название четырнадцатой главы поэмы —<Йога различения трех качеств> (gunatrayavibhaga-yoga). О <качествах> или <свойствах> (гунах) см. примеч. 92, 94 к текущ. разд.

320 Великий Брахман —мое лоно... —В этом контексте, как полагает Семенцов (следуя, очевидно, толкованию Рамануджи, см. выше примеч. 118 к текущ. разд.) под Брахманом понимается природа, материя (см.: Семенцов 1985: 228).

321 ...от коих тело происходит... —Большинство переводчиков следуют здесь толкованию Шанкары; Рамануджа, напротив, считает, что речь идет о телесном происхождении самих <качеств>, ему следуют Бюрнуф, Хилл, Эджертон (см.: Бхагавадгита 1956: 344; Bhagavadgita 1948: 322).

322 Мудрый —так обычно переводят здесь dhira, но возможен и перевод: <стойкий> (см. примеч. 77 к текущ. разд.); ван Бейтенен переводит: imperturbable (<невозмутимый>).

323 Сопряжение преданности. —В оригинале: bhakti-yoga; Семенцов здесь, как обычно, оставляет эти термины без перевода (см. примеч. 290 к текущ. разд.).

324 Глава 37. —В колофоне название пятнадцатой главы поэмы —<Йога Всевышнего Духа> (purusottama-yoga).

ь ь С корнями вверх... называют негленной. —Образ мирового дерева, которым открывается эта песнь, восходит к древнейшей эпохе. Образ <перевернутого> дерева (чьи корни на небесах) появляется уже в <Ригведе> (I. 24. 7) и в <Атхарваведе> (II. 7. 3). Близкие параллели первому стиху этой главы находят в <Тайттирия-араньяке> (см.: I. 11) и в <Катха-упанишаде> (см.: Катха 1967: гл. 3, строфа 1), где говорится о смоковнице <с корнем наверху и ветвями внизу>. Можно предположить, что образ вдохновлен баньяном (ньягродхой, бенгальской смоковницей), деревом с воздушными корнями, однако в <Гите>, как и в ведийских текстах, назван пиппал (ашваттха, священная смоковница) (см. примеч. 259 к текущ. разд.). Эджертон в комментарии к своему переводу задается вопросом, сознательно ли заменил здесь баньян автор поэмы (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 144), но пиппал (культ которого, очевидно, древнее культа баньяна) постоянно смешивается в древней литературе с баньяном в роли небесного <перевернутого дерева> (см.: Viennet 1954: 83—5); кроме того, как указывает Хилл, комментируя этот текст, и у пиппала корни выются вверх, сливаясь с ветвями (см.: Bhagavad Gita 1966: 184—85). Уже в упомянутых поздневедийских текстах ашваттха выступает как символ Брахмана, так же, очевидно, и в этой начальной строфе; но в непосредственно следующих далее стихах <Гиты> тот же образ перевернутого дерева приобретает контрастно иное значение, символизируя негативный аспект материальной природы, сансару (согласно Шанкаре), т. е., по-видимому, <нисхождение> Брахмана в мир (см.: Индуизм 1996: 71). <Стихи> (chandamsi) означают здесь стихи ведийских гимнов. Об интерпретации образа смоковницы в поэме см.: Ranade 1934: 13—5; Семенцов 1985: 98—9.

326 Вниз и вверх... от нитей-качеств растущие... —В оригинале: gunapravddha, что указывает на материальную природу <ветвей> (sakha); <побеги-предметы> (visayapavala), т. е. объекты чувств; вниз растущие ветви Шанкара толкует как <впечатления> (vasana) от прошлых рождений (см.: Bhagavadgita 1948: 327).

327 ...деянием связывающие... —Подразумевается закон кармы (Семенцов сохраняет здесь термин без перевода).

328 Постоянство. —В оригинале: sampratistha, что большинство переводчиков толкует в значении <опора, основание> (Теланг: support; Эджертон: basis; ван Бейтенен: final foundation —<оконечное основание>). Но слово sampratistha означает в отношении к <концу> и <началу> именно <протяжение> между ними (<опора> означало бы, видимо: sampratisthana); значение <продолжительности> принимают Милиус (Dauer), Мяль (kestvus); наш перевод ближе Гояндке (stability).

329 ...к тому первоначальному МУЖУ... ХОД вещей проистекает. —Эту фразу Кришна вкладывает в уста адепта. Первоначальный Муж (purusa) здесь означает Бога (см. примеч. 210 к текущ. разд.).

330 Всегда углубленные в Себя. —В оригинале: adhyatma-nitya (см. примеч. 126 к текущ. разд.). Семенцов переводит вольно: <...мыслью бесстрастной (?) в себе пребывающей...>

331 То частица меня... шестым... является сознание. —В строфе подтверждается материальная природа органов чувств, соотносимых в санкхье с пятью первоэлементами; о шестом, <сознании>, см. примеч. 128 к текущ. разд. Духовное начало, <живая душа> (jivabhuta, толкуется как равнозначное jivatma; см. примеч. 188 к текущ. разд.), есть <частица> (amsa) божественной сущности; Шанкара поясняет, что это не означает возможности деления Высшего Духа, но сравнивает это с отражением солнца в воде или долей воздуха или пространства, помещающейся внутри сосуда (см.: Bhagavad Gita 1969: 364).

332 Владыка. —Подразумевается индивидуальная душа; согласно комментарию Рамануджи —владыка именно органов чувств (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 144).

333 Огонь всеобщий. —В оригинале: vaisvanara —букв. «принадлежащий всем людям»; здесь подразумевается «утробный» огонь, которому, по представлениям древних, принадлежит функция пищеварения.

3 3 4 ...в союзе с вдыханием и выдыханием... —См. примеч. 169 к текущ. разд. Вдох и выдох почитались обеспечивающими теплоту тела, необходимую и для пищеварения (см.: Dasgupta 1952: 449).

335 Пища четырех видов —перевариваемая (хлеб, рис), проглатываемая без жевания (каша), вылизываемая (мед), всасываемая (сок манго и т. п.).

3 3 6 Толкование. —В оригинале: arohana —букв. «устранение» [неопределенности], также «обсуждение, толкование, аргументация»; Семенцов переводит: «конец заблуждения».

337 Завершение Вед. —Веданта или Упанишады, завершающий цикл священных ведийских текстов, заключающий в себе конечную мудрость откровения.

338 Два есть духа... нетленный Владыка. —В этих двух строфах (16—17) устанавливается иерархия трех уровней в понятии духовного начала (puruṣa); Хилл усматривает здесь параллель с различием «Низшей» (материальной) и «высшей» (духовной) природы Бога в ст. 4—седьмой песни (см. примеч. 195, 196 к текущ. разд.), против чего возражает Зэнер, указывая, что пуруша никак не может означать материальную природу в системе санхьи (см.: Bhagavad Gita 1969: 366). Тем не менее Гояндка следует здесь Хиллу, также проводя параллели с различием понятий adhibhuta и adhyatma в восьмой песни (ст. 4 и 3, см. примеч. 207, 208, 210 к текущ. разд.), а также ksetra и ksetrajña в тринадцатой (ст. 1, см. примеч. 301 к текущ. разд.); в этой главе ту же параллель он усматривает в понятиях соответственно «смоковницы» и «живой души» (ст. 7; см. примеч. 331 к текущ. разд.); «все существа» тогда, очевидно, означают Вселенную, материальный мир, «Вознесшийся» —непреходящий Атман-Брахман (см.: Bhagavadgita 1986: 663—64). Зэнер, однако, определяет первое как совокупность душ, все еще пребывающих в плену материальной природы (см.: Bhagavad Gita 1969: 367). Усматривают также параллель в различии двух образов Брахмана в «Брихадараньяка-упанишаде», II. 3. 1, и «двух знаний» в «Мундака-упанишаде», I. 1. 4—(см.: Buitenen 1981: 169). «Превышний Дух» —см. примеч. 174 к текущ. разд.

3 3 9 Глава 38. —В колофоне название шестнадцатой главы поэмы —«Йога различения божественного и демонского достояний» (daivasurasampadvibhaga-yoga). Семенцов переводит: «...божественной и демонической участи».

3 4 0 ...равновесие знания и сопряжения... —В оригинале: jñānāyogavyavasthiti. Иначе понимают это сложное слово другие переводчики. Семенцов переводит: «пребывание в йоге знания», сходно и у других, понимающих vyavasthiti как «стойкость, упорство» (fortitude у ван Бейтенена). Однако в «Гите» это слово имеет определенное значение разделения.

341 Благочестивое чтение. —В оригинале: svadhyaya (см. примеч. 148 к текущ. разд.).

3 4 2 Ни о действии... ни о бездействии... —Иными словами: что надлежит и чего не следует делать (если следовать толкованию Шанкары), когда действовать, когда воздержаться от деяния (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 189; Bhagavad Gita 1969: 370).

3 4 3 ...о возникшем беспричинно... от вождения. —Согласно Шанкаре, здесь излагаются взгляды «нечестивцев» (локаятиков), отрицавших установленную Богом обоснованность и последовательность творения и причиной рождения существ полагавших лишь плотскую страсть (см.: Bhagavadgita 1948: 337).

3 4 4 ...безумно гордые своим богатством... —Другой возможный перевод: «опьяненные богатством и гордыней»; Семенцов переводит: «...полны... самоменья, гордыни богатством».

345 Учения. —В оригинале: sastra —«шастры»; подразумеваются, видимо, специальные тексты по различным областям традиционной учености (см.: Индуизм 1996: 457—458); выше этот термин мы оставляли без перевода; ниже этот же термин в единственном числе переводим: «писание». Гояндка, впрочем, понимает здесь под этим все древние священные книги, включая Веды и оба великих эпоса (см.: Bhagavadgita 1986: 687).

3 4 6 Глава 39. —В колофоне название семнадцатой главы поэмы —«Йога различения трех видов веры» (sradhdhatrayavibhaga-yoga).

347 У каждого... вера бывает соответствующей сущности его. —Как поясняет Шанкара, вера человека зависит не от религиозной догмы, а от его характера и его отношения к культуре (см.: Bhagavadgita 1948: 342).

3 4 8 ...строй частей и меня, проникающего тело... —Подразумевается организм человека, представляющий собой целесообразное сочетание телесных элементов (bhuta), в коем Бог пребывает «частицей», толкует Рамануджа, как душа (j'v a) (см.: Buitenen 1981: 170). Семенцов переводит: «...толпу элементов телесных и Меня в этом... теле»; сходно большинство переводчиков; но Зэнер понимает bhuta-grama в оригинале иначе (the mass of living beings whose home their body is —«сонм живых существ, чья обитель —их тело»).

3 4 9 ...называют телесным подвижничеством. —«Гита» отвергает крайности умерщвления плоти и к телесной аскезе приравнивает чисто моральные достоинства.

350 Ом, То, Сущее... брахманы. Веды и жертвоприношения. —Эта строфа связывает понятие Брахмана с ритуалом. О самой священной из мантр как о символе Брахмана см. примеч. 118 к текущ. разд.; «То» (tat) —см. примеч. 80 к текущ. разд., «Сущее» (sat) —см. примеч. 78 к текущ. разд. (выражает реальность Брахмана, см.: Bhagavadgita 1948: 349). К Брахману и возводится здесь ритуальная триада —жрец, святое слово, обряд (Семенцов переводит: «...были созданы Им в начале...»).

351 В значении сущего и в значении доброго... —В санскрите sat, кроме буквального (причастия настоящего времени от глагола as —«быть»), имеет утвердившееся значение «добрый, добродетельный».

3 5 2 Глава 40. —В колофоне название восемнадцатой, последней главы поэмы —«Йога избавления и отрешения» (mokṣasamnyasa-yoga). Рамануджа подчеркивает значение этой главы, в которой он видит прямое указание «пути бхакти» —bhakti-marga (см.: Callewaert, Hemraj: 1982:92).

353 Отрешения... отвержения... —В оригинале соответственно: samnyasa (см. примеч. 156, 157 к текущ. разд.) и tyaga; граница между этими терминами, как отмечают комментаторы, проводится не совсем четко (см. в следующей строфе); Семенцов считает, что они «практически синонимичны» (см.: Семенцов 1985: 228).

3 3 4 ...отвержение плода любого деяния... —Шанкара поясняет, что «отвержение» (tyaga) относится только к тем, кто следует путем йоги деяния, для приверженных же пути знания любое деяние исключается (см.: Bhagavadgita 1948: 352).

353 ...трех видов... отвержение. —Это различие поясняется ниже (ст. 7—), где соотносится с тремя Гунами (см. примеч. 92 к текущ. разд.).

3 3 6 ...в заключении в учении Рассуждения. —«Заключение» (т. е. конечный вывод) —в оригинале: kṛanta; большинство переводчиков понимают kṛta как слово нарицательное, но Радхакришнан считает, что речь идет о «конце Криты», первой из четырех юг, «веков» мифологической хронологии, составляющих махаюгу (см. примеч. 22 к текущ. разд.; Bhagavadgita 1948: 355). «Рассуждение» —в оригинале: samkhyā (см. примеч. 69 к текущ. разд.); Шанкара и Мадхусудана утверждают (без видимых оснований), что под санхьей здесь подразумевается Веданта, т. е. Упанишады, с чем не согласен Шридхара; речь идет, скорее, об учении, сложившемся позднее (см.: Ibid.).

337 То —основа... пятая —судьба. —Комментаторы различно толкуют содержание этой строфы. «Основа» (adhithana) означает, как полагают, физическое тело; под «деятелем», согласно Шанкаре, следует понимать феноменальное «я»; Рамануджа обозначает его как индивидуальную человеческую душу (jivatman); с другой стороны, Мадхва отождествляет его с Вишну (см.: Ibid.). Эджертон полагает, что здесь отражается всего лишь «простая и наивная попытка» определить факторы в осуществлении любого действия (см.: Bhagavad Gita 1944/1: 189). Теланг переводит daiva как «божества» (deities).

358 ...в себе видит единственного деятеля... —Семенцов переводит иначе: «...атмана полагает всех действий причиной...» (так же толкует Гояндка).

3 5 9 Рассуждение о качествах. —В оригинале: guṇasamkhyāna; как полагает Семенцов, —«название какого-то (несохранившегося) произведения ранней санхьи» (Семенцов 1985: 229; см. также: Bhagavadgita 1882: 124).

3 6 0 Разумение и стойкость. —В оригинале соответственно: buddhi и dhṛti. Семенцов эти термины переводит здесь: «мысль» (см. примеч. 90 к текущ. разд.) и «постоянство».

361 ...мысли, жизненных сил и чувств... —Первые два понятия Семенцов оставляет без перевода, перечисляя в обратном порядке: «...чувства, и праны, и манас...».

3 6 2 Долг, желание и польза. —См. примеч. 57 разд. «Протяжение...».

3 6 3 ...в усердном упражнении... достигают конца бедствий... —Под «усердием» (abhyasa) (см. примеч. 188, 294 к текущ. разд.), согласно комментаторам, подразумевается здесь неукоснительное исполнение религиозных обязанностей. Семенцов и ванн Бейтенен, в отличие от большинства переводчиков, понимают эту строфу как одно законченное предложение.

3 6 4 ...Души в себе ясным разумением рожденная. —В оригинале: atma-buddhiprasadaja. Наш перевод следует толкованию Рамануджи (так же у Гарбе, Сенара). Дейссен толкует первые два члена сложного "клова как двандву и переводит: ...der Seele und des Bewusstseins... т. е. «души и сознания» (ясностью); ему следуют Теланг: ...soul and intellect («души и ума»); Эджертон: ...self and soul... («себя и души»); Семенцов: «...рождена ясной мыслью и духом...» «Душа» здесь, очевидно, также в значении Атмана.

363 ...от собственного... естества... —В оригинале: svabhava, что можно перевести также: «своя природа» (см. примеч. 162, 210 к текущ. разд.).

3 6 6 Знание, познание. —См. примеч. 129, 223 к текущ. разд.

3 6 7 Совершенство. —В оригинале: siddhi, что можно перевести также: «успех» (как у Семенцова).

3 6 8 Движение. —В оригинале: pravṛtti, что может иметь значение «происхождение»

или «деятельность, активность»; русские переводчики избирают первое (Семенцов: «...от кого существа происходят»; так же у Теланга), другие ставят ударение на втором (Эджертон: activity —«деятельность»; ван Бейтенен: motivates the creatures to act —«побуждает существа к действию»); по-видимому, оба значения подразумеваются в тексте.

3 6 9 Лучше неуклюжее... чем чужого долга хорошее. —Семенцов переводит очень вольно: «Даже полный успех в чужой дхарме бесполезен —к своей устремляйся».

370 ...предел знания... —В оригинале: niṣṭha, что можно перевести: «завершение, вершина»; Семенцов переводит: «высшая цель йоги знания».

371 Созерцание и сопряжение. —В оригинале: dhyāna-yoga; некоторые переводчики толкуют это сложное слово иначе, в значении «йоги созерцания» или «упражнения в медитации» (Эджертон: discipline of meditation; MnAHyc: Andachtsübung; сходно у Мялля) или просто медитации, как у Нилакантхи. Наш перевод следует толкованию Шанкары (см.: Bhagavadgītā 1948: 370).

372 Механизм. —В оригинале: yantra —«орудие», «механическое приспособление»; Шанкара проводит здесь сравнение с движениями марионеток (см.: Bhagavad Gītā 1944/ 1: 175).

373 К о мне обрати... не печалься. —Ст. 6 5—6 6 этой песни традиционно считаются, как указывает Семенцов, «квинтэссенцией Гиты» (см.: Семенцов 1985: 2 2 9) . Школа Рамануджи считает строфу 6 6 заключительной (cāramasloka) в поэме (см.: Bhagavadgītā 1948: 379, Buitenen 1981: 170, см. примеч. 352 также к текущ. разд.). «Законы» (dharma), согласно Шанкаре, здесь не отвергаются, но безраздельная преданность Богу освобождает от «уз как закона, так и беззакония» (см.: Bhagavad Gītā 1969: 4 0 0 —4 0 1) .

3 7 4 ...непреложная справедливость... —Эпитет «непреложная» (dhrūva) может, согласно разночтению, относиться ко всем перечисленным благам (см.: Bhagavadgītā 1945: 188 и перевод Эджертона). Некоторые переводчики (напр., Mylius 1980: 100) относят его к «убеждению», высказываемому Санджай.

УБИЕНИЕ БХИШМЫ

(Главы 41—17)

1 Кракача (krakāca) —род музыкального инструмента (предположительно духового тростевого, возможно, род трещотки).

Совершитель ста жертвоприношений (satakratu) —употребительный эпитет Индры, совершившего сто жертвоприношений коня (см. примеч. 55 к разд. «Песнь Господа») в знак своего превосходства над земными царями, небесным властителем и покровителем которых он считается.

3 ...перед собою ладони сложив... —Имеется в виду традиционный жест почтительного приветствия («анджали»).

4 ...на деда... —т. е. на Бхишму.

5 Гаутама —сын Готамы, Крипа.

6 ...развевали... свои одеяния. —Знак ликования, торжества.

7 ...раб расчета... —В оригинале: arthasya, т. е. материального обеспечения, «пользы», входящей в число трех жизненных ценностей, блюсти которые почиталось долгом. Будучи у Кауравов как бы «на жалованье», Бхишма не вправе уклониться от служения им.

8 ...внял речи... голову преклонив... —В оригинале: śirasa pratījagṛaha —букв, «принял (речь) на голову», выражение почтительного согласия, повиновения сказанному.

9 Дваждырожденный (dvija). —Этот эпитет употребляется обычно как синоним брахмана, хотя может относиться к представителю любого из трех высших сословий, варн (см. примеч. 64 к разд. «Песнь...»), проходящему в определенный срок обряд инициации («второе рождение»).

10 Мриданг —род двустороннего барабана, обтянутого кожей.

11 ...ваджры удары... —употребительное сравнение (см.: Араньякапарва 1987: 734).

12 ...отец твой. —Бхишма, который как старший брат отца Дхритараштры приравнивается к отцу в сознании рода.

13 Жезл Смерти. —В оригинале: kaladanda —букв, «жезл Времени» (см. примеч. 18 к разд. «Протяжение...» и примеч. 263 к разд. «Песнь...»).

14 Киншука (Butea frondosa) —дерево с красными цветами, лишенными запаха.

15 ...как... ярого ярый слон. —То есть как слоны в пору течки (см. примеч. 30 к разд. «Земля»). *

16 ...Ангарака с Будхой. —Ангарака (Mars), неблагоприятная планета, считается антагонистом Сомы (Луны), как и Будхи (Меркурия), сына последнего.

17 ...железною... стрелою... —В оригинале: paśasa, что может означать железную, но иногда и любую стрелу.

18 ...тупыми стрелами... —В оригинале: viśikha, что может означать тупую или неоперенную стрелу, иногда стрелу вообще.

19 ...с пятерыми Гандхарами... —Подразумеваются, как можно полагать, пятеро братьев Шакуни, царя Гандхары, убитые потом Бхимой (см.: Дронапарва 1992: 583; см. также: Roy 1925/7, где в гл. 132 приводятся имена троих, и имена еще двоих указаны в дополнительном тексте в Калькутском издании. Далее, однако, в гл. 86, описывается бой шестерых братьев Шакуни с Ираваном, сыном Арджуны, в котором пятеро из них гибнут (причем имена их не совпадают с указанными в седьмой книге); см. примеч. 178 к текущ. разд.

2 0 ...оперенными стрелами... —В оригинале: lomavahibhiḥ; другой возможный перевод: «острейшими, секущими волос...»

21 ...поменяли [виды боя]. —То есть вступили в бой с войсками иных родов оружия (в оригинале: viparitam samāyauḥ); Теланг толкует это иначе —как переход в контраступление (см.: Roy 1925/4: 117).

22 ...крикам каравайки подобные... —В оригинале: kṛāṇsa (вид кроншнепа) —птица, крик которой отличается жалобным звучанием.

23 Отверженные души. —В оригинале: preta —призраки, души умерших, не находящие упокоения, те, над которыми не совершены погребальные обряды.

2 4 ...медные латы... —В оригинале: lauhāni, что может означать и «железные».

25 Сын Кришны —так именуется здесь сын Арджуны, очевидно, чтобы подчеркнуть неразрывную связь (граничащую с отождествлением) обоих героев.

2 6 Панчалийский (pañcalya). —То же: Панчалиец, Дхриштадьюмна, царевич панчалов.

27 ...длиною в талу... —Согласно комментаторам, тала (tala —букв, «пальма») —мера длины, равная четырем хаста (локтям), т. е. около 2 м (см.: Удьягопарва 1976: 459).

2 8 ...дорогого свойственника... —Возможно, ирония; Бхишма связан свойством с Друпадой через того же Арджуну и его братьев, своих внучатных племянников.

2 9 ...на исходе зимы... —Вариант перевода: «холодного сезона» (sisira —январь— март); леса, выгоревшие летом, за зиму окончательно теряют листву и имеют особенно жалкий вид. Царь справедливости (dharmaṛāja) —постоянное наименование Юдхиштхиры, содержащее имя его небесного отца, бога Дхармы.

31 ...небесным оружием своим... —Небесным оружием, полученным от богов, обладает Арджуна; оружие Бхишмы, как и оружие Дроны (см. ниже), величается так, видимо, вследствие мощи, которую ему придает воинское искусство владеющего им героя. Заревая каравайка. —В оригинале: kṛāṇsaṇa; перевод условный.

33 Носитель (или Держатель) ваджры (vajrabhrt, vajrapāṇi). —Обычный эпитет Индры; после ссылки на мифологический сюжет в предшествующей строфе здесь следует новая, с переменной ролей (с Индрой сравнивается не полководец, а его советчик; не исключено искажение текста).

3 4 Многотимый. —В оригинале: puruhuta; эпитет Индры (что может значить и «Чтимый многими»).

35 Оружие Индры. —Имеется в виду его лук, каковым в индийской мифологии почитается радуга.

3 6 Град гандхарвов —мираж, фата-моргана.

37 Чедиц (śaīḍya). —Здесь: властитель Чеди, царь Дхриштакету.

3 8 Огневики (agnivesya)... тыквапийцы (tumbura)... к левому краю примыкали. —Отмеченные переводы этнонимов-прозвищ условны (ср. такие же в гл. 10).

3 9 ...миллион и еще семьдесят тысяч. —Характерные для индийского эпоса числовые преувеличения, противоречащие здесь определению общей численности войск в начале рассказа о битве.

4 0 ...царь Каши... —В «Удьягопарве» (гл. 28) правителем Каши назван царевич Бабхру (отличный, видимо, от Бабхру из рода Ядавов), как можно предположить, —сын старого царя Каши (имя которого в эпосе не называется), тестя Вичитравирьи (об умыкании его дочерей

Бхишмой см. в «Сказании об Амбе» в пятой книге); в «Бхишмапарве» царь Каши фигурирует как сторонник Пандавов. Далее, однако, сыном кашийского царя назван Абхибху (см. ниже примеч. 51 к текущ. разд.).

41 Шибиец (saibya) — царь страны Шиби; по-видимому, имеется в виду Говасана, который упоминается в первой книге (гл. 90) как тесть Юджиштхиры (отец его жены Девики).

4 2 ...к наставнику... — То есть к Дроне.

4 3 Ненадежна... ограждаемая Бхишмой... — Дурьодхана повторяет слова, сказанные перед началом битвы (см. выше примеч. 59 к разд. «Песнь...»).

4 4 Приревские земли — область, прилегающая к реке Реве (Нармаде).

45 Нанда. Упананда и прочие — сыновья Дхритараштры (в оригинале: pandoranandaka; это сложное слово становится впоследствии междометием, выражающим горе, отчаяние).

4 6 Панибхадраки (panibhadra) — название племени, варьируется в рукописях (также paribhadra, manibhadra). Бледные (pandu) — Пандавы (см. примеч. 6 к разд. «Протяжение...»).

4 8 Властелин богов (sugaja) — эпитет Индры.

4 9 Ушастики (kaparavagana) — фантастическое племя (букв. «покрытые, прикрывающиеся ушами»).

30 [Другой] сын Сомадатты — вероятно, Бхури, поскольку Бхуришравас (чаще всего под сыном Сомадатты подразумеваемый) и Шала только что упоминались как занимающие левый край.

31 Кетуман. Васудана и Абхибху, сын Кашийца, — Здесь в тексте явная непоследовательность: из троих воителей, которые упомянуты здесь как занимающие тыл войска Кауравов, только Кетуман принадлежит определенно этому войску, Васудана далее везде выступает как сражающийся на стороне Пандавов (его потом в битве убивает Ашваттхаман), а что касается Абхибху, то ниже, в гл. 89, он тоже назван в числе сторонников Пандавов, однако в восьмой книге (гл. 4) он упомянут как царь Каши, возглавляющий войско, выступающее, по-видимому, на противоположной стороне, и убитый сыном Васуданы (?).

52 Внук Шини — Сатьяки, герой из рода Ядавов.

53 Сын Пришаты (Parsata) — царь Друпата, хотя, возможно, здесь это родовое имя того же Дхриштадьумны, внука Пришаты.

5 4 Сын Грозного Солнца — Карна (см. примеч. 26 к разд. «Песнь...»).

55 ...крепкими древетами... — В оригинале: пагаса, что может также означать железную стрелу (см. примеч. 17 к текущ. разд.).

5 6 Увенчанный — имя-эпитет Арджуны, полученное им благодаря диадеме, дарованной ему Индрой.

37 ...царя же... — По-видимому, подразумевается Шалья (названный в разночтении).

58 «Позор обычая кшатри!» — эмоциональное сетование Бхишмы на долг (дхарму) кшатрия, обязывающий его убивать.

5 9 Закон (dharma). — Подразумевается и «дхарма» как долг, определяемый принадлежностью к варне (см. предыдущее примеч.).

6 0 Оружие грома Шакры — ваджра Индры.

61 Закаленные — В оригинале: pita; перевод условный.

6 2 ...битва... не различающая воинов... охваченных жадой убийства. — То есть воины, ослепленные жадой убийства, уже не различали своих (см. далее по тексту).

6 3 ...ОРУДИЯ всякие... — В оригинале: yantrani (см. примеч. 30 к разд. «Песнь...»).

6 4 Голубиноконный. — В оригинале: paravatasva; т. е. чьи кони как голуби (т. е. быстрые, как голуби) (см.: Devabodha 1947: 19), здесь: эпитет Дхриштадьумны. Ковидара, эмблема на знамени Дхриштадьумны, — растение Bauhinia variegata.

65 ...из вороненой стали... — В оригинале: saikyaasli; перевод предположительный.

6 6 Сын Сатьяки. — Имя его в эпосе не называется.

6 7 ...на твоего другого внука... — То есть на Абхиманью, внучатого племянника Дхритараштры, являющегося для него таким же внуком, как и родной, сын Дурьодханы.

6 8 Время-Губитель (kalantaka). — См. примеч. 17 к разд. «Протяжение...».

6 9 Гора Заката (asta) — мифическая гора на крайнем западе, за которую, как предполагалось, садится солнце.

7 0 ...строим Гаруды... — То есть наподобие раскинувшей крылья птицы.

71 Бхарадваджа. — Очевидно, здесь — Дрона, сын Бхарадваджи.

7 2 Камбоджийский — царь Камбоджи Сулакшина.

73 Нилаюдхи (nilayudha). — По-видимому, название племени, которое можно, однако, понять и как «воины Нилы».

74 Сын Бхимасены. — Здесь, очевидно, Гхатоткача.

7 5 ...хранитель, чей хранитель — Джанардана. — Подразумевается Арджуна, охраняемый Кришной.

7 6 ...кампанам... каналами... — Названия этих видов боевого снаряжения оставляем без перевода, поскольку неясно, что они собой представляли; kampana (букв. «потрясающая») — возможно, род палицы, kapara («пыющая по капле»), как можно предположить, — род колющего оружия.

77 Безглавые трупы (kabandha) — кабандхи, род демонов; они появляются, пляшущие, на полях кровопролитных сражений в эпических описаниях; образ возводит к мифу о демоне Кабандхе, обезглавленном Индрой, или к представлению о пляске после смерти павших в бою воинов (происходящему, как полагают, из неарийского фольклора).

7 8 Тридцать — употребляется традиционно в значении: «боги»; т. е. означает условно пантеон (хотя число его членов значительно больше).

7 9 ...пестрою стрелою-лanyю... — В оригинале: prsatka; т. е. быстрой, как пятнистая антилопа.

8 0 ...в ночь новолуния Сомы и Сурья... — Речь идет о луне и солнце, которые в эту ночь как бы сходятся вместе.

81 ...вы оба... — По-видимому, и Бхишма, и Карна, раздор между которыми Дурьодхана считает причиной поражения.

8 2 ...то и другого Кришну... — То есть Кришну и Арджуну (ср. примеч. 25 к текущ. разд.).

83 ...как Вишну — Губитель Вритры. — Начиная с поздневедических текстов в изложении мифа о победе Индры над Вритрой все более подчеркивается решающая роль в этой победе помощи, оказанной при этом Индре Вишну.

8 4 Предводителя Васу младший брат... — Имеется в виду Вишну, который здесь прямо отождествляется с Кришной (что редко в батальных сценах); ниже упоминается боевой диск (чакра), характерный атрибут этого бога. Вишну — младший из сыновей Адити, к которым вместе с Индрой (Предводителем Васу) он причисляется в последневедийской мифологии.

85 Оба Ашвина. — Подразумеваются младшие Пандавы, братья-близнецы Накула и Сахадева, земные сыновья богов Ашвинов.

8 6 Первозданный Лотос, из пупа Нараяны вырастающий. — Широко известный по вишнуйской иконографии образ, символ Земли как порождения космических вод.

8 7 Лук Шарнга (sarnga) — букв. «Роговой», как и диск, постоянный атрибут Вишну в индуистской мифологии и иконографии.

8 8 ...к лучшему из Кауравов приязнь сохраняя... — По-видимому, подразумевается Бхишма и то, что гнев Кришны на него был преходящим.

8 9 ...предписаньям следуя... — В оригинале: vidhivat; т. е., видимо, следуя правилам магического заклинания оружия.

9 0 ...с рассеченными ремнями и разбитыми подпорами... — Перевод условный, значения слов yanta и indrakla здесь неясны.

91 ...всякого рода опасность... — В оригинале: yuala; здесь, очевидно, сравнение с тучей, «гасящей» в себе молнии.

9 2 Сын Индры — Арджуна (согласно мифу о божественном происхождении сыновей Панду) (см. в гл. 90, 114 «Адипарвы»);

9 3 Сын Сомадатты — Бхуришравас.

94 Самьямани. — Под этим родовым именем в описании битвы фигурируют как сын, так и внук Самьяманы, и в конце главы речь идет о гибели его внука.

93 ...внук твой... — Абхиманью, сын Арджуны (см. примеч. 25 и 67 к текущ. разд.).

9 6 ...убил одного коня... — Перевод дается по разночтению, критическое издание избирает (едва ли мотивированно) вариант: «один (?) убил коня...»

9 7 ...кшура, кшурапра... анджалика... — Первые две — разновидности стрел, очевидно, с режущими наконечниками (ksura — букв. «бритва»), «анджалика» — с железным пальцеобразным наконечником (см.: Devabodha 1947: 30).

9 8 Смерть с Жезлом в руке. — См. примеч. 25 к разд. «Земля».

9 9 Судеб вершитель. — В оригинале: krtanta — букв. «вершитель конца, кончины», эпитет Ямы, бога смерти.

100 ...пляшущего Шанкару... — Восходящий к архайским шаманистским культам танец Шивы, воплощающий его космическую энергию, здесь явно связывается с его разрушительной функцией.

101 Носитель трезубца (sulabhr) — эпитет Шивы. Другой возможный перевод: Копьеносец.

102 ...палицу булатную... — См. примеч. 65 к текущ. разд.

103 Времени властелин (kalavadvibhu). — Здесь, очевидно, эпитет Ямы.

- 104 Ришьяшринга —отец ракшаса Аламбусы, герой известного в различных версиях мифа (излагается в гл. 110—13 «Араньякапарвы»). ...лук грозно скорый... —1 о есть грозный той скоростью, с которой с него слетают стрелы.
- 106...ядовитой тыкке... —В оригинале: kimpaka; растение *Trichosanthes palmata*, с плодами неприятного вкуса.
- 107 ...тех, что неутомимы в деяниях [своих]... —В оригинале: aklistakarman —букв, «неутомимый». Согласно комментарию Теланга к английскому переводу, здесь подразумеваются люди, воля которых преодолевает все препятствия (см.: Roy 1925/4: 180). Датт в своем переводе толкует иначе: как «неутомимые в благочестивых деяниях» (см.: Dutt 1897: 105).
- 108 Владыка владыки мира (lokesvaresvara) —эпитет Вишну-Кришны, подчеркивающий его первенство в верховной триаде; «владыка мира» —очевидно, Брахма.
- 109 Благой сына сын (saumyatmatmajā). —Значение эпитета saumya неясно. Сомнительно толкование Девабодхи, полагающего saumya патронимом от «Сома» как одного из имен Брахмы (?); то есть Вишну —«сын сына (или внука) Брахмы, Кашьяпы» (Devabodha 1947: 21).
- 110 Изначальный Вепрь —третье перевоплощение, аватара, Вишну (см.: Индуизм 1996: 111).
- 111 ...являющий [миру] существа (bhutavibhavana)... —Подразумевается функция бога-творца.
- 112 Минование эры. —В оригинале: kalpasamksera —букв, «крушение калпы», т. е. гибель вселенной в определенный срок (см. примеч. 226 к разд. «Песнь...»).
- 113 Творец бессмертия. —В оригинале: amrtodbhava —точнее «источник бессмертия» (или амриты, напитка бессмертия).
- 114 Лдатель деяния. —В оригинале: karmada, что можно толковать различно; karma может означать и «деяние», и «обряд», и «карму» как закон предопределения судеб.
- 115 ...праведность —желания дитя... —Здесь «праведность», или «долг» (dharma), высшая из трех жизненных ценностей (см. примеч. 57 к разд. «Протяжение...»), объявляется происходящей из «желания» (kama) как из первозданной первопричины.
- 116 ...извечное великое... —В оригинале: sasvatam mahat, что может также означать Вселенную.
- 117 Муж (purusa). —См. примеч. 48 к разд. «Песнь...».
- 118 ...назовут тьме преданным (tamasa)... —то есть в чьей природе преобладает «качество косности» (tamas); см. характеристику подверженных различным гунам в гл. 39 (семнадцатой главе «Гиты»).
- 119 Счастливый завиток (srīvatsa) —божественный знак на груди Вишну-Кришны в индуистской иконографии.
- 120 Камень Каустубха —постоянный атрибут Вишну, волшебный бриллиант, обретенный в числе других сокровищ из океана после пахтания его богами и демонами (см. изложение этого мифа в гл. 16 «Адипарвы»).
- 121 Быль о Васудеве. —Сказание о воплощении Вишну в образе Кришны (он же Васудева) в различных версиях упоминается далее.
- 122 ...сатватский закон приняв... —Т. е. воплотившись в роду Ядавов, племени сатватов.
- 123 ...воду воплотивший в себе... спит... силою йоги. —Вишну, возлежащий на водах, сам является воплощением первозданных вод; «Йога» здесь —сверхъестественная сила бога, погружающего себя в сон, которым мистически поддерживается мироздание.
- 124 ...сумерки, те и те... —Подразумеваются периоды «сумерек» (sandhya), разделяющие мифические века (юги) (см. примеч. 22 к разд. «Песнь...»), «те и те» —в самом начале каждой юги и на исходе ее.
- 125 Определение (piyata) —всякое правило и установление. Бесконечный (ananta). —Здесь: эпитет космического змея Шешы, зооморфного атрибута Баладевы (Санкаршаны); иногда змеей Ананта выступает как самостоятельный мифологический образ.
- 127 ...Вепрь. Лев. Три шага прошедший... —Перечисляются аватары Вишну: третья — Вепрь (см. примеч. НО к текущ. разд.), четвертая — Лев, т. е. Человеко-Лев, убивший царя демонов Хираньякашипу, и пятая —Карлик, тремя шагами отобравший вселенную у демонов.
- 128 Вхождения в Брахмана... в дни новолуния и полнолуния. —Здесь достижение высших целей связывается, очевидно, с регулярными обрядами ведийского ритуального календаря, в сроки которых совершается поклонение божеству нового культа.
- 129 Волхований владыка —перевод условный; «волхования» —в оригинале: yoga, очевидно, в значении сверхъестественных способностей Бога (см. примеч. 278 к разд. «Песнь...») и примеч. 123 к текущ. разд.).
- 130 Блаженные (sadhya) —класс мифологических существ, родственных «совершенным» и «странникам небес» (см. примеч. 47 к разд. «Протяжение...»).
- 131... молвит о тебе Девала. —В критическом издании здесь —Девала Асита, однако Девала и Асита —имена двух отличных друг от друга мудрецов (упоминаемых в «Бхагавадгите», X. 13, см. в настоящем издании с. 72); поэтому мы избираем разночтение, где имя Аситы опущено.
- 132 Акшауhini. —См. примеч. 20 к разд. «Песнь...».
- 133 ...помня о женской его природе. —См. примеч. 16 к разд. «Песнь...». О клятве Бхишмы не сражаться с Шикхандином, переменявшим свой пол, рассказывается в пятой книге (гл. 169) (см.: Удйогопарва 1976: 333—34).
- 134 ...огню, в конце юги разбушевававшемуся... —См. примеч. 70 к разд. «Протяжение...» и примеч. 22 к разд. «Песнь...».
- 133 ...непривязанное знамя дыма... —Образ восходит к представлению о дыме как о знамени бога огня (не привязанном к какому-либо дереву).
- 136 ...полчища воинов племен... —В оригинале: paragaṇaughā; подразумеваются, вероятно, дикие лесные и горные племена, привлеченные к участию в войне.
- 137 ...стрелами железными... —См. примеч. 17 к текущ. разд.
- 138 Авантиец —неясно, имеется здесь в виду Винда или Анувинда.
- 139 Царь слонов —мифический слон по имени Айравата (Айравана).
- 140 ...сыном твоим... обманутый... —Подразумевается, видимо, Дурьодхана, затеявший игру в кости, обманом выигранную у Юдхиштхиры (см. в «Сабхапарве»).
- 141 ...блoduшего великий обет... —Имеется в виду Бхишма, давший обет безбрачия (см. примеч. 206 к текущ. разд.).
- 142 ...перед обоими Кришнами... —То есть перед Кришной и Арджуной (ср. примеч. 25 к текущ. разд.).
- 143 ...с умением возобновления их. —Подразумевается магическое искусство возвращения метательных оружия наподобие бумеранга.
- 144 Царевна сатватов —Субхадра.
- 145 ...счастливыми знаками отмеченного... —В оригинале: subhalaksana; игра слов, построенная на созвучии с именем Лакшманы.
- 146 Хранители мира (lokapala) —боги-покровители стран света, занимающие в иерархии индуистского пантеона высшую ступень непосредственно вслед за верховной триадой (см.: Индуизм 1996: 256—57).
- 147 Злые планеты. —В оригинале: mahagraha —букв, «великие планеты»; так именуются обычно неблагоприятные планеты —Раху (мифическая «планета» затмений), Шанайшчара, Ангарака.
- 148 ...сына Кришны... —То есть Абхимаңью (см. примеч. 25 к текущ. разд.).
- 149 Безглавые трупы. —См. примеч. 77 к текущ. разд.
- 150 ...презрел... просьбы потомка Дашархи... позабавился с посольством Улуки... —Бхима напоминает Дурьодхане о том, как он перед битвой не дал завершиться успехом последним попыткам сохранить мир посольству Кришны (потомка Дашархи), и сам ответным провокационным посольством Улуки словно надсмеялся над этими попытками (см. в «Удйогопарве» гл. 157—60).
- 151 Приложиться к макушке —букв, «поноухать макушку»; означает милостиво приветствовать склонившего почтительно голову.
- 152 ...при пахтании океана... в изначальной юге. —См. примеч. 120 к текущ. разд. Знаменитое пахтание океана относится к первой из четырех юг, составляющих период существования Вселенной, Крита-юге, соответствующей Золотому веку европейской мифологии.
- 153 ...Сонмму туч на исходе юги... —См. примеч. 22 к разд. «Песнь...».
- 154 ...Синдхиде... Магадхиде... —Соответственно царь Синдху Джаядратха и царь Магадхи Джаятсена. Последний, сын царя Джарасандхи, в гл. 16 назван среди сторонников Кауравов и далее принимает участие в битве на их стороне, однако в «Сабхапарве» (гл. 4) он упомянут в свите Юдхиштхиры (там же в гл. 22 наследником Джарасандхи на троне назван другой его сын —Сахадева); в «Удйогопарве» он неоднократно назван в числе сторонников Пандавов (как и его брат), и в заключительной главе (197) указано его место в строю их войска. Это же имя носит, по-видимому, один из сыновей Дхритараштры (см. примеч. 244 к текущ. разд.).
- 155 Третье небо —в индуистской космографии царство Индры.
- 156 ...с вожжами... словно другое солнце... —Кришна сравнивается здесь с солнцем, слово «вожжи» в оригинале (abhlu) имеет также значение «лучи».
- 157 Белая планета. —См. примеч. 18 к разд. «Протяжение...».
- 158 ...бесовский морок... —В оригинале: raksasi paṇya; означает здесь иллюзию, созданную колдовством ракшасов (бесов).
- 159 Война из-за Тараки —война между богами и демонами из-за Тараки (Тары), жены наставника богов Брихаспати, похищенной богом луны; упоминается в эпосе как событие глубочайшей древности.

160 Копье. —В оригинале: sakti —метательное оружие (упоминаемое еще в «Ригведе»), которому в эпосе часто приписывается магическая сила.

161 ...матери [Сахадевы]. —Мать младших Пандавов Мадри приходилась Шалье сестрой; не совсем понятна причина взаимной радости родственников, оказавшихся во враждебных станах; возможно, подразумевается радость встречи с достойным противником.

...Индра с младшим братом... —См. примеч. 84 к текущ. разд.

163 Пожиратель жертвы —эпитет Агни, здесь отнесенный к космическому огню (см. примеч. 70 к разд. «Протяжение...»).

164 ...у воздуха, желчи и флегмы —с телом. —В древних медицинских трактатах жизнедеятельность человеческого организма ставится в зависимость от функционирования в теле трех названных гуморов; тело «борется» с нарушением правильных соотношений между ними, вызывающими болезни. Абхима́нью сокращает сражающихся с ним троих родичей (оставляя их в живых).

165 ...вспомнив... о речах Бхимы. —То есть о данном Бхимой после игры в кости обете убить всех сыновей Дхритараштры (см. гл. 68 «Сабхапарвы»).

1 6 6 ...аратских коней... —Аратта —древнее название Пятиречья (Пенджаба), откуда поставлялись кони в другие области Индии.

167 ...сын твой... —Имеется в виду Читрасена (см. далее по тексту).

168 ...отмеряющую время... —То есть губительную, «отмеряющую» срок жизни.

169 Глава рода Kṛpṇ (kauṛavendra) —букв. «Индра Кауравов»; подразумевается подтверждение права Юдхиштхиры на наследование всего царства.

170 ...Огню с Ветром-соратником... —Уже в Ведах Агни, бог огня, часто ассоциируется с Ваю, богом ветра (представляемым как его колесничий).

171 Строй Рогатины. —В оригинале: sṛṅgataka; собственно, название растения с колючими плодами (Barleria Longifolia), перевод условный.

172 ...голова победленного... —В оригинале игра слов (aparajita —букв. «непобедимый»).

173 Великомудрый сын рабыни —Видура, сводный брат царей Дхритараштры и Панду, в свое время предостерегавший Кауравов от роковой игры в кости, затеянной теми с целью лишить братьев Пандавов царства. Об этом повествуется во второй книге эпоса, где речь Видуры, предсказывающая пагубные последствия игры, занимает гл. 55, 56 (см. рус. пер.: Сабхапарва 1962: 111—13).

174 ...хлопчатými... —В оригинале: saṃvā, что может быть названием хлопчатника; перевод условный.

175 ...титтирийских... —Местоположение упоминаемой в эпосе страны титтирийцев неопределенно; по-видимому, это территория южнее реки Нармады.

176 Супарны —мифические солнечные птицы, природные враги змеев-нагов (см. примеч. 16 к разд. «Протяжение...»).

177 ...дядя его по отцу... —В оригинале: pītṛvya —явная описка вместо kauṛavya; Кауравья —имя змея царя, отца матери Иравана (о встрече с нею Арджуны рассказывается в гл. 206 «Адипарвы»); о ненависти к Арджуне его брата никак не может идти речь. Сказание о восхождении Арджуны на небо Индры, упоминаемое ниже, занимает в «Араньякапарве» гл. 43—9.

178 Отпрыски Субалы. —Подразумеваются, очевидно, братья Шакуни; в критическом издании здесь явно ошибочно избрано чтение saubalasya вместо subalasya, как обозначены те же персонажи далее в описании боя.

179 ...из-за убийства Баки... —«Сказание об убийстве Баки» (брата Аламбусы) занимает в «Адипарве» гл. 143—52.

180 ...те и другие. —Видимо, и приведенные ранее, и вызванные чарами.

181 Колчан пятиречный (rapṣaka). —Видимо, вмещающий пять наборов стрел.

182...родич... с материнской стороны... —Подразумевается, что демон Аламбуса связан родством с матерью Иравана, царевной демонского племени нагов.

183 ...лучник из племени сатватов. —Здесь, очевидно, Сатъяки.

184 Бродящие в ночи (pisasa) —обычное обозначение ракшасов (или родственной им разновидности демонов).

185 ...Временем посланному богу смерти... —В мифологической иерархии эпоса Вре́мя, одна из ипостасей бога смерти Ямы (см. примеч. 17 к разд. «Протяжение...»), иногда как самостоятельный образ ставится выше его самого.

186 ...отцам моим оскорбление нанеся... —Гхатоткача, сын Бхимы, называет своими отцами всех пятерых Пандавов, супругов Драупади (о событиях, им упоминаемых, —оскорблении Драупади в собрании царей и похищении ее царем Джаядратхой —см. соответственно гл. 60 «Сабхапарвы» и «Сказание о похищении Драупади», гл. 248—283 «Араньякапарвы»). Авантиец —царь Аванги, по-видимому, Винда (почти не упоминаемый помимо своего брата Анувинды).

1 8 8 Абхи́бху. Сын Кашийца. —См. выше примеч. 51 к текущ. разд.

189 ...слоны, от врагов заслоняющие... —В оригинале игра слов, построенная на двойном значении слова varāṇa —«слон» и «заслоняющий».

190...горы с отсеченными крыльями... —1 радиционный в индийской поэзии образ, восходящий к ведийскому мифу о летучих горах, которые спустились и остались на земле, после того как Индра отсек им крылья, ставшие тучами над ними (известен уже в «Ригведе»), излагается в «Майтрайани-самхите» (см.: Maitrayam 1881—886/1: гл. 10, ст. 13).

191 ...в состязании на сваямваре... —Подразумевается тот вид сваямвары («свободного выбора»), когда устраивается состязание претендентов на руку невесты (обычно ее отцом); здесь имеет место отклонение от «чистой» сваямвары, целиком предоставляющей выбор невесте (очевидно, обряд восходит к известному фольклорному мотиву испытания).

192 Нила... темной туче подобный... —В подлиннике игра слов, построенная на значении имени Нила —букв. «Синий, Темный».

193 Одиннадцать армий... —В оригинале: aksauhini; см. примеч. 20 к разд. «Песнь...».

194 ...как некогда Тараке Индра! —В известном мифе победителем демона Тараки, с которым не в силах справиться Индра (с Индрой, Purandara —Сокрушителем твердынь, выше уже сравнивался Бх^адатта), выступает другое божество —Сканда; эта оговорка Дурьодханы здесь, по-видимому, не случайна.

193 ...воители... Кекаи... —Здесь они сражаются на стороне Пандавов (см. примеч. 41 к разд. «Песнь...»).

196 ...просил... полцарства или же пять деревень... —об этом рассказывается в «Удьягопарве» (гл. 70).

197 Вайрата (Vairata) —патроним от Virata; однако царь Вирата с сыновьями сражается на стороне Пандавов. Здесь, очевидно, имеется в виду некий воин с тем же именем.

198 ...ядрами... —В оригинале: satagṇi —букв. «убивающее сотнями»; оружие сокрушительной силы, описывается как каменное или деревянное ядро с шипами.

199 Бханди —растение Rubia Munjista.

2 0 0 ...как Тридцать за Предводителем Васу. —В пантеоне эпоса Индра возглавляет группу восьмерых богов Васу (в число коих сам не входит), но он же —глава всего пантеона (Тридцать —традиционное обозначение пантеона, хотя число его членов значительно больше).

201 Благоклонный, десницу... простирая... —В подлиннике игра слов, построенная на различных значениях слова daksina: «благоклонный» (другое значение: «умелый») и «десница, правая рука». Т а м ж е тавтологическое hastihasta («слоновый хобот») тоже образует аллитерацию.

2 0 2 Магадхи (magadha) —наряду с сутами (см. примеч. 76 к разд. «Протяжение...») разряд придворных певцов-сказителей.

2 0 3 Чудодейственный узор. —В оригинале: sarvatobhadra —букв. «благоприятный со всех сторон», что означает диаграмму, заключенную в квадрат с вписанным кругом, которую рисовали на ткани как оберег или в иных магических целях.

2 0 4 Когда храбрый сын Панду... достаточным то было свидетельством. —О подвигах Арджуны, перечисляемых Бхишмой, повествуется в предшествующих книгах эпоса. О том, как Арджуна с Кришной помогли Агни, богу огня, сжечь дремучий лес Кхандава, преодолев сопротивление бога Индры, рассказывается в заключительном разделе первой книги (гл. 214—15, Адипарва 1950: 559—86); об освобождении Дурьодханы Арджуной из плена гандхарвов, в то время как братья его и Карна (сын Радхи) были обращены в бегство, см. в третьей книге, гл. 230, 234, 235 (Араньякапарва 1987: 474, 475, 478—81); о победе Арджуны над Кауравами и их союзниками близ города Вираты, после которой он забрал одежду врагов, свергнутых им в бессмятство, см. в четвертой книге, гл. 48—1 (Виратапарва 1967: 83—05); о победе над ниватакавами (nivatakaṇṇas, букв. «непробиваемые панцири»), особый разряд демонов) см. в третьей книге, гл. 166—69 (Араньякапарва 1987: 343—48).

205 ...в шатер вошел, врагов сокрушитель. —В оригинале неприводимая игра слов и аллитерация.

2 0 6 ...отказался... от процветающего царства и от жены. —О б отречении Бхишмы от прав наследования царства и принятом им обете безбрачия рассказывается в первой книге (гл. 94).

2 0 7 ...как рассказано было о том в [Книге] о старании. —См. примеч. 16 к разд. «Песнь...». Книга о старании —«Удьягопарва», пятая книга эпоса.

2 0 8 Благой со всех сторон. —См. примеч. 203 к текущ. разд. Строй назван, очевидно, по магическому квадрату, очертания которого он воспроизводит.

2 0 9 Шибиц — царь Шиби, который выше назван был в числе сражающихся за Пандавов (см. примеч. 41 к текущ. разд.); здесь, очевидно, искажение текста и должен быть назван другой персонаж.

210 ...Предводитель Васу, когда он победил Майю. — В «Адипарве» (гл. 219) рассказывается о спасении Арджуной демона Майи, чудесного зодчего, от гнева бога огня; о победе Индры над ним упоминаний в других книгах эпоса нет.

211 Пять планет — Ангара (Марс), Буда (Меркурий), Брахаспати (Юпитер), Шукра (Венера) и Шанайшчара (Сатурн).

212 Демон Затмения (svarbhanu) — образ, восходящий к «Ригведе», позднее отождествлявшийся с Раху, олицетворением мифической «злой» планеты (см. примеч. 147 к текущ. разд.).

213 ...как Буда и Шукра на небосводе. — Схождение этих планет подразумевает, очевидно, конфликт; с Будхой, сыном Сомы-Луны, сравнивается, вероятно, его потомок Арджуна, с Шукрой, наставником демонов, — Дрона. См. далее по тексту такое же сравнение Абхиманью с Будхой и Читрасены с Шанайшчарой.

214 ...Рудре подобный. — Под именем Рудры Шива фигурирует обычно в своем грозном аспекте (как Бог-Разрушитель).

215 ...казались... городами гандхарвов. — См. примеч. 36 к текущ. разд.

216 ...как Вайтарани [уносит]... в град Царя призраков. — Царь призраков (pretaraja) — один из эпитетов Ямы; согласно некоторым текстам, во владения Ямы уходят после смерти грешники (павшие герои уходят в царство Индры). Мифическая река Вайтарани (vaitarani — букв. «переносящая»), индийский Стикс, очевидно, не идентична священной реке того же названия на северо-востоке современной Ориссы, которая в «Араньякапарве» описывается как очищающая от грехов (см.: Араньякапарва 1987: 650, 727).

217 Сын ТПякрм — Арджуна (см. примеч. 92 к текущ. разд.).

2 1 8 Герой с пальмой на знамени — Бхишма. ...красотою деве нагов подобный. — Девы нагов, мифического племени змей-оборотней в человеческом образе (или людей змеиной природы), славились необыкновенной красотой.

2 2 0 Ночь светопреставления. — В оригинале: kalaratṛi — букв. «Ночь Времени» (кончины вселенной по истечении махаюги; см. примеч. 8 к разд. «Протяжение...»); Каларатри — также одно из имен Великой Богини, супруги Шивы, в ее грозной ипостаси.

221 Карни, навики — виды стрел с наконечниками в форме соответственно уха и стебля лотоса.

2 2 2 Верный обету — Бхишма (см. примеч. 206 к текущ. разд.).

2 2 3 Ветру и Огню... — То есть богам Ваю и Агни (первый — божественный отец Бхимасены; см. примеч. 170 к текущ. разд.).

224...дал обещание Парта... что срязит сына Ганги. — Об этом обещании Арджуны убить Бхишму рассказывается в «Удьюгапарве» (гл. 160).

225 Стремящаяся к океану (sagaraga) — Ганга.

2 2 6 ...хорошо... что вы... знаете меня. — Как в примечании к английскому переводу толкует этот текст Теланг: хорошо, что Пандавы знают о том, что им не победить, пока сражается Бхишма, и только его устранение позволит избежать излишнего кровопролития (Roy 1925/4: 286).

227 ...тяжелыми, [в форме] телячьих зубов и острыми анджаликами. — Перечисляются различные виды стрел (см. примеч. 97 к текущ. разд.).

2 2 8 ...чей черен путь... — обозначение огня, оставляющего за собой обугленные деревья.

2 2 9 ...с петель в руке. — Петля (pasa) — один из главных атрибутов Ямы (а также Варуны).

2 3 0 Северный путь солнца (uttarayana) — время движения солнца к северу от экватора, т. е. полугодие от зимнего до летнего солнцестояния; считалось благоприятным временем в противоположность другому полугодю («южного пути»).

231 ...Краунча... с дротиком Сканды... — Речь идет о мифической горе в Гималаях (предположительно отождествляемой с южным ответвлением горы Кайласа), в которой бог Сканды пробил ущелье своим дротиком, чтобы поразить скрывшегося внутри демона (об этом рассказывается в гл. 46 «Шальяпарвы»).

2 3 2 ...красавцы... — В оригинале: prabhadra (?); более уместным представляется указанное в разночтениях pradravato, что можно перевести как «бегущие», если предположить опisku в падежном окончании (-to вместо -nto). Морское чудовище. — В оригинале: timi — кит или сказочное морское животное необычайной величины.

234 С ал — дерево Vatica Robusta.

235 ...словно второй Пхальгуна. — По-видимому, речь идет о Дхриштадьумне, сражаться с которым посылает Дрона сына.

2 3 6 ...иди рядом [в бой] на царя... — Очевидно, «рядом» (parsvatas) с отцом; «царем» здесь, видимо, именуется тот же Дхриштадьумна (хотя обычно он — «царевич»), в разночтениях вместо parsvato — parsatam, родовое имя этого героя.

2 3 7 Перчатка (hastavapa) — приспособление для защиты руки лучника.

2 3 8 Царь. — Здесь, вероятно, Дурьодхана.

2 3 9 ...как... берег — великий океан. — В чтении, принятом в критическом издании, с океаном сравнивается Бхишма, наступающее войско — с берегом (vela), что понять трудно (даже если принять другое значение vela — «прилив»). Более понятны разночтения, где с берегом сравнивается Бхишма, с океаном — войско Пандавов.

2 4 0 ...миру Брахмы себя предав... — То есть стремясь достигнуть после смерти мира Брахмы (см. примеч. 71 к разд. «Протяжение...»).

241 Паурава. — Здесь: имя царя, сторонника Кауравов.

2 4 2 ...на царевича Брихадбалу... наступал сын Субхадры... — Перевод следует разночтению; в критическом издании Брихадбала и сын Субхадры явно ошибочно поменялись местами; в результате последний оказывается в рядах своих врагов.

2 4 3 ...и победы сына Притхи... — Здесь под этим именем подразумевается, очевидно, царь Юдхиштхира.

2 4 4 ...твой сын Джаятсена... — Не следует, по-видимому, путать его с Джаятсеной, царем Магадхи (см. примеч. 154 к текущ. разд.).

243 ...в бою... — В оригинале: gape; возможно, описка: вместо rathe — «на колеснице».

2 4 6 Сушарман. — По-видимому, этого Сушармана следует отличать от носящего то же имя царя тригартвов, который не мог сражаться на стороне Пандавов. В разночтениях вместо Читрасены указан Сах^лева, что представляется здесь более уместным, однако ниже подтверждается, что Сушарман сражается с сыном Дхритараштры, и далее иногда упоминается Сушарман, сторонник Пандавов, напр., в «Карнапарве» (гл. 40), где с ним сражается Карна (см.: Карнапарва 1990: 142).

2 4 7 ...восточные и северные... — Может относиться к малавам или означать: «племена Востока и Севера».

248 О небесном оружии [своем]... — Речь идет об оружии, полученном Арджуной от богов (см. гл. 41—2 «Араньякапарвы»).

2 4 9 ...передал... Рама знание оружия... — Речь идет о Раме, сыне Джамадагни; в «Адипарве» (гл. 121, 154) рассказывается о том, как он передал свое знание оружия Дроне, которого Бхишма пригласил потом обучать военному искусству царевичей рода Куру.

2 3 0 Стократная молния (satahrada) — молния особенно разрушительной силы; иногда отождествляется с громовым оружием Индры.

251 ...когда отец мой женился на Кали... даровал он мне... неуязвимость в бою. — В «Адипарве» (гл. 94) рассказывается только о первом даре Шантану Бхишме — о выборе времени смерти.

2 5 2 Брахманский жезл (brahmadanda). — Согласно примечанию Теланга к английскому переводу, посоху брахмана приписывается магическая сила, превосходящая громовое оружие Индры, способная сокрушать целые племена из поколения в поколение (см.: Roy 1925/4: 320).

2 5 3 ...как у коров в месяц магха... — Возможно, подразумевается зимний холод, от которого страдает скот (см.: Ibid.).

2 5 4 Знамя Индры (indradvaja). — Так именуется обрядовое дерево, играющее центральную роль на посвященном Индре празднестве, которое справлялось в сезон дождей (в светлую половину месяца бхадра, август—сентябрь) и длилось несколько дней; дерево срубалось с различными обрядовыми действиями, воздвигалось, всячески украшенное, в культовом здании («доме Индры»), где совершалось богослужение (пуджа), потом, поваленное, оттаскивалось слонами к реке; в ведийской литературе обряд неизвестен, но он восходит, очевидно, к архаическому культу плодородия.

255 ...убывает солнце. — То есть солнце находится на своем южном пути (см. примеч. 230 к текущ. разд.).

256 Учение. — В оригинале: yoga.

257 Святое Слово. — В оригинале: brahman, что здесь означает Веды (см. примеч. 71 к разд. «Протяжение...»).

2 5 8 Когда к стране Вайшраваны пойдет дневное светило... — То есть к северу от экватора (см. примеч. 230 к текущ. разд.).

259 ...словно духи к Истребителью тьмы. — То есть к солнцу. «Духи» — в оригинале: bhiltani, что может означать также «живые существа». Нилакантха полагает, что речь идет о гандхарвах и других мифических существах, устремляющихся к солнцу ежедневно на восходе (см.: Mahabharata 1883 — 1896/4: 327). Прародитель — Брахма (см. примеч. 27 к разд. «Земля»).

261 Рама — сын Джамадагни, обратившийся в числе прочих к Дурьодхане с увещеванием, когда перед битвой Кришна прибыл к Кауравам с предложением мира (см. гл. 94 «Удьюгапарвы»).

2 6 2 Превышний (paramesthin), Владыка созданий (prajapati)... — Здесь, очевидно, эпитеты Брахмы (как, возможно, и следующее далее dhatr — «учредитель», хотя Дхатар может выступать и как самостоятельный образ в индуистском пантеоне).

2 6 3 ...на ложе [своего] рождения. — Т. е. в тростниках, где Сканды, согласно мифу, родился из семени Шивы, занесенного туда течением реки Ганга (saga на санскрите «стрела») и «тростник» (см. изложение мифа в гл. 43 «Шальяпарвы»).

2 6 4 ...от Нарады... от Кришны Двайпаяны и от Кешавы... —Божественный мудрец Нарада нередко выступает в сказаниях в роли вестника, раскрывающего тайны; Вьяса и Кришна также принадлежали к числу немногих, знавших тайну рождения Карны, но не рассказывается, когда они сообщили о ней Бхишме.

2 6 5 ...благородство в даини. —Имеется в виду подвиг самоотвержения Карны, отдавшего Индре, обернувшегося брахманом, по его просьбе чудесный панцирь со своего тела и вместе с ним дар неуязвимости (см. гл. 104 «Адипарвы»).

2 6 6 ...сокрушил... царей, з а царя куру сражаясь. —Рассказ о победах Карны в «Араньякапарве» (см. в Бомбейском издании гл. 253—54) не включен в критическое издание (см.: Mahabharata 1863).

2 6 7 ...царь Джарасандха... неравен тебе оказался в бою. —Рассказ об этой победе Карны также по неясным причинам исключен из критического издания (из «Сабхапарвы», см. в Бомбейском издании гл. 46); только было упомянуто в гл. 5 «Шантипарвы».

ЛИТЕРАТУРА

В список вошли только те издания, на которые есть прямые ссылки в предисловии переводчика, в его статье и комментариях. Достаточно исчерпывающая библиография по «Махабхарате» содержится в монографиях П.А. Гринцера (см.: Гринцер 1974) и С.Л. Невелевой (см.: Невелева 1991), а также в издании перевода третьей книги «Махабхараты» Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой (см.: Араньякапарва 1987) и в изданиях переводов последующих книг эпоса, принадлежащих тем же авторам. Избранную библиографию по «Бхагавадгите» читатель может найти в изданиях предшествующих русских переводов поэмы с оригинала (см.: Смирнов 1956 и Семенов 1985, 1999). Достаточно подробный перечень переводов поэмы на европейские языки включен в библиографию к сборнику «Древо индуизма»¹. Статья С.Д. Серебряного из этой книги, обновленная автором и помещенная в настоящее издание в качестве приложения, содержит общий обзор и историю переводов (см. «Приложения» к наст. изд.). Наиболее полная библиография по «Бхагавадгите» дана в специальной монографии Дж. Капура². Особо следует также отметить выпущенную в 1982 г. работу В.М. Каллеворта и Ш. Хемраджа³, содержащую, помимо критики принципов перевода памятника, почти исчерпывающую библиографию переводов «Бхагавадгиты» на европейские и индийские языки и критический обзор традиционных комментариев к ее тексту. Наш список литературы дополняет указанные выше библиографии некоторыми наиболее интересными исследованиями последних лет, на которые есть ссылки в комментариях к настоящему переводу.

ИЗДАНИЯ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

Atharvaveda 1924 —Atharva Veda / Ed. by R. Roth and W.D. Whitney. Berlin, 1924.

Aufrecht 1955 —T. Aufrecht. Die Hymnen des Rigveda: In 2 Bd. 3-te Aufl. Berlin, 1955.

Bhagavadgita 1945 —The Bhagavadgita: Being Reprint of the Relevant Parts of Bhlsms-1 См.: Древо индуизма: Материалы и исследования / Отв. ред. И.П. Глушкова. М., 1999. С. 492—95. (Сер. «Культура народов Востока»)

2 См.: Капоор 1983.

3 См.: Callewaert, Hemraj 1982.

parvan from B. O. R. Institute's Edition of the Mahabharata / For the First Time Critically ed. by S.K. Belvalkar. Poona, 1945 (repr. 1968).

Bhagvat-Geeta 1785 —The Bhagvat-Geeta, or Dialogues of Kreesna and Arjoon: In Eighteen Lectures; with Notes / Tr. from the original, in the Sanskreet, or ancient Language of the Brahmins, by Charles Wilkins, senior merchant in the service of the honourable the East India Company, on their Bengal establishment. L., 1785.

Bhagavad-Gita 1885 —The Song Celestial or Bhagavad-Gita (from the Mahabharata): Being a Discourse between Arjuna, Prince of India, and the Supreme Being under the Form of Krishna / Tr. from the Sanskrit text by Sir Edwin Arnold. L., 1885.

Bhismaparvan 1947 —The Bhismaparvan being the sixth book of Mahabharata... / Critically ed. by S.K. Belvalkar. Poona, 1947.

Devabodha 1947 —Devabodha's commentary on the Bhismaparvan from the Mahabharata / Ed. by S.K. Belvalkar. Poona, 1947.

Kevalanandasarasvati 1952—976 —Kevalanandasarasvati. Mīmamsakosa: In 7 vol.

Wai-Satara, 1952—976.

Mahabharata 1863 —Mahabharata: In 4 vol. Bombay, 1863.

Maitrayani 1881—886 —Maitrayani Samhita: In 4 Bd. / Hrsg. L. von Schroeder. Leipzig, 1881—886 (repr. 1970—972).

Majjhima 1951 —The Majjhima nikaya: In 2 vol. / Ed. by R. Chalmers. L., 1951.

Manu 1886 —Manu: Manava-dharma-sastra (Institutes of Manu) with the Commentaries of Medhatithi, Sarvajnanarayana, Kulluka, Raghuvananda, Nandana and an Appendix: In 3 vol. / Ed. by V.N. Mandlik. Bombay, 1886. Vol. 3.

Ramanuja 1974 —Ramanuja on the Bhagavadgita / A condensed rendering of his Gltabhasya with copious notes and an introd. [by] J.A.B. van Buitenen. Delhi etc., 1974.

Sarhkaracarya 1983 —Srimad Bhagavad Gita Bhasya of Sri Sarhkaracarya / Tr. by A.G. Krishna Warriar. Madras, 1983.

Taittiriya 1897—898 —Taittiriya aranyaka: In 2 vol. / With a comm. by Sayanacarya; ed. by B.S. Phadake. Poona, 1897—898.

Vasistha 1883 —Vasistha Dharmasastra / Ed. by A.A. Fuerer. Bombay, 1883.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

Адипарва 1950 —Махабхарата. Книга первая: Адипарва / Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. М.; А, 1950.

Альбедиль 1994 —Альбедиль М.Ф. Протоиндийская цивилизация: Очерки культуры. М, 1994.

Араньякапарва 1987 —Махабхарата. Книга третья: Лесная (Араньякапарва) / Пер.с санскр., предисл. и коммент. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987.

Багуат-Гета 1788 —Багуат-Гета, или Беседа Кришны с Арджуном / Пер. А.А. Петрова. М., 1788.

Бонгард-Левин, Герасимов 1975 —Бонгард-Левин Г.М., Герасимов А.В. Мудрецы и философы древней Индии. М., 1975.

Бонгард-Левин, Ильин 1985 —Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985.

Бонгард-Левин 1993 —Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. 2-е изд. М., 1993.

Бхагавад-гита 1909 —Бхагавад-гита (мистическая часть Магабгараты) / Пер.в стихах А.П. Казначеевой с объяснительными примечаниями. Владимир, 1909.

Бхагавад-гита 1914 —Бхагавад-гита или Пьсьнь господня / Пер. с англ. и санскр.А. Каменской и И. Манциарли. Калуга, 1914.

Бхагавад-гита 1925 —Бхагавад-гита: Пьсня господня / Второе изд., пересмотр, и испр. по санскр. оригиналу А. Каменской. Париж, 1925.

Бхагавадгита 1956 —Махабхарата II, —Бхагавадгита / Пер. с санскр. Б.Л. Смирнова. Ашхабад, 1956.

Бхагавадгита 1999 —Бхагавадгита / Пер. с санскр., исслед. и примеч. В.С. Семенова. М., 1999.

Волошин 1988 —Волошин М.А. Лики творчества. М., 1988.

Гринцер 1974 —Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос: Генезис и типология. М., 1974.

Древняя Индия 1995 —Древняя Индия: Три великих сказания: В 2 т. / Лит. изложение Э.Н. Темкина и В.Г. Эрмана. СПб., 1995. Т. 2.

Древо индуизма 1999 —Древо индуизма: Материалы и исследования / Отв. ред.И.П. Глушкова М., 1999. (Сер. «Культура народов Востока»)

Дронапарва 1992 —Махабхарата. Книга седьмая: Дронапарва, или Книга о Дроне / Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. СПб., 1992.

Законы Ману 1960 —Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича, провер. и испр.Г.Ф. Ильиным. М., 1960.

Ильин 1958 —Ильин Г.Ф. Старинное индийское сказание о героях древности «Махабхарата». М., 1958.

Индуизм 1996 —Индуизм, джайнизм, сикхизм: Словарь / Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль и А.М. Дубянского. М., 1996.

Калидаса 1956 —Калидаса. Облако-вестник // Избранное / Пер. П. Риттера М., 1956.

Карнапарва 1990 —Махабхарата. Восьмая книга: Книга о Карне (Карнапарва) / Пер. с санскр., предисл. и коммент. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1990.

Невелева 1988 —Невелева С.Л. О композиции «Араньякапарвы» в связи с архаическими обрядовыми представлениями // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.

Невелева 1991 —Невелева С.Л. Махабхарата: Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991.

Парибок 1989 —Парибок А.В. О практике мировоззренческого диалога в древней Индии II Вопросы Милинды: Милиндпаньха / Пер. с пали, предисл., исслед. и коммент. А.В. Парибка. М., 1989. С. 22—1.

Пименов 1998 —Пименов А.В. Возвращение к дхарме. М., 1998.

Пушкин 1974 —Пушкин А.С. Сочинения. М., 1974. Т. 3.

Пятигорский 1967 —Пятигорский А.М. Некоторые замечания об изучении индийских философских текстов и комментариев (опыт психологического исследования) // Семиотика и восточные языки. М., 1967.

Сабхаспарва 1962 —Махабхарата. Книга вторая: Сабхаспарва, или Книга о собрании / Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. М.; Л., 1962.

Семенцов 1972 —Семенцов В.С. К постановке вопроса о возрасте Бхагавадгиты И Классическая литература Востока. М., 1972.

Семенцов 1981 —Семенцов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы: Ритуальный символизм. М., 1981.

Семенцов 1985 —Семенцов В.С. Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике. М., 1985.

Топоров 1980 —Топоров В.Н. Бхага // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1980. Т. 1.

Удьяогаспарва 1976 —Махабхарата. Книга пятая: Удьяогаспарва, или Книга о старании / Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. Л., 1976.

Упанишады 1967 —Упанишады / Пер. с санскр., предисл. и коммент. А.Я. Сыркина. М., 1967.

Упанишады 1992 —Упанишады: В 3 кн. / Пер. с санскр., предисл. и коммент. А.Я. Сыркина. М., 1992.

Шохин 1994 —Шохин В.К. Брахманистская философия: Начальный и раннеклассический периоды. М., 1994.

Эсхил 1978 —Эсхил. Трагедии. М., 1978.

Юнг 1960 —Юнг Р. Ярче тысячи солнц: Повествование об ученых-атомщиках. М., 1960.

Agehananda 1989 —Agehananda B. Indology and Science: Towards a Hermeneutical Coalition. Calcutta, 1989.

Armstrong, Ravindra 1979 —Armstrong A.N., Ravindra R. Dimensions of the Self, Buddhi in the Bhagavadgita and Psyche in Plotinus // Religious studies. 1979. № 15. P. 327— 342.

Besant 1895 —The Bhagavad-Gita or the Lord's Song / Tr. by A. Besant. L., 1895.

Besant, Das 1905 —[Besant A., Das B.]. The Bhagavad-Gita. L. etc., 1905.

Bhagavat-Geeta 1787 —La Bhagavat-Geeta, ou Dialogues de Kreesna et d'Arjoon / Tr. du Sanscrit, la langue sacree des Brahmes, en Anglois par M.S. Wilkins, et de l'Anglois en Francois par Rev. M. Parraud. P., 1787.

Bhagavad-Gita 1861 —La Bhagavad-Gita ou le Chant du Bienheureux / Tr. par E. Burnouf. Nancy, 1861. (P., 1923).

Bhagavadgita 1882 —The Bhagavadgita with the Sanatasujatiya and the Anugita / Tr. By K.T. Telang. Oxford, 1882.

Bhagavad Gita 1922 —La Bhagavad Gita / Tr. du Sanskrit... par Emile Senart. P., 1922.

Bhagavad-Gita 1938 —Bhagavad-Gita / Tr. du Sanskrit par S. Levi et J.-T. Stickney. P., 1938.

Bhagavad Gita 1944a —The Bhagavad Gita: In 2 vol. / Tr. and interpr. by F. Edgerton. L.; Oxford, 1944.

Bhagavad Gita 1944b —The Bhagavad Gita / Tr. from the Sanskrit, with notes, comments and introd. by Swami Nikhilananda. N. Y., 1944.

Bhagavadgita 1948 —The Bhagavadgita / With an introd. essay, Sanskrit text, English tr. and notes by S. Radhakrishnan. L., 1948.

Bhagavad Gita 1966 —The Bhagavad Gita / An English tr. and comment, by W.D.R. Hill. 2^d ed. Madras; N. Y., 1966.

Bhagavad Gita 1968 —The Bhagavad Gita / Tr., introd. and critical essays by Eliot Deutsch. N. Y., 1968.

Bhagavad Gita 1969 —The Bhagavad Gita: With a commentary based on the original sources / Ed. R.Ch. Zaehner. Oxford, 1969.

Bhagavad Gita 1972a —The Bhagavad Gita / Tr. and interpr. by F. Edgerton. Cambridge (Mass.), 1972.

Bhagavad Gita 1972b —La Bhagavad Gita / Tr., introd. et comment, par A.-M. Esnoul et O. Lacombe. P., 1972.

Bhagavadgita 1975 —The Song of God: Bhagavadgita / Tr. from the Sanskrit by Prabhavananda and Ch. Isherwood. L., 1975.

Bhagavadgita 1980a —Bhagavadgita / Sanskriti keelest tolkinud Linnart Mall. Tallinn, 1980.

Bhagavadgita 1980b —Die Bhagavadgita / Hrsg. von K. Mylius. Leipzig, 1980.

Bhagavad Gita 1985 —Bhagavad Gita / Tr. and comment. R. Gotshalk. Delhi etc., 1985.

Bhagavadgita 1986 —Srimad Bhagavadgita / With Sanskrit text and English tr. ... by J. Goyandka. 4th ed. Gorakhpur, 1986.

Brassard 1999 —Brassard E. The concept of buddhi in the Bhagavadgita // Composing a tradition; concepts, techniques and relationships / Ed. by M. Brockington and P. Schreiner. Zagreb, 1999.

Buitenen 1981 —Buitenen J.A.B. van. The Bhagavadgita in the Mahabharata: Text and translation. Chicago; L., 1981.

Callewaert, Hemraj 1982 —Callewaert W.M., Hemraj S. Bhagavadgitanuvada: A Study in Transcultural Translation. Ranchi, 1982.

Carlson 1993 —Carlson M. A History of the Theosophical Movement in Russia, 1885— 1922. Princeton, 1993.

Chidbhavananda 1991 —Chidbhavananda, Swami. The Bhagavad Gita. Tirupparaiturai, 1991.

Dasgupta 1938 —Dasgupta S. A history of Indian philosophy: In 5 vol. 1922—1955. Cambridge, 1938. Vol. 2.

Dasgupta 1962 —Dasgupta S. Talstay, Gandhi, Ravindranath. Calcutta, 1962.

Deussen 1911 —Deussen P. Der Gesang des Heiligen: Eine philosophische Episode des Mahabharatam. Leipzig, 1911.

Deutsch, Siegel 1987 —Deutsch E., Siegel L. Bhagavadgita // The Encyclopedia of Religion. N. Y.; L., 1987.

Dimock 1978 —Dimock E.C., Jr. et al. The Literatures of India: An Introduction. Chicago; L., 1978.

Gandhi 1989 —Gandhi M.K. The Bhagavadgita. New Delhi; Bombay, 1989.

Garbe 1905 —Garbe R. Die Bhagavadgita. Leipzig, 1905.

Garbe 1921 —Garbe R. Die Bhagavadgita aus dem Sanskrit iibers mit einer Einl. iiber urspruenglichen Gestalt, ihre Lehren und ihr Alter. 2. Aufl. Leipzig, 1921.

Gupta, Ramachandran 1976 —Gupta S.P., Ramachandran K.S. Mahabharata: Myth and reality. Different views. Delhi, 1976.

Haas 1922 —Haas G.C.O. Recurrent and Parallel Passages in the Principal Upanishads and the Bhagavad-Gita // Journal of the American Oriental Society, 1922. Vol. 42 (repr. in: Hume R.E. The Thirteen Principal Upanishads. 2nd ed., Oxford, 1931).

Hauer 1934 —Hauer J.W. Eine Indo-Arische Metaphysik des Kampfes und der Tat: Die Bhagavadgita in neuer Sicht mit Uebersetzungen. Stuttgart, 1934.

Hubert 1949 —Hubert P. Histoire de la Bhagavad-Gita: ses diverses editions de 1785 a nos jours. P., 1949.

Jacob 1891 —Jacob G.A. A Concordance to the [56] Principal Upanishads and the Bhagavad-Gita. Bombay, 1891.

Jezic 1979 —Jezic M. The first Yoga-layer in the Bhagavadgita / Ed. by J.R. Sinha. Lucknow, 1979.

Jezic 1986 —Jezic M. Textual layers of the Bhagavadgita as traces of Indian cultural history / I Sanskrit and world culture: Proceedings of the 4-th World Sanskrit conference / Ed. by W. Morgenroth. Berlin, 1986.

Kamensky 1926 —Kamensky A. La Bhagavad Gita, son role dans le mouvement religieux de l'Inde et son unite. P., 1926.

Kapoor 1983 —Kapoor J.C. Bhagavad-Gita, an international bibliography of 1785 — 1979 imprints / With an introd. by George Hendrick. N. Y.; L., 1983.

Kirfel 1920 —Kirfel W. Die Kosmographie der Inder nach den Quellen dargestellt. Bonn; Leipzig, 1920.

Lamotte 1929 —Lamotte E. Notes sur la Bhagavadgita. P., 1929.

Laws of Manu 1991 —The Laws of Manu: With an Introduction and Notes / Tr. by Wendy Doniger with Brian K. Smith. L., 1991.

Mahabharata 1883—896 —The Mahabharata of Krishna-Dwaipayana Vyasa: In 12 vol. / Tr. into English prose... by P. Ch. Roy. Calcutta, 1883—896 (925).

Mahabharata 1897 —A prose English translation of the Mahabharata: In 18 vol. / Ed. and publ. by M.N. Dutt. Calcutta, 1897. Vol. 6: Bhishma parva.

Mani 1975 —Mani V. Puranic Encyclopedia. Delhi, 1975.

MIIB 1986 —Modern Indian Interpreters of the Bhagavadgita / Ed. by R.N. Minor. Albany, 1986.

Otto 1935 —Otto R. Die Urgestalt der Bhagavad Gita. Tübingen, 1935.

Otto 1939 —Otto R. The Original Gita: The Song of the Supreme Exalted One / Tr. into English by J.E. Turner. L., 1939.

Ranade 1934 —Ranade R.D. The Bhagavad-gita as a philosophy of God realisation. Allahabad, 1934.

Sachse 1988 —Sachse J. Ze studiow nad Bhagawadgita. Wroclaw, 1988.

Scheffelowitz 1983 — Scheffelowitz I. Die Mithra-Religion der Indoskythen und ihre Beziehung zum Saura und Mithras Kult // Acta Orientalia. 1983. № XI. S. 293—33.
 Sharma 1986 — Sharma A. The Hindu Gita: Ancient and classical interpretations of the Bhagavadgita. L., 1986.
 Sharpe 1985 — Sharpe E.J. The Universal Gita: Western Images of the Bhagavad Gita: A Bicentenary Survey. L.: La Salle, 1985.
 Singh 1984 — Singh R.D. Bhagavad Gita Reference Guide: Bhagavad Gita rendered in the languages of the world. Calcutta, 1984.
 Vassilkov 1999 — Vassilkov Y. Kalavada (the doctrine of Cyclical Time) in the Mahabharata and the concept of Heroic Didactics // Composing a tradition: concepts, techniques and relationships / Ed. by M. Brockington and P. Schreiner. Zagreb, 1999. P. 17—3.
 Viennot 1954 — Viennot O. Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. P., 1954.
 Winternitz 1977 — Winternitz M. A History of Indian Literature: In 3 vol. / Tr. from German and revised by the author. New Delhi, 1977. Vol. 1.

СПИСОК ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бхагавад-Гита, или Песнь Господня / Пер. с англ. и санскр. А. Каменской и И. Манциарли. М., 1990.
 Бхагавад-Гита: Песнь Господня / Под ред. В.В. Антонова. 2-е изд. М., 1991.
 Махабхарата. Рамаана // Библиотека всемирной литературы. М., 1974.
 Шри Шримад А.-Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Бхагавад-гита как она есть. М., 1984.
 Bhagavad-Gita, des Erhabenen Sang / Ubertragen und eingeleitet von Leopold von Schroder. Jena, 1912 (1955... 1980).
 Bhagavadgita: Das Lied der Gottheit / Übers. H. von Glasenapp. Stuttgart, 1955 (1974).
 La Bhagavad-gita, le Chant de Seigneur / Tr. du Sanskrit avec notes par Anna Kamensky. P., 1947 (1974).
 Richter E. Bhagavadgita, Gesang des Erleuchteten. Bremen; Oberneuland, 1965 (1968, 1974).

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

РВ — Ригведа
 С.Д.С. — С.Д. Серебряный
 ст. — строфа

СЛОВАРЬ ЭПИЧЕСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

АБХИМАНЬЮ — сын Арджуны и Субхадры, сестры Кришны.
 АГНИ — бог огня, божественный жрец, покровитель домашнего очага, свадебных и похоронных обрядов, посредник между людьми и богами; хранитель Юго-Востока.
 АДЖАМИДХА — царь Лунной династии, дед Куру; так же звучит имя Юдхиштхиры.
 АДITI — богиня, дочь Дакши (см.) и супруга (одна из жен) Кашьяпы, мать богов Адитьев.
 АДITI — группа богов, считающихся сыновьями Адити, в эпическом (индуистском) пантеоне насчитывает двенадцать членов (самые значительные из них — Варуна, Индра, Вивасван, Вишну). В единств. числе это имя употребляется только как одно из имен Вивасвана, бога солнца.
 АЙРАВАТА — главный из мифических «мировых слонов» (дигнагов), охраняющих страны света, слон Индры, хранитель Востока.
 АЙРАВАТА — мифический змей, один из главных в подземном царстве нагов.
 АЛАМБУСА — ракшас, брат Баки, сражающийся на стороне Кауравов.
 АМБА — старшая дочь царя Каши, избравшая супругом царя Шалью.
 АМБАРИША — царь Солнечной династии, сын Набхаги, прославленный своим благочестием.
 АНАНТА (БЕСКОНЕЧНЫЙ) — космический змей, обычно отождествляемый с Шешей (см.) как служащий ложем богу Вишну.
 АНГИРАС — божественный мудрец, жрец-песнопевец, считающийся обычно третьим сыном Брахмы; иногда отождествляется с Брихаспати как олицетворение планеты Юпитер.
 АНДЖАНА — слон бога Варуны, хранитель Запада (ср. выше — Айравата). В словарь не вошли имена второстепенных персонажей эпоса, чья роль и происхождение достаточно определенно явствуют из контекста или комментария; см. такие имена по указателю.
 АНИРУДХА — сын Прадьюмны, внук Кришны.
 АРДЖУНА — третий (младший) сын Панду и Кунти, считающийся сыном бога Индры.
 АРЬЯМАН — третий из Адитьев, сыновей Адити (см. выше Адити); считается главою питаров (предков).
 АСИТА — древний мудрец-провидец, отец Девалы (см.), ученик Вьясы, принимавший участие в змеином жертвоприношении царя Джанамеджай.
 АШВАТТХАМАН — сын Дроны, сражающийся на стороне Кауравов.
 АШВИНЫ (КОННИКИ) — божественные братья-близнецы, сыновья бога солнца, братья Ямы (см.); ассоциируются с утренними и вечерними сумерками. Входят в число тридцати трех богов канонического индуистского пантеона.
 БАЛА (ВАЛА) — демон пещеры, скрывший в ней похищенных коров (воды) и убитый Индрой; в эпосе считается братом Вритры (см.).
 БАЛИ — праведный царь демонов (дайтьев), овладевший тремя мирами Вселенной, но вынужденный богом Вишну (принявшим образ карлика) вернуть ее богам.
 БАХЛИКА — царь Балха (Бактрии), старший брат Шантану, сражающийся на стороне Кауравов.
 БРАХМА — бог-творец, прародитель всех живых существ, член верховной триады божеств индуистской религии.
 БРИХАСПАТИ — божественный мудрец (внук Брахмы), наставник богов, олицетворяющий планету Юпитер.
 БХАГИРАТХА — добродетельный царь Солнечной династии, подвижничеством низведший небесную реку Гангу на землю.
 БХАНУМАН — сын царя Калинги, сражающийся на стороне Кауравов.
 БХАРАТА — мифический царь Лунной династии, общий предок Дхритараштры и Панду. В ед. ч. — потомок этого царя.
 БХИМА, БХИМАСЕНА — второй по старшинству сын Панду и Кунти, считающийся сыном бога Ваю.
 БХИШМА — старший сын царя Шантану и богини Ганги, возглавивший войско Кауравов в первый день великой битвы на Курукшетре.
 БХОДЖА — Криваварман, царь, сражающийся на стороне Кауравов.
 БХРИГУ — божественный мудрец, считающийся сыном Брахмы, основатель рода Бхаргавов, к которому возводят происхождение таких мифических фигур, как Ушанас Кавья (см.) и Рама, сын Джамадагни (см.).
 ВАЙШАМПАЯНА — древний мудрец-сказитель, ученик Вьясы, со слов которого он пересказывает «Махабхарату» царю Джанамеджае во время великого жертвоприношения змее (см. «Адипарва», гл. 54).
 ВАМАНА — слон бога Куберы, хранитель Севера (ср. выше — Айравата).
 ВАРУНА — в эпическом пантеоне бог вод, супруг речных богинь, хранитель Запада; изначально возглавляет группу Адитьев.
 ВАСУ — группа из восьми божеств, персонифицирующих различные явления природы; считается, что ее возглавляет (но в нее не входит) Индра.
 ВАСУДАНА — царь страны Пансу (букв. Пустыни, области Бхаратаварши), сражающийся на стороне Кауравов.
 ВАСУКИ — мифический царь змеев, обитающих в подземном мире.
 ВАЮ — бог ветра, хранитель Северо-Запада; иногда выступает как колесничий Индры.
 ВИВАСВАН (АДИТЬЯ) — бог солнца (первоначально ограничивался от богов Адитьев, своих старших братьев), в послеедической мифологии отождествляется с Сурьей (см.).
 ВИВИНШАТИ — сын Дхритараштры.
 ВИДУРА — третий сын Вьясы, рожденный рабыней, сводный брат Дхритараштры и Панду, прославленный своей мудростью.
 ВИКАРНА — сын Дхритараштры, сторонник мирного разрешения распри с Пандавами.
 ВИПРАЧИТИ — царь демонов-данавов, воевавших с богом Индрой.
 ВИРАТА — царь Матсьи, на службе у которого братья Пандавы провели последний год изгнания (о чем рассказывает «Виратапарва», четвертая книга эпоса), их союзник в войне с Кауравами.
 ВИЧИТРАВИРЬЯ — сын царя Шантану и Сатьявати, дочери рыбака, бездетный наследник царства, согласно закону левирата (нийога), считающийся отцом Дхритараштры и Панду, продолжателей рода.
 ВИШВАКАРМАН — божественный зодчий и мастер, создатель всякого рода чудесных вещей.
 ВИШВАВАСУ — вождь (или один из вождей) гандхарвов.
 ВИШВЕДЕВЫ — второстепенная группа божеств, включающая десять членов.

ВИШНУ — наиболее значительное божество эпического пантеона, наряду с Брахмой и Шивой член верховной триады индуизма, в которой он воплощает функцию охранителя мироздания. Когда миру грозит опасность, ради его спасения Вишну нисходит на землю в различных образах; к самым значительным из его земных воплощений (аватар) принадлежит Кришна-Васудева, один из героев эпоса.

ВОЛЧЕБРЮХИЙ — Бхимасена.

ВРЕМЯ (КАЛА) — одна из ипостасей бога смерти Ямы, как и Смерть (Мритью); в эпосе выступает иногда как самостоятельный образ, превосходящий могуществом Яму; в «Песни Господа» (см. с. 75) отождествляется с Кришной (Вишну).

ВРИТРА — демон-асура, полонивший воды; в Ведах изображается как гигантский змей, воплощение сил хаоса; впоследствии образ антропоморфизуется. Убиение Вритры и освобождение вод — главный подвиг бога Индры.

ВРИШАКА — сын Субалы, царя Гандхары, брат Гандхари, жены Дхритараштры.

ВРИШНИ — сын Мадху из рода Ядавов, предок Кришны-Васудевы.

ВЬЮДХОРАСКА — сын Дхритараштры.

ВЬЯСА — великий мудрец, внебрачный сын Сатьявати, фактический отец Дхритараштры, Панду и Видуры (см. выше — Вичитравирья).

ГАДЖА — брат Шакуни (см.).

ГАНГА — богиня реки, дочь Химавана, царя гор, мать Бхишмы (см.).

ГАНДХАРИ — дочь Субалы, царя Гандхары, жена царя Дхритараштры, мать ста его сыновей.

ГАРУДА — сын Кашьяпы и Винаты (дочь Дакши, персонификация небосвода), царь солнечных птиц-супарн, непримиримый враг змеев-нагов, потомок Кадру (другой дочери Дакши).

ГАЯТРИ — богиня, олицетворение священного ведийского гимна-молитвы, почитается матерью Вед и «дваждырожденных» (в эпосе — брахманов).

ГОВАСАНА — царь шиби, тесть Юдхистхиры, отец его второй жены Девики.

ГХАТОТКАЧА — ракшас, сын Бхимасены и демоницы Хидимбы, сражающийся на стороне Пандавов.

ДАКША — древнее божество, в Ведах относимое к группе Адитьев, в поздневедийской литературе отождествлялся с Праджапати, богом-отцом и творцом вселенной; в индуистской мифологии считался сыном Брахмы, отцом пятидесяти дочерей, из которых тринадцать старших он отдал в жены божественному мудрецу Кашьяпе (своему племяннику, внуку Брахмы) — от них рождены были боги Адитьи, демоны — даитьи и данавы, наги, супарны и другие мифические существа.

ДАМАНА — сын царя Пауравы, сражающийся на стороне Кауравов.

ДАШАРХА — древний царь рода Яду (Ядавов), предок Кришны.

ДЕВАВРАТА — Бхишма.

ДЕВАКИ — мать Кришны.

ДЕВАЛА — сын Аситы, мудрец-провидец.

ДЖАМАДАГНИ — великий мудрец из рода Бхригу (Бхаргавов).

ДЖАНАКА — царь Видехи, прославленный своей мудростью.

ДЖАНАМЕДЖАЯ — правнук Арджуны, царь Лунного рода, которому Вайшампаяна (см.) повествует на великом жертвоприношении змей сказание о его предках и о великой битве.

ДЖАРАСАНДХА — могущественный царь Магадхи, завоеватель, подчинивший своей власти многих царей и вынудивший Кришну покинуть Матхуру и перенести столицу Ядавов в Двараку, город на море (об этих войнах рассказывается в «Сабхапарве», второй книге эпоса).

ДЖАЯ — сын Дхритараштры.

ДИТИ — дочь Дакши, прародительница демонов-даитьев.

ДРАУПАДИ (КРИШНА) — дочь Друпеды, супруга пятерых братьев Пандавов.

ДРОНА — сын мудреца-провидца Бхарадваджи, брахман-воитель, наставник сыновей Дхритараштры и Панду в военной науке; сражается на стороне Кауравов.

ДРУПАДА — царь панчалов, союзник Пандавов в войне с Кауравами.

ДУРЬОДХАНА — старший сын и наследник Дхритараштры, непримиримый враг Пандавов. Он же — Суйодхана.

ДУХШАСАНА — сын Дхритараштры, нанесший оскорбление Драупади после роковой игры в кости (о чем рассказывается в «Сабхапарве», гл. 60).

ДХАРМА — бог справедливости, воплощение священного Закона (дхармы, вероучения), рожденный (согласно текстам эпоса) из груди бога Ямы.

ДХАТАР — Основатель, Учредитель, божество, персонифицирующее соответствующие функции; иногда отождествляется с Брахмой.

ДХРИТАРАШТРА — слепорожденный старший сын Вьясы, по закону левирата (нийога) считающийся сыном Вичитравирьи (см.) и продолжателем рода Куру.

ДХРИШТАДЬЮМНА — сын царя Друпеды, возглавивший армию Пандавов в великой битве.

ЗЕМЛЯ (ДХАРА) — Опора, древняя богиня, одна из ипостасей Великой Богини-Матери.

ИКШВАКУ — сын Ману и внук Вивасвана, родоначальник Солнечной династии индийских царей.

ИНДРА — бог-громовержец, в мифологии эпоса — царь богов, возглавляющий их в войнах с демонами, властелин небесного царства, куда уходят павшие в битве герои, покровитель воинского сословия и царской власти на земле, ведающий атмосферными водами и своевременным выпадением дождей, хранитель Востока. Получивший власть над богами от Брахмы, он подчиняется верховной триаде индуистского пантеона. Имя может использоваться в нарицательном смысле.

ИРАВАН — сын Арджуны и Улупи, дочери царя нагов, сражающийся на стороне Пандавов.

КАНДАРПА (КАМА) — бог любви, в эпосе именуется сыном Дхармы.

КАПИЛА — святой мудрец, внук Брахмы и зять Ману; считался частичным воплощением Вишну (в число десяти канонических аватар не входил).

КАРАКАРША — брат Дхриштакету, царя Чеди, сражающийся на стороне Кауравов.

КАРНА — сын Кунти, рожденный ею до брака от Суры, бога солнца, покинутой ею и усыновленный возницей-сутой (о чем рассказывается в «Адипарве», гл. 104); единокровный брат Пандавов.

КАУРАВЫ (ПОТОМКИ КУРУ) — в эпосе это родовое имя (патроним) означает почти исключительно сыновей Дхритараштры или их сторонников (нередко употребляется как этноним, однозначный с куру; см. Словарь географических и этнических названий).

КАШЬЯПА — божественный мудрец, сын старшего сына Брахмы, породивший богов Адитьев, демонов, нагов и другие сверхъестественные существа; иногда отождествляется с самим богом-творцом (ср. Дакша).

КЕТУМАН — царь нишадхов (очевидно — потомок легендарного Наля, героя известной поэмы), сражающийся вместе с царем Калинги на стороне Кауравов.

КРИПА — брахман-воин, сын мудреца Шарадвана Гаутамы, шурин Дроны, вместе с которым обучал сыновей Дхритараштры и Панду военному искусству; сражается на стороне Кауравов.

КРИТАВАРМАН — царь из рода Ядавов (Сатвата), славящийся воинским искусством; сражается на стороне Кауравов.

КРИШНА (ВАСУДЕВА) — сын Васудевы, царя из рода Вришни, друг и союзник Арджуны, его колесничий; земное воплощение (аватара) бога Вишну.

КУБЕРА — бог богатства, властитель якшей и гухьяков, хранитель Севера.

КУНТИ (ПРИТХА) — царевна из рода Ядавов, сестра отца Кришны Васудевы, приемная дочь царя Кунтибходжи, супруга Панду, мать троих старших его сыновей.

КУНТИБХОДЖА — царь из рода Ядавов, племянник Шурасены (см.) и дядя (по отцу) Кришны, сражающийся на стороне Пандавов.

КУНТИБХОДЖИ СЫН — носящий то же имя боец стана Пандавов.

КУРУ — легендарный царь Лунного рода, предок Кауравов и потомок Пуру, наследовавшего отцу младшего сына царя Яяти (см.).

КШАТРАДЕВА — сын Шикхандина, сражающийся на стороне Пандавов.

КШАТРАДХАРМАН — сын Дхритараштры.

КШЕМАДХАНВАН — воин куру, славящийся искусством стрельбы из лука.

МАДРИ — дочь царя мадров, сестра Шальи (см.), младшая супруга Панду, мать близнецов Накулы и Сахадевы.

МАДХУ — демон, убитый Вишну-Нфишной.

МАДХУ — древний царь рода Ядавов, предок Кришны-Васудевы.

МАЙЯ — чудесный зодчий демонов (асуров), известный своей праведностью.

МАНДХАТАР — мифический царь Солнечного рода.

МАНУ —сын Вивасвана, прародитель человечества, спасшийся от потопа, основатель Лунной династии.
 МАРИЧИ —обычно —имя старшего из сыновей Брахмы, но в тексте <<Бхагавад-гиты>> означает, очевидно, некое воплощение мощи всей группы Марутов (см.).
 МЛРКАНДЕЯ —мудрец-отшельник из рода Бхригу, сказитель, в уста которого вложены многие повествования в эпосе и пуранах.
 МАРУТЫ —боги бури, олицетворение муссонных ветров, составляют в индуистском пантеоне группу божеств, численность которой определяется различно, но имя Маричи никто из ее членов не носит.
 МАХАПАДМА —один из мифических слонов, поддерживающих землю; здесь: имя слона в отряде Гхатоткачи (см.).
 МУЧУКУНДА —сын Мандхатара (см.), прославленный своим благочестием, соратник богов в их войнах с демонами.
 НАБХАГА —царь Солнечного рода, брат Икшваку (см.), отец Амбариши (см.), прославленный своей щедростью к брахманам.
 НАКУЛА —один из младших Пандавов, сыновей Мадри (см.), брат-близнец Сахадевы (см.).
 НАМУЧИ —демон-асура, враг Индры, им убитый.
 НАРА —святая мудрец-провидец, вместе с Нараяной —парное воплощение Вишну; новым рождением обоих почитаются Арджуна с Кришной.
 НАРАЯНА —древнее божество, отождествляемое с Вишну; в эпосе выступает также как мудрец-провидец, в паре с Нарой противостоящий демонам.
 НАХУША —древний царь Лунной династии, некогда заменявший Индру как властитель небесного царства.
 НИЛА —царь династии Хайхая, восходящей к Яду (см.).
 НРИГА —древний царь Солнечной династии, праправнук Ману.
 ПАНДАВЫ (СЫНОВЬЯ ПАНДУ) —двоюродные братья Кауравов (см.), оспаривающие у них власть над царством.
 ПАНДУ —царь, второй сын Вьясы, наследник Вичитравирьи, младший брат Дхритараштры (см.).
 ПАРДЖАНЬЯ —древнее божество дождя, иногда отождествляемое с Индрой.
 ПАУРАВА —царь горной страны на севере, славившийся своей мудростью.
 ПРАБХАСА (СИЯНИЕ) —божество, входящее в группу Васу (см.).
 ПРАДЬЮМНА —сын Кришны.
 ПРАТИВИНДХЬЯ —сын Юдхиштхиры и Драупади.
 ПРАХЛАДА —добродетельный сын злого царя демонов-дайтьев, преданный почитатель Вишну.
 ПРИТХУ —благотворительный царь Солнечной династии, открывший людям спасительные дары земли, избавляющие от голода.
 ПРИЩАТА —царь панчалов, отец Друпиды (см.).
 ПУРУДЖИТ —сын (или брат?) Кунтибходжи младшего (см.), названный брат Кунти.
 РАМА, СЫН ДАШАРАТХИ —царь Солнечной династии, великий герой, победитель Словарь эпических и мифологических имен 437
 царя ракшасов Раваны, по канонической версии —седьмое воплощение (аватара) Вишну на земле.
 РАМА, СЫН ДЖАМАДАГНИ —герой из рода Бхригу; мстя за убийство отца, истребил порочных кшатриев на земле; считается шестой аватарой Вишну.
 РАХУ —демон солнечных и лунных затмений.
 РИШАБХА —древний мудрец Лунного рода, сын Илы, дочери Ману.
 РУДРЫ —группа из одиннадцати божеств индуистского пантеона, представляющих собой различные ипостаси бога Шивы.
 САВИТАР —божество, олицетворяющее животворящую силу солнца, в индуистском пантеоне входит в группу Адитьев.
 САНДЖАЯ —колесничий царя Дхритараштры, повествующий ему о великой битве на Курукшетре, которую видит из Хастинапура благодаря чудесному дару, полученному от Вьясы.
 САМЬЯМАНИ —сын воина по имени Самьямана (он же —Сомадатта), сражающийся вместе со своим сыном, имя которого остается в эпосе неизвестным, на стороне Кауравов.
 САНКРАШАНА (БАЛАДЕВА) —старший (сводный) брат Кришны, единственный из великих героев, отказавшийся от участия в битве Кауравов и Пандавов.
 САРАВАТИ —богиня мудрости и красноречия, супруга Брахмы.
 САТВАТА —древний царь рода Ядавов, чье имя принимают как родовое (патроним) такие его потомки, как Кришнаварама (см.) и Сатьяки (см.).
 САТЬЯ —воин армии калингов, сподвижник царя Шрутаюса.
 САТЬЯВРАТА —сын Дхритараштры.
 САТЬЯДЕВА —воин армии калингов, сподвижник царя Шрутаюса.
 САТЬЯДХРИТИ (САУЧИТИ) —воин стана Пандавов, прославленный своим воинским искусством.
 САТЬЯКИ (СЫН САТЬЯКИ, ОН ЖЕ ЮЮДХАНА) —герой рода Вришни, колесничий Кришны, принявший с ним сторону Пандавов.
 САХАДЕВА —один из младших Пандавов, сыновей Мадри (см.), брат-близнец Накулы (см.).
 СКАНДА —бог войны, предводитель воинства богов, сын Шивы.
 СМЕРТЬ (МРИТЬЮ) —одна из ипостасей бога смерти Ямы (ср. Время).
 СОМА —бог луны, супруг 28 дочерей Дакши, олицетворенный созвездий лунного зодиака (накшатр); хранитель Северо-Востока.
 СОМАДАТТА —царь рода Куру, сын Бахлики, сражающийся на стороне Кауравов.
 СОМАКИ —родовое имя династии, правящей в Панчале (образованное по имени предка-родоначальника).
 СУЙОДХАНА —именование Дурьодханы.
 СУМИТРА —царь Саувиры, сторонник Кауравов.
 СУМУКХА —мифический орел, сын Гаруды (см.).
 СУПРАТИКА —мифический слон, один из родоначальников слоновьего племени, слонхранитель Северо-Востока.
 СУРЬЯ (СОЛНЦЕ) —бог солнца, иногда отождествляющийся с Вивасваном (см.); хранитель Юго-Запада.
 СУТАСОМА —сын Бхимасены и Драупади.
 СУЧАРУ —сын Дхритараштры.
 СУЧИТРА —сын Дхритараштры.
 СУШАРМАН —царь тригартов, владетель великолепного дворца Прастхала, давний враг царя матсьев Вираты (см.) и союзник Кауравов.
 ТАКШАКА —гигантский змей, царь нагов, погубивший царя Парикшита, сына Абхиманью и отца Джанамеджайи (см.).
 ТАРАКА —демон, вождь и полководец асуров, побежденный Скандой (см.).
 ТАРАКА (ТАРА) —супруга наставника богов Брихаспати.
 ТВАШТАР —древнее божество, в индуистском пантеоне причисляемое к группе Адитьев; по функциям совпадает с Вишвакарманом (см.).
 ТУМБУРУ —гандхарва, покровительствующий Пандавам, славившийся как лучший из музыкантов среди гандхарвов.
 УГРАШАВАС —наследственный сказитель (сын суты), излагающий содержание <<Махабхараты>> со слов Вайшампаяны (см.).
 УЛУКА —сын Шакуни, сподвижник Дурьодханы.
 УМА —великая богиня, дочь царя гор, супруга Шивы.
 УТТАМАУДЖАС —царевич Панчалы, сподвижник Арджуны.
 УЧЧАЙХШПРАВАС —конь Индры, рожденный из Молочного океана.
 УШАНАС КАВЬЯ —мифический мудрец, сын Бхригу, наставник демонов-асуров.
 ХАХА —гандхарва, слуга Куберы.
 ХУХУ —гандхарва, слуга Индры.
 ЧЕКИТАНА —герой рода Ядавов, предводитель одной из семи акшаухини армии Пандавов.
 ЧИТРАКЕТУ —военачальник панчалов.
 ЧИТРАСЕНА —сын Дхритараштры.
 ШАКУНИ —царь Гандхары, брат Гандхари (см.), искусный игрок в кости.
 ШАЛЬЯ —царь мадров, брат Мадри, сражающийся на стороне Кауравов.
 ШАМБАРА —демон-данава, побежденный Индрой. Словарь эпических и мифологических имен 439
 ШАНДИЛИ —богиня, дочь Дакши, одна из жен Дхармы, бога справедливости.
 ШАТАНИКА —сын Накулы и Драупади.
 ШАТАНИКА —брат царя Вираты, предводитель его войска.
 ШАТАЮДХА —воин, сподвижник Шрутаюса, царя калингов (см.).
 ШАТАЮС —воин, сподвижник Шрутаюса, царя калингов (см.).
 ШАТРУНДЖАЯ —сын Дхритараштры.

ШЕША —космический тысячглавый змей, поддерживающий землю; распростертый на водах мирового океана, служит ложем для пребывающего в состоянии покоя Вишну (см. Ананта).
 ШИБИ —древний царь-мудрец, прославленный своим благочестием и готовностью к самопожертвованию.
 ШИВА —одно из главных божеств индуизма, главный объект культа в шиваизме, одной из основных ветвей этой религии (наряду с вишнуизмом); член верховной триады, в которой он воплощает преимущественно функцию разрушения.
 ШИКХАНДИН —младший сын царя Друпаты, по рождению —дева, из-за чего Бхишма отказывается с ним сражаться.
 ШИНИ —царь племени Ядавов, дед Сатьяки (см.), давший начало одноименному роду.
 ШРЕНИМАН —царь-мудрец, властитель страны Кумарадеш (предположительно область Кайра на северо-востоке штата Мадхья-Прадеш).
 ШРУТАКАРМАН —сын Сахадевы и Драупади.
 ШРУТАКИРТИ —сын Арджуны и Драупади.
 ШРУТАЮС КАЛИНГСКИЙ (ШРУТАЮДХА) —сын бога Варуны и речной богини Парнаши, царь Калинги, предводитель одной из одиннадцати аक्षाуhini армии Кауравов.
 ШУРАСЕНА —(ШУРА) царь Матхуры, отец Кунти, отданной им удочерившему ее Кунтибходже (см.), и Васудевы, отца Кришны.
 ЮДХАМАНЬЮ —царевич Панчалы, брат Уттамауджаса (см.), сподвижник Арджуны.
 ЮДХИШТХИРА —старший из братьев Пандавов, почитающийся сыном бога Дхармы.
 ЮЮТСУ КАУРАВЬЯ —сын царя Дхритараштры и женщины-вайшьи, перешедший на сторону Пандавов.
 ЯДАВЫ (ПОТОМКИ ЯДУ) —ответвление Лунного рода, цари и герои ведущие происхождение от Яду, старшего сына Яти (см.); его потомками были Мадху, Вришни, Сатвата, также давшие имена этому роду предки Кришны-Васудевы.
 ЯМА —бог смерти и повелитель загробного мира, хранитель Юга.
 ЯТИ —древний царь, сын Нахуши (см.) и правнук Пурураваса, родоначальник Лунной династии царей Бхаратаварши (Индии).

СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

АБХИРЫ —скотоводческое племя, занимавшее одноименную территорию на юго-востоке совр. Гуджарата.
 АБХИСАРЫ —одно из племен Пенджаба, локализующееся в районе совр. Пешавара либо в междуречье Джелама и Чинаба.
 АБХИШАХИ —одно из племен Пенджаба; точно не локализуется.
 АВАНТИ —страна в южной части плато Мальва, занимающая долину реки Нармада и западные склоны гор Виндхья.
 АМБАШТХИ —жители Амбаштхи, страны, занимавшей северную область Синда и часть Восточного Пенджаба до совр. Лахора.
 АНАРТА-НАРРИТЫ —племена, занимавшие одноименную территорию полуострова Катхиавар и прилегающие с востока области Гуджарата и Мальвы.
 АНГА, АНГИ —народ и страна, занимавшая территорию совр. Бихара южнее Ганга.
 АНДХАКИ —племя, входившее в состав племенного союза Ядавов.
 АНДХРЫ —дравидийское племя, занимавшее часть одноименной территории совр. штата Андхра —между реками Годавари и Кришна.
 АРАТТЫ —жители Аратты (древнее название Пенджаба).
 АСИКНИ —древнее название реки Чинаб в Пенджабе.
 АШМАКИ —племя, которое локализируют на территории совр. Восточного Афганистана; есть сведения о переселении части племени на юг Индии.
 БАХЛИКИ —народ одноименной страны, граничившей (с запада?) с территорией мадров {см.}; предположительно бахлики —иранское племя, переселенцы из Бактрии.
 БИНДУСАРАС —озеро в верховьях Ганга, место паломничества (см. комментарий). В словарь включены реалии, достаточно определенно поддающиеся идентификации; те реалии, которые идентифицировать не представляется возможным, см. по указателю и в комментариях.
 БХАРАТАВАРША —древнее название Индии.
 БХАРАТЫ —наиболее значительное из древних арийских племен, упоминаемое уже в «Ригведе», обитавшее, по-видимому, первоначально на территории между реками Сатледж и Тринаб; позднее, в эпосе, приобретает более широкое значение —жители Бхаратаварши.
 БХАРГАВЫ (ПОТОМКИ БХРИГУ) —в космографическом тексте «Бхишмапарвы» — название некоего племени, место обитания которого не установлено.
 БХОДЖИ —народ одноименной страны, местоположение которой остается неопределенным (по-видимому, в Центральной или Западной Индии); бходжи почитались одним из ответвлений рода Ядавов (потомков Яду).
 ВАЙТАРАНИ —река, отделяющая юг Деканского полуострова от его центральной части; также название мифической адской реки, отделяющей мир живых от подземного царства бога смерти.
 ВАНАЮ —страна, расположенная предположительно западнее Индии; более определенно не локализуется.
 ВАНГИ —народ страны, занимавшей одноименную территорию в Восточной Бенгалии (совр. Бангладеш).
 ВАРВАРЫ (МЛЕЧЧХИ) —название, объединяющее племена и народы, пребывающие за пределами брахманской культуры, противопоставляемые ариям, ее носителям.
 ВАСАТИ —предположительно неарийская народность (не поддающаяся определенной локализации).
 ВАТАДХАНЫ —одно из племен Пенджаба, одноименная область обитания которого —совр. Бхатнайн.
 ВАТСЫ —народность, занимавшая территорию на юге совр. штата Уттар Прадеш, западнее слияния Ганга с Джамной.
 ВЕННА —река, предположительно отождествляемая с совр. Венгангой, левым притоком Годавари.
 ВЕТРАВАТИ —река, обычно отождествляемая с совр. Бетвой, берущей начало в горах Виндхья (близ Бхопала) и впадающей в Джамну ниже Хамирпура.
 ВИДАРБХИ —народность, занимавшая одноименную территорию на юге совр. Штата Мадхья Прадеш (совр. Берар). Под Видарбхами Прибрежными подразумевается, вероятно, территория по течению реки Нармады.
 ВИДЕХИ —индоарийское племя, одноименная страна обитания которого занимала территорию между Гангом и Гималаями, ограниченную реками Гандак на западе и Коси на востоке, со столицей в городе Митхиле.
 ВИДИША —река, на которой расположен одноименный город, совр. Бетва.
 ВИНДХЬЯ —горный хребет, отделяющий Северную Индию от Деканского полу-острова.
 ВИПАША —одна из рек Пятиречья, совр. Биас.
 ВИТАСТА —одна из рек Пятиречья, совр. Джелам.
 ВРИШНИ, ВРИШНИЦЫ —то же, что ядавы, яду, одно из племен Западной Индии, возводивших свое происхождение к мифическому праотцу Яду (см.).
 ГАНГА —Ганг, великая река Северной Индии.
 ГАНДХАМАДАНА —горный хребет в Гималаях (округ Гархвал, север штата Уттар Прадеш), в древности отождествлявшийся с мифической горой, местопребыванием небожителей.
 ГАНДХАРА —страна гандхаров, занимавшая территорию у впадения в Инд реки Кабул (север совр. Восточного Пенджаба) и земли вдоль границы совр. Пакистана и Афганистана со столицей в г. Пурушапуре (совр. Пешавар).
 ГОДАВАРИ —река, берущая начало в горах Западные Гаты на северо-западе Деканского полуострова и впадающая в Бенгальский залив южнее совр. Города Какинада (штат Андхра).
 ГОМАТИ (совр. ГОМТИ) —левый приток Ганга, впадающий в него ниже г. Варанаси на территории штата Уттар Прадеш.
 ГОПАЛЫ (ПАСТУХИ) —условное обозначение племен Западной Индии, образующих войско Кришны (Пастуха), которое, в отличие от не-до самого, сражается на стороне Кауравов.
 ГОРА ЗАКАТА (АСТА) —мифическая гора, за которую, по поверьям, заходит солнце.
 ГУННЫ —народ, происходящий из Центральной Азии, принадлежащий группе тюркско-монгольских народов, в I в. н. э. мигрировавший в основном на запад; часть их отклонилась к югу и в IV— вв. вторглась в Северо-Западную Индию.
 ДАРАДЫ —народ, обитавший на крайнем севере Индии, в районе совр. Гильгита (Дардистан).
 ДАРВИКИ, ДАРВЫ —по-видимому, родственные пенджабские племена, одноименные территории обитания которых —области между реками Джелам и Чинаб.
 ДАШАРНЫ —народ, страна обитания которого с тем же названием занимала территорию между рекою Джамна и горами Виндхья (от Восточной Мальвы до западных областей Бихара, включая территорию Патны).
 ДАШЕРАКИ —племя, обитавшее на территории совр. Мальвы.
 ДЕВИКА —совр. река Диг, приток Рави (в Восточном Пенджабе).

ДРАВИДЫ — здесь, видимо, название одного из дравидийских племен Южной Индии и места его обитания.

ДРИШАДВАТИ — приток реки Сарасвати, упоминаемый еще в «Ригведе»»; идентифицируется предположительно с совр. рекой Читанг южнее Курукшетры.

ИНД — великая река на территории совр. Пакистана.

ИНДРАПРАСТХА — город, основанный, согласно эпосу, Пандавами на месте совр. Дели.

ИРАВАТИ — совр. река Рави, одна из рек Пятиречья, сливающаяся с Чинабом у г. Ахмадпура в Пакистане.

КАВЕРИ — река в Южной Индии, протекающая восточнее Западных Гат.

КАЙЛАСА (ХЕМАКУТА) — горный хребет в Гималаях в районе совр. Камаона; в древности отождествлялся с мифической горой, местопребыванием бога Шивы.

КАЛИНГА — страна обитания неарийской народности калингов, занимавшая территорию побережья Бенгальского залива южнее совр. Ориссы, между реками Маханади на севере и Годавари на юге.

КАМБОДЖА — страна обитания народности Камбоджей (предположительно иранского происхождения); локализуется на юго-востоке совр. Афганистана (западнее Гандхары, район совр. Кандагара).

КАПИЛА — название реки Нармады в верхнем течении.

КАРУШИ — население страны Каруша, расположенной на северо-востоке совр. штата Мадхья Прадеш, граничившей с Чеди на западе и Магадхой на востоке (район совр. города Рива).

КАУШИКИ — река, отождествляемая с совр. рекой Коси, левым притоком Ганга, впадающим в него ниже Бхагалпура (по данным древней географии — приток Брахмапутры).

КАШИ — древнее название Бенареса (Варанаси) и царства с центром в этом городе, граничившего на юге с Магадхой; кашийцы — его население.

КАШИ-КОШАЛЫ — здесь, по-видимому, название страны, охватывавшей территории Каши (см.) и Кошалы (Косалы), и народов, ее населяющих.

КАШМИРЫ — страна обитания кашмиров, занимавшая территорию совр. Штата Джамму и Кашмир между верхним течением Инда и горным хребтом ПирПан джал.

КЕКАЯ — страна Кекаев, рода, жившего на территории междуречья Биаса и Сатледжа в Пенджабе.

КЕРАЛА — страна кералов, дравидийской народности, издревле населявшей Малабарский берег Южной Индии (совр. штат Керала).

КИРАТЫ — страна киратов; под этим названием известны были отсталые охотничьи племена (предположительно монголоиды), жившие в предгорьях Гималаев на всем протяжении от Кашмира на северо-западе до Ассама и Трипуры на востоке.

КИТАВЫ — возможно, то же, что гандхары, или родственное им племя в Гандхаре (ел*.).

КОНКАНЫ — страна конканов, занимавшая, очевидно, территорию исторической области Конкан на западе Деканского полуострова (совр. Гоа и прилегающие районы штатов Карнатак и Керала).

КОСАЛА (КОШАЛА) — страна косалов, занимавшая территорию на востоке совр. штата Уттар Прадеш (район совр. города Лакхнау), граничившая на юге с царством Каши (см.).

КРАУНЧА — мифическая гора, с которой отождествляют либо южное ответвление горы Кайласа (см.), либо сохранившую это название гору в Восточных Гималаях, на севере Ассама.

КРАУНЧА, МАХАКРАУНЧА — гора, помещаемая в эпосе и пуранах на фантастическом материке Краунчадвипа.

КРИШНАВЕНА — река, отождествляемая предположительно с совр. Кришной (Кистой).

КУКУРЫ — племя, родственное вришни (см.).

КУЛИНДЫ — страна кулиндов, совр. Гарвал (верховья Ганга); Кулинды Предгорья — возможно, территория западнее, район совр. Шахаранпура севернее Дели.

КУНТАЛЫ — страна кунталов, занимавшая территорию юго-запада совр. Хайдарабада до побережья Аравийского моря.

КУНТИ — страна обитания одноименного племени, территория совр. Мальвы.

КУРУ — народность или союз племен, сложившийся к началу 1*го тыс. до н.э. вокруг племени бхаратов (см.), мигрировавшего к этому времени из Пенджаба к верховьям Ямуны (совр. Джамны) и Ганга, в область, получившую название Курукшетра (см.). В эпосе происхождение куру (как и бхаратов и многих других этносов) возводится к легендарному одноименному первопредку. Иногда в значении этого этнонима употребляется и родовое имя Кауравы (потомки Куру).

КУРУКШЕТРА (ПОЛЕ КУРУ) — историческая область к северу от совр. Дели, страна куру, приблизительно совпадающая с территорией совр. штата Харьяна; место описываемой в эпосе великой битвы.

КУРУ-ПАНЧАЛЫ — страна обитания одноименных народностей (см.).

КХАНДАВА — лес, локализуемый обычно в районе совр. городов Мератх и Музаффарнагар, восточнее Курукшетры (см.).

КХАШИКИ — страна обитания одноименного племени (кхашы, кхасы) неарийского происхождения, в горах к югу от Кашмира, в верхнем Пенджабе.

КШУДРАКИ — воинственное племя Пенджаба, занимавшее территорию между реками Рави и Сатледж; обычно упоминаются вместе с малавами (см.).

ЛЕСОВИКИ (КАНАНЫ), ЛЕСНЫЕ ШАБАРЫ — очевидно, некие неарийские племена джунглей Центральной Индии, относимые традиционно к варварам (млеччхам).

ЛУННОЕ ОЗЕРО — возможно, Гангахрада, место паломничества в Тханесаре на территории Курукшетры.

МАГАДХА — страна магадхов (магадхийцев), занимавшая юг совр. штата Бихар (с центром в гор. Раджагриха, совр. Раджгир). В середине 1-го тыс. до н.э. на ее территории сложилось могущественное государство, послужившее центром первого объединения Индии под властью империи Маурья.

МАДРЫ — страна мадров, одного из наиболее могущественных племен Пенджаба; занимала территорию между реками Рави и Чинаб с центром в гор. Шакала (совр. Сялкот).

МАЙНАКА — гора, отождествляемая обычно с горой Ганготри в Гималаях (к северу от Кайласы), где берет начало река Ганг.

МАЛАВЫ (МАЛЛЫ) — племя, занимавшее территорию между реками Чинаб и Рави в Пенджабе.

МАЛАДЫ — страна маладов, расположенная в районе совр. Шахабада в Бихаре.

МАЛАЙЯ — горный массив, включающий южную часть Западных Гхатов вместе с Кардамоновыми горами на крайнем юге Индии.

МАЛЛЫ — страна маллов или малавов (см. малавы).

МАНАСА — священное озеро в Гималаях у восточных отрогов горного хребта Ладакх, совр. Манасаровар в Западном Тибете.

МАНДАКИНИ — левый приток Ганга, берущий начало в долине Кедарнатх в Гималаях.

МАНДАРА — мифическая гора, в «Махабхарате» помещаемая в Гималаях; отождествляется с горой Мандарагири в Южном Бихаре.

МАРУБХАУМЫ — предположительно район совр. Мервара либо территория пустынь Восточного Раджастана и обитавшие там племена.

МАТСЬИ — страна матсьев, занимавшая территорию к югу от Курукшетры, на северо-востоке совр. Раджастана с центром в гор. Виратанагара (совр. Байрат).

МАХЕНДРА — северо-восточная часть горного массива на территории от Ориссы до Мадур, включая Восточные Гаты (разделяемая здесь, по-видимому, на западную и восточную горные области).

МАХИШАКИ — предположительно южная часть совр. штата Карнатака (Майсур) или страна на реке Нармада с центром в гор. Махишмати (совр. Мандхата).

МЕКАЛЫ — страна мекалов, расположенная у истоков реки Нармада, в районе горного хребта Майкал в Центральной Индии.

МЕРУ — мифическая гора в центре Вселенной, отождествлялась с горным хребтом Рудра-Гималай в Гархвале.

НАГИ — неарийское племя, обитавшее в горах на северо-востоке Индии (территория совр. штата Нагаленд).

НАЛИНИ — мифическая река (Ганга, протекающая в небесах).

НАНДАНА — мифическая роща в небесном царстве Индры.

НАРМАДА (РЕВА) — река, берущая начало в восточных отрогах горного хребта Майкал и впадающая в Камбейский залив на юге совр. штата Гуджарат; означает границу между Северной Индией и Деканским полуостровом.

НИЛА — гора, местоположение которой остается неопределенным; возможно, одна из вершин в верховьях Ганга, близ Хардвара.

НИШАДХА, НИШАДХИ — страна и ее народ, обитавший в горах Виндхья (более определенно не локализуется).

НИШАДЫ — общее наименование аборигенных племен Северной Индии, остававшихся за пределами арийской культуры (дравидийских и мунда).

ПАЙОШНИ —река, берущая начало в горах Виндхья; возможно, также название реки Сарасвати {см.} в ее верхнем течении.

ПАЛЛАВЫ —здесь, очевидно, дравидийские племена, населявшие царство династии Паллаво, в III—I вв. охватывавшего территории юга совр. Штатов Андхра и Карнатака и север Тамилнада.

ПАНДЬИ —дравидийское племя, обитавшее на крайнем юге Деканского полуострова, предки совр. тамилов.

ПАНЧАЛА —страна панчалов, расположенная к западу и юго-западу от страны куру, между Гималаями и верхним течением Ганга.

ПАРАСИКИ —страна парасиков (персов), видимо, граничащие с Индией восточные области Ирана (см. также Пахлавы).

ПАРВАТИ —горная страна на юге, местоположение которой не установлено.

ПАРИЯТРА —западная часть горного хребта Виндхья (от истоков реки Чамбал).

ПАУРАВЫ —жители горной страны на севере или северо-востоке Индии.

ПАХЛАВЫ —страна пахлавов (пехлевийцев), т. е. парфян.

ПИШАЧИ —здесь, очевидно, название народности, остававшейся на периферии арийской культуры, предположительно населявшей какие-то области между Магадхой и Калингой (см.).

ПРАБХАДРАКИ —предположительно племя, родственное панчалам.

ПРАВАРА —левый приток Годавари в среднем ее течении.

ПРАЯГИ —по-видимому, жители области города Праяги (совр. Аллахабада), почитающейся священной земли у слияния Ганга с Ямуной (Джамной).

ПУЛИНДЫ —область обитания неарийского племени пулиндов (запад совр. Бунделькханда и район Сагара в штате Мадхья Прадеш).

ПУНДРЫ —страна обитания пундр, неарийского племени, расположенная в нижнем течении Ганга, на территории совр. Западной Бенгалии и Южного Бихара (о другой стране того же названия сведений нет).

ПЯТИРЕЧЬЕ (ПАНЧАНАДА) —Пенджаб, т.е. междуречье пяти притоков Инда: Джелама, Чинаба, Рави, Биаса и Сатледжа; в узком смысле страна, орошаемая Панчанадой (совр. Панджнад), потоком, несущим соединенные воды этих пяти рек от места слияния их до впадения в Инд.

РАДЖАПУР —здесь, очевидно, столица Камбоджи (см.).

РАИВАТА(КА) —гора (совр. Гирнар близ Джуннагара).

САМАНТАПАНЧАКА —область Курукшстры или название места паломничества (тиртха) на ее территории (близ совр. города Панипат), посвященного Раме, сыну Джамадагни (шестой аватаре Вишну).

САРАСВАТИ —священная река ариев, протекавшая от Гималаев параллельно Сатледжу и Инду и впадавшая в Аравийское море; с течением времени частично пересохла и изменила течение (от нее осталась сейчас река Гхаггар, ограничивающая с севера Курукшстру).

САРАЮ —река, левый приток Ганга (совр. Гхагхра).

САТВАТЫ —то же, что ядавы или племя, входящее в племенной союз ядавов.

САУВИРЫ —страна обитания неарийского племени саувилов, занимавшая территорию левобережья Инда от впадения в него Панджнада до района совр. пакистанского Хайдарабада.

САХЬЯ —часть Западных Гхат к северу от реки Кавери.

СЕВЕРНЫЕ КУРУ (УТТАРАКУРУ) —мифическая страна, лежащая за Гималаями (по-видимому, на западе Тибета).

СИНДХУ —индийское название реки Инд; также страна, расположенная в нижнем течении Инда, совр. Синд (юго-восток Пакистана).

СИНДХУ-ПУЛИНДАКИ —по-видимому, страна, охватывавшая территорию пулиндов (см.) и смежную территорию, прилегающую к реке, носившей название Синдху (правый приток Джамны, совр. Синдх).

СИНДХУ-САУВИРЫ —страна, охватывающая территорию обитания обоих народов, синдху (сайндхавов, также неарийского племени, занимавшего правобережье нижнего Инда) и саувилов.

СИТА —один из мифических рукавов реки Ганги, протекающей на небесах; также название одной из рек фантастического материка Шакадвипы.

СРИНДЖАИ —племя, упоминаемое обычно вместе с панчалами.

СУРАШТРА —страна, занимавшая территорию полуострова Катхиявар и прилегающие области от низовий Инда до устья Нармады.

ТАМАСА —левый приток Ганга, впадающий в него ниже слияния Ганга с Джамной.

ТАНГАНЬИ —страна танганов, занимавшая крайний север совр. штата Уттар Прадеш.

ТИТИРЫ —племя, обитавшее, по-видимому, южнее Курукшстры.

ТОХАРЫ —народность, обитавшая ко времени сложения эпоса на территории Бактрии (Балха).

ТРИГАРТЫ —страна тригартов, расположенная в верхнем Пенджабе, в бассейне рек Биас, Сатледж и Рави.

ТРИПУРЦЫ —жители Трипуры, отождествляемой с совр. г. Теор на реке Нармада (близ Джабалпура).

ТУНГАВЕНА —река Тунга, протекающая на территории совр. штата Карнатака, правый приток реки Кришны.

УПАПЛАВЬЯ —совр. г. Байрат, приблизительно в 200 км южнее Дели.

УТКАЛЫ —племя Центральной Индии, соседствовавшее с мекалами и калингами.

ХАРИВАРША —мифическая страна, иногда отождествляемая с Северными Куру (см.).

ХИРАНВАТИ —название нескольких рек, одна из которых протекает на Курукшстре.

ХИМАВАН —Гималаи.

ХУНДЫ —племя, обитавшее, по-видимому, на территории, смежной с Пундрами (см.).

ЧАНДРАБХАГА —совр. река Чинаб.

ЧАРМАНВАТИ —совр. река Чамбал в Раджастане.

Чади —страна чеди (чедийцев, арийской народности), расположенная к югу от Двуречья (Ганга и Джамны), северная часть совр. штата* Виндхья-Прадеш.

ЧЕРНАЯ ВЕЯНА (КРИШНАВЕННА) —возможно, то же, что Кришнавена (см.) либо река Венганга (см. Венна).

ЧИНЫ —китайцы.

ЧОЛЫ —страна чолов, дравидийской народности, занимавшая юг Коромандельского побережья.

ШАБАРЫ —неарийское племя, обитавшее в горах Декана, название которого употреблялось позднее в значении варваров вообще.

ШАКАДВИПА —фантастический материк за пределами Индии (Джабудвипы), в описаниях которого отразились сведения о соседнем Иране или Сеистане.

ШАКИ —среднеазиатские скифы-саки.

ШАЛЬВЫ —страна шальвов, племени, обитавшего на западе совр. Раджастана.

ШАТАДРУ —совр. Сатледж, одна из главных рек Пятиречья (см.).

ШВЕТА —горный массив Гималаев в Восточном Тибете (совр. Шветагири).

ШИБИ —арийское племя, обитавшее в Западном Пенджабе.

ШОНА —правый приток Ганга, совр. река Сон, берущая начало в горах Меоуара и впадающая в Ганг выше Патны.

ШУДРЫ —здесь: название страны и неарийского племени, ее населявшего; локализуется в междуречье Инда и Сатледжа.

ШУДРЫ-АБХИРЫ —шудры объединяются здесь с абхирами (см.), по-видимому, поскольку те и другие относятся эпосом к западным варварам-млеччхам.

ШУКТИМАН —предположительно горный массив Восточных Гат к югу от реки Кришны.

ШУРАСЕНЬИ —страна шурасенов, расположенная южнее совр. Дели на правобережье реки Джамны (район Матхуры).

ЯВАНЬИ —греки (ионийцы), поселения которых в Бактрии и Гандхаре существовали со времени похода Александра Македонского или даже раньше (уже при Ахеменидах).

ЯДАВЫ, ЯДУ —общее название арийских племен, обитавших на запад от Джамны и возводивших свое происхождение к мифическому предку Яду, как и вришни, сатваты, шурасены.

ЯМУНА —река Джамна.